МБ Фро-
ме К.
Ф-91

Монархия
или
республика?
/очерки/
г.Петербург

МБ
ф 91

Библіотека „Просвѣщенія“.

Монархія или республика?

Культурно-историческіе очерки.

Сочиненіе **К. Фроме.**

Перев. со 2-го дополнен. нѣмецкаго изданія

В. В. Задлера.

1243/2

С.-Петербургъ.
Т-во „Просвѣщеніе“,

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

566257

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе 1

Глава I.

Происхожденіе монархической власти 9

Глава II.

Наслѣдственная монархія 35

1. Историческій обзоръ 35
2. Критика наслѣдственнаго правленія . . 53
3. Еще нѣкоторыя критическія замѣчанія . 64
4. Подданство и вѣрноподданничество . . 72

Глава III.

Божественное происхожденіе власти 98

1. Возникновеніе идеи о божественномъ происхожденіи власти 98
2. Идея всемірной монархіи и ея противоположность 118
3. Церковь и монархія 147
4. Дальнѣйшія формы отношеній между церковью и монархіей 158

Глава IV.

Монархическія и антимонархическія теоріи въ XVI и XVII вѣкахъ 184

1. Макіавелли о верховной власти 184
2. Реформаторы и власть государей . 190
3. Іезуиты и власть государей 200
4. Монархомахи 206
5. Антимонархическая критика Мильтона . 215

1243/2

стр.

Глава V.
Ученіе о тираноубійствѣ 220

Глава VI.
Абсолютизмъ и конституціонализмъ 247
1. Происхожденіе и развитіе абсолютизма . 247
2. Колебаніе и паденіе авторитета абсолютизма 272
3. Новое обоснованіе абсолютизма 294
4. Конституціонная монархія и буржуазная республика во Франціи 314
5. Отъ абсолютизма къ конституціонализму въ Германіи 332
6. Къ исторіи Гогенцоллернской династіи . 395

Глава VII.
Соціальная монархія 409
1. Идея патріархальнаго деспотизма . . . 409
2. Соціальная монархія въ теоріи и на практикѣ 424
3. Попытки осуществленія соціальной имперіи 450
4. Соціально-монархическая критика и антикритика 465

Предисловіе.

Для достиженія вѣрной оцѣнки и правильнаго пониманія сущности демократіи, въ высшей степени важно заняться изученіемъ исторіи монархизма и интересовъ, съ нимъ связанныхъ. Чтобы быть демократомъ, въ истинномъ значеніи этого слова, чтобы проявить себя таковымъ въ политической и соціальной борьбѣ, и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, недостаточно обладать тѣмъ, что обыкновенно называется „демократическимъ чувствомъ". Это слишкомъ часто является чѣмъ-то расплывчатымъ, неопредѣленнымъ и колеблющимся. Его мѣсто должно занять просвѣтленное и укрѣпленное уроками исторической дѣйствительности демократическое сознаніе, въ особенности когда дѣло касается обоснованія превосходства демократизма надъ монархизмомъ. Оба эти фактора, какъ по своему практическому значенію, такъ и по своей принципіальной сущности, представляютъ собою яркое и непримиримое противорѣчіе, быть можетъ, самое яркое и самое непримиримое изъ тѣхъ многочисленныхъ противорѣчій, въ кругу которыхъ движется исторія и совершается прогрессъ человѣчества. Каждый, кто вѣритъ въ великую будущность демократіи, долженъ отдать въ этомъ точный и ясный отчетъ себѣ и другимъ. Безпристрастныя изслѣдованія съ несомнѣнною ясностью устанавливаютъ, что судьба

нѣмецкой націи въ доступномъ нашему предвидѣнію будущемъ опредѣлится исходомъ борьбы этихъ двухъ силъ—демократизма и монархизма. И для перваго въ высшей степени благопріятнымъ является то обстоятельство, что онъ можетъ противопоставить „монархическому духу“,—опирающемуся на предразсудки и невѣжество массъ, на шаткія религіозныя и политическія догмы, фразы, слова, — вѣское указаніе на дѣйствующія силы исторіи.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній у меня явилось намѣреніе прослѣдить происхожденіе, развитіе, смѣну различныхъ фазъ и разложеніе монархическаго принципа. Моя книга и представляетъ собою плодъ такого изученія. Это изученіе не явилось результатомъ внезапно принятаго рѣшенія написать книгу о монархизмѣ. Оно продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ и совершалось спокойно, послѣдовательно, я бы сказалъ, органически.

Насколько основательны мои изслѣдованія, насколько ихъ результатъ соотвѣтствуетъ поставленной цѣли, объ этомъ будетъ судить критика. Но я считаю позволительнымъ сдѣлать скромное указаніе на то, что я старался добросовѣстно использовать всю необычайно богатую литературу, относящуюся къ этому вопросу. Собственно говоря, большая часть того, что составляетъ содержаніе моей книги, давно уже сдѣлалось въ наукѣ общимъ достояніемъ. Но оно разсѣяно въ сотняхъ книгъ, и, въ большинствѣ случаевъ, соединено съ другимъ матеріаломъ. Моя работа должна была выразиться, главнымъ образомъ, въ собираніи и цѣлесообразной группировкѣ богатаго матеріала, а также въ его послѣдовательномъ и цѣлостномъ освѣщеніи. Я прошу заранѣе принять во вниманіе, что я не собирался писать исторію монархіи, я хотѣлъ только высказаться по поводу роли монархическаго

принципа въ исторіи, изобразить въ главныхъ чертахъ его сущность, развитіе и историческое значеніе. Поэтому монархизма древнѣйшихъ временъ я касаюсь лишь постольку, поскольку мнѣ кажется необходимымъ выяснить его естественное происхожденіе или воспользоваться имъ для сравненій, соотвѣтствующихъ цѣли моего изслѣдованія. Объ этомъ я говорю въ первой главѣ, а также въ началѣ шестой и седьмой главы. Въ краткихъ чертахъ я обрисовываю въ нихъ происхожденіе монархіи, восточный деспотизмъ и патріархальный монархизмъ. Я исходилъ изъ того взгляда, что существенное значеніе имѣетъ изображеніе развитія монархизма у трехъ главнѣйшихъ культурныхъ народовъ Европы—нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; изображеніе, по возможности, исчерпывающее или, по крайней мѣрѣ, по возможности касающееся всѣхъ главныхъ сторонъ въ исторіи этого развитія, потому что болѣе тысячи лѣтъ монархизмомъ этихъ именно народовъ опредѣлялись судьбы всѣхъ другихъ народовъ Европы; онъ являлся исходной точкой и центральной причиной тѣхъ ужасныхъ войнъ, въ которыя были вовлечены эти народы. Передъ тѣмъ, кому приходится изучать ходъ его развитія на основаніи историческихъ фактовъ, настойчиво встаетъ вопросъ, обнаружилъ-ли монархизмъ когда-либо и гдѣ-либо тѣ свойства, которыя ему приписывались и приписываются до сихъ поръ его представителями и апологетами; исполнилъ-ли онъ свое мнимое „божественное призваніе“—создать и сохранить благополучіе народовъ, утвердить царство справедливости, основать крѣпкій политическій и соціальный строй, который одинаково служилъ бы интересамъ всѣхъ; проявилъ ли онъ себя, въ качествѣ носителя культуры и гуманности? Только исторія можетъ дать отвѣтъ на эти вопросы, и она отвѣчаетъ на нихъ отрицательно. Всѣ эти произвольно построенныя утвер-

жденія падаютъ при свѣтѣ исторической истины, ни одно изъ нихъ не осуществилось въ жизни, не осуществилось даже тамъ, гдѣ монархическая власть проявляла въ этомъ отношеніи свою добрую волю, что бывало весьма рѣдко; по общему же правилу она дѣлала народъ орудіемъ своихъ династическихъ вожделѣній при полнѣйшемъ игнорированіи его насущныхъ интересовъ и условій культурнаго прогресса—свободы, права и благополучія массъ. Только непрерывной борьбой народы заставили монархію считаться съ ихъ интересами и проложили путь для культурнаго прогресса. Только подъ мощнымъ давленіемъ общественныхъ отношеній монархизмъ въ извѣстной мѣрѣ увеличивалъ народныя права и до нѣкоторой степени считался съ развитіемъ культуры; монархизмъ, точно такъ же какъ и духовенство, всегда приспособлялся только къ тѣмъ прогрессивнымъ теченіямъ, которыя проявлялись со стихійной непреодолимой силой и прежде всего къ тѣмъ, которыя соотвѣтствовали интересамъ господствующихъ сословій и классовъ. И мы видимъ, какъ династіи связываютъ свои интересы съ интересами господствующихъ классовъ изъ чисто утилитарныхъ соображеній.

Если невѣрно, что монархизмъ осуществилъ или можетъ осуществить возложенныя на него надежды, что съ его существованіемъ связано развитіе культуры, то въ такомъ случаѣ падаетъ и другое утвержденіе—будто монархизмъ является чѣмъ-то неизбѣжнымъ, будто на этой безусловной необходимости основаны его права. Подобное рѣшеніе вопроса не есть пріобрѣтеніе современной демократіи; оно насчитываетъ за собою сотни лѣтъ. Точно также вопросъ о томъ, до какой степени должна быть ограничена монархическая власть, и въ какихъ случаяхъ она должна быть совершенно уничтожена, обсуждался уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Случаи посягательства на монархи-

ческую власть бывали всегда. Сами монархи нерѣдко прибѣгали къ насильственному свержению династій въ цѣляхъ расширенія своей власти. Монархизмъ самъ разрушилъ слѣпую вѣру въ его неприкосновенность.

Хотя монархическій вопросъ искони считался вопросомъ права, но на дѣлѣ онъ всегда и всюду былъ вопросомъ силы. „Династическое право“ есть выраженіе династическихъ интересовъ. Эта характерная черта присуща также и всякому другому пріобрѣтенному праву. Исторія указываетъ намъ на другое право и другую силу, которыя стоятъ выше монархизма.

Монархизмъ не въ состояніи надолго затормозить развитіе человѣческаго духа и общественныхъ отношеній—такова его судьба. Сколько перемѣнъ, потрясеній и уничтожающихъ народныхъ постановленій перенесъ онъ въ теченіе вѣковъ. И давно уже онъ пришелъ къ заключенію, что его дальнѣйшее существованіе возможно только при условіи договора съ господствующими классами собственниковъ; эти классы являются опорою престола не въ силу своего преклоненія передъ правами монарха, а въ силу желанія использовать монархическую власть для удовлетворенія своихъ собственныхъ интересовъ. Господствующіе классы и сословія—дворянство, духовенство или буржуазія—только тогда вполнѣ признаютъ династическое „право“, когда оно служитъ орудіемъ ихъ интересовъ.

Все это я хочу обосновать ссылками на массу неопровержимыхъ историческихъ фактовъ.

Соотвѣтствуетъ ли такая работа назрѣвшей потребности? Я думаю, что да, потому что вопросъ о монархизмѣ является насущнымъ вопросомъ всюду, гдѣ существуетъ монархія, и его важность увеличивается по мѣрѣ того, какъ его противоположность, демократизмъ, выступаетъ все въ болѣе и болѣе острой

формѣ, и борьба между этими двумя факторами все болѣе опредѣляетъ характеръ всей политической жизни. Такъ обстоитъ дѣло въ Германіи. Поэтому такая книга, какъ моя, по моему мнѣніи, не можетъ явиться лишней.

Глава I.

Происхожденіе монархической власти.

Бѣглый обзоръ доисторической эпохи.—Королевская власть у индоевропейцевъ.—Эпоха переселеній.—Царская власть у римлянъ.—Римская имперія.—Историческое происхожденіе старогерманскаго королевства.—Народовластіе.—Начало организаціи королевской власти.

Намъ предстоитъ мысленно пройти длинный и извилистый путь, начало котораго совпадаетъ съ началомъ исторіи. Для изслѣдованія происхожденія королевской власти, нужно обратиться къ тому періоду развитія человѣчества, который называется въ исторіи миѳологическимъ. Въ процессѣ этого изслѣдованія мы постараемся избѣжать произвольныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ настроеній и положеній. Тамъ, гдѣ историческіе факты недостаточно ясны и рельефны, а это бываетъ очень часто, мы должны заняться строго логическимъ освѣщеніемъ и комбинированіемъ ихъ, такимъ комбинированіемъ, которое, основываясь на урокахъ историческаго опыта, исключаетъ возможность ошибокъ.

Одна изъ великихъ истинъ, быть можетъ, самая важная изъ всѣхъ, добытыхъ исторіей, состоитъ въ томъ, что главнымъ стимуломъ человѣческой дѣятельности является эгоизмъ. Эта истина, признанная и обоснованная самыми блестящими представителями науки—напр., англійскимъ философомъ и экономистомъ Адамомъ Смитомъ и историкомъ Томасомъ Боклемъ [1], оспаривается многими против-

[1] Smith. Богатство народовъ, т. II., гл. III.—Buckle. Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. II, гл. 6.

никами матеріалистическаго пониманія исторіи, въ особенности теологами. Тѣмъ не менѣе она не теряетъ своего значенія для освѣщенія прошлаго, настоящаго и будущаго исторіи.

Эгоизмъ—великая движущая сила, вліяніе которой мы наблюдаемъ во всѣхъ людяхъ, классахъ, интересахъ, эпохахъ и странахъ и, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ—1) какъ стремленіе къ самосохраненію, 2) какъ стремленіе пріобрѣсти вліяніе или какъ жажда власти и 3) какъ жажда счастья.

Этими двигателями опредѣляется ходъ историческаго развитія, съ самаго начала его, теряющагося во тьмѣ временъ. Самая ранняя пора жизни человѣчества, безъ всякаго сомнѣнія, была порой безусловнаго господства инстинкта самосохраненія. Съ этой поры начинается развитіе культуры. Ея колыбелью является Востокъ; оттуда она переходитъ въ западныя страны. Тамъ мы наблюдаемъ зарожденіе государственности и общественности, прочныхъ порядковъ, земледѣлія и ремесла, искусства и науки уже въ то время, когда Европа спала еще глубокимъ сномъ. Тамъ же мы наблюдаемъ возникновеніе монархической власти.

Въ литературѣ мы часто встрѣчаемъ взглядъ, получившій всеобщее распространеніе, будто вмѣстѣ съ возникновеніемъ права сильнаго, появилась и монархическая власть. Но это далеко не исчерпывающее объясненіе; его можно даже назвать невѣрнымъ — по крайней мѣрѣ постольку, поскольку рѣчь идетъ о происхожденіи монархической власти. Болѣе основательныя изслѣдованія установили, что „право“ сильнаго, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, вовсе не является источникомъ монархической власти.

Дѣлались многочисленныя попытки доказать, что монархія возникла на основаніи права сильнаго, и результаты получились самые разнорѣчивые.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы остановились на всѣхъ ихъ—въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Установимъ только слѣдующій фактъ: общество, государство, всѣ политическія и соціальныя учрежденія, религія и нравственныя нормы, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а также и королевская власть вовсе не являются слѣдствіемъ „нравственной интуиціи“, а обязаны своимъ происхожденіемъ чисто практическимъ мотивамъ и вліянію внѣшнихъ условій. Съ монархической властью случилось то же самое, что со всѣми другими институтами, которые были призваны къ жизни причинами практическаго характера: когда привычка „освящала“ ихъ существованіе, когда они крѣпко внѣдрялись въ общественный строй и становились частью или даже главнымъ нервомъ этого строя, практическіе мотивы, вызвавшіе ихъ появленіе, забывались, и на сцену являлась „нравственная идея“, будто бы породившая ихъ.

Ходъ развитія монархической власти можно прослѣдить вплоть до того періода, къ которому, дѣйствительно, относится ея зарожденіе—до первобытныхъ временъ, тѣхъ временъ, которыя предшествовали возникновенію государства.

Если образованіе того или иного общественнаго строя является результатомъ борьбы за существованіе и борьбы интересовъ, то вполнѣ естественно, что въ первобытной общинѣ особымъ авторитетомъ пользовались сила, энергія, умственное превосходство, съ которыми обыкновенно связывалось и большее матеріальное благосостояніе. Окруженный всевозможными опасностями, которыми грозили ему природа и люди, первобытный человѣкъ нуждался въ помощи, совѣтѣ и руководствѣ необычайной, превосходящей его физически и умственно силы. Проявившіе такую выдающуюся силу тѣла и ума становились героями, высшими существами. Древнѣйшія народности, или, вѣрнѣе говоря, племена,

надѣляли ореоломъ безсмертія и даже божественной силы героя, который выдвигался среди своихъ соплеменниковъ отважными и полезными подвигами, умѣніемъ отвратить всякаго рода бѣдствія, побѣдой надъ врагами—людьми и животными, и надъ разрушительными силами природы, мудрымъ совѣтомъ, и который вообще могъ служить для другихъ примѣромъ. Раньше всего они вручали ему заботу объ охраненіи ихъ собственности, а послѣдняя у пастушескихъ племенъ заключается, главнымъ образомъ, въ стадахъ. Этимъ объясняется, почему вожди арійцевъ на ихъ первой родинѣ, въ Пенджабѣ, имѣли титулъ „Гопа“ который, въ точномъ переводѣ съ санскритскаго языка, означаетъ „охранитель коровъ“. Они передали ему также руководство переселеніями и войной и право суда и умиротворенія во внутреннихъ распряхъ [1].

Съ этимъ соединялось также жреческое достоинство—по легко понятнымъ причинамъ: ничто не могло быть проще, какъ вручить его тому, кто считался самымъ одареннымъ и отмѣченнымъ божественной властью. Здѣсь мы наблюдаемъ возникновеніе теократической монархіи, которая достигаетъ своего высшаго развитія въ Вавилонѣ и

---

[1] Когда предки европейскихъ народовъ двинулись на западъ, тогда еще не существовало закона, который указываетъ, при какихъ условіяхъ слѣдуетъ предпочесть власть одного лица власти нѣсколькихъ или власти всѣхъ. Природа, вліяніе которой остается вѣчнымъ, дала имъ одно указаніе: каждое дѣло должно приводиться въ исполненіе тѣмъ или тѣми, которые являются наиболѣе способными къ нему. Они руководствовались совѣтомъ многихъ лицъ, потому что одному человѣку трудно обсудить вопросъ всесторонне; исполнительная власть поручалась одному, потому что въ единствѣ сила. Участіе въ окончательномъ рѣшеніи принималъ всякій, кого касалось данное дѣло. Joh. von Müller. Vierundzwanzig Bücher, Allgemeine Geschichte, Stuttgart und Tübingen, 1840. Einleitung III.

Здѣсь можно также отмѣтить указаніе, которое дѣлаетъ Ранке относительно мидянъ (на основаніи Геродота). Ихъ особенность заключается въ томъ, что царская власть у нихъ ведетъ свое происхожденіе не отъ военачальниковъ, какъ это наблюдается у большинства народовъ, а отъ людей, отправлявшихъ другую важнѣйшую задачу верховной власти — насажденіе справедливости. Самый справедливый избирается въ вожди и, желая выказать ему особое уваженіе, соплеменники строятъ для него замокъ, въ которомъ онъ и живетъ. (Weltgeschichte, I).

Египтѣ, между тѣмъ какъ въ Индіи она была парализована строгой замкнутостью касты жрецовъ—браманов, которые пріобрѣли рѣшающее вліяніе на царскую власть. Вавилоняне, ассиріяне и др. послѣдовательно осуществили идею неограниченной власти монарха, который является представителемъ небесной силы и повелѣваетъ во имя Божества. Они сдѣлали короля верховнымъ жрецомъ, соединили свѣтскую власть трона съ мистеріями алтаря [1].

При такихъ условіяхъ возникло раздѣленіе общества на господствующихъ и подчиненныхъ, уничтоженіе равенства, образованіе сословныхъ и классовыхъ различій. Первоначально царская и жреческая власть основывалась на выдающихся качествахъ ея носителя и отправлялась лишь по порученію народа.

На это указываетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ ученыхъ нашего времени, Рудольфъ Іеринг, использовавшій лучшіе историческіе памятники, касающіеся исторіи права.

Онъ устанавливаетъ, что какъ въ эпоху Ведъ, такъ и во времена самыхъ отдаленныхъ предковъ арійцевъ, каждое племя находилось подъ властью выборнаго предводителя, которому принадлежало верховное руководство войной (о выборахъ очень часто упоминается въ памятникахъ этого времени). Но народъ былъ вынужденъ переселяться. „Переселенія—жребій народовъ и людей, которымъ родина отказываетъ въ необходимомъ. Только нужда вручаетъ страннический посохъ тѣмъ и другимъ".

---

[1] Отмѣтимъ представляющія извѣстный интересъ данныя профессора Делича (Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft, Decemberheft, 1903), касающіяся ассирійскаго государства въ періодъ отъ 2.200 до 1.500 до Р. Х.: „Намъ извѣстно имя монарха-жреца бога Азура. Это Самси-Ададъ, отецъ котораго не обладалъ этимъ титуломъ, и который называется основателемъ храма Азура. Намъ извѣстенъ и другой жрецъ Азура, заново перестроившій этотъ храмъ—Сунс-пи-айви. Кромѣ того, мы можемъ назвать еще трехъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ властителей—Илу-Зума, его сына—Иризума и сына послѣдняго—Икунума. Есть основаніе предположить, что за ними слѣдовали Изме-Даганъ и его сынъ. Самси-Ададъ. Послѣдній царствовалъ на 700 лѣтъ раньше Тіалатилезера I, значитъ, въ 1820 г. до Р. Х.

Этимъ, вызваннымъ нуждой переселеніямъ арійцевъ суждено было призвать къ исторической жизни Европу; нѣтъ сомнѣнія, что всѣ культурные народы Европы отдѣлились отъ арійцевъ и отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе—этотъ фактъ установленъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ нашего времени.

Существованіе начальниковъ надъ каждымъ племенемъ во время переселеній не удовлетворяло общимъ нуждамъ и потребности въ обезпеченіи безопасности; ощущалась необходимость въ единствѣ руководства и единомъ верховномъ вождѣ.

Вѣроятно, послѣдній выбирался въ самомъ началѣ предпринятаго переселенія, чтобы силой своей неограниченной власти осуществить всѣ необходимыя подготовительныя мѣры. Этому не противорѣчитъ то, что при немъ состоялъ совѣтъ изъ выборныхъ представителей народа. Безъ единаго руководителя предпріятіе съ самаго начала было бы осуждено на гибель. Весь народъ долженъ былъ находиться подъ высшимъ надзоромъ одного человѣка, а для этой функціи годился только самый дѣльный, самый испытанный, овладѣвшій всеобщимъ довѣріемъ; то или иное происхожденіе его не могло имѣть никакого значенія; благо всего племени зависѣло отъ того, чтобы начальникомъ сдѣлался л у ч ш і й.

Избраніе совершалось народомъ. Но одного акта избранія было недостаточно, чтобы избранный вступилъ въ обладаніе предоставленной ему властью; для этого необходимо было, чтобы народъ, принесъ обѣтъ вѣрности и повиновенія.

Такъ началось развитіе „монархической власти“ у восточныхъ народовъ. Вырожденіе этой власти въ деспотизмъ и причины этого вырожденія мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ (гл. VI), въ связи съ общимъ разсмотрѣніемъ абсолютной монархической власти. Здѣсь приходится только отмѣтить, что происхожденіе монархической власти приняло

на европейской почвѣ тотъ же характеръ и тѣ же формы, какъ у древнихъ арійцевъ.

Это положеніе находитъ прекрасное освѣщеніе въ изслѣдованіяхъ Моргана и въ работѣ Энгельса [1].

Послѣдній пользовался данными Моргана и исходилъ изъ обоснованнаго К. Марксомъ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Для нашей цѣли необходимо разсмотрѣть устройство родовой общины. У грековъ родовые цари, базилевсы, вовсе не были монархами въ современномъ смыслѣ этого слова, какъ увѣряютъ проникнутые монархическимъ духомъ историки. Они были военачальниками, верховными руководителями, они являлись носителями власти, предоставленной имъ народнымъ избраніемъ. Карлъ Марксъ придаетъ слову basileia, употребляемому греческими писателями по отношенію къ царской власти гомеровскихъ временъ, значеніе военной демократіи. Ссылаясь на него Энгельсъ замѣчаетъ: „Базилевсъ, кромѣ военныхъ полномочій, имѣлъ также права жреца и судьи. Послѣднія не были точно опредѣлены, первыя предоставлялись ему, какъ высшему представителю рода или родового союза. Чисто административныхъ полномочій онъ никогда не имѣлъ. Но, вѣроятно, онъ былъ членомъ магистрата. Переводъ слова basileus словомъ король (König, Kuning), происходитъ отъ слова Kuni, Kühne (отважный) и означаетъ—предводитель общины. Но въ теперешнемъ значеніи этого слова „король“ нисколько не соотвѣтствуетъ древне-греческому понятію „базилевсъ“.

По свидѣтельству Аристотеля, базилеія героическихъ временъ представляла руководительство свободными людьми.

---

[1] Lewis H. Morgan: Die Urgesellschaft. Untersuchungen über den Fortschritt der Menschheit aus der Wildheit durch die Barbarei zur Zivilisation. Stuttgart 1891.

Fr. Engels. Der Ursprungt der Familie des Privateigentums und des Staates. Stuttgart 1891.

Базилевсъ былъ начальникомъ, судьей и жрецомъ, но онъ не являлся правителемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось впослѣдствіи. Греческая община вела не къ монархизму въ современномъ значеніи слова, наоборотъ, непосредственно изъ нея произошла демократическая республика. Гибель демократическаго строя была вызвана рабскимъ хозяйствомъ, низведшимъ народныя массы на уровень неимущихъ классовъ и утвердившимъ преобладаніе и силу собственниковъ. Государственные интересы были принесены въ жертву интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ и купцовъ, сильныхъ своимъ богатствомъ. Вотъ единственно вѣрное объясненіе того процесса, въ результатѣ котораго греческія республики превратились въ монархіи.

Историкъ Шлоссеръ выражаетъ мнѣніе, что измѣнившійся духъ народныхъ массъ и недостатокъ любви къ родинѣ и безкорыстія, вызвали потребность во властномъ надзорѣ единаго повелителя, что и послужило причиной вышеупомянутаго процесса. Но эта потребность и объясняется только разложеніемъ экономической и соціальной жизни. Уже Периклъ, который изъ чисто демагогическихъ разсчетовъ дѣлаетъ видъ, что признаетъ идею народовластія, могъ проявить себя какъ неограниченный повелитель въ полномъ смыслѣ этого слова. Эллинская свобода и независимость греческихъ государствъ погибли, когда, послѣ битвы при Херонеѣ, греки принуждены были признать верховнымъ военачальникомъ, а фактически самодержавнымъ монархомъ, македонскаго побѣдителя Филиппа.

Римская родовая община носила тотъ же характеръ, что и въ Греціи. Царь (Rex) первоначально и здѣсь утверждался народнымъ избраніемъ и получалъ ограниченныя полномочія, а вовсе не былъ абсолютнымъ монархомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки.

Въ Римѣ къ акту избранія присоединялась присяга на вѣрность. Эта присяга по своей формѣ была народнымъ постановленіемъ (lex curiata de imperia), которое утверждало избраніе и вносилось на обсужденіе въ народныя собранія самимъ царемъ въ теченіе 5 дней послѣ выборовъ. До той поры онъ обладалъ лишь титуломъ, но не властью. Нельзя придавать значенія легендѣ о семи римскихъ царяхъ. На самомъ дѣлѣ, ихъ, безъ сомнѣнія, было больше Вотъ, что говоритъ о нихъ Бурхарди:[1] „Цари ни въ коемъ случаѣ не должны были быть неограниченными повелителями, а между тѣмъ они не подлежали никакой отвѣтственности и вообще часто дѣйствовали по своему усмотрѣнію, пока обычай и впослѣдствіи король Сервій Туллій не установили болѣе точныхъ границъ власти царя; цари, кромѣ свѣтской власти, обладали также титуломъ верховнаго жреца. Содержаніе царской власти состояло въ предводительствѣ войсками, созывѣ сената и народныхъ собраній и руководствѣ ими, опросѣ аускпицій, жертвоприношеніяхъ отъ имени всего народа; въ составленіи ценза, въ назначеніи сенаторовъ и всадниковъ, правѣ налагать наказанія.

Народъ сохранилъ за собой право избранія, законодательства и рѣшающій голосъ въ вопросахъ войны и мира; рядомъ же съ царемъ стоялъ сенатъ въ качествѣ совѣщательнаго органа.

Такъ какъ народъ вручалъ власть царю, то онъ же могъ отнять ее, убѣдившись, что оставлять долѣе власть въ его рукахъ опасно. Эта возможность низложенія царя указывала на ограниченность его власти и являлась гарантіей противъ злоупотребленія этой властью.

Хотя это и не предупредило злоупотребленій, но они никогда не оставались безнаказанными.

---

[1] Dr. Georg Chr. Burchardi, Lehrbuch der römischen Rechts. I. Teil. Die staats-und Rechtsgeschichte der Römer. Stuttgart 1841.

Царская власть просуществовала въ Римѣ около двухъ съ половиной столѣтій, послѣ чего деспотизмъ Тарквинія Гордаго повлекъ за собой не только изгнаніе этого царя, но и полное уничтоженіе царской власти вообще. Народъ, съ трибуномъ Юніемъ Брутомъ во главѣ рѣшилъ изгнать царя и учредить республику. Прежнія царскія полномочія за исключеніемъ жреческаго достоинства, которое вручалось верховному жрецу (rex sacrorum), перешли къ консуламъ, избраннымъ на опредѣленное время. Верховный жрецъ совершенно устранялся отъ политической и соціальной жизни изъ опасенія, чтобы онъ не пріобрѣлъ слишкомъ большого вліянія на народныя массы.

Царская власть подверглась полнѣйшему осужденію, и проклятіе боговъ грозило тому, кто пытался бы захватить ее, вопреки положенію, что всякая общественная власть исходитъ отъ народа. Республика погибла подъ тяжестью бѣдствій, явившихся результатомъ завоевательной политики. Эта политика вызвала развитіе милитаризма, который, будучи несовмѣстимъ съ народнымъ суверенитетомъ, привелъ къ абсолютизму, который прежде всего свилъ себѣ гнѣздо въ сенатѣ. Здѣсь совершился переходъ отъ республики къ новой монархіи. Почва для возникновенія имперіи была подготовлена первымъ тріумвиратомъ; всѣ три участника этого созданнаго цезаремъ союза тайно стремились къ единовластію. Цезарь остался побѣдителемъ въ борьбѣ съ обоими соперниками. Но уже близкій къ осуществленію своихъ широкихъ плановъ, онъ палъ отъ руки заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ во имя спасенія республики. То, чего онъ не успѣлъ достигнуть, было приведено въ исполненіе его пріемнымъ сыномъ Октавіаномъ, который образовалъ второй тріумвиратъ. Освободившись отъ обоихъ товарищей, онъ, правда, разрушилъ этимъ тріумвиратъ, но тѣмъ не менѣе сумѣлъ сохранить

власть въ своихъ рукахъ, заявивъ съ притворной скромностью, что ему достаточно консульства и трибунскихъ полномочій для охраненія государства и возстановленія порядка. Тѣ права, которыя вручилъ ему податливый сенатъ, фактически сдѣлали его монархомъ. При этомъ онъ щадилъ изъ тонкаго разсчета старыя республиканскія формы, поскольку ихъ можно было совмѣстить съ его властью—политика, которой еще долго придерживались его преемники. Такимъ образомъ, республика существовала еще только по имени. Совершенно неправиленъ взглядъ, согласно которому она была уничтожена и формально.

Императоръ первоначально считался лишь новымъ магистратомъ. Октавіанъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы требовать ненавистнаго всѣмъ царскаго титула. За эту „скромность" онъ былъ съ избыткомъ вознагражденъ тѣмъ, что сенатъ официально поднесъ ему титулъ „Августа" [1]. Кромѣ того онъ соединилъ въ своихъ рукахъ самыя важныя административныя функціи и, такимъ образомъ, обладалъ фактически неограниченной монархической властью. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что власть Октавіана и послѣдующихъ языческихъ императоровъ основывалась либо на волѣ народа, либо на узурпаціи.

Императорская власть, въ качествѣ магистратуры вообще, предоставлялась тому или иному лицу путемъ выборовъ. Когда, при Тиберіи, сенатъ удержалъ за собой исключительное право назначенія магистратовъ, то и императоръ также

[1] Были и другіе титулы. Императоръ—титулъ, который, сначала, войска преподносили побѣдоносному полководцу. Затѣмъ—Цезарь. Первые императоры присвоили себѣ этотъ титулъ потому, что они хотя бы путемъ усыновленія, дѣлались потомками Цезаря, а позднѣйшіе принимали его, чтобы связать съ нимъ понятіе о сынѣ предыдущаго императора. Внѣшними знаками императорскаго достоинства были золотая цѣпь и пурпурная тога верховнаго жреца. Послѣ Діоклетіана носили также діадему. Императорскій дворецъ былъ украшенъ короной — исключительнымъ признакомъ императорскаго достоинства.

Государственная Историческая Библиотека
566257

сталъ избираться имъ. Но выборы рѣдко были свободны отъ посторонняго давленія. Обыкновенно, правящій императоръ самъ избиралъ своего преемника (это право было признано за нимъ еще при Октавіанѣ), котораго онъ усыновлялъ. Часто выборы совершались подъ давленіемъ войска [1] (господство преторіанцевъ). Но со времени Проба обычай избранія императора сенатомъ былъ упраздненъ даже и формально. Избираемыми могли быть лишь патриціи. Если однако избранный не былъ патриціемъ, то его возводили въ это званіе. Послѣ избранія императоръ, подобно другимъ магистратамъ, утверждался въ правахъ особымъ народнымъ постановленіемъ, и этотъ lex de imperia, смыслъ котораго заключался въ утвержденіи правъ избраннаго, ошибочно разсматривался, какъ законъ, уничтожающій республику [2].

Имя новаго императора торжественно возвѣщалось народу на Марсовомъ полѣ. Подданные приносили присягу на вѣрность, которую они повторяли ежегодно, и въ которой выражали дань признательности не только правящему императору, а также и его предшественникамъ, перечисляя всѣхъ ихъ. Послѣ смерти императора сенатъ обыкновенно приказывалъ воздавать ему божескія почести. Но бывали и обратные случаи, когда память императора предавалась проклятію или, по крайней мѣрѣ, забвенію, и тогда его имя пропускалось въ присягѣ.

Проникнутые рабскимъ духомъ юристы построили такую теорію: воля императора имѣетъ силу и значеніе закона, потому что римскій народъ, своимъ lex de imperia переноситъ на послѣдняго всю полноту своей власти и могущества. Эта теорія понижаетъ право и противорѣчитъ здравому

---

[1] Впервые—при Клавдіи. Гальба былъ первымъ императоромъ, избраннымъ войскомъ въ провинціи.

[2] Burchardi, Lehrbuch des römischen Rechts.

смыслу, но характерно, что она исходитъ изъ полнаго признанія принципа народнаго суверенитета.

Источникомъ абсолютной власти цезаря является воля народа; императоръ всю полноту своей власти получаетъ отъ народа. Что касается безсмысленнаго утвержденія о божественномъ происхожденіи монархической власти, то, послѣ языческаго деспотизма Востока, только офиціальное христіанство принесло его съ собой во всемірную исторію, только оно создало понятіе о божественномъ избранникѣ и его правахъ, дарованныхъ свыше.

* * *

У германцевъ мы находимъ то же, по существу, явленіе, то же раздѣленіе между правами народа и властью государя, которое мы наблюдаемъ въ римской исторіи. Вполнѣ установлено, что власть германскихъ королей, какъ ее изображалъ Тацитъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ власти римскихъ царей.

На основаніи этого сходства Іерингъ заключаетъ объ общности ихъ происхожденія, которое относится къ эпохѣ переселенія народовъ.

Исторія зарожденія королевской власти у германцевъ кажется неясной во многихъ пунктахъ, но научное изслѣдованіе достаточно освѣтило тотъ фактъ, что монархическая форма правленія вовсе не является самой старой и распространенной у германцевъ, вопреки нѣкоторымъ утвержденіямъ [1]. Гораздо вѣроятнѣе, что ей предшествовала форма свободнаго народнаго правленія.

Среди тѣхъ, кто особенно выдвинулся изслѣдованіями въ этой области, слѣдуетъ раньше всего отмѣтить Отто Гирке [2]. Мы будемъ пользоваться, главнымъ образомъ выводами и матеріалами этого

[1] R. A. Wittmann. Das altgermanische Königtum. München 1854.
[2] Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Erster Band. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Berlin 1868.

писателя, добытыми изъ самыхъ лучшихъ источниковъ. И мы оставимъ въ сторонѣ множество разнообразныхъ взглядовъ, которые кажутся намъ маловажными для цѣли нашего изслѣдованія.

Возникновеніе общины изъ родовыхъ союзовъ теряется во тьмѣ доисторическихъ временъ. Цезарь и Тацитъ устанавливаютъ, что въ ихъ время было еще очень немного большихъ, правильно организованныхъ общинъ тамъ, гдѣ королевская власть не сплачивала большія народныя массы подъ своимъ руководствомъ. Эти массы сначала не представляли собой государства—понятіе о которомъ еще было совершенно чуждо германцамъ того времени. Это были сообщества свободныхъ людей, которыя не знали надъ собой никакой власти. Каждая изъ такихъ народностей уже занимала какую-нибудь опредѣленную мѣстность. Она самостоятельно рѣшала вопросы о войнѣ и мирѣ.

Рѣшеніе вести войну не только принималось всѣми сообща, но также всѣми приводилось въ исполненіе, такъ что войско и народъ представляли собой тождественныя понятія.

Внутри всѣ охраняли народный миръ, чиня судъ и расправу и, такимъ образомъ, составляли союзъ для огражденія права и справедливости. Народъ самъ создавалъ свое право, народное право. Но не только охраненіе мира и правосудія являлось общимъ дѣломъ, а также и другіе насущнѣйшіе интересы. На общихъ собраніяхъ обсуждались всѣ нужды, происходили выборы, принимались новые члены общества. Это было также сообщество на нравственной и религіозной почвѣ, съ національнымъ культомъ и національнымъ жречествомъ.

На его собраніяхъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ боговъ, приносились жертвы и происходили праздничныя пиршества. Весь народъ былъ объединенъ священнымъ миромъ; самъ представитель божества возвѣщалъ и охра-

нялъ его, наказывая за его нарушеніе отъ имени боговъ.

Внутренній миръ, провозглашаемый и закрѣпляемый народнымъ собраніемъ, охраняетъ свободныхъ членовъ общины и на пути къ мѣсту собранія, и при возвращеніи домой; онъ распространяется также и на войско, которое въ сущности представляетъ собою тотъ же народъ, только вооруженный.

Наконецъ, по справедливому замѣчанію Гирке, община, безспорно, имѣла извѣстное экономическое значеніе. Она обладала движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и имѣла рѣшающій голосъ въ вопросахъ о заселеніи и распредѣленіи земель, а впослѣдствіи, вся земля сдѣлалась ея собственностью.

Такимъ образомъ вся совокупность свободныхъ членовъ общины, несомнѣнно, являлась носительницей народнаго мира, народной защиты, народной силы.

Но они не всегда были вмѣстѣ и нуждались въ представителѣ общины, какъ одного цѣлаго, въ главномъ товарищѣ, который созывалъ бы ихъ въ экстренныхъ случаяхъ. Даже тогда, когда они были вмѣстѣ, они нуждались также въ руководителѣ, который велъ бы ихъ собранія, предводительствовалъ войскомъ, подготовлялъ народныя рѣшенія и приводилъ ихъ въ исполненіе, являлся судьей. Должность судьи и полководца, выполнявшаго всѣ эти функціи, предоставлялась самому способному, самому благородному, лучшему члену общины. Такіе люди, какъ первые между соплеменниками, какъ князья, стояли во главѣ отдѣльныхъ частей народа, но не надъ народомъ и не внѣ его. Нѣкоторые историки, напр., Эйхгорнъ и Савиньи, отождествляютъ ихъ съ дворянствомъ, другіе ставятъ ихъ власть на ряду съ королевской. Но Гирке, ссылаясь на Тацита, выражаетъ безусловную увѣренность въ

томъ, что эти princeps civitatis, подобно послѣдующимъ фризскимъ представителямъ, являются, говоря современнымъ языкомъ, республиканскими, а не монархическими властями. Но если во главѣ этихъ князей становился одинъ, какъ это случалось всегда на войнѣ, благодаря избранію герцога, а иногда и въ мирное время, благодаря возвышенію одного изъ нихъ, то отъ такого расширенія власти еще не измѣнялась ея сущность и значеніе.

Princeps civitatis не былъ еще королемъ. Онъ только получалъ извѣстныя полномочія, которыя предоставлялись ему народомъ и потому могли быть отняты обратно, но до тѣхъ поръ являлись его неприкосновеннымъ правомъ. Князь, полководецъ, не былъ органомъ народа въ современномъ смыслѣ этого слова, органомъ, черезъ который народъ проявляетъ себя, какъ цѣлое. Онъ былъ отдѣльнымъ лицомъ, обладавшимъ силой и полномочіями, предоставленными ему, какъ индивиду. „Это были не публично-правовыя полномочія, а частно-правовой мандатъ“. (Гирке).

Іерингъ замѣчаетъ, что превращеніе этой власти въ пожизненную явилось цѣлью тѣхъ честолюбцевъ среди германцевъ и кельтовъ, которые стремились къ обладанію королевскимъ достоинствомъ. Онъ прибавляетъ къ этому: „Мысль о неограниченномъ господствѣ короля съ трудомъ находила доступъ въ сознаніе этихъ въ высшей степени свободолюбивыхъ народностей. Смѣлой попытки присвоить себѣ даже ограниченную власть, не освященную народнымъ избраніемъ, и сдѣлать ее пожизненной— было совершенно достаточно, чтобы вызвать ярость народа и мщеніе смертью.“

Тацитъ въ своей „Germania“ даже не упоминаетъ о полной, неограниченной королевской власти. Сообщая, что „фризами управляютъ 2 короля“, онъ прибавляетъ—„поскольку вообще германцы управляются“. Онъ заявляетъ, какъ и Цезарь, что princeps civitatis

вовсе не занимаютъ у германцевъ исключительнаго положенія. Это были люди, выдѣлившіеся богатствомъ, происхожденіемъ и вліяніемъ, и именно эти обстоятельства проложили имъ путь къ власти.

Дворянское сословіе развилось у германцевъ еще въ доисторическія времена [1]. Обыкновенно приводятся самыя разнообразныя причины для объясненія этого явленія, но онѣ взяты, большей частью совершенно произвольно. Возникновеніе этого сословія Мейнерсъ [2] объясняетъ предопредѣленіемъ народа. Неравенство прирожденныхъ и пріобрѣтенныхъ правъ, какъ основная причина сословныхъ различій, кажется ему естественной необходимостью, привилегіей выдающихся по духу, знаніямъ, силѣ и храбрости людей; онъ считаетъ это естественнымъ правомъ. Теодоръ Мундъ [3] замѣчаетъ:

„Въ самомъ началѣ полученіе дворянскаго достоинства зависѣло отъ выдающихся поступковъ, удачи и древности происхожденія. Понятіе древности, по чисто германскому взгляду, включаетъ въ себя понятіе объ аристократической власти... Но изъ этихъ верхнихъ слоевъ скоро выдѣляется королевская власть. Процессъ ея первоначальнаго развитія остался невыясненнымъ, но извѣстно, что король вышелъ изъ рядовъ родовой аристократіи. Далѣе королевская власть развивается на широкихъ все разрастающихся основаніяхъ, и король, будучи сначала лишь главой свободнаго народа, совершенно поглощаетъ эту свободу уже во франкскомъ госу-

---

[1] Konr. Maurer. Ueber das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme, München 1846. На стр. 4 мы находимъ: „Если подъ дворянствомъ понимать сословіе, которое отличается замкнутостью и извѣстными сословными привилегіями, передаваемыми по наслѣдству, то свѣдѣнія о немъ мы находимъ въ самыхъ старыхъ нѣмецкихъ источникахъ". Именно въ „Germania" Тацита, гл. 25, находится главный матеріалъ для изученія этой эпохи.

[2] Meinerrs: Geschichte der Ungleichheit der Stände unter den vornehmsten europäischen Völkern 1 Bd. Hannover 1792.

[3] Theodor Mundt. Die Geschichte der Gesellschaft in ihren neuen Entwicklungen und Problemen. Zweite Auflage, Leipzig 1856. S. 64.

дарствѣ и замѣняетъ ее всеобщимъ подчиненіемъ. Въ обществѣ развиваются двѣ рѣзко противоположныя по своему общественному положенію категоріи—король и холопъ. Одинаково выдѣлившіяся изъ среды всѣхъ сословій, онѣ служатъ выраженіемъ того процесса, который начался развитіемъ рабскаго сословія и закончился созданіемъ абсолютнаго короля".

Гирке справедливо указываетъ на коренящуюся въ самой глубинѣ старо-германскаго духа вѣру въ то, что вмѣстѣ съ кровью передаются свойства тѣла и души. Поэтому германцы особенно цѣнятъ потомковъ выдающихся людей, справедливыхъ судей, извѣстныхъ полководцевъ и, наоборотъ, объясняютъ природныя достоинства благороднымъ происхожденіемъ, которое они ведутъ, по словамъ легенды, отъ боговъ.

Народъ охотно выбиралъ судей и полководцевъ среди сыновей тѣхъ, которые правили имъ со славой.

Только въ томъ случаѣ, когда между ними не оказывалось достойнаго, что случалось рѣдко при тогдашней малотребовательности, выборъ производился среди другихъ соплеменниковъ. Новое избраніе давало возможность данной семьѣ еще болѣе выдвинуться, пріобрѣсти новую силу, новый блескъ. Съ развитіемъ неравенства имуществъ, богатство вело къ власти, а власть давала возможность увеличить богатство. Къ этому присоединилось наслѣдованіе фамильной собственности.

Такимъ образомъ въ свободной германской общинѣ выдѣлились роды, которые, какъ первые въ народѣ, давали ему судей и полководцевъ, а быть можетъ, и священниковъ, и пользовались особеннымъ уваженіемъ его; о блестящемъ происхожденіи ихъ создавались легенды, имъ принадлежали особыя преимущества и почетъ. Благороднымъ, то-есть, принадлежащимъ къ извѣст-

ному роду, былъ каждый свободный человѣкъ вообще, но благородными, по преимуществу, считались только отдѣльные роды, только старѣйшимъ изъ нихъ приписывалось особое благородство. Сначала они не пользовались никакими привилегіями Благородство происхожденія давало только право на особенное уваженіе и считалось признакомъ способности управлять. Ко времени Тацита еще не существовало особенной границы, которая отдѣляла бы благородныхъ отъ просто свободныхъ германцевъ. Но равенство уже было нарушено, а съ теченіемъ времени образовалась и сословная замкнутость. Извѣстное число родовъ объявляетъ себя „единственно благородными“. Благодаря обычаю, который пришелъ на помощь честолюбивымъ разсчетамъ, ихъ фактическія преимущества выросли въ особыя права, публичныя и частныя. Благородные превратились, такимъ образомъ, внутри общины въ сословіе, выработавшее свое собственное, сословное право. Но даже и тогда основной принципъ общины не былъ еще уничтоженъ. Благородные и просто свободные люди были еще равными членами одного и того же народнаго организма. Первые являлись, кромѣ того, членами сословія, которому народъ самъ воздавалъ почести и предоставлялъ извѣстныя преимущества.

Но когда надъ этой старинной аристократіей сталъ король, только за королевскимъ родомъ стали признавать особое благородство въ прежнемъ смыслѣ этого слова, вся же остальная родовая аристократія спустилась до положенія служилаго дворянства, привилегіи котораго основывались на милости короля. Послѣднее пришло въ прямое противорѣчіе съ принципомъ товарищества, лежавшимъ въ основѣ прежней общины.

Дальнѣйшее развитіе, которое мы здѣсь разсмотримъ, обусловлено обстоятельствами чисто внѣшняго характера.

Въ то время, какъ происходилъ процессъ возвышенія аристократіи надъ просто свободными людьми, съ другой стороны, нѣкоторые несвободные классы поднялись изъ прежняго состоянія полнаго безправія; приближаясь въ различныхъ степеняхъ къ свободѣ, они, наконецъ, вступили въ общую народную семью, хотя и не совсѣмъ полноправными членами ея. Послѣ отпуска на волю, они становились челядью, имѣвшей своего господина, находившейся въ его mundium, принадлежавшей къ его домочадцамъ и обязанной оказывать ему всякаго рода услуги и платить подати. Въ такое же состояніе приходили покоренные народы или части ихъ. Народъ-побѣдитель принималъ ихъ въ свою семью въ качествѣ челяди, если только не обращалъ ихъ въ рабство.

Такимъ образомъ въ прежней свободной общинѣ оказался значительно превосходящій ее численностью классъ полусвободныхъ. Очевидно, ея строй долженъ былъ совершенно измѣниться, благодаря этому обстоятельству. Она составляла уже не народъ, а только часть его. Свободные являлись въ ней особымъ сословіемъ, а въ основу общеправовыхъ и государственныхъ формъ долженъ былъ лечь новый принципъ, носителемъ котораго сдѣлался король.

Отдѣльныя народности выросли въ племена и народы. Послѣ великаго переселенія народовъ, строй общины совершенно измѣнился подъ давленіемъ новыхъ обстоятельствъ, которыя раньше всего требовали большаго національнаго единства. Зибель говоритъ о „полной невозможности централизовать родовыя государства“ [1]. Удовлетворяя этому требованію, отдѣльныя народности вступали въ союзъ, когда имъ угрожала общая опасность. Были и другія важныя общенаціональныя нужды, ко-

[1] Heinrich von Sybel. Entstehung des deutschen Königtums. Zweite umgearbeitete Auflage. Frankfurt a. M. 1881. S. 217.

торыя послужили причиной образованія союзовъ общинъ. Вѣроятно, эти союзы надолго связывали различныя народности и роды въ одно большое цѣлое, изъ котораго со временемъ, сообразно новымъ потребностямъ, развились большія государства.

Королевская власть была главнымъ факторомъ этого развитія. Очень важно отмѣтить, что разъ возникла королевская власть, то, какъ замѣчаетъ Гирке, она должна была съ непреодолимой силой распространиться на всѣ германскіе народы, хотя вначалѣ противъ нея существовала сильная вражда. Эта власть была еще незнакома германцамъ во времена Цезаря. Тацитъ упоминаетъ о ней, какъ объ исключеніи, но уже отмѣчаетъ паденіе народнаго авторитета, а затѣмъ она распространяется все шире и шире, и ее сознательно вводятъ тамъ, гдѣ она еще не существовала; такъ что къ эпохѣ переселенія народовъ она является общимъ достояніемъ важнѣйшихъ германскихъ народностей, и только фризы и саксы успѣшно противодѣйствуютъ ей, и то послѣдніе только на родинѣ, а въ Англіи они подчиняются власти короля. Еще при прежнемъ свободномъ строѣ, власть полководца, которую народъ предоставлялъ храбрѣйшему на время войны, являлась средствомъ объединенія большихъ народныхъ массъ, но она прекращалась вмѣстѣ съ войной. Другое дѣло — королевская власть, которая и въ мирное и въ военное время съ безпримѣрной силой и настойчивостью осуществляла идею единства. „Въ этой способности объединять народныя массы заключается основная причина возникновенія и развитія королевской власти“ [1].

Когда проявилась рѣзкая разница между королевской и княжеской властью, она должна была отразиться въ правовомъ сознаніи народа, если

[1] Gierke. Rechtsgeschichte ... S. 6.

только вѣрны тѣ свѣдѣнія, которыя изображаютъ ихъ, какъ яркія противоположности. Гирке находитъ, что эта разница далеко не исчерпывается тѣмъ, что обладаніе королевскимъ достоинствомъ было обусловлено принадлежностью къ извѣстному роду: хотя королевская власть была въ большей степени наслѣдственной, чѣмъ княжеская, то вѣдь и послѣдняя, въ силу обычая, находилась до нѣкоторой степени подъ давленіемъ того же принципа, и обратно — наслѣдственность королевской власти долго была ограничена выборомъ изъ всѣхъ членовъ даннаго рода. А при вымираніи или изгнаніи рода выборы становились совершенно свободными. Иные видятъ въ королевской власти власть полководца, сдѣлавшуюся постоянной, или власть надъ однимъ родомъ, охватившую цѣлый народъ, или соединеніе того и другого. И то и другое могло проложить путь къ королевской власти и послужить крѣпкимъ рычагомъ для ея окончательнаго утвержденія, но это далеко не характерные признаки ея. Такимъ же одностороннимъ Гирке считаетъ мнѣніе, будто бы королевская власть, въ противоположность военнымъ должностямъ, развилась изъ функцій жреца или жреца-судьи. И та, и другая всегда были связаны съ военачальствомъ.

Наконецъ, разницу между королевскимъ и княжескимъ достоинствомъ находили въ сильной, быстро растущей власти и соединеніи многихъ правъ въ одномъ и томъ же лицѣ, но мы напрасно будемъ искать какихъ-нибудь особенныхъ королевскихъ полномочій, которыхъ не имѣлъ бы князь. А между тѣмъ,—продолжаетъ Гирке свои интересныя разсужденія, — принципіальная разница между королевской и княжеской властью хорошо сознавалась германцами, хотя многіе отрицаютъ это. Тацитъ даетъ намъ указанія въ этомъ смыслѣ. Изъ его утвержденія, что при свободномъ строѣ штрафъ за нарушеніе мира доставался народу, а при суще-

ствованіи короля — послѣднему, мы можемъ сдѣлать выводъ, что князь являлся блюстителемъ народнаго мира, а король — блюстителемъ королевскаго мира.

Избранный военачальникъ подчиняется народной власти, король же никому не подчиненъ. Князь является представителемъ общины, король же властвуетъ отъ своего имени. Князь является первымъ между равными, тогда какъ король стоитъ внѣ народа и надъ народомъ. Онъ уже отчасти является представителемъ народнаго единства, носителемъ котораго раньше былъ исключительно весь народъ. Внутри государства и внѣ его онъ представляетъ въ своемъ лицѣ это національное единство постольку, поскольку въ его руки перешла часть народныхъ правъ. Права военачальника и судьи — вотъ главныя силы, которыя обусловливаютъ быстрый ростъ и развитіе его власти. Свободный строй погибъ, самодержавная власть выросла на его мѣстѣ. Говоря современнымъ языкомъ, народъ уже не суверененъ, онъ уступилъ королю часть своей власти.

Все же права народа еще были сильнѣе королевскихъ. Отъ него еще зависѣло не только избраніе или утвержденіе короля, а также и отрѣшеніе его и даже уничтоженіе самой королевской власти.

Народу принадлежало, кромѣ того, право окончательнаго рѣшенія въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ, и отъ него же исходило установленіе правовыхъ нормъ. Король получалъ только тѣ подати, которыя добровольно приносились ему членами свободнаго сословія, и даже военная добыча распредѣлялась сначала такъ, что королю доставалась меньшая часть ея. Однимъ словомъ, рядомъ съ королемъ еще стоялъ во всей своей силѣ народъ съ его коллективными правами и коллективною властью.

Долго еще народное право формально считалось выше королевскаго, но на дѣлѣ пропасть между королемъ и народомъ все разросталась. Распредѣленіе между ними силы и права совершалось все въ болѣе невыгодной для народа пропорціи. Королевская власть, разъ достигнувъ самостоятельнаго существованія, отнимала у народа одно за другимъ его права и скоро перестала получать силу и санкцію изъ рукъ народа. Мысль, что право короля должно исходить изъ народнаго права, все больше теряла свою силу.

Королевская власть совершенно послѣдовательно не остановилась на присвоеніи народныхъ правъ. Она добилась прочнаго матеріальнаго базиса для своего могущества и полнаго переворота въ области аграрныхъ отношеній, составлявшихъ основу прежней общины. Ленная система уничтожила общинный характеръ землевладѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическую независимость свободнаго сословія. Начало этой системы нужно отнести ко времени завоеванія Галліи франкскимъ королемъ Хлодвигомъ. Желая обезпечить участіе своихъ лучшихъ воиновъ въ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятіяхъ, онъ надѣлилъ ихъ землями въ покоренной странѣ, съ условіемъ, чтобы они и впредь оказывали ему поддержку въ военномъ дѣлѣ.

Короли, герцоги и князья отдѣльныхъ народностей уже въ самомъ началѣ историческаго періода оказались крупными землевладѣльцами; они въ такой мѣрѣ отличались отъ остальныхъ классовъ населенія, что это явленіе не можетъ быть объяснено только какими-нибудь преимуществами при общемъ распредѣленіи земли. Вѣроятно, причиной его является присвоеніе вождями исключительнаго права на цѣлыя области а, можетъ-быть, и на имущество жителей, которыхъ они застали при завоеваніи страны, и которые являлись данниками князей и находились въ зависимости отъ нихъ.

Феодализмъ подчинилъ старинную родовую аристократію ленной системѣ; естественно, что новая идея власти прежде всего уничтожила эту аристократію, которая черпала свою силу только въ тѣсномъ единеніи съ народомъ, такъ какъ ея господствующее положеніе зависѣло только отъ народнаго избранія. Но „съ расцвѣтомъ королевской власти эта родовая аристократія должна была потерять свое значеніе“ [1], и только королевскій родъ выигрывалъ отъ этого расцвѣта, остальныя аристократическія фамиліи, наоборотъ, тѣмъ больше проигрывали, чѣмъ сильнѣе становился король. Народъ, руководство которымъ дало имъ власть, постепенно отстранялся отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи и, какъ мы это сейчасъ докажемъ, потерялъ свои права и оказался въ полной экономической зависимости отъ королевской власти. Воля короля рѣшала все, и только король могъ надѣлить кого-нибудь значеніемъ и властью. Тамъ, гдѣ онъ господствовалъ, не было мѣста самостоятельной аристократіи. Понятно, что послѣдняя или становилась въ оппозицію къ королевской власти, стараясь упразднить ее,—и рано или поздно должна была изнемочь въ кровавой борьбѣ или отъ постепеннаго обезсиленія,—или, подчиняясь измѣнившемуся ходу вещей, искала удачи на службѣ королю, вступала въ кругъ его вѣрныхъ слугъ, способствовала созданію новой аристократіи—служилаго дворянства. Но и послѣднее со временемъ такъ разрослось, что стало опаснымъ для монарха. Оно вѣчно старалось по-возможности обезпечить себѣ независимость отъ королевской власти и, въ самомъ дѣлѣ, добилось извѣстной доли самостоятельности. Вслѣдъ за этимъ, процессъ разложенія распространился также на основное ядро народа, на свободное сословіе. Королевская власть

[1] Konr Maurer. Ueber das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme.

осталась побѣдительницей во всѣхъ главныхъ пунктахъ.

Вскорѣ весь народъ и вся страна должны были повиноваться поставленнымъ королемъ чиновникамъ. Эти чиновники служили королю, какъ своему господину. Затѣмъ возникла группа вассаловъ, которая должна была выполнять обязанности, предписанныя ей королемъ. Были учреждены также всевозможныя должности при дворѣ, между прочимъ и такія, которыя состояли въ надзорѣ и заботахъ объ имуществѣ, доходахъ и владѣніяхъ короля. Вполнѣ естественно, что чиновники назначались главнымъ образомъ изъ круга лицъ, которыя находились подъ покровительствомъ короля, принадлежали къ его придворной свитѣ, безпрекословно повиновались ему, и, обязанные оказывать ему вѣрноподданническія услуги, отъ него зависѣли и ему только отдавали отчетъ. Что касается военныхъ порядковъ, то и они подверглись измѣненію.

Рѣшающій голосъ въ вопросахъ войны и мира и права созыва всѣхъ, обязанныхъ нести военную службу, также перешелъ отъ народа къ королю. Эта перемѣна произошла вмѣстѣ съ превращеніемъ военной службы въ обязанность королевской дружины, о которой еще Тацитъ сказалъ, что она служитъ только своему господину — королю, между тѣмъ какъ настоящее народное ополченіе не сражалось за короля; оно боролось во имя собственныхъ интересовъ, по собственному свободному рѣшенію; война была его собственнымъ правомъ, и, слѣдовательно, военная служба являлась обязанностью всего народа, который боролся подъ предводительствомъ избраннаго вождя. Скоро идея службы господину, королю, распространилась и на свободное сословіе.

Интересно отмѣтить, что эта сторона королевской власти была тѣсно связана съ развитіемъ крѣпостного права.

Духовенство также не отставало отъ свѣтскихъ властей въ стремленіи пріобрѣсти побольше земли и крѣпостныхъ людей, при чемъ благочестивый обманъ игралъ главную роль въ этомъ обогащеніи. Оно не пренебрегало ни насиліемъ, ни хитростью, чтобы поставить въ тяжелую зависимость отъ себя свободныхъ земельныхъ собственниковъ и лишить ихъ собственности. Зугенгеймъ [1] констатируетъ, что невѣроятное количество земель перешло въ собственность церкви и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество свободныхъ людей сдѣлались крѣпостными монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій. Уже въ началѣ восьмого столѣтія, треть всѣхъ франкскихъ земель принадлежала духовенству.

Главнымъ же образомъ, уничтоженіе свободнаго крестьянскаго сословія было вызвано жестокимъ закономъ о воинской повинности, изданнымъ Карломъ Великимъ. Кто не могъ выполнить этой повинности, тотъ долженъ былъ платить огромный денежный штрафъ, а въ случаѣ несостоятельности, принужденъ былъ покинуть домъ и хозяйство и со всей семьей отрабатывать штрафъ на землѣ властелина. Этотъ безпощадный деспотизмъ заставилъ массу мелкихъ землевладѣльцевъ отказаться отъ дорогого наслѣдія отцовъ, свободнаго землевладѣнія и личной независимости, такъ какъ для нихъ ежегодно повторявшійся вызовъ на войну былъ равносиленъ призыву къ смерти въ далекихъ и чуждыхъ странахъ. Это было, какъ удачно выразился историкъ Гиббонъ, „легальное самоубійство“ свободнаго крестьянскаго сословія, вынужденное деспотизмомъ монархической власти.

Обязанные отбывать воинскую повинность, какъ и дружина короля, созывались имъ не только для народной войны, но также для любого предпріятія, для частной распри, для всякихъ услугъ, требую-

[1] Samuel Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa etc. St. Petersburg 1861.

щихъ оружія, для осуществленія чисто личныхъ цѣлей. Король сдѣлался господиномъ войска; онъ замѣщалъ главныя военныя должности, и въ его интересахъ было превращеніе военной службы въ профессію вассаловъ, которые постепенно образовывали особое военное сословіе.

Всякаго рода услуги и подати, для которыхъ раньше требовалось добровольное согласіе свободнаго сословія, теперь были превращены въ обязательную повинность, исполняемую по требованію короля, и узаконены въ этомъ смыслѣ.

Королевская власть только тогда уничтожила идею свободной общины, когда стала черпать свою силу не изъ того особеннаго положенія, которое ставило ее во главѣ народа, а изъ той власти, которая ставила ее во главѣ общественныхъ группъ, лично ей обязанныхъ своимъ существованіемъ; когда въ силу его власти надъ дружиной, христіанской церковью и подчиненными племенами король изъ судьи и руководителя сдѣлался господиномъ народа, а обладаніе огромной земельной собственностью превратило его изъ народнаго вождя во властелина всей территоріи (Гирке).

Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилась зависимость короля отъ правовыхъ установленій. Рядомъ съ народнымъ правомъ все возрастающее значеніе пріобрѣтали распоряженія короля. По мѣрѣ того, какъ измѣнялось и ограничивалось народное право, создавалось особое „королевское право“, которое открывало дальнѣйшій просторъ произволу и постепенно становилось государственнымъ правомъ. Король, бывшій раньше верховнымъ судьей группы зависимыхъ отъ него людей, сталъ верховнымъ судьей всего народа. Компетенція королевскихъ судовъ все расширялась, все большія и бо̀льшія народныя массы подчинялись имъ, и даже въ областныхъ судахъ вліяніе короля и его чиновниковъ становилось преобладающимъ.

Глава II.

Наслѣдственная монархія.

1. Историческій обзоръ.

„Овеществленіе короны". Наслѣдственная королевская власть Меровинговъ. Раздѣленіе власти. Наслѣдственность власти, связанная съ согласіемъ народа или аристократіи. Борьба избирательнаго принципа съ идеей наслѣдственной монархіи. Церковь, какъ врагъ наслѣдственной монархіи. Побѣда принципа избираемости власти. Судьба нѣмецкой короны. Наслѣдственная монархія и государственное единство. Развитіе монархическаго права наслѣдственности въ территоріальныхъ государствахъ.

Превращеніе монархической власти въ источникъ всѣхъ публичныхъ правъ объясняется главнымъ образомъ тою фазою ея развитія, которую Гирке называетъ „субъективнымъ и объективнымъ овеществленіемъ короны" [1], прибавляя, что корона франкской династіи прежде всѣхъ другихъ превратилась въ вещное право, принадлежащее королевскому двору.

Франкское государство представляло рядъ маленькихъ племенныхъ государствъ, соединенныхъ въ одно цѣлое королемъ Хлодвигомъ путемъ завоеванія и подчиненія; оно довольно неожиданно стало на мѣсто этихъ разрозненныхъ владѣній. Безъ сомнѣнія, наслѣдственность монархической власти раньше всего получила именно здѣсь свое полное развитіе. „Право на власть стали дѣлить между нѣсколькими членами рода, точно частную собственность" [2].

---

[1] Gierke: Das deutsche Genossenschaftsrecht, Bd I, s. 13.
[2] Wilh. Maurenbrecher. Geschichte der deutschen Königswahlen vom zehnten bis dreizehnten Jahrhundert.

Вайцъ[1] говоритъ о королевской власти Меровинговъ, что уже тогда наслѣдственность ея была установлена прочнѣе, чѣмъ у другихъ нѣмецкихъ народностей. „Сыновья наслѣдуютъ отцовскую власть—это неоспоримо. Если есть только одинъ сынъ, то власть достается только ему; если же ихъ нѣсколько, то старшій не завладѣваетъ властью всецѣло, а дѣлится ею съ другими. Это чуть ли не самое яркое доказательство полной наслѣдственности королевской короны".

Не подлежитъ сомнѣнію, что право наслѣдованія монархической власти развилось главнымъ образомъ изъ понятія права завоеванія или захвата и собственности на землю и людей. Развитіе этой наслѣдственности обусловливалось не только обычаемъ древнихъ германцевъ выбирать королей изъ извѣстныхъ, выдающихся родовъ. Зибель[2] подтверждаетъ, что извѣстный родъ обладалъ „правомъ" на королевское достоинство, которое собственно является „обычнымъ правомъ".

Но наряду съ этимъ стояло право народа вручать даннаго рода власть, утвержденную волей общины, тому или другому члену даннаго рода, такъ что получилось своеобразное соединеніе между правомъ наслѣдственности и правомъ избранія. Онъ продолжаетъ: „Разъ твердо установлено положеніе, что королемъ долженъ быть знатнѣйшій изъ всѣхъ, то само собою разумѣется, что по смерти его, ближайшими наслѣдниками являются его сыновья. На выборахъ ex notabilitate сыновья короля являются первыми кандидатами на престолъ, и народу остается только рѣшить вопросъ, должны ли всѣ сыновья вступить въ обладаніе властью, или только нѣкоторые изъ нихъ, или, наконецъ, одинъ".

Съ другой стороны вполнѣ основательно оспа-

---

[1] Georg Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd II, I, dritte Auflage.

[2] Sybel. Entstehung des deutschen Königtums.

ривается мнѣніе, будто бы въ этотъ періодъ перехода отъ народовластія къ единовластію уже была твердо установлена наслѣдственность королевскаго достоинства. Противъ этого положенія говоритъ указанный Гирке фактъ призванія королей изъ другихъ родовъ. Часто происходила смѣна династій, въ особенности у вестготовъ и лонгобардовъ. Если даже и установилось обыкновеніе избирать короля изъ опредѣленнаго рода, что создавало понятіе о наслѣдственныхъ правахъ, то все же въ этотъ періодъ замѣчается отсутствіе прочныхъ формъ наслѣдованія, которыя только при династіи Меровинговъ становятся вполнѣ опредѣленными. Королевская власть оставалась въ рукахъ потомковъ Хлодвига около трехъ столѣтій.

То обстоятельство, что право наслѣдованія въ одинаковой степени принадлежало всему роду, имѣло особенно плохія послѣдствія. Распри между наслѣдниками власти происходили очень часто.

Иногда притязанія на власть обнаруживали тѣ члены рода, отцы которыхъ не обладали королевскимъ достоинствомъ. Чтобы сдѣлать невозможными такого рода претензіи, Хлодвигъ, по словамъ Григорія Турскаго, предпринялъ кровавое истребленіе всѣхъ членовъ своей династіи, которые могли бы „незаконно“ претендовать на обладаніе властью. По той же причинѣ родственники часто уничтожали другъ друга, прибѣгая къ убійству и другимъ насильственнымъ мѣрамъ. Извѣстіе, что гдѣ-нибудь живетъ неизвѣстный до тѣхъ поръ членъ династіи, возбуждало опасенія правящаго короля.

Каждый членъ королевскаго рода считалъ себя вправѣ требовать часть власти и выступать претендентомъ на корону.

Власти „законнаго“ короля грозила опасность не только съ этой стороны, а также и со стороны народа. Послѣдній все чаще сталъ оказывать открытое сопротивленіе королю; онъ смѣнялъ госу-

даря и поперемѣнно присягалъ въ вѣрности то одному, то другому; овъ шелъ за смѣлыми искателями приключеній, которые выдавали себя за королевскихъ принцевъ. Даже въ средѣ своихъ приверженцевъ „законный“ король не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Вайцъ [1] цитируетъ изъ Григорія Турскаго: „Король Гунтрамъ говоритъ народу, собравшемуся вмѣстѣ съ нимъ въ церкви: „Я заклинаю васъ, мужчины и женщины, присутствующіе здѣсь, чтобы вы сохранили ненарушимо свою клятву, чтобы вы не умертвили меня, какъ вы сдѣлали это недавно съ моими братьями“.

Само собою разумѣется, короли были озабочены тѣмъ, какъ бы имъ сохранить власть въ своихъ рукахъ, хотя бы путемъ грубаго произвола. Всякій, кто былъ ненавистенъ или подозрителенъ королю, подвергался заключенію, пыткѣ, изгнанію, казни— безъ всякаго суда.

Тотъ самый Гунтрамъ, который такъ смиренно обращался къ народу и который считался „кроткимъ“ и „милостивымъ“, объявилъ, что весь родъ бунтовщика до послѣдняго колѣна долженъ быть уничтоженъ, чтобы положить конецъ покушеніямъ на государя. Григорій называетъ Гунтрама Нероном своего времени, указывая на его безпощадную жестокость, полный произволъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, презрѣніе къ бѣднымъ, грабежъ богатыхъ, требованіе безусловнаго повиновенія со стороны чиновниковъ: послѣднимъ онъ объявилъ, что обнаружившій непокорность будетъ наказанъ потерей глазъ.

Это было въ шестомъ вѣкѣ. Насиліе вызывало насиліе, которое часто было прямо-таки необходимымъ, какъ средство самозащиты противъ произвола короля и его ставленниковъ. Король былъ коварно убитъ.

[1] Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. 2 Band. 1 Abteilung Fränkisches Reich. S. 194.

Въ это время уже возникало понятіе о безусловномъ подданствѣ, и подданные въ своихъ прошеніяхъ королю называли себя его слугами. Вмѣстѣ съ тѣмъ во франкскомъ государствѣ уже привилось римское понятіе объ оскорбленіе величества. Подданные платились жизнью за невѣрность королю, а невѣрностью считался всякій поступокъ, который шелъ въ разрѣзъ съ произволомъ королевскихъ распоряженій.

Назначеніе преемника также всецѣло зависѣло отъ короля. Но чѣмъ больше приходила въ упадокъ династія Меровинговъ, тѣмъ быстрѣе исчезалъ всякій порядокъ въ формахъ наслѣдованія. Вельможи государства, въ особенности мажордомъ, по собственному усмотрѣнію возводили на престолъ какого-нибудь изъ Меровинговъ. Въ рукахъ мажордома, собственно говоря, находилась вся королевская власть. Одинъ изъ мажордомовъ сталъ основателемъ новой династіи. Пипинъ руководствовался при этомъ совершенно правильными соображеніями. Онъ, истинный повелитель, спросилъ у папы, можетъ ли дальше существовать такое положеніе вещей, при которомъ король является таковымъ только по имени, между тѣмъ какъ фактически власть находится вовсе не въ его рукахъ. Папа отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что королевскимъ достоинствомъ долженъ обладать тотъ, кто дѣйствительно правитъ государствомъ. Послѣ этого Меровингъ былъ остриженъ[1], и королевскій титулъ перешелъ къ Пипину по требованію народа.

У новой династіи Каролинговъ власть осталась дѣлимой и наслѣдственной[2]. Но еще и теперь

[1] Знакомъ почетнаго отличія Меровинговъ были длинные волосы у всѣхъ членовъ королевской семьи, между тѣмъ, какъ остальные франки обыкновенно носили короткіе. Если кому-нибудь изъ членовъ королевскаго рода снимали волосы, онъ считался исключеннымъ изъ него и лишеннымъ своихъ правъ.

[2] Schulze. Das Recht des Erstgeburt in den deutschen Furstenhäusern und seine Bedeutung für die deutsche Staatsentwicklung. Leipzig 1851. Schulze Das Erb-und Familienrecht der deutschen Dynastien des Mittelalters. Halle 1871

наслѣдственность королевскаго достоинства формально была соединена съ утвержденіемъ его со стороны народа. Карлъ Великій опубликовалъ въ 806 году, на сеймѣ въ Диденгофенѣ, документъ, по которому франкское государство должно было порейти къ тремъ его сыновьямъ: Карлу Пипину и Людовику. Большая часть его должна была достаться старшему, Карлу. Дальнѣйшее дѣленіе не допускалось. Карлъ Великій, собственно говоря, склонялся къ идеѣ соединенія наслѣдственности и избираемости королевской власти.

Такъ какъ Карлъ и Пипинъ умерли раньше отца, то Людовику (Благочестивому) досталось все государство. Теганъ разсказываетъ, какъ Карлъ Великій лично просилъ всѣхъ членовъ собранія о признаніи трона за его сыномъ.

Въ 817 году вельможи обратились къ Людовику Благочестивому съ просьбой оставить распоряженіе о порядкѣ наслѣдованія королевской власти. Документъ, составленный королемъ по этому поводу, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ выражается желаніе сохранить государственное единство въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ до сихъ поръ.

Первенцу онъ предоставляетъ существенныя преимущества, назначая его главой всего государства. Два слѣдующихъ наслѣдника являются уже ограниченными правителями. Старшій сынъ сохраняетъ за собою императорскій титулъ, а два другихъ носятъ титулъ короля и должны управлять государствомъ, повинуясь верховной власти старшаго брата; только старшій считается наслѣдникомъ трона. Въ документѣ предусмотрѣнъ случай, когда одинъ изъ новыхъ королей можетъ проявить себя тираномъ или просто неумѣлымъ правителемъ; тогда необходимо лишить его королевскихъ правъ. За словомъ скоро послѣдовало дѣло. Послѣдняго Каролинга постигла та же судьба, что и послѣдняго Меровинга. Карлъ Толстый былъ лишенъ

королевскаго достоинства. Арнульфъ, его незаконнорожденный сынъ, достигъ власти, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Законный сынъ послѣдняго, Людовикъ Дитя, былъ признанъ королемъ, согласно установившемуся при Каролингахъ праву наслѣдованія, но при немъ притязанія князей на право избранія короля сдѣлались особенно настойчивыми.

Еще императоръ Лотарь, не задумываясь, раздѣлилъ имперію, какъ частную собственность между своими тремя сыновьями, а въ избраніи Конрада I, ясно выразился принципъ выборной императорской власти. Мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, будто бы это избраніе явилось результатомъ добровольнаго соглашенія со стороны нѣмецкихъ племенъ и ихъ князей, неправильно. На самомъ дѣлѣ, желанія народа совершенно не принимались въ соображеніе при этомъ. Право избранія, какъ особую привилегію, присвоили себѣ вельможи. Дѣло обыкновенно происходило такъ: король назначалъ наслѣдникомъ своего старшаго сына, вольможи утверждали его, а народу предоставлялось привѣтствовать новаго короля. Если бы народъ иначе встрѣтилъ это избраніе, если бы вмѣсто привѣтствій онъ выразилъ протестъ, его поведеніе считалось бы бунтомъ противъ короля и его дѣйствительныхъ избирателей—вельможъ.

Еще въ теченіе трехъ столѣтій съ перемѣннымъ успѣхомъ велась борьба между принципомъ избираемости и принципомъ наслѣдственности государственной власти. Въ 10-мъ столѣтіи послѣдній взялъ верхъ, Оттоны сдѣлались исключительно наслѣдственными королями. Причины этого, какъ мы видѣли, крылись въ нѣкоторыхъ особенностяхъ избирательной королевской власти. Защитники наслѣдственности послѣдней ставятъ на видъ, что обусловленная выборами смѣна династій влечетъ за собою опасности и бѣдствія—мнѣніе, безспорно,

подтвержденное опытомъ,—такъ какъ каждая новая династія, естественно, отстаиваетъ свои собственные интересы передъ соперничающими родами.

Увѣренно и энергично короли пролагали дорогу наслѣдственной формѣ власти. Вайцъ приводитъ слова Оттона II, въ которыхъ послѣдній называетъ свою власть „отцовскимъ наслѣдіемъ", дарованнымъ свыше. Послѣ внезапной смерти Оттона III начались ожесточенные споры о преемничествѣ, изъ которыхъ побѣдителемъ вышелъ герцогъ Генрихъ.

За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ наслѣдственныхъ королей.

Между тѣмъ и во Франціи утвердилась наслѣдственная форма королевской власти съ тѣхъ поръ, какъ Гуго Капетъ, представитель могущественнаго рода, былъ избранъ князьями, несмотря на законныя притязанія отпрыска Каролинговъ. Это стало основнымъ принципомъ французской королевской политики: каждый государь заботился о томъ, чтобы еще при жизни добиться избранія сына, хотя бы послѣдній былъ очень молодымъ.

Въ Германіи все еще продолжалась борьба между избирательнымъ и наслѣдственнымъ правомъ. Къ этому присоединилась борьба между свѣтской и духовной властью, о которой мы въ другомъ мѣстѣ поговоримъ подробнѣе. Избираемость государей была въ интересахъ церкви, потому что только *избранному* королю она могла противопоставить свое, „божественное право" на господство надъ свѣтской властью, право на признаніе и утвержденіе избраннаго.

Въ царствованіе Генриха IV, который особенно отстаивалъ принципъ наслѣдственности, очень ярко стало проявляться также стремленіе къ противоположной формѣ власти. Когда папа отлучилъ отъ церкви Генриха IV, то враждебные ему князья, по соглашенію съ церковью, провозгласили полную свободу избранія короля, какъ основу нѣмецкаго

государственнаго устройства. Эта свобода избранія существовала и раньше съ той только разницей, что тогда господствовало давно потерявшее силу право народа принимать участіе въ избраніи. И князья укрѣпили это право возведеніемъ на престолъ въ 1077 и 1081 году двухъ желательныхъ для нихъ личностей. Но затѣмъ опять начались притязанія на право наслѣдованія со стороны дома Гогенштауфеновъ.

Но напрасны были старанія Генриха VI провозгласить нѣмецкое государство наслѣдственнымъ, съ помощью формальнаго рѣшенія имперскаго сейма. Борьба за нѣмецкую корону, которая велась подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, еще разъ окончилась побѣдой избирательнаго принципа. Былъ созданъ институтъ избираемыхъ князей, курфюрстовъ, но къ этому мы скоро вернемся.

Иначе развивались отношенія на отдѣльныхъ территоріяхъ. Тамъ принципъ частнаго права велъ долгую упорную борьбу съ принципомъ государственнаго права—борьбу, которая велась съ различнымъ успѣхомъ въ различныя эпохи. Раньше, чѣмъ германскія племена основали крупныя государства, мы часто находимъ во главѣ правленія нѣсколькихъ королей. Часто также заходитъ рѣчь о раздѣленіи власти. Такъ, у остготовъ и вандаловъ было нѣсколько королей, прежде чѣмъ первые основали свое государство въ Италіи, а вторые въ Испаніи; такъ Хлодвигъ объединилъ разрозненныя государства своихъ соплеменниковъ въ одно цѣлое. На сѣверѣ къ тѣмъ же результатамъ привела дѣятельность Горма Стараго и Эриха.

Образованію этихъ новыхъ государствъ всегда сопутствовало установленіе индивидуальнаго престолонаслѣдія. У вандаловъ, отготовъ, вестготовъ и англосаксовъ уже нѣтъ рѣчи о раздѣлѣ владѣній. „Понятіе о государственномъ единствѣ уже до того привилось у нихъ, что о раздѣлахъ по принципу

частнаго права никто и не думалъ“ [1]. Только франки, какъ мы видѣли, представляютъ исключеніе, такъ какъ у нихъ господствовала система раздѣловъ.

Дальнѣйшее развитіе наслѣдственной выборной монархіи у различныхъ нѣмецкихъ племенъ шло различнымъ образомъ: то избирательное право совершенно оттѣсняло наслѣдственное, то побѣда вновь доставалась послѣднему.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія борьба велась между государственнымъ принципомъ индивидуальнаго престолонаслѣдія и частноправовой системой раздѣловъ. Въ срединѣ тринадцатаго столѣтія нѣмецкимъ князьямъ удалось уничтожить всякое воспоминаніе о своемъ прежнемъ подчиненномъ положеніи. Округа, которыми они управляли по порученію народа, обратились въ ленныя владѣнія, управляемыя по принципу частнаго права. Такое пониманіе княжеской власти необходимо должно было привести къ полному торжеству системы раздѣловъ. Для Германіи наступила пора полнаго политическаго упадка. Она все болѣе теряла характеръ истиннаго государственнаго единства. Благодаря постояннымъ раздѣламъ, сдѣлалось невозможнымъ органическое расчлененіе государства и консолидація отдѣльныхъ территорій. Ложный правовой принципъ и эгоистическая политика разорвали націю на отдѣльныя части. Да, та самая система раздѣловъ, которая должна была укрѣпить постоянство династій, послужила—и это ея единственное полезное послѣдствіе—къ уничтоженію этихъ династій. Такіе результаты системы раздѣловъ вызвали реакцію противъ нея. Принципъ нераздѣльности правъ первородства началъ прокладывать себѣ дорогу.

Въ защиту наслѣдственной монархической власти часто приводится положеніе, будто бы право перво-

---

[1] Schulze: Das Recht der Erstgeburt. § 14, S. 46.

родства есть старинное германское право. Но это—совершенно невѣрный взглядъ.

Старые нѣмецкіе историческіе памятники говорятъ о преимуществахъ мужчинъ передъ женщинами, о родовыхъ помѣстьяхъ, но они не упоминаютъ о преимуществахъ первородства. Lex salica ясно говоритъ о равномъ дѣлежѣ всего наслѣдства. Тотъ же принципъ выраженъ въ lex saxorum, lex bajuvariorum, lex alamanorum и др. Также въ Saxenspiegel и Schwabenspiegel ничего не упоминается о преимуществахъ первенца. Но въ ленномъ правѣ мы уже находимъ слѣды права первородства. Послѣ смерти владѣльца ленныхъ земель, вассалъ долженъ былъ получать утвержденіе въ ленныхъ правахъ только отъ одного изъ наслѣдниковъ. Послѣдній избирался всѣми сыновьями, если же они не могли придти къ соглашенію, то государь самъ указывалъ преемника. При этомъ фактически старшій сынъ обыкновенно имѣлъ преимущество, а по швабскому ленному праву это право первородства было уже узаконено.

Ничего не могло быть проще, какъ утвердить тотъ же правовой принципъ по отношенію къ цѣлой династіи. Во всякомъ случаѣ, ленное право оказало извѣстное вліяніе на развитіе права первородства. Цѣлыя столѣтія длилась борьба между системой раздѣла и принципомъ первородства, который является—это очень важно замѣтить—принципомъ государственнаго единства.

Системѣ раздѣла былъ нанесенъ сильный ударъ „Золотой Буллой“, основнымъ государственнымъ закономъ, опубликованнымъ Карломъ IV въ 1356 году и имѣвшимъ важныя послѣдствія. Онъ регулируетъ, между прочимъ, формы наслѣдованія въ курфюршествахъ. Курфюрсты составили высшій государственный совѣтъ и тотъ институтъ, который обладалъ исключительнымъ правомъ избранія императора. До тѣхъ поръ курфюршества не

избѣгали общей участи и испытывали на себѣ послѣдствія системы раздѣла; образовалось множество отдѣльныхъ линій и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчались совмѣстно властвующіе правители, такъ что неизвѣстно было, кто, собственно, изъ нихъ имѣетъ избирательныя полномочія. По этому поводу часто возникали споры, грозившіе спокойствію государства. Чтобы избѣжать ихъ, въ „Золотой Буллѣ“ было твердо установлено, что курфюршества не должны подвергаться дальнѣйшему раздѣленію. То же самое было установлено относительно тѣхъ земель, которыя будутъ впослѣдствіи присоединены къ курфюршествамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была провозглашена недѣлимость и другихъ княжествъ.

Итакъ „Золотая Булла“ объявила германскую королевскую власть не наслѣдственной, а избирательной [1]. Избраніе короля должно было быть совершенно свободнымъ, и правящій императоръ не долженъ былъ принуждать курфюрстовъ—тайно или явно, силой, угрозами или хитростью—избрать желательное для него лицо. Мозеръ замѣчаетъ: Но несмотря на эту избирательную свободу, могло случиться, что императоръ или какая-нибудь иностранная держава предлагали въ качествѣ кандидата на престолъ какого-нибудь принца, если такое предложеніе не выходило изъ предѣловъ дружеской просьбы“. Онъ называетъ нѣсколько императоровъ, избранныхъ подъ такимъ давленіемъ.

Но борьба между избирательнымъ принципомъ и правомъ наслѣдственности все еще продолжалась. „Короли, обязанные своей короной семи избирателямъ-курфюрстамъ, не боялись дѣлать такихъ шаговъ, которые привели бы къ унаслѣдованію королевскихъ правъ ихъ сыновьями или родственниками“. Но интересы партикуляристской княже-

[1] Johann Jacob Moser. Von den römischen Kaisern ect. nach deren Reichsgesetzen und deren Reichsherkommen. Frankfurt a. M. 1717. Erster Kapitel, § 3.

ской власти стремились противодѣйствовать росту королевской власти и королевскаго могущества; какъ только какой-нибудь король, благодаря своимъ владѣніямъ или успѣшной политической дѣятельности, пролагалъ дорогу къ достиженію короны, среди князей сейчасъ же зарождалось недовѣріе, и они старались устранить сына князя отъ преемничества.

Послѣ смерти Конрада IV въ 1254 году обнаружились послѣдствія постоянныхъ войнъ за королевскую корону. Обладаніе короной такъ мало привлекало, что, когда папа Александръ IV заявилъ протестъ противъ избранія Конрадина, сына умершаго короля, никто изъ нѣмецкихъ князей не хотѣлъ стать у власти. Тогда курфюрсты рѣшили избрать иноземнаго князя. Если они и раньше, при королевскихъ выборахъ, подавали голосъ за тѣхъ, которые обѣщали имъ всякаго рода награды, то теперь они обратили выборы въ чисто денежную сдѣлку. Это привело къ тому, что они не могли сговориться. Одни продавали свой голосъ за большія деньги графу Рихарду фонъ-Корнвалль, другіе избрали короля Альфонса X Кастильскаго. Только въ 1273 году закончилось междуцарствіе, и Рудольфъ I, графъ Габсбургскій, былъ готовъ принять королевскую корону. Но онъ напрасно стремился обезпечить власть за своимъ сыномъ Альбрехтомъ.

Члены другихъ династій выступили съ притязаніями, и еще нѣсколько разъ наступало междуцарствіе. Въ 1438 году императорская корона опять перешла къ дому Габсбурговъ, и съ этихъ поръ она оставалась традиціоннымъ достояніемъ этого дома, пока совершалось разложеніе государства, которое закончилось его полнымъ паденіемъ, когда императоръ Францъ сложилъ съ себя императорское достоинство 6 августа 1806 года.

Причина того, что императорская корона такъ

долго оставалась за домомъ Габсбурговъ, несмотря на религіозное обособленіе имперскихъ чиновъ государства со времени реформаціи, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что этотъ домъ обладалъ достаточными средствами, чтобы поддержать императорское достоинство, такъ какъ императоръ не получалъ никакихъ доходовъ съ государства [1].

Въ 1507 году императоръ Максимиліанъ I представилъ рейхстагу счетъ, въ которомъ онъ заявляетъ, что истратилъ изъ собственныхъ капиталовъ на нужды государства милліонъ гульденовъ, получилъ же обратно только 400.000. Такія жалобы повторялись часто.

Нѣмецкой императорской коронѣ пришлось испытать всевозможныя превратности судьбы: она покупалась и завоевывалась; нѣмецкіе князья отказывались отъ обладанія ею, нѣкоторые изъ носителей этой короны подверглись низложенію по постановленію имперскихъ чиновъ. Вопросъ о лишеніи власти не разсматривается имперскими законами, но большинство теоретиковъ государственнаго права того времени приходитъ къ слѣдующему положенію: такъ какъ князь получаетъ императорское достоинство на опредѣленныхъ условіяхъ, то онъ лишается этого достоинства, если не выполняетъ условій. Если императоръ возводится на престолъ подачей голосовъ, то, такимъ же образомъ онъ можетъ быть и низложенъ.

Выборы нѣмецкихъ императоровъ представляли форменный договоръ между императоромъ, съ одной стороны, и курфюрстами, съ другой. Оффиціальное согласіе послѣдняго нѣмецкаго императора, Франца II, на избраніе отъ 12 іюня

---

[1] По словамъ Мозера (Deutsches Staatsrecht II, achtes Kapitel. § 2), доходы римскаго императора были такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ и говорить. Если бы съ обладаніемъ короны не былъ связанъ извѣстный почетъ, то приходилось бы только удивляться, что находятся люди, которые соглашаются принять римскую императорскую корону.

1792 года начинается словами: „Этимъ письмомъ мы публично заявляемъ“ etc. и заканчивается: „Все это мы обѣщали курфюрстамъ имперіи во имя священной римской имперіи и т. д., въ удостовѣреніе чего мы приказали изготовить семь такихъ писемъ, одинаковыхъ по формѣ и содержанію“. Такъ же гласитъ обращеніе римскаго императора къ коллегіи курфюрстовъ: „Этимъ письмомъ мы публично заявляемъ о тѣхъ пунктахъ, по которымъ посланникъ отъ нашего имени пришелъ къ соглашенію съ курфюрстами, и т. д.“ Императоръ, между прочимъ, обязывается подъ присягой, защищать право и справедливость, богатыхъ и бѣдныхъ, безъ различія личностей, сословія, званія, религіи.

* * *

Мы упомянули, что „Золотая Булла“ установила также недѣлимость не только курфюрстскихъ, но и всякихъ другихъ владѣній. Это заявленіе имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что многіе нѣмецкіе князья пытались ввести въ своихъ владѣніяхъ недѣлимость и право первородства. Эти попытки оставались тщетными. Противъ нихъ поднялась сильная оппозиція. Эгоизмъ младшихъ наслѣдниковъ явился причиной противодѣйствія введенію права первородства. Большинство правящихъ повелителей тоже стало въ оппозиціи. Пока они смотрѣли на страну, которой они правили, какъ на частную собственность, какъ на наслѣдіе отцовъ, имъ казалось несправедливымъ и противоестественнымъ преимущество одного сына передъ другими. Они приводили слова библіи, доказывая, что равенство правъ на отцовское наслѣдіе есть завѣтъ Бога. У строго протестантскихъ князей, которые ссылались на слова Бога, мы замѣчаемъ особенно рѣзкій протестъ противъ введенія права первородства. Они его разсматривали, какъ совершенно чуждое духу протестантизма.

Были также и другія политическія причины, вызвавшія оппозицію противъ права первородства. Таковыми являлись стремленія къ сохраненію династіи; эти же стремленія являлись причиной уничтоженія установленнаго уже права первородства,— такъ было съ курфюрстомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ 1664 году въ Бранденбургѣ.

Только въ 17-мъ столѣтіи, главнымъ образомъ во время и послѣ Тридцатилѣтней войны, государственно-правовой принципъ о наслѣдственности добился своего признанія; вскорѣ онъ одержалъ полную побѣду. Это совпадаетъ съ развитіемъ абсолютизма.

Нѣмецкіе князья окончательно уничтожили остатки феодализма. Установленіе постояннаго войска дало имъ возможность сломить сопротивленіе феодальной аристократіи. Изъ патримоніальныхъ владѣтельныхъ князей они сдѣлались почти неограниченными монархами, которые только формально подчинялись императору.

Шульце[1] цитируетъ цѣлый рядъ статутовъ о правѣ первородства, изъ которыхъ видно, какъ, совершенно въ духѣ того времени, князь отождествляетъ себя и свой домъ съ государствомъ. Почти во всѣхъ этихъ статутахъ главное вниманіе обращено на увеличеніе блеска династіи; опасность потерять возможность вести соотвѣтствующій положенію образъ жизни, вслѣдствіе постоянныхъ раздѣловъ, служитъ побудительной причиной для введенія закона о недѣлимости и о правѣ первородства. Какъ родовое дворянство старалось постановленіемъ о фидеикомиссахъ охранить себя отъ раздробленія фамильныхъ имуществъ и затменія блеска своихъ родовъ, такъ и княжеская династіи хотѣла статутами о правѣ первородства удержать за своимъ домомъ „блескъ“ и „уваженіе“.

Адамъ Смитъ тоже разсматриваетъ вопросъ о

[1] Schulze. Das Recht der Erstgeburt etc. Cap. 45 S. 347 ff.

наслѣдственности монархіи въ связи съ правомъ первородства при наслѣдованіи земель.

„Такъ какъ обладаніе землей являлось орудіемъ власти и могущества, то считали болѣе цѣлесообразнымъ не дѣлить ея (земли) при наслѣдованіи.

„Въ тѣ времена каждый крупный землевладѣлецъ являлся маленькимъ князькомъ, а арендаторы— его подданными. Князь былъ ихъ судьей и законодателемъ въ мирное время, ихъ вождемъ на войнѣ. Онъ по собственному желанію начиналъ войну... Безопасность земельныхъ владѣній, охрана, которую владѣтель этихъ земель могъ предложить живущимъ тамъ, всецѣло зависитъ отъ величины владѣнія. Раздѣлъ владѣнія былъ равносиленъ его уничтоженію и грозилъ вторженіемъ сосѣдей и полнымъ порабощеніемъ. Поэтому было введено право первородства при наслѣдованіи земельныхъ владѣній; дабы могущество и, слѣдовательно, безопасность монархіи не были ослаблены ея раздѣленіемъ, необходимо передать ее только одному изъ дѣтей".

Такъ какъ князья стремились дать законное обоснованіе индивидуальному престолонаслѣдію, то имъ пришлось прибѣгнуть къ юридическому фокусу, заключавшемуся въ доказательствѣ „закономѣрности" статутовъ о первородствѣ. Нашлось достаточно юристовъ, готовыхъ заняться этимъ. Это были, главнымъ образомъ, люди, зависѣвшіе отъ князей— ихъ совѣтники, канцлеры и т. д. Но въ римскомъ правѣ они при всемъ своемъ стараніи не могли найти нужной опоры, они должны были обратиться къ какому-нибудь другому авторитету. Такимъ авторитетомъ явился французъ Андреа Тираквеллусъ, который извлекъ на свѣтъ Божій всѣхъ римскихъ и греческихъ писателей, библію и отцовъ церкви, схоластиковъ и естествоиспытателей, чтобы доказать, что право первородства установлено самимъ Богомъ. Онъ обращался къ самой глубокой

старинѣ, доказывая, что право первородства существовало у всѣхъ народовъ! Въ природѣ онъ находилъ аналогіи въ царствѣ животныхъ. Жизнь слоновъ, собакъ и свиней служила доказательствомъ проведенія права первородства въ животномъ царствѣ.

Остроумные естествоиспытатели будто бы замѣтили, что эти животныя кормятъ молокомъ сначала своихъ перворожденныхъ дѣтенышей. Эта безсмыслица служила образцомъ для нѣмецкихъ публицистовъ, которые, какъ вѣрные рабы княжеской власти, писали о правѣ первородства. На такой основѣ было построено доказательство полной „закономѣрности права первородства".

Однимъ изъ послѣдствій права первородства было то обстоятельство, что наряду съ этимъ правомъ возникло еще особое „право младшихъ наслѣдниковъ". Братья законнаго наслѣдника трона предъявляли притязанія на постоянное содержаніе. Эти притязанія удовлетворялись самымъ различнымъ образомъ. Младшихъ дѣтей надѣляли помѣстьями, наличными деньгами, денежной рентой. Прежде къ этому часто присоединялись всякіе доходы натурой; нынѣ же младшія дѣти получаютъ только наличныя деньги. По общему правилу тамъ, гдѣ введенъ цивильный листъ, эта денежная рента ассигнуется изъ государственной кассы.

Въ Германіи имѣется 22 княжескихъ фамиліи, которыя (въ концѣ 1902 года) насчитываютъ 420 членовъ, 234 мужчинъ и 186 женщинъ. Эти 22 фамиліи ежегодно получаютъ изъ средствъ союзнаго государства около 40 милліоновъ марокъ. Большинство княжескихъ фамилій обладаютъ значительнымъ частнымъ имуществомъ, огромными земельными владѣніями, многочисленными замками и дорогими сокровищами искусствъ.

Какъ ихъ доходы изъ государственной казны, такъ и ихъ собственные доходы, по закону освобождаются отъ податей.

Для продолженія княжеской семьи необходимо, чтобы въ ней было достаточно наслѣдниковъ. Если она дѣйствительно богата наслѣдниками, то защитники династическихъ интересовъ обыкновенно толкуютъ объ „особомъ Божьемъ благословеніи, снизошедшемъ на правящій домъ". Отъ всего народа какъ будто ждутъ, что онъ будетъ молиться за высокопоставленную роженицу и отпразднуетъ рожденіе принца, какъ актъ Божьей милости. Это тѣсно связано съ идеей о божественномъ происхожденіи власти, которой мы посвятимъ особый отдѣлъ.

2. Критика наслѣдственнаго правленія.

Томасъ Моръ. — Мильтонъ. — Гоббсъ. — Пэнъ. — Гердеръ. — Кантъ. — Фихте. — Вейцель. — Лассаль.

Королевская власть вообще, и, главнымъ образомъ, наслѣдственная монархическая власть издавна служили предметомъ критики со стороны выдающихся мыслителей. Никогда не было недостатка въ нападкахъ на этотъ институтъ, и, что всего удивительнѣе, самыя сильныя и основательныя нападки надо отнести ко времени абсолютнаго господства князей. Мы надѣемся разсмотрѣть тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ выдающуюся критическую цѣнность. Прежде всего остановимся на Томасѣ Морѣ. Въ своей появившейся въ 1516 году „Утопіи" онъ проводитъ идею избирательной власти. „Воля народа вручаетъ и отнимаетъ королевское достоинство". Народъ въ его идеальномъ государствѣ избираетъ князя путемъ тайнаго голосованія черезъ посредство спеціальныхъ уполномоченныхъ. Постъ князя является пожизненнымъ, но онъ можетъ лишиться его, если начнетъ проявлять стремленіе къ самодержавной власти. Моръ былъ убѣжденъ въ необходимости княжеской власти, но князь ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть тираномъ, который бы видѣлъ въ своихъ гражданахъ только

рабовъ [1]. Эта идея прежде всего является отрицаніемъ наслѣдственной монархической власти.

Аналогичныя мысли высказываетъ великій англійскій философъ и поэтъ Мильтонъ, умершій въ 1674 году. Его антимонархическія воззрѣнія мы ближе разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ [2]. Послѣ того, какъ въ 1649 году король Карлъ I былъ низведенъ съ престола и казненъ, какъ преступникъ противъ народа, Мильтонъ издалъ книгу, въ которой онъ оправдывалъ и защищалъ этотъ поступокъ. Онъ, между прочимъ, доказываетъ, что такъ какъ король не можетъ быть господиномъ народа, то онъ не можетъ видѣть въ коронѣ свою собственность или наслѣдственное владѣніе. Въ противномъ случаѣ, подданный являлся бы только рабомъ или вьючнымъ животнымъ. „Власть государей и начальства передана имъ народомъ для общаго блага; источникъ этой власти остается у народа; отрицать это можетъ только тотъ, кто хочетъ лишить человѣка прирожденной ему свободы. Народъ можетъ надѣлить короля властью, но онъ можетъ также и лишить его власти, потому что право управляться, какъ имъ кажется лучше, принадлежитъ всѣмъ свободнымъ людямъ. Народъ имѣетъ право измѣнять и избирать форму государственнаго правленія“.

Другой англійскій философъ, Томасъ Гоббсъ, умершій черезъ пять лѣтъ послѣ Мильтона (1679), считается основателемъ ученія, въ силу котораго абсолютизмъ необходимъ для того, чтобы установленіемъ высшей воли избѣжать войны всѣхъ противъ всѣхъ. Политическое ученіе Гоббса, изложенное въ „Левіафанѣ“, Ф. Альбертъ Ланге считаетъ въ извѣстномъ отношеніи безусловно революціоннымъ,

---

[1] Kautsky. Thomas More und seine Utopia. Stuttgart 1890. S. 170 ff und 310.

[2] Свѣдѣнія о Мильтонѣ заимствованы изъ слѣдующихъ сочиненій: Milton, Studien zur Geschichte des englischen Geistes. Von Gustav Robert. Hamburg 1860. Troxler: Fürst und Volk nach Buchanans und Miltons Lehre. Aarau 1821.

ибо оно совершенно отрицаетъ божественное установленіе сословій, прирожденныя, священныя права трона и т. под. консервативныя выдумки. Наслѣдственность монархической власти Гоббсъ также принимаетъ лишь какъ полезное учрежденіе. Впрочемъ, въ предисловіи къ вышедшей въ 1644 году книгѣ „De cive“, онъ оговаривается, что по его теоріи демократическому государству слѣдуетъ повиноваться не менѣе, чѣмъ монархическому.

Ланге слѣдующимъ образомъ развиваетъ теорію Гоббса. „Чтобы усмирить массу и избѣжать войны всѣхъ противъ всѣхъ, эгоизмъ правителей долженъ быть сопряженъ съ сильной властью, которая заставила бы считаться съ собой, чтобы обезвредить безпорядочный и гораздо болѣе опасный эгоизмъ подданныхъ.

„Изъ этой системы само собою вытекаетъ, что каждая революція, владѣющая силой, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право проводить новую государственную власть. Изрѣченіе „сила предшествуетъ праву“ не нужно для утѣшенія тирановъ, такъ какъ понятія „сила“ и „право“ равнозначущи. Гоббсъ не останавливается на этихъ выводахъ изъ своей системы и съ особенной любовью рисуетъ преимущества абсолютной наслѣдственной королевской власти. Именемъ „Левіаѳанъ“ обозначается такое чудовищное государство, которое, не руководствуясь никакими высшими соображеніями, какъ земной Богъ, опредѣляетъ законъ и судъ, право и собственность, которое даже опредѣляетъ понятія о добрѣ и злѣ и, въ награду, обезпечиваетъ всѣмъ, которые ему поклоняются, свободу жизни и имущества“.

Въ концѣ 18-го столѣтія, подъ вліяніемъ событій во Франціи, Томасъ Пэнъ высказалъ свой взглядъ на наслѣдственное правленіе: „Неизвѣстно, въ какомъ правѣ беретъ свое начало наслѣдственное правленіе, и въ предѣлахъ человѣческой власти

нѣтъ такого права, на основаніи котораго можно было бы ввести этотъ родъ правленія. Въ дѣлахъ, относящихся къ личному праву, человѣкъ не можетъ распоряжаться потомствомъ и поэтому ни одинъ человѣкъ, ни одинъ союзъ не имѣютъ права назначать наслѣдственное правленіе. Всякое наслѣдственное господство по своей природѣ является тираніей. Наслѣдственная корона, наслѣдственный тронъ — какими бы фантастическими именами мы ни называли это явленіе — допускаютъ только то толкованіе, что люди представляютъ наслѣдственную частную собственность. Получить въ наслѣдство правленіе, значитъ получить въ наслѣдство людей, какъ будто они являются овцами.

„Правленіе должно представлять нѣчто совершенное. Его направленіе должно стоять выше всякихъ случайностей, которымъ подвержены отдѣльныя лица. Поэтому наслѣдственное правленіе, какъ подверженное всякимъ случайностямъ, является самымъ несоотвѣтствующимъ и несовершеннымъ.

„Система наслѣдственной монархической власти есть система интеллектуальнаго уравненія. Она допускаетъ къ званію короля всѣхъ людей, не дѣлая различія въ ихъ характерахъ. Порокъ и добродѣтель, невѣжество и мудрость она ставитъ на одну и ту же высоту. Разумъ и моральный обликъ замѣстителя не принимаются во вниманіе. Можемъ ли мы удивляться жалкому состоянію человѣческаго духа въ монархическихъ странахъ, если само правленіе основано на такой пагубной уравнительной системѣ? Эта система не имѣетъ выдержаннаго характера: сегодня она такова, а завтра иная. Она измѣняется соотвѣтственно духовнымъ качествамъ каждаго послѣдующаго индивида. Она является господствомъ страстей и случайностей, и ея представители оказываются то дѣтьми, то старчески слабыми, то на колѣняхъ мамки, то на помочахъ, то на костыляхъ. Она ставитъ вверхъ дномъ естествен-

ный порядокъ вещей, совершенно случайно ставитъ дѣтей надъ взрослыми, высокомѣріе несовершеннолѣтнихъ надъ мудростью и опытомъ. Словомъ, едва ли найдется что-нибудь болѣе комичное, чѣмъ наслѣдственная монархія. Когда мы видимъ, что интеллектуальный уровень рожденныхъ для власти во всѣхъ странахъ ниже средняго, что одинъ является тираномъ, другой простофилей, третій дуракомъ, а четвертый всѣмъ вмѣстѣ, то естественно, здоровый человѣческій разумъ не можетъ питать къ нимъ довѣрія.

„Наслѣдственная власть—это сатира на монархію. Чтобы быть ремесленникомъ, нуженъ извѣстный талантъ, чтобы быть королемъ, достаточно имѣть человѣкоподобный видъ, достаточно быть дышащимъ автоматомъ. Но разъ сознаніе проснулось—этотъ предразсудокъ долженъ исчезнуть“.

Пэнъ также указываетъ, что причина многихъ гражданскихъ войнъ лежала въ спорахъ за наслѣдственность власти. Всѣ гражданскія войны во Франціи возникли изъ-за наслѣдственной системы. Исторія Англіи тоже полна такими примѣрами. Споры о наслѣдственности между Іоркской и Ланкастерской династіями продолжались цѣлое столѣтіе. Испанская война за право наслѣдства воспламенила почти половину Европы (1715—1745).

Но вернемся къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ мыслителямъ.

Гердеръ въ своей критикѣ наслѣдственнаго правленія исходитъ изъ соображенія, что есть „естественныя правительства“, которыя соотвѣтствуютъ законамъ природы. Естественное правительство состоитъ изъ людей, которые избраны на постъ, какъ умнѣйшіе и достойнѣйшіе, и власть которыхъ ограничивается этимъ постомъ. Онъ продолжаетъ: „Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ наслѣдственнымъ правленіемъ: гдѣ кончаются здѣсь законы природы, и гдѣ они начинаются? Избраніе въ

судьи самаго справедливаго и способнаго — вполнѣ естественно. Разъ онъ достигъ извѣстнаго совершенства, онъ можетъ оставаться такимъ до глубокой старости. Но вотъ старикъ умираетъ. По какому праву его сынъ является судьей? То, что его воспиталъ умный и справедливый отецъ, не является достаточнымъ основаніемъ. Онъ не могъ передать сыну ни справедливости, ни ума. Сынъ не является отраженіемъ личности отца. Если бы нація хотѣла утвердить законъ и на вѣчныя времена установить договоръ, что каждый, еще не рожденный, даннаго рода будетъ считаться природнымъ судьей, или предводителемъ народа, т. е. самымъ храбрымъ, справедливымъ и умнымъ, въ силу самаго факта своего рожденія, то трудно было бы согласовать такой договоръ о наслѣдственности, я не скажу съ правомъ, но со здравымъ смысломъ. Природа не разъѣляетъ свои дары, руководствуясь династическими соображеніями, и право крови, по которому еще не рожденный пріобрѣтаетъ власть, въ силу своего происхожденія, надъ другими нерожденными въ томъ случаѣ, если они оба появятся на свѣтъ, кажется мнѣ одной изъ самыхъ большихъ нелѣпостей".

Далѣе Гердеръ доказываетъ, что наслѣдственное правленіе основано на войнѣ. „Орды варваровъ заполонили Европу; ихъ предводители и аристократія дѣлили между собой земли и людей, отсюда возникли княжества и лены, отсюда возникло крѣпостничество порабощенныхъ народовъ. Факты исторіи не лгутъ. Что поставило Римъ надъ всѣмъ міромъ, Александра надъ Грецією и Востокомъ? — Война. Насильственныя завоеванія заняли мѣсто права, потомъ они становились правомъ въ силу давности или, какъ говорятъ наши учителя права, по молчаливому соглашенію. Это молчаливое соглашеніе сводилось къ тому, что сильный бралъ, что могъ, слабый же страдалъ, не будучи въ состояніи измѣнить положенія вещей. Такимъ образомъ, право

наслѣдственной власти, какъ и всякаго другого наслѣдственнаго владѣнія, скрѣплено цѣпью традицій, созданныхъ благодаря ряду счастливыхъ случайностей и силѣ.

„Пока нѣкоторыя племена избирали предводителей и судей по свободному убѣжденію, эти предводители являлись только исполнителями общественныхъ стремленій. Слова—„господинъ", король, своевольный, наслѣдственный деспотъ, были чужды этимъ народамъ. Но въ періоды застоя въ своемъ развитіи, предоставляя власть своему предводителю, нація, въ силу его заслугъ, мощи, богатства или другихъ причинъ, отдавала ему въ руки наслѣдственный скипетръ, дабы онъ правилъ ею и ея потомствомъ, какъ пастухъ управляетъ своими овцами. Какія отношенія при этомъ могутъ быть допустимы, если не слабость съ одной стороны, могущество — съ другой, т. е., другими словами, опять фигурируетъ право сильнаго"...

Иммануилъ Кантъ въ развитіи идеи о государственномъ правѣ опирается на постулатъ народнаго суверенитета. Государство создано для поддержанія самыхъ насущныхъ правъ, а таковыми являются личная свобода, политическая свобода и равенство. Народу должна принадлежать законодательная, исполнительная и судебная власть.

Повиновеніе законамъ, исходящимъ не отъ народа, является нарушеніемъ его насущныхъ правъ, его свободы. Народъ имѣетъ право смѣщать монарховъ и уничтожать ихъ рѣшенія". Кантъ склоняется къ республикѣ, какъ къ лучшей формѣ правленія, такъ какъ при республикѣ царитъ не воля одного индивидуума, а законъ, исходящій изъ воли народа. Въ своемъ сочиненіи „Zum ewigen Frieden" онъ, между прочимъ, говоритъ: „Гражданское устройство должно быть республиканскимъ въ каждомъ государствѣ". Съ этими его антимонархическими тенденціями, особенно отрицающими наслѣдствен-

ную монархическую власть, связаны его воззрѣнія на усовершенствованіе человѣчества.

Остановимся также на томъ, что писалъ о княжеской власти и наслѣдственности Іоганнъ Готтлибъ Фихте во время глубочайшаго разстройства и упадка Германіи, когда прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III издалъ „Воззваніе къ моему народу“ по поводу освобожденія отечества [1]. Противопоставляя королевскую власть народной власти, онъ говоритъ: „Наслѣдственность представительной власти, главнымъ образомъ, является противорѣчащимъ разуму принципомъ, потому что образованіе, даже самое высокое, какое здѣсь требуется, всецѣло зависитъ отъ индивидуальныхъ способностей и не можетъ быть наслѣдственнымъ. Въ патріархальномъ государствѣ, гдѣ государь является господиномъ страны, которую онъ разсматриваетъ, какъ частную собственность, наслѣдственная власть еще находитъ себѣ оправданіе“. . . . „Ни одинъ постъ не можетъ быть наслѣдственнымъ. Почему же таковымъ является княжескій постъ? Князя, какъ повелителя, не должно быть. Никто не долженъ вѣрить, что онъ является выразителемъ права“. Фихте допускаетъ существованіе князей только какъ людей, принуждающихъ повиноваться праву. „Прежде всего князь долженъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать излишнимъ свое существованіе, какъ тирана, т. е. онъ долженъ воспитывать народъ не въ рабствѣ, а въ свободѣ, такъ, чтобы онъ могъ обходиться безъ принудительной силы. Только тогда, когда государство достигаетъ этого, оно получаетъ право на существованіе“.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Матвѣй Шваннъ опубликовалъ [2] нѣсколько документовъ, относя-

---

[1] Joh. Gottlieb Fichtes sämtliche Werke. Herausgegeben von I. H. Fichte. Berlin 1846. Bd. III. 4. Politische Fragmente aus den Jahren 1807—1813.

[2] Въ „Воскресномъ приложеніи“ къ № 34 и 35 „Фоссовой газеты“ Vossische Zeitung) 1897, 392 и 394.

щихся ко времени Карлсбадскихъ постановленій и взятыхъ изъ канцеляріи прусскаго государственнаго канцлера князя фонъ Гарденберга. Эти документы— посланія нассаускаго ревизіоннаго совѣтника Іоганна Вейцеля, солиднаго ученаго и человѣка демократическаго образа мыслей, котораго Гарденбергъ надѣялся привлечь на сторону прусской реакціонной государственной власти. Вейцель не скрывалъ своихъ политическихъ убѣжденій и писалъ между прочимъ:

„Чтобы обезпечить конституціи и данной формѣ правленія законное существованіе, въ законахъ должно быть указано, когда и какъ народъ можетъ подвергнуть ихъ пересмотру — напримѣръ, при каждой перемѣнѣ правителя, или черезъ каждые тридцать лѣтъ (когда, какъ предполагается, одно поколѣніе смѣняетъ другое). Если возможность измѣненія и преобразованія конституціи не предусмотрѣна, то она имѣетъ законную силу лишь для того поколѣнія, которое ее приняло. Слѣдующія поколѣнія повинуются уже только силѣ, которую можно ограничить лишь силой. Такимъ образомъ попытки ввести улучшенія становятся возстаніями, а реформы — революціями".

Вейцель придерживается того взгляда, что „отдѣльная личность, такъ же какъ и общество, имѣетъ право распоряжаться только собою, а не другими, и, слѣдовательно, отстаивая неизмѣнность извѣстной формы правленія, правительство опирается на силу, а не на право. Въ другомъ мѣстѣ онъ въ своей философіи политики идетъ еще дальше:

„Кто считаетъ деспотизмъ средствомъ противъ анархіи, тотъ долженъ допустить анархію, какъ средство противъ деспотизма. Если произволъ власти можетъ быть оправданъ злоупотребленіями толпы, которая не умѣетъ пользоваться свободой, тогда необузданность толпы можетъ быть, въ свою очередь, оправдана злоупотребленіями правительства.

Если можно оправдать преступленіе преступленіемъ, неправду — неправдой и безуміе — безуміемъ, тогда міръ принадлежитъ имъ, а царство добродѣтели, правды и разума есть только мечта глупцовъ. Если, какъ часто приходится слышать, родъ человѣческій настолько испорченъ, что не можетъ вынести свободы, то какъ же немногіе, не доказавшіе еще, что они лучше другихъ, хотятъ править? Если одни слишкомъ испорчены, чтобы быть свободными, то почему другіе достаточно хороши, чтобы повелѣвать?"

Наконецъ, мы отсылаемъ читателей къ критической замѣткѣ Фердинанда Лассаля, помѣщенной въ томъ его сочиненіи [1], которое Фр. Альбертъ Ланге очень вѣрно назвалъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ по философіи права. Онъ утверждаетъ, что въ средніе вѣка человѣческая воля въ самыхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ разсматривалась какъ частная собственность. Слѣды этого мы видимъ во всемъ: въ соединенныхъ съ землевладѣніемъ суверенныхъ правахъ; во всевозможныхъ общественныхъ привилегіяхъ различныхъ сословій и классовъ; въ должностяхъ, дѣлавшихся собственностью благодаря покупкѣ или наслѣдованію, и т. д. „Въ средніе вѣка,—говоритъ одинъ французскій историкъ права (Сисмонди),—феодальное владѣніе имѣло притязаніе охватывать все — воздухъ и воду, общественныя и религіозныя дѣла"... Восточное деспотическое правленіе и европейская абсолютная монархія въ правовомъ отношеніи отличаются тѣмъ, что на востокѣ даже частныя отношенія индивидуумовъ составляютъ какъ бы собственность правителя, въ Европѣ же болѣе или менѣе исключительную собственность правителя составляетъ только то, что относится къ области общественной воли.

„Въ политическомъ отношеніи Европа прибли-

[1] Фердинандъ Лассаль. Система пріобрѣтенныхъ правъ. Лейпцигъ 1861. Т. I, стр. 260 и сл.

жается къ упраздненію того порядка, благодаря которому общественная воля націи можетъ быть собственностью одного рода, одной династіи".

„Этого (упраздненія) достигли пока только во Франціи; принципы французской революціи проникли и въ дѣйствительность, несмотря на то, что, повидимому, нѣкоторые факты противорѣчатъ этому положенію. Вотъ уже семьдесятъ лѣтъ (писано въ 1861 г.), какъ во Франціи нѣтъ постоянной династіи; даже деспотическіе правители тамъ принуждены ссылаться не на право собственности или на свой титулъ, а на народное избраніе; такимъ образомъ они являются не собственниками, а лишь временными, хотя бы и недостойными, носителями національной воли; наконецъ, они принуждены, хотя бы противорѣчиво и двусмысленно, поддерживать и за границей тотъ принципъ, что общественная воля націи не можетъ быть родовой собственностью".

„Въ Германіи этотъ вопросъ принимаетъ гораздо болѣе острую форму, такъ какъ здѣсь не только народная воля, но и право на разобщеніе народнаго духа и на раздробленіе народа, составляетъ вещное право нѣсколькихъ фамилій". Представители новѣйшей государственной науки почти единогласно придерживаются того мнѣнія, что притязанія на право престолонаслѣдія, подобно всѣмъ другимъ пріобрѣтеннымъ правамъ, могутъ быть устранены или ограничены. „Даже право на корону отъемлемо! Прежняя точка зрѣнія, которая разсматривала право агнатовъ (родственниковъ по мужскому колѣну) какъ частное право, не соотвѣтствуетъ уже современнымъ понятіямъ о государственномъ правѣ, по которымъ престолонаслѣдіе есть призывъ къ общественной дѣятельности [1], а не наслѣдованіе извѣстнаго имущества".

---

[1] Д-ръ Георгъ Мейеръ, профессоръ права въ Гейдельбергѣ. Государство и пріобрѣтенныя права. Лейпцигъ 1895. Стр. 39. Его же: Учебникъ нѣмецк. государств. права. Парагр. 86, стр. 227.

Демократизмъ совершенно послѣдовательно отрицаетъ неприкосновенность монархическаго образа правленія, необходимость существованія такового, вообще — вѣчное право династій на владычество

3: Еще нѣкоторыя критическія замѣчанія.

О правахъ прирожденныхъ властителей.

Понятіе о наслѣдственной монархіи связывали и даже теперь связываютъ съ понятіемъ „прирожденной власти". Это самое нелѣпое изъ всѣхъ нелѣпыхъ положеній, служащихъ опорой монархизма. Оно относится къ области монархической фразеологіи, разсчитанной на то, чтобы поддерживать и укрѣплять „монархическій образъ мыслей". Оно должно указывать на то, что авторитетъ властителя основанъ на существовавшей въ прежнія времена родовой власти, которая произошла изъ отцовской власти и является, слѣдовательно, прирожденной и наслѣдственной. Доказываютъ, что власть отца, которая вначалѣ распространялась только на одну семью, становилась властью родоначальника, когда семья эта разросталась и развѣтвлялась, а затѣмъ, естественно, переходила къ ближайшему потомку родоначальника.

Слово „король" (König) носитъ слѣды такого происхожденія. Оно означаетъ на древне-германскомъ языкѣ (производное отъ chuni—родъ) не что иное, какъ: вождь семьи, рода или племени (древне-германское-chuninc). Далѣе выводятъ слѣдующее заключеніе: королевская власть, по точному смыслу слова, есть власть родоначальника или патріархальнаго государя; такъ какъ она произошла отъ отеческой власти, которая представляетъ дарованное природой преимущество, то этимъ доказывается ея легитимное происхожденіе.

Допустимъ, что эти предположенія и заключенія правильны; всетаки, они не могутъ быть при-

мѣнены къ „прирожденному правящему дому“, ибо никто изъ современныхъ нѣмецкихъ правителей не происходитъ отъ родоначальника или вождя того нѣмецкаго племени, которымъ онъ въ данное время правитъ.

Въ главѣ о происхожденіи королевскаго достоинства мы показали, что народовластіе предшествовало власти отдѣльныхъ лицъ [1].

Больше чѣмъ гдѣ бы то ни было это примѣнимо къ Германіи. Мы уже объяснили, какъ могла возникнуть власть отдѣльнаго лица среди такого свободолюбиваго народа. Вотъ нѣсколько примѣровъ, насколько монархи имѣли основаніе говорить о прирожденныхъ правахъ на власть.

Рудольфъ Габсбургскій, „родоначальникъ“ австрійскаго царствующаго дома, былъ римскаго происхожденія. Фридрихъ Гогенцоллернъ, основатель прусской династіи, не былъ ни наслѣдственнымъ правителемъ славянскаго населенія марки Бранденбургъ, Восточной и Западной Пруссіи, ни потомкомъ тюринговъ, саксовъ, франковъ и т. п. племенъ, входящихъ въ составъ прусскаго королевства — онъ былъ швабскаго происхожденія. Марка Бран-

[1] Мы можемъ еще сослаться по этому поводу на Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Въ своемъ „Опытѣ установленія границъ дѣятельности государства“ (стр. 46 и слѣд.), написанномъ въ 1782 г. и опубликованномъ д-омъ Эдуардомъ Кауэромъ въ 1857 г., онъ указывалъ на то, что у всѣхъ древнихъ народовъ короли были только предводителями на войнѣ и судьями въ мирное время. При этомъ онъ замѣчаетъ: „Исторія показываетъ намъ, какъ это ни странно, что короли являются какъ разъ въ такую эпоху, когда человѣку, имѣющему еще очень мало богатствъ, знающему и цѣнящему лишь физическую силу и находящему величайшее наслажденіе въ упражненіи ея, свобода кажется дороже всѣхъ благъ. На это указываютъ государственныя устройства Азіи, древнѣйшее устройство Греціи, Италіи и свободолюбивѣйшихъ племенъ — германскихъ. Если искать причины этого явленія, то замѣчаемъ, что именно избраніе монарха доказываетъ величайшую свободу избирающихъ его. Истинно свободному человѣку чуждо опасеніе, что свободный человѣкъ захочетъ превратиться изъ предводителя и судьи въ правителя; онъ даже не представляетъ себѣ этой возможности; онъ не допускаетъ мысли, чтобы кто-либо изъ людей имѣлъ власть поработить его и чтобы свободный человѣкъ захотѣлъ быть властителемъ, — да и въ самомъ дѣлѣ, властолюбецъ не понимаетъ высокой красоты свободы и любитъ рабство, только самъ онъ не хочетъ быть рабомъ“. Народы, избиравшіе себѣ предводителя, вовсе не отказывались отъ своей свободы и не хотѣли подчиняться властителю.

денбургъ была дана королемъ Сигизмундомъ бургграфу Нюрнбергскому, Фридриху II, сначала въ управленіе, а затѣмъ была ему продана.

Но Фридрихъ потребовалъ отъ императора, съ согласія курфюрстовъ, окончательной уступки марки Бранденбургъ дому Гогенцоллерновъ.

Таково происхожденіе прусской „прирожденной" верховной власти. Наслѣдникъ Фридриха хитрыми сдѣлками и насильственными мѣрами присвоилъ себѣ, одно за другимъ, еще нѣсколько владѣній Нѣмецкаго ордена. Въ 1525 году король польскій Сигизмундъ пожаловалъ маркграфа Альбрехта Бранденбургскаго Пруссіей въ качествѣ наслѣдственнаго „леннаго" герцогства. Такъ продолжалась „наслѣдственность" прусской верховной власти до новѣйшаго времени посредствомъ захвата другихъ земель и вмѣшательства въ права владѣнія другихъ „прирожденныхъ" владѣтелей.

Оттонъ Виттельсбахскій, отъ котораго ведутъ свой родъ баварскіе короли, лишь въ XII вѣкѣ первый изъ своего рода сдѣлался баварскимъ герцогомъ, и не какъ вождь племени, а благодаря пожалованію ему императоромъ этого герцогства въ ленное владѣніе, онъ не былъ также вождемъ франкскихъ и швабскихъ племенъ, входящихъ нынѣ въ составъ баварскаго королевства.

Точно также ни одинъ изъ нынѣшнихъ королей или князей Германіи не ведетъ свой родъ отъ первоначальнаго вождя племени тѣхъ народовъ, надъ которыми онъ теперь имѣетъ право власти.

Начатое съ Вестфальскаго мира, съ помощью Франціи, разложеніе германскаго государства въ цѣляхъ расширенія ихъ династическаго могущества нѣмецкіе правители завершили при Бонапартѣ: не принадлежавшія никакой династіи имперскія земли на лѣвомъ берегу Рейна (духовныя курфюршества) получила Франція; остальныя, находившіяся въ центральной Германіи земли Наполеонъ раздѣлилъ

между правителями, которымъ онъ покровительствовалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣлилъ ихъ также болѣе громкими титулами и объявилъ ихъ верховную власть неограниченной, за что они обязались предоставить свое могущество въ его полное распоряженіе. Такъ князья саксонскій, баварскій и вюртембергскій сдѣлались королями, другіе великими герцогами, герцогами и т. д. Всѣ они формально отступились отъ германской имперіи, и собрались вокругъ своего покровителя въ новомъ Рейнскомъ союзѣ. Этому союзу они оставались вѣрны, пока счастье не измѣнило ихъ покровителю.

Какъ только Наполеона постигла неудача въ Россіи, они перешли на сторону его противниковъ и соединенными усиліями отняли у него то, что самъ онъ отнялъ раньше у государства. Затѣмъ побѣдители собрались на всеобщій конгрессъ въ Вѣнѣ, раздѣлили между собою отвоеванныя вновь имперскія земли и обѣщали взаимно ограждать свои владѣнія и свои суверенныя права надъ ними. Въ 1866 г. Пруссія пробила большую брешь въ этой „освященной клятвой“ и „неприкосновенной“, организаціи, „присоединивъ“ къ себѣ, какъ плодъ кровавой братоубійственной войны, Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау и Франкфуртъ на Майнѣ, а незадолго передъ этимъ объявила Шлезвигъ-Гольштинію своей „наслѣдственной“ провинціей.

Въ силу права побѣдителя прусское королевство въ 1866 г. лишило потомковъ трехъ изгнанныхъ правителей права на престолонаслѣдіе. Это насиліе сильно подорвало вѣру въ „святость“ и „неприкосновенность“ династическихъ правъ. Это была монархическая и вмѣстѣ съ тѣмъ антимонархическая демонстрація, апеллировавшая къ здравому человѣческому смыслу.

Съ начала девя надцатаго столѣтія династіи нерѣдко стали падать подъ напоромъ народнаго

движенія, при чемъ большею частью онѣ, какъ во Франціи, замѣнялись другими династіями, о чемъ мы поговоримъ еще въ другомъ мѣстѣ. Случалось также, что государства, добившись политической самостоятельности, получали наслѣдственныхъ правителей: Грецію, послѣ отпаденія отъ Турціи, получила въ 1830 г., благодаря заботамъ другихъ державъ, баварскаго принца Оттона, а когда этотъ послѣдній былъ изгнанъ народомъ, королемъ ея сдѣлался принцъ Георгъ Датскій. Постановленіемъ брюссельскаго національнаго конгресса, 24-го ноября 1830 г., Бельгія была объявлена самостоятельнымъ государствомъ съ наслѣдственнымъ конституціонно-монархическимъ образомъ правленія; принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, былъ избранъ королемъ. Въ 1866 г. румыны отправились на поиски государя; выборъ ихъ палъ на принца Карла Гогенцоллернъ-Сигмарингенъ. Въ Сербіи народные представители 11-го декабря 1858 г. передали дому Обреновичей королевское достоинство, наслѣдственное по праву первородства по мужскому колѣну. Всѣмъ еще памятно, какъ въ іюнѣ 1903 г. окончилось существованіе этой династіи ужаснымъ убійствомъ, совершеннымъ высокопоставленными офицерами послѣ хищническаго хозяйничанья Милана и сына его Александра. Наполеонъ III намѣревался основать зависящее отъ его власти монархическое государство въ Мексикѣ. Благодаря его стараніямъ, собраніе знатнѣйшихъ гражданъ въ Мексикѣ избрало въ 1864 г. императоромъ Эрцгерцога Максимиліана Австрійскаго; черезъ три года онъ былъ побѣжденъ во время гражданской войны и разстрѣлянъ по приговору военнаго суда. Нѣсколько лѣтъ спустя испанскіе кортесы возвели на престолъ, съ котораго народъ свергъ наслѣдственную династію Бурбоновъ, Амедея, сына итальянскаго короля Виктора Эммануила. Берлинскимъ мирнымъ договоромъ

Болгарія была объявлена 13-го іюля 1878 г. самостоятельнымъ княжествомъ. Болгарское народное собраніе 29 апрѣля 1879 г. выбрало княземъ принца Александра Баттенбергскаго. 7-го сентября 1881 г. его заставили отречься отъ престола; ему наслѣдовалъ избранный народнымъ собраніемъ принцъ Фердинандъ Кобургскій.

Такая фабрикація государей особенно ярко иллюстрируетъ фразу о „прирожденномъ“ владычествѣ. Нѣтъ ни одного случая, въ которомъ можно было бы назвать монархическое правленіе прирожденнымъ. Кто знаетъ исторію развитія монархій, у того эта фраза о прирожденной власти можетъ вызвать лишь снисходительную улыбку. Прирожденныхъ правъ на верховную власть не существуетъ. Порабощеніе свободныхъ на ихъ собственной землѣ, даръ, покупка, завоеванія или захватъ — не есть право, а насиліе. Народы имѣли право на свободу, и это право было отнято у нихъ незаконной властью государей. Можно говорить о привычкѣ народовъ къ порабощенію и подчиненію, но только не о „прирожденномъ правѣ владычества“! Исторія учитъ, какъ обстоитъ это дѣло. Владычество не основывается на неприкосновеннымъ правѣ, а является лишь временнымъ фактомъ. Узурпированная власть даже въ силу давности не можетъ сдѣлаться „неприкосновенымъ правомъ“. Отъ навязаннаго народу „наслѣдственной властью“ подчиненія народъ поднимается къ сознанію своихъ дѣйствительно незыблемыхъ и вѣчныхъ верховныхъ правъ. Въ силу этого сознанія онъ низвергалъ незаконную власть монарховъ или ограничивалъ ее. Исторія не оказываетъ уваженія ни одной изъ фразъ, приводимыхъ въ династическихъ интересахъ, о „правѣ прирожденнаго владычества,“ которое сильно грѣшитъ противъ исторической истины.

Ученіе о „наслѣдственной власти“ лѣтъ десять

тому назадъ было своеобразно „очищено“ съ такъ называемой „національной“ и „патріотической“ точки зрѣнія политиками монархическаго образа мыслей.

Когда въ августѣ 1893 г. умеръ герцогъ Эрнстъ II Кобургъ-Готскій, правленіе этимъ союзнымъ германскимъ государствомъ, согласно порядку престолонаслѣдія, перешло къ англичанину, герцогу Альфреду Эдинбургскому. Событіе это дало „благомыслящей“ нѣмецкой печати поводъ для обсужденія вопроса, не требуетъ ли „національный долгъ“ закона о томъ, чтобы члены иностранныхъ правящихъ домовъ не могли занимать германскихъ тронов. Консервативная газета „Reichsbote“, въ номерѣ отъ 27 ноября 1893 г., предавалась слѣдующимъ размышленіямъ:

„Согласно династическому принципу временъ абсолютизма, государства и народы, подобно другимъ предметамъ наслѣдованія, переходили къ ближайшимъ родственникамъ правителя безъ различія національности; съ этой точки зрѣнія герцогъ Эдинбургскій, несомнѣнно, имѣетъ право на престолъ; онъ является ближайшимъ наслѣдникомъ бездѣтнаго герцога Эрнста II Кобургскаго. Но до сихъ поръ всѣ думали, что нѣмецкое національное чувство будетъ пощажено, и вступленіе англійскаго герцога, адмирала и сановника на престолъ нѣмецкаго государства не будетъ допущено. Мы откровенно сознаемся, что наше національное чувство крайне оскорблено тѣмъ, что англійскій герцогъ и адмиралъ является правителемъ нѣмецкаго государства и, какъ таковой, нѣмецкимъ союзнымъ государемъ.

„Есть еще и другія нѣмецкія государства, въ которыхъ правящіе дома связаны очень тѣсно узами родства съ иностранными — австрійскимъ и русскимъ—царствующими домами, а число туземныхъ принцевъ невелико, такъ что, быть можетъ, австрійскіе эрцгерцоги или русскіе великіе князья

вступятъ когда-нибудь въ управленіе нѣмецкими королевствами или герцогствами. Мысль объ этомъ нестерпима для нѣмецкаго національнаго сознанія и чувства, и мы опасаемся, что такіе факты послужатъ лишь къ уменьшенію значенія и престижа монархіи".

Національно-либеральныя газеты писали:

„То обстоятельство, что корона въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ можетъ по закону перейти къ членамъ иностранныхъ династій, можетъ вызвать нѣкоторыя опасенія. Они уже возникли при перемѣнѣ правителя въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ. Нужно думать, что порядокъ наслѣдованія въ такихъ государствахъ будетъ измѣненъ".

Въ нашу задачу, разумѣется, не входитъ защита интересовъ какихъ-либо династій. Но мы можемъ сказать, что этотъ страхъ передъ „нашествіемъ" чужихъ государей выдаетъ болѣзненность „патріотическаго" мышленія. Если смотрѣть трезво и объективно, то въ чемъ же, собственно, дѣло? Англичанинъ Альфредъ воспользовался своимъ правомъ наслѣдованія; онъ принесъ предписанную присягу на вѣрность конституціи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія положительнаго права, „вопросъ" окончательно рѣшенъ: онъ „конституціонный" государь, принужденный придерживаться конституціи и законовъ.

Какъ всякій другой рожденный въ Германіи монархъ, такъ и онъ долженъ только править согласно конституціи. Развѣ иностранные принцы, дѣлающіеся нѣмецкими монархами на основаніи закона о престолонаслѣдіи, имѣютъ въ противоположность нѣмецкимъ, особенную врожденную способность править иначе, измѣнять своей присягѣ? Это нужно еще доказать.

Но далѣе; европейскія династіи давно уже составляютъ одну семью; ихъ члены—кровные родственники и въ отношеніи династическихъ интересовъ со-

вершенно солидарны. Если нѣмецкій правитель женится на иностранной принцессѣ или иностранный правитель—на нѣмецкой принцессѣ, тогда восторгъ нашихъ „патріотовъ“ не знаетъ границъ; тогда они утверждаютъ, что этотъ союзъ „обезпечитъ крѣпость и сердечность дружескихъ отношеній“ двухъ династій и національ. Это старое традиціонное шарлатанство. Наши шовинисты, придающіе такое большое значеніе нѣмецкому „происхожденію“ германскихъ правителей, не должны бы забывать, что нѣтъ ни одного нѣмецкаго правителя, въ жилахъ котораго текла бы „чисто нѣмецкая“ кровь. У всѣхъ есть примѣсь „чужой“ крови, часто даже въ очень значительномъ количествѣ.

Гордиться „нѣмецкимъ“ происхожденіемъ нѣмецкихъ правителей такъ же нелѣпо, какъ стараться основать понятіе національности на вымыслѣ о „чисто національномъ“ „происхожденіи“, когда доказано, что такая „чистая“ національность вовсе не существуетъ.

4. Подданство и „вѣрноподданничество“.

Подданство — отжившее понятіе. — Невѣрное толкованіе служебной присяги.—Указъ Вильгельма I.—Невѣрное толкованіе присяги знамени.—Вѣрность дворянства королю.—Нѣсколько замѣчаній Вильгельма II о дворянствѣ. — Вѣрная королю аграрная фронда.—Неудавшееся искусственное воспитаніе „монархическаго образа мыслей“.

Мы должны упомянуть еще о понятіи подданства, тѣсно связанномъ съ понятіемъ о наслѣдственной монархіи.

Государственное право давно покончило съ этимъ понятіемъ, но приверженцы византизма, проявляющіе свою дѣятельность во всѣ времена, хотятъ ввести его въ качествѣ контрабанды. Вотъ почему эта клика кричитъ о „долгѣ вѣрноподданничества“ по отношенію къ монарху. Понятіе подданства есть слѣдствіе монархическаго принципа, той индивидуалистической теоріи власти, которая

приписывала отдѣльной личности право подчинять себѣ другихъ людей, и которая, съ помощью трансцедентныхъ понятій подняла его въ извѣстномъ смыслѣ на сверхчеловѣческую высоту, приблизила его къ богамъ. Какъ возникло основанное на преимуществахъ сильной индивидуальности личное право власти надъ другими, Кэрстъ [1] поясняетъ намъ на примѣрѣ древней Греціи, гдѣ монархія сдѣлалась господствующей формой политической жизни. Демократія была потрясена и побѣждена тѣмъ, что господствующіе классы въ извѣстномъ смыслѣ овладѣли государствомъ и заставили его служить своимъ интересамъ. Наступило „преобладаніе надъ понятіемъ о государствѣ интересовъ господствующаго класса, вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныхъ личностей“, которыя умѣли подчинить себѣ эти интересы. Кэрстъ доказываетъ, что монархическое самовозвышеніе личности возросло благодаря вліянію духовнаго движенія, вызваннаго философіей. Онъ приписываетъ словамъ Протагора: „Человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей“, а также софистикѣ и философіи Сократа своеобразную индивидуалистическую тенденцію, „извѣстное направленіе, которое могло проложить путь монархическому государственному устройству.“

Сократъ сказалъ, что не тѣ владѣютъ скипетромъ и не тѣ истинные короли и правители, которые избраны народомъ или назначены по жребію, а тѣ, которые умѣютъ править, благодаря своимъ знаніямъ.

Поэтому законность монархической власти въ принципѣ основана на личности правителя, а не на призвавшемъ его къ правленію постороннемъ авторитетѣ.

Керстъ считаетъ необходимымъ слѣдствіемъ изъ

[1] Julius Kaerst. Studien zur Entwickelung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum. München und Leipzig 1898. I und II Kap.

этой теоріи, чтобы право индивидуума, право сильнаго признавалось естественнымъ правомъ человѣка.

„Если законъ осуществляетъ равенство гражданъ, а сторонники демократическаго государства считаютъ принципъ равенства за основу всякаго истиннаго государственнаго порядка, то поборники права сильнаго указываютъ на существующее отъ природы неравенство, видятъ въ законахъ, провозглашающихъ равенство, нѣчто противоестественное. Они заявляютъ, что индивидуумъ, которому природа дала необходимыя силы и средства, не только имѣетъ право, но и долженъ возвысить себя до положенія господина надъ тѣми, кому природа дала въ удѣлъ подчиненіе. . .“ Тогда уже не совокупность всѣхъ гражданъ и созданные ими законы будутъ организовать государство, а искусство правителей, противостоящихъ всѣмъ остальнымъ, какъ подданнымъ. Такимъ образомъ, понятія гражданства и подданства исключаютъ другъ друга.

Повелитель долженъ заботиться о подданныхъ, какъ пастырь о стадѣ; онъ долженъ содѣйствовать ихъ тѣлесному и духовному благополучію. А стадо должно быть въ полной зависимости отъ пастыря, оно не можетъ имѣть собственной воли, идущей вразрѣзъ съ волею пастыря, но должно во всемъ подчиняться своему пастырю. По этой теоріи подданство соотвѣтствуетъ интересамъ подданныхъ.

Вотъ основныя идеи подданства, вытекающія изъ понятія абсолютизма.

Первоначальная германская власть племеначальника не имѣла ничего общаго съ самодержавіемъ. Мы уже указывали на то, что первый человѣкъ племени, народный король, не имѣлъ власти надъ народомъ и особенно не имѣлъ права требовать повиновенія и разсматривать своихъ единоплеменниковъ, какъ подданныхъ; на совѣщаніяхъ онъ былъ равнымъ среди равныхъ и долженъ былъ подчиняться рѣшеніямъ народа.

Въ позднѣйшія времена абсолютные монархи „Божіею милостію“ могли считать отдѣльныхъ представителей народа своими подданными и обращаться съ ними, какъ съ таковыми. Это притязаніе опиралось на такъ наз. „положительное право“.

Относительно того, что говоритъ нѣмецкое государственное право прежнихъ временъ о понятіи „подданные“, о ихъ правахъ и обязанностяхъ, мы сошлемся на Іоганна Іакоба Мозера[1]. По его словамъ, въ 18 вѣкѣ различались понятія гражданинъ и подданный: „всякій гражданинъ есть въ то же время и подданный, но не всякій подданный — гражданинъ“. Отличительный признакъ коронnаго подданства заключается въ томъ, что „государь осуществляетъ большую часть важнѣйшихъ верховныхъ правъ независимо отъ своихъ подданныхъ“. А признакомъ крѣпостного подданства Мозеръ считаетъ „право помѣщика отправлять по крайней мѣрѣ низшую судебную власть надъ личностью и ея имуществомъ, или только надъ личностью, или только надъ имуществомъ“.

Существовали различные виды подданства. Чаще всего подданство передавалось по наслѣдству (наслѣдственное подданство). Съ другой стороны, всякій могъ добровольно признать себя подданнымъ государя. Чужестранцы дѣлались подданными или вслѣдствіе переселенія на территорію государя, или вслѣдствіе поступленія къ нему на службу. Подданный подчинялся либо одному государю, либо нѣсколькимъ. Если кто-нибудь имѣлъ одного государя, то назывался непосредственнымъ подданнымъ, если же власть надъ нимъ раздѣлялась между нѣсколькими государями, онъ являлся непрямымъ подданнымъ. Что касается религіи, то подданные,

[1] Vor der Teutschen Untertanen Rechten und Pflichten. Nach denen Reichsgesetzen und dem Reichs-Herkommen, wie auch aus denen Teutschen Staats-Recht-Lehren und eigener Erfahrung. Frankfurt und Leipzig. 1774.

вообще говоря, должны были быть христіанами, евреи же и др. были только „терпимы".

Подданство прекращалось тогда, когда государь освобождалъ отъ подданства или изгонялъ подданыхъ изъ страны.

О подданствѣ по отношенію къ императору говорится: „Такъ какъ императоръ есть глава всей Германской имперіи, то всѣ подданные имперскихъ чиновъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, считались въ то же время непрямыми подданными императора". На этомъ основаніи они должны были пользоваться защитой императора. Императоръ обязанъ держать подданныхъ въ должномъ повиновеніи по отношенію къ ихъ государямъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой это предписывается закономъ. Такъ какъ императоръ является верховнымъ повелителемъ, то всѣ подданные обязаны оказывать ему должный почетъ. Если же нѣмецкій подданный устно или письменно окажетъ неуваженіе по отношенію къ императорскому величеству, или къ его министрамъ, или же къ высшимъ имперскимъ судамъ, то имперскій фискалъ возбуждаетъ противъ него преслѣдованіе, и онъ подвергается строгому наказанію. Нѣмецкіе подданные должны хранить по отношенію къ своему императору вѣрность, которая состоитъ въ томъ, что „они должны споспѣшествовать его славѣ, поскольку это согласуется съ имперскими законами, охранять его отъ всякаго вреда, не водить дружбы съ его врагами и т. д.". Измѣна императору разсматривается какъ оскорбленіе величества, и виновный подвергается лишенію жизни, чести и имущества. Кромѣ того нѣмцы должны повиноваться императору: „они обязаны дѣлать то, что онъ приказываетъ и воздерживаться отъ того, что онъ запрещаетъ", если только его приказанія не превышаютъ императорской власти. По поводу этого Мозеръ замѣчаетъ, что въ случаѣ коллизіи между приказаніями императора и владѣтельнаго

князя, подданный, который не можетъ въ данномъ случаѣ обратиться въ судъ, попадаетъ въ весьма затруднительное положеніе, „и ему не остается ничего другого, какъ повиноваться тому, кто въ данное время имѣетъ надъ нимъ бо́льшую власть“.

Несмотря на то, что вышеизложенная система подданства защищалась всѣми средствами власти, она должна была уступить ученію о суверенитетѣ народа. Давно прошли тѣ времена, когда короли могли говорить то, что сказалъ Іаковъ I англійскій, въ своей тронной рѣчи въ 1609 году: „Они (короли) создаютъ и уничтожаютъ подданныхъ, распоряжаются ихъ жизнью и смертью, являются судьями во всѣхъ дѣлахъ, не будучи сами ни передъ кѣмъ отвѣтственны, кромѣ Бога. Они могутъ обращаться со своими подданными, какъ съ шахматными фигурами“.

Давно уже ученіе о суверенитетѣ народа настолько вытѣснило это дикое высокомѣріе, что всѣ люди, входящіе въ составъ народа, признаются гражданами, которые надѣлены извѣстными правами, и государственная власть подчинена законамъ, установленнымъ народнымъ представительствомъ. Раньше народъ состоялъ изъ подданныхъ, которые противополагались государственной власти; онъ былъ объектомъ этой власти, въ конституціонномъ же государствѣ понятія государство и народъ покрываютъ другъ друга, и народъ состоитъ изъ гражданъ. Монархи, подобно всѣмъ другимъ гражданамъ, также обязаны подчиняться закону; они не стоятъ выше закона — такова, по крайней мѣрѣ, теорія правового государства, Если же нѣкоторые „патріоты“, въ презрѣнномъ прислужничествѣ передъ власть имущими, для укрѣпленія „монархическаго чувства“ осмѣливаются демонстративно напоминать народу о его вѣрноподданническомъ долгѣ по отношенію къ монарху, то это лишь тенденціозная игра пустыми фразами.

„Il n'ya plus de sujets" — нѣтъ болѣе подданныхъ — такъ говорили во Франціи послѣ паденія абсолютизма. Вскорѣ послѣ этого въ абсолютномъ государствѣ Пруссіи Іоганнъ Готлибъ Фихте развилъ свои идеи о правахъ гражданъ. „Только человѣчество — говоритъ онъ — есть источникъ правъ и обязанностей. Гражданиномъ называется тотъ, кто ничѣмъ не связанъ, кромѣ закона. Кто же связанъ еще чѣмъ-либо другимъ, тотъ является подчиненнымъ постоянно опекающей его власти, которая сама стоитъ внѣ равнаго для всѣхъ закона"... Присяга подданныхъ есть во всякомъ случаѣ обдуманное обѣщаніе. Но человѣкъ не можетъ ничего обѣщать, не можетъ связывать себя ничѣмъ, что противорѣчитъ его назначенію. „Обѣщаніе быть рабомъ — противозаконно". — „Вѣрность своему господину есть собачья добродѣтель". Далѣе Фихте критикуетъ ни на чемъ не основанное обыкновеніе постоянно твердить о „подданныхъ" и ставить государя выше отечества, какъ будто у него самого нѣтъ отечества! Къ этому онъ прибавляетъ: „Всѣ мы—подданные божественной воли, выражающейся въ нравственномъ законѣ, и это составляетъ нашу честь и наше достоинство. И самый блестящій повелитель оказываетъ себѣ величайшую честь, признавая себя подданнымъ Божьяго царства. Поэтому ни одинъ человѣкъ не смѣетъ думать, что другіе равные ему люди должны подчиняться его личной волѣ, ибо этимъ онъ дѣлаетъ себя равнымъ Богу".

Великій мыслитель ставитъ нѣмцамъ слѣдующую міровую задачу: „Осуществить истинное царство права, какого никогда еще не было на свѣтѣ, со всѣмъ тѣмъ одушевленнымъ стремленіемъ къ свободѣ, какое мы видимъ въ классическомъ мірѣ, безъ принесенія въ жертву большинства людей въ качествѣ рабовъ, къ свободѣ, основанной на равенствѣ всѣхъ, кто носитъ человѣческій обликъ".

Обратимся теперь къ консервативнымъ писате-

лямъ. Захарія толкуетъ положеніе: „Нѣтъ больше подданныхъ“ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ долженъ быть не подданнымъ абсолютнаго монарха, но свободнымъ, самоопредѣляющимся членомъ общественнаго цѣлаго.

Цёпфль также заявляетъ, что уваженіе къ правамъ народа требуетъ замѣны слова „подданный“ словомъ гражданинъ.

Другой консервативный писатель ф. Марлицъ желаетъ, правда, сохранить слово „подданный“ на этической почвѣ въ церковной жизни, какъ „коррелатъ къ слову правительство“, но—прибавляетъ онъ—„для политической жизни нашей страны понятіе „подданный“ стало такъ же невозможно, какъ и патримоніальная власть мелкихъ князей, умѣвшая такъ хорошо пользоваться этимъ терминомъ.

Законы стараго нѣмецкаго союза говорятъ только о „подданныхъ“. Конституція Германской имперіи, выработанная франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ и опубликованная 28 марта 1849 года, конструировала понятіе нѣмецкаго гражданства; она не признаетъ вообще понятія „подданный“, замѣняя его словомъ „членъ государства“ (Staatsangehöriger). Императоръ долженъ былъ при вступленіи на престолъ давать клятву охранять права народа.

И прусская конституція также не признаетъ подданныхъ; она говоритъ о гражданскихъ правахъ всѣхъ пруссаковъ, предоставляетъ королю исполнительную власть и обязываетъ его при вступленіи на престолъ давать клятвенное обѣщаніе управлять согласно конституціи и законамъ.

Что же такое въ такомъ случаѣ „подданные“ прусскаго короля и германскаго императора?! Имперской конституціи такъ же какъ и вообще имперскому законодательству выраженіе „подданный“ остается вполнѣ чуждымъ. Правда, оно встрѣчается одинъ разъ въ 3 пунктѣ, но лишь въ скобкахъ,

какъ поясненіе къ слову „членъ союзнаго государства“ на ряду со словомъ „гражданинъ“.

Впрочемъ въ одномъ изъ союзныхъ нѣмецкихъ государствъ, а именно въ Мекленбургѣ, все же сохранилось еще „подданство“ и юридически. Дѣйствующая тамъ конституція, установленная основнымъ закономъ 1755 года, санкціонируетъ на ряду съ властью государя власть рыцарства и городскихъ магистратовъ, составляющихъ земство. Всѣ остальные мекленбуржцы конституціей не принимаются въ разсчетъ, они вполнѣ безправны и подчинены неограниченному полновластію, которое, впрочемъ, по отношенію къ имперскому правительству не можетъ оставаться въ полной своей неподвижности. Въ мекленбургскомъ верховномъ управленіи вполнѣ господствуетъ духъ абсолютизма. Мы обращаемъ вниманіе читателей на опубликованный въ ноябрѣ 1903 г. актъ, которымъ великій герцогъ Фридрихъ Вильгельмъ созываетъ всеобщій ландтагъ:

„Симъ всемилостивѣйше извѣщаемъ васъ, что мы рѣшили созвать всеобщій ландтагъ, который долженъ быть открытъ въ Штернбергѣ 17 ноября сего года. На этомъ основаніи всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ явиться въ Штернбергъ вечеромъ, наканунѣ 16-го ноября, и, послѣ надлежащаго заявленія о своемъ прибытіи, ожидать на слѣдующій день объявленія отъ нашего имени пропозицій, содержаніе которыхъ при семъ прилагается, присутствовать при совмѣстномъ ихъ обсужденіи и безъ уважительныхъ причинъ не уѣзжать до формальнаго закрытія ландтага. Но будете ли вы присутствовать, въ ландтагѣ или нѣтъ, все же подобно прочимъ нашимъ вѣрнымъ дворянамъ и подданнымъ, вы должны считать себя обязанными исполнять то, что будетъ постановлено наличнымъ составомъ ландтага. По сему да будетъ исполнена наша всемилостивѣйшая воля“.

Въ законодательныхъ корпораціяхъ часто возни-

кали споры о словѣ „подданный“. Въ прусской палатѣ депутатовъ 8-го марта 1861 г. Вальдекъ, возражая Винке, заявилъ, что если конституція не оставляетъ уже въ рукахъ одного только короля всѣхъ важнѣйшихъ правъ государственной власти, но распредѣляетъ ихъ между различными факторами, то юридически неправильно впредь говорить о „подданныхъ“; особенно же противорѣчитъ это выраженіе точному смыслу конституціи. Этотъ вопросъ былъ подробно разобранъ при обсужденіи законопроекта о пріобрѣтеніи и утратѣ прусскаго подданства. Палата депутатовъ рѣшила 16-го февраля 1869 года выраженіе „прусскій подданный“ замѣнить словомъ „пруссакъ“, потому что первый терминъ не соотвѣтствуетъ понятію правового государства.

Палата же господъ, которая придерживается феодальныхъ воззрѣній, возстановила выраженіе „прусскій подданный“, и поэтому провалился весь законопроектъ.

Послѣ этого постановленія палаты господъ, Адольфъ Штаръ опубликовалъ 18 марта 1869 года сочиненіе „Къ вопросу о подданствѣ“. Напомнивъ о выше цитированномъ изреченіи Фихте о томъ, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права считать своихъ ближнихъ своими подданными, Штаръ прибавляетъ:

„Итакъ Фихте говорилъ это въ 1813 году. Что же мы видимъ въ настоящій моментъ? Я не говорю о палатѣ „господъ“, которая должна сохранить выраженіе „подданный“ уже въ силу одного своего званія. Вѣроятно, великій мыслитель не произнесъ бы своей рѣчи, если бы могъ предвидѣть, что черезъ полстолѣтія послѣ его смерти въ томъ же самомъ Берлинѣ, въ которомъ онъ произнесъ свою рѣчь, слово „подданный“ будетъ возведено собраніемъ привилегированныхъ „господъ“ въ патріотическій догматъ“.

Итакъ мы спрашиваемъ, что сказалъ бы Фихте о цинизмѣ такъ называемыхъ „благомыслящихъ“ органовъ, которые сознательно въ своемъ призывѣ къ „борьбѣ за религію, нравственность и порядокъ“ апеллируютъ къ „вѣрноподданническимъ чувствамъ“, въ силу которыхъ каждый обязанъ раздѣлять политическія воззрѣнія монарха и содѣйствовать осуществленію его замысловъ.

Это, дѣйствительно, цинично, такъ какъ подобная аргументація стремится оклеветать и задушить свободу политическихъ убѣжденій. Кто идетъ противъ монарха, кто рискуетъ бороться съ его взглядами, тотъ подвергается нападкамъ и даже безпощадному преслѣдованію, какъ того требуютъ вышеупомянутые органы. Они лицемѣрно ссылаются на „монархическія убѣжденія“ и „вѣрноподданническія чувства“ въ надеждѣ произвести этимъ впечатлѣніе на народъ въ интересахъ реакціи. Что же касается внутреннихъ убѣжденій консервативныхъ и націоналъ-либеральныхъ политиковъ, то для нихъ понятія „подданный“ и вѣрноподданничество составляютъ давно оставленную точку зрѣнія.

Они не позволяютъ отнять у себя право быть въ оппозиціи къ королю и его правительству. Но трудящіяся массы должны молчать и исполнять вѣрноподданническій долгъ во всемъ, что соотвѣтствуетъ исключительнымъ интересамъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. „Подданный“ долженъ бороться противъ соціализма, противъ „переворота“. Если бы какому-нибудь монарху пришла идея объявить войну политикѣ юнкеровъ и капиталистовъ, то ни одна консервативная или націоналъ-либеральная газета не подумала бы въ этомъ случаѣ апеллировать къ вѣрноподданническому долгу для поддержки борьбы; нѣтъ, они стали бы призывать гражданъ къ сопротивленію. Но если рѣчь идетъ о борьбѣ съ соціализмомъ, тогда другое дѣло, тогда немедленно на мѣсто человѣческихъ и гра-

жданскихъ правъ подставляется „вѣрноподданническій долгъ“. . . Изъ этого можно заключить, какъ плохо обстоятъ дѣла политиковъ порядка!

„Долгъ вѣрности“ по отношенію къ монарху благочестивые люди съ несомнѣнностью выводятъ изъ его „божественнаго авторитета“. Вѣрность и покорность монарху считаются равносильными вѣрности и покорности Богу. Чиновники, солдаты и народные представители принуждаются къ присягѣ монарху, именемъ „всемогущаго Бога“. Христіанская теологія устанавливаетъ святость присяги: клятва, принесенная именемъ Бога, не можетъ быть разрѣшена людьми. Но практика христіанскихъ властителей и завоевателей совершенно не придерживается этого ученія.

Побѣдитель ставитъ себя на мѣсто Бога. Образованіе большихъ европейскихъ монархій на почвѣ права завоеванія связано съ тѣмъ, что подданные побѣжденныхъ и низложенныхъ князей, если даже они присягали послѣднимъ на вѣрность, принуждались къ повиновенію побѣдителю, новой „власти, исходящей отъ Бога“. Случалось также, что лишенные трона князья освобождали своихъ подданныхъ отъ присяги, дабы не создавать для нихъ коллизіи между ихъ совѣстью и интересами. Характерно извѣщеніе, которое опубликовали генеральные секретари ганноверскаго министерства непосредственно послѣ присоединенія Ганновера 6 октября 1866 г.; оно должно было облегчить ганноверскимъ чиновникамъ переходъ въ прусскую службу, чего настоятельно желалъ самъ сверженный король, чтобы страна не лишилась ихъ услугъ.

„Отечески взвѣсивъ трудное положеніе, въ которое поставлены многіе изъ вѣрныхъ подданныхъ, Его Величество, король Георгъ V, сохраняя за собою всѣ верховныя права, призналъ за благо всемилостивѣйше освободить для даннаго случая всѣхъ подданныхъ въ королевствѣ, а особенно

всѣхъ чиновниковъ гражданскихъ и духовныхъ и служащихъ въ учебныхъ учрежденіяхъ отъ всѣхъ, подкрѣпленныхъ вѣрноподданнической или служебною присягой, обязательствъ передъ Его Величествомъ или его наслѣдниками, если эти обязательства будутъ идти вразрѣзъ съ требованіями Е. В. прусскаго короля; причемъ однако эти обязательства снова должны войти въ силу, если Его Величество король Георгъ V, или одинъ изъ его наслѣдниковъ снова будетъ призванъ управлять королевствомъ".

Прусская присяга, къ которой были приведены ганноверцы непосредственно послѣ этого, гласитъ; на основаніи королевскаго распоряженія отъ 6 мая 1867 г.:

„Я такой-то, клянусь и пр..., что буду сохранять вѣрность и повиновеніе Его Величеству и исполнять всѣ лежащія на мнѣ служебныя обязанности по совѣсти и насколько хватитъ разумѣнія, а также обязуюсь добросовѣстно охранять конституцію, въ чемъ мнѣ Богъ да поможетъ".

Это не что иное, какъ служебная присяга, и какъ таковая разсматривалась и официально. Но она получила гораздо болѣе широкое толкованіе, а именно въ томъ смыслѣ, что чиновники обязаны при всякихъ условіяхъ поддерживать политику монарха. Доказательствомъ этого, не допускающимъ никакого сомнѣнія, можетъ служить официальный актъ, гласящій дословно слѣдующее:

„Право короля руководить политикой Пруссіи ограничено, но не уничтожено конституціей. Правительственные акты, исходящіе отъ короля, должны быть скрѣплены подписью министра, и послѣдній, какъ это было и до объявленія конституціи, отвѣтственъ за ихъ содержаніе, но они остаются правительственными актами самого короля, коего волю они, согласно съ конституціей, выражаютъ. Поэтому толкованіе конституціонныхъ правъ короны въ томъ смыслѣ, какъ будто осуществленіе ихъ исходитъ не отъ короля, а отъ отвѣтственнаго ми-

нистра, недопустимо, такъ какъ ведетъ къ затемнѣнію этихъ правъ. Прусская конституція есть выраженіе монархической традиціи этой страны, развитіе которой покоится на живой связи между королями и народомъ. Эта связь не можетъ переноситься на министровъ, ибо она основывается на личности короля. Сохраненіе ея есть вопросъ государственной необходимости для Пруссіи. А потому моя воля такова, чтобы въ Пруссіи, а равно и въ законодательныхъ учрежденіяхъ имперіи не возникало сомнѣнія въ томъ, что мнѣ и моимъ преемникамъ принадлежитъ конституціонное право на самостоятельное веденіе политики; кромѣ того, всегда должно опровергаться мнѣніе, будто установленная пунктомъ 43 конституціи неприкосновенность особы короля и отвѣтственность министровъ исключаютъ самостоятельность королевскихъ рѣшеній. На обязанности моихъ министровъ лежитъ охраненіе моихъ конституціонныхъ правъ; того же я ожидаю отъ всѣхъ чиновниковъ, принесшихъ мнѣ служебную присягу. Я далекъ отъ того, чтобы ограничить свободу выборовъ, но для тѣхъ чиновниковъ, которымъ довѣрено выполненіе моихъ правительственныхъ актовъ, и которые по своему служебному положенію освобождены отъ дисциплинарнаго суда, является долгомъ, основанным на служебной присягѣ, поддерживать политику моего правительства даже при выборахъ. Вѣрное выполненіе этого долга я приму съ благодарностью и буду ожидать отъ всѣхъ чиновниковъ, что они, помня свою присягу, воздержатся отъ всякой агитаціи противъ моего правительства".

Берлинъ, 4 января 1882 г.

Подп.: **Вильгельмъ.**
Скрѣпилъ: фонъ **Бисмаркъ.**

Въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ.

Навязываніе чиновникамъ „долга" поддерживать политику короля совершенно произвольно ставится въ связь съ его „конституціонными правами" — съ той самой конституціей, которая (п. 27) каждому пруссаку предоставляетъ свободу высказывать свое мнѣніе. Чиновники, даже противъ своего

убѣжденія, должны поддерживать политику короля „и при выборахъ“. И этотъ декретъ, означающій отмѣну одного изъ важнѣйшихъ гражданскихъ правъ для чиновниковъ, скрѣпленъ тѣмъ самымъ Бисмаркомъ, который, послѣ своего паденія, энергично защищалъ свободу выраженія мнѣній, возражая императору, а одинъ разъ (30 іюля 1892 г. на пріемѣ депутаціи отъ Іенскаго университета) даже привелъ въ доказательство извѣстное мѣсто изъ „Гецъ ф. Берлихингенъ“ Гёте!

Недостаточно того, что офиціально хотѣли сдѣлать чиновниковъ безвольнымъ орудіемъ политики монарха,—„вѣрные королю“ элементы пошли такъ далеко, что выставили невѣроятное ученіе о долгѣ исполнять служебную присягу не только во время несенія службы, но и до конца жизни. Это ученіе, которое грубо издѣвается надъ разумомъ и надъ понятіемъ „гражданинъ“, оказало особенно пагубное дѣйствіе въ военныхъ ферейнахъ. Бывшіе солдаты, вслѣдствіе данной ими при поступленіи въ армію присяги, должны считать себя обязанными на „вѣчную вѣрность“ монарху и потому обязаны поддерживать его политику при всякихъ обстоятельствахъ, а особенно при выборахъ [1].

Совершенно своеобразна была всегда вѣрность королю со стороны дворянства. Для него эта „вѣрность“ была всегда результатомъ цѣлесообразнаго разсчета.

При господствѣ военной системы рыцари, вас-

---

[1] Въ 1890 г. въ рейхстагъ поступило опротестованіе выборовъ; въ немъ приводится воззваніе съ заголовкомъ „Саксонскій союзъ военныхъ ферейновъ, подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Величества короля Альберта“, которое по поводу того, что партія переворота въ семи округахъ Саксоніи вытѣснила „вѣрныхъ и испытанныхъ мужей“, призываетъ товарищей „быть на чеку“.

Далѣе говорится: „Товарищи! Остерегитесь! Пусть каждый спасаетъ то, что еще возможно спасти. Напрягите всѣ ваши силы, употребите всѣ законныя средства, чтобы въ день выборовъ доставить торжество нашимъ взглядамъ. Обдумайте, что мы обязаны въ этотъ день сплотиться подобно тому, какъ это бываетъ на полѣ битвы въ виду врага. Не оставляйте неиспробованнымъ ни одного средства, которое можетъ намъ доставить побѣду. Мы клялись въ вѣрности

салы короля, надѣляемые землей въ счетъ будущихъ услугъ, были очень сомнительной опорой монархіи. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ они истолковывали ленныя отношенія по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ. Они то откликались на призывъ короля, то нѣтъ. Часто вассалы вѣроломно оставляли военачальника какъ разъ тогда, когда тотъ наиболѣе нуждался въ ихъ помощи. Несмотря на всѣ клятвы, это случалось почти въ каждой войнѣ временъ феодализма, особенно же часто—въ походахъ нѣмецкихъ королей и императоровъ въ самой Германіи и даже въ походахъ противъ Италіи и противъ славянъ. Это обычное дезертированіе рыцарства повторялось все чаще и чаще, т. к. мало-по-малу почти вся земля была роздана въ ленъ, и уже походы не могли доставить рыцарямъ значительной выгоды. Съ этихъ поръ падкое на добычу, разнузданное рыцарство искало, совершенно независимо отъ короля и явно наперекоръ ему, болѣе значительной наживы, направляя свои разбойничьи походы противъ слабѣйшихъ сосѣдей и состоятельныхъ бюргеровъ. Тогда наступилъ періодъ кулачнаго права. Уже въ 8 вѣкѣ началось Jus manuarium, и болѣе 6 вѣковъ монархическая власть не въ силахъ была его подавить. Страннымъ образомъ романтизмъ старается окружить ореоломъ славы „ненарушимую рыцарскую вѣрность“ монарху.

Эта „вѣрность“, „безупречная рыцарская честь“,

королю и отечеству, императору и имперіи, и мы должны нашимъ единодушіемъ на выборахъ показать, что мы остались вѣрными этой клятвѣ! Нарушеніе присяги называется клятвопреступленіемъ.

Товарищи! Явитесь всѣ къ избирательнымъ урнамъ! Пусть никто не думаетъ, что обойдется и безъ его голоса! Пусть каждый исполнитъ свой долгъ. Пусть каждый вспомнитъ золотыя слова, сказанныя нашимъ высокимъ покровителемъ, Его Величествомъ, на нашемъ послѣднемъ общемъ собраніи! Пусть никто не забываетъ, что онъ нѣкогда носилъ мундиръ короля, и побѣда будетъ на нашей сторонѣ.

№ 258 der amtlichen Drucksachen des Reichstages. Kommissionsbericht. Achte Legislaturperiode.

разлеталась, какъ прахъ, когда военное феодальное дворянство находило невыгоднымъ для себя поддерживать монарха въ его военныхъ предпріятіяхъ. Не ленная вѣрность, но ленное предательство было общимъ правиломъ, та обычная фелонія по отношенію къ князю, съ которой мы на каждомъ шагу сталкиваемся въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Могущество дворянства съ теченіемъ времени испытало большія перемѣны и значительно уменьшилось. Тогда между короной и дворянствомъ установилась нѣкоторая общность интересовъ. Прежде всего дворянство занимаетъ самыя вліятельныя и доходныя мѣста въ государствѣ и играетъ главную роль въ управленіи и въ арміи. Самое настоящее юнкерство, а именно прусское, считаетъ себя братомъ монархіи и выдаетъ себя за „надежнѣйшую опору трона. „Конечно, княжеская власть тѣсно связана съ властью дворянства; владѣтельныя династіи произошли изъ рыцарскихъ фамилій. Но между монархіей и дворянствомъ всегда была конкурренція, принимавшая нерѣдко форму открытой борьбы. И Гогенцоллерны были принуждены бороться съ фрондирующимъ, непокорнымъ дворянствомъ и заставить его признать свои обязанности по отношенію къ государю „Божіею Милостью“. На это намекалъ Вильгельмъ II въ своей рѣчи на свадьбѣ одного дворянина въ 1890 г., говоря: „Мои предки вначалѣ встрѣчали плохой пріемъ въ маркѣ, но они силою заставили себѣ повиноваться. Вскорѣ эта покорность перешла въ преданность и вѣрность и представляетъ ту великолѣпную связь, которая соединяетъ тронъ съ благороднѣйшими людьми націи“. Въ этихъ словахъ находитъ себѣ выраженіе идея „ленной вѣрности“ дворянства.

6 сентября 1894 г. императоръ въ Кенигсбергѣ призывалъ дворянство на „борьбу за религію, нравственность и порядокъ противъ партіи переворота“ и прибавилъ: „Подобно тому, какъ хмѣль, обвивая

дубъ, украшаетъ его своею листвою и защищаетъ, если вѣтеръ пронизываетъ его вершину, такъ и прусское дворянство окружаетъ мой домъ Гогенцоллерновъ".

40 лѣтъ тому назадъ одинъ честный консерваторъ, человѣкъ дѣйствительно преданный королю, Б. А. Губеръ высказалъ другое мнѣніе о „консервативной партіи" прусскихъ юнкеровъ, мнѣніе, которое не слѣдуетъ забывать [1].

„Преступная ложь этой партіи заключалась въ томъ, что она воображала себя или, по крайней мѣрѣ, провозглашала себя истинной опорой монархіи и спасительницей въ ея бѣдствіяхъ 1848 года... Давно пора сказать, что эта партія является не опорой, а камнемъ, привѣшеннымъ къ шеѣ всякой власти—отъ королевской до цеховой...." По поводу этого Губеръ жалуется, что эта партія съ выраженіемъ „милостью Божіей" связываетъ понятіе о королѣ аристократовъ и хочетъ заставить королевство служить ихъ исключительнымъ интересамъ.

Во всякомъ случаѣ, въ вышеупомянутой рѣчи король высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Оппозиція прусскаго дворянства противъ короля — безсмыслица". Однако эта „безсмыслица" какъ прежде такъ и позднѣе очень часто является весьма серьезнымъ фактомъ. Особенно въ послѣдніе годы борьба за интересы между юнкерствомъ и короной сыграла выдающуюся роль. Прусскіе юнкера обнаруживаютъ „вѣрность королю" и уваженіе къ коронѣ всегда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда королевская власть считается съ ихъ волей и опредѣляетъ свою политику согласно ихъ интересамъ. Если же воля монарха не является въ то же время ихъ волей, то она для нихъ не есть уже высшій законъ.

При Вильгельмѣ II юнкерство дало безчисленное количество примѣровъ сопротивленія автори-

[1] Huber. Die Machtfülle des altpreussischen Königtums und die konservative Partei. Bremen und Leipzig 1862 r. S. 19.

тету короны, а именно, что особенно характерно, въ вопросахъ, касающихся хозяйственныхъ спеціальныхъ интересовъ крупной собственности, съ которыми связано преимущественное политическое и соціальное положеніе дворянства. Аграріи, руководимые юнкерами, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ много разъ угрожали коронѣ отпаденіемъ крестьянъ отъ монархизма, для того, чтобы склонить королевское правительство къ политикѣ, допускающей произвольную эксплоатацію народа и представляющей крупной собственности выгоды, обременительныя для всѣхъ прочихъ слоевъ населенія.

Одинъ изъ основателей „Союза сельскихъ хозяевъ“, г. Рупрехтъ, сказалъ въ своемъ воззваніи въ началѣ 1893 г. „Я предлагаю не болѣе и не менѣе какъ идти вмѣстѣ съ соціалъ-демократами, рѣшительно выступить противъ правительства; мы должны показать, что мы не желаемъ болѣе, чтобы съ нами такъ дурно поступали, какъ это было до сихъ поръ, мы должны заставить почувствовать нашу силу“.

Идти съ соціалъ-демократами—это значитъ поддерживать партію, которая рѣшительно отвергаетъ необходимость монархическаго образа правленія, партію, о которой лойальные политики утверждаютъ, что она стремится насильственно ниспровергнуть тронъ и всякій другой авторитетъ, что она отрицаетъ все „святое“. Другимъ примѣромъ того, какъ монархическій консерватизмъ и особенно его юнкерско-аграрное направленіе поступается всѣмъ ради своихъ хозяйственныхъ интересовъ, можетъ служить слѣдующее: въ сентябрѣ 1902 года въ органѣ консервативнаго сельскаго ферейна „Vaterland“ въ защиту повышенія хлѣбныхъ пошлинъ, поддерживаемаго аграріями, появилась статья, въ которой эта пошлина на хлѣбъ выставляется какъ средство для „спасенія крестьянскаго сословія“; въ заключеніе тамъ говорится:

„Если не удастся провести необходимыя реформы для постепеннаго оздоровленія нашего крестьянства, гибель его неизбѣжна. Крестьянство, доведенное до отчаянія, соединится съ городскимъ пролетаріатомъ, тогда троны рухнутъ, и воцарится хаосъ до тѣхъ поръ, пока изъ крови, пожаровъ и жестокаго опустошенія не возродится вновь организованный порядокъ. Изъ устъ крестьянъ уже слышатся ожесточенныя жалобы на равнодушіе правящихъ; среди этого долготерпѣливаго сословія распространяется невѣдомое прежде ожесточеніе. Желательно, чтобы это знаменіе времени было правильно понято и оцѣнено, ибо ошибка въ этомъ вопросѣ можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствія".

Руководящій органъ аграріевъ „Deutsche Tageszeitung" сопровождаетъ эту демагогическую угрозу замѣчаніемъ: „Не заблуждайтесь! Тронъ стоитъ крѣпко лишь до тѣхъ поръ, пока онъ опирается на твердый фундаментъ крестьянства и средняго сословія. Это не риторическая фраза, за какую ее, можетъ быть, пожелали бы признать, но строго доказанная, неопровержимая истина".

Такимъ образомъ, тотъ же самый консерватизмъ, который, когда его интересы того требуютъ, объявляетъ, что тронъ, т. е. монархическій образъ правленія, коренится во „всемогуществѣ Божьемъ", что королевская власть стоитъ подъ особенной защитой Божества, не признаетъ болѣе ни этого всемогущества, ни этой защиты, когда монархическое правительство не можетъ или не желаетъ болѣе дѣйствовать въ томъ направленіи, которое ведетъ къ обращенію народныхъ массъ въ налогоплательщиковъ аграріевъ, благодаря покровительственной политикѣ. Въ данномъ случаѣ власть „милостью Божіей" можетъ быть покинута Богомъ и предана во власть разрушительныхъ силъ. Едва ли можно указать болѣе ѣдкій сарказмъ на идею божественнаго происхожденія власти! Аграрное юнкерство

приставляетъ пистолеты къ груди монарха со словами: „Ваша гибель или наша выгода“.

Вильгельму II было весьма непріятно напоминаніе о „крушеніи трона“, и онъ очень рѣзко высказался противъ статьи въ „Vaterland'ѣ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ отвратительнымъ византизмомъ наблюдается поучительное явленіе: консерватизмъ ясно показываетъ, какъ мало его „вѣрность королю“ и его вѣра въ божественное право королей коренится въ его совѣсти и принципіальныхъ убѣжденіяхъ. Относительно утвержденія консервативнаго „Vaterland'a, что въ случаѣ неисполненія ихъ требованія относительно хлѣбныхъ пошлинъ, наступитъ конецъ крестьянскаго сословія, и сельское населеніе, соединившись съ городскимъ пролетаріатомъ, разрушитъ троны и т. д., центральный органъ соціалъ демократіи „Vorwärts“ (13 сентября 1902 г.) вполнѣ основательно говоритъ, что это не что иное, какъ одобреніе права городского пролетаріата на насильственное возстаніе. „Мы,— говоритъ „Vorwärts“, должны установить тотъ фактъ, что оффиціальный органъ саксонскихъ консерваторовъ признаетъ за пролетаріатомъ въ качествѣ естественнаго права кровавый заговоръ противъ государства и трона въ то же самое время, какъ та же самая газета и та же консервативная партія борется всѣми самыми ожесточенными средствами противъ всякаго закономѣрнаго дѣйствія соціалъ-демократическаго пролетаріата за улучшеніе своего угнетеннаго положенія“.

Далѣе говорится: „Не остается ли вѣрнымъ королю консервативный крестьянинъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ матеріально обезпеченъ? Не готовъ ли консервативный крестьянинъ ниспровергнуть троны, опустошить страну пожарами и залить ее кровью, лишь только онъ попадаетъ въ хозяйственномъ отношеніи въ положеніе рабочаго класса, того самаго рабочаго класса, относительно котораго

консерваторы постоянно утверждаютъ, что его положеніе не такъ ужъ плохо, и что онъ имѣетъ всѣ основанія быть довольнымъ и благодарнымъ? Развѣ консервативный крестьянинъ такъ ужъ созданъ, что стремится къ кровавому возмущенію и вѣшаетъ королей на фонаряхъ, въ то время, какъ отъ рабочаго при равныхъ матеріальныхъ условіяхъ требуется собачья покорность и, поскольку онъ ея не обнаруживаетъ, его лишаютъ правъ и порабощаютъ?"

До настоящаго времени ни одна консервативная газета, ни одинъ ораторъ „вѣрноподданнаго" юнкерства не отвѣтили на эти вопросы. Но несомнѣнно то, что дѣятельная партійно-политическая спекуляція консерваторовъ и другихъ лойальныхъ элементовъ на „монархическое настроеніе", ведетъ къ разъясненію монархическихъ вопросовъ, способствуетъ ихъ пониманію и обобщенію и пролагаетъ въ широкихъ народныхъ массахъ дорогу къ свободной, опирающейся на историческіе факты критикѣ принципа „милостью Божіей" и сопутствующихъ ему явленій.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ стремленіе, фанатиковъ этого принципа, византійцевъ, сохранить въ народѣ религію и „монархическія убѣжденія", заботу же объ этомъ возложить на школы, церковь, милитаризмъ и патріотическія общества. Эта тактика вызываетъ въ широкихъ кругахъ размышленія о монархической системѣ, и результатъ этихъ размышленій неблагопріятенъ для системы, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, живущій среди народа. Выше сказанное подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: при Вильгельмѣ II значительно увеличилось число процессовъ объ оскорбленіи величества.

Въ большей части этихъ процессовъ рѣчь шла о сужденіяхъ, высказанныхъ по поводу рѣчей императора.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что чрезвычайно частое вмѣшательство юстиціи для „защиты величества“ имѣетъ внутреннюю связь съ пропагандой династическаго духа. Этотъ послѣдній въ соединеніи съ борьбой противъ „переворота“ обратилъ въ злобу дня „монархическіе вопросы“, т. е. вопросы о полнотѣ власти государя и о размѣрахъ того почтенія, которое гражданинъ долженъ выказывать по отношенію къ воззрѣніямъ и поступкамъ монарха. Эти вопросы не могли ускользнуть отъ критики и въ особенности отъ оппозиціонной критики. Было бы очень печально для политическаго будущаго нѣмецкой націи, если бы въ Германіи никто не отважился на свободную и открытую борьбу со взглядами и начинаніями короля, идущими вразрѣзъ съ демократическимъ духомъ и принципами широкихъ народныхъ круговъ. Но, по мнѣнію фанатиковъ принципа, власть освящена „милостью Божіей“, оппозиція противъ короля сама по себѣ уже есть „преступленіе“. Очевидно, что пропаганда династическаго духа обладаетъ силой внушенія, которая оказываетъ свое дѣйствіе на извѣстные элементы. Кто можетъ спорить о томъ, что и юстиція подвержена до извѣстной степени этому вліянію. По дѣйствующему законодательству она прямо обязывается приводить въ исполненіе статьи объ оскорбленіи величества, если будетъ установленъ составъ преступленія.

Уже въ нѣсколькихъ процессахъ объ оскорбленіи величества послѣдняго года ясно обнаружилось, до чего можетъ дойти пониманіе этой обязанности, въ какой степени „окрѣпшія монархическія чувства“ государственныхъ прокуроровъ и судей вліяютъ рѣшающимъ образомъ на возбужденіе дѣла и на приговоръ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующее: одинъ судъ заявилъ, что нѣкто, признанный виновнымъ въ оскорбленіи величества, былъ присужденъ къ строжайшей мѣрѣ наказанія, къ

одному году заключенія въ тюрьмѣ, потому только, что онъ былъ солдатомъ!

Изъ этого приговора слѣдуетъ, что тотъ, кто присягалъ знамени и, какъ солдатъ, клялся въ вѣрности королю, даже потомъ, когда онъ уже не солдатъ, считается нравственно обязаннымъ ничего не дѣлать и не говорить противъ короля, — монархическая догма, къ выполненію которой, какъ видно изъ вышесказаннаго, въ особенности обязываются отставные солдаты (члены военнаго ферейна). Итакъ, нѣмецкій судъ заявилъ: никто не имѣетъ права говорить что-либо противъ личности короля! ... Это значитъ „земное величество“ поставить выше божества, ибо я могу роптать на божество теологовъ, я могу порицать міровой порядокъ, имъ установленный, я могу даже заявить, что не вѣрю въ существованіе божества, и всетаки не подлежу никакой отвѣтственности.

Не менѣе подозрительны усилія юстиціи искусственно создавать „оскорбленія величества“ изъ хорошо обдуманныхъ и осторожныхъ сужденій въ прессѣ и въ рѣчахъ, желаніе придать понятію „оскорбленіе величества“ такое толкованіе, о которомъ раньше не догадался бы ни одинъ человѣкъ, и о которомъ законодатель совсѣмъ не думалъ, когда создавалъ статью объ оскорбленіи величества. Благодаря этимъ усиліямъ установилось особенное понятіе „непрямого оскорбленія величества“, которое обладаетъ безграничной растяжимостью.

Такъ, одинъ человѣкъ за то, что онъ порицалъ наименованіе Вильгельма I „Великимъ“, былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи величества Вильгельма II, такъ какъ этотъ послѣдній назвалъ своего дѣда „Великимъ“.

„Культивированіе монархическихъ взглядовъ“, въ въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, приводитъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются. Эта пропаганда

расшатываетъ монархическое убѣжденіе тамъ, гдѣ оно, какъ напр. у монархически настроенныхъ людей изъ „простого народа“, является результатомъ внушенія, плодомъ поверхностной привычки къ традиціоннымъ взглядамъ и умственной дрессировки — такъ называемаго воспитанія въ духѣ вѣры въ божественное происхожденіе власти. Она побуждаетъ равнодушныхъ къ самостоятельному размышленію о монархической системѣ, вызываетъ антимонархическую критику, увеличиваетъ вѣсъ непреложныхъ основаній этой критики и облегчаетъ демократическимъ партіямъ задачу — привлечь на свою сторону народъ. Всѣ тѣ усилія, которыя употребляются для того, чтобы увеличить „авторитетъ монархіи“ и „монархическій образъ мыслей“, означаютъ не новый расцвѣтъ идеи божественнаго происхожденія власти, но демонстрацію страха всѣхъ элементовъ, интересы которыхъ связаны съ монархическимъ правленіемъ передъ непрерывной демократизаціей народнаго сознанія; это— явный признакъ внутренней слабости монархизма. Если идеи и учрежденія, основанныя на авторитетѣ, да къ тому еще на божественномъ авторитетѣ, нуждаются въ защитѣ, то это значитъ, что онѣ потеряли свой авторитетъ. Съ монархизмомъ случилось то же, что съ церковью. Послѣдняя также признаетъ себя божественнымъ установленіемъ, основаннымъ на волѣ всемогущаго Бога, установившаго тѣ ученія, которыя она проповѣдуетъ, и признавшаго за нею непогрѣшимый авторитетъ. Развитіе человѣческаго духа, культуры, всѣхъ общественныхъ учрежденій не остановилось передъ этимъ авторитетомъ. Оно разрушило безграничную власть церкви, уничтожило вліяніе ея догмы и сдѣлало массы равнодушными къ церковному авторитету и къ „спасительнымъ истинамъ“ теологовъ.

Ту же картину представляетъ и исторія монархіи. Какъ церковь дискредитируетъ свое уче-

ніе, взывая къ государственной власти, законодательству и полиціи для защиты религіи отъ свободомыслія, такъ и монархія разрушаетъ вѣру въ свое божественное происхожденіе и въ свое божественное призваніе, принимая мѣры къ подавленію антимонархическихъ взглядовъ. Этому въ сильной степени содѣйствуютъ и тѣ дѣянія, противорѣчащія религіи, разуму, справедливости и гуманности, которыя такъ часто совершала монархія.

Глава III.

Божественное происхожденіе власти.

1. Возникновеніе идеи о божественномъ происхожденіи власти.

Обожествленіе монархіи въ древности. — „Особа царя" въ греческой философіи.—Власть, происходящая отъ Бога.—Обожествленіе цезаризма и сліяніе его съ христіанствомъ.—Древнехристіанскіе анархисты, какъ противники цезаризма. — Начало преобладанія папской власти надъ свѣтской. — Корона, какъ папскій ленъ.

Мы уже говорили, что народы въ періодъ своего дѣтства выводили свое происхожденіе непосредственно отъ Божества. Это замѣчалось, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Отсюда было очень недалеко до того, чтобы лица, выдающіяся по своему такъ называемому „благородному происхожденію", по своему вліянію и власти, стали себя ставить въ особенно близкія отношенія къ Божеству.

Дѣтская вѣра древняго міра ставила Божество во главѣ всей общественной жизни, всѣхъ государственныхъ учрежденій и всѣхъ законодательныхъ предложеній.

Богъ представлялся источникомъ всякой свѣтской власти. Какъ Богъ отождествлялся съ высшимъ разумомъ, такъ власть и законы признавались проявленіемъ этого разума. Вѣрили въ божественный міровой порядокъ и міровую власть [1] и государей считали органами и представителями этой власти.

Миѳологія даже прямо выводитъ происхожденіе царей отъ боговъ. Одинъ выдающійся изслѣдо-

[1] Rossbach. Vom Geiste der Geschichte der Menschheit I S. 73 ff.

ватель [1] по древне-египетскимъ памятникамъ разобралъ значеніе именъ „божественныхъ царей перваго періода“ и составилъ изъ нихъ т. наз. „династію боговъ“.

Въ этихъ памятникахъ божественные цари или царствующіе боги выступаютъ въ качествѣ монарховъ, которые нѣкогда дѣйствительно царствовали. Они, подобно фараонамъ, носятъ документально засвидѣтельствованные титулы. Изъ династіи боговъ, родоначальникомъ которой является Пата (зодчій, въ высшемъ смыслѣ слова), происходитъ богъ Ра, солнце, и Озирисъ, олицетвореніе совершеннаго бытія. Сынъ Озириса и Изиды, Горъ (Горъ Аполлонъ) является первообразомъ всѣхъ наслѣдниковъ фараоновъ.

Слово фараонъ (собственно Фра)—производное отъ Ра и обозначаетъ—солнце. Древнѣйшая резиденція царей носитъ названіе Ха-ка-пата — „Домъ поклоненія Пата“; это имя происходитъ отъ названія небеснаго зодчаго Пата.

Въ историческихъ памятникахъ фараоны часто носятъ титулы „сынъ Ра“ (царя Солнца), „Собиратель царства, подобный солнцу на небѣ“. Въ одномъ гимнѣ въ честь царя, найденномъ въ каменной пещерѣ, близъ Сильзилиса, говорится: „Здоровье, благоденствіе долголѣтіе фараону! Онъ есть лучезарное солнце“. Царь на землѣ долженъ быть подобенъ солнцу на небѣ.

Въ удивительномъ согласіи съ этимъ стоитъ сказаніе, приписывающее божественное происхожденіе династіи Инковъ, которую испанцы въ 16 столѣтіи нашли на южно-американской возвышенности (Перу) и уничтожили. Официальная традиція Инковъ считаетъ основателемъ царства и династіи, а также и столицы Манко Капакъ—„сына солнца“. Онъ и его сестра-супруга, по преданію,

[1] Dr. Brugsch-Bey. H. Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen. Nach den Denkmälern bearbeitet. Leipzig.

были ниспосланы съ неба на землю, дабы водворить порядокъ и миръ и насадить культуру среди дикарей.

Инкъ заявлялъ притязаніе на обладаніе свойствами высшаго, богоподобнаго существа, безконечно превосходящаго своихъ подданныхъ. Его законы почитались, какъ основанные на божественномъ установленіи. Поэтому нарушеніе законовъ разсматривалось не только, какъ оскорбленіе величества, но и какъ святотатство. „Правительство Инковъ, въ существенныхъ чертахъ, было божественной властью“ [1].

Мы уже упомянули, что въ древней Греціи одна философская теорія уподобляла „особу монарха“ богамъ на томъ основаніи, что въ ея лицѣ осуществлялась власть Разума или разумнаго Мышленія. Эту власть, основанную на личныхъ качествахъ монарха, слѣдуетъ разсматривать, какъ формально абсолютную, связанную лишь „внутреннимъ закономъ добродѣтели“ и отличающуюся отъ тираніи только способомъ осуществленія. Платонъ, Сократъ, Аристотель и др. въ своихъ философскихъ конструкціяхъ сходятся въ томъ, что эти конструкціи никоимъ образомъ не разсматриваютъ монархію какъ институтъ, какъ постоянное учрежденіе; поэтому, если быть послѣдовательнымъ, не можетъ быть и рѣчи о наслѣдственности монархической власти, ибо наслѣдственность исключаетъ увѣренность, что при каждомъ наслѣдственномъ носителѣ верховной власти она сохранитъ философскій характеръ, какъ „власть Разума“. „Монархія разума“ греческихъ философовъ и легитимная монархія стоятъ между собою въ непримиримомъ противорѣчіи.

Однако, разъ философская теорія приблизила „особу монарха“ къ божеству, то неизбѣжно лесть

[1] William H. Prescott Geschichte der Eroberung von Peru. Aus dem englischen ubersetzt. Leipzig 1848, 1. Bd. I Buch.

и высокомѣріе стали содѣйствовать обожествленію власти. Уже до Александра случалось, что лицамъ, которые выдавались своими подвигами и могуществомъ, воздавались священныя почести. Агезилаю была предложена божеская почесть ѳасійцами, но онъ отказался отъ нея. Тиранъ Клеархъ изъ Гераклеи назвалъ себя сыномъ Зевса. А Филиппъ Македонскій на свадебномъ празднествѣ въ Эгеѣ велѣлъ въ торжественномъ шествіи за статуями 12-ти боговъ нести свое собственное изображеніе. Вѣдь считался же божественнымъ прародителемъ македонской царской династіи Гераклъ, проложившій себѣ своими подвигами дорогу къ Олимпу. Поэтому понятно, что въ третьемъ письмѣ Исократъ говоритъ: „Если царь покоритъ персидское царство, то ему ничего не остается, какъ самому сдѣлаться Богомъ“.

Въ этомъ заключается также частичное объясненіе обоготворенія Александра Македонскаго и его монархіи. Повидимому греческія государства признали за нимъ право на божескія почести. Достовѣрно доказаннымъ считается [1], что въ Аѳинахъ было сдѣлано предложеніе о возданіи божественныхъ почестей македонскому царю. И весьма вѣроятно, что это предложеніе (о которомъ Александръ безъ сомнѣнія зналъ заранѣе, а можетъ быть, даже приказалъ принять его) было поставлено на голосованіе [2].

Но настоящее обоготвореніе Александра совершилось въ Египтѣ. То обстоятельство, что знаменитый оракулъ Юпитера Аммона въ Ливійской пустынѣ провозгласилъ его сыномъ этого бога, предназначеннымъ къ владычеству надъ міромъ, легитимировало его, какъ преемника фараоновъ.

[1] Керстъ. Пред. соч. стр 43.
[2] Гиперидъ приписываетъ Демосѳену замѣчаніе, что слѣдуетъ разрѣшить Александру, если онъ того желаетъ, быть сыномъ какъ Зевса, такъ и Посейдона.

Рабская философія Анаксарха изъ Абдеры, „одного изъ самыхъ безсовѣстныхъ льстецовъ царя, ужасная теорія этого человѣка, что всѣ поступки великаго царя должны почитаться справедливыми прежде всего самимъ царемъ, а затѣмъ и другими людьми, дѣйствовала съ демонической силой на Александра; его султанизмъ принималъ все болѣе восточныя формы вплоть до собственноручной казни приговоренныхъ къ смерти высшихъ чиновниковъ и офицеровъ“ [1].

Монархія Александра не была „царствомъ Разума“, а просто деспотіей чисто восточнаго характера. Одинъ изъ его преемниковъ, Антагонъ Гонатасъ, какъ говорятъ, далъ своему владычеству „философское объясненіе“; онъ говорилъ, что монархія — есть достославное рабство. „Монархія разума“, о которой мечтала греческая философія, никогда ни существовала и не будетъ существовать, ибо „нельзя ожидать, что цари будутъ философствовать или философы станутъ царями; кромѣ того это и нежелательно, такъ какъ обладаніе властью неизбѣжно искажаетъ свободное сужденіе разума“ [2].

Выше мы упомянули объ изреченіи оракула, назвавшаго Александра сыномъ бога и будущимъ владыкою міра. Въ преданіяхъ древнѣйшихъ временъ уже встрѣчаются подобныя „изреченія боговъ“, исходившія изъ устъ мнимо-просвѣтленныхъ богами жрецовъ, которые рекомендовали народу кандидатовъ на царскій престолъ и санкціонировали ихъ избраніе. Подобнымъ образомъ крестьянинъ Гордій сталъ царемъ Фригіи, а Гигесъ царемъ Лидіи и основателемъ династіи Мермнадовъ. Дельфійскій оракулъ рекомендовалъ его народу, несмотря на то, что онъ убилъ своего предшественника Кондаула. Во всякомъ

[1] Д-ръ Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Греціи и Рима. I томъ, стр. 533.
[2] Kant. Zum evigen Frieden.

случаѣ жрецы занимались фабрикаціей царей не безкорыстно [1].

Обратимся къ германцамъ. Здѣсь представитель народа являлся олицетвореніемъ дарованій всего народа. Онъ приносилъ жертвы богамъ отъ имени народа и, такимъ образомъ, стоялъ ближе къ божеству, чѣмъ остальные люди; на его происхожденіи отъ божества народъ основывалъ и свое собственное божественное происхожденіе. Мауреръ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ демократической точки зрѣнія: „Всѣ знатные роды происходятъ, согласно преданію, либо отъ боговъ, либо отъ грековъ божественнаго происхожденія... Древняя исторія дворянства неразрывно связана съ нѣмецкими сказаніями о герояхъ, и этимъ объясняется та своеобразная привязанность, которую народъ всюду проявляетъ по отношенію къ своему дворянству... Именно это божественное происхожденіе дворянства показываетъ намъ весьма ясно тѣсную связь его съ народомъ, съ демократіей. Народъ одинаково основываетъ на божественномъ происхожденіи какъ свои права на свободу, такъ и права дворянства".

Эта дѣтская вѣра народа съ давнихъ временъ поддерживалась спекулятивными соображеніями властителей. Послѣдніе совершенно правильно разсуждали, думая, что ихъ власть не можетъ быть прочною, если они будутъ издавать законы отъ своего имени, опираясь исключительно на силу.

---

[1] Мы снисходительно смѣемся надъ фабрикаціей царей оракуломъ въ глубокой древности, а еще въ 1848 году въ Германіи произошло слѣдующее: пока въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ на Майнѣ шли пререканія о томъ, должна ли императорская корона достаться прусской или австрійской династіи, Союзъ гражданъ изъ Кюнцельсау около Вюрцбурга внесъ въ парламентъ совершенно серьезно предложеніе заставить всѣхъ нѣмецкихъ сувереновъ собраться въ римской залѣ и бросить жребій. „И кому Богъ въ своей мудрости дастъ наибольшее число очковъ, того онъ, значитъ, считаетъ самымъ лучшимъ и желаетъ видѣть на нѣмецкомъ престолѣ". А почему бы и нѣтъ. Можетъ быть, добрые бюргеры изъ Кюнцельсау знали, что уже не одинъ человѣкъ сдѣлался государемъ Божіей милостію благодаря игрѣ гораздо худшаго свойства, чѣмъ метаніе жребія. Несомнѣнно, логична та мысль, что Богъ можетъ проявить свою волю и при метаніи жребія.

Поэтому, для поддержанія своей власти, они стали пользоваться невѣжествомъ и религіозными чувствами народа и опирались при этомъ на произвольную гипотезу о существованіи творящаго, управляющаго, поучающаго и карающаго Божества. Этому всемогущему существу угодно было сдѣлать властителя и законодателя непогрѣшимымъ толкователемъ и защитникомъ божественной воли; подданные подъ угрозою гнѣва Божества должны были слѣдовать приказаніямъ государя.

Простымъ провозглашеніемъ этихъ положеній однако далеко еще не были удовлетворены интересы властителя. Онъ долженъ былъ обезпечить продолжительность дѣйствія этихъ принциповъ, уничтожить сомнѣніе въ ихъ необходимости и правильности и по-возможности воспрепятствовать оппозиціи, которая можетъ возникнуть изъ этихъ сомнѣній. Этого онъ достигалъ, воспрещая всякую критику. Это ему удавалось, пока царили порабощеніе духа и невѣжество, порядокъ поддерживался суевѣріемъ и деспотизмомъ. Властители признавались привилегированными любимыми сынами Божества. Изъ интересовъ властвующихъ вытекала идея духовнаго имперіализма, идея правленія во имя божества.

Согласно библіи, Богъ даетъ народу царя лишь въ видѣ наказанія [1]. Чтобы сдѣлать наказаніе болѣе ощутительнымъ, Богъ провозглашаетъ страшное право царя совершенно по произволу употреблять насиліе противъ себѣ подобныхъ. Несмотря на это, царь дѣйствуетъ въ библіи, какъ представитель Божества. По „божественному“ повелѣнію, провозглашенному первосвященникомъ Самуиломъ, Саулъ принужденъ вести безпощадную войну съ амалекитянами.

То обстоятельство, что царь Давидъ отмѣрялъ землемѣрнымъ шнуромъ побѣжденныхъ моавитянъ,

[1] Сам. 8, 9 — 18.

чтобы „во славу Божію“ умертвить треть изъ нихъ, показываетъ по крайней мѣрѣ, что этотъ „мужъ Божій“ былъ не лучше другихъ побѣдителей и завоевателей того времени; но то, что онъ, въ качествѣ „судьи, замѣщающаго Бога“, заставилъ размолоть желѣзными пилами и молотильными катками и сжечь живьемъ амонитянъ — было изысканнымъ варварствомъ, совершенно отвѣчающимъ тому духу убійства и мучительства, который принесъ съ собою религіозный фанатизмъ. Несмотря на это до сихъ поръ въ народныхъ школахъ учатъ на основаніи библіи, что Давидъ, якобы, былъ „благочестивый“ человѣкъ.

Въ защиту того, что власть происходитъ отъ Бога, „благочестивые“ люди всегда ссылаются на библію (5 Моис. 16, 18). „Поставь себѣ судей и надзирателей по колѣнамъ твоимъ, чтобы они судили народъ судомъ праведнымъ“. Временщикъ Іосифъ сказалъ своимъ братьямъ: „Не бойтесь, ибо я замѣститель Бога“. И въ посланіяхъ Павла къ римлянамъ сказано: „Власть есть слуга Божій“ и „кто противится власти, противится установленію Божію“. На этомъ основаніи божественныя установленія и установленія, зависящія отъ произвола властвующихъ, равнозначущи. Повиновеніе властямъ является синонимомъ повиновенія Богу.

Выдающійся католическій писатель, баронъ ф. Кетелеръ, епископъ Майнцкій, цитируетъ [1] по Гегелю: „Народъ есть абсолютная власть на землѣ“ и прибавляетъ: „Этими словами онъ боролся противъ божественнаго происхожденія власти и осмѣивалъ нашъ христіанскій принципъ „милостію Божіей“, выраженіе, которымъ правда, страшно лоупотреблялъ абсолютизмъ, но которое тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ великую старую апостольскую истину, что всякая власть имѣетъ своимъ источни-

[1] Kettler. Liberalismus, Sozialismus und Christentum. Mainz 1871. S. 17.

комъ Бога; это справедливо въ томъ отношеніи, что всякое правительство, даже установленное и избранное людьми, осуществляетъ власть, которая по своему происхожденію и исходитъ отъ Бога, ибо Онъ далъ въ качествѣ естественнаго закона, въ цѣляхъ сохраненія человѣческаго рода, всю совокупность государственныхъ учрежденій со всѣми ихъ аттрибутами, а слѣдовательно, съ ихъ авторитетомъ и властью".

Противъ этого сомнительнаго догмата, выставленнаго церковью уже много столѣтій тому назадъ, философски образованный теологъ Шлейермахеръ [1] сдѣлалъ слѣдующія критическія возраженія:

„Положеніе, въ силу котораго повиновеніе властямъ равносильно повиновенію Богу, приводитъ къ тому, что управленіе и законодательство предоставляются произволу правительства... Такъ какъ при этомъ дѣло ограничивается формальной стороной, то открывается широкая возможность произвола, тираніи и притѣсненій.

Особенно это обнаружилось въ Англіи при послѣднихъ короляхъ изъ дома Стюартовъ, такъ какъ было объявлено, что правитель отвѣтственъ за свои поступки только передъ Богомъ; при этомъ однако предполагалось, что только правитель можетъ точно указать, что полезно и необходимо для государства, такъ какъ непосредственно ему Божество открываетъ свою волю.

Вслѣдствіе этого утвержденія божественнаго откровенія и возникало противорѣчіе".

Да еще какое противорѣчіе! Если монархи, прибѣгающіе въ своемъ правленіи къ „божественному авторитету", и въ то же время дурными законами и дурными дѣяніями, пороками, несправедливостями и преступленіями всякаго рода, ведущими къ народному бѣдствію, проявляютъ себя властью „милостію діавола", т. е. представителями злого

[1] Schleiermacher. Vorlesungen über die Philosophie der Religion.

начала, то они выясняютъ народному сознанію, что подобное правительство никоимъ образомъ безъ богохульства не можетъ ссылаться на откровеніе премудраго и всеправеднаго Божества.

Іоганнъ Готлибъ Фихте опровергаетъ догматъ божественнаго права власти слѣдующими словами: „Правда, теологи учатъ, что воля Бога предписываетъ повиновеніе правителямъ... Но на самомъ дѣлѣ это лишь воля діавола, и Богъ допускаетъ власть государя, чтобы мы отъ нея освободились“. [1]

Обращаясь вновь къ античной идеѣ божественнаго характера монархіи, мы должны еще обратить вниманіе на римское царство и позднѣйшую римскую имперію языческихъ временъ. Миѳъ [2] причисляетъ перваго царя Ромула къ богамъ подъ именемъ Квирина. Цезарь и Августъ были также обоготворены.

Поэтъ Овидій, разсказавъ, что богъ Эскулапъ былъ принятъ въ римскіе храмы „несмотря на то, что онъ чужестранецъ“, продолжаетъ:

„Гораздо справедливѣе причислить къ богамъ Цезаря, который во время войны и мира оказалъ важныя услуги отечеству, чѣмъ доказать, что онъ возвысился надъ жребіемъ смертныхъ... Величайшей заслугой Цезаря было то, что онъ — отецъ несравненнаго Августа, подъ управленіемъ и защитой котораго боги проявили всѣ сокровища своей милости. Боги! Пусть какъ можно позднѣе наступитъ тотъ день, когда этотъ божественный вождь, безсмертный Августъ, покинувъ землю, надъ которой онъ властвуетъ, вознесется на небо и, какъ богъ между богами, будетъ выслушивать наши мольбы“ [3].

Несомнѣнно, что уже самъ Цезарь заимствовалъ

[1] Fichte: Saemtliche Werke VII Bd. § 558.
[2] Ovids Verwandlungen. Ins deutsche übersetzt von Iohann S. Safft. Berlin 1766. XIV Buch S. 720.
[3] Ovid: a. O. XV Buch S. 764. Поэтъ пережилъ Августа на 3 года.

у монархіи Александра мысль о божественности своей власти.

Еще при жизни онъ обозначался въ надписяхъ какъ „видимый богъ и спаситель рода человѣческаго".

Августъ приказывалъ называть себя „Pater patriae Sanctus" (святой отецъ отечества). И про себя самого онъ говорилъ: „Мнѣ одному подобаетъ власть надъ божественной вселенной". Моммзенъ [1] замѣчаетъ: „Августъ желалъ, чтобы его дѣятельность считалась божественной, свое государственное устройство онъ совершенно не предлагалъ на обсужденіе гражданъ, подобно сыну боговъ Ромулу, и установилъ его на вѣчныя времена.

Это не можетъ удивить никого, кто хорошо усвоилъ разсматриваемый фактъ. Внутренняя связь между римскимъ культомъ императоровъ и монархіей Александра несомнѣнна.

Въ лицѣ Калигулы мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ примѣровъ того, какъ проявляется цезаризмъ въ своей страшной послѣдовательности, когда жестокость, кровожадность и безпутство соединяются съ идеей обожествленія. Онъ не ограничился тѣмъ, что считался „избранникомъ Бога"— онъ самъ хотѣлъ быть Богомъ и претендовалъ на божеское поклоненіе. Одному еврейскому посольству онъ жаловался на то, что евреи предпочитаютъ поклоняться не ему, а „Безымянному". Его правиломъ было: „Пусть они меня ненавидятъ, это не опасно, лишь бы боялись", Этому правилу отвѣчали тѣ ужасныя преступленія, которыя онъ совершилъ въ теченіе своего краткаго царствованія. Если Калигула, а также и Неронъ, чтобы добиться признанія своей божественности, должны были бороться съ языческой идеей божества, то ко времени Діоклеціана распаденіе старой народной религіи сдѣлало такіе успѣхи, что этотъ цезарь могъ уже

[1] Mommsen. Römisches Staatsrecht II S. 788 ff.

совершенно безпрепятственно организовать культъ „священнаго величества“ совершенно по восточному образу.

„Боги были низвергнуты съ небеснаго трона“. Одинъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ и преступныхъ деспотовъ, который не остановился передъ убійствомъ членовъ своей семьи, императоръ Константинъ, закончилъ паденіе старой религіи, признавъ христіанство государственной религіей. Слѣпое и тупоумное христіанское рвеніе за это впослѣдствіи назвало стараго грѣшника „Великимъ“. Его племянникъ и преемникъ Юліанъ не могъ преодолѣть того впечатлѣнія, какое произвели на него ужасы „блаженнаго мученика“, какъ его осмѣливалась величать поповская гнусность. Новый Богъ, единый, истинный Богъ—какъ говорили священники—и, несмотря на то, разоренная имперія, ужасное господство произвола? Этотъ вопросъ всталъ передъ Юліаномъ въ періодъ его юности, полной испытаній. Вступивъ въ 361 году на престолъ, онъ принялъ твердое рѣшеніе—назадъ къ старымъ богамъ, подъ властію которыхъ Римъ сталъ міровой державой, передъ которыми склонялись всѣ величайшіе мыслители древности, которымъ столько вѣковъ поклонялись греки и римляне, египтяне и сирійцы и которымъ теперь противопоставляется, какъ Богъ, одинъ человѣкъ, Христосъ—„мертвый еврей“, „Богъ въ образѣ раба“, коего божественность фанатически защищается одною частью христіанъ, а другою частью (аріанцами) оспаривается. Факты противорѣчили утвержденію христіанскихъ священниковъ, что новая религія исправитъ и облагородитъ людей; эта религія, по убѣжденію Юліана, была „общественно-опаснымъ новшествомъ“, пагубнымъ для государства и для нравовъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Юліанъ рѣшился на возстановленіе старой религіи. Онъ воображалъ, что исцѣлитъ больной міръ, вернетъ Риму основы его величія и спасетъ

подвластную ему міровую имперію отъ грозящей гибели, если ему удастся вернуть народамъ ихъ боговъ и побѣдить „безуміе галилеянина“. Мужественно, рѣшительно вступилъ онъ въ борьбу со своимъ временемъ. Но время было сильнѣе его. Безуспѣшно пускалъ онъ въ ходъ весь авторитетъ своей власти для осуществленія задачи, предпринятой съ хорошими намѣреніями. Безуспѣшно носилъ онъ дрова на жертвенники старыхъ боговъ и исполнялъ во всемъ блескѣ своего земного могущества жреческія обязанности. Боги не воскресали; ихъ дни были безповоротно сочтены. „Ты побѣдилъ, галилеянинъ“. Съ этими словами, какъ гласитъ преданіе, покинулъ жизнь Юліанъ Отступникъ, какъ его назвала христіанская ограниченность для того, чтобы запятнать его память.

Такимъ образомъ старая религія была окончательно уничтожена. Паденіе боговъ послужило къ возвеличенію христіанскихъ властителей. На ихъ тронахъ торжествовала идея восточнаго язычества о божественности автократіи.

Христіанско-богословская модификація этой идеи, доведенная до крайности, нашла примѣненіе въ Византійской имперіи, образовавшейся отъ раздѣла Римскаго государства въ 395 году. Императоры объявили себя если не самимъ Богомъ, то его замѣстителями, а священники были обязаны сдѣлать это „понятнымъ“ невѣжественному народу. Не только посягательство на особу императора, но и на установленные имъ законы, влекло за собою наказаніе, какъ за святотатство, ибо эти законы признавались „изліяніемъ божественнаго откровенія“. Все, что было направлено противъ его „Богомъ освященной“ личности, противъ его законовъ или распоряженій, считалось государственной измѣной; кто оскорблялъ императора, тѣмъ самымъ оскорблялъ Бога. Христіанскій догматъ: „Богъ создалъ всѣхъ людей по своему образу и подобію“, умол-

калъ передъ интересомъ власти христіанскихъ повелителей. Императоры Аркадій и Гонорій при опредѣленіи наказаній за преступленія противъ Божества, считали, что они поступаютъ очень „кротко“, дѣлая такое распоряженіе: „Сыновьямъ государственныхъ измѣнниковъ пусть будетъ дарована жизнь, хотя они также заслужили смерть“.

Далѣе эти императоры въ своемъ безумномъ высокомѣріи, раздутомъ спекулирующими попами, постановили, что тотъ, кто замышляетъ противъ жизни ихъ сенаторовъ и совѣтниковъ, также виновенъ въ государственной измѣнѣ, ибо эти чиновники составляютъ часть ихъ тѣла, ихъ священной особы! Однако сліяніе цезаризма съ христіанствомъ происходило не безъ оппозиціи со стороны одной части христіанъ. Въ лицѣ этихъ недовольныхъ мы имѣемъ дѣло съ подлинными анархистами. Вѣдь въ сущности древнее христіанство было движеніемъ свободныхъ и несвободныхъ пролетаріевъ Римской имперіи, великой „партіи переворота“.

Когда епископы осуществили свой союзъ съ императоромъ Константиномъ, то древне-христіанская религія пролетаріевъ возстала противъ этой измѣны своимъ основнымъ положеніямъ. Она видѣла Римскую имперію въ великомъ „звѣрѣ“, [1] проклятомъ откровеніемъ Іоанна. Это представленіе не было сразу разрушено тѣмъ обстоятельствомъ, что система догматовъ, составленная христіанскими священниками, была возведена на степень императорской государственной религіи. Особенно сильное

[1] Откровеніе Іоанна 13 гл. „И сталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и 10 рогами; на рогахъ его было 10 діадемъ, а на головахъ его имена богохульныя“.
Къ этому мѣсту Вислиценусъ дѣлаетъ примѣчаніе: (Die Bibel für denkende Leser betrachtet. Leipzig 1864). „Этотъ звѣрь означаетъ Римъ, который, расположенный въ Италіи, поднимается изъ средины Средиземнаго моря.... 7 головъ — это 7 императоровъ, которыхъ принимаетъ апокалипсисъ, а 10 роговъ — десять провинцій Римской имперіи“. Здѣсь „ есть олицетвореніе Римской имперіи, ибо она въ сущности—царство діавола, а діаволъ—господинъ имперіи“.

движеніе противъ императорской власти связаннаго съ нею духовенства обнаружилось въ римской провинціи Африкѣ среди христіанъ-пролетаріевъ, безстыдно обираемыхъ владѣльцами латифундій; они, игнорируя утвержденнаго императоромъ епископа карѳагенскаго Цециліана, провозглашаютъ другого епископа Майорана, а послѣ его смерти — Доната. Отъ имени послѣдняго это оппозиціонное теченіе получило названіе донатистовъ.

Доходило до кровавыхъ столкновеній между донатистами и императорскими солдатами. Императоръ Константинъ попытался привлечь на свою сторону донатистовъ, выказавъ имъ свое расположеніе. Но Донатъ объявилъ, что церковь съ нимъ не имѣетъ ничего общаго. Въ окружномъ посланіи онъ призывалъ всѣхъ истинныхъ христіанъ не признавать притязаній императора. Во всей провинціи съ каѳедръ произносились проповѣди противъ императорской власти: тотъ же самый діаволъ, который при языческихъ императорахъ старался побѣдить души страхомъ мученій, теперь, во дни мира, хочетъ опутать ихъ льстивыми словами. Донатисты энергически заявляли, что истинное христіанство не соединимо съ императорской и вообще съ государственной властью. Особенно рѣзко слѣдовалъ этому ученію преемникъ Доната, Карменіанъ. Въ одномъ полемическомъ сочиненіи онъ указываетъ на то, что Христосъ никому не поручилъ свѣтской власти. Богъ не желаетъ никакихъ повелителей и палачей, онъ требуетъ полной свободы, мирнаго, чуждаго насилію общежитія христіанъ.

Напротивъ, принудительная власть государства есть дѣло рукъ діавола. „Зачѣмъ вы держитесь за князей міра сего, которыхъ церковь всегда признавала своими врагами?... Всемогущій Богъ посылалъ пророковъ, дабы обращать народъ; не князьямъ поручалъ онъ это дѣло. Іисусъ Хри-

стосъ послалъ проповѣдывать свою вѣру рыбаковъ, а не солдатъ“ [1].

Во время богослуженій и собраній донатистовъ указывалось на слѣдующія заключительныя слова видѣнія пророка Аггея: „И я хочу опрокинуть троны царствъ и уничтожить могущественныя царства язычниковъ, хочу опрокинуть повозку вмѣстѣ съ сѣдоками, чтобы лошадь и всадникъ пали вмѣстѣ“. Донатисты вѣрили въ наступленіе тысячелѣтняго царства, возвѣщеннаго въ откровеніи Іоанна (20,1—6), въ уничтоженіе Дракона, въ явленіе изъ солнца ангела, по зову котораго всѣ птицы небесныя насытятся мясомъ королей и власть имущихъ.

Эта антимонархическая, христіанско-анархическая секта сохранилась, все болѣе ослабѣвая отъ постоянныхъ преслѣдованій, до седьмого вѣка. Изъ ея противниковъ выдѣляется величайшій изъ такъ называемыхъ отцовъ церкви, причисленный къ лику святыхъ Аврелій Августинъ. Но даже онъ былъ поставленъ въ необходимость объяснить, что каждая монархическая власть должна быть отвергнута, если ей недостаетъ добродѣтели; онъ написалъ сочиненіе о „Божіемъ государствѣ“ [2]. Тамъ сказано:

„Если не осуществляется справедливость, въ такомъ случаѣ, что же такое государства, какъ не большія шайки разбойниковъ, и что такое шайки разбойниковъ, какъ не государства въ маломъ видѣ? Онѣ также представляютъ изъ себя соединенія людей, признающихъ надъ собою власть одного предводителя и объединенныхъ на подобіе общества; добыча дѣлится согласно точно установленнымъ законамъ. Если подобныя шайки до такой степени

---

[1] Съ этимъ воззрѣніемъ удивительно согласуется то, что говорится о свѣтской власти въ главныхъ твореніяхъ перекрещенцевъ: „Христіанинъ не можетъ быть княземъ, правителемъ или начальникомъ, наказывающимъ мечемъ. Христіане не должны имѣть никакой власти, кромѣ слугъ государства“.

[2] De civitate Dei.

разрастаются, что становятся осѣдлыми, заводятъ суды, учреждаютъ городскія управленія, покоряютъ народы, то онѣ, очевидно, получаютъ названіе государства; и не отреченіе отъ грабежа даетъ имъ право на это названіе, а завоеванная безнаказанность. Эту мысль тонко и вѣрно высказалъ Александру Великому захваченный имъ пиратъ. А именно, когда этотъ царь спросилъ его, что онъ думаетъ о себѣ, дѣлая невозможнымъ плаваніе въ морѣ, пиратъ отвѣтилъ съ прямодушной твердостью: „То же, что ты думаешь, дѣлая невозможной жизнь во всемъ мірѣ, но такъ какъ я дѣлаю это при помощи маленькаго корабля,—я называюсь разбойникомъ, а ты называешься императоромъ, такъ какъ пользуешься большимъ флотомъ“.

Одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ фанатиковъ по отношенію къ донатистамъ и вообще еретикамъ епископъ Кириллъ воскликнулъ въ 481 году, обращаясь къ императору Ѳеодосію II: „Дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я дамъ тебѣ царствіе небесное! Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ“!

Возвратимся еще разъ къ германцамъ. Въ древнія времена нѣмецкіе короли вели свое происхожденіе отъ Водана или другого какого-нибудь бога. По взгляду Зибеля[1] это выражало лишь его ближайшее право на корону, но никакъ не на полноту власти надъ согражданами, которая связана съ его титуломъ, ибо „Богъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ, былъ также родоначальникомъ и всего народа, а потому народовластіе было въ полномъ согласіи съ религіозными представленіями“. Позднѣе христіанская церковь начала переносить на нѣмецкаго короля, который былъ также и ея повелителемъ, представленія „св. Писанія“, въ особенности взгляды апостола Павла на отношеніе „богоугодной“ власти къ подданнымъ. Эти понятія были

[1] Sybel, a. O. S. 351.

совершенно чужды древне-германскимъ общинамъ, въ новыхъ же государствахъ они достигли полнаго развитія. Съ тѣхъ поръ короли опредѣляли свою власть, какъ данную и порученную имъ Богомъ; на этомъ основаніи они должны требовать себѣ почета и повиновенія. Не только Кассіодоръ, но даже католическіе соборы признаютъ, что остготъ Теодорихъ достигъ власти, благодаря особенному Божьему произволенію, и дѣйствуетъ по наитію святого духа. „Мы — говоритъ франкскій Гунтхалемъ—которые призваны царемъ небеснымъ къ управленію, подпали бы его гнѣву, если бы не заботились о благѣ подданнаго намъ народа“ [1].

Церковь приписываетъ себѣ не только конструированіе понятія о божественномъ происхожденіи власти, но также и утвержденіе „святого призванія“ королевской власти. Правда, „церковь указала также и на обязанности короля защищать добрыхъ и наказывать преступниковъ, отправлять правосудіе, служить справедливости и заботиться о благѣ страны“ [2].

Но исторія учитъ, что принципъ власти „Божьей милостью“ глумился надъ этими обязанностями, указанными церковью, и въ позднѣйшее время сама церковь нерѣдко помогала свѣтскимъ властителямъ въ совершеніи возмутительныхъ несправедливостей.

Церковь должна была неминуемо вступить въ конкурренцію съ духовнымъ имперіализмомъ князей. Ультрамонтанство утверждаетъ, что католическая церковь всегда вступалась за монархію и ея божественныя права; что между ученіями католицизма и монархизма существуетъ „тѣсная и неразрывная гармонія“. Историческими фактами можетъ быть доказано, что пресловутая „гармонія между тономъ и алтаремъ“ искусственна и носитъ

[1] Felix Dahn. Die Könige der Germanen Bd. III.
[2] Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. II¹. S. 202.

чисто внѣшній характеръ, что она, — по крайней мѣрѣ, если имѣть въ виду католическую церковь,— вовсе не соотвѣтствуетъ самой сущности этихъ институтовъ, что монархія и церковь являются непримиримыми противоположностями, какъ только дѣло касается власти.

Правда, католическая церковь съ самаго начала своего могущества, со времени признанія ея въ 313 году государствомъ въ лицѣ императора Константина, выдавала себя за поставленную Богомъ защитницу христіанскихъ монархій. Само собой разумѣется, это дѣлалось единственно для того, чтобы заставить монархію служить ея цѣлямъ. Она льстила самой дикой маніи величія монарховъ, чтобы тѣмъ легче пользоваться ими, какъ орудіемъ іерархической власти. Церковь всегда говорила свѣтской власти: „Ты исполняешь волю Божію, если служишь церкви. Поступай по ея указаніямъ, и церковь будетъ, насколько это въ ея силахъ, защищать твою власть“. Такъ было уже при первомъ христіанскомъ императорѣ Константинѣ.

Уже тогда возникла идея, что всякая власть происходитъ отъ Бога, который, какъ верховный суверенъ, назначилъ себѣ вассалами церковь и государство, т. е. папу и императора, съ той разницей, что церкви подобаетъ верховенство, а свѣтскій монархъ ей подчиненъ. Представители церкви никогда не переставали дѣлать усилія, чтобы доказать князьямъ ихъ подчиненное положеніе, при чемъ нерѣдко очень рѣзко отзывались о мнимыхъ вассалахъ Божіихъ“.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже упоминали, что мажордомъ Пипинъ испросилъ согласіе папы на сверженіе съ престола послѣдняго изъ Меровинговъ и этимъ сдѣлалъ значительную уступку притязаніямъ духовной власти. Тогда выраженіе „Божіей милостью“, ставшее впослѣдствіи общей фразой легитимизма, должно было санкціонировать на-

сильственный переворотъ, путемъ котораго завладѣла тономъ совсѣмъ ужъ не легитимная династія Пипинидовъ или Каролинговъ [1].

Преемникъ Пипина Карлъ, такъ называемый „Великій“ на Рождествѣ 800-го года былъ провозглашенъ римскимъ императоромъ и торжественно коронованъ въ соборѣ св. Петра папой Львомъ III. Послѣдній руководился при этомъ тонкимъ разсчетомъ объявить на будущія времена коронованіе своимъ правомъ. И дѣйствительно, съ этихъ поръ папскій престолъ предъявлялъ притязанія на „право коронованія“ и вскорѣ послѣ этого сталъ распоряжаться по своему усмотрѣнію императорскимъ достоинствомъ и даже располагать самою короной по произволу, такъ что казалось, что императоръ получалъ корону въ ленъ отъ папы.

Тотчасъ же послѣ правленія Карла „Великаго“ папская власть такъ окрѣпла, что папа Григорій IV могъ восхвалять ту мысль, что онъ — носитель всякой божеской власти и авторитета и можетъ судить всякаго, самъ же не подлежитъ ничьему суду.

Папское верховенство противостало верховенству свѣтской власти, и приближалось время, когда выраженіе „Божьей милостью“ стало равнозначуще выраженію: „милостью папы“. Папа въ качествѣ верховнаго судьи королей или по прекрасному выраженія Гердера „деспота надъ деспотами“ рѣшился на основаніи „божественнаго права“ измѣнить прежнюю зависимость церкви отъ свѣтской власти въ противоположную и объявить всѣхъ свѣтскихъ государей обязанными своей властью одному лишь папѣ. Идея всемірной духовной монархіи начинала пріобрѣтать значеніе.

---

[1] Въ достойной вниманія книгѣ Dr. jur. Alfred David „Die Kurialienformel von Gottes Gnaden“ Berlin 1902 очень убѣдительно доказывается, что вплоть до XVII в. эта форма постоянно проводилась самыми простыми помѣщиками, даже бюргермейстерами и докторами.

2. Идея всемірной монархіи и ея противоположность.

Попытки ея осуществленія. — Міровыя монархіи ассиріянъ и персовъ.— Александръ Великій. — Мессіанскія надежды. — Царство Мессіи. — Римская имперія. — Папство какъ универсальный монархизмъ. — Исламъ. — Идея Данте объ универсальной имперіи. — Проекты всемірной политики. — Наполеоновская имперіалистская трагедія. — Нѣсколько замѣчаній о понятіи цезаризма. — Цезаризмъ и клерикализмъ. — Космополитическая система интересовъ. — Монархическій союзъ и его противоположность: культурное единство націй. — Прогрессирующая демократизація народовъ.

Идея всемірной власти требуетъ особаго разсмотрѣнія. Она ни въ коемъ случаѣ не есть результатъ религіозныхъ представленій, но въ соединеніи съ послѣдними она въ продолженіе тысячелѣтій оказывала вліяніе въ исторіи. Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли тотъ фактъ, что на востокѣ образы миѳическихъ боговъ смѣшиваются съ образами царей. Каждая династія древняго востока связывала свое происхожденіе съ сверхъестественнымъ творческимъ актомъ и основывала свою жизненную дѣятельность на вѣрѣ въ извѣстное данное ей богами обѣщаніе универсальнаго могущества и владычества надъ міромъ.

Мы видимъ проявленіе этой идеи уже въ древнѣйшемъ ассирійскомъ миѳѣ о Нимродѣ, который былъ призванъ въ качествѣ мірового героя дать свѣтъ народамъ и объединить ихъ подъ единой властью. Въ этомъ очень ясно проявляется космополитическая идея единства міра и человѣчества. Нимродъ былъ ассирійскимъ идеаломъ мірового владыки, въ которомъ, несомнѣнно, отразились могучіе характеры завоевателей, сдѣлавшихъ Ассирію міровой державой по понятіямъ того времени. Тамъ на востокѣ впервые идея міровой имперіи приняла опредѣленныя формы; тамъ были сдѣланы первыя попытки къ ея осуществленію. Отъ ассиріянъ она перешла къ персамъ, которые связали ее своими миѳологическими представленіями. Иран-

скіе народы поклонялись свѣту и вѣровали, что богъ свѣта призвалъ ихъ царей образовать и охранять міробъемлющее царство свѣта. Такимъ образомъ универсальное царство было поставлено въ связь со всеобщей исторіей.

Ни одно изъ созданій древней восточной политики завоеваній не было въ состояніи долго продержаться. „Міровая имперія“ ассиріянъ просуществовала лишь нѣсколько столѣтій; она распалась подъ напоромъ менѣе цивилизованныхъ народовъ. На ея развалинахъ возвысилось Мидо-персидское царство; оно возникло при Кирѣ въ серединѣ шестого вѣка до Р. Х. и просуществовало не болѣе двухъ столѣтій. Въ надписяхъ послѣдней столицы персидскаго царства Персеполя, основаннаго Даріемъ Гистаспомъ, этотъ государь называетъ себя „царемъ царей“, „царемъ странъ, говорящихъ на всѣхъ языкахъ“, „царемъ этой великой и широкой земли“. Въ числѣ покоренныхъ областей упоминается 24 страны. По мнѣнію Гольцендорфа [1], величіе этой имперіи покоилось на внутреннемъ оскудѣніи національныхъ культурныхъ силъ покоренныхъ народовъ. „Деспоты могли властвовать надъ огромной областью только потому, что она была населена уже націями, клонившимися къ упадку“. Прочность пораженія господствующей націи зависѣла исключительно отъ военнаго счастія монарха, съ которымъ было неразрывно связано суевѣрное поклоненіе толпы государю. Поэтому, если династія, вышедшая изъ народа падала подъ напоромъ болѣе значительной силы, то и самый народъ былъ обреченъ на гибель.

Идеи всемірной власти, вытекающія изъ миѳологическихъ представленій, подготовили почву македонскому универсальному царству, міровой имперіи Александра Великаго. Перешагнувъ черезъ народы и царства Востока, побѣдное шествіе отважнаго

[1] Franz v. Holtzendorff. Völkerrecht. I. Bd S 185 Berlin 1885.

завоевателя, послѣ покоренія Пенджаба, было остановлено возстаніемъ его солдатъ въ Индіи. Многіе историки полагаютъ, что имъ не руководила слѣпая страсть къ порабощенію и уничтоженію чуждыхъ народовъ; они говорятъ, что Александръ, будучи свободомыслящимъ человѣкомъ и великимъ другомъ человѣчества, желалъ слить воедино народы Востока и Запада, побѣдить національную вражду и вывести народы на путь высшей культуры. Какъ бы то ни было, то, что онъ создалъ, было лишь краткимъ торжествомъ завоевателя. Послѣ его смерти рухнула и его всемірная монархія, какъ карточный домикъ, и человѣчество должно было вынести на себѣ только дурныя послѣдствія его великихъ подвиговъ. Эта міровая монархія была противоестественной системой, которую не могъ бы долго поддерживать даже ея творецъ.

Въ исторіи еврейскаго народа мы также встрѣчаемся съ религіозно-политической идеей міровой имперіи. Великіе еврейскіе пророки, а именно Исаія, во времена самаго сильнаго паденія нравовъ, предсказывали избранному народу будущее міровое господство, „золотой вѣкъ“, когда „израиль будетъ вождемъ всѣхъ народовъ“. Уже въ такъ называемыхъ книгахъ Моисея мы наталкиваемся на отголосокъ этихъ идей. Главныя мысли пророчества Исаіи таковы: израиль, по слову Божію, соединитъ всѣ народы и будетъ надъ ними господствовать. Это—начало такъ называемыхъ мессіанскихъ упованій, которыя выражены въ книгѣ Даніила въ другой формѣ. Въ этой книгѣ сказано, что придетъ царь и создастъ царство, такъ что „всѣ народы и языки будутъ ему служить“, его царствіе—вѣчное царствіе, которому не будетъ конца.

Эти идеи о блестящемъ будущемъ человѣчества подъ властью посланнаго Богомъ мірового монарха, естественно, стали пропагандироваться. И когда освобожденные Киромъ отъ ассирійскаго плѣненія

евреи колебались между правленіемъ царя и правленіемъ священниковъ, „то ихъ единственное утѣшеніе и надежда основывались на древнихъ пророчествахъ, которыя должны были обезпечить осуществленіе ихъ честолюбивыхъ стремленій къ міровому владычеству“ [1].

Іисусъ изъ Назарета долженъ былъ стать этимъ ожидаемымъ Мессіей. Думалъ ли онъ, и думали ли его первые послѣдователи о свѣтской или, какъ утверждаютъ теологи, о духовной власти? Этотъ вопросъ часто обсуждался. Одинъ изъ самыхъ остроумныхъ критиковъ библіи Германъ Самуилъ Реймарусъ, въ 1768 году послѣ подробнаго изслѣдованія разрѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ, противоположномъ мнѣнію теологовъ. Онъ считаетъ себя вправѣ утверждать, какъ историческую истину, что Іисусъ смотрѣлъ на себя какъ на обѣщаннаго Богомъ Мессію, который явился для спасенія народа и созданія царствія Божія на землѣ, а также, что его ученики вѣрили въ близкое осуществленіе этого царства. Относительно ближайшихъ подробностей того царствія ни въ ученіи своемъ, ни въ наставленіи ученикамъ Іисусъ не высказывался, слѣдовательно, онъ исходилъ изъ обыкновенныхъ еврейскихъ представленій о мессіанизмѣ. Эти же представленія имѣли въ виду исключительно свѣтскую власть. Древніе пророки предсказывали наступленіе „золотого вѣка“, который будетъ осуществленъ помазанникомъ, царемъ, возсѣдающимъ на престолѣ Давида и происходящимъ изъ его рода. Подъ этимъ подразумѣвался, правда, справедливый и благочестивый, но все же свѣтскій и могущественный правитель, освободитель народа отъ ига другихъ народовъ, но никакъ не „сынъ Божій“, страждущій избавитель отъ грѣха и наказанія...

„Если Іисусъ послалъ учениковъ проповѣдывать

[1] Herder: Ideen zur Philosophie der Geschichte. 12 Buch III.

царство, которое эти ученики понимали въ свѣтскомъ смыслѣ, то онъ могъ знать, а слѣдовательно, долженъ былъ желать, чтобы они возвѣщали людямъ земное царство Мессіи, какимъ его и представляло себѣ народное воображеніе евреевъ".

Второго пришествія Іисуса апостолы ожидали въ ближайшемъ будущемъ (Матѳ. 16, 28, 24, 34), такъ какъ онъ сказалъ, что вновь придетъ, прежде чѣмъ умретъ настоящее поколѣніе, и тогда наступитъ „тысячелѣтнее царство" для всѣхъ земныхъ народовъ.

Эта надежда на скорое второе пришествіе казненнаго, но якобы воскресшаго изъ мертвыхъ Мессіи представляла изъ себя магнитъ, который въ скоромъ времени привлекъ къ новой религіи множество новыхъ приверженцевъ. Положимъ, произошло нѣкоторое замѣшательство, когда исполненіе пророчества заставляло себя ждать, и Мессія все не появлялся. Тогда апостолы стали прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ съ цѣлью успокоить сомнѣвающихся. Такъ Петръ ссылался на псаломъ 94,4, по которому для Бога тысяча лѣтъ равна одному дню.

Веспасіанъ, осаждавшій Іерусалимъ, приказалъ перенести на себя связанныя съ жизнью и ученіемъ Христа предсказанія о томъ, что владыка міра придетъ съ востока; онъ воспользовался ими въ интересахъ своей власти и утверждалъ, что онъ-то и есть угодный Богу владыка міра.

Впрочемъ даже учители церкви Папій, Иринеи, Тертулліанъ и Лактанцій сохранили вѣру въ близкое второе пришествіе Іисуса для установленія тысячелѣтняго царства на землѣ. Только послѣ побѣды христіанства надъ греческимъ и римскимъ язычествомъ отцы церкви — а въ особенности Августинъ и Іеронимъ — отказались отъ хиліазма.

Наступленіе тысячелѣтняго царства должно было явиться побѣдой надъ міровымъ могуществомъ язы-

ческаго Рима. Несомнѣнно, востокъ далъ большой матеріалъ для идеи римскаго имперіализма. Эта идея, усвоенная римскимъ государствомъ, была наслѣдіемъ умирающаго греческаго міра, которому Александръ хотѣлъ дать новыя формы. Римская имперія во времена Траяна обнимала весь тогдашній культурный міръ и занимала пространство въ 95.000 кв. миль. Она была построена на основѣ вѣчной войны и завоеваній; состояніе мира было для нея ненормально. Какъ ни прочна была власть Рима, въ концѣ концовъ, все же она распалась сама собой, послѣ того какъ навязала свои законы востоку и западу. Римская имперія желала представлять изъ себя міровое цѣлое, но не имѣла возможности и способности дать ему внутреннюю организацію.

За нею послѣдовала, или вѣрнѣе, изъ нея выросла другая идея космополитической власти— идея папства. Эта іерархическая власть развивалась во всемогущей міровой столицѣ, которая завоевала весь міръ и властвовала надъ нимъ. Весьма основательно предположеніе, что происхожденіе идеи мірового Бога, міровой религіи, такъ называемаго христіанства съ ученіемъ о равенствѣ и братствѣ, о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ, является естественнымъ слѣдствіемъ единства римской имперіи, pax romana; внутри этой имперіи вошли въ физическое и духовное соприкосновеніе важнѣйшіе культурные народы того времени. Отсюда вытекало, что и римскій епископъ съ полнымъ правомъ долженъ былъ стать главою христіанства, въ качествѣ „намѣстника Божія“ на землѣ съ неограниченною властью. Въ продолженіе столѣтій папы вели успѣшную борьбу за верховенство сначала въ церковныхъ вопросахъ, а затѣмъ также и въ свѣтскихъ дѣлахъ.

И церковь завоевала эту власть. Уже Григорій VII могъ выставить положеніе, что всякая государственная власть на землѣ имѣетъ своимъ источникомъ церковную власть. А папа Иннокентій III

былъ во всякомъ случаѣ единственнымъ всемірнымъ монархомъ, признаннымъ таковымъ всѣми христіанскими князьями Европы, „отвѣтственнымъ только передъ Богомъ абсолютнымъ монархомъ монарховъ“, владыкой міра, который распоряжается коронами и царствами, свергаетъ князей, раздаетъ страны и моря.

Идея вселенской власти была перенесена на германскихъ императоровъ, и античное представленіе о всемогуществѣ и полнотѣ императорской власти оказало на нихъ большое вліяніе. Сначала Карлъ Великій попытался осуществить мечту о міровомъ владычествѣ, а затѣмъ эту попытку возобновилъ Оттонъ Великій; впослѣдствіи всѣ выдающіеся нѣмецкіе императоры безразсудно тратили лучшія силы народа на возстановленіе древнеримской имперіи, наслѣдницей которой они считали Германію. Въ погонѣ за призракомъ „римской міровой монархіи“ средневѣковые Оттоны, Генрихи, Фридрихи то и дѣло переходили черезъ Альпы.

Идея имперіализма подъ вліяніемъ возродившагося римскаго права весьма рѣзко проявилась въ эпоху Гогенштауфеновъ (1138 — 1254); Фридрихъ II, послѣдній Гогенштауфенъ на императорскомъ престолѣ, болѣе другихъ мнилъ себя призваннымъ возстановить всемірную монархію. При немъ дѣло дошло до настоящаго обоготворенія монарха, который, какъ imperator mundi, считался истиннымъ преемникомъ римскаго императора [1]. „Земля, море и воздухъ поклоняются“ ему; онъ является представителемъ божественной міровой власти, подобно античному монарху, который былъ олицетвореніемъ Зевса; эта идея сохранилась до 14 — 15 в., когда публицисты называли императора владыкой міра и „земнымъ богомъ“, которому подобаютъ божескія почести [2]. Но объективное историческое изслѣдо-

[1] Gierke: Genossenschaftsrecht III S. 563.
[2] Gierke: a, a, O. Zitiert derartige Aeusserungen des Baldus, Dietrich v. Niem, Aeneas, Sylvios u. a.

ваніе должно осудить царственныхъ мечтателей за то, что они расточали лучшія силы Германіи въ погонѣ за фантазіей, которую не могъ разрушить даже самый горькій опытъ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать внутреннему устроенію государства, что являлось насущной необходимостью, они во что-бы то ни стало хотѣли подчинить своей власти Италію, гдѣ въ каждый моментъ можно было ожидать возмущенія и переворота со стороны мятежной аристократіи. Отсюда ихъ двойственное положеніе между Германіей и Италіей. Ослѣпленные феодальнымъ высокомѣріемъ, они подавляли республиканскую вольность итальянскихъ городовъ и заставляли ихъ прибѣгать къ помощи папы. Въ погонѣ за римской короной они не останавливались ни передъ какими средствами; такъ напр., Барбаросса выдалъ папскимъ палачамъ благороднаго реформатора Арнольда Бресчіа.

* * *

Въ то самое время, когда возрастала сила папства, и идея универсальной іерархіи боролась за свое признаніе и осуществленіе, въ Азіи начался безпримѣрный ростъ ислама, которому предстояло до самаго своего паденія держать Европу въ постоянномъ страхѣ. Магометъ провозгласилъ новую религію и новое міровое государство въ полномъ смыслѣ этого слова и объявилъ свое ученіе откровеніемъ божества. Это ученіе воспламенило всю Аравію. Во главѣ воодушевленнаго войска онъ одерживалъ побѣду за побѣдой, распространяя господство Ислама огнемъ и мечемъ. Его послѣдователи продолжали дѣло съ пылкимъ фанатизмомъ, не отступая ни передъ какими препятствіями. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій міръ былъ свидѣтелемъ титанической борьбы между крестомъ и полумѣсяцемъ, борьбы безпримѣрной до того времени. Исламъ, подобно христіанству, стремился стать

міровой религіей и установить общественный порядокъ, основанный на его принципахъ. Христіанская церковь въ союзѣ съ свѣтской властью именемъ Бога употребляла грубую силу для сохраненія „единства вѣры“ и установленія христіанскаго строя жизни. Точно такъ же исламъ, опираясь на божественное право, распространялъ ученіе пророка мечемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слово оказывалось безсильнымъ. Такъ, въ теченіе столѣтій въ Азіи и Африкѣ, въ Испаніи и Франціи, въ Европѣ и Палестинѣ боролись два великихъ общественныхъ движенія — христіанство и исламъ. Наконецъ, 29 мая 1453 г., безчисленныя побѣдоносныя войска турецкаго султана разрушили тысячелѣтнюю христіанскую имперію и сдѣлали Константинополь столицей турецкаго государства. Съ тѣхъ поръ утвердившійся тамъ полумѣсяцъ сталъ угрозой для юго-восточной Европы. Скоро этимъ странамъ пришлось испытать грозное нашествіе мусульманъ, которые издѣвались надъ христіанскимъ Богомъ и поносили властителей „милостью Божьей“. Паденіе папскаго имперіализма началось прежде, чѣмъ онъ достигъ своего расцвѣта. Немного времени спустя просвѣщенные умы среднихъ вѣковъ выступили на борьбу съ идеей вселенской власти папы. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, которыя явились слѣдствіемъ ожесточенной борьбы между папской и императорской властью (гвельфы и гибелины), черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Иннокентія III, безсмертный поэтъ Данте въ своемъ замѣчательнѣйшемъ произведеніи „Tractatus de monarchia“ противопоставилъ папскому имперіализму идею свѣтской универсальной монархіи. Этимъ смѣлымъ поступкомъ поэтъ заслужилъ названіе еретика и подвергся жестокому преслѣдованію со стороны „черной партіи“ (Гвельфы). Данте не признаетъ того, что императорская власть должна быть подчинена папской и что помазаніе, исходящее отъ папы, дѣлаетъ короля императоромъ. Онъ

защищаетъ самостоятельность императорской власти. По его воззрѣніямъ, римскій народъ самъ является источникомъ власти императора. Курфюрстовъ Данте разсматриваетъ, какъ герольдовъ божескихъ велѣній; по его мнѣнію, тотъ, кого они провозгласятъ императоромъ, является Божіимъ избранникомъ, и сопротивленіе этому избраннику равносильно возмущенію противъ воли Божіей. Но не народъ существуетъ для короля, а наоборотъ, король для народа. „Если въ отношеніи изысканія средствъ король является руководителемъ народа, то, поскольку дѣло идетъ о постановкѣ цѣли, онъ—слуга народа". Онъ „безъ сомнѣнія, долженъ считаться слугою всѣхъ". Поддержаніе всеобщаго мира есть та задача, которая связываетъ монарховъ въ ихъ законодательной дѣятельности. „Если говорится,—замѣчаетъ далѣе Данте,—что человѣчество можетъ управляться однимъ верховнымъ государемъ, то это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что самыя незначительныя рѣшенія, касающіяся каждой отдѣльной мѣстности, должны исходить отъ него самого. Вѣдь націи, государства и города имѣютъ свои особенности, которыя должны регулироваться мѣстными законами. Поэтому идею вселенской власти слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что эта власть должна руководить человѣчествомъ въ общихъ вопросахъ, касающихся всѣхъ, и содѣйствовать своими законами всеобщему миру. Въ этой системѣ законодательства большая посылка принадлежитъ императорской власти, малая же посылка и заключеніе отдѣльнымъ государямъ. Установленіе же руководящихъ началъ законодательства не только можетъ, но и должно исходить отъ одного лица, ибо, въ противномъ случаѣ, невозможно устранить путаницу въ основныхъ положеніяхъ, на которыхъ основана организація общества. Императоръ долженъ быть безпристрастенъ, какъ сама теорія; онъ стоитъ во главѣ всего общества, и онъ можетъ

быть честолюбивъ только въ стремленіи къ справедливости. Въ отдѣльныхъ государствахъ Дантова универсальная монархія допускаетъ всевозможныя формы правленія [1]. Эта идея Данте, по вѣрному замѣчанію Грегоровіуса [2], ни въ коемъ случаѣ не была программою деспотизма. Вселенскій императоръ не міровой тиранъ, убивающій законом'рную свободу, а, напротивъ, судья, стоящій выше всякихъ деспотическихъ стремленій и партійныхъ страстей, главный министръ или президентъ „міровой республики". Дантово преклоненіе передъ идеальной имперіей проистекало изъ чистыхъ побужденій, но было не болѣе, какъ созданіе поэта, который витаетъ внѣ границъ дѣйствительнаго и возможнаго. Какимъ непримиримымъ врагомъ деспотизма былъ Данте видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его „Божественной комедіи". Въ этомъ произведеніи Данте описываетъ муки тѣхъ правителей, которые при жизни прославлялись, какъ великіе государи, а послѣ смерти проклинались народомъ. Правосудіе Всевышняго бросаетъ въ кипящую кровь людей, сдѣлавшихся вслѣдствіе „слѣпой алчности и безсмысленной злобы" цѣпями человѣчества. Однако, и въ этомъ произведеніи (III часть, пѣсня 5 и 6) проводится идея универсальной монархіи, которой божественная воля поручаетъ карать отъ лица вѣчнаго правосудія. Противиться этой имперіи есть преступленіе.

Средневѣковая идея универсальной монархіи въ концѣ 17 вѣка вполнѣ овладѣла нѣмецкимъ философомъ Лейбницемъ [3]. Императору должна быть поручена высшая власть по охранѣ и отправленію правосудія въ христіанской республикѣ народовъ. Поэтому то Лейбницъ сталъ поклонникомъ

---

[1] Eduard Boehmer. Ueber Dantes Monarchien Halle 1866.
[2] Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom. VI. 24.
[3] Pfleiderer. E. w. Leibnitz als Patriot, Staatsmann und Bildungsträger. Leipzig 1870. A. Pichler. Die Theologie des Leibnitz. 2 Teile München 1869—70. Dr. Ioh. Huber: Das Verhältnis der deutschen Philosophie zur nationalen Erhebung. Berlin. 1871.

папства, которое, въ священномъ союзѣ христіанскихъ народовъ, являлось высшимъ руководителемъ религіозно-нравственной жизни. Отъ возстановленія Германской имперіи и теократическаго управленія онъ ожидалъ осуществленія вѣчнаго мира. „Вполнѣ понятно,—говорилъ онъ,—что власть императора въ міровыхъ вопросахъ должна распространяться на всю землю; такимъ образомъ глава Европы,—въ то же время и глава всей земли“. И императоръ, въ качествѣ „адвоката церкви, является прирожденнымъ генераломъ и военачальникомъ противъ ея враговъ, какимъ нѣкогда были Барбаросса и другіе“.

Послѣдствіемъ открытія Америки явилось созданіе новой міровой имперіи. Папа Александръ VI въ 1493 году „пожаловалъ“ испанскому королю „землю не имѣющую государя“, лежащую по ту сторону океана; при этомъ имъ руководила идея католической всемірной имперіи. Всемірная имперія должна была возникнуть въ гордомъ великолѣпіи на развалинахъ еретичества въ Европѣ и язычества въ Новомъ Свѣтѣ. Для этой цѣли заключили между собою союзъ месть, алчность, жестокость и религіозный фанатизмъ. Несмѣтныя богатства, добытыя въ Новомъ Свѣтѣ, были истрачены на безпрерывные походы для торжества этой идеи. И вскорѣ создалось государство, о которомъ его повелитель могъ сказать, что въ немъ никогда не заходитъ солнце. Филиппу II повиновались по ту сторону океана 4 вицекоролевства, занимавшихъ бо̀льшее пространство, чѣмъ вся Европа. Когда этотъ монархъ въ 1588 году попытался покорить Англію, чтобы этимъ закончить созиданіе своей имперіи, то мечта о католической всемірной монархіи потерпѣла полное крушеніе. Она рухнула вмѣстѣ съ гибелью „непобѣдимой армады“.

Послѣ этого началось быстрое распаденіе испанскаго могущества, такъ какъ гордая держава все болѣе и болѣе подвергалась моральному и финансо-

вому оскудѣнію. Послѣдніе остатки заатлантическихъ владѣній были отняты у Испаніи нѣсколько лѣтъ тому назадъ Соединенными Штатами С. Америки.

Въ теченіе столѣтія, которое слѣдовало за паденіемъ испанскаго могущества, протестантскія германскія морскія державы, а особенно Англія, напрягали всѣ свои силы на пріобрѣтеніе земель по ту сторону океана, при чемъ имѣлись въ виду исключительно торговые интересы. Въ то же время полуварварская Россія съ завоеваніемъ Сибири стала пріобрѣтать міровое значеніе. Вскорѣ послѣ этого могучій варваръ, Петръ Великій побѣдилъ шведовъ, присоединилъ къ Россіи Лифляндію и Эстляндію, и расширилъ границы по направленію къ передней и средней Азіи, положивъ прочное основаніе могуществу Россіи. Весьма возможно, что пресловутое „Завѣщаніе Петра Великаго“, въ которомъ излагаются идеи русскаго всемірнаго государства и пути къ осуществленію этого государства, есть плодъ измышленія Наполеона I, и написано по его приказанію въ 1812 году. Но это завѣщаніе, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ всемірно-политическимъ стремленіямъ русскихъ самодержцевъ послѣ Петра I.

Нельзя не упомянуть, что нѣмецкій государственный человѣкъ и публицистъ Юстусъ Мезеръ въ своемъ произведеніи, появившемся между 1774 и 1786 г., превозноситъ былое могущество и духъ Ганзы; между прочимъ онъ замѣчаетъ, что, если бы имперскіе князья не уничтожили этого великаго духа націи, онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы повелителемъ въ обѣихъ Индіяхъ и возвелъ бы германскаго императора на степень вселенскаго монарха. Это, пожалуй, звучитъ фантастично, однако не подлежитъ сомнѣнію, что Ганза получила бы громадное вліяніе, какъ торговая сила, если бы этому не помѣшали ограниченность и убожество имперскихъ князей.

Судьбѣ угодно было остановить въ Россіи побѣдное шествіе „новаго Александра“, Наполеона Бонапарта. Міръ сдѣлался свидѣтелемъ краткой, но великой трагедіи наполеоновской имперіи, которая потрясла до основанія дряхлую Европу; а однимъ столѣтіемъ раньше Англія, руководимая капитализмомъ, этимъ новымъ факторомъ, претендующимъ на міровую власть, начала захватывать въ свои руки Индію, дабы обезпечить себѣ всемірно-политическое значеніе.

Про перваго Наполеона Тэнъ[1] говоритъ, что его мечты не ограничивались образованіемъ обыкновенной монархіи; онѣ шли гораздо дальше; онъ хотѣлъ образовать европейскую монархію, возстановить Западную имперію, въ томъ видѣ, какой она была въ 800 г. Папа Пій VII считалъ соединимымъ со своимъ авторитетомъ и съ воззрѣніями церкви короновать узурпатора въ Соборѣ Парижской Богоматери и повторить тѣ слова, которыя были сказаны при коронованіи Карла Великаго въ Соборѣ св. Петра въ Римѣ: „Vivat in aeternum, semper Augustus!“ Но это признаніе и возвеличеніе узурпатора не защитило папы отъ насилія со стороны Наполеона, лишившаго его церковной области, города Рима и отправившаго его въ качествѣ плѣнника въ Савону. Наполеонъ энергично стремился сдѣлать папу своимъ вассаломъ и вполнѣ подчинить себѣ папскую власть. За утрату свѣтскаго могущества онъ хотѣлъ щедро вознаградить папу; въ 1816 году онъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ на островѣ св. Елены: „Если бы я возвратился изъ Москвы побѣдителемъ, то я поднялъ бы папу на неизмѣримую высоту и окружилъ бы его блескомъ и почетомъ. Я сдѣлалъ бы его кумиромъ, и онъ не сталъ бы болѣе стремиться къ свѣтской власти. Онъ находился бы всегда подлѣ меня; Парижъ

[1] H. Taine. Die Entstehung des modernen Frankreich. Autorisierte deutsche Bearbeitung von L. Kalscher Bd. III, 3 Abteilung, S. 12 ff.

сдѣлался бы столицею христіанскаго міра, и я руководилъ бы религіозною жизнью такъ же, какъ и политикой".

Въ другомъ мѣстѣ Тэнъ [1] характеризуетъ Наполеона, какъ носителя римской идеи. Цѣлое тысячелѣтіе идея всемірной нѣмецкой монархіи владѣла умами. Затѣмъ въ 1800 году она возродилась въ воображеніи корсиканца, которому судьба дала возможность осуществить итальянскую мечту среднихъ вѣковъ. Наполеонъ, какъ онъ это писалъ своему лондонскому послу Отто, хотѣлъ возродить Западную имперію въ противовѣсъ Англіи. Какъ императоръ французовъ, король Италіи, завоеватель Рима, ленный государь папы, защитникъ Рейнскихъ земель, онъ наслѣдуетъ власть надъ „Священной Римской имперіей германской націи", которая прекратила свое существованіе въ 1806 г., слѣдовательно, онъ является наслѣдникомъ Карла Великаго, а черезъ него—преемникомъ римскихъ цезарей.

Наполеонъ I хотѣлъ осуществить самый послѣдовательный цезаризмъ и самый полный имперіализмъ. И казалось, что онъ былъ близокъ къ цѣли. Наполеонъ III считалъ себя наслѣдникомъ имперіалистическихъ идей корсиканца. Но онъ, по замѣчанію Дюринга [2], довелъ дѣло лишь до каррикатуры цезаризма, до жалкой игры въ цезаризмъ, которую можно назвать гермафродитнымъ министерскимъ цезаризмомъ; власть, будучи созданіемъ военной диктатуры, можетъ держаться только при помощи военныхъ экзекуцій и страха передъ физической силой, но не въ силахъ окружить себя ореоломъ долга, нравственности и справедливости.

* * *

Здѣсь умѣстно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу понятія „цезаризмъ".

[1] Taine a. O. III Bd. 1. Abteilung S. 158 ff.
[2] Dr. E. Dühring: Kursus der Philosophie, als streng wissenschaftliche Weltanschauung und Lebenshaltung Leipzig. 1875. S. 308 ff.

Когда мы слышимъ или говоримъ это слово, то обыкновенно съ нимъ связывается представленіе объ опредѣленномъ образѣ правленія, образцомъ котораго можетъ служить правленіе римскихъ цезарей. Рюстовъ, демократическій историкъ нашего времени, очень остроумно охарактеризовалъ природу и сущность цезаризма. Развившись изъ вопроса объ единовластіи, цезаризмъ древняго Рима въ весьма краткое время сталъ вопросомъ чисто личныхъ интересовъ безъ принципіальныхъ основаній. Цезарь правитъ посредствомъ солдатъ. Отличительнымъ признакомъ цезаризма являются постоянное войско и все возрастающіе хищническіе налоги. Большое количество налоговъ даетъ возможность имѣть много солдатъ. Почти все въ государствѣ исходитъ отъ цезаря, и все существуетъ для него. Цезарь нуждается въ рабахъ, продажныхъ временщикахъ, помощникахъ всякаго рода, ибо самъ по себѣ онъ безсиленъ. И это, самое слабое мѣсто цезаризма. Цезарь—креатура своихъ подданныхъ и, главнымъ образомъ, войска. Въ древнемъ Римѣ солдаты свергали однихъ цезарей и провозглашали другихъ. Подъ игомъ цезаризма жизнь государства прекращается; медленно, но постоянно и неудержимо разлагается государственный организмъ и становится неспособнымъ къ возрожденію. Существуетъ мнѣніе, что цезаризмъ, благодаря своему безпримѣрному могуществу, могъ покровительствовать наукамъ. Но это дѣлается крайне односторонне, въ цѣляхъ собственнаго своего прославленія. Цезаризмъ покровительствуетъ искусствамъ, создающимъ внѣшній блескъ жизни, напр., архитектурѣ. Въ постройкахъ временъ цезарей главное вниманіе обращено не столько на степень ихъ полезности, сколько на то, чтобы онѣ отличались колоссальными размѣрами, блескомъ и великолѣпіемъ, а также имѣли возможно близкое отношеніе къ цезарю.

Буржуазія нашего времени доказала, какъ легко господствующіе классы вступаютъ въ союзъ съ цезаризмомъ, подчиняются ему ради защиты своихъ интересовъ и объединяются съ нимъ для борьбы съ революціонными элементами, которые возстаютъ противъ существующаго порядка. Такъ, буржуазія прославляла цезаризмъ въ лицѣ узурпатора Наполеона III, какъ „защитника собственности и основныхъ принциповъ общественнаго и государственнаго порядка“ и вела въ союзѣ съ нимъ классовую борьбу противъ демократическаго соціализма. Церковь оказывала, какъ старому, такъ и новому цезаризму самыя разнообразныя услуги и, заигрывая съ нимъ, соединяя его интересы со своими, она подчинила себѣ цезарскую власть. То обстоятельство, что самодержецъ Константинъ, „сынъ церкви“, сдѣлался первымъ христіанскимъ императоромъ, не облагородило цезаризма и не сдѣлало его болѣе справедливымъ. Существуетъ гораздо больше фактовъ, доказывающихъ, что въ союзѣ съ церковью цезаризмъ сталъ еще отвратительнѣе, чѣмъ онъ былъ во времена язычества, ибо духовная іерархія была ничуть не менѣе заинтересована въ приниженности и порабощеніи народныхъ массъ, чѣмъ цезаризмъ. Во всякомъ случаѣ клерикализмъ отрицаетъ участіе церкви въ преступленіяхъ цезаризма. Одна изъ самыхъ смѣлыхъ попытокъ изслѣдовать этотъ вопросъ была предпринята архіепископомъ Лондона д-ромъ Эдуардомъ Маннингомъ [1]. Онъ совершенно правильно опредѣляетъ цезаризмъ, какъ „абсолютное господство человѣка надъ человѣкомъ“. Онъ прибавляетъ также, что это господство необходимо исключаетъ Бога, его верховную власть и законы. Цезарь не признаетъ иного закона, кромѣ того, который имъ самимъ установленъ; это отрицаніе Бога и есть „обожествленіе человѣка“. Но

[1] Manning. Cäsarismus und Ultramontanismus. Aus dem Englischen übersetzt. Linz 1874.

церковь, вступая въ союзъ съ цезаризмомъ, всегда готова была силою своей божественной власти провозгласить цезаря „угоднымъ Богу“ носителемъ верховной власти. Такъ было съ Наполеономъ I и Наполеономъ III. Маннингъ остерегается касаться фактовъ этого рода. Онъ утверждаетъ, что „естественнымъ соперникомъ цезаризма является христіанская церковь со всей свободой своего ученія и дисциплины, вѣры и юрисдикціи, и что ультрамонтанизмъ есть утвержденіе вольностей церкви въ самой высокой и святой формѣ“. Это произведеніе Маннинга направлено спеціально противъ германскаго императора Вильгельма I и его правительства, покровительствовавшаго „культурной борьбѣ“. Маннингъ опредѣляетъ эту политику какъ цезаризмъ, такъ какъ она отрицаетъ долгъ императора признавать авторитетъ и юрисдикцію церкви въ сферѣ ея собственныхъ духовныхъ обязанностей, а наоборотъ, клятвенно обязуетъ епископовъ убѣждать клиръ и мірянъ хранить вѣрность королю и блюсти законы и не допускать, чтобы подвластный имъ клиръ поступалъ противъ этихъ принциповъ. Лондонскій архіепископъ возстаетъ противъ „цинизма этой присяги“. Выше всѣхъ преимуществъ короля стоитъ законъ Бога, авторитетъ церкви, вмѣсто котораго цезаризмъ выставилъ христіанскую монархію! Однако достовѣрно то, что церковь терпѣла цезаризмъ въ христіанской монархіи постольку, поскольку онъ соотвѣтствовалъ ея интересамъ, что она, во всякомъ случаѣ, въ союзѣ съ монархическимъ абсолютизмомъ выступала противъ народа; что она, насколько это было въ ея силахъ, противодѣйствовала тѣмъ реформамъ монархизма, которыхъ требовалъ революціонный духъ.

* * *

Въ Германіи при Вильгельмѣ II имперіализмъ рѣзко выступилъ въ тѣсномъ единеніи съ искус-

ственно раздутой идеей божественнаго происхожденія власти.

Вильгельмъ II не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что, по его мнѣнію, широкая всеобъемлющая міровая политика составляетъ его призваніе, данное ему свыше [1]. Впрочемъ въ этой идеѣ большую роль играютъ матеріальные интересы. Міровая политика подъ руководствомъ короля должна служить „защитѣ и преуспѣянію торговли“ и колоніальнымъ интересамъ нѣмецкаго государства. Эти интересы нельзя произвольно отожествлять съ какими-нибудь династическими интересами. Торговля и колоніальная политика по своему характеру есть не что иное, какъ нераздѣльная часть космополитической системы интересовъ.

Прогрессирующее стремленіе капиталистическаго хозяйства къ расширенію сферы своего вліянія, не считаясь съ національными границами, есть вполнѣ естественное явленіе, слѣдствіе капиталистическаго развитія. Всякая политика, считающаяся съ законами капиталистическаго развитія, не должна смѣшиваться съ властолюбивыми стремленіями къ военному преобладанію. Она должна всецѣло сосредоточить свои усилія на организаціи, улучшеніи и упроченіи

[1] Въ іюнѣ 1900 г., при спускѣ военнаго корабля въ Вильгельмсгафенѣ, императоръ произнесъ слѣдующій тостъ: „Волны океана, ударяясь съ мощной силой въ ворота нашего государства, принуждаютъ его занять въ мірѣ подобающее ему мѣсто великаго народа и выступить на арену міровой политики. Величіе Германіи неразрывно связано съ океаномъ. Но океанъ указываетъ также, что отнынѣ ни одно крупное рѣшеніе, какъ по эту, такъ и по ту сторону отъ него, не можетъ быть постановлено помимо Германіи и германскаго императора. Я не держусь того мнѣнія, что нашъ нѣмецкій народъ тридцать лѣтъ тому назадъ подъ предводительствомъ своихъ князей побѣждалъ и проливалъ сво о кровь съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи оставаться въ сторонѣ при рѣшеніи великихъ международныхъ вопросовъ. Если бы это было такъ, то нѣмецкій народъ долженъ былъ бы отказаться навсегда отъ мірового значенія, и я не желаю, чтобы это произошло. И мой долгъ, моя прекраснѣйшая привилегія, состоитъ въ томъ, чтобы использовать всѣ пригодныя средства, вплоть до самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій“. Отецъ этого императора, Вильгельмъ I, при восшествіи на престолъ выставилъ другую программу: „Мы и наши преемники по Божьему соизволенію всегда являемся множителями германскаго государства, но не посредствомъ завоеваній, а дѣлами умиротворенія въ области національнаго благополучія, свободы и нравственности“.

международныхъ отношеній. Если же она не сдѣлается интернаціональной мирной политикой, она превратится въ политику эгоистической обособленности, представляющей серьезную опасность для интересовъ культуры. Думать, что развитіе современной жизни тѣсно связано съ династическими интересами, что отдѣльное государство можетъ быть призвано къ господству въ международной жизни въ исключительно національныхъ интересахъ,—есть грубая ошибка, искусственно поддерживаемая. Наука международнаго права дѣлитъ исторію народной жизни и народнаго права на 3 періода, которые представляютъ постепенное развитіе интернаціональной жизни и ея правовыхъ нормъ. Первый періодъ охватываетъ античный міръ, средніе вѣка и новое время до средины XVII вѣка, т. е. до Вестфальскаго мирнаго конгресса въ 1648 году. Въ теченіе этого долгаго времени въ международныхъ отношеніяхъ доминировалъ принципъ полной разобщенности народовъ, господство физической силы. Сила опредѣляла право. Своего кульминаціоннаго пункта идея силы достигла въ средніе вѣка. Тамъ мы видимъ безграничное господство кулачнаго права. [„Война — законъ феодализма“, замѣчаетъ французскій историкъ Лоранъ (Laurent)]. При такихъ обстоятельствахъ, естественно, не могло быть и рѣчи о правомѣрныхъ, международныхъ отношеніяхъ.

Второй періодъ начинается въ 1648 году и продолжается до начала прошлаго столѣтія, точнѣе до Вѣнскаго конгресса 1815 года. Въ это время принципъ физическаго превосходства и разобщенности народовъ начинаетъ вытѣсняться новой идеей политическаго равновѣсія. Вестфальскій мирный договоръ, положившій конецъ опустошительной Тридцатилѣтней войнѣ, впервые выдвинулъ проектъ объединенія всѣхъ западноевропейскихъ народовъ съ цѣлью упорядоченія международныхъ отношеній.

Вестфальскій мирный трактатъ установилъ принципы, на которыхъ должны отнынѣ покоиться интернаціональныя отношенія. Они сводятся къ такъ называемой системѣ политическаго равновѣсія, которая должна гарантировать самостоятельность и независимость каждаго отдѣльнаго народа.

Въ теченіе этого періода въ XVIII вѣкѣ выступали выдающіеся умы съ новыми идеями международнаго права. Христіанъ Вольфъ (умеръ въ 1754 г.) основой всякаго международнаго права считалъ объединеніе народовъ, которое онъ понималъ какъ civitas gentium maxima. Многіе публицисты хотѣли замѣнить старую монархію міровымъ государствомъ, міровой республикой.

Система „политическаго равновѣсія“ совершенно отступила на задній планъ передъ новыми идеями, провозглашенными великой французской революціей, которыя затѣмъ распространились по всей Европѣ во время наполеоновскихъ походовъ. Эпоха отъ 1789 до 1815 года образуетъ переходную стадію къ третьему періоду международной жизни.

Этотъ третій періодъ, начавшійся въ 1815 году, внесъ новый принципъ въ область международныхъ отношеній, принципъ національный, согласно которому люди, связанные между собой общимъ происхожденіемъ, языкомъ, нравами и историческимъ прошлымъ, образуютъ одинъ государственный организмъ — народъ. Вѣнскій конгрессъ, по мнѣнію барона фонъ Штейна, знаменитаго прусскаго министра, долженъ былъ выработать новые цѣли для европейской политики: „изслѣдовать нравственную жизнь различныхъ народовъ и постоянно руководиться результатами этихъ изслѣдованій; на такихъ основаніяхъ слѣдуетъ организовать, какъ внутреннія учрежденія, такъ и внѣшнія отношенія государствъ, дабы народы Европы, соединившись въ одну большую семью, могли поль-

зоваться внимательнымъ отношеніемъ къ ихъ правамъ и интересамъ".

Въ проектѣ Штейна проводится интернаціональная точка зрѣнія; но эти великія идеи не получили осуществленія. Такъ называемому „божественному праву" монархій, идеѣ власти „Божіею милостію" въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій было нанесено много ударовъ. Бури великой революціи доставили значеніе принципу народовластія. Два короля „Божіею милостью", какъ преступники передъ народомъ, окончили жизнь на эшафотѣ.

Войны, продолжавшіяся 20 лѣтъ, окончательно опустошили Европу. Корсиканскій завоеватель заставилъ государей „Божіею милостію" почувствовать на себѣ его желѣзную руку. Государи, освобожденные отъ Бонапарта, на Вѣнскомъ конгрессѣ возстановили „божественное право". Этотъ конгресъ создалъ такъ называемый „Священный союзъ". Европейскіе монархи подписали декларацію, въ которой передъ лицомъ всего міра объявляли о своемъ непреклонномъ рѣшеніи руководствоваться во внѣшней и внутренней политикѣ только заповѣдями святой религіи, заповѣдями справедливости, мира и любви къ ближнему [1]. Событія послѣдовавшаго затѣмъ времени шли вразрѣзъ съ обѣщаніями этой торжественной декларації. Новая европейская политика привела къ господству абсолютной власти „Божіею милостію", грубо нарушавшей права народовъ. Интернаціональная жизнь подвергалась вліянію совершенно новыхъ факторовъ, а именно,

[1] Эта идея была не нова. Уже Генрихъ IV французскій, какъ говорятъ, „предчувствовалъ ее". (Th. Mundt. Geschichte der Gesellschaft. Zweite Auflage. Leipzig. 1856. S. 222). Аббатъ Сенъ-Пьеръ развилъ ее въ 1713 г. въ сочиненіи, представленномъ Утрехтскому конгрессу: „Project de Paris universelle"; онъ предлагалъ народамъ Европы общее союзное правительство. Часто высказывается мнѣніе, что „Священный союзъ" европейскихъ государей былъ созданъ совершенно по плану Сенъ Пьера. Сенъ Симонъ въ своемъ сочиненіи „Reorganisation de la Société europienne", появившемся въ 1824 г., замѣчаетъ, что подобная организація не можетъ преслѣдовать другой цѣли, кромѣ взаимной гарантіи сохраненія самодержавной власти государями.

вліянію необычайнаго развитія хозяйственныхъ отношеній, въ особенности же торговыхъ сношеній между націями и въ связи съ ними установленія интернаціональныхъ средствъ и путей сообщенія: почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр.

Монархическій абсолютизмъ, созданный Священнымъ союзомъ, еще господствовалъ въ Германіи, когда Александръ Гумбольдтъ [1] высказалъ убѣжденіе, что внѣшнія средства принужденія, замысловатыя конституціи и искусственно привитый націонализмъ не могутъ уничтожить болѣе благороднаго чувства общности и единства всего человѣческаго рода и равноправія всѣхъ частей его; по мнѣнію Гумбольдта, всѣ препятствія, стоящія на пути прогресса человѣчества и облагороженія человѣческой жизни, мало-по-малу исчезнутъ, ибо „принципъ индивидуальной и политической свободы зиждется на неискоренимомъ убѣжденіи въ равноправіи человѣческаго рода. Такимъ образомъ „человѣчество представляетъ великій братскій союзъ, нѣчто цѣлое, имѣющее одну общую цѣль („свободное развитіе внутреннихъ силъ“)“.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся знатоковъ международнаго права, Фридрихъ ф. Мартенсъ, профессоръ петербургскаго университета и членъ института международнаго права, указываетъ на то [2], что за послѣднія десятилѣтія съ измѣненіемъ международныхъ отношеній безусловно наступила новая эпоха въ исторіи международной жизни, доминирующимъ принципомъ которой является „идея права въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова“. Далѣе онъ говоритъ: „Руководящимъ началомъ нормально организованной жизни народовъ не можетъ быть ни идея разобщенности и преклоненія передъ физической силой, ни теорія политическаго равновѣсія, ни принципъ національности. Основ-

[1] A. v. Humboldt: Kosmos. II S. 235.
[2] Въ своемъ сочиненіи „Международное право“.

нымъ принципомъ можетъ быть лишь идея права". Какой неприглядный видъ получаетъ при свѣтѣ этого научнаго обоснованія призывъ нашихъ сторонниковъ всемірной политики къ національному принципу?

Гражданинъ отдѣльнаго государства есть въ то же время членъ всего человѣческаго общества. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ долженъ подчинить свои интересы интересамъ общества, такъ и отдѣльное государство должно преслѣдовать интересы всего человѣчества. „Въ этомъ положеніи заключается высшій законъ исторіи, и культурное развитіе человѣчества идетъ впередъ постольку, поскольку оно согласуется съ этимъ принципомъ и преслѣдуетъ общія цѣли. Человѣческая жизнь— это значитъ жизнь общественная... Область общества не ограничена областью государства. Государство оканчивается у пограничныхъ столбовъ его территоріи, тогда какъ понятіе общества распространяется на всю землю. Общественное развитіе охватываетъ все новыя области, привлекаетъ къ сотрудничеству новые народы, стремится использовать въ своихъ цѣляхъ всѣ страны, силы и богатства... Торговля, промышленность, пути сообщенія, изобрѣтенія, наука и искусство — достояніе всего цивилизованнаго человѣчества... Потребность есть та связь, которою природа соединила человѣка съ обществомъ, и средство, при помощи котораго она осуществляетъ два основныхъ закона всякой морали и всякой культуры: „Каждый за всѣхъ и всѣ за одного". Какой злой „врагъ національности" написалъ эти слова? Соціалъ-демократъ? Нѣтъ, знаменитый государствовѣдъ Рудольфъ ф. Іерингъ! [1]

Мы можемъ сослаться еще на третій научный авторитетъ нашего времени — на доктора Франца ф. Гольцендорфа [2]. Установивъ, что мало-по-малу

[1] v. Ihering:. Der Zweck im Recht. I. Bd VI Kap.
[2] v. Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts. §§ 1—12.

въ ходѣ всемірной исторіи зарождается постоянное и правомѣрное общеніе культурныхъ народовъ, Гольцендорфъ говоритъ:

„Исходя изъ современнаго состоянія науки, ни одинъ народъ не можетъ думать, что только онъ одинъ имѣетъ право на существованіе, и не признавать никакихъ правовыхъ обязательствъ по отношенію къ другимъ государствамъ... Международное право не можетъ быть создано однимъ государствомъ. Оно является не простымъ требованіемъ разума, но позитивнымъ правомъ, регулируемымъ сознаніемъ солидарности народовъ... Государство представляетъ лишь временное состояніе международной жизни, которая впослѣдствіи должна принять болѣе совершенныя формы. Живую основу государственной жизни и международныхъ отношеній составляютъ народы, активно дѣйствующіе въ государствѣ. Они являются носителями международнаго права, которое, какъ и всѣ явленія культурно-историческаго процесса, связано по своему происхожденію и развитію съ культурнымъ обществомъ, не вмѣщающимся въ предѣлахъ отдѣльнаго государства... Международное право имѣетъ общечеловѣческую задачу, установить для народовъ всѣхъ частей свѣта общій правовой порядокъ и заботиться о его сохраненіи и проведеніи въ жизнь... Въ системѣ положительнаго международнаго права рѣшающимъ моментомъ является общее всѣмъ націямъ правосознаніе. Космополитическое или универсальное право основывается на этически-правовой тенденціи человѣческаго общества, какъ организма, способнаго къ развитію и совершенствованію.

Затѣмъ Гольцендорфъ разсматриваетъ идеалъ всемірнаго государства, т. е. идею объединенія всѣхъ націй въ одно государство. Онъ считаетъ утрировкой идеи универсальнаго права, подобно тому, какъ націоналистическій идеалъ есть утрировка историческаго права. Но Гольцендорфъ счи-

таетъ весьма возможнымъ, что будетъ создана интернаціональная организація, которая, обнимая всѣ народы, предоставитъ отдѣльнымъ націямъ свободу развитія, подобно тому, какъ она предоставляется теперь союзнымъ государствамъ или общинамъ на основаніи принципа самоуправленія. Созданіемъ союза цивилизованныхъ націй, какъ культурнаго цѣлаго, принципъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ не будетъ уничтоженъ, но лишь ограниченъ. При осуществленіи этой идеи могутъ встрѣтиться только фактическія, а не принципіальныя препятствія.

Союзъ государствъ, какъ дальнѣйшее развитіе принципа солидарности, какъ приближеніе къ идеалу всемірнаго государства, можетъ осуществиться лишь путемъ самоограниченія каждой націи.

Но „международная идея не можетъ опираться на принципъ національной самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, ибо, съ точки зрѣнія международнаго права, основа національности есть лишь отрицаніе политическаго единенія одного государства съ другими... Нигдѣ пространственныя границы государства не совпадаютъ съ границами его духовной жизни... Каждое государство вліяетъ болѣе или менѣе, чаще или рѣже, на то, что находится за его пространственными границами. Подобно тому, какъ въ слояхъ атмосферы существуютъ воздушныя теченія, которымъ не препятствуютъ политическія раздѣленія земной поверхности, такъ точно законодательства отдѣльныхъ государствъ не препятствуютъ распространенію общечеловѣческаго духа. Въ этихъ вѣяніяхъ человѣческаго духа проявляется идея космополитизма независимо отъ того, признаютъ ли ее современники, или нѣтъ“.

Само собою разумѣется, что дѣло идетъ здѣсь не о „насильственномъ уничтоженіи національности“ т. е. самостоятельности народностей, не объ основаніи „всемірнаго государства“, но объ организаціи

универсальной конфедераціи на основахъ системы представительства.

Выдающіеся умы уже дали детальные проекты для осуществленія этой идеи. Мы уже упоминали о проектѣ Сенъ-Пьера, которому суждено было въ Священномъ союзѣ сдѣлаться поддержкой абсолютизма монарховъ. Ж. Ж. Руссо проводилъ эту идею далѣе и популяризировалъ ее. Затѣмъ мысль о федераціи государствъ была принята Кантомъ. Его политическая мысль не могла остановиться на идеѣ національности; она имѣла въ виду общія цѣли человѣчества, образованіе универсальнаго союза народовъ, который сдѣлаетъ невозможной войну и осуществитъ вѣчный миръ. Идею вѣчнаго мира Кантъ разсматриваетъ, какъ величайшую политическую задачу человѣчества, ибо только съ разрѣшеніемъ этого вопроса, на землѣ воцарится справедливость.

Но вѣчный миръ онъ считаетъ возможнымъ и обезпеченнымъ только тогда, когда всѣ народы примутъ предложенное имъ представительное устройство и образуютъ обширный союзъ, который будетъ разрѣшать по принципамъ справедливости возникающіе конфликты. Сенъ-Симонъ предложилъ союзъ всѣхъ народовъ, т. е. объединеніе Европы, введеніе единообразной политической организаціи для всѣхъ народовъ, заключающейся въ представительномъ устройствѣ. Въ наше время нѣмецкій ученый Блунчли, человѣкъ, чуждый всякаго увлеченія, сдѣлалъ подобныя же предложенія. Онъ высказывается за учрежденіе интернаціональнаго совѣта, составленнаго изъ представителей правительствъ и парламентовъ объединившихся государствъ; этому совѣту должны быть подчинены отдѣльныя государства, тогда какъ вопросы права разрѣшаются интернаціональнымъ трибуналомъ [1].

[1] Bluntschli. Die Organisation des europeischen Staatenvereins. In der Zeitschrift „Die Gegenwart". Berlin 1878, № 6, 8 und 9.

Можно спорить о томъ, насколько осуществимы подобные проекты и какимъ образомъ они должны быть приведены въ исполненіе, но основная ихъ идея совершено правильна, ибо „необходимость организаціи международной жизни вытекаетъ изъ самого процесса объединенія или ассоціаціи народовъ“ [1]. И переходъ фактической, основанной на общихъ культурныхъ интересахъ, ассоціаціи народовъ въ формально-правовую организацію есть лишь вопросъ времени.

Въ твореніяхъ Фридриха Ницше, на философію котораго такъ охотно ссылаются защитники капиталистическаго строя, мы читаемъ, что національстическое безуміе было причиною болѣзненнаго отчужденія народовъ Европы, что этотъ искусственный національзмъ опасенъ, ибо онъ является осаднымъ положеніемъ, объявленнымъ меньшинствомъ по отношію къ большинству, и требуетъ коварства и насилія для своего поддержанія.

Не интересы народа, но выгоды извѣстныхъ династій и извѣстныхъ классовъ, приводятъ къ національзму, который, однако, не имѣетъ подъ собою никакой почвы. „Практическимъ результатомъ распространяющейся демократизаціи прежде всего явится образованіе европейскаго союза народовъ“.

Кто станетъ отрицать, что это грандіозное теченіе, начало котораго уже давно переживаетъ культурное человѣчество, было бы совершенно невозможно безъ возрастающаго вліянія и практическаго осуществленія демократическихъ принциповъ! Побѣды идеи права являются побѣдами демократическаго духа. Эта идея и есть подлинная „идея переворота“; право, говоря словами Іеринга, подобно Сатурну, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей; право можетъ обновиться, только разрушая свое собственное прошлое. Конкретное право, притязающее на вѣчное существованіе, есть дитя,

[1]) Fr. v. Marteus. Völkerrecht § 51.

подымающее руку на свою собственную мать, оно издѣвается надъ идеею права, ссылаясь не нее, ибо идея права есть непрерывное творчество (Werden); Сотворенное должно уступить мѣсто новому творчеству,

„— — все, что возникаетъ,
Предназначено къ уничтоженію".

Какъ ни энергично претендовало дѣйствующее право во всѣ времена на „святость" и неприкосновенность", все же идея права не остановилась передъ этими претензіями; нѣтъ ни одного пріобрѣтеннаго права, которое могло бы задержать ея развитіе; она разрушила не одинъ „божественный міропорядокъ"; передъ нею не могли устоять права власти „Божіею милостію" и остатки этихъ правъ ожидаетъ та же судьба — поистинѣ желѣзная, неустранимая судьба. Принципъ власти „Божіею милостію" и династическій интересъ не могутъ почерпнуть новой силы изъ идеи права. Напрасны всѣ усилія дать этому интересу твердую основу въ принципѣ національности; онъ можетъ стремиться для своего сохраненія къ „интернаціональной солидарности монарховъ", онъ можетъ какъ ему угодно присасываться къ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ; онъ можетъ даже совершенно добровольно, безъ всякаго принужденія, увѣрять въ своей преданности прогрессу, — все же напрасна всякая попытка къ спасенію; онъ долженъ уступить свое мѣсто ассоціаціи народовъ, которая мыслима только въ демократическомъ духѣ и должна доставить господство принципамъ свободы и равенства. Въ осуществленномъ союзѣ народовъ, который отнюдь не утопиченъ, не будетъ мѣста династическимъ интересамъ и учрежденіямъ. Формально правовая организація этой ассоціаціи не будетъ считаться съ этими учрежденіями и интересами.

3. Церковь и монархія.

Папскій авторитетъ, какъ источникъ власти императора.—Іерархическія вылазки противъ князей. — Папа, какъ ленный государь Англіи. — Изъ этой величайшей побѣды папства надъ монархіей вырастаетъ побѣда народа надъ тѣмъ и другимъ. —Папа, въ качествѣ защитника народа.

Возвратимся къ попыткамъ церкви добиться преобладанія надъ свѣтскою властью.

Уже при первомъ христіанскомъ императорѣ, Константинѣ, она, сдѣлавшись государственной церковью, прямо и косвенно имѣла большое вліяніе. Не даромъ она заставляла своихъ послѣдователей быть пассивными, индифферентными и послушными по отношенію къ государственной власти: „Воздайте кесарю кесарево и Богу божіе“. Она и отъ цезаря требовала подчиненія церкви, какъ высшей власти. И она добилась этого подчиненія. Послѣдній изъ самодержцевъ старой міровой имперіи, Ѳеодосій I, сыновья котораго подѣлили между собою имперію, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ монархомъ, которому пришлось унизиться передъ церковью (за жестокость при подавленіи мятежа). Онъ долженъ былъ подвергнуться тяжелому церковному покаянію, наложенному на него епископомъ Амвросіемъ.

Черезъ столѣтіе епископъ римскій Гелазій могъ уже рѣшиться развивать передъ императоромъ Анастасіемъ слѣдующіе взгляды:

„Существуютъ двѣ силы, правящія міромъ: священный авторитетъ епископа и власть цезаря. Хотя твой санъ и ставитъ тебя выше всѣхъ другихъ людей, ты все же долженъ смиренно преклониться передъ епископами и признать ихъ авторитетъ во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ, ибо имъ поручено управленіе божественными дѣлами“.

Преемникъ Гелазія, Симмахъ, объявилъ императору, что папа, въ качествѣ намѣстника св. Петра, выше императора, такъ какъ небесное выше земной суеты.

Мы уже упоминали о томъ, что папы воспользовались коронованіемъ Карла Великаго, чтобы утвердить за „святымъ престоломъ право коронованія“. Вскорѣ они сдѣлали еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, присвоивъ себѣ право распоряжаться по своему усмотрѣнію императорской короной, какъ будто бы императоръ получалъ корону въ ленное владѣніе отъ папы. Карлъ Великій собственноручно короновалъ своего сына Людовика, хотя послѣдній былъ чрезвычайно преданъ церкви; этимъ онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ предупредить притязанія папы на „право коронованія“ и показать, что Людовикъ сталъ императоромъ лишь въ силу желанія своего родителя. Людовикъ же смиренно позволилъ папѣ Стефану IX совершить надъ собою во время богослуженія въ реймскомъ кафедральномъ соборѣ церковный обрядъ коронованія: этимъ папа показалъ, что только это новое коронованіе дѣйствительно, и только въ силу его Людовикъ долженъ считаться императоромъ. Такими средствами „святой престолъ“ отстаивалъ принципъ, въ силу котораго авторитетъ папы является источникомъ императорской власти.

Впослѣдствіи сыновья этого самаго Людовика, прозваннаго Благочестивымъ, возмутились противъ отца, который еще при жизни раздѣлилъ между ними свою имперію (817); и при этомъ возмутившіеся получили поддержку со стороны церкви. Старшій сынъ Людовика, Лотарь, получилъ въ Римѣ изъ рукъ папы Пасхалія I императорскую корону (823 г.), а одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Пасхалія, папа Григорій IV, предпринялъ походъ противъ престарѣлаго императора въ союзѣ съ возмутившимися сыновьями. Въ битвѣ при Кольмарѣ Людовикъ былъ разбитъ, попалъ въ плѣнъ къ своимъ сыновьямъ, подвергся по настоянію папы позорному церковному покаянію и, наконецъ, былъ заключенъ въ монастырь.

Старшій сынъ Лотаря, императоръ Людовикъ II, счелъ нужнымъ съ демонстративной покорностью признать первенство папской власти въ своемъ письмѣ къ византійскому императору Василію I. Послѣдній былъ по происхожденію крестьяниномъ, но впослѣдствіи сдѣлался шталмейстеромъ и любимцемъ императора Михаила III и убійствомъ своего господина пробилъ себѣ путь къ престолу. Когда же Василій I вступилъ въ конфликтъ съ папою, то Людовикъ II написалъ ему слѣдующее: „Мы занимаемъ столь высокое положеніе по волѣ Бога и черезъ помазаніе и посвященіе отъ руки первосвященника. Нашъ прадѣдъ, Карлъ Великій, первый въ нашемъ родѣ былъ провозглашенъ императоромъ въ силу помазанія, совершеннаго надъ намъ папою, и такимъ образомъ сталъ помазанникомъ Божьимъ. И если ты рѣшаешься по этому поводу произносить хулу на римскаго папу, то ты долженъ порицать и Самуила, который провозгласилъ царемъ Давида, низложивъ Саула, имъ же самимъ помазаннаго на царство“.

Но еще раньше, чѣмъ Людовикъ II въ этомъ заявленіи призналъ свое подчиненіе св. престолу, папа Николай I уже объявилъ себя посредникомъ и вершителемъ въ семейныхъ дѣлахъ франкскихъ государей. Дѣло въ томъ, что король Лотарь II развелся со своею законной супругой, и съ разрѣшенія созваннаго имъ синода епископовъ вступилъ въ новый бракъ. Тогда папа, подъ угрозою освободить подданныхъ короля отъ вѣрноподданнической присяги, заставилъ его снова принять отвергнутую супругу, а вторую жену отослать въ Римъ для принесенія церковнаго покаянія.

Ближайшимъ законнымъ наслѣдникомъ Людовика II, умершаго въ 875 г., былъ его старшій дядя, Людовикъ нѣмецкій. Но братъ послѣдняго, франкскій король Карлъ Лысый, поспѣшилъ при-

нять въ Римѣ изъ рукъ папы Іоанна VIII императорскую корону, при чемъ дѣло, конечно, не обошлось безъ значительныхъ уступокъ „св. престолу“. Генрихъ I, напротивъ того, протестовалъ противъ притязаній церкви, стремившейся къ преобладанію надъ свѣтскою властью. Во время торжественной присяги архіепископъ майнцскій хотѣлъ совершить надъ нимъ обрядъ помазанія, но Генрихъ отклонилъ эту „честь“, заявивъ, что онъ довольствуется тою честью, какая ему была оказана имперскими князьями, избравшими его на королевскій престолъ, какъ перваго среди народа.

Избранный въ 936 году король Оттонъ I Великій послѣ того, какъ онъ получилъ императорскую корону, сталъ называть себя римско-нѣмецкимъ императоромъ, что должно было указывать на неразрывную связь императорскаго титула съ нѣмецкою королевскою короною. Въ 964 году Оттонъ возстановилъ въ правахъ изгнаннаго изъ Рима папу Льва VIII; въ благодарность за это папа издалъ декретъ, который, кромѣ признанія за императоромъ права на инвеституру (т. е. права утверждать избранныхъ епископовъ, какъ своихъ вассаловъ), содержалъ еще постановленіе, въ силу котораго за нѣмецкими королями на вѣчныя времена сохраняется наслѣдственное право на римскую императорскую и италіанскую королевскую корону. На основаніи этого акта имперія получила сохранившееся до 1806 года названіе: „Священная Римская имперія нѣмецкой націи“, а императоръ пріобрѣлъ титулъ „Священнаго Величества“.

Въ концѣ десятаго вѣка, король французскій Робертъ II, сынъ Гуго Капета, женился на своей кузинѣ Бертѣ. Папа Григорій V потребовалъ расторженія этого брака, противнаго церковнымъ законамъ вслѣдствіе близкаго родства супруговъ. Когда же это требованіе не было исполнено, то папа отлучилъ отъ церкви короля и его страну. Актъ

объ отлученіи гласитъ слѣдующее: „Да будутъ прокляты король и королева въ городахъ и деревняхъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, стадами и имѣніями; ни одинъ христіанинъ не долженъ имъ кланяться и т. д.“ Король не могъ бороться съ послѣдствіями этого проклятія, уничтожавшими его королевскій авторитетъ и угрожавшими самому существованію его и его семьи; онъ принужденъ былъ покориться папѣ.

Съ 1073 по 1086 годъ мы наблюдаемъ борьбу властнаго генія папы Григорія VII за торжество идеи іерархической универсальной монархіи. Григорій VII угрожалъ деспотическому французскому королю Филиппу I, что онъ вырветъ во что бы то ни стало изъ его рукъ власть надъ страною, если Филиппъ будетъ упорствовать въ своихъ преступленіяхъ. Григорій VII не побоялся пойти вразрѣзъ съ принципами монархическаго легитимизма, при чемъ открыто осуждалъ ученіе о божественномъ происхожденіи власти. Въ своемъ посланіи къ епископу города Меца, Герману, отъ 15 марта 1081 года, Григорій VII заявляетъ, что королевскій санъ есть изобрѣтеніе свѣтскихъ людей, не признающихъ Бога. Вскорѣ онъ еще яснѣе выразилъ ту же мысль въ своемъ предписаніи, обращенномъ ко всѣмъ нѣмецкимъ епископамъ. „Королевская власть, выдуманная безбожниками, должна быть подчинена духовной власти, ибо кто же не знаетъ, что короли и князья ведутъ свое происхожденіе отъ властителей, поставленныхъ княземъ міра сего—діаволомъ и не знавшихъ истиннаго Бога; въ своемъ безбожіи они властвуютъ надъ своими ближними, опираясь на наглость и высокомѣріе, предательство, грабежъ, убійство и всевозможныя преступленія, пользуясь тѣмъ, что надъ міромъ властвуетъ діаволъ“. Слова: „ибо кто же не знаетъ“... свидѣтельствуютъ о томъ, что сказанное имъ относительно королей и князей, ни для кого не со-

ставляетъ тайны, и что другіе знаютъ это такъ же хорошо, какъ и онъ самъ. Можно бы привести еще не мало подобныхъ изреченій, сказанныхъ высшими представителями духовной власти.

Если спросить, почему свѣтская власть, а вмѣстѣ съ нею и подчиненное ей государство, изображается духовными лицами въ столь мрачныхъ краскахъ, почему государство, согласно ученію св. Августина, является „порожденіемъ грѣха“, а по Григорію VII „созданіемъ діавола“, — то на это возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: „для того, чтобы доказать превосходство церкви“ [1]. Церковь считаетъ, что уже то, какимъ образомъ государство возникло, кладетъ на него пятно; это пятно можетъ быть смыто лишь тѣмъ, что государь получаетъ свою власть отъ церкви, которая, по словамъ Бертольда Регенсбургскаго, является „нижнимъ небеснымъ царствомъ“, „переходною ступенью изъ небожественнаго міра въ царство Божіе“. По мнѣнію Адріана, на епископовъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на боговъ, свѣтскіе же государи, уже какъ таковые являются преступниками. Папа велѣлъ сообразно со своимъ высокимъ саномъ называть себя „языкомъ Спасителя“, „рупоромъ святого Духа“, „окомъ Божіимъ“, „защитникомъ Вѣчнаго“, „консуломъ Всемогущаго“, „властелиномъ отъ моря до моря“, „всемірнымъ монархомъ“, „непобѣдимымъ борцомъ христіанской республики“ и проч. и проч. Папа сравнивается съ солнцемъ, а императоръ съ луною; болѣе же точное вычисленіе показываетъ, что папа въ 7744,5 раза выше, чѣмъ императоръ [2]. Вышеизложенное мнѣніе Григорія VII соотвѣтствуетъ во всякомъ случаѣ исторической истинѣ, конечно за исключеніемъ того, что касается діавола: свѣтская власть была дѣйствительно виновна въ самыхъ

[1] Treumann. Die Monarchomachen S. 20.
[2] Friedberg. Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche I.

ужасныхъ преступленіяхъ и прежде всего въ безпощадномъ порабощеніи и эксплоатаціи народа. Это то обстоятельство въ связи съ религіознымъ фанатизмомъ, почитавшимъ папу, какъ намѣстника Бога, и было главною причиною неслыханнаго роста церковнаго авторитета: народъ видѣлъ въ церкви свою божественную защитницу отъ произвола свѣтскихъ владыкъ [1]. Если бы Григорій VII захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то онъ долженъ былъ бы призвать народъ къ уничтоженію королевскаго достоинства. Но онъ былъ достаточно разсчетливъ, чтобы не заходить такъ далеко, ибо онъ стремился использовать безбожную власть государей для цѣлей церкви.

Мы видимъ, что въ борьбѣ Григорія VII съ королемъ Генрихомъ IV, принципы королевскаго легитимизма были фактически уничтожены. Въ лицѣ этого короля свѣтская власть „милостью Божьей“ идетъ въ Каноссу, чтобы тамъ въ рубищѣ, посыпавъ пепломъ главу, принести покаяніе передъ первосвященникомъ. Напрасно король обращался къ папѣ съ такимъ требованіемъ: „Я, король милостью Божьей, говорю тебѣ, надъ которымъ тяготѣетъ мое проклятье: сойди съ престола Петра“. Папа отвѣтилъ: „Силою моей божественной власти и авторитета я лишаю короля Генриха власти надъ Нѣмецкой имперіей и надъ Италіей, освобождаю всѣхъ христіанъ отъ присяги, которую они ему принесли, и запрещаю кому бы то ни было служить ему какъ королю“.

---

[1] Гердеръ (Herder: Jdeen zur Philosophie der Geschichte, 19. Buch II, 3) считаетъ мнѣніе, будто церковь была всегда противовѣсомъ деспотизму государей, справедливымъ лишь съ большими ограниченіями. „Въ сущности деспотизмъ былъ совершенно чуждъ первобытному строю германскихъ народовъ; поэтому скорѣе можно допустить, что короли научились тиранiи у епископовъ, если только этому нужно учиться. Вѣдь епископы-то и перенесли въ законодательство и воспитаніе народовъ восточныя аскетическія идеи о слѣпомъ подчиненіи волѣ государя; эти идеи они почерпнули частью изъ ложно толкуемаго св. Писанія, частью изъ Рима, а частью изъ своей же жизни.

Папа остался побѣдителемъ; свѣтскій мужъ „милостью Божьей“ долженъ былъ склониться передъ нимъ.

Преемникъ Григорія дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, пользуясь всякимъ случаемъ утвердить іерархическій всемірный абсолютизмъ.

Англійскій король Генрихъ II подвергся въ высшей степени позорному церковному покаянію, наложенному на него папой Александромъ. III. Генрихъ II долженъ былъ подчиниться этому, чтобы спасти себя отъ низложенія церковной властью, вслѣдствіе взведеннаго на него обвиненія въ убійствѣ архіепископа Бекета [1].

Сынъ и наслѣдникъ этого короля Іоаннъ Безземельный, который оправдывалъ во многомъ мнѣніе Григорія VII о государяхъ, сталъ въ очень враждебныя отношенія съ духовенствомъ своей страны и съ папой Иннокентіемъ III. Вслѣдствіе этого онъ самъ и его королевство подверглись интердикту и отлученію отъ церкви, что въ тѣ времена было дѣйствительно ужаснымъ наказаніемъ [2]. Когда папскій приговоръ сталъ угрожать ему лишеніемъ престола и когда стало извѣстно, что французскій король готовъ поддержать этотъ приговоръ силой оружія, Іоаннъ подчинился папѣ,—15 мая 1213 года въ Дуврѣ онъ принесъ присягу на вѣрность папѣ; эта присяга, согласно переданной имъ одному изъ папскихъ легатовъ грамотѣ, между прочимъ содержала заявленіе, что онъ „Іоаннъ, Божьей милостью король Англіи и лордъ Ирландіи“, чтобы искупить свои грѣхи, по собственному свободному побужденію и съ согласія своихъ вассаловъ передаетъ ко-

[1] Бекетъ черезъ два года послѣ его смерти былъ причисленъ папою къ лику святыхъ. Король же Генрихъ VIII велѣлъ въ 1538 году сжечь его кости, какъ совершившаго преступленіе противъ Величества, вычеркнуть его имя изъ календаря, а приношенія изъ золота и серебра, положенныя на его гробъ, отобрать въ казну.

[2] Тотъ же папа употребилъ орудіе отлученія противъ императора Оттона IV, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ его лишеннымъ престола; короли Филиппъ Августъ Французскій и Альфонсъ Испанскій также были отлучены отъ церкви по поводу ихъ брачныхъ отношеній.

ролевство Англію и всѣ прерогативы своей короны римской церкви, папѣ Иннокентію III и его преемникамъ. „Я хочу, — говорится тамъ, — обладать ими (королевскими правами) съ этихъ поръ, какъ вассалъ папы, и быть вѣрнымъ Богу, римской церкви и папѣ, моему господину".

Это была побѣда церкви надъ королевской властью, побѣда, имѣвшая чрезвычайно важныя послѣдствія, которыя однако оказались весьма нежелательными не только для короля, но и для церкви. Іоаннъ, признавъ себя вассаломъ папы, возстановилъ противъ себя весь народъ. Дворянство отказалось ему повиноваться и возстало противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Скоро онъ оказался вынужденнымъ подписать (15 іюня 1215 года) знаменитую грамоту, извѣстную подъ именемъ „Magna Charta". Это не есть собственно конституціонная грамота, но она съ теченіемъ времени легла въ основу англійской конституціи. Она снова вызвала къ жизни старинныя права и свободы народа, формулированныя въ прежнихъ законахъ, а главнымъ образомъ древнія положенія германской личной свободы. Король далъ совершенно опредѣленное обѣщаніе не посягать никогда на эти права и вольности. Присвоенное королемъ право произвольнаго повышенія налоговъ было у него отнято. Налоги были точно опредѣлены. Каждое чрезвычайное обложеніе было поставлено въ зависимость отъ согласія парламента, составленнаго изъ представителей высшаго духовенства, бароновъ и свободныхъ крестьянъ. Другія статьи устанавливаютъ свободу торговли и свободу передвиженія; кромѣ того, на основаніи хартіи всякій можетъ быть судимъ только равными себѣ людьми и по законамъ страны.

Такимъ образомъ Magna Charta положила конецъ господству королевскаго произвола; она уничтожила монархическій абсолютизмъ и ввела конституціонное правленіе.

Король Іоаннъ, правда, и не думалъ исполнять взятыя на себя обязательства и оставаться вѣрнымъ своей клятвѣ. Папа сталъ на сторону своего вассала и поддерживалъ его въ клятвопреступленіи. Въ буллѣ, выпущенной имъ, онъ, какъ высшій сюзеренъ Англіи, упраздняетъ Magna Charta, а защитникамъ ея угрожаетъ церковнымъ проклятьемъ. Но тутъ ему пришлось имѣть дѣло съ народными интересами, и народъ воспротивился его авторитету. Слѣдствіемъ этого была опять гражданская война. Иннокентій III исполнилъ свою угрозу, онъ объявилъ анафему противъ бунтовщиковъ. Великую Хартію онъ назвалъ „ничего нестоющимъ, позорнымъ, недозволеннымъ и несправедливымъ договоромъ“, признавать который онъ запрещалъ и королю и народу „на вѣчныя времена“. Однако онъ долженъ былъ подвергнуться вполнѣ заслуженному униженію, ибо въ этомъ случаѣ его авторитетъ и даже самое страшное орудіе іерархіи церковное проклятіе, совершенно не имѣли никакого дѣйствія. Это орудіе разбилось о твердость и рѣшительность національной воли. Папа, достигшій вершины іерархическаго абсолютизма и уже считавшій себя единымъ іерархическимъ всемірнымъ монархомъ, какъ vicarius Dei, неограниченнымъ господиномъ, повелителемъ міра, онъ, низвергавшій князей и усмирявшій ихъ произволъ, дожилъ до того, что слѣдствіемъ его величайшей побѣды надъ свѣтской властью явилось революціонное движеніе, направленное одинаковымъ образомъ, какъ противъ княжескаго, такъ и противъ іерархическаго абсолютизма, и это движеніе побѣдило [1].

---

[1] Три столѣтія спустя въ Англіи произошло своеобразное соединеніе монархической и церковной власти. Король Генрихъ VIII былъ такимъ ярымъ противникомъ реформаціи, что папа Левъ X пожаловалъ ему титулъ „Защитника вѣры“. Но позднѣе онъ порвалъ съ папой и изъявилъ притязаніе стать главою церкви въ своей странѣ, сдѣлать свою волю руководящей во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ. Парламентъ согласился съ этимъ безумнымъ притязаніемъ и издалъ въ 1534 году пресловутый актъ, предписывавшій считать короля

Въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе пріобрѣли противоположеные абсолютизму политическіе, экономическіе и соціальные интересы народа, въ то время какъ тайна успѣховъ папства въ борьбѣ со свѣтскими властями заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что народъ не былъ связанъ никакими интересами со своими деспотическими государями; мало того, интересамъ народа скорѣе отвѣчало видѣть государей униженными и подчиненными другой мстящей и карающей высшей власти.

Во всѣхъ случаяхъ, когда народъ долженъ былъ терпѣть дурное, несправедливое, деспотическое, монархическое правленіе, онъ видѣлъ въ церкви свою защитницу. Церковь, правда, обыкновенно игнорировала это свое, будто бы божественное, призваніе, когда дѣло касалось деспотическихъ государей, безусловно ей преданныхъ. Вѣдь король Іоаннъ Безземельный былъ также въ высшей степени развратнымъ, хищнымъ и жаднымъ тираномъ и, какъ упомянуто, его постигло папское проклятіе. Но папа Иннокентій III не столько стремился защитить народъ отъ тирана, сколько заставить признать свои притязанія на высшее господство. Послѣ того, какъ Іоаннъ подчинился папѣ, „святой отецъ“ не обращалъ вниманія на его тиранію. Мало того, какъ мы видѣли, онъ даже поддерживалъ и защищалъ его противъ народа, который для своей защиты вынудилъ у него Magna Charta и отстаивалъ свои самыя законныя права.

Очень характерно свидѣтельство одного почтеннаго ученаго Венриха Трирскаго [1], жившаго во время борьбы Григорія VII съ королемъ Ген-

---

главою англійской церкви и давшій ему право заставлять каждаго давать присягу въ томъ, что онъ признаетъ супрематъ короля, а отказъ отъ присяги считать государственной измѣной, преступленіемъ, жертвой котораго палъ между прочимъ и Томасъ Моръ. Король начерталъ новый символъ вѣры, санкціонированный парламентомъ; кровавое преслѣдованіе направлялось противъ тѣхъ, которые его не признавали.

[1] См. Schlosser: Weltgeschichte V Bd. S. 159.

рихомъ IV. Онъ утверждаетъ, что главный противникъ короля Рудольфъ Швабскій, союзникъ папы, былъ не лучше Генриха. Далѣе онъ говоритъ: „Есть и другіе, которые кровью проложили себѣ дорогу къ трону, украсили головы діадемами, запятнанными кровью, утвердили свое господство убійствами, грабежами и казнями; не мало и такихъ, которые убили своихъ родственниковъ, бывшихъ въ то же время ихъ государями, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ. Всѣ они называются друзьями папы, удостоены его благословенія и прославляются имъ, какъ побѣдоносные государи".

Когда папы, желая подчинить государей своей власти, отлучали ихъ вмѣстѣ съ подвластными народами отъ церкви, нерѣдко по поводу обстоятельствъ ихъ личной жизни, то при этомъ жестоко страдалъ неповинный народъ. Что папы и подчиненные имъ „слуги Божіи" не разъ вводили самую возмутительнѣйшую тиранію по отношенію къ своимъ подданнымъ, эксплоатировали и угнетали ихъ по всѣмъ правиламъ искусства, что они были подчасъ настоящими геніями зла, погрязшими въ самомъ глубокомъ развратѣ—это не подлежитъ сомнѣнію. По общему правилу, ихъ божественная обязанность склонять государей къ справедливому правленію являлась лишь предлогомъ для увеличенія и утвержденія собственной власти.

4. Дальнѣйшія формы отношеній между церковью и монархіей.

Ученіе Ѳомы Аквинскаго о княжеской власти.—Ростъ іерархическихъ притязаній. — Упорное стремленіе папства къ преобладанію надъ свѣтскою властью.—Приговоръ папы относительно коронованія курфюрста Бранденбурскаго.—Гогенцоллеры и іезуиты.—Проектъ іезуитовъ, направленный противъ еретическихъ государей.—Изреченія папъ 19 вѣка. — Бисмаркъ о борьбѣ между папствомъ и королевскою властью.—Ультрамонтанство, какъ опора престола.—Союзъ между папствомъ и имперіей.—Позиція, занятая церковью по отношенію къ республикѣ.—Папа и „христіанская демократія".

Ѳома Аквинскій (род. 1225 г.) имѣлъ преобладающее вліяніе на развитіе церковнаго ученія о го-

сударствѣ. Причисленный къ лику святыхъ ученый среднихъ вѣковъ, онъ и теперь еще считается величайшимъ теологомъ и философомъ католической церкви, „блестящей звѣздой на небѣ церкви“ [1]. Насъ интересуетъ здѣсь только его произведеніе о монархическомъ правленіи, посвященное кипрскому королю [2]. Въ началѣ своего поученія Ѳома обращается съ мольбою о помощи къ „царю царствующихъ, владыкѣ владыкъ, надѣляющему королей коронами, къ Богу, властвующему надъ всѣми богами“. Исходнымъ пунктомъ его изслѣдованій является тезисъ: „Человѣческое общество не можетъ существовать безъ твердой власти“. Лучшею формою правленія является монархія. Король долженъ быть „служителемъ Божіимъ“ и „всеобщимъ пастыремъ, подобно Давиду и Езекіилу (37, 24). Если правленіе ведетъ не къ благу народа, а къ личнымъ выгодамъ правителя, то такой правитель заслуживаетъ названія тирана. Самая худшая форма правленія—это монархія, выродившаяся въ тиранію. „Люди бѣгутъ отъ тирана, какъ отъ хищнаго животнаго, и быть его подданнымъ все равно, что быть брошеннымъ на съѣденіе разъяренному звѣрю“. Ѳома считаетъ допустимымъ сверженіе тираніи и устраненіе несправедливаго правителя.

Правленіе короля должно быть подобно правленію Бога, высшая цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы вести подданныхъ къ „вѣчному блаженству“. Король „поставленъ для того, чтобы, въ качествѣ намѣстника Божія, насаждать въ государствѣ справедливость“. Прежде епископы подчинялись королямъ, но „по закону Христа короли подчинены епископамъ“. „Божественное Провидѣніе“ возстановило древній обычай, въ силу котораго правители признали господство духовной власти и пре-

[1] Stöckel. Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Mainz 1865. S. 422.

[2] Die Staatslehre des hl. Thomas von Aquino. — Aus seinen Werken authentisch zusammengestellt. Leipzig 1873. S. 22 ff.

клонились передъ „саномъ верховнаго Величества“, носителемъ котораго является папа. Ѳома требуетъ, чтобы отношенія между церковью и свѣтской властью регулировались согласно слѣдующему ученію:

„Воля Бога есть источникъ естественнаго и божественнаго закона; поэтому обычаи, созданные людьми, не могутъ измѣнять его; этотъ законъ можетъ быть измѣненъ только божественнымъ авторитетомъ. Ни одинъ обычай не можетъ получить силу закона, если онъ противорѣчитъ божественному или естественному... „Принужденіе и насиліе противоположно понятію воли, а такъ какъ воля добрыхъ совпадаетъ съ велѣніями закона, воля же злыхъ несогласна съ ними, то закону должны быть подчинены одни только злые“. Если же окажется, что „законъ противорѣчитъ общественной пользѣ, то такому закону не слѣдуетъ подчиняться“. Законы contra legem divinam ни въ коемъ случаѣ не должны имѣть силы, ибо „Богу слѣдуетъ болѣе повиноваться, чѣмъ людямъ“.

Изъ этого ученія св. Ѳома дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

„Всѣ христіанскіе короли должны быть подчинены римскому первосвященнику, какъ самому Господу Іисусу Христу... Это подчиненіе необходимо для спасенія... Государи суть вассалы церкви... Свѣтскіе государи обязаны по своему положенію являться защитниками церкви... По закону Христа, короли подчинены епископамъ; свѣтская власть должна повиноваться духовной, подобно тому, какъ тѣло повинуется душѣ“... „Повелѣніе папы есть источникъ закона, и всѣ обязаны по совѣсти исполнять этотъ законъ“... „Папѣ принадлежитъ высшая власть, какъ духовная, такъ и свѣтская... Папа есть несмѣняемый священнослужитель и король... онъ—царь царей и владыка владыкъ, власть котораго не прекратится и царство не распадется во вѣки вѣковъ“.

Какъ послѣдній выводъ изъ этого ученія, необходимо упомянуть слѣдующее изреченіе св. Ѳомы: „Церковь ни въ коемъ случаѣ не допускаетъ, чтобы невѣрующіе (т. е. не католики) властвовали надъ вѣрующими, или чтобы послѣдніе на какомъ бы то ни было поприщѣ были подчинены первымъ".

Церковь не могла не быть благодарна такому учителю, и не удивительно, что она черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти св. Ѳомы причислила его къ лику святыхъ, чтобы придать большій вѣсъ его ученію. Манія величія, охватившая іерархію, все болѣе и болѣе возростала. Зараженный этой маніей величія папа Бонифацій VIII (ум. 1303), обратился въ своей буллѣ „Ausculta fili" къ французскому королю Филиппу Красивому со слѣдующимъ увѣщаніемъ (5 Декабря 1301 г.):

„Епископъ Бонифацій, слуга слугъ Божіихъ, къ Филиппу, королю французскому. Богъ поставилъ насъ надъ королями и королевствами, чтобы искоренять и разрушать, низвергать и разсѣивать или же насаждать во имя Его и черезъ его ученіе. Симъ извѣщаю тебя, что какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ ты подчиненъ намъ. Несогласныхъ съ этимъ мы считаемъ еретиками". Филиппъ лаконически отвѣтилъ: „Филиппъ, Божіей милостью король французскій, къ Бонифацію, выдающему себя за папу, съ легкимъ привѣтомъ, а то и совсѣмъ безъ привѣта. Твое всеглупѣйшее Величество должно знать, что въ свѣтскихъ дѣлахъ (рѣчь шла объ обложеніи духовенства) мы никому не подчинены. Несогласныхъ съ этимъ мы считаемъ дураками и сумасшедшими".

Императоръ Людовикъ IV, отлученный папою отъ церкви и принужденный защищать свою корону, вызвалъ открытый протестъ противъ властолюбивыхъ притязаній папы. Созванные имъ курфюрсты 11 іюля 1338 года постановили, что германскій императоръ получаетъ свое достоинство непо-

средственно отъ Бога черезъ избраніе курфюрстами и независимо отъ утвержденія и посвященія папы. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, что наложенное на императора отлученіе снимается, такъ какъ папа не можетъ судить императора. Папа Климентъ IV подтвердилъ отлученіе Людовика и добился того, что пять курфюрстовъ 11 іюля 1346 г. объявили Людовика низложеннымъ и возвели на престолъ Карла Баварского, подъ именемъ Карла IV.

Но постановленіе 1338 года все же сильно поколебало престижъ папы. Отлученіе въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ было самымъ грознымъ оружіемъ противъ непокорныхъ государей, особенно, если оно было связано съ интердиктомъ противъ страны. Подъ угрозой суровой Божьей кары отлученный государь исключался изъ духовнаго и свѣтскаго общества; онъ лишался всякихъ правъ, отдавался въ жертву произвола всякаго перваго встрѣчнаго. Подданные, чиновники и слуги освобождались отъ вѣрноподданнической присяги: имъ запрещалось служить королю, оказывать ему помощь, доставлять пищу и питье; отлученный государь объявлялся внѣ закона, и убившій его не считался преступникомъ; наоборотъ, это считалось даже дѣломъ, угоднымъ Богу [1].

Въ странѣ, подвергшейся интердикту, прекращались всякія требы; не совершалось ни крещеніе, ни вѣнчаніе, ни церковное погребеніе. Церкви запирались, колокола умолкали. Народъ долженъ былъ вѣрить и вѣрилъ, что проклятіе Бога лежитъ на странѣ. Суевѣрный страхъ овладѣвалъ людьми; малодушіе и отчаяніе охватывало ихъ души. Поля пустѣли, ремесла и торговля пріостанавливались, народъ впадалъ въ нужду и нищету. Все это дѣлалось въ разсчетѣ на то, что народъ измѣнитъ отлученному государю и станетъ на сторону церкви.

[1] См. главу „Ученіе о тираноубійствѣ".

Задолго до Реформаціи народы начинаютъ освобождаться отъ страха передъ разрушительной силой интердикта и тѣмъ самымъ дѣлаютъ его недѣйствительнымъ; это одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ о несокрушимой силѣ человѣческаго духа, о его освобожденіи отъ цѣпей невѣжества, предразсудковъ, заблужденія. Если бы въ настоящее время папа вздумалъ отлучить какого-либо государя отъ церкви или подвергнуть интердикту цѣлый народъ,— это возбудило бы лишь насмѣшки всего міра [1].

* * *

Папство давно низвергнуто съ высоты своего могущества; въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій его вліяніе все больше и больше разрушалось. Но оно держалось съ желѣзнымъ упорствомъ за свою догму о божественномъ правѣ господствовать надъ свѣтскими владыками. Вотъ нѣсколько доказательствъ: евангелическій курфюрстъ Бранденбургскій, послѣ тщетныхъ попытокъ іезуитовъ сдѣлать его католикомъ и принудить его взять изъ рукъ папы корону, которой онъ добивался, самъ возложилъ ее на себя. Тогда папа Климентъ XI издалъ 16 апр. 1701 г. Breve къ императору, королю французскому и прочимъ католическимъ государямъ Европы, чтобы убѣдить ихъ не признавать этой прусской короны. „Къ стыду христіанства, говоритъ папа—

[1] Правда, въ самое послѣднее время былъ случай церковнаго проклятія одного правительства. Но проклинавшій былъ не папа, а высшій представитель армянской церкви. Въ Берлинской „Volkszeitung“ въ № 489 отъ 18 октября 1903 г. изъ Москвы сообщается слѣдующее вполнѣ достовѣрное извѣстіе: „Здѣсь много говорятъ о послѣднихъ событіяхъ въ Тифлисѣ: армянскій архіепископъ, возмущенный тѣмъ, что русское правительство насильственнымъ образомъ захватило капиталы армянской церкви, которые служили для поддержки армянской народной школы, открыто, во время богослуженія въ Тифлисѣ, проклялъ русское правительство. Вышеупомянутый капиталъ существуетъ уже болѣе тысячи лѣтъ и состоитъ изъ пожертвованій не только русскихъ, но и турецкихъ и другихъ армянъ... Не революціонеръ, не молодой политическій идеологъ, а старикъ, высшій представитель армянской церкви, архіепископъ, съ полнымъ сознаніемъ своей отвѣтственности, выразилъ горе своего народа, проклиная русское правительство, къ которому онъ обратился съ телеграммой и получилъ отрицательный отвѣтъ“.

deterrimo in christiana republica exemplo—маркграфъ Бранденбургскій присвоилъ себѣ королевское имя. То обстоятельство, что не католикъ принялъ королевскій титулъ, противорѣчитъ апостольскимъ постановленіямъ и является оскорбленіемъ авторитета папскаго престола—sacrae regales dignitates ab Acatholico homine non sine ecclesiae contemptu assumuntur". Въ одномъ обращеніи къ кардиналамъ папа повторилъ эту мысль, сказавъ, что онъ увѣщевалъ католическихъ государей, не уничтожать священное и достославное королевское достоинство, допуская чтобы оно принадлежало не католическому государю, потому что королевская корона есть особенный даръ божій, опора и украшеніе истинной религіи; если же еретикъ станетъ носить корону, она потеряетъ свое высокое значеніе [1].

Въ полномъ противорѣчіи съ вышеприведенными историческими фактами депутатъ центра и папскій камерарій докторъ Либеръ, на собраніи берлинскихъ ультрамонтановъ 17 мая 1892 г., слѣдующимъ образомъ мотивировалъ свои требованія относительно уничтоженія закона объ іезуитахъ: „Вѣдь домъ Гогенцоллерновъ безконечно многимъ обязанъ іезуитамъ; іезуиты доставили Гогенцоллернамъ могущество и почетъ... Они были творцами новой зари могущества и блеска этой династіи. Имъ обязаны Гогенцоллерны королевской короной, а косвенно и императорской". Это является грубымъ искаженіемъ истины, что доказывается вышеприведенной политикой папы. Протестантскіе Гогенцоллерны давно были бы стерты съ лица земли, если бы это зависѣло отъ іезуитовъ. За это говоритъ также сообщенный Дройзеномъ историческій актъ подъ

[1] Droysen: Geschichte der preussischen Politik, четв. часть I т., стр. 240. Курія охотно не обращала бы вниманія на еретическія вѣрованія курфюрста, „если бы онъ согласился получить свой королевскій титулъ изъ ея рукъ; старый Иннокентій XI (1770) сдѣлалъ въ этомъ направленіи шаги; то обстоятельство, что коронованіе произошло безъ участія того, кто самимъ Богомъ поставленъ назначать королей, и побудило римскій престолъ къ изданію этой буллы".

названіемъ „Хроника священной конгрегаціи 1735 г.“ Подлинность этого акта внѣ всякихъ сомнѣній. Въ немъ развитъ планъ, какъ можетъ возвыситься истинная церковь Христова съ распространеніемъ католической религіи путемъ искорененія ереси.

Для этой цѣли проектируется союзъ между тремя главнѣйшими католическими державами. Дѣло въ томъ, что онѣ постоянно враждовали между собою, такъ же какъ и менѣе значительныя католическія государства. Во время войны за польскій престолъ, вспыхнувшей въ 1733 г., всѣ католическія государства вступили другъ съ другомъ въ борьбу. Основательное государственное переустройство должно было положить конецъ всѣмъ раздорамъ.

Католическіе князья должны были передъ папскимъ нунціемъ дать клятву „оставаться въ постоянномъ неразрывномъ союзѣ...“ „При этомъ они обязывались неотступно заботиться о славѣ Божіей, объ утвержденіи Христовой церкви и апостольскаго престола въ Римѣ, о распространеніи единственно истинной католической вѣры, объ искорененіи всякихъ ересей и заблужденій. Этотъ священный союзъ государей долженъ быть скрѣпленъ новыми кровными узами и установленіемъ престолонаслѣдія на случай совершеннаго прекращенія какой-либо династіи. Высокіе союзники и ихъ наслѣдники должны ежегодно возобновлять свой союзъ въ день заключенія перваго клятвеннаго договора“. Далѣе тамъ говорится: „Для успѣха этого святого дѣла необходимо усыплять сѣверныхъ государей и нѣмецкихъ князей льстивыми рѣчами и всевозможными обѣщаніями, чтобы они не пробудились отъ своего беззаботнаго сна и не замѣтили угрожающаго имъ несчастія, прежде чѣмъ страшный судъ, давно уже уготованный имъ Господомъ, не разразится надъ ними между полночью и утромъ, не возьметъ ихъ отъ міра живущихъ и не ввергнетъ въ бездну вмѣстѣ со всѣми прочими еретиками, отпавшими

отъ церкви Христовой". „Чтобы возможно было безпрепятственно выполнить этотъ планъ, необходимо возбудить между протестантскими государями безпорядки и раздоры, а это легко выполнимо, такъ какъ они и безъ того того по натурѣ не могутъ выносить другъ друга и никогда не живутъ въ согласіи; поэтому, нѣтъ ничего легче, какъ водить ихъ за носъ пустыми словами и обѣщаніями. Отъ нихъ нужно только требовать денегъ для турецкой войны. Тогда они будутъ вынуждены или распустить своихъ солдатъ, или нести двойные расходы, а именно: содержать свои войска и доставлять деньги для турецкой войны. Это приведетъ къ полному разоренію ихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего они не будутъ въ состояніи обороняться. Тогда, по окончаніи турецкой войны, можно будетъ съ еще большей надеждой на успѣхъ напасть на сѣверныхъ государей. Для того, чтобы лютеране и кальвинисты не могли получить внѣшней поддержки, слѣдуетъ тотчасъ по окончаніи турецкой войны побудить Россію напасть на Шведовъ, къ чему сама Швеція уже въ началѣ турецкой войны дастъ не мало поводовъ; въ то же самое время поляки должны двинуться въ бранденбургскую Пруссію. Если дѣло повести такимъ образомъ, то шведы будутъ уничтожены голодомъ, огнемъ и пожаромъ, Англія будетъ разорена внутренними безпорядками, и господствующая тамъ ганноверская фамилія будетъ свергнута, а на англійскій королевскій престолъ будетъ посаженъ законный наслѣдникъ; Голландія лишится выгодныхъ рынковъ и подпадетъ подъ иго частью имперіи, частью Франціи. Лютеранскіе же князья и сословія въ Германіи будутъ разорены вслѣдствіе перехода церковныхъ имуществъ обратно въ руки церкви. И такъ какъ они не будутъ въ состояніи возмѣстить выгодъ, полученныхъ ими отъ пользованія церковными имуществами, то, пользуясь этимъ, ихъ можно заставить

перейти въ католичество; въ противномъ же случаѣ слѣдуетъ продать ихъ земли и имущество, самихъ же изгнать изъ имперіи и поступить съ ними, какъ съ мятежниками и преступниками".

Тогда императорская власть перестанетъ быть выборной и сдѣлается наслѣдственной. И наступитъ „золотое время, когда Христосъ, по его собственнымъ словамъ (Апокалипсисъ), secnudum expressa verba, низвергнетъ на дно ада многоголоваго звѣря ереси и будетъ вмѣстѣ со всѣми вѣрующими владычествовать во всемъ мірѣ".

Такова судьба, предназначенная священной конгрегаціей еретическимъ государямъ. Съ тѣхъ поръ прошло всего 2 столѣтія. Въ теченіе 19 вѣка папы еще чаще дѣлали попытки добиться признанія авторитета церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ. Пій IX въ своей энцикликѣ 8 декабря 1864 г. обращается къ вѣрующимъ со слѣдующимъ воззваніемъ: „Не переставайте проповѣдывать, что королевская власть существуетъ не только для того, чтобы управлять мірскими дѣлами, но, главнымъ образомъ, для защиты церкви". Къ этой энцикликѣ приложенъ „Силлабусъ", т. е. перечень принциповъ современной жизни, несовмѣстимыхъ съ ученіемъ церкви. Тамъ сказано:

„Канонъ X. Тотъ, кто говоритъ, что церковь не есть идеальное братство, а простое соединеніе вѣрующихъ, или что она въ обществѣ и государствѣ занимаетъ по отношенію къ власти подчиненное положеніе,—тотъ да будетъ проклятъ".

„Канонъ XVIII. Тотъ, кто говоритъ, что власть, которая необходима для управленія гражданскимъ обществомъ, не исходитъ отъ Бога, или что законъ Бога не требуетъ подчиненія властямъ, или что такая власть противорѣчитъ естественной свободѣ человѣка,—тотъ да будетъ проклятъ".

Само собою разумѣется, что католическіе теоретики церковнаго права держатся тѣхъ же воззрѣній. Одинъ изъ самыхъ выдающихся католиче-

скихъ ученыхъ Филлипсъ считаетъ государственную власть „членомъ церкви". Каждый государь обязанъ подчиняться церковному авторитету, ибо „папа возвышается надъ всѣми царями земными, его власть превосходитъ всякое свѣтское могущество; папа долженъ быть монархическимъ первосвященникомъ". Если государи пользуются спокойнымъ управленіемъ, то этимъ они обязаны церкви; она одна можетъ поддерживать въ подданныхъ любовь и вѣрность по отношенію къ властямъ. Всякій государь долженъ знать, что онъ возведенъ на тронъ Божественнымъ Провидѣніемъ, благодаря содѣйствію своей матери — церкви. Онъ не долженъ отказываться отъ благородной обязанности быть охраной и защитой церкви противъ всего, что ей враждебно. Государи со временемъ должны будутъ дать отчетъ въ томъ, какъ они исполняли эту священную обязанность. Если обязанности правительствъ установлены Богомъ, то они должны имѣть также обязанности по отношенію къ церкви".

Изъ-за принциповъ, которые Пій IX предавалъ проклятію въ вышеприведенныхъ канонахъ, возгорѣлся въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Германіи такъ называемый культуркампфъ. Руководившій въ то время политической жизнью князь Бисмаркъ назвалъ эту борьбу — борьбою между папствомъ и монархіей. 10-го марта 1873 года онъ сказалъ въ прусской палатѣ господъ: „Война духовенства съ монархіей, въ данномъ случаѣ, борьба папы съ германскимъ императоромъ, какъ это доказываетъ исторія среднихъ вѣковъ, подобна всякой другой войнѣ: въ этой войнѣ составляются коалиціи и заключаются мирные трактаты. Бывали папы мирно настроенные, но бывали также и воинственные и агрессивные?...

„Большая ошибка, съ точки зрѣнія политики и исторіи, называть папу лишь главою извѣстнаго вѣроисповѣданія, а католическую церковь—предста-

вительницей религіи. Папство всегда, съ величайшей рѣшительностью и величайшимъ успѣхомъ, вмѣшивалось въ свѣтскія отношенія, и это вмѣшательство папская власть сдѣлала своей программой.

„Эта программа общеизвѣстна. Цѣль, которую всегда преслѣдуетъ папство, и которая была близка къ осуществленію въ средніе вѣка,—это подчиненіе свѣтской власти авторитету церкви; вотъ—политическая задача папства".

17-го апрѣля 1881 года Бисмаркъ сказалъ въ палатѣ господъ: „Миръ между королемъ и папою всегда останется квадратурою круга, къ которой можно приближаться, но которая въ полной мѣрѣ никогда не осуществится". Онъ былъ такого мнѣнія: „Старая вражда между духовенствомъ и монархами не прекратится теперь на нашихъ глазахъ, во всякомъ случаѣ, поскольку это касается Германіи. При всякихъ условіяхъ Римъ будетъ разсматривать протестантскую династію и религію, какъ нѣчто ненормальное и какъ болѣзнь, излечить которую обязана католическая церковь. Вѣчный миръ съ куріей при настоящихъ условіяхъ невозможенъ" [1].

Эту истину нѣмецкому народу еще не разъ придется вспомнить.

Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что папа Пій IX въ 1872 году, говоря съ одной депутаціей нѣмецкихъ католиковъ, по поводу изданнаго въ то время закона о іезуитахъ, угрожалъ германской имперіи и ея государямъ „камнемъ, который скатится съ горы и разрушитъ основаніе колосса". А папскій нунцій въ Мюнхенѣ въ то же время сдѣлалъ такое знаменательное замѣчаніе: „Церкви ничто не поможетъ, кромѣ революціи".

Этому примѣру послѣдовалъ и Левъ XIII, котораго чествовали, какъ „друга" императора Вильгельма II.

---

[1] Gedanken und Erinnerungen an Otto Fürst v. Bismark. Herausgegeben von Horst Kohl II. S. 135.

Онъ выразилъ по отношенію къ сочиненіямъ Ѳомы Аквинскаго свое особое одобреніе, которое, конечно, относилось и къ воззрѣніямъ послѣдняго на отношенія между свѣтской властью и церковью. Въ 1885 году въ своемъ пастырскомъ посланіи, трактовавшемъ о „христіанскомъ государствѣ“ онъ заявилъ категорически, что только то государство можетъ быть свободно и счастливо, которое основано на „единой истинной вѣрѣ“; а такою вѣрою можетъ быть только, установленная самимъ Богомъ, католическая религія, которой все должно подчиняться, а, слѣдовательно, и свѣтская власть; церковь, какъ охранительница этой вѣры, должна быть „высшею правомѣрною властью на землѣ“. Если Григорій XVI въ 1832 г. назвалъ піонеровъ реформаціи, подъ которыми прежде всего надо разумѣть протестантскихъ государей, „коварными дѣтьми дьявола“, то Левъ XIII называетъ протестантизмъ источникомъ всѣхъ стремленій, направленныхъ къ ниспроверженію трона, религіи и порядка. Въ своемъ окружномъ посланіи отъ 29 іюня 1881 г. онъ считаетъ протестантизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и протестантскихъ монарховъ, отвѣтственными за всѣ возстанія и бунты въ Германіи. Конечнымъ результатомъ преступнаго ученія протестантизма явились въ прошломъ столѣтіи безбожная философія и французская революція съ ея ужасными послѣдствіями, а въ настоящемъ вѣкѣ—родственная имъ зараза соціализма и нигилизма; эти чудовищныя теченія являются могильщиками гражданскаго общества.

Три года спустя, въ своемъ окружномъ посланіи „Humanum genus“, онъ назвалъ протестантовъ массонами, вольнодумцами, натуралистами и даже просто „сектою дьявола“, отвѣтственною за все распространяющееся „одичаніе народовъ“, за уничтоженіе права и за потрясеніе государства.

Къ „чертовой сектѣ массоновъ“ принадлежатъ,

какъ извѣстно, почти всѣ государи Германіи; а царствующій теперь прусскій король и германскій императоръ Вильгельмъ II, по примѣру своихъ предшественниковъ, состоитъ членомъ массонскаго ордена, который проклятъ Его Святѣйшествомъ, какъ „созданіе Сатаны“ и который проклинаютъ также и представители центра въ Германіи. Но эти самые люди, съ гордостью называющіе себя лейбъ-гвардіею папы, не разъ уже предлагали еретическому, по мнѣнію папы, королю и императору свою помощь въ дѣлѣ борьбы за „религію, нравственность и порядокъ“. И постоянно они выставляютъ себя самыми надежными совѣтниками и самой вѣрной опорой „еретической династіи Гогенцоллерновъ“, какъ и вообще всякой монархіи.

Краснорѣчивымъ примѣромъ того, какъ католическій клиръ старается привлечь германскаго императора похвальными рѣчами и лестью на сторону „святого дѣла церкви“, могутъ служить слова кардинала Фишера, произнесенныя имъ въ Кельнѣ 7-го іюля 1903 года:

„Какъ хорошо, какъ утѣшительно согласное сотрудничество папы и императора! Какъ прекрасна была ихъ встрѣча нѣсколько недѣль тому назадъ! Это былъ знаменательный моментъ, имѣвшій всемірно-историческое значеніе! Хотя папа и императоръ во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не похожи другъ на друга, все же мы должны признать много общихъ чертъ въ ихъ характерахъ. Ихъ сходство заключается въ силѣ воли и въ жаждѣ дѣятельности на всѣхъ поприщахъ, доступныхъ ихъ вліянію. Это сотрудничество величайшихъ властелиновъ современности въ сферѣ духа и власти тѣмъ важнѣе, что духъ безпорядка, разрушенія и переворота, къ сожалѣнію, и въ нашемъ отечествѣ получилъ широкое распространеніе. При такихъ условіяхъ необходимо, чтобы руководители духовной жизни народовъ объединились съ вождями вооруженныхъ силъ для блага

народа и для защиты справедливости; необходимо, чтобы эти обѣ высокія силы пошли другъ другу на встрѣчу, какъ это мы видѣли недавно при свиданіи папы и императора“...

Далѣе архіепископъ разсказалъ о своемъ послѣднемъ посѣщеніи папы, который засвидѣтельствовалъ „свою симпатію, любовь и уваженіе къ нашему высокому повелителю, нашему императору и королю“. Св. отецъ съ большой похвалой отзывался о нѣмецкихъ католикахъ; онъ все время возвращался къ этому вопросу и разсказывалъ, какъ онъ „обратилъ вниманіе Его Величества императора на вѣрноподданническія чувства католиковъ рейнскихъ провинцій, Кельна и нашего архіепископства, которые, какъ истинные сыны церкви, всегда были преданы имперіи, императору и императорскому дому“...

Наконецъ, архіепископъ заявилъ: „Мы переживаемъ плохое время! Духъ возмущенія, непокорности и протирѣчія противъ Богомъ установленнаго порядка, духъ отрицанія и разрушенія, охватываетъ все новыя области и распространяется во всемъ мірѣ, и также у насъ, въ Германіи“. Слѣдуетъ „дружно бороться противъ темной силы возмущенія и недовѣрія, угрожающей основамъ человѣческаго общества“.

Здѣсь высказывается идея союза свѣтской имперской власти, высшій представитель которой — протестантъ, съ католической церковной властью въ Германіи. Столь превознесенный императоръ Вильгельмъ II, послѣ смерти папы Льва XIII, обратился къ „Святому престолу“ съ соболѣзнованіемъ, воздавая хвалу умершему; изъ этого „благомыслящая“ пресса, а особенно клерикальная, соткала фантазію прекрасной гармоніи между папою и императоромъ. Чтобы показать, каковы были истинныя отношенія между императорскою и папскою властью при Львѣ XIII, мы можемъ сослаться на одно очень

вѣское свидѣтельство. Мюнхенская „Allgemeine Zeitung“ опубликовала въ августѣ 1903 года статью умершаго католическаго писателя Фр. Кс. Крауса о понтификатѣ Льва XIII. Мы находимъ тамъ слѣдующія разъясненія:

Въ Германіи „культуркампфъ“ создалъ для ультрамонтанской партіи организацію, средства и технику, приспособленныя къ тому, чтобы, и послѣ окончанія этой борьбы, начать новую борьбу съ цѣлью добиться преобладанія въ политической жизни, опираясь на демократическій принципъ и въ противорѣчіе современной государственной идеѣ. Въ широкія массы, безъ сомнѣнія, не проникло сознаніе о закулисныхъ цѣляхъ этой агитаціи. Ультрамонтанская партія хотѣла, если не разрушить, то, во всякомъ случаѣ, ослабить имперскую идею; расшатать созвѣздіе Вильгельма I и Бисмарка и добиться партикуляристической федеративной системы, въ которой католическая партія могла бы, опираясь на всеобщее избирательное право и на свои интернаціональныя связи, играть рѣшающую роль.

„Большинство нашихъ разумныхъ и добросовѣстныхъ епископовъ смотрѣло на эту политику съ сомнѣніемъ и страхомъ, но они были безсильны что-либо сдѣлать. Они были осуждены на бездѣятельность, ибо активная партія знала, что ее поддерживаетъ Римъ.

„Однимъ словомъ, вторая фаза понтификата Льва XIII обозначаетъ самое полное, какое только можно себѣ представить, превращеніе церкви въ политическую организацію. Этой идеѣ были принесены въ жертву нужды и интересы внутренняго управленія церкви.

„Союзъ папства съ четвертымъ сословіемъ и попытка на этомъ пути добиться снова господства надъ міромъ — представляютъ изъ себя мечту, рѣдкую по своей смѣлости. Можно бы признать эту мечту великой, если бы она не означала гибели

современной культуры и свободы, разложенія германскаго духа подъ напоромъ отжившей идеи латинизма и растворенія религіознаго принципа въ политиканствующей ассоціаціи".

И дѣйствительно эта смѣлая идея, представляетъ нѣчто совершенно новое. Но „четвертое сословіе", пролетаріатъ, никогда не можетъ, не отказываясь отъ своего историческаго призванія, заключить союзъ съ папою, да къ тому же цѣною подчиненія свѣтской власти авторитету церкви. Политическая, хозяйственная и соціальная эмансипація рабочаго класса, побѣда неотъемлемыхъ правъ труда можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ. Папа ничего не можетъ предложить этому классу, кромѣ такъ называемыхъ христіанско-соціальныхъ ученій, какъ онъ развилъ ихъ въ своемъ окружномъ посланіи „О рабочемъ вопросѣ" отъ 17-го мая 1891 г., опираясь на свое „непогрѣшимое" пастырское сужденіе, подверженное однако ошибкамъ, предвзятому мнѣнію и церковно-политическимъ интересамъ. Эти ученія вызовутъ лишь снисходительную усмѣшку у каждаго сознательнаго человѣка, познакомившагося съ характеромъ и цѣлью великой освободительной борьбы труда, не связанной ни съ религіей, ни съ національностью. Универсально-соціальное папство еще менѣе возможно, нежели національно-соціальная монархія, ибо папство уже не представляетъ реальной власти и никогда таковой не будетъ. Надъ соціальнымъ вопросомъ никакая власть не можетъ дѣлать экспериментовъ. Этотъ вопросъ развивается и требуетъ окончательнаго разрѣшенія съ силою естественнаго процесса, независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ ему интересовъ власти, вмѣшивающейся въ соціальную борьбу. Онъ не позволяетъ себя обмануть или ограничить, приковать къ какимъ-либо чуждымъ ему интересамъ и сдѣлать его слугою этихъ интересовъ.

Курія считаетъ для себя возможнымъ мириться

и съ республикой, если этого требуютъ церковные интересы, или если къ этому принуждаетъ сила обстоятельствъ.

Доказательствомъ этого въ послѣднее время является Франція. Тамъ до начала девятидесятыхъ годовъ клиръ, почти безъ исключенія настроенный легитимистически, боролся съ республиканскимъ правительствомъ.

Въ 1891 году сдѣлалось извѣстно, что политика куріи склоняется къ тому, чтобы добиться примиренія церкви съ республикою. Прежде всего обратили на себя вниманіе усилія кардинала Лавижери убѣдить клиръ въ необходимости послушанія по отношенію къ республикѣ. Вскорѣ обнаружилось, что онъ дѣйствуетъ по соглашенію съ куріей. И никого уже не удивило, когда онъ открыто заявилъ, что примиреніе папства съ республиканскою формою правленія вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ и намѣреніямъ куріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершенно опредѣленно призналъ суверенитетъ народа и подвергъ опалѣ „неприкосновенное право монархіи Божіею милостію“, какъ устарѣлое воззрѣніе. Коллега Лавижери, епископъ гренобльскій Фава, собралъ всѣхъ подчиненныхъ ему духовныхъ и сказалъ имъ: „Католическія правительства обязаны служить народу; предоставимъ языческимъ и дикимъ правительствамъ притѣснять націи. Народъ предпочелъ республиканскій образъ правленія, ибо онъ даетъ ему возможность участвовать въ веденіи общаго дѣла и обезпечиваетъ ему особый видъ суверенитета. Такъ какъ существующее во Франціи правленіе есть республика, то и слѣдуетъ ее поддерживать и говорить рабочимъ: „Мы съ вами; будьте же и вы съ нами; будемъ вмѣстѣ дѣйствовать такъ, чтобы Франція осталась католической, какъ того требуетъ кардиналъ-епископъ парижскій“. Болѣе того, новый папскій нунцій явился въ Парижъ съ наказомъ направить вліяніе церкви на поддержку

республики. И благочестивый клиръ, толпившійся дотолѣ вокругъ знаменъ орлеанистскихъ и бонапартистскихъ претендентовъ, фанатически боровшійся съ республикой, какъ съ „безстыднымъ преступленіемъ противъ божественнаго міропорядка“ и проклинавшій всѣхъ республиканцевъ, какъ дѣтей сатаны, отдался примирительной политикѣ, какъ только папа открыто сталъ на сторону этой политики. Къ одному изъ своихъ декретовъ, въ которомъ французскимъ католикамъ рекомендовалось безъ ропота покориться республиканскому образу правленія, онъ присоединилъ (въ маѣ 1892 г.) комментаріи, въ формѣ окружнаго посланія французскимъ кардиналамъ-епископамъ. Въ этомъ посланіи онъ очень откровенно даетъ республикѣ свое placet.

Папа объявляетъ долгомъ христіанъ чистосердечно признать существующую гражданскую власть, такъ какъ общественное благо стоитъ выше всякихъ другихъ интересовъ, какъ творческій принципъ, какъ элементъ, охраняющій общественность. „Изъ необходимости охранять общественное благо вытекаетъ необходимость гражданской власти, съ которою связанъ всеобщій интересъ, и которая потому должна быть принята, какъ нѣчто постоянное. Въ этомъ смыслѣ мы сказали французскимъ католикамъ: „Признайте республику, т. е. ту власть, которая сложилась и существуетъ въ вашей средѣ, будьте ей преданы, какъ представительницѣ власти, исходящей отъ Бога“. Въ пользу этого положенія приводятся слѣдующіе аргументы:

„Хотя верховная власть всегда исходитъ отъ Бога, все же изъ этого не слѣдуетъ, что въ случайныхъ формахъ власти и въ поступкахъ носителей ея всегда и непосредственно проявляется указаніе Бога“.

„Различіе въ проявленіи формъ власти у разныхъ народовъ ясно указываетъ на человѣческій характеръ ихъ происхожденія. Даже самыя благоустроенныя чело-

вѣческія учрежденія не всегда сохраняютъ свою силу, и въ политикѣ чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, случаются самыя неожиданныя перемѣны".

„Однѣ политическія формы являются на смѣну другимъ. Эти измѣненія почти никогда не бываютъ легитимнаго происхожденія. Но верховный критерій общаго блага и общественной безопасности повелѣваетъ принимать это, фактически существующее правленіе на мѣсто прежняго, фактически прекратившаго свое существованіе. Законами политическихъ переворотовъ руководитъ Богъ; человѣкъ же долженъ пользоваться результатами этихъ переворотовъ въ интересахъ общаго блага; во всякомъ случаѣ честь и совѣсть требуютъ чистосердечнаго подчиненія существующему правительству во имя общественнаго блага. . . Мужественная и просвѣщенная любовь къ отечеству повелѣваетъ требовать отъ правительства измѣненія несправедливыхъ или неразумныхъ законовъ".

Такъ говоритъ папа. Его разсужденія можно разсматривать, какъ признаніе необходимости политическихъ преобразованій въ духѣ демократіи. Онъ прямо-таки отвергаетъ принципъ легитимизма, провозглашая право народа на измѣненіе образа правленія и ставя общественную пользу выше всѣхъ другихъ интересовъ. Онъ такъ же хорошо могъ бы сказать: „Если общественное благо требуетъ ниспроверженія монархіи, то она должна быть ниспровергнута".

Такимъ образомъ Левъ XIII въ маѣ 1892 года вступилъ въ ряды „разрушителей" въ то самое время, когда его лейбъ-гвардія въ Германіи демонстративно объявляла своимъ призваніемъ защиту монархіи отъ разрушительныхъ стремленій соціалъ-демократіи. Одновременно съ окружнымъ посланіемъ папы къ французскому духовенству, нѣмецкая ультрамонтанская пресса опубликовала воззваніе по поводу устройства демонстраціи въ пользу

возстановленія свѣтской власти папы. Въ этомъ воззваніи, направленномъ противъ итальянской королевской власти „милостію Божіей“, между прочимъ высказывается мысль, что государства, относящіяся къ церковному авторитету равнодушно или недовѣрчиво, все болѣе подпадаютъ власти революціи; низверженіе трона и разрушеніе общественнаго порядка неизбѣжно, если сила революціи не будетъ сломлена самимъ Богомъ, который призоветъ князей и народы къ покаянію. Въ то же самое время, какъ лейбъ-гвардія папы въ Германіи усердно занималась антиреволюціонной пропагандой, самъ папа призналъ французскую республику, это дѣтище революціи, и даже болѣе, онъ призналъ право самой революціи. По эту сторону Рейна католическое духовенство является опорою трона и защитою власти „Милостію Божіею“, во Франціи же оно защищаетъ республику и вступаетъ въ союзъ съ „дѣтьми сатаны“, которыя низложили власть, дарованную „милостію Божіею“, а носителей ея отправили на эшафотъ.

Чѣмъ заслужила французская республика подобное благоволеніе папы? Направленіе ея церковной политики не даетъ этому объясненія. Она стала въ рѣзкое противорѣчіе съ куріей, особенно вслѣдствіе отдѣленія школы отъ церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство націи видѣло въ клерикализмѣ злѣйшаго врага республики. И все-таки церковь взяла на себя иниціативу въ дѣлѣ примиренія съ республикой.

Чѣмъ это объяснить? Въ нѣмецкой прессѣ тогда было высказано мнѣніе, что курія разсматриваетъ республиканскій режимъ во Франціи, какъ окончательно установившійся, и что Лавижери и Фава такъ же, какъ и папа, высказали по этому вопросу свое искреннее убѣжденіе. Конечно, было бы не особенно удивительно, если бы церковь, правильно понявъ знаменіе времени, предприняла пере-

смотръ догмы о божественномъ происхожденіи власти въ демократическомъ духѣ и стала бы считаться съ непрерывнымъ развитіемъ этого духа. Недаромъ австрійскій епископъ Штрасмейеръ, незадолго до примиренія папы съ французской республикой, заявилъ, что черезъ 50 лѣтъ не должно быть въ Европѣ ни одной короны, и добрый русскій народъ представитъ самый лучшій республиканскій элементъ; и тогда соединеніе католической и православной церкви будетъ лишь вопросомъ времени!

Замѣтимъ, что во Франціи идея „христіанской демократіи“ не нова. Прудонъ [1] цитируетъ по аббату Ленуару: „Народъ есть настоящій, непосредственно Богомъ поставленный суверенъ. Всеобщее избирательное право есть то средство, при помощи котораго онъ проявляетъ свою волю. Однажды аббатъ Лакордеръ выразилъ ту же мысль такими словами: „Богъ сказалъ націямъ: Идите и управляйтесь“.

Прудонъ по этому поводу замѣчаетъ: „Итакъ, по воззрѣніямъ католической и новохристіанской демократіи, народъ, этотъ коллективный выразитель воли Бога, дѣйствуетъ не вслѣдствіе собственнаго авторитета и имманентной справедливости; онъ является лишь, подобно Сивиллѣ, оракуломъ Божества. Его законъ, составляющій его религію, стоитъ выше, чѣмъ онъ самъ“.

Было бы очень понятно, если бы церковь, предвидя неизбѣжное и окончательное крушеніе монархизма, ради самосохраненія стала все болѣе приспособляться къ республикѣ, измѣнивъ соотвѣтственно свои догмы и признавъ республику „угодною Богу формою правленія“. Во всякомъ случаѣ церковь приложитъ всѣ усилія, чтобы не погибнуть вмѣстѣ съ монархіей; а это непремѣнно случилось бы, если

[1] Proudhon. Die Gerechtigkeit in der Rewolution und in der Kirche. Uebersetzt von Ludwig Pfau. Hamburg und Zürich 1858 S. 434.

бы она неразрывно связала свои интересы съ интересами монархіи. Курія надѣется сохранить свое значеніе и въ республикѣ; ея примирительная политика десять лѣтъ тому назадъ была направлена на великую цѣль возстановленія свѣтской власти папы, которая была уничтожена итальянскимъ народомъ въ интересахъ національнаго объединенія. Въ пользу этого проекта курія думала склонить Францію, тѣмъ болѣе что уничтоженіе единства Италіи путемъ возстановленія папской области соотвѣтствовало интересамъ союзной Россіи. Тогда Италія потеряла бы свое значеніе, какъ союзница Австріи и Германіи, и отъ этого выиграло бы могущество Россіи.

Ученіе, которое Левъ XIII развилъ въ своей энцикликѣ о христіанской демократіи, опубликованной въ „Osservatore Romano“ 27 января 1901 года, противорѣчитъ отчасти отношенію куріи къ французской республикѣ и признанію со стороны папы этой формы правленія. Онъ выводитъ выраженіе „христіанская демократія“ изъ понятія „христіанскаго соціализма“. Это выраженіе часто вызываетъ возраженія благомыслящихъ людей, которые видятъ въ немъ „опасный моментъ“, они боятся, что признаніемъ демократической формы правленія хотятъ нанести ущербъ лойяльному, государственному и церковному авторитету. Папа высказывается противъ того, что логически вытекаетъ изъ высказаннаго имъ 10-ю годами раньше положенія о неизбѣжной побѣдѣ республиканскихъ учрежденій. Изъ этого положенія вытекало, между прочимъ, что вѣрные сыны католической церкви во Франціи должны признавать республику единственной, современной и справедливой формой правленія. Одинъ изъ вождей этой христіанской демократіи, епископъ монсеньеръ Исваръ, заявилъ, ссылаясь на папское признаніе французской республики, что время монархіи прошло. Противъ этого протестовали консервативные элементы среди католиковъ. Левъ XIII тогда

принялъ слѣдующее своеобразное „примирительное“ опредѣленіе: не правильно понимать выраженіе „христіанская демократія“ въ политическомъ смыслѣ, это выраженіе нужно просто понимать, какъ христіанское соціальное попеченіе; поэтому ни въ теоріи, ни на практикѣ католикъ, работающій по соціальному вопросу, не долженъ ставить какую-либо одну форму правленія выше всѣхъ остальныхъ, ибо соціально-христіанскія стремленія соединимы со всякою формою государственной жизни; ошибочно думать, что работа на благо народа логически связана съ представленіемъ народнаго суверенитета, съ республикой, какъ единственно правильной формой правленія.

Папа говоритъ дословно слѣдующее: „Конечно, демократія въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ философы, означаетъ народное правленіе; но въ данномъ случаѣ слѣдуетъ понимать демократію, какъ благодѣтельное христіанское воздѣйствіе на народъ, отбросивъ въ этомъ понятіи всѣ политическія примѣси. Ибо требованія природы и Евангелія совершенно независимы отъ земныхъ измѣнчивыхъ условій и потому не могутъ ставиться въ зависимость отъ какой-либо формы правленія; наоборотъ, они соединимы со всякимъ образомъ правленія, если онъ не противорѣчитъ нравственности и справедливости... Таково было неизмѣнное ученіе церкви; папы всегда руководствовались этимъ ученіемъ въ своихъ отношеніяхъ къ государствамъ, каково бы ни было ихъ устройство. На этомъ основаніи католикъ, защищая интересы неимущихъ, ни теоретически, ни практически не можетъ отдавать предпочтеніе одной формѣ правленія передъ другими“.

Безъ сомнѣнія, этими разсужденіями Левъ XIII хотѣлъ установить единеніе между католиками-демократами, т. е. республиканцами, и католиками-монархистами. Церковь никакъ не можетъ ожидать монархическихъ убѣжденій отъ католиковъ и въ

частности отъ католическаго духовенства въ американскихъ республикахъ, въ Швейцаріи и во Франціи; ибо французовъ самъ Левъ XIII убѣждалъ почитать республику, какъ угодную Богу форму правленія. Съ другой стороны, Левъ XIII не могъ оставить безъ вниманія консервативные элементы, для которыхъ слова „демократъ и республика“ заключаютъ въ себѣ не католическое понятіе. Такое опредѣленіе этихъ понятій было дано консервативными католиками на общемъ собраніи клерикальныхъ союзовъ въ Римѣ въ іюнѣ 1900 г. Это не помѣшало нунцію Мегліо сказать на этомъ собраніи: „Намъ можетъ помочь только революція“, — т. е. только насильственное ниспроверженіе монархіи въ Италіи; отъ демократіи, отъ республики курія можетъ ожидать возстановленія церковной области.

Въ опубликованномъ 18 декабря 1903 г. Motuproprio [1] папа Пій X объявляетъ: „Христіанская демократія должна быть понимаема въ авторитетно установленномъ смыслѣ его предшественника Льва XIII. Между девятнадцатью „Основными правилами публичной дѣятельности въ христіанскомъ народѣ“, установленными этимъ Motuproprio, мы находимъ слѣдующее: „Христіанская демократія не должна вмѣшиваться въ политику и не можетъ служить какимъ-либо политическимъ партіямъ или политическимъ цѣлямъ. Христіанскіе демократы въ Италіи должны воздержаться отъ участія въ политической дѣятельности, которая, при современныхъ условіяхъ изъ соображеній высокой важности, воспрещается всякому католику“. Эти предписанія, данныя въ силу апостольскаго авторитета представляютъ изъ себя нелѣпое извращеніе понятія „демократія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическое лицемѣріе. Ибо на самомъ дѣлѣ папа ни на минуту не заду-

[1] Дословно опубликовано въ № 1081 газеты „Kölnische Volkszeitung“. Названіемъ „Motuproprio“ со врёменъ Иннокентія VIII на ватиканскомъ языкѣ обозначается то, что обыкновенно называютъ рескриптомъ.

мался бы опереться на „христіанскую демократію“ для приведенія въ исполненіе политическаго переворота — возстановленія церковнаго государства, если бы этотъ переворотъ имѣлъ шансы на успѣхъ. На самомъ же дѣлѣ курія хочетъ воспрепятствовать проявленію въ средѣ католическихъ работниковъ дѣйствительнаго демократическаго духа, который толкаетъ ихъ къ самостоятельной политической дѣятельности, возможной лишь въ союзѣ съ соціалъ-демократіей.

Пій X, воспрещая „христіанской демократіи“ всякое вмѣшательство въ политику, дѣлаетъ этимъ уступку монархіи. Очевидно, онъ дѣйствуетъ въ томъ разсчетѣ, что, заключивъ союзъ съ монархизмомъ, курія скорѣе добьется своей главной цѣли — возстановленія свѣтской власти папъ.

Глава IV.

Монархическія и антимонархическія теоріи въ XVI и XVII вѣкахъ.

1. Макіавелли о верховной власти.

Къ критикѣ его взглядовъ. — Ложное толкованіе ихъ и правильное освѣщеніе.

Въ то время, когда Лютеръ начиналъ свою реформаторскую дѣятельность, имѣвшую впослѣдствіи столь важное вліяніе на развитіе верховной власти государей, итальянецъ Николо Макіавелли написалъ свою книгу „Государь“; въ ней впервые была разработана такъ называемая политическая наука [1].

Совѣты, которые даются въ этой книгѣ государямъ, доставили ей столь печальную извѣстность, что именемъ ея автора стала называться всякая безнравственная, коварная и вѣроломная политика. Ниже мы даемъ въ сжатомъ видѣ главнѣйшія положенія Макіавелли.—„Если завоеватели и покоренные принадлежатъ къ одному племени и говорятъ однимъ языкомъ съ повелителями, то для закрѣпленія власти побѣдителей необходимо истребить династію прежнихъ правителей“.—„По отношенію къ побѣжденнымъ необходимо одно изъ двухъ: или льстить имъ, или уничтожить ихъ“.—Относительно же власти, пріобрѣтенной при помощи преступленій (какъ напр., убійство, измѣна и т. п., како-

[1] Макіавелли умеръ въ 1527 г. Книга появилась въ 1532 г. въ Римѣ. Мы придерживаемся перевода v. Grützmacher: „Der Fürst“ von Nicolo Machiavelli. Berlin 1870.

выхъ примѣровъ очень много въ исторіи) говорится слѣдующее: „Жестокость достигаетъ своей цѣли лишь тогда, когда она совершается за одинъ разъ и когда нѣтъ необходимости въ ея повтореніи; къ отрицательнымъ результатамъ приводитъ та жестокость, которая, не будучи особенно ощутительной сначала, съ теченіемъ времени не только не уменьшается, но даже увеличивается".—„Всякій государь, желающій удержать за собою власть, долженъ научиться жестокости, но пользоваться ею лишь по мѣрѣ надобности". — „Государь долженъ внушать къ себѣ страхъ и, если это окажется необходимымъ, не щадить чужой жизни".—„По отношенію же къ войску „государь не долженъ бояться прослыть жестокимъ, такъ какъ безъ жестокости нельзя поддержать единства въ войскѣ". — „Опытъ доказываетъ, что тѣ государи совершали великіе дѣла, которые придавали мало значенія вѣрности данному слову и умѣли лукавствомъ затуманивать умы людей; въ концѣ концовъ они одерживали верхъ надъ тѣми, которые дѣйствовали открыто и честно". — Государь „долженъ быть лисой, чтобы не попасть въ западню и львомъ, чтобы устрашать волковъ".—„Лучше другихъ устраивался тотъ, кто искуснѣе игралъ роль лисы. Нужно только тщательно скрывать свою лисью натуру, и простодушные люди будутъ повиноваться".—Поступки людей, а особенно государей, неподсудные трибуналамъ, оцѣниваются лишь по успѣху или неуспѣху ихъ.— „Пусть государь заботится только о побѣдѣ и объ утвержденіи своего господства, и всѣ средства, какія бы онъ ни употреблялъ для этого, будутъ признаны справедливыми и достойными похвалы, ибо толпа всегда увлекается блескомъ и успѣхомъ".

Это ученіе Макіавелли является руководствомъ для государей въ ихъ политикѣ, которая для достиженія своей цѣли попираетъ всѣ законы морали, права и справедливости. Поэтому противъ

него было выставлено много возраженій; прусскій король Фридрихъ Великій, этотъ „философъ на тронѣ“ съ негодованіемъ оспаривалъ ученіе Макіавелли [1]. Намъ представляется, что подобное негодованіе совершенно неумѣстно, въ особенности, если оно исходитъ отъ абсолютнаго монарха. Вопросъ же о томъ, соотвѣтствуетъ ли оно въ дѣйствительности убѣжденіямъ Фридриха II, не представляетъ особой важности; нетрудно однако доказать, что и въ его государственной политикѣ заключается значительная доля „макіавеллизма“, хотя этотъ макіавеллизмъ пытались окрасить названіемъ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Несомнѣнно, что только благодаря этой политикѣ онъ былъ въ состояніи сохранить и укрѣпить власть Гогенцоллерновъ и прусское государство. Тѣ способы, при помощи которыхъ въ его царствованіе производился рекрутскій наборъ — это „насиліе, совершаемое надъ нищетой“ — по выраженію фельдмаршала фонъ-Бойэна, и поистинѣ, варварское обращеніе съ солдатами только подтверждаютъ вышесказанное [2].

Противъ Макіавелли часто выставляется обвиненіе въ томъ, что онъ возвелъ іезуитскій принципъ „цѣль оправдываетъ средства“ въ руководящее начало всякой политики.

Вмѣсто того, чтобы предаваться по этому поводу морализирующему негодованію, слѣдуетъ прежде всего понять основную идею его произведенія. Существуетъ мнѣніе, согласно которому задачей Макіавелли было не изображеніе идеальнаго монарха, а наоборотъ, онъ хотѣлъ указать, какимъ не долженъ быть монархъ. Ему приписываютъ намѣреніе разоблачить всѣ злодѣянія и козни и

[1] Anti-Machiavell, Haag 1740. — Friedrich II. Anti-Machiavell. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ L. B. Förster. Berlin 1870 г.

[2] Относительно „просвѣщеннаго абсолютизма“ Фридриха II можно указать Mehring. Die Lessing-Legende. Stuttgart 1893. Erster Teil VI S. 49 ff und. VII S. 106 ff.

вообще все вѣроломство въ политикѣ, и такимъ образомъ возбудить противъ нихъ всеобщее негодованіе. Одинъ нѣмецкій писатель высказываетъ слѣдующее мнѣніе [1]:

„Никогда еще ни одинъ писатель не выступалъ столь вдохновеннымъ защитникомъ демократіи, какъ Макіавелли. Никто бы не могъ больше унизить монархію и аристократію, чѣмъ это сдѣлалъ Макіавелли своимъ изложеніемъ ихъ сущности, своимъ изображеніемъ порочности и себялюбія государей и дворянъ съ одной стороны, и ихъ принциповъ, возбуждающихъ всеобщее отвращеніе,—съ другой".

Уже Гердеръ [2] энергично выступилъ противъ такого ошибочнаго толкованія книги Макіавелли, толкованія, которому, безъ сомнѣнія, значительную поддержку оказало произведеніе Фридриха Великаго. Во времена Макіавелли никакой правитель не выказывалъ желанія быть моралистомъ въ области политики.

Великіе и ничтожные тираны смѣялись надъ „трамонтанами" [3], которые вносили въ политику столь зловредныя понятія. Основной задачей политики являлось охраненіе интересовъ власти всѣми представляющимися средствами. „Подобной политики — говоритъ Гердеръ — придерживались короли, князья, государственные министры. Она была признана во всѣхъ политическихъ произведеніяхъ; почти каждый итальянскій городъ въ продолженіе столѣтій представлялъ арену для такой политической дѣятельности. И Макіавелли написалъ своего „Государя" совершенно въ духѣ понятій того времени и на основаніи событій, разыгравшихся на

---

[1] E. Welker in Rottecks. „Enzyklopaedie der Saemtlichen Staatswissenschaften." 9 т. Альтона 1843.

[2] Herder: Briefe zur Beförderungen der Humanität. Fünfte Sammlung Br. 58.

[3] Это слово, употребляемое Гердеромъ, производное отъ итальянскаго слова Tramontane — черезъ горы.

памяти современниковъ. Изъ нихъ онъ вывелъ свои положенія, которыя доказалъ многочисленными примѣрами... Поэтому книга Макіавелли не представляетъ изъ себя ни сатиры, ни нравоучительнаго произведенія, ни чего-либо средняго между этими видами литературы; это—чисто политическое мастерское произведеніе, написанное для итальянскихъ государей того времени, соотвѣтственно ихъ вкусамъ и ихъ принципамъ. И Макіавелли написалъ его совершенно объективно: безъ любви и ненависти, безъ одобренія и порицанія. Такъ какъ онъ разсматриваетъ исторію, какъ разсказъ о природныхъ задаткахъ человѣчества, то его изображеніе государя является продуктомъ вкусовъ, стремленій, „всѣхъ чертъ характера, присущихъ государямъ".

Гольцендорфъ замѣчаетъ, что излагаемые Макіавелли цѣлесообразные способы для усиленія верховной власти, фактически соотвѣтствовали тому зародышу абсолютизма, который заключается въ самомъ юридическомъ опредѣленіи верховной власти; онъ утверждаетъ, что принципы, составляющіе сущность такъ называемаго „макіавеллизма", фактически проводились въ жизнь уже столѣтія, но не были открыто объявлены программой дипломатіи, вытекающей изъ историческихъ фактовъ. Такъ что появленіе книги Макіавелли вовсе не было причиной того, что государственная политика почти всѣхъ монархій — за исключеніемъ Англіи и отпавшихъ отъ Испаніи Нидерландовъ, гдѣ былъ парламентскій образъ правленія—руководствовалась этой программой, которая стала какъ бы символомъ вѣры власть имущихъ.

Также и Грютцмахеръ[1] выступаетъ противъ неправильнаго толкованія книги Макіавелли. Онъ придаетъ большое значеніе той объективности и холодному безпристрастію, съ какими Макіавелли дѣлаетъ свои выводы и устанавливаетъ принципы,

[1] Предисловіе къ цитированному переводу, стр. IX.

являющіеся такимъ образомъ одной только наружной комбинаціей. На основаніи богатѣйшаго историческаго матеріала онъ указываетъ средство, къ которому всякій государь, если онъ желаетъ утвердиться, неизбѣжнымъ образомъ долженъ прибѣгать, какъ бы безчестно это средство ни было. Поэтому Макіавелли на смѣшное обвиненіе въ томъ, что онъ „училъ“ государей порабощать народы (какъ будто они нуждались въ подобной наукѣ!) отвѣчаетъ: „а народы—освобождаться отъ своего рабства“. Изложеніе того, какъ долженъ дѣйствовать государь для упроченія своего трона, обнаруживаетъ уязвимыя стороны государя. Макіавелли говоритъ, что государь, стремящійся къ утвержденію своей власти можетъ быть названъ „душителемъ человѣчества, палачемъ коронованнымъ или добивающимся короны [1], что въ большинствѣ случаевъ вполнѣ согласовалось съ дѣйствительностью“. Грютцмахеръ замѣчаетъ: „Никто не будетъ серьезно утверждать, что государь-завоеватель можетъ защищать свой тронъ средствами, согласными съ требованіемъ строгой морали, и весьма мало было такихъ государей, которые въ подобныхъ случаяхъ не считали бы себя въ правѣ употреблять всякія средства, ведущія къ цѣли“.

Не Макіавелли ввелъ въ политику принципъ „цѣль оправдываетъ средства“; не изобрѣли его также іезуиты, послѣдователи Лойолы; много раньше онъ сдѣлался руководящимъ началомъ всякой политики. О немъ упоминаетъ уже Аристотель въ своемъ разсужденіи о томъ, какъ слѣдуетъ поступать тирану для укрѣпленія своей власти [2]. Кантъ говоритъ, что ни одному философу не удалось согласовать принципы высшей политики съ принципами морали. Намъ не нужно искать въ прошломъ

[1] Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. 9 кн. IV.

[2] Aristoteles Politik, переводъ съ комментаріями Карла Штара и Адольфа Штара. Штуттгартъ 1860.

примѣровъ того, какъ часто погрѣшала противъ морали и справедливости высшая политика, какъ она дѣйствовала въ полномъ согласіи съ „ученіемъ“ Макіавелли; множество примѣровъ тому можно найти и въ нашей современности.

2. Реформаторы и власть государей.

Нападки Лютера на государей. — Защита Лютеромъ государей противъ крестьянъ. — Ученіе Лютера и другихъ реформаторовъ о безусловномъ повиновеніи подданныхъ. — Фридрихъ Великій о реформаторахъ. — Критика раболѣпной политики лютеранства. — Ученіе Кальвина.

Что бы ни говорили противъ Макіавелли ограниченные и лицемѣрные проповѣдники морали, онъ не погрѣшилъ противъ прогресса, человѣчества, свободы и блага народовъ тѣмъ, что изобразилъ государей при свѣтѣ исторической правды. Но подобное тяжкое обвиненіе можно выставить противъ „великихъ реформаторовъ“, и, главнымъ образомъ, противъ Лютера.

Въ то время, когда произошло возстаніе Франца ф. Зикингена противъ „духовныхъ волковъ и княжеской тираніи“, среди католиковъ въ особенности, была распространена вѣра въ тѣсный союзъ между нимъ и Лютеромъ [1]. Правда, Меланхтонъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ этого утвержденія, но оно получило значительное подкрѣпленіе благодаря опубликованію сочиненія Лютера „О свѣтской власти и о томъ, до какихъ предѣловъ должно распространяться повиновеніе ей“ [2]. (1 января 1523 г.).

Это произведеніе явилось результатомъ личной заинтересованности Лютера въ своемъ „реформаторскомъ дѣлѣ“. Онъ очень рѣзко нападалъ въ этомъ сочиненіи на тѣхъ властителей, которые враждебно относились къ его „Евангелію“ и запре-

[1] Joh. Janssen. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters II Bd. S. 242.

[2] Luther M. Sämtliche Werke. Herausgegeben von I. G. Plochmann und I. A. Irmischer. Erlangen 1826—1868, 22 Bd. S. 59 ff.

щали продажу его книгъ и переводовъ. Уже раньше, высказываясь по поводу „12 статей", которыя ему были присланы возставшими крестьянами, какъ первому, призванному объявлять божественное право, онъ писалъ по адресу властителей: „Это не крестьяне возстали противъ васъ, это самъ Богъ наказываетъ васъ за вашу жестокость". Онъ называетъ крестьянъ „своими милыми господами и братьями"; „приходится, къ сожалѣнію, признать вполнѣ вѣрнымъ, что князья и государи невыносимо обременяютъ народъ, за что они достойны того, чтобы Богъ свергнулъ ихъ съ троновъ; они вредятъ простолюдину, его имуществу, его душѣ и тѣлу; отнынѣ крестьяне не въ состояніи болѣе терпѣть и имѣютъ полное основаніе, вооружившись цѣпами и дубинами, поступать такъ, какъ грозитъ Карстгансъ [1].

22 марта 1522 г. Лютеръ писалъ Венцелю Линку: „народъ уже не то, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ. Князья должны знать, что надъ ихъ головами виситъ мечъ гражданской войны". Въ упомянутомъ сочиненіи онъ говоритъ о князьяхъ въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ: „Всемогущій Богъ лишилъ нашихъ князей разсудка, и они воображаютъ, что могутъ распоряжаться своими подданными, какъ только имъ угодно". „Они присвоили себѣ право запрещать книги, направлять совѣсть и вѣру и по своему безумію читать наставленія самому Св. Духу". Это „неистовство глупцовъ" доходитъ до „поношенія Божьяго величія". Подъ опасеніемъ лишиться вѣчнаго блаженства крестьяне не должны подчиняться имъ. Богъ самъ постановилъ, чтобы князья поступали такъ безумно. Онъ ихъ лишилъ разума и хочетъ покончить съ ними точно такъ же, какъ и съ духовными дворянами. Свѣтскіе властители призваны управлять страной и людьми, но они этого не дѣлаютъ. „Они могутъ лишь мучить,

[1] Sämtliche Werke 22 Bd. S. 43 ff.

сдирать однѣ подати за другими, однѣ пошлины за другими, выпускать на народъ волковъ и медвѣдей, и при всемъ этомъ нѣтъ ни права, ни вѣрности, ни правды... они поступаютъ хуже разбойниковъ, и ихъ свѣтская власть пала такъ же низко, какъ и управленіе духовныхъ тирановъ". „Съ самаго сотворенія міра большой рѣдкостью былъ умный государь, но еще большей—благочестивый государь". „Они величайшіе глупцы или гнуснѣйшіе негодяи на землѣ, и поэтому должно ожидать отъ нихъ всего самаго худшаго". Въ 107 псалмѣ сказано: „Богъ излилъ свое негодованіе на князей". Но Богъ больше не допуститъ этого. Теперь уже не тѣ времена, какъ прежде, когда вы охотились на людей, какъ на дичь".

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ „Божій избранникъ", такъ рѣзко отчитывавшій князей, совершенно измѣнился. Онъ провозглашалъ „всеобщее священство", всеобщую власть милостію Божіей, конечно, въ мистической формѣ; теперь крестьяне пожелали сдѣлать выводы изъ этого заявленія, — осуществить равенство и уничтожить власть. Въ проектѣ реформъ, составленномъ франконскими крестьянами, требуется родъ республиканскаго государственнаго устройства на основаніи конституціи, выработанной народнымъ парламентомъ. Весь существующій государственный строй долженъ рухнуть. Тамъ сказано, между прочимъ: „Было бы хорошо, если бы всѣ свѣтскіе законы, существовавшіе до сихъ поръ въ имперіи, были упразднены, а вмѣсто нихъ было введено божественное и естественное право. Въ силу этого бѣдные пользовались бы такимъ же покровительствомъ закона, какъ и самые богатые и знатные". Также и „земское уложеніе" Михаила Гайсмайера стремится къ установленію порядка такого же рода. Въ одномъ анонимномъ воззваніи „къ собранію всѣхъ сельскихъ обществъ въ южной Германіи" требуется уничтоженіе всякой наслѣд-

ственной власти, ибо она вредна общему благу; правительство должно быть избираемо народомъ на опредѣленное время. Князьямъ, „наемникамъ дьявола“ и тиранамъ, которые наслаждались въ то время, какъ простолюдинъ нищенствовалъ, угрожалъ день возмездія. И все это съ ссылками на Бога и на Библію!

Какъ же Лютеръ относился къ этимъ выводамъ изъ его собственнаго ученія? Онъ отлично понялъ, что въ его интересахъ было склонить на свою сторону княжескую власть. Непослѣдовательность и беззастѣнчивость этого вывода его не устрашила. Онъ предоставилъ князьямъ широкій просторъ дѣятельности въ борьбѣ какъ съ императоромъ, такъ и съ народомъ [1].

Лютеръ хотѣлъ заставить служить своимъ интересамъ князей, стоящихъ въ оппозиціи къ императору и имперіи. И это ему удавалось. Онъ содѣйствовалъ этой нерѣдко измѣнническої оппозиціи, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ качествѣ „избранника Божія“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождалъ князей отъ присяги императору, что вполнѣ согласовалось съ его религіозными убѣжденіями, особенно, если онъ отъ короля не могъ надѣяться на какую-нибудь выгоду для себя.

Фридрихъ Великій по этому поводу высказываетъ очень рѣзкое сужденіе. Въ письмѣ къ Вольтеру онъ говоритъ, что сѣверные князья безспорно многимъ обязаны Лютеру и Кальвину. „Ибо, — говоритъ онъ,—эти, въ общемъ жалкіе люди, Лютеръ и Кальвинъ, освободили князей отъ ига духовенства и посредствомъ секуляризаціи духовныхъ имуществъ въ значительной степени умножили ихъ доходы“. Въ другомъ письмѣ король высказываетъ слѣдующее: „Реформація, если ее разсматривать со стороны ея побудительныхъ причинъ, является слѣдствіемъ столкновенія интересовъ. Нельзя со-

[1] Treumann a. a. O. S. 29.

гласиться съ тѣмъ, что Лютеръ и Кальвинъ были выдающимися людьми, ибо весьма часто посредственности достигаютъ своей цѣли, если только обстоятельства складываются благопріятно“ [1].

Лютеръ, въ благодарность своимъ высокимъ покровителямъ, которые старались использовать Реформацію исключительно въ интересахъ своей власти, установилъ неслыханное до тѣхъ поръ ученіе о безусловномъ подчиненіи власти, установленной Богомъ,—монархической власти; власть происходитъ отъ Бога и кто противъ нея возстаетъ, тотъ неправъ, какъ бы ни было справедливо его дѣло. Къ безсмысленному ученію о слѣпомъ подчиненіи подданныхъ онъ присоединилъ фанатическое опредѣленіе самой строгой власти надъ народомъ. „Св. Писаніе“, т. е. Библія — говоритъ онъ въ 1526 г.—уподобляетъ власть тюремщику и погонщику, который долженъ хлестать осла прутомъ, иначе онъ не сдвинется съ мѣста; точно такъ же и власть обязана бить, гнать, душить, вѣшать, убивать и колесовать чернь, чтобы внушить ей страхъ и, такимъ образомъ, обуздать народъ. Ибо Богъ не желаетъ, чтобы законъ былъ направленъ исключительно на защиту народа, но долженъ его подгонять, управлять имъ и силой заставлять работать. Если же все только потакать народу и не принуждать его ни къ чему, то изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Власть, въ качествѣ блюстителя законовъ, должна гнать грубую чернь, какъ гонятъ свиней и дикихъ звѣрей“ [2].

Генрихъ ф.-Эйнзидель, почувствовавъ угрызенія совѣсти по поводу барщины, которая ложилась тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, обратился за совѣтомъ къ Лютеру и получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Барщина налагается на людей или въ видѣ наказанія за ихъ преступленія, или же по взаимному

[1] Oeuvres de Frideric II. Berlin 1879 Bd. 1. S. 18.
[2] Luthers sämtliche Werke Bd. 33 S. 389.

договору; а потому нечего безпокоиться по этому поводу. Было бы очень дурно, если бы уничтожилось право налагать барщину, ибо простолюдина необходимо обременять работой, иначе онъ станетъ слишкомъ своевольнымъ“ [1]. Далѣе можно указать на сочиненіе Лютера „о разбойническихъ шайкахъ крестьянъ“. „Если они не слушаются словъ—они послушаются оружія, и это имъ будетъ подѣломъ“. „Пора ихъ передушить, какъ бѣшеныхъ собакъ; власть должна душить и убивать явно или тайно и помнить, что возставшій крестьянинъ есть добыча ада; власть можетъ такъ поступать съ чистой совѣстью и съ полнымъ правомъ“. „Поэтому, любезные властители, убивайте и душите, какъ только можете. Если ты умрешь въ такомъ дѣлѣ—благо тебѣ—нигдѣ ты не встрѣтилъ бы болѣе блаженной смерти“ [2].

Это „благочестивое“ наставленіе вызвало негодованіе даже у приверженцевъ Лютера. Но онъ объяснилъ, что написалъ такъ по „Божьему повелѣнію“; много лѣтъ спустя онъ сказалъ: „Я, Мартинъ Лютеръ, причастенъ къ убійству всѣхъ крестьянъ, погибшихъ во время возстанія, ибо я призывалъ убивать ихъ; вся ихъ кровь на мнѣ. Но я указываю на нашего Господа Бога, повелѣвшаго мнѣ это говорить“. Въ посланіи къ манефельдскому канцлеру Каспару Мюллеру онъ употребляетъ слѣдующія выраженія: „Слѣдовало мужиковъ такъ проучить, чтобы у нихъ отлетѣли головы. Намъ толкуютъ о милосердіи, а слово Божье повелѣваетъ почитать короля и уничтожать мятежниковъ. И поэтому моя книжечка, а именно, сочиненіе противъ крестьянъ—справедлива и такою останется, хотя бы весь міръ былъ противъ нея. Какъ я до сихъ поръ писалъ, такъ и теперь продолжаю писать: пусть

[1] Klapp. Kleine Nachlese einiger Urkunden aus der Reformationsgeschichte.
[2] Luther sämtliche Werke. 24. 284.

никто не жалѣетъ этихъ упорныхъ, закоснѣлыхъ, ожесточенныхъ, ослѣпленныхъ мужиковъ, но каждый, кто только можетъ и какъ можетъ, пусть бьетъ, душитъ и убиваетъ ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ".

Хотя раньше онъ признавалъ печальное положеніе крестьянъ и соболѣзновалъ, тѣмъ не менѣе въ 1529 г. онъ писалъ: „Крестьяне находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ князья. Меня смущаютъ крестьяне, которые сами хотятъ управлять и не признаютъ, что они всѣмъ своимъ благосостояніемъ обязаны защитѣ и помощи князей. Несчастные, грубые мужики и ослы, поймете ли вы это, наконецъ? Пусть васъ поразитъ молнія! Вы берете лучшее изъ винограда, все что годно къ употребленію и приноситъ пользу, его сокъ, а князьямъ оставляете шелуху и косточки". [1]

Сильную поддержку своимъ воззрѣніямъ о „вѣрноподданническомъ долгѣ простолюдина" и о безграничномъ могуществѣ свѣтской власти, Лютеръ встрѣтилъ со стороны своего друга Меланхтона. Этотъ послѣдній также защищалъ крѣпостное право, какъ божественное установленіе. По его мнѣнію, только тотъ служитъ Богу, кто служитъ властямъ. Подданные должны считать начальство мудрымъ и справедливымъ, а его волю — волею Бога. „Хотя бы князь совершалъ несправедливости и сдиралъ съ тебя шкуру, все же ты не долженъ возставать противъ него. Евангеліе требуетъ, чтобы мы переносили всякія обиды не только со стороны начальства, но и со стороны каждаго человѣка".

Если пошлины и налоги, которые каждый обязанъ платить начальству, употребляются послѣднимъ неправильно, то подданный не долженъ объ этомъ безпокоиться; ибо „какое тебѣ до этого дѣло? Вѣдь все-таки ты долженъ платить то, что начальство установило". Крестьяне совершаютъ

[1] Luthers sämtliche Werke 33, S. 389 und 36, S. 175.

„несчастіе и преступленіе, когда отказываются быть крѣпостными“. Это противорѣчитъ евангельскому ученію. „Слѣдовало бы, чтобы такой дикій и необузданный народъ, какъ нѣмцы, имѣлъ еще меньше свободы, чѣмъ онъ имѣетъ. Іосифъ Египетскій совѣтовалъ не ослаблять слишкомъ узду народа“.

Высказавшись такимъ образомъ за неограниченную княжескую власть, Меланхтонъ склоняетъ князей къ захвату духовныхъ имуществъ и къ вмѣшательству во внутренніе распорядки церкви. Князья должны уничтожать всѣхъ сопротивляющихся [1].

Очень рѣзко высказывается за безграничную власть правителей надъ подданными и Мартинъ Буцеръ, даже въ вопросахъ вѣры и совѣсти. По его мнѣнію, нужно подчиняться всякой власти безъ различія, ибо, гдѣ власть, тамъ и право. Если даже правительство даетъ приказаніе, противорѣчащее заповѣди Божіей, то подданный долженъ повиноваться, ибо слѣдуетъ принять, что въ такомъ случаѣ Богъ хочетъ наказать его. Такъ какъ правительство обладаетъ верховною властью, то ему принадлежитъ право надзора за религіей; оно должно заботиться о праведной жизни подданныхъ, а такъ какъ только религія даетъ правила благочестивой жизни, то на начальствѣ лежитъ забота объ истинной религіи. Огнемъ и мечомъ нужно уничтожать тѣхъ, кто исповѣдуетъ ложную религію, ибо она— мать всѣхъ пороковъ; такихъ людей слѣдуетъ наказывать гораздо строже, чѣмъ воровъ, разбойниковъ и убійцъ; даже жены, невинныя дѣти и скотъ такихъ людей должны быть задушены [2].

Весьма понятно, что подобное ученіе пришлось по душѣ свѣтскимъ властителямъ, и что многіе изъ нихъ приняли его, ссылаясь на „любовь къ Еван-

[1] Сочиненіе Меланхтона противъ требованій крестьянъ въ 1525 г. см. Jansen: Geschichte des deutschen Volkes etc. II Bd. S. 577 ff.

[2] Hager. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter. 2 Ausgabe Frankfurt 1868 г. III Bd. S. 154 ff.

гелію". По нашему мнѣнію, это ученіе оказалось для народа по меньшей мѣрѣ столь же роковымъ, какъ и ученіе объ абсолютномъ, божественномъ авторитетѣ папства.

Уже Севастіанъ Франкъ, бывшій противникомъ старой церкви (умеръ въ 1543 году), жаловался, что при папствѣ было гораздо свободнѣе; „пороки князей и господъ тогда наказывались, а теперь во всемъ надо угождать властямъ, чтобы не быть обвиненнымъ въ мятежѣ. Боже упаси! Каждый вѣруетъ такъ, какъ прикажетъ начальство, и долженъ поклоняться земному Богу!"

Протестантскій историкъ Шерръ пишетъ: „Лютеръ — истинный основатель ученія о безусловномъ подчиненіи властямъ".

„Что два да пять составляетъ семь, это ты можешь понять своимъ умомъ, но если начальство говоритъ, что два да пять восемь,—то ты долженъ этому вѣрить, хотя бы твой разумъ и чувство показывали противное". Вотъ до чего довели права разума, провозглашенныя Лютеромъ въ началѣ его карьеры! „Понятно, что нѣмецкимъ князьямъ очень нравилась рабская политика лютеранства" [1].

Другой протестантскій писатель Бензенъ принужденъ былъ произнести такой приговоръ:

„Старая католическая церковь, по крайней мѣрѣ въ своемъ ученіи, никогда не одобряла притѣсненій, совершаемыхъ отдѣльными духовными или свѣтскими властителями, но энергично и, большею частью, побѣдоносно защищала права человѣка и народа даже противъ императора. Протестантскіе реформаторы, наоборотъ, навлекли на себя обвиненіе въ томъ, что они впервые стали проповѣдывать среди германцевъ рабскій духъ и самовластіе" [2].

Разница между ученіями Кальвина и Лютера

[1] Scherr. Deutsche Kultur- und Sittengeschichte. 3 Auflage. Leipzig 1866. S. 260.

[2] Bensen. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken. Erlangen 1840. S. 275.

заключается въ слѣдующемъ: для женевскаго реформатора государство составляетъ лишь одно изъ внѣшнихъ средствъ для спасенія души. Правда, и для него власть является божественнымъ установленіемъ, однако хотя библія и рекомендуетъ единовластіе, все же нельзя сказать, что это наилучшая форма правленія. Рѣшеніе вопроса о формѣ правленія зависитъ отъ особенныхъ условій въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ.

Впрочемъ и Кальвинъ учитъ, что подданные должны почитать власть, какъ божественное учрежденіе; даже если носители власти злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ, подданные должны подчиняться, ибо „такова воля Бога“. Въ этомъ Кальвинъ вполнѣ согласенъ съ Лютеромъ.

Но далѣе онъ говоритъ, что милость Божія болѣе всего проявляется въ случаѣ злоупотребленія властью, ибо онъ посылаетъ человѣка, исполненнаго волею Божіею, который освобождаетъ народъ отъ тираніи. Правило, повелѣвающее повиноваться болѣе Богу, чѣмъ людямъ, Кальвинъ толкуетъ въ смыслѣ, неблагопріятномъ для властей. Этимъ онъ отнимаетъ почву у своего ученія о долгѣ послушанія; онъ допускаетъ возможность возстанія противъ власти, низверженія тираніи, хотя это, во всякомъ случаѣ, допустимо только для человѣка, избраннаго и одареннаго Богомъ. Лютеръ отказался отъ своей точки зрѣнія, согласно которой народъ имѣетъ право низвергать тирановъ; онъ установилъ догматъ безусловной неприкосновенности власти; по этому догмату народъ, угнетаемый князьями и господами, долженъ разсматривать эти притѣсненія, какъ попущеніе Бога и переносить ихъ терпѣливо и безъ ропота.

Далѣе мы увидимъ, что этотъ догматъ пріобрѣлъ вліяніе не только въ протестантскихъ монархіяхъ, но и у христіаннѣйшаго короля Людовика XIV Французскаго, который положилъ его въ основу своей самодержавной системы.

3. Іезуиты и власть государей.

Іезуиты, какъ противники теократической идеи.—Ихъ вліяніе на политику католическихъ государей. — Католическіе государи, какъ орудіе іезуитовъ.—Іезуиты, въ противность Лютеру, проповѣдуютъ суверенитетъ народа.

Гирке [1] яркими красками изображаетъ ослабленіе и окончательное разложеніе теократической идеи въ теченіе среднихъ вѣковъ.

Философское ученіе о государствѣ, развившееся подъ вліяніемъ античныхъ идей, отняло почву у теократической доктрины. Идея государства, какъ божественнаго учрежденія, поблѣднѣла, ибо происхожденіе государства стало объясняться естественнымъ стремленіемъ людей; правда, божественная воля сохраняется, какъ дѣйствующая причина, но она выступаетъ уже въ роли causa remota (отдаленной причины). Далѣе права всѣхъ властвующихъ выводятся изъ воли подвластнаго народа; такимъ образомъ, исчезаетъ представленіе о томъ, что власть исходитъ непосредственно отъ Бога; положеніе о божественномъ происхожденіи власти сохраняетъ еще силу, но оно низводится на степень доктрины, въ силу которой народъ получаетъ отъ Бога право избирать себѣ правителей, и лишь посредствомъ этого избранія власть пріобрѣтаетъ божественную санкцію.

Когда же затѣмъ стали допускать свободный выборъ формы правленія, то божественное право монархіи было совершенно уничтожено. Это право было уже поколеблено принятіемъ аристотелевскаго ученія о формахъ государства; это ученіе оказало вліяніе и на Ѳому Аквинскаго, философскіе взгляды котораго на сущность и форму государства—совершенно аристотелевскіе, какъ это показываетъ его сочиненіе о власти монарховъ.

Такимъ образомъ, вырабатывается безцвѣтное

[1] Otto Gierke. Johannes Althusius und die Entwickelung naturrechtlichen Staatstheorien. Zweiter Teil I Kapitel, S. 61 ff.

положеніе, что, смотря по времени и по обстоятельствамъ, различныя формы государственнаго устройства могутъ соотвѣтствовать намѣреніямъ Божества; курія, какъ мы уже видѣли, и до сихъ поръ преклоняется передъ этимъ положеніемъ. Наконецъ, и въ этой области мѣсто схоластической философіи заступаетъ гуманистическое направленіе; гуманистическія воззрѣнія на государство, имѣющія болѣе или менѣе антично-языческую окраску, окончательно вытѣсняютъ теократическую доктрину. Позднѣе реформація оживила эту доктрину. „При всемъ различіи своихъ воззрѣній Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли и Кальвинъ сходились въ утвержденіи христіанскаго призванія и вытекавшаго отсюда божественнаго права власти. Подчиняя церковныя дѣла въ большей или меньшей степени вліянію государства и основывая права государства на выполненіи религіозныхъ обязанностей, они придаютъ словамъ ап. Павла: „всякая власть отъ Бога“ такой широкій смыслъ, какого эти слова никогда раньше не имѣли“ (Гирке).

Поэтому вполнѣ понятно, что именно злѣйшіе враги Реформаціи, а особенно іезуиты, доказывали всѣми средствами чисто свѣтскую конструкцію государства и правъ верховной власти. Они устанавливали рѣзкую противоположность церкви и государства, какъ противоположность между дѣломъ рукъ человѣческихъ и божественнымъ установленіемъ. Отсюда не трудно было сдѣлать выводъ о необходимости подчиненія свѣтской власти вліянію церкви.

Изъ этихъ взглядовъ совершенно естественно вытекаетъ и опредѣленная политическая дѣятельность. Но первоначально іезуитамъ, орденъ которыхъ былъ утвержденъ папою Павломъ III въ 1540 году, воспрещалась подобная дѣятельность. Они не должны были вмѣшиваться въ государственныя дѣла и свѣтскія отношенія даже, какъ духов-

ники государей. И со стороны общества раздавалось не мало предостерегающихъ голосовъ.

„Но никакія предостереженія и никакой горькій опытъ не могли заставить іезуитовъ отказаться отъ вмѣшательства въ политику, ибо, въ качествѣ милиціонеровъ воинствующей церкви, они неизбѣжно должны были вступить на этотъ путь. Такимъ образомъ, цѣль, которую преслѣдовалъ орденъ іезуитовъ, а именно преобладаніе папства въ государствѣ и въ церкви, сдѣлалась фатальною для его внутренняго развитія и внѣшней исторіи“ [1].

Вскорѣ іезуиты начали оказывать гибельное вліяніе на политику католическихъ государей: дѣло шло о новомъ подчиненіи европейскаго общества папской власти. Было невозможно вести успѣшную борьбу съ протестантизмомъ и Реформаціей безъ поддержки со стороны свѣтской власти. Поэтому іезуиты прежде всего стремились склонить государей къ искорененію протестантизма. Эти усилія не были безплодны. Такъ, въ 1558 году въ Баваріи была объявлена инквизиція для уничтоженія протестантизма. Герцогъ Альбрехтъ хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать свой народъ снова католическимъ, и это желаніе онъ осуществлялъ съ неумолимой строгостью.

Точно такъ же эрцгерцогъ Карлъ Штирійскій и эрцгерцогъ Фердинандъ, впослѣдствіи императоръ, производили кровавую расправу во исполненіе іезуитскихъ плановъ. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе австрійскіе князья [2].

Іезуиты являются виновниками того, что преданные имъ князья объявили невозможнымъ заключеніе Нюрнбергскаго религіознаго мира въ 1555 г.,

---

[1] Dr. Joh. Huber. Der Jesuitenorden nach seiner Verfassung und Doktrin, Wirksamkeit und Geschichte. Berlin 1873. II Kap. S. 101. — Тамъ изложены также и нѣкоторыя предостереженія, о которыхъ мы упомянули.

[2] Sugenheim. Geschichte der Jesuiten in Deutschland. Frankfurt a. M. 1847. I.

такъ какъ онъ былъ вреденъ для дѣла церкви; ихъ же вліянію слѣдуетъ приписать кровавую трагедію, разыгравшуюся въ Богеміи, гдѣ Фердинандъ самымъ жестокимъ образомъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, подавлялъ протестантизмъ.

Не безъ основанія Губеръ [1] утверждаетъ, что іезуиты являются главными зачинщиками Тридцатилѣтней войны.

„Тридцатилѣтняя война — на половину дѣло ордена іезуитовъ; князья, сражавшіеся въ этой ужасной борьбѣ за дѣло католицизма, были лишь орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ“ [2].

Въ Португаліи, Испаніи и Франціи іезуиты также пріобрѣли рѣшительное вліяніе на политику государей. „Они,—какъ говоритъ іезуитъ Жоржель,—при (португальскомъ) дворѣ были не только учителями совѣсти, но и совѣтниками короля и министровъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ“ [3]. Филиппъ II Испанскій нашелъ въ нихъ лучшихъ союзниковъ въ дѣлѣ водворенія самодержавной универсальной монархіи, въ которой должна быть терпима только римская церковь.

Они вызвали и поддерживали безнравственность и безстыдство королевскаго абсолютизма во Франціи и извлекали изъ этого выгоду для своего дѣла. Іезуитъ Эвдемонъ Іоанносъ объявляетъ Карла IX „достойнымъ безсмертія“, какъ организатора Варфоломеевской ночи [4].

И въ Англіи іезуиты проявили свою пагубную дѣятельность. Они совершенно подчинили своему вліянію Іакова II. О патерѣ Петрэ Маколей говоритъ, что онъ изъ всѣхъ злыхъ совѣтниковъ, имѣвшихъ доступъ къ королю, можетъ быть, болѣе всѣхъ способствовалъ паденію дома Стюартовъ [5]. Іезуит-

[1] a. a. O. S. 138.
[2] Ohrörer. Gustav Adolf. 2 Auflage. Stuttgart 1845. S. 261.
[3] Huber a. a. O. S. 152.
[4] Huber: a. a. O. S. 158.
[5] Macaulay. Englische Geschichte. Uebersetzt von Bülau III. S. 75.

ская камарилья склоняла короля къ различнымъ неразумнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ возстановленію католицизма. Доказано также, что іезуиты склоняли своихъ питомцевъ изъ англійскаго юношества къ заговорамъ не только противъ королевы Елизаветы, но и противъ свободы и независимости англійской націи, такъ какъ они имѣли въ виду вторженіе Филиппа II Испанскаго въ Англію. Въ іезуитской семинаріи убѣдили Саважа, что онъ легче всего достигнетъ „вѣчнаго спасенія“, убивъ королеву Елизавету; къ тому же былъ склоненъ и преданный Маріи Стюартъ Томасъ Бабингтонъ. Сейчасъ же послѣ убійства королевы должно было произойти возмущеніе католиковъ и высадка испанскихъ войскъ въ Англію. Однако планъ былъ открытъ, и Марія Стюартъ и Бабингтонъ поплатились жизнью [1].

Папа Пій V въ буллѣ Regnans in excelsis объявилъ отлученіе отъ церкви и низложеніе Елизаветы и сообща съ испанскимъ королемъ подослалъ къ ней Ридольфи. Папа Сикстъ V освободилъ подданныхъ отъ вѣрноподданнической присяги и призывалъ ихъ поддерживать Филиппа II въ войнѣ противъ королевы. Вслѣдствіе открытія порохового заговора, въ которомъ, какъ было доказано, принимали участіе іезуиты, парламентъ установилъ для католиковъ особую присягу; эта присяга не признавала за папою права низлагать короля и обязывала католиковъ сохранять вѣрность даже и въ случаѣ отлученія короля отъ церкви. Тогда іезуиты, съ Белларми и Суарецомъ во главѣ, составили Breve папы Пія V, который запрещалъ католикамъ произносить эту присягу, ибо она отрицаетъ право папы низлагать королей [2].

Іезуиты были послѣдователями ученія Ѳомы Аквинскаго. Они утверждали, что папа и въ земныхъ

[1] Ranke. Englische Geschichte. I. S. 286 ff. und 299.
[2] Denkschrift der heiligen Kongregation 1735.

дѣлахъ имѣетъ абсолютную власть, такъ что онъ можетъ приказывать государямъ, запрещать имъ несправедливыя войны, заставлять ихъ преслѣдовать еретиковъ, низлагать монарховъ, какъ вслѣдствіе совершеннаго грѣха, такъ и вслѣдствіе ихъ неспособности; онъ имѣетъ право разрѣшать подданныхъ отъ присяги; отнимать земли у однихъ князей и передавать другимъ и даже наказывать государей темницей и смертью [1].

Ученіе іезуитовъ о тираноубійствѣ мы разсмотримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ другими относящимися сюда фактами.

Въ противоположность Лютеру и другимъ, у іезуитовъ идея народовластія получила самое широкое толкованіе.

Лайнецъ на Тріентскомъ соборѣ объявилъ, что въ отличіе отъ церкви, представляющей абсолютную монархію, человѣческія общества сами устанавливаютъ правительство, и на этомъ основывается ихъ свобода; народъ является источникомъ всякой юрисдикціи и, передавая власть въ руки правительства, не отказывается тѣмъ самымъ отъ своихъ верховныхъ правъ. По ученію Белларми, государство возникаетъ въ силу установленнаго Богомъ закона природы, подчиняясь которому люди изъ своей среды избираютъ правительство и вручаютъ ему власть; итакъ, государственная власть основана на божественномъ правѣ; она принадлежитъ не отдѣльнымъ людямъ, а непосредственно цѣлому народу, который передаетъ ее одному или нѣсколькимъ лицамъ, всегда сохраняя за собою божественное право, распоряжаться этою властью по своему усмотрѣнію. Маріана еще рѣшительнѣе выступаетъ за право народовъ на самозащиту противъ тиранiи; въ своемъ, чуждомъ всякой теократической тенденціи сочиненіи „De rege et regis institutione“ онъ доказываетъ право народа требовать, чтобы установленные имъ

[1] Huber a. a. O. S. 240 ff.

законы были обязательны и для короля; если же король не исполняетъ этихъ законовъ, то народъ можетъ свергнуть его съ престола и даже казнить; народовластіе является единственной гарантіей отъ тираніи короля и разврата придворной камарильи. Это ученіе іезуитовъ, въ связи съ разсмотрѣнной уже политикой папства, подготовило весьма благодарную почву для развитія идеи народовластія, носителями которой въ XVI и XVII вѣкахъ явились „монархомахи"; о нихъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

4. Монархомахи.

Марсилій Падуанскій—основатель ученія монархомаховъ.—Изъ свободы вѣры и совѣсти возникаетъ вопросъ о предѣлахъ власти государей.—Борьба съ абсолютизмомъ.—Ученіе монархомаховъ о договорѣ между народомъ и правителемъ, о народовластіи, о народномъ представительствѣ и о правѣ революціи.—Ученіе Іоганна Альтузія о самодержавіи народа.—Первый случай практическаго проведенія ученія монархомаховъ.

Тенденція и задачи монархомаховъ, какъ это убѣдительно доказываетъ Трейманъ, возникли на религіозной почвѣ и были насквозь проникнуты революціоннымъ духомъ[1]. Предшественникомъ монархомаховъ, или, вѣрнѣе, основателемъ ихъ ученія былъ Марсилій Падуанскій, написавшій замѣчательное произведеніе подъ заглавіемъ „Defensor pacis". (1324—1326 г.) Въ то время міръ сдѣлался свидѣтелемъ неслыханнаго событія: императоръ Людвикъ Баварецъ, отлученный папою, апеллировалъ къ демократическому принципу народовластія. Произведеніе Марсилія слѣдуетъ разсматривать въ связи съ этимъ фактомъ. Гирке[2] говоритъ, что Марсилій установилъ абстрактный шаблонъ распредѣленія властей, приложимый ко всякимъ формамъ правленія, въ полномъ согласіи съ идеей демократическаго радикализма. Марсилій отвергаетъ вѣру въ то, что

[1] Dr. Rudolf Treumann. Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären Staatslehre des 16 Jahrhunderts. Leipzig 1895.
[1] Gierke. Joh. Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Breslau 1880. S. 125.

монархія установлена самимъ Богомъ. „Тутъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо доказательствахъ, ибо все основывается на наивной вѣрѣ, безъ всякаго участія разума“ [1]. По его мнѣнію, монархія есть учрежденіе, созданное людьми. Но если уже ее считать лучшею формою правленія, то между различными видами монархіи слѣдуетъ отдать предпочтеніе выборной монархіи, ибо въ этомъ случаѣ основаніемъ для избранія новаго государя является не наслѣдственность, которая обусловливаетъ лишь внѣшнее сходство, а совершенство характера, которое устанавливаетъ внутреннюю преемственность между государями. Для торжества права совершенно необходимы законы. Истиннымъ же законодателемъ или „непосредственнымъ источникомъ закона“ является народъ, т. е. совокупность всѣхъ гражданъ, или ихъ большинство. Никто не можетъ знать лучше народа, каковы должны быть законы, такъ какъ его интересы совпадаютъ съ интересами государства; поэтому народъ лучше всего можетъ замѣтить недостатки законопроекта. Пресловутая „глупость и низость массъ“ должна быть отвергнута и, если справедливо, что не всякій можетъ составлять законы, то все же слѣдуетъ признать, что каждый гражданинъ въ состояніи высказать свое мнѣніе о законахъ. „Вѣдь человѣкъ можетъ многое понять, если оно разъяснено ему другими, и можетъ внести поправки въ то, до чего онъ самъ никогда бы не додумался“.

Основою политическихъ взглядовъ Марсилія является идея народовластія, которое онъ обозначаетъ терминомъ legislator humanus. Нѣтъ такой власти, которая стояла бы выше народа; ему принадлежитъ не столько право законодательства, ибо послѣднее отправляется выборными представителями, сколько право избирать себѣ правительство. При выборномъ

[1] Riezler. Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Bayern. Leipzig 1874. S. 202 ff.

началѣ единогласное рѣшеніе замѣняется большинствомъ голосовъ. Правитель является лишь исполнительнымъ органомъ законодательной власти; онъ, подобно всѣмъ остальнымъ гражданамъ, вполнѣ подчиненъ закону; онъ отвѣтственъ передъ народомъ, смѣняемъ и не нуждается въ папскомъ утвержденіи; свою правительственную дѣятельность онъ долженъ, по-возможности, согласовать съ волею народа.

Своими разсужденіями Марсилій теоретически уничтожилъ средневѣковую систему вѣрноподданничества и личной зависимости отъ воли государя. Во времена полнаго безсилія государства и торжества привиллегированныхъ сословій, во время господства феодализма, преобладанія церкви и преслѣдованія еретиковъ, Марсилій сумѣлъ возвыситься до міросозерцанія, котораго достоинства, по справедливому замѣчаютъ Рицлера, лучше всего доказываются тѣмъ фактомъ, „что одна часть требованій, выставленныхъ этимъ міросозерцаніемъ, получила осуществленіе лишь черезъ 100 лѣтъ, во время церковной реформы, другая часть была удовлетворена спустя нѣсколько столѣтій путемъ политической революціи, а за удовлетвореніе остальныхъ требованій этого міросозерцанія и до сихъ поръ борются могущественныя партіи“. Авторъ „Defensor pacis“, жившій въ 14 вѣкѣ, былъ священникомъ и умѣлъ пользоваться ссылками на библію въ подкрѣпленіе своего ученія; онъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ пророкомъ новаго міропорядка. Положивъ демократическій принципъ въ основаніе выборной монархіи, онъ создалъ идеалъ государства, который безусловно стоитъ выше конституціонныхъ монархій новаго времени; такимъ образомъ, по своимъ воззрѣніямъ, онъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Монархомахи 16 и 17 вв. въ существенныхъ чертахъ вполнѣ признаютъ свое согласіе съ его ученіемъ.

Шестнадцатое столѣтіе проходило подъ зна-

комъ религіознаго вопроса. Этотъ вопросъ, поскольку онъ касался полноты власти государей, неминуемо долженъ былъ превратиться въ вопросъ политическій, ибо свѣтская власть, основываясь на такъ наз. jus reformandi, присвоила себѣ право вмѣшиваться въ вопросы, касающіеся совѣсти и убѣжденій поданныхъ. Какъ разъ со временъ Реформаціи, которая сдѣлала возможной принадлежность короля и народа къ разнымъ исповѣданіямъ, вопросъ о предѣлахъ власти монарховъ сталъ особенно жгучимъ. Доказательствомъ тому служатъ религіозныя войны въ Нидерландахъ, гражданская война во Франціи, Варѳоломеевская ночь, смуты въ Германіи, Англіи и Шотландіи.

Но разъ былъ поднятъ вопросъ о границахъ верховной власти, разъ высшее достояніе человѣка—его совѣсть освободилась изъ подъ власти свѣтскихъ государей и подданнымъ была предоставлена свобода вѣры и совѣсти—то и вопросъ о долгѣ подчиненія подданныхъ долженъ былъ съ логической необходимостью замѣниться вопросомъ о законности княжеской власти вообще. Какъ католики, такъ и протестанты видѣли въ абсолютномъ монархѣ своего общаго врага. Въ то время всѣхъ борцовъ противъ абсолютизма называли монархомахами; это названіе имъ далъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій защитникъ абсолютизма Гильомъ Барклай. Исходя изъ религіозной точки зрѣнія, монархомахи безъ труда дошли до принятія положенія о народномъ суверенитетѣ. А изъ этого положенія они сдѣлали всѣ логическіе выводы, направленные противъ княжеской власти: право народа выбирать любую форму правленія, участвовать въ законодательствѣ, избирать государя и низлагать его, если онъ злоупотребляетъ данною ему властью. Защищая право народа на сопротивленіе произволу, монархомахи доходятъ до призыва къ революціи и къ убійству тирановъ. Несмотря на это, они высту-

паютъ въ большинствѣ случаевъ только противъ абсолютной монархіи, а не противъ монархіи вообще. Монархомахи добиваются ограниченной монархіи, договорныхъ отношеній между государемъ и народомъ. Какъ ни различны ихъ взгляды на происхожденіе и развитіе общества и государства, они совершенно согласны между собою въ ученіи о договорныхъ отношеніяхъ между властью и народомъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что это ученіе зародилось во время ожесточенной борьбы между государствомъ и церковью за инвеституру; оно беретъ свое начало изъ представленія о томъ, что государство, какъ учрежденіе, покоющееся на человѣческой волѣ, должно быть подчинено церкви. Взаимное соглашеніе, какъ основа государства, съ растущимъ вліяніемъ римскаго права мало-по-малу превратилось въ правовую норму и, такимъ образомъ, было положено основаніе первой правовой конституціи государства. Трейманъ, подобно Гирке, считаетъ, что договорная теорія приложима пока только къ отношеніямъ между церковью и государствомъ, а не къ внутренней жизни государства, ибо, если церковь установлена самимъ Богомъ, а государство создается волею людей, то понятно, что церковь, благодаря своему высокому происхожденію, должна имѣть преимущество передъ государствомъ.

Изъ этого ученія неизбѣжно вытекаютъ революціонные выводы. Прежде всего оно повело къ разсмотрѣнію правъ монарха и, исходя изъ тѣхъ же положеній, изъ которыхъ церковь выводитъ свое первенствующее положеніе, противники этого ученія объявили, что не папа, а народъ назначаетъ короля, и вслѣдствіе этого между королемъ и народомъ долженъ заключаться договоръ. Ученіе о народовластіи, со всѣми его выводами до тираноубійства включительно, получило широкое распространеніе. Уже въ средневѣковой, построенной на іерархическихъ началахъ, наукѣ государственнаго права мож-

но найти извѣстную уступку идеѣ народовластія. Церковь считала своимъ неотъемлемымъ божественнымъ правомъ низлагать государей. Она присвоила себѣ право каждаго государя, дѣятельность котораго не соотвѣтствовала ея видамъ и намѣреніямъ, объявлять „еретикомъ“ и лишать власти иногда даже насильственнымъ образомъ. Но для этого церковь нуждалась въ содѣйствіи народа. Она доказывала народу, что право насильственнаго переворота, право мятежа и революціи исходитъ отъ Бога. Впрочемъ, туть необходимо было ограниченіе въ томъ смыслѣ, что это право должно осуществляться лишь по иниціативѣ церкви, подъ ея руководствомъ и въ ея интересахъ. Въ такихъ размѣрахъ церковь допускала революціонные выводы изъ договорной теоріи.

Ландманнъ [1], ссылаясь на Юнія Брута [2], такимъ образомъ опредѣляетъ договорную теорію, принятую монархомахами: „Это не есть договоръ о подчиненіи, т. е. о передачѣ суверенитета народа въ руки князей. Хотя король избирается самимъ Богомъ, однако онъ, согласно Божьей волѣ, долженъ быть утвержденъ избраніемъ народа, чтобы своимъ авторитетомъ и властью, какъ бы велики они ни были, онъ былъ обязанъ наряду съ Богомъ и народу. Юній Брутъ говоритъ, что ни одинъ человѣкъ не родится королемъ. Король правитъ при посредствѣ народа, который и есть высшая власть. Подобно тому, какъ король выбираетъ себѣ слугъ, точно такъ же и народъ избираетъ короля, какъ слугу

[1] Dr. jur. Max Landmann. Der Souveränitätsbegriff bei den französischen Theoretikern. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte des Souveränitätsbegriffs. Leipzig. 1896 S. 15 ff.

[2] Юній Брутъ — псевдонимъ французскаго писателя Губерта Ланге (ум. въ 1581 г.). Подъ этимъ псевдонимомъ онъ издалъ въ 1579 г. свои знаменитыя произведенія „Vindiciae contra tyranos sive de principis in populum, populi in principem legitima potestate“ (пер. на нѣм. Трейчке. Лейпцигъ 1896 г.), изъ которыхъ здѣсь приводятся цитаты. Люцій Юній Брутъ, по легендарнымъ сказаніямъ древней римской исторіи, былъ тотъ первый консулъ, который изгналъ родъ Тарквинія и далъ государству республиканское правленіе.

государства. Если же король не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ народу, нарушаетъ основные божескіе законы, то народъ вправѣ отказаться отъ повиновенія и оказать ему активное сопротивленіе.

Ученіе о договорной власти было главнымъ оружіемъ, которымъ монархомахи боролись съ произволомъ государей. Нѣтъ ничего легче, какъ изъ договора государя съ народомъ вывести любую форму отвѣтственности монарха и установить право народа требовать отчета у правителя. Предѣлы власти короля опредѣляются волей народа: народъ есть источникъ всякаго права; не народъ существуетъ ради короля, а наоборотъ, король существуетъ ради народа. Народъ обѣщаетъ повиноваться королю только въ томъ случаѣ, если послѣдній обязуется править согласно законамъ. Въ случаѣ же, если онъ нарушаетъ этотъ договоръ, народъ вправѣ считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ нему.

Монархомахи признаютъ, что для охраненія правъ народа должны существовать магистраты, сенаты, короче — народное представительство. Это представительство заключаетъ договоры отъ лица народа.

Монархомахи доказываютъ свое ученіе ссылками на библію. По вопросу о договорѣ между монархомъ и народомъ они указываютъ между прочимъ на слова Самуила: „Богъ избралъ царя по своей волѣ; но, чтобы онъ всегда помнилъ, что народъ стоитъ выше его, Богъ повелѣваетъ народу избрать его". Юній Брутъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи конструировалъ своеобразный договоръ между Богомъ, королемъ и народомъ; онъ даетъ интерпретацію слѣдующему мѣсту изъ Библіи: „И заключилъ Іодай завѣтъ между собой,— между всѣмъ народомъ и царемъ, чтобы быть имъ народомъ Господнимъ". Изъ положенія „Богу долж-

но повиноваться больше, чѣмъ людямъ" монархомахи вывели право активнаго сопротивленія какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго народа противъ произвола государей. Это положеніе является главнымъ исходнымъ пунктомъ всей литературы монархомаховъ въ XVI в. Они ставятъ рѣзкое различіе между добрымъ и кроткимъ королемъ, „настоящимъ отцомъ народа" и тираномъ, притѣснителемъ народа, не заслуживающимъ никакой пощады, съ которымъ слѣдуетъ поступить какъ съ разбойникомъ.

Однимъ словомъ, монархомахи стремились установить правовыя нормы, ограничивающія власть государей. Ученіе монархомаховъ о томъ, что правительство должно опираться на законы, что въ противномъ случаѣ оно потеряетъ всякія основанія для своего существованія и должно вызвать вполнѣ законное сопротивленіе,—это ученіе можно разсматривать, какъ переходъ къ современной идеѣ правового государства [1].

„Въ общемъ господствовало средневѣковое ученіе о томъ, что монархія есть наиболѣе совершенная и нормальная форма государственнаго правленія. Въ дѣйствительности же, принципіально монархъ отожествлялся съ республиканскимъ министромъ" (Гирке). Но со всѣмъ тѣмъ понятія „монархія" и „величество" остались невыясненными. Въ началѣ XVII в. нѣмецкій писатель Іоганнъ Альтузій въ своемъ учебникѣ политики (появ. въ 1603 г. въ Герборнѣ) развилъ всѣ слѣдствія, вытекающія изъ принципа народовластія [2], все, что по этому вопросу до сихъ поръ говорилось въ конкретной формѣ въ полемическихъ сочиненіяхъ и брошюрахъ, онъ облекъ въ форму методической абсолютной доктрины. Понятіе о суверенитетѣ, выработанное абсолютистами,

[1] Treumann: a. O. S. 87.

[2] Большую заслугу Гирке составляетъ то, что онъ опубликовалъ давно позабытое произведеніе Альтузія, въ своемъ много разъ цитированномъ сочиненіи: „Іоганъ Альтузій" и др.

онъ перенесъ на понятіе о народовластіи. Онъ первый сталъ говорить о самодержавіи народа и приписалъ этому самодержавію исключительность, неотчуждаемость, непосредственность и постоянство—качества, присущія, по ученію Бодена, самодержавію государей; онъ отвергъ понятіе смѣшанной конституціи и раздѣленія властей. Онъ совершенно открыто заявилъ, что рядомъ съ самодержавіемъ народа нѣтъ мѣста самодержавію монарха. Іоганнъ Альтузій построилъ систематическое ученіе, совпадающее со взглядами монархомаховъ о томъ, что народъ можетъ насильственно противодѣйствовать властителю, ставшему тираномъ, привлекать его къ суду, низлагать его и подвергать наказанію. Законнаго властителя, который нарушаетъ законы и не исполняетъ своихъ обязанностей, онъ разсматриваетъ какъ тирана въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Эфоры, избранныя народомъ должностныя лица, констатировавъ тиранический образъ дѣйствій избраннаго правителя и истощивъ всѣ мирныя средства, имѣютъ право и даже должны низложить его, лишить власти, изгнать, приговорить къ смерти и казнить. Права монарха должны быть заранѣе опредѣлены; онъ долженъ быть подчиненъ контролю народнаго органа.

Незадолго до того, какъ Альтузій написалъ свою книгу, ученіе монархомаховъ получило первое практическое примѣненіе.

Нидерландскіе генеральные штаты постановили 26 іюля 1581 г., что король Филиппъ II лишается своихъ правъ на власть, такъ какъ онъ не уважалъ правъ и свободы нидерландскаго народа, и что поэтому слѣдуетъ избрать другого короля. Въ этомъ важномъ документѣ (Манифестъ Утрехтской Уніи) приводятся слѣдующіе взгляды: государь поставленъ надъ подданными только для того, чтобы ихъ защищать и заботиться о нихъ; подданные не для

того созданы, чтобы рабски служить государю; наоборотъ, государь существуетъ для подданныхъ. Его управленіе должно быть справедливымъ и отеческимъ. Если онъ этого не исполняетъ, то его слѣдуетъ считать не правителемъ, а тираномъ, и подданные, или государственные чины имѣютъ право въ интересахъ самозащиты провозгласить на его мѣсто другого; особенно же, если послѣ безрезультатныхъ попытокъ путемъ представленій отклонить монарха отъ деспотическихъ мѣропріятій, подданнымъ ничего не остается, кромѣ низложенія, чтобы защитить свою прирожденную свободу, которую, согласно естественному закону, слѣдуетъ отстаивать, не щадя своей крови и своего достоянія.

Чтобы придать этому манифесту бо́льшую силу, всѣ чиновники должны были клятвенно отречься отъ Филиппа II. Новый государь, Вильгельмъ Оранскій, обвиненный въ государственной измѣнѣ и ереси и объявленный внѣ закона, палъ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній отъ руки наемнаго убійцы.

5. Антимонархическая критика Мильтона.

Его защита народнаго суверенитета и возраженіе на „грязное оправданіе тираніи“ (Салмазій).

Мы уже раньше указывали на сочиненіе Мильтона о „Правѣ королей и правительства“, которое появилось послѣ казни Карла I Англійскаго. Авторъ, одинъ изъ с»мыхъ выдающихся людей своего времени, направляетъ свою рѣзкую критику противъ тѣхъ тупоголовыхъ людей и льстецовъ, которые сдѣлали себѣ кумиромъ обезглавленнаго короля, которые продолжали признавать божественное право короля, когда онъ давно лишился даже и человѣческихъ правъ. Вотъ что говоритъ Мильтонъ:

„Право короля никакъ нельзя считать божественнымъ правомъ; оно—человѣческое право и имѣетъ земное происхожденіе. Когда короли стали злоупо-

треблять своимъ положеніемъ, то люди поняли, какъ опасна неограниченная власть монарха; они стали изыскивать средства, какъ бы ограничить и обуздать эту власть. Они подчинили государей закону; они стали брать съ королей и правительствъ клятвы управлять сообразно съ законами и безпартійно; въ случаѣ нарушенія этой присяги, народъ также освобождается отъ долга повиновенія. Рядомъ съ правителями были поставлены народные представители; парламентъ сдѣлался уздою для короля". Результаты этого развитія Мильтонъ формулируетъ такъ: „Власть монарховъ и правителей передана имъ народомъ въ цѣляхъ общественнаго блага; источникомъ же этой власти остается народъ".

Отсюда, между прочимъ, слѣдуетъ, что король долженъ быть отвѣтственъ, ибо „утверждать, что онъ никому не даетъ отчета, кромѣ Бога, значитъ уничтожить законы и порядокъ. Если король можетъ отказаться давать отчетъ передъ народомъ, тогда всякія соглашенія между королемъ и народомъ, всякія присяги, излишни и являются простымъ глумленіемъ. При такихъ условіяхъ всѣ законы, исполнять которые клянется король, безцѣльны. Стоитъ только королю не бояться Бога (а вѣдь очень многіе не боятся Его), и мы всѣ, наше имущество и наша кровь, отданы на произволъ его милости или немилости". Король есть лишь „смертный чиновникъ", и онъ совершаетъ преступленіе, если возноситъ себя на недосягаемую высоту Божества. „Короли не могутъ намъ указать времени, когда Богъ посадилъ на престолъ ихъ предковъ, но могутъ лишь назвать время, когда народъ провозгласилъ ихъ своими повелителями... Итакъ, если король считаетъ народное избраніе велѣніемъ Бога, то почему мы не можемъ назвать волею Бога и низложеніе короля народомъ?" Мильтонъ высказываетъ мнѣніе, что англійская монархія съ

древнѣйшихъ временъ по существу всегда была особою формою республики.

Въ другой книгѣ, составленной по порученію Государственнаго Совѣта и опубликованной въ 1649 г., [1] Мильтонъ, въ противовѣсъ королевскому правительству, развиваетъ ту мысль, что всякая власть должна исходить отъ парламента, какъ учрежденія, являющагося замѣстителемъ націи. Передъ волею парламента должна склоняться воля короля; парламентъ имѣетъ право низлагать и наказывать короля, нарушающаго права народа.

Скитавшійся въ изгнаніи сынъ казненнаго короля (впослѣдствіи король Карлъ II) убѣдилъ лейденскаго профессора Сальмазія написать защитительную статью въ пользу его отца. Однако эта „защита“ оказалась на самомъ дѣлѣ обвиненіемъ противъ народа и призывомъ всѣхъ властителей Европы къ походу противъ англійскаго народа съ цѣлью отомстить „цареубійцамъ“. Мильтону было поручено Государственнымъ Совѣтомъ написать отвѣтъ на появившееся въ 1649 г. сочиненіе Сальмазія „Defensio regia“. Отвѣтъ былъ опубликованъ въ 1651 году [2]. Адвокатъ англійскаго народа, секретарь Государственнаго Совѣта республики относится къ Сальмазію съ уничтожающимъ сарказмомъ, какъ къ человѣку, „продавшемуся деспотизму“. Никто другой не могъ бы такъ низменно мыслить, какъ этотъ писатель, „основывающій права королевства на распутствѣ тирановъ“. Вѣдь написалъ же этотъ низкій лакей тирановъ: „Распятіе Христа было невинной бездѣлицей по сравненію съ казнью Карла. Подобно отдѣльнымъ лицамъ, народы могутъ добровольно продавать себя въ рабство. Поэтому короля

---

[1] Eikonoklastes — полемическое произведеніе, направленное противъ написанной въ защиту Карла I книги „Eikon Basilico“ dr. John Gauden.

[2] Защита англійскаго народа противъ обвиненія Клавція Сальмазія, см. dr. Troxler. Fürst und Volk nach Buchanans und Miltons Lehre. Aarau 1821. S. 81. ff.

не связываетъ никакая клятва и никакой законъ; его власть — божественная, отеческая, безграничная власть". Далѣе Сальмазій пытался обосновать мнимое право короля на „законѣ природы". Мильтонъ спрашиваетъ по этому поводу: „Быть можетъ, это говоритъ скотина, быть можетъ, звѣрь принесъ намъ законы тигровъ... Я, по крайней мѣрѣ, не могу назвать человѣкомъ того, кто дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы унизить родъ человѣческій, кто порочитъ природу и приписываетъ ей желаніе, чтобы мы были добычею тирана".

Сальмазій черпалъ свои „доказательства въ пользу божественнаго права короля" изъ библіи; Мильтонъ отвѣтилъ ему критикой тѣхъ мѣстъ изъ библіи, которыя были приведены Сальмазіемъ и указаніемъ на другіе тексты. „То, что ты, Сальмазій, называешь правомъ короля, исходитъ не отъ Бога, а изъ ада, и человѣческій родъ всѣми силами долженъ возставать противъ этого права, а никакъ не подчиняться ему..." „Если дѣйствительно всѣ короли становятся государями милостію Божіею, то народы добиваются свободы также милостью Бога. Въ народѣ, низлагающемъ несправедливаго короля, больше божественнаго, чѣмъ въ королѣ, угнетающемъ невинный народъ..." „Свобода есть даръ неба, она присуща намъ отъ рожденія; положить ее къ ногамъ государей было бы святотатствомъ и богохульствомъ..." „Ты считаешь Бога непосредственнымъ источникомъ тираніи, а свобода развѣ не происходитъ изъ того же источника? Человѣкъ имѣетъ право освобождаться отъ голода, войны, чумы и другихъ бичей человѣчества, хотя онъ и знаетъ, что они также ниспосланы Богомъ,—только по отношенію къ тираніи онъ долженъ вести себя иначе?.." „Ставя королевскую власть неизмѣримо выше закона, ты напоминаешь народамъ о рабствѣ, въ которомъ они находятся, и заставляешь ихъ проснуться своимъ крикомъ о томъ, что они рабы королей...

Твое ученіе должно неизбѣжно вести къ гибели королей...“ „Говори же, грязный защитникъ тираніи,— когда природа и человѣчность признавали тотъ постыдный торгъ, на которомъ ты стараешься обосновать право королей?..“ Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что ученіе Сальмазія, ставящее короля выше закона, т. е. дозволяющее ему беззаконныя и неправомѣрныя дѣйствія равносильно предоставленію королю привилегіи совершать всевозможныя преступленія.

Такъ расправился Мильтонъ съ Сальмазіемъ, зараженнымъ „королевскою скверною“, съ „безчестнымъ писателемъ, продавшимъ правду и право за нѣсколько кусковъ золота“.

Въ своихъ художественныхъ твореніяхъ Мильтонъ оставался вѣренъ своимъ политическимъ воззрѣніямъ. Въ великолѣпной поэмѣ „Потерянный рай“ онъ въ лицѣ Сатаны изображаетъ монарха-тирана: сатана былъ „Божіею милостію“ первымъ ангеломъ и могъ отсюда выводить свои права на предводительство; но онъ опредѣленно опирается на „свободное избраніе“ своихъ сподвижниковъ, которые слѣдуютъ за нимъ благодаря его заслугамъ. Онъ является тираномъ во имя свободы, своими республиканскими рѣчами онъ соблазняетъ своихъ приверженцевъ къ бунту противъ „Божіей монархіи“; его излюбленный пріемъ — злоупотребленіе священнымъ словомъ свобода, это—хитрый лицемѣръ, прикрывающійся титуломъ „Защитника свободы“ [1].

---

[1] Siebert. Milton S. 333 ff.

Глава V.

Ученіе о тираноубійствѣ.

Примѣръ правителей. — Ученія, оправдывающія убійство тирановъ: Греція, Римъ, христіанская церковь. — Теократическій и теологическій взгляды. — Ученіе іезуитовъ. — Осужденіе Людовика XVI французскимъ національнымъ конвентомъ.—Взгляды на тираноубійство въ англійской и нѣмецкой литературѣ. — Либерализмъ. — Убійство короля въ Сербіи. — Нападки на соціалъ-демократію.

Исторія не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что правители первые положили начало политическимъ убійствамъ. Кровавыя насилія—обычное средство, къ которому прибѣгала тиранія, чтобы укрѣпить и упрочить свою власть. Уже на страницахъ древнѣйшей миѳологіи встрѣчаются разсказы о покушеніяхъ; Уранъ, первый владыка всего міра, былъ низвергнутъ и уничтоженъ своимъ собственнымъ сыномъ—Кроносомъ. Этотъ миѳъ даетъ уже представленіе о характерѣ борьбы между правителями въ сѣдую старину.

Эти преступленія правителей должны были неизбѣжно создать такія воззрѣнія, которыя оправдывали бы убійство тирановъ.

Невѣрно, что подобныя воззрѣнія сложились впервые въ свободныхъ государствахъ Греціи. Еще задолго передъ этимъ право борьбы съ тираніей было признано за народомъ въ Китаѣ, гдѣ господствовалъ абсолютистскій режимъ. Первая династія китайскихъ богдыхановъ (Хіа) прекратилась послѣ того, какъ былъ низвергнутъ императоръ Ли-Куэ, а послѣдній императоръ второй династіи былъ убитъ. Философъ Менгъ-Тзе утверждалъ категорически,

что подданный можетъ убить тирана, ибо тотъ, кто нарушаетъ принципы добродѣтели—разбойникъ, кто нарушаетъ законъ—тиранъ.

Въ Греціи убивать тирановъ было не только правомъ, но даже долгомъ гражданина, и это предписывалось закономъ. Слава и почести воздавались мстителямъ за свободу. Лучшія поэмы Греціи посвящены прославленію убійства тирановъ. Подвиги Гармодія и Аристогитона, убившихъ тирана Гипарха въ разгаръ большого празднества, подвигъ Пелопида, освободителя Ѳивъ отъ узурпатора Архія, и много другихъ подобныхъ же дѣяній прославлялись цѣлые вѣка подъ рядъ въ пѣсняхъ, полныхъ энтузіазма. Одна изъ самыхъ знаменитыхъ пѣсенъ—это „Ода Каллистрата“; въ ней говорится:

„Я хочу носить свой мечъ увитымъ зеленью миртъ,
Подобно Гармодію и Аристогитону,
Когда они на священномъ праздникѣ Паллады
Убил тирана Гипарха.
Да будетъ вѣчно слава вамъ, возлюбленные,
Долгія лѣта вамъ, Гармодій и Аристогитонъ!
Ибо отъ вашей руки палъ тиранъ,
Ибо вы сдѣлали вновь свободнымъ и равноправнымъ
Аѳинскій народъ!“

Ода эта читалась весьма часто на народныхъ собраніяхъ и торжествахъ, которыми такъ изобиловали свободныя государства Греціи, чтобы поддержать въ народѣ ненависть къ узурпаціи и тираніи; впечатлѣніе, производимое этой одой, какъ говорятъ, было поразительно велико.

Какъ извѣстно, и Шиллеръ прославилъ въ своемъ стихотвореніи „Die Bürgschaft“ неудавшееся покушеніе Дамона на Діониса.

Въ древнемъ Римѣ были распространены тѣ же ученія о тираноубійствѣ, что и въ Греціи. Правомъ и обязанностью каждаго свободнаго римлянина было наказывать смертью виновнаго во всякой узурпаціи, во всякомъ деспотическомъ покушеніи на республиканскія учрежденія. Этимъ объясняется

убійство въ сенатѣ Юлія Цезаря Брутомъ и его сообщниками. Брутъ не желалъ признавать надъ собой никакой иной власти, кромѣ закона; въ этомъ онъ видѣлъ свободу, и въ защиту этой свободы, согласно его собственному выраженію, „онъ убилъ бы отца, если бы тотъ смогъ вновь возвратиться на землю".

Шекспиръ говоритъ устами Брута: „Онъ (т. е. Цезарь) долженъ умереть, другого исхода нѣтъ; я лично не имѣю причины ненавидѣть его, но убиваю его во имя общаго блага: онъ хочетъ короны".

Брутъ Лессинга говоритъ слѣдующее:

„Если Цезарь хочетъ угнетать Римъ,
Брутъ долженъ его наказать.
Я вонжу ему въ сердце кинжалъ.
Руки мои будутъ дрожать, но я все-таки вонжу".

Кольбъ въ своей „Исторіи человѣческой культуры" говоритъ относительно убійства Цезаря слѣдующее: „Эллинское міровоззрѣніе о высокой патріотической заслугѣ тираноубійства никогда не встрѣчало въ Римѣ возраженій. Такъ какъ другого средства противодѣйствія насильнику не имѣлось, то обратились именно къ этому средству". И далѣе: „Если имъ (заговорщикамъ) не удалось ихъ предпріятіе — спасеніе республики — то ближайшая причина этого заключалась въ томъ, что они изъ чувства ложной гуманности не сдѣлали еще одного шага по тому пути, на который вступили; они должны были кромѣ Цезаря сдѣлать безвреднымъ также и его ставленника, консула Антонія". Безпристрастная и добросовѣстная критика установила давно ту извѣстную истину, что языческая мораль, хотя и была грубѣе, но все же честнѣе такъ называемой христіанской. Точно такъ же въ вопросѣ о тираноубійствѣ языческая мораль выгодно отличается отъ морали христіанской, которую создалъ изолгавшійся византизмъ, ссылаясь на „христіанство" и „неприкосновенную святость" монархизма, не счи-

таясь при этомъ съ логикой фактовъ и со здравымъ человѣческимъ умомъ.

Большое удовлетвореніе доставили намъ нѣкоторыя критическія замѣчанія Куна, который заявляетъ, что никакая логика въ мірѣ не будетъ въ состояніи возвести въ преступленіе насильственное обезвреживаніе тирана, который губитъ духовную и тѣлесную свободу своего народа; ибо тиранъ, оградивъ съ дикой утонченностью свою личную безопасность и свою власть въ государствѣ, недоступенъ своимъ подданнымъ ни какъ человѣкъ, ни какъ глава государства.

Кунъ указываетъ на то, что язычникъ прямо и открыто говоритъ „не жаль тирана“, христіанскій же народъ тайкомъ произноситъ эти слова, видя на одрѣ смерти своихъ убитыхъ деспотовъ; что для язычника цареубійцы не отбросы общества и не злостные дураки, наоборотъ,—въ кассіанскихъ актахъ насилія онъ видитъ „мстящую руку божества свободы, которую Юпитеръ направляетъ противъ выродившагося монархизма“.

Даже самъ императоръ Рима, Маркъ Аврелій, одинъ изъ немногихъ правителей, который можетъ быть названъ дѣйствительно великимъ и благороднымъ за его намѣренія послужить благу народа и предоставить ему участіе въ управленіи, призналъ себя сторонникомъ этого взгляда; онъ заявилъ, что въ Тразеѣ, Гельвидіи, Катонѣ, Діонѣ и Брутѣ воплощается правда и справедливость. Въ этомъ заключалось дѣйствительное и свободное сверженіе зла и безумнаго высокомѣрія съ престола. И эта правдивость, и это свободолюбіе породили въ древности то хорошее, что смертоносный клинокъ направлялся только на жалкихъ негодяевъ, сидѣвшихъ на престолахъ.

Христіанство внесло новыя измѣненія въ пренія о законности тираноубійства. Оправданіе тираноубійства обусловливалось необходимостью защищать

интересы церкви; народные интересы играли лишь подчиненную роль, находились въ полной зависимости отъ главенства церковныхъ интересовъ. Цѣлые вѣка подъ рядъ среди представителей западной церкви было господствующимъ то мнѣніе, что убійство еретическихъ правителей и деспотовъ есть дѣяніе угодное Богу, достойное восхищенія и подражанія. Если тѣ, которые въ увѣренности, что ими руководитъ духъ Христа, подымали руку на помазанниковъ Божіихъ и сами падали жертвою, то ихъ воспѣвали товарищи, какъ мучениковъ. Отлученные или низложенные папою, въ силу предоставленной ему божественной власти, правители считались внѣ закона: каждый подданный имѣлъ право убить ихъ. Первыя попытки церкви подчинить себѣ свѣтскую власть проявились въ угрозахъ смертью правителямъ. Епископъ Люциферъ Кальярскій напоминаетъ императору Константину, склонившемуся къ аріанству, исторію искорененія дома царя Ахава (Ветхій Завѣтъ) и при этомъ присовокупляетъ: „Такъ же точно и ты можешь погибнуть отъ меча".

Въ пятомъ столѣтіи ученіе о принудительной власти церкви получило новое развитіе, благодаря Аврелію Августиніану. Онъ полагалъ, что убійство государя допустимо, если это разрѣшаетъ справедливый законъ, или, если самъ Богъ, первоисточникъ справедливости, даетъ на это особое указаніе.

Ученіе объ убійствѣ правителей входитъ даже въ ученіе средневѣковаго церковнаго права. Папа Урбанъ II сдѣлалъ такое постановленіе: „Кто, горя рвеніемъ къ католической церкви, убьетъ отлученнаго отъ церкви, будь то даже правитель, тотъ не долженъ считаться убійцей". Въ разгаръ войны между свѣтской и духовной властью въ Англіи въ XII вѣкѣ, Іоаннъ Салисбюри сталъ на теократическую точку зрѣнія; онъ говорилъ, что князь получаетъ свою власть изъ рукъ церкви, ergo онъ ея слуга. Кто надѣляетъ какимъ-либо достоинствомъ,

тотъ можетъ его и отнять; тотъ, кто является настоящимъ тираномъ, т. е. насильничаетъ надъ народомъ, дѣлая его своимъ рабомъ, тотъ долженъ быть убитъ, какъ врагъ государства.

Въ XIII и XIV вѣкахъ мы встрѣчаемъ въ Германіи, Франціи и Италіи секту „братьевъ свободнаго духа“, которая, согласно своимъ анархическо-религіознымъ ученіямъ, оправдывала убійства тирановъ и царей.

На допросѣ, который производилъ 30 декабря 1367 года инквизиторъ Кейлунгъ изъ Эрфурта, одинъ изъ членовъ этой секты, Іоаннъ Шпинеръ, сказалъ слѣдующее: „Свободный человѣкъ не обязанъ никому повиноваться; онъ господинъ надъ всѣми вещами, отъ которыхъ онъ можетъ брать столько, сколько ему угодно, всякій же, кто противодѣйствуетъ его планамъ, можетъ быть имъ убитъ; онъ по праву можетъ распорядиться жизнью императора, если послѣдній становится ему поперекъ пути“.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже упоминали, что Ѳома Аквинскій считалъ правомѣрнымъ смѣщать тирановъ, въ особенности же злостно-вѣроломныхъ и приговаривать ихъ къ смерти. Не подлежитъ сомнѣнію, что многочисленныя убійства правителей въ 14 и 15 столѣтіяхъ объясняются, главнымъ образомъ, теократическими ученіями о правомѣрности тираноубійства.

Всякій разъ, когда совершалось подобное убійство, теологи старались оправдать его, какъ актъ исполненія христіанскаго долга. Назовемъ здѣсь Іоанна Парвуса (Jean Petit). Онъ въ слѣдующихъ словахъ защищалъ убійство герцога Людовика Орлеанскаго, совершенное по подстрекательству его кузена и соперника, герцога Іоанна Бургундскаго. „Любой вассалъ или подданный можетъ съ полнымъ правомъ убить тирана и даже обязанъ это выполнить, хотя бы при помощи коварства и лести, не-

смотря на клятву и договоры и не дожидаясь даже постановленія или приговора судьи".

Констанцкій соборъ въ своемъ декретѣ отъ 6 августа 1415 года очень неохотно и въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ предалъ анаѳемѣ эту фразу; и смыслъ ея былъ ограниченъ слѣдующимъ образомъ: только отлученный и низложенный папою правитель можетъ быть убитъ любымъ подданнымъ.

Въ томъ же торжественномъ засѣданіи собора былъ преданъ анаѳемѣ Іоаннъ Гуссъ и выданъ свѣтской власти для совершенія надъ нимъ казни огнемъ только за то, что онъ осмѣлился поставить выше авторитета церкви голосъ своей совѣсти.

Послѣ этого іезуиты признали съ полной откровенностью „мораль", которая оправдываетъ политическія убійства еретическихъ королей и, больше того, считаетъ эти убійства необходимыми въ интересахъ церкви.

Іоаннъ Буше, профессоръ теологіи и глава парижскихъ лигистовъ, писалъ въ концѣ 16 столѣтія относительно короля Генриха III Французскаго, который былъ впослѣдствіи убитъ, что онъ клятвопреступникъ, тиранъ, богохульникъ, воплощеніе всякихъ пороковъ, что онъ долженъ быть убитъ, такъ какъ онъ врагъ народа, что такого человѣка можетъ убить всякій. Въ то же самое время англійскій бѣглецъ Вильгельмъ Райнольдсъ писалъ (подъ именемъ Росеуса), что ересь есть преступленіе, дѣлающее короля тираномъ; если правитель нарушаетъ данную имъ при коронованіи клятву, онъ теряетъ всѣ свои права и тогда, по отношенію къ нему, все, что раньше было возстаніемъ и заговоромъ, становится справедливымъ наказаніемъ и приговоромъ надъ нимъ, разъ только этотъ приговоръ освященъ папой.

Когда 1 августа 1589 года доминиканскій монахъ Яковъ Клеманъ убилъ французскаго короля

Генриха III, Росеусъ призналъ Клемана „орудіемъ, избраннымъ Богомъ". Іезуитъ Маріаннъ также выражалъ признательность убійцѣ короля въ своей книгѣ „De rege et regis institutione", которая появилась въ 1593 г. въ Толедо съ одобренія ордена. Даже папа Сикстъ V одобрилъ это преступленіе. Доказано также, что въ покушеніи, произведенномъ въ 1594 году на жизнь короля Генриха IV, были замѣшаны іезуиты. Въ виду такихъ обстоятельствъ парламентъ издалъ постановленіе противъ всѣхъ членовъ іезуитскаго ордена, въ силу котораго послѣдніе, какъ враги короля и государства, изгонялись изъ Парижа и прочихъ городовъ Франціи.

Когда 14 мая 1610 года Равальякъ убилъ короля Франціи Генриха IV, то было доказано, что мотивомъ этого убійства былъ религіозный фанатизмъ.

Мы находимъ далѣе, что папа Пій V, послѣдній изъ папъ, причисленныхъ римскою церковью къ лику святыхъ, велъ въ 1571 году переговоры съ королемъ Филлипомъ и съ герцогомъ Альбой о планѣ убійства королевы Елизаветы Англійской, когда та будетъ взята въ плѣнъ и лишена сана.

Архіепископъ мехельнскій Тореаціи воспѣлъ въ 1584 году въ напыщенной одѣ убійство принца Оранскаго, подготовленное королемъ Филиппомъ; объ убійцѣ въ ней говорится, что его должно, подобно святому, занести въ календарь, съ титуломъ отца отечества.

Какъ при папѣ Піѣ V, такъ и при его преемникѣ Григоріи XIII, между ставленниками послѣдняго и англійскими бѣглецами вновь возникъ разговоръ о планѣ убійства королевы Елизаветы, „англійской Изабеллы". Не соображенія нравственнаго характера воспрепятствовали выполненію этого плана, а только трудность, сопряженная съ нимъ. Іезуитъ Белламаринъ разъясняетъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, что инквизиція можетъ, дѣйствуя

по предложенію папы, и какъ учрежденіе, находящееся въ его власти, смѣщать королей и лишать ихъ жизни.

Когда, въ іюлѣ 1900 года, былъ убитъ анархистомъ итальянскій король Гумбертъ, клерикальныя итальянскія газеты, въ особенности же издающіяся въ Римѣ „Unita cattolica“ и „Voce della Verita“ („Католическое Единство“ и „Голосъ Правды“) стали весьма недвусмысленно изучать вопросъ о томъ, что такое узурпаторъ и тиранъ. Эти газеты сообщили съ цѣлью изученія слѣдующее мѣсто о тиранахъ изъ произведенія извѣстнаго средневѣкового схоласта Франца Суареца:

„Бываютъ тираны, которые властвуютъ безъ всякаго законнаго права, но которые присвоили себѣ власть насиліемъ и продолжаютъ ею пользоваться. Они, такимъ образомъ, въ дѣйствительности незаконные короли и не имѣютъ законной власти. Бываютъ также иные тираны, законные короли, которые, однако, пользуются своей властью, какъ тираны и злоупотребляютъ ею, подобну Нерону. Среди христіанъ надо считать, главнымъ образомъ, тѣхъ тиранами, кто ведетъ своихъ подданныхъ къ отпаденію отъ церкви и ко впаденію въ лжеученія. Никто не долженъ убивать законнаго короля-тирана, если даже онъ и злоупотребляетъ своею властью. Иначе обстоитъ дѣло съ тиранами, которые являются не законными правителями, а настоящими узурпаторами, людьми, достигшими верховной власти благодаря насилію. Узурпатора вправѣ убить каждый гражданинъ, такъ какъ онъ не законный король, но врагъ его родины. Такимъ образомъ, справедливо убилъ Аодъ Эглона, царя моавитянъ. Поэтому, подобные узурпаторы, по ученію многихъ „Doctores ecclesiae“, не являются законными правителями народовъ, надъ которыми они насильничаютъ. Тѣ декреты соборовъ, по которымъ тираноубійство запрещено, касаются, такимъ образомъ,

только настоящихъ королей-тирановъ, но не узурпаторовъ.

Это „поученіе“ со стороны клерикальной прессы послѣдовало въ тотъ самый моментъ, когда присяжные готовились засѣдать въ судѣ по дѣлу о цареубійцѣ Бресчи.

Практическое слѣдствіе этого „поученія“ въ данномъ случаѣ было ясно и очевидно. Объединеніе Италіи было достигнуто силою и именно силой, противной церкви,— уничтоженіемъ „Patrimonium Petri“, Церковной области, что является „преступленіемъ противъ Бога и его святой церкви“. Король Гумбертъ, сынъ Виктора Эммануила, свершившаго „кражу“, ничего не сдѣлалъ, чтобы замолить этотъ грѣхъ отца; онъ удержалъ украденную корону. Слѣдовательно, онъ — „узурпаторъ“, „тиранъ“, и на такого, согласно съ ученіемъ „doctores ecclesiae“, можетъ поднять руку любой гражданинъ той области, которой овладѣлъ этотъ узурпаторъ.

Еще до этого времени часто завѣряли ультрамонтанскіе листки, что „преступленіе“, выразившееся въ упраздненіи Церковной области, „будетъ отомщено на домѣ Савойскомъ“. Ничто не было ближе ультрамонтанству, чѣмъ истолкованіе убійства короля Гумберта въ смыслѣ „божественной мести“, постигшей этотъ домъ.

Съ конца 16 до начала 18 столѣтія ученіе о допустимости тираноубійства раздѣлялось іезуитами. Это ученіе, разсчитанное, главнымъ образомъ, на широкое вмѣшательство въ сферу свѣтской политической власти, привело къ тому, что папа Климентъ XIV, поддавшись давленію династическихъ интересовъ, закрылъ въ 1733 году іезуитскій орденъ. Его возстановленіе въ 1814 году находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что іезуиты всюду предлагали свои услуги въ качествѣ поборниковъ политической реакціи.

И въ протестантствѣ играло извѣстную роль уче-

ніе о провомѣрности тираноубійства. Лютеръ, какъ мы уже видѣли, не оставался въ долгу у своихъ августѣйшихъ противниковъ; онъ не щадилъ рѣзкихъ словъ противъ нихъ.

О Меланхтонѣ извѣстно, что, когда англійскій король Генрихъ VIII повелѣлъ казнить своего лорда-камергера Кромвеля, онъ привелъ въ своемъ письмѣ слѣдующія слова римскаго поэта Сенеки: „Ни одна жертва столь не любезна богамъ, какъ кровь тирановъ"; и прибавилъ къ этому: „Пусть Богъ вселитъ въ храбраго человѣка духъ тираноубійства".

Кальвинъ держался той мысли ветхаго завѣта, что Богъ умѣетъ въ критическій моментъ чуднымъ образомъ вызвать къ жизни мстителей и борцовъ за свободу порабощеннаго народа.

Протестантскій епископъ Пойэль, бѣжавшій въ Германію, оправдывалъ убійство дурныхъ правителей, ссылаясь на ветхій завѣтъ.

Когда юный гугентотъ Іоаннъ Польтро убилъ изъ-за угла въ 1563 году герцога Франца Гиза, его единомышленники объявили этотъ поступокъ „справедливымъ, божескимъ приговоромъ".

Надо вспомнить, что прусское юнкерство въ своей борьбѣ съ правителями признавало и теоретически и фактически цареубійство. Такъ юнкера довели до свѣдѣнія своего правителя Іоахима угрозу, что онъ будетъ повѣшенъ, какъ только онъ попадется имъ въ руки.

Чрезвычайный интересъ представляютъ взгляды, которые были высказаны во французскомъ національномъ конвентѣ по поводу процесса Людовика XVI.

Главный вопросъ заключался въ томъ, можетъ ли быть казненъ король.

Два мнѣнія столкнулись при разрѣшеніи этого вопроса. Одно мнѣніе, принадлежавшее крайнимъ правымъ, основывалось на принципѣ неприкосновенности личности монарха. Ихъ лидеръ, Морис-

сонъ, заявилъ, что по отношенію къ Людовику надо примѣнить основной принципъ права, что для осужденія преступника необходимо имѣть предписаніе положительнаго закона. Если бы было доказано, что Людовикъ провинился передъ своей родиной въ тяжкихъ преступленіяхъ, то конвентъ все же не могъ бы осудить его, такъ какъ уголовный кодексъ не содержитъ въ себѣ ни одной такой статьи, которая могла бы быть примѣнена къ нему, а конвентъ находится подъ властью закона. Наказаніе отреченіемъ, которое предписываетъ конституція, король-де ужъ понесъ, слѣдовательно, для спокойствія республики конвенту не остается ничего иного, какъ изгнать короля изъ Франціи на вѣчныя времена и оцѣнить его голову на тотъ случай, если онъ вернется обратно. Другая сторона отвергла ссылку на неприкосновенность короля, какъ не выдерживающую никакой критики. Юный фанатикъ Сенъ-Жюстъ рѣзко порицалъ то, что люди изъ силъ выбиваются, чтобы подыскать процессуальныя формы, необходимыя для осужденія эксъ-короля. Король-де не гражданинъ; онъ долженъ быть казненъ какъ врагъ, надъ нимъ не столь важно чинить судъ, сколько бороться съ нимъ. Сенъ-Жюстъ видѣлъ въ этомъ процессѣ не вопросъ права, а вопросъ борьбы.

„Какое правовое отношеніе существуетъ между человѣчествомъ и королями?—сказалъ онъ.—Желаніе властвовать, преступленіе, грабежъ, котораго ничто не можетъ оправдать; народъ долженъ быть наказанъ, если онъ терпитъ этотъ грабежъ, и каждый можетъ за него расправиться по своему усмотрѣнію. Править безъ преступленій нельзя, это слишкомъ большое заблужденіе; мы должны смотрѣть на грабежъ королей, какъ смотрятъ короли на захватъ имъ присущей власти. Развѣ память о Кромвелѣ не запятнана тѣмъ, что онъ захватилъ себѣ власть Карла I и, конечно, первый былъ не мень-

шимъ узурпаторомъ, чѣмъ второй, ибо, если народъ столь малодушенъ, что позволяетъ тиранамъ властвовать надъ собою, власть будетъ принадлежать первому, кто ею овладѣетъ; и, безъ сомнѣнія, корона на челѣ одного будетъ не менѣе священна и законна, чѣмъ на челѣ другого. Когда-нибудь съ удивленіемъ узнаютъ, что въ XVIII столѣтіи не ушли дальше, чѣмъ во времена Цезаря. Тогда убили тирана посреди сената, не выполнивъ никакой формальности, кромѣ нанесенія двадцати трехъ ранъ, и во имя одного только закона, во имя свободы Рима. Теперь-же надъ человѣкомъ, убивавшимъ народъ и схваченнымъ на мѣстѣ преступленія, свершаютъ почетный судъ".

Робеспьеръ развилъ эти идеи еще дальше. Онъ считалъ стыдомъ и позоромъ для французскаго народа защищать съ парламентской трибуны короля, преступленія котораго всѣмъ извѣстны. „Можно ли еще спорить о неприкосновенности короля? Боже справедливый! Дикія орды деспотизма вновь собираются именемъ Людовика XVI разодрать сердце нашего отечества. Даже изъ своего заключенія борется съ нами Людовикъ, и можно ли еще сомнѣваться въ томъ, виновенъ ли онъ, дозволено ли еще поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ".

Національный конвентъ издалъ 3 декабря 1792 года декретъ, по которому Людовикъ XVI предавался суду. 15 января 1793 года національный конвентъ призналъ Людовика Капета виновнымъ въ заговорѣ противъ націи и въ покушеніи на всеобщую безопасность государства. Предложеніе жирондистовъ отдать на утвержденіе народа приговоръ надъ Людовикомъ Капетомъ, каковъ бы онъ ни былъ, было отвергнуто 483 голосами противъ 221. Конвентъ утвердилъ смертный приговоръ надъ Людовикомъ XVI.

Чрезвычайно богата воззрѣніями на тираноубійство англійская литература. Мы уже познакоми-

лись со взглядами Мильтона на этотъ предметъ. Поэтъ Savage Landor называетъ тираноубійство справедливымъ и славнымъ убіеніемъ, которое, конечно, слѣдуетъ отличать отъ ассасинаціи, т. е. простого убійства изъ-за угла. Этотъ поэтъ зашелъ такъ далеко, что открыто предлагалъ денежныя средства, необходимыя для убіенія различныхъ правителей. Публицистъ Коббетъ писалъ относительно покушенія, совершеннаго на Наполеона I, что „положеніе корсиканца по отношенію къ французамъ походитъ на положеніе разбойника по отношенію къ хозяину дома, въ который онъ ворвался; кто же изъ насъ не разбилъ бы головы негодяя, совершившаго взломъ и кражу въ нашемъ домѣ? Тотъ,— продолжаетъ далѣе Коббетъ,—будетъ благороднымъ французомъ и истиннымъ другомъ своей страны, кто освободитъ землю отъ тирана, на совѣсти котораго лежатъ потоки крови".

Дизраэли, когда онъ былъ еще радикаломъ, пѣлъ хвалебныя пѣсни кинжалу Брута; на вѣчныя времена произносилъ онъ благословеніе надъ тѣми, кто „разительнымъ ударомъ освободитъ свое отечество отъ притѣснителей". Одинъ изъ его стиховъ гласитъ: „Да будетъ благословенна та рука, которая смѣло взмахиваетъ сталью надъ головой тирановъ и мститъ за страданія народа кровью тирановъ".

Выдающіеся нѣмецкіе поэты также прославили тираноубійство. О Шиллерѣ мы уже говорили, надо еще указать на его „Фіэско". Гердеръ, чувствительный мечтатель, называетъ въ своихъ „Мысляхъ объ исторіи человѣчества" „смертоносный кинжалъ печальнымъ, но необходимымъ средствомъ всѣхъ несчастныхъ". Жанъ Поль также считаетъ рѣшительныя дѣйствія древне-римскихъ заговорщиковъ достойными награды и подражанія по отношенію ко всѣмъ деспотамъ.

„Вы знаете, что тираны стоятъ внѣ закона",—вос-

кликнулъ Платенъ въ виду звѣрствъ, совершенныхъ надъ поляками.

Чрезвычайно доброжелательно говоритъ буржуазный политикъ, Карлъ Браунъ, нѣкогда лидеръ національ-либераловъ, о Карлѣ Фоллерѣ, который въ до-мартовскую эпоху выступилъ сторонникомъ анархистической пропаганды дѣйствіемъ, и политическимъ идеаломъ котораго была „великая нѣмецкая республика". Карлъ Фоллеръ считалъ безсмысленнымъ говорить о правомѣрности средствъ, избираемыхъ для достиженія свободы; онъ говорилъ, что никто не имѣетъ права лишить насъ свободы, а потому всякое средство дозволено по отношенію къ лицамъ, похищающимъ ее у насъ; возстаніе, тираноубійство и все, что въ обычной жизни считается преступленіемъ, есть законное средство, когда дѣло идетъ о завоеваніи народной свободы, такъ какъ другихъ средствъ для этого нѣтъ.

И какъ судитъ національ-либералъ Браунъ объ этомъ человѣкѣ? Онъ пишетъ:

„Нельзя отрицать, что на всемъ этомъ лежитъ отпечатокъ одичанья и предосудительнаго признанія принципа „цѣль оправдываетъ средства". Съ другой же стороны, если это заблужденіе не можетъ быть вполнѣ оправдано, то все же оно поддается объясненію. Эти пламенныя сердца, эти сильные люди, которые воодушевлялись воспоминаніемъ о славной борьбѣ съ насильниками Европы и надеждой на возрожденіе Германіи, нигдѣ не видѣли пути, который велъ бы къ удовлетворенію ихъ законной жажды подвиговъ и честолюбія... имъ не оставалось ничего иного, какъ все глубже и упрямѣе закапываться въ свою „систему", раззадаривать другъ друга до изступленія.

Такъ думала въ то время буржуазная демократія Германіи и другихъ странъ.

Французскій поэтъ Викторъ Гюго, съ одобренія либеральной печати всей Европы, признавалъ

правомѣрность тираноубійства спеціально по отношенію къ Наполеону III. На этого узурпатора совершалось много покушеній. Самое извѣстное изъ нихъ—это покушеніе итальянскаго дворянина Орсини, который, будучи приговоренъ къ смертной казни, гордо взошелъ на эшафотъ съ возгласомъ „Да здравствуетъ республика"! — и затѣмъ предоставилъ себя въ распоряженіе палача. Либеральная печать не считала Орсини простымъ убійцей: она вполнѣ справедливо приписывала ему идеальныя побужденія; онъ видѣлъ въ Наполеонѣ живое препятствіе страстному желанію итальянскихъ патріотовъ создать единство своей родины. Въ началѣ декабря 1903 года появилась въ печати слѣдующая замѣтка.

„Нѣкоторые патріотическіе граждане Имола прибили въ 1858 году въ ночное время на фасадѣ госпитальной аптеки памятную доску Феликсу Орсини, метальщику бомбъ. Памятная доска имѣла слѣдующую надпись: „Феликсъ Орсини—неутомимый борецъ—за итальянскую независимость—приговоренный къ смерти — французской тираніей — ждетъ отъ итальянцевъ — въ виду постигшаго его несчастья, чествованія и мести — и надѣется, что его кости будутъ покоиться — въ храмѣ мучениковъ—лишь только австрійцы—будутъ изгнаны изъ Италіи". Папская полиція велѣла на слѣдующее же утро убрать эту доску, которая перешла затѣмъ въ собственность къ дочери Орсини. 29 ноября 1903 года „Комитетъ ветерановъ народной партіи" вынесъ въ городскомъ театрѣ Имола рѣшеніе прикрѣпить вышеозначенную доску на прежнее мѣсто и подъ ней сдѣлать особую приписку слѣдующаго содержанія: „Прикрѣпленная здѣсь имольскими патріотами — и сорванная папской полиціей въ 1858 году—эта доска вновь—водворена на свое историческое мѣсто имольскимъ народнымъ союзомъ—которому дали на то свое согласіе

всѣ прочіе союзы Италіи; нынѣ 29 ноября 1903 года".

Соціалъ-демократическая газета „Avanti" замѣтила по этому поводу, что, если буржуазія прославляетъ Орсини, который прибѣгалъ къ бомбамъ съ идеально-патріотическими цѣлями, то она тѣмъ самымъ теряетъ всякое право клеймить именемъ обыденнаго преступника политическихъ фанатиковъ вродѣ Казеріо и др.

По тѣмъ же самымъ соображеніямъ либеральная европейская буржуазія прославила сержанта Милана, совершившаго въ 1856 году во время службы покушеніе на виднаго носителя „Богомъ дарованной" власти, Фердинанда II Неаполитанскаго. Буржуазія въ Сардинскомъ парламентѣ вотировала почетную субсидію родственникамъ покушавшагося.

Выдающійся представитель швейцарской буржуазіи, А. Генгель, опубликовалъ въ 1885 году свой трудъ, въ которомъ строго осуждаются анархистическія покушенія Пассаменто, Монцази, Гедэля и Нобилинга и разъясняется, что въ этихъ преступленіяхъ не содержится ничего, что устраняетъ ихъ уголовный характеръ, и потому покушающіеся на подобное убійство должны разсматриваться, какъ обыкновенные преступники. А. Генгель говоритъ далѣе, что политическіе убійцы никогда не были выразителями высшаго суда, каковыми они себя считали. Они являлись представителями извѣстной доктрины, организаціи, класса, партіи или безразсуднаго ученія, и желали убійствомъ достичь преобладанія своихъ интересовъ или отомстить за ихъ попраніе. Затѣмъ, однако, онъ говоритъ: „Факты ясно говорятъ за то, что, несмотря на существованіе извѣстнаго положенія государственнаго права, касающагося правителей, лица, облеченныя властью, могутъ все же совершать различныя несправедливости, и сознаніе народовъ никогда не осуждало вполнѣ тѣхъ, кто покушался на

нихъ. Народы, отдавая въ руки правителей государственную власть, дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобы они поступали согласно со справедливостью. Только подъ такимъ условіемъ изъявляютъ они покорность. Если же правители сходятъ съ пути справедливости и злоупотребляютъ ввѣренной имъ властью, разнуздывая свои личныя страсти и свою личную месть, то они сами являются государственными преступниками, и такъ какъ они объявляютъ себя выше закона, и на нихъ нѣтъ никакой управы, то могутъ имѣть мѣсто такіе случаи, при которыхъ свободному человѣку остается только одно—искать своихъ правъ въ поднебесьи".

Въ новѣйшее время мы имѣемъ примѣръ оправданія убійства короля, который заслуживаетъ большого вниманія. Рѣчь идетъ объ убійствѣ сербской королевской четы, совершенномъ офицерами въ ночь на 11 іюня 1903 года. Бывшій сербскій министръ-президентъ д-ръ Сладанъ Георгіевичъ защищаетъ въ одной распространенной газетѣ это убійство, какъ необходимое и правомѣрное. Человѣкъ этотъ, что чувствуется въ каждой строчкѣ его разсужденій, убѣжденный монархистъ. Всѣ его сообщенія производятъ впечатлѣніе достовѣрности. Онъ описываетъ, какъ король Александръ сталъ посредствомъ цѣлаго ряда преступленій неограниченнымъ властелиномъ своего народа. Исторія различныхъ государственныхъ происковъ описывается въ отдѣльности и затѣмъ имъ дается общая оцѣнка: „Клятвопреступленіе на каждомъ шагу... конечно, прежде приходится перенести большія страданія и мученія, чѣмъ рѣшиться подумать самое худшее о своемъ молодомъ королѣ, которому присягалъ, и отказать ему въ довѣріи".

„Я, Сладанъ Георгіевичъ, стоя одною ногою въ гробу, утверждаю здѣсь передъ лицомъ Европы, что король Александръ нанялъ убійцу, чтобы убить своего отца Милана. Да, слушайте, вы, императоръ-

скія величества, слушайте и вы, цивилизованные народы, вы, которые считаете верхомъ азіатскаго варварства ту самопомощь, къ который прибѣгъ несчастный народъ: король Александръ Сербскій и его бывшая содержанка, а позднѣе законная жена Драга, подкупили наемнаго убійцу Князевича, чтобы подло, изъ-за угла, убить родного отца короля, основателя новаго сербскаго королевства, перваго сербскаго короля послѣ паденія нѣкогда бывшаго царства".

Драгѣ, которую Георгіевичъ изображаетъ воплощеніемъ всякой подлости, онъ приписываетъ львиную долю виновности въ „несчастіи" Сербіи. Онъ описываетъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „Ея тѣло было общественнымъ достояніемъ; ея прошлое было извѣстно всему городу и опорачивалось еще родителями, ибо отецъ ея умеръ въ сумасшедшемъ домѣ въ Бѣлградѣ, а мать была пьяницей; каждый зналъ, что она необузданная публичная женщина".

Задача, которою задался Георгіевичъ, заключается въ томъ, чтобы защитить Сербію отъ упрековъ, посылавшихся ей за то, что она не привлекаетъ къ суду убійцъ Александра. Точное описаніе положенія дѣлъ и должно послужить къ оправданію убійства. Георгіевичъ въ концѣ своего описанія ставитъ слѣдующій вопросъ: „Въ какомъ другомъ государствѣ оставили бы дольше жить подобнаго кровопійцу?" Намѣреніе назначить брата Драги престолонаслѣдникомъ переполнило чашу терпѣнія... „Этого не желалъ ни одинъ порядочный человѣкъ въ Сербіи"...

„Это намѣреніе, какъ молнія въ темную ночь, озарило сербамъ все, что они претерпѣли, и чувство самосохраненія цѣлаго народа и сознаніе необходимости защитить цѣлую націю и государство привели къ катастрофѣ, которая смела всю династію. То, что случилось въ бѣлградскомъ конакѣ

10 іюня, не было дѣломъ рукъ единичныхъ лицъ, но актомъ отчаянія всего народа, борящагося за свое существованіе. Развѣ заслужили, по божескимъ и человѣческимъ законамъ, два преступника Александръ и Драга естественную смерть?"

Заключительныя слова Георгіевича сводятся къ слѣдующему: „Безъ сомнѣнія, клятва должна быть священна. Но если король нарушаетъ свою клятву и становится преступникомъ, тѣмъ самымъ онъ освобождаетъ своихъ подданныхъ отъ ихъ присяги. Король Александръ былъ преступникомъ, и тѣ, которые его убили, имѣли право это сдѣлать; они поступили такъ въ цѣляхъ самосохраненія, чтобы спасти свое отечество и освободить свой народъ отъ позорнаго клейма".

Въ этихъ словахъ заключается старое ученіе о законности убійства правителей. Вновь избранный король Петръ Карагеоргіевичъ довелъ это ученіе до его логическаго конца: онъ объявилъ, что убійство, которое возвело его на тронъ,—дѣло, освященное Божіей милостью. Въ своемъ воззваніи къ сербскому народу онъ говорилъ: „Милость Божія и воля народа возвели меня на престолъ моихъ предковъ ... Я считаю своимъ долгомъ возблагодарить Бога за его милость". И митрополитъ, который благословлялъ его въ каѳедральномъ соборѣ въ Бѣлградѣ, подтвердилъ это заблужденіе, сказавъ, что все, происходящее на землѣ, осуществляется волею Бога; точно также и призваніе на царство августѣйшаго рода Карагеоргіевичей.

Если бы сторонники того ученія, которое объясняетъ все, происходящее на землѣ, проявленіемъ Божьей милости, дѣйствительно честно вѣрили въ это ученіе и не насиловали бы логики тамъ, гдѣ это въ ихъ интересахъ, то они должны были бы ставить на счетъ милости и всемогущества Бога всякое другое преступленіе. Слѣдовательно, и въ анархистѣ, убившемъ правителя, они должны были бы признать

избранника этого всемогущества, призваннаго быть орудіемъ божеской справедливости. Но этого вывода, который не могъ бы увеличить безумія, которое заключается въ оправданіи преступленія ссылкой на волю Бога, не признаютъ „благочестивые“. Такъ, анархистъ, который клянется уничтожить всѣхъ правителей и, по мѣрѣ возможности, исполняетъ свои клятвы, является въ глазахъ благочестивыхъ людей „орудіемъ дьявола“.

Нерѣдко происходили анархистскія покушенія на коронованныхъ особъ и членовъ династическихъ родовъ. Но какъ различно относились къ этимъ фактамъ представители государственной власти, церкви и т. н. „охранительныхъ“ круговъ общества! Это различіе обнаружилось и въ отношеніи къ убійству сербской королевской четы и вступленію на престолъ новаго короля. Въ данномъ случаѣ мы совершенно не замѣчали того горячаго возмущенія, которое обнаруживается обыкновенно по отношенію къ преступленіямъ безразсудныхъ анархистовъ. Газеты „охранительнаго“ направленія, которыя раньше не находили объективнаго объясненія для анархическихъ покушеній, для даннаго случая находили такое объясненіе и даже подыскивали ему оправданіе. Далѣе, характерно то, что ни одинъ монархъ не обнаружилъ желанія выразить опредѣленно свое отношеніе къ убійству сербскаго короля, въ то время какъ по отношенію къ покушеніямъ анархистовъ дѣлались разнаго рода демонстративныя представленія. Слѣдуетъ отмѣтить также тотъ фактъ, что ссылки новаго короля на „Божію милость“ не побудили поборниковъ религіи и монархическихъ принциповъ къ энергичному протесту противъ такого явнаго злоупотребленія религіей.

И что же было сдѣлано съ убійцами сербской королевской четы?

Совершать дознаніе, кто они, было излишне:

ихъ зналъ весь міръ. Но ихъ не привлекли къ отвѣтственности; они остались при дворѣ новаго короля; конечно, это соотвѣтствовало вполнѣ поповской аргументаціи: они-де „орудіе воли Божіей“. Совѣсть „христіанскихъ“ монарховъ не давала почувствовать имъ, что убійцы должны быть наказаны по всей строгости закона. То, что они предприняли противъ нихъ, было дипломатической комедіей. Въ декабрѣ 1903 года въ прессѣ разнесся слухъ, что Австрія, Германія и Россія предпринимаютъ „общую серьезную демонстрацію противъ короля Петра“; рѣчь шла о выраженіи порицанія королю Петру за то, что онъ не только не отстранилъ отъ себя цареубійцъ, но всецѣло подчинился ихъ власти! Только тогда, когда король устранитъ цареубійцъ, одѣтыхъ въ мундиры, монархи возобновятъ дипломатическія сношенія съ сербскимъ правительствомъ. Объ успѣхахъ этой удивительной дипломатической ноты газета „Der Tag“ сообщила слѣдующее: „Король Петръ, который, подъ давленіемъ монарховъ, рѣшилъ покончить съ главенствомъ цареубійцъ при своемъ дворѣ, дѣлаетъ послѣднія попытки, чтобы совершить этотъ столь важный для Сербіи шагъ безъ дальнѣйшихъ осложненій. Ему удалось склонить на свою сторону полковника Машина съ той цѣлью, чтобы побудить заговорщиковъ мирно удалиться отъ двора. Этотъ офицеръ устраивалъ ежедневно „политическіе вечера“, на которые заговорщики приглашались по одиночкѣ. Машинъ убѣждалъ ихъ, что теперь наступилъ моментъ, когда надо совершить второй патріотическій подвигъ (!), который не уступаетъ (!) совершенному 11 іюня. Отношеніе иностранныхъ государствъ (къ Сербіи) требуетъ по крайней мѣрѣ временнаго устраненія „цареубійцъ“ съ высокихъ постовъ, чтобы такимъ образомъ не воспрепятствовать окончательной внутренней консолидаціи Сербіи“. 4 мѣсяца спустя, 2 апрѣля 1904 г., теле-

грамма изъ Бѣлграда оповѣстила міръ, что въ сербскомъ правительственномъ органѣ опубликована отставка цареубійцъ отъ двора короля Петра. Эта отставка сопровождалась чествованіемъ убійцъ; они были призваны занять высшіе военные посты. Король Петръ — иниціаторъ убійствъ 11 іюня 1903 г., онъ товарищъ ихъ по заговору. Вести сношенія съ нимъ дипломаты не призадумались; только „исполнителей воли Божіей“ онъ долженъ былъ прогнать отъ своего двора. И онъ подчинился этой возвышенной морали, что, безспорно, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

* * *

Не излишне будетъ въ заключеніе указать на ту наглую ложь, какую такъ часто позволяли себѣ, такъ называемые „охранительные“ и „благонамѣренные элементы“, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе: они пытались возложить вину покушенія на соціалъ-демократію и либерализмъ.

Изъ вышеизложеннаго выясняются въ высшей степени важные факты. Во-первыхъ: 15 вѣковъ подъ рядъ господствуетъ теократическое и теологическое ученіе о законности цареубійства. И это ученіе пожало не мало кровавыхъ плодовъ.

Прежде католицизмъ и протестантизмъ ссылались на Бога и на интересы религіи, чтобы оправдать убійство тирановъ-монарховъ. Теперь представители обѣихъ религій выступаютъ въ качествѣ избранныхъ защитниковъ монарховъ противъ посягательствъ на ихъ жизнь со стороны анархистовъ. Такъ, за исключеніемъ Сербіи, было вездѣ, въ особенности въ Германіи, при всѣхъ покушеніяхъ, совершавшихся за послѣднія десятилѣтія. Князь Бисмаркъ имѣлъ безстыдство мотивировать свой проектъ закона противъ соціалъ-демократіи въ 1878 г. тѣмъ, что оба покушенія противъ Вильгельма I будто-бы доказываютъ, какъ соціалъ-демократиче-

ское міровоззрѣніе, „не признающее никакихъ нравственныхъ и юридическихъ законовъ, легко можетъ перейти къ санкціонированію убійствъ“.[1] Между тѣмъ, было завѣдомо извѣстно, что совершившіе покушенія Гёдель и Нобилингъ не имѣли ничего общаго ни съ соціалъ-демократіею, ни съ ея идеями. Все же, соціалъ-демократія была признана отвѣтственною за нихъ. Нужно было найти поводъ во чтобы то ни стало подавить соціалъ-демократію и тѣмъ самымъ открыть широкій путь развитію реакціи. Но консерваторы и клерикалы не ограничились ложью, признавъ соціалъ-демократію отвѣтственною за различныя покушенія противъ коронованныхъ особъ, они пошли еще дальше и обвинили либерализмъ въ существованіи соціалъ-демократическихъ идей и пропаганды.

Либеральное міросозерцаніе, либеральная наука и законодательство повинны въ неуваженіи и паденіи свѣтскаго и церковнаго авторитетовъ. Послѣ убійства итальянскаго короля Гумберта, нѣмецкія ультрамонтанскія газеты увѣряли, что если народы и ихъ правительства не будутъ возвращены на путь „истиннаго христіанства“ и „благотворнаго вліянія церкви“, то впредь ни одинъ монархъ не гарантированъ отъ того, чтобы не пасть жертвою гнуснаго убійцы. „Кельнская народная газета“ даже нарисовала слѣдующее „генеалогическое дерево“: реформація — либерализмъ,—соціаль-демократія — анархизмъ — цареубійство.

---

[1] У Гельвальда (Исторія культуры) мы читаемъ слѣдующее: „Поступокъ Брута находитъ нынѣ своихъ апологетовъ; даже покушеніе, сдѣланное во время австро-прусской войны, вызвало въ образованныхъ классахъ Европы — поскольку можно судить изъ отчетовъ ежедневныхъ газетъ—если не сожалѣніе по поводу неудачи его, то, во всякомъ случаѣ, сочувствіе къ личности свободолюбиваго убійцы, лишившаго себя жизни въ тюрьмѣ; здѣсь рѣчь идетъ о покушеніи 7 мая, 1866 г., сдѣланномъ Фердинандомъ Блиндомъ не противъ монарха, а противъ „героя гогенцоллернской династіи“, министра-президента Бисмарка, завоевательная политика котораго въ интересахъ гогенцоллернской династіи, вызвала негодованіе всей „образованной Европы“.

Въ опроверженіе такой іезуитской фальсификаціи истины, мы сошлемся на вышеприведенные историческіе факты, дающіе понятіе объ отношеніи къ цареубійству съ точки зрѣнія теократическаго и теологическаго міросозерцанія. „Великая церковь“ и ея фактическое духовенство провозгласили цареубійство дѣяніемъ, угоднымъ Богу; его признавали и осуществляли на дѣлѣ и другіе, такъ называемые „авторитеты“, — дворянство и либеральная буржуазія. Кромѣ того, съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, сами монархи подавали безчисленные примѣры цареубійства. Не разъ убійца, занявшій престолъ, какъ „помазанникъ Божій“, въ то же время требовалъ для себя личной неприкосновенности.

Истинный, настоящій демократизмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять традиціонной догмы о безусловной неприкосновенности и безотвѣтственности монарха; онъ долженъ отвергнуть ее въ принципѣ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, монархъ, какъ и всякій человѣкъ, отвѣтственъ за свои поступки и дѣянія, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло касается правъ, блага и интересовъ цѣлаго народа. Вполнѣ опредѣленно и принципіально соціалъ-демократія протестуетъ противъ преступнаго безумія анархіи, допускающей убійство монарха потому лишь, что онъ монархъ.

Послѣ убійства итальянскаго короля Гумберта, нѣмецкіе „охранительные“ органы, пытаясь объяснить истинныя причины подобныхъ преступленій, поступили болѣе чѣмъ глупо, сваливъ всю отвѣтственость на соціалъ-демократическое и анархистское міросозерцаніе. При этомъ они, конечно, не упомянули объ огромной разницѣ, которая существуетъ между соціалъ-демократіею и анархизмомъ. Если анархическія сумасбродства достигли крайнихъ размѣровъ именно въ Италіи, то это объясняется прежде всего жалкимъ положеніемъ ея обществен-

ныхъ классовъ. Но есть еще и другія причины. Италія—классическая страна разбойничества. Наивысшаго процвѣтанія разбойническій анархизмъ достигъ въ періодъ господства церкви. По сравненію съ количествомъ населенія, нигдѣ не было столько преступниковъ, убійцъ и воровъ, какъ въ церковномъ государствѣ, подъ непосредственнымъ господствомъ папы и духовенства. Человѣку, неразборчивому въ нравственномъ отношеніи, достаточно было самой ничтожной суммы, чтобы подкупить убійцу, искусно владѣющаго оружіемъ. Между людьми духовнаго званія оказалось много бандитовъ; множество „избранныхъ“ и членовъ „высшаго общества“ было уличено, какъ зачинщики убійствъ. Такія чудовищныя явленія окружались плѣнительнымъ ореоломъ „романтизма“. Особеннымъ почетомъ пользовались политическія убійства, тѣмъ болѣе, что они, какъ мы уже упомянули, были тѣсно связаны съ подготовленіемъ національнаго объединенія и независимости. Понадобился длинный рядъ историческихъ причинъ, чтобы сдѣлать политическія преступленія въ Италіи явленіемъ мѣстнымъ. Пока еще въ широкихъ народныхъ массахъ не замѣтно предрасположенія къ преступленіямъ. Но нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что преступленія власть имущихъ по отношенію къ народу, заносчивость, жестокое, безстыдное обращеніе богатыхъ съ бѣдными, поистинѣ возмутительныя экономическія и общественныя отношенія, въ которыхъ живутъ и страдаютъ отверженныя, презираемыя и угнетенныя народныя массы, въ огромной мѣрѣ содѣйствуютъ распространенію среди нихъ такихъ наклонностей, которыя, подъ вліяніемъ нездоровыхъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, приводятъ къ „пропагандѣ дѣйствіемъ“. Біографіи итальянскихъ политическихъ убійцъ, ихъ психическій міръ, „мотивъ“, спокойствіе, съ которымъ они встрѣчаютъ смерть, — что̀ нынѣ счи-

тается цинизмомъ, а прежде и при другихъ условіяхъ считалось героизмомъ,—все, это, несомнѣнно доказываетъ, что причины этого явленія кроются не въ такъ называемомъ „анархическомъ міровоззрѣніи“, а въ исторіи и общественныхъ условіяхъ Италіи.

Такова истина! Жалокъ тотъ, кто не въ силахъ понять ее; но достоинъ презрѣнія тотъ, кто пренебрегаетъ ею для того только, чтобы имѣть лишній поводъ возбуждать общественное мнѣніе противъ соціалъ-демократіи.

Глава VI.

Абсолютизмъ и конституціонализмъ.

1. Происхожденіе и развитіе абсолютизма

Восточный деспотизмъ.— Происхожденіе абсолютизма въ Европѣ.— Христіанское ученіе о Богѣ благопріятствовало его развитію.— Церковь подавала свѣтской власти примѣръ абсолютнаго правленія.—Церковь стремилась не къ суверенитету народа, а къ всемірному суверенитету папы.—„Основной договоръ" между монархомъ и народомъ.— Реформація содѣйствовала усиленію абсолютизма.—Принципъ всемогущества верховной власти достигаетъ наивысшаго своего развитія. — Теорія и практика абсолютнаго правленія во Франціи.—Людовикъ XIV.— Абсолютизмъ включаетъ въ себя наибольшее униженіе народовъ.—Правленіе такъ называемыхъ „добрыхъ" деспотовъ.— „Просвѣщенный" абсолютизмъ.—Критическія замѣчанія нѣкоторыхъ писателей.—Отреченіе Фридриха Великаго отъ иллюзіи „Божіей милости" и отъ тираніи.—Абсолютизмъ, какъ понятіе власти.

Часто утверждаютъ, что пути исторіи неисповѣдимы. Это невѣрно. Въ каждомъ историческомъ событіи и выводѣ не трудно вскрыть вполнѣ реальную связь и строго логическое взаимодѣйствіе между самыми разнообразными условіями и отношеніями. Руководствуясь одними лишь фактами, можно прослѣдить начало каждаго историческаго явленія и опредѣлить его причины. О „случайностяхъ" и „сверхъестественной" силѣ здѣсь и рѣчи быть не можетъ.

Классическою родиною монархическаго деспотизма является Востокъ. Намъ уже приходилось въ третьей главѣ говорить о томъ вліяніи, какое имѣли религіозныя понятія на созданіе абсолютной власти. Но этимъ однимъ нельзя, конечно, объяснить происхожденія деспотизма и произвола тираніи; нужны были еще и другія условія, и такими именно и были физическіе законы природы. Не-

преодолимая сила этихъ законовъ привела къ созданію рабства, какъ естественнаго состоянія широкихъ народныхъ массъ. „Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы въ тропической странѣ съ ея огромнымъ накопленіемъ богатствъ народъ избѣгъ бы рабской участи; чтобы избытокъ пищевыхъ продуктовъ, созданный климатическими условіями жаркаго пояса, не привелъ къ неравномѣрному распредѣленію сначала богатствъ, а потомъ и политическаго и соціальнаго могущества. У націй, жившихъ въ такихъ условіяхъ, народъ былъ безсиленъ и лишенъ права участія въ управленіи государствомъ и контроля надъ богатствами, созданными собственнымъ трудомъ. Единственнымъ его назначеніемъ было трудиться, единственною его обязанностью—подчиняться. Благодаря этому у него образовалась привычка къ покорности и рабскому подчиненію, которая, какъ это показываетъ исторія, всегда была его характеристическою чертою“ [1].

Мы не знаемъ примѣра въ исторіи деспотическихъ государствъ восточныхъ странъ, когда бы народъ возсталъ противъ своихъ управителей. Чуждый демократическаго духа, онъ терпѣливо переносилъ иго тяжелаго угнетенія. Въ теченіе многихъ тысячелѣтій происходили междоусобныя войны между королями и династіями; исторія повѣствуетъ о многочисленныхъ дворцовыхъ переворотахъ, но она ничего не говоритъ о революціонныхъ возстаніяхъ народовъ.

Гердеръ [2] называетъ обширную полосу передней Азіи, населенную кочевыми народами, плодородные и живописные берега Евфрата и Тигра, „родиною первыхъ монархій въ нашей всемірной исторіи“. Здѣсь нашла себѣ успокоеніе безпокойная страсть кочевниковъ къ бродячей жизни, здѣсь честолюбивые и властолюбивые предводители коче-

[1] Бокль. Исторія цивилизаціи, т. I, вторая глава.
[2] Herder: Ideen zur Philosophie der Geschichte Zwölftes Buch I.

выхъ племенъ положили основаніе новымъ государствамъ: Вавилону, Ассиріи, Халдеѣ, и здѣсь, въ полномъ соотвѣтствіи съ земельнымъ просторомъ и національнымъ характеромъ населяющихъ его жителей, широко развился неограниченный монархическій деспотизмъ. Духовенство было заинтересовано въ обожествленіи деспотической верховной власти въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда она склонялась передъ нимъ. Особеннымъ искусствомъ въ этомъ отношеніи обладали брамины, индійскіе жрецы. Чтобы король признавалъ и уважалъ ихъ верховную власть, они провозгласили его (въ законахъ Ману) „божественнымъ покровителемъ міра", „Богомъ карающихъ законовъ", „геніемъ государства, властителемъ водъ и повелителемъ небеснаго свода". Въ Египтѣ власть монарховъ точно также развивалась въ непосредственной связи съ властью жрецовъ. Хотя божественная книга персовъ — Зендъ-Авеста и вмѣняла въ обязанность послушаніе властямъ, но оно не должно было быть рабскимъ, а владычество правителей не должно было сдѣлаться деспотическимъ, такъ, какъ согласно завѣтамъ Ормузда (Богъ добра), земля не должна быть мѣстомъ страданій и угнетеній. Однако, ученіе это не могло препятствовать развитію тираніи. Покоритель Киръ, своимъ окончательнымъ порабощеніемъ вассальныхъ князей, проложилъ широкую дорогу этому развитію. Понятіе о божественномъ происхожденіи государей было перенесено въ Персію изъ Индіи. Мысль о воплощеніи божества въ человѣческомъ образѣ, такимъ образомъ, сдѣлалась прочною основою абсолютизма и деспотизма.

Земля и люди считались собственностью государя, и онъ имѣлъ „божественное право" распоряжаться ихъ судьбою по произволу. Исторія (уже Геродотъ) повѣствуетъ о возмутительныхъ гнусностяхъ, совершенныхъ персидскими деспотами. Восточный деспотизмъ съ его кровожаднымъ варвар-

ствомъ является вообще какимъ-то безстыднымъ издѣвательствомъ.

Кольбъ также объясняетъ происхожденіе неограниченной деспотической власти природными условіями извѣстныхъ странъ; таковы, напр., огромныя степныя и внутреннія пространства Азіи, и особенно Африки. „Отсутствіе морскихъ портовъ и даже большихъ рѣкъ исключаетъ возможность животворнаго общенія съ отдаленными народами и препятствуетъ обмѣну идей и знаній. Степныя и песчаныя пустыни пріучаютъ къ кочевому образу жизни. Встрѣчаемыя на пути препятствія должны быть преодолѣны; наиболѣе смѣлый и отважный дѣлается предводителемъ и скоро находитъ поводъ къ необычайному расширенію своей власти. Этому же содѣйствуетъ почти полная полигамія, которая неразрывна съ семейнымъ деспотизмомъ. Такимъ образомъ, еще на зарѣ исторіи, деспотизмъ властителей обусловливается общественнымъ строемъ“ [1].

Тамъ, гдѣ государственное управленіе развилось на почвѣ жизни и нравовъ кочевниковъ, оно привело къ деспотизму. „У первобытныхъ племенъ образъ короля былъ неразрывно связанъ съ главою семьи или жрецомъ. Поэтому, когда произошло сліяніе племенъ, политической свободѣ и народовластію среди нихъ не могло быть мѣста“ (Гердеръ).

Если мы обратимся къ началу исторіи, то мы не найдемъ ни одного восточнаго народа, который не испыталъ бы тяжелаго гнета деспотической тираніи. Какова же была судьба самихъ деспотій? Ни одна изъ величайшихъ восточныхъ монархій не просуществовала долго. Образовавшись посредствомъ политическихъ захватовъ, онѣ держались хищеніемъ и порабощеніемъ, пока сами не были уничтожены. Болѣе сильный, умный и отважный покорялъ болѣе слабаго деспота; угнетенные народы

[1] Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Третье изданіе, т. I.

смѣняли своихъ государей. Существованіе государства было всецѣло связано съ личностью государя и его властью; съ его паденіемъ падало и государство. Мнящіе себя властителями міра были повергнуты въ прахъ. Все деспотическое несетъ въ себѣ залогъ собственнаго разрушенія.

Подобно ученію Зендъ-Авесты персовъ, исламъ, въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ, также отрицательно относился къ духу деспотизма, но это отрицательное отношеніе имѣло лишь теоретическое значеніе. Много спорили о томъ, включаетъли „ученіе пророка" признаніе идеи абсолютнаго всемогущества деспотизма. Господствующее мнѣніе высказалось въ положительномъ смыслѣ; однако, противъ этого утвержденія было сдѣлано нѣсколько весьма вѣскихъ и убѣдительныхъ возраженій. Болѣе глубокое изученіе исторіи ислама и исламистскихъ правовыхъ ученій привело къ болѣе правильнымъ сужденіямъ.

На какіе элементы опирался пророкъ Магометъ и его послѣдователи, предуготовляя путь побѣдоносному шествію ислама? То были арабы, которые при своемъ „свободолюбивомъ и демократическомъ характерѣ", конечно, не дали бы своего согласія на созданіе деспотическаго господства.

Въ дѣйствительности, первоначально верховная власть имамъ, суверенитетъ зависѣли отъ свободнаго выбора общины. Для санкціонированія своей власти, избранники нуждались во всеобщемъ признаніи народа. По законамъ ислама, властитель можетъ быть смѣщенъ. Уже послѣ смерти пророка, когда между послѣдователями его ученія возникъ споръ о наслѣдованіи и, вообще, о характерѣ власти, рѣзко проявилось стремленіе къ созданію выборной монархіи. Провозглашенный калифомъ Абу-Бекръ обратился къ присягнувшему ему народу со слѣдующими словами: „Вы избрали меня своимъ верховнымъ владыкою, хотя я и не самый достой-

ный изъ васъ. Когда я буду поступать справедливо, не отказывайте мнѣ въ своемъ содѣйствіи, но если я буду неправъ, окажите мнѣ противодѣйствіе. Повинуйтесь мнѣ до тѣхъ поръ, пока я повинуюсь Богу и откажитесь повиноваться мнѣ, когда я буду поступать противъ Бога и возвѣщенныхъ Имъ заповѣдей".

Калифъ Омаръ также очень опредѣленно высказывается въ пользу выборной монархіи. „Если кто-либо провозглашенъ монархомъ помимо согласія мусульманъ, то провозглашеніе его должно быть признано недѣйствительнымъ".

По мнѣнію Марка Іосифа Мюллера, „весь духъ мусульманскаго ученія" покоится на глубоко демократическихъ основаніяхъ. „Принципъ всеобщаго равенства и призванія къ осуществленію заповѣдей Бога является господствующимъ во всемъ строѣ мусульманской жизни". Но эта основная черта ислама не помѣшала, конечно, развитію тираническої власти и неограниченнаго деспотизма; распространеніе ислама даже содѣйствовало этому. Исламъ распространился среди народовъ, которые не знали другого правленія кромѣ деспотическаго и привыкли къ рабству, какъ къ Богомъ установленному порядку. Такъ же было у персовъ. Они перенесли на послѣдователей пророка идею божественнаго достоинства и неограниченной власти монарха. Но уже въ ученіи пророка было нѣчто такое, что на практикѣ не уживалось съ упомянутымъ демократическимъ принципомъ, это—вѣра въ неизбѣжность и фатализмъ судьбы и ученіе о томъ, что калифъ—намѣстникъ Бога и его пророка, и что всѣ обязаны повиноваться ему, конечно, при предположеніи, что онъ лично слѣдуетъ заповѣдямъ Бога и его пророка. Гердеръ назвалъ это деспотизмомъ духа, который, само собою разумѣется, распространился и на управленіе государствомъ. „Основою магометанскихъ государствъ является повиновеніе Богу и ниспосланному имъ государю".

Еще одно обстоятельство содѣйствовало укрѣпленію и упроченію исламистскаго деспотизма. Турки разрушили Византійскую имперію и возвели свое государство на ея развалинахъ; но прежде всего они заимствовали у нея деспотизмъ „христіанскихъ“ государей, нелѣпое обожествленіе ихъ, безграничный произволъ и варварство. Султаны сдѣлались преемниками византійскихъ государей.

Система турецкаго управленія покоится нынѣ на тѣхъ же самыхъ принципахъ, и, по существу своему, такъ же деспотична, какъ она была при основаніи турецкаго государства.

Всѣ такъ называемыя „реформы“, провозглашенная 26 декабря 1876 г., конституція съ признаніемъ „свободы личности“, „равенства передъ закономъ“ и пр., въ сущности ничего не измѣнили.

Итакъ, исторія Востока повѣствуетъ лишь о дѣяніяхъ, преступленіяхъ и судьбахъ властелиновъ, о проклятіи деспотизма, о смѣнахъ господствующихъ племенъ. Ассиріяне, вавилоняне, мидяне, персы, эллины, парѳяне, римляне были въ древности по очереди властителями передней Азіи. Такъ продолжается отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени. Все тотъ же деспотизмъ! Современныя формы правленія Востока почти тѣ же, какія были нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ.

* * *

Обратимся теперь къ западнымъ странамъ, исторія которыхъ, въ противоположность исторіи востока, вскрываетъ передъ нами процессъ развитія какъ политическихъ конституцій, такъ и монархическихъ формъ правленія.

Какъ могъ въ христіанской Европѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, подпавшихъ временному вліянію Ислама, возникнуть монархическій абсолютизмъ?

Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ не появился внезапно,

какъ законченное цѣлое; онъ не былъ даромъ, ниспосланнымъ народомъ свыше; нѣтъ, развитіе его съ момента возникновенія до полнаго завершенія совершилось, относительно говоря, очень быстро, въ короткое время. Мы уже видѣли, что первымъ проявленіемъ его было стремленіе государей къ всемогуществу, вопреки народнымъ правамъ.

Римская имперія возникла изъ древней, могущественной государственной власти, покоившейся на отсутствіи истинной свободы. Она была воплощеніемъ господствовавшаго деспотизма и опиралась на централизацію, поглощеніе, разъединеніе, расчлененіе, подкупъ и деморализацію. Она являлась „вѣрнымъ выраженіемъ разлагающагося античнаго общества“ [1]. Абсолютное государство послѣдующей эпохи было точно также результатомъ разложенія общества, но уже средневѣковаго. Между нимъ и римскимъ абсолютизмомъ существовала тѣсная идейная связь, поддерживаемая главнымъ образомъ церковью. Послѣдняя сдѣлалась носительницей накопленной правительственной мудрости цезаристскаго абсолютизма, который она и осуществила на дѣлѣ. Помимо этого, божественное ученіе христіанской церкви также благопріятствовало развитію духа абсолютизма. На это еще въ 1777 г. указывалъ знаменитый итальянскій политическій писатель [2]. Онъ говоритъ:

„У многихъ народовъ гражданская тиранія развилась изъ религіозной; часто онѣ были неразрывны или служили другъ другу взаимною поддержкою. Языческая религія съ ея безчисленнымъ количествомъ боговъ, превратившая небо почти въ республику, и подчинившая самого Юпитера законамъ фатума

[1] Германія и западная цивилизація. Штутгартъ, изданіе Карла Гёпеля, 1852 г. стр. 62 (Авторомъ оказался впослѣдствіи Густавъ Дитцель).

[2] Графъ Викторъ Альфіери. О тираніи. Вновь пересмотрѣно. Съ приложеніемъ предисловія Ф. Фрейхера фонъ Фенберга. Мангеймъ 1845 г. Книга I, гл. 8.

и прочимъ обычаямъ и привилегіямъ небеснаго двора, была особенно благопріятна свободному развитію жизни; такъ оно и было въ дѣйствительности (Альфіери, очевидно, имѣлъ здѣсь въ виду исключительно Римъ и Грецію, такъ какъ этотъ выводъ не можетъ быть распространенъ на языческія религіи Востока. *Авторъ*). Еврейская, а вслѣдъ за нею христіанская и мусульманская религіи, признававшія только единаго Бога неограниченнымъ и всемогущимъ повелителемъ вселенной, должны были по необходимости быть болѣе снисходительными къ развитію тираніи, что въ дѣйствительности было, и еще теперь продолжается".

Часто указываютъ на то, что христіанство первоначально, какъ по организаціи церкви, такъ и по своему ученію было демократично; дѣленіе людей на правящихъ и управляемыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ было ему чуждо. Но это ничего не значитъ. Рѣшающее въ данномъ случаѣ значеніе имѣетъ то, что церковная догма предписываетъ слѣпое повиновеніе и даже не упоминаетъ свободы, что церковь съ своимъ духовнымъ абсолютизмомъ сдѣлалась высшей наставницей земныхъ властей. Она достигла того, что распространила власть папы, будто-бы завѣщанную ему одному Богомъ, на душу и тѣло человѣка; она создала „посредничество между Богомъ и людьми" и образовала могущественную, абсолютную всемірную монархію.

Всѣ тѣ средства, которыми впослѣдствіи въ своихъ интересахъ воспользовался свѣтскій абсолютизмъ: финансовая эксплоатація подданныхъ, государственные долги, подкупъ, безнравственность, — все это въ христіанскомъ мірѣ впервые было доведено до совершенства при папскомъ дворѣ. Эта наука не пропала даромъ. Церковь впервые провозгласила и провела въ жизнь принципъ всѣхъ абсолютныхъ государствъ, а именно, что право, истина, свобода, люди,—все должно быть безпреко-

словно принесено въ жертву идеѣ господства власти. Послѣдствія этого примѣра не могли быть смягчены и ослаблены тѣмъ, что церковь для укрѣпленія своего господства выступила противъ свѣтской власти въ защиту народныхъ правъ, и даже обострила конфликтъ между народомъ и верховной монархической властью. „Основою и истинною сущностью католическо-монархическаго ученія о суверенитетѣ является не верховная власть народа, а всемірный суверенитетъ папы". Это не скрылось отъ вниманія свѣтскихъ государей.

Съ самого начала монархія, по крайней мѣрѣ нѣмецкая, относилась враждебно къ папскому абсолютизму: она хотѣла властвовать по возможности неограниченно „Божіею милостію", не подчиняясь папскому абсолютизму; она стремилась къ всемогуществу, чтобы дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Но достиженію этой цѣли долго еще мѣшало правосознаніе народа и попытки къ практическому осуществленію этого правосознанія въ жизни. Извѣстныя правовыя формы народнаго самоопредѣленія сохранились еще тогда, когда основы самого права были уже поколеблены, а отчасти даже окончательно уничтожены. Выдающіеся, но болѣе старые спеціалисты по государственному праву[1], говорятъ объ „основномъ договорѣ" между государемъ и народомъ, построенномъ на принципѣ „вѣрность за вѣрность, право за право", который былъ также обязателенъ для государя, какъ долгъ присяги для гражданина. Въ этомъ „основномъ договорѣ" выработанъ „принципъ правовой и судебной отвѣтственности политическихъ властей, по которому нѣмецкимъ основнымъ законамъ одинаково подлежатъ какъ князья, такъ и король" (Велькеръ).

[1] Важные документы о правовомъ состояніи Германіи съ собственноручными замѣчаніями І. Л. Клюбера, сообщенныя и комментированныя К. Велькеръ. Мангеймъ 1845. Далѣе К. Велькеръ. Нѣмецкое государственное право.

Историческая наука сохранила много документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что еще въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ нѣмецкіе территоріальные князья давали сословіямъ очень опредѣленныя обязательства, согласно которымъ они обѣщали неуклонно и добросовѣстно блюсти и отстаивать извѣстныя народныя или сословныя права. Сюда относится, главнымъ образомъ, согласіе сословій или городовъ на взиманіе налоговъ и право отвергать налоговое обложеніе. Въ 1820 г. на одномъ собраніи берлинскаго сейма, бранденбургскіе маркграфы заключили договоръ со своими придворными, рыцарями, оруженосцами, всѣми вассалами и подданными (слѣд. не съ одними только привилегированными сословіями), по которому они обязывались къ опредѣленному ежегодному взносу, но съ правомъ уклониться отъ его уплаты въ томъ случаѣ, если князья нарушатъ договоръ. Когда въ 1434 г. курфюрстъ Дитрихъ Кельнскій вздумалъ собственною властью установить новый налогъ, рыцари и города соединились и пошли противъ него войною (такъ называемая Сестская война). Курфюрстъ принужденъ былъ уступить, а члены союза отказались впредь признавать князя, пока онъ не обяжется присягою добросовѣстно защищать ихъ права.

Въ Баваріи сословія не присягали новому князю до тѣхъ поръ, пока онъ не давалъ клятвеннаго обѣщанія блюсти основные законы и свободу. Здѣсь князья также не могли устанавливать налоговъ безъ согласія сословій. Въ 1474 г., въ Шлезвигъ-Гольштиніи, король Христіанъ I въ своей грамотѣ о государственномъ учрежденіи заявилъ, что „онъ избранъ, не какъ король Даніи, а какъ лицо, пользующееся довѣріемъ населенія“; что онъ обязуется не завѣщать управленія государствомъ своимъ дѣтямъ или родственникамъ, что предоставляетъ населенію послѣ своей смерти избрать себѣ другого

князя, и, наконецъ, что онъ ручается „всему населенію взрослому и несовершеннолѣтнему“ въ томъ, что будетъ защищать ихъ права и свободы.

Но скоро наступило время, когда „основные договоры“, права и свободы были не только въ принципѣ, но и на дѣлѣ окончательно принесены въ жертву „божественнымъ правамъ“ князей.

Въ 1788 г. въ Берлинѣ появилось сочиненіе Фридриха Великаго, [1] въ которомъ этотъ самодержецъ говоритъ: „Отравленнымъ источникомъ всѣхъ бѣдъ европейскихъ народовъ и государствъ является забвеніе договорнаго и ограниченнаго характера власти государя“. Исключеніемъ является Англія, о которой мы будемъ говорить особо. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь королевскому деспотизму удалось на дѣлѣ подавить свободу и нарушить права; но во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ противопоставлялъ свое законное, еще не отмѣненное право и продолжалъ придерживаться его, по крайней мѣрѣ, по существу. Народъ не переставалъ бороться за свое право, за свою Magna Charta. Англійская свобода родилась изъ угнетенія. Въ остальной Европѣ свобода и право были уничтожены деспотизмомъ.

* * *

Реформація разрушила папскій абсолютизмъ. Однако, отъ этого, какъ мы уже показали, абсолютистская доктрина и практика свѣтской власти выиграли и прямо, и косвенно.

Прямо — благодаря ученію реформаторовъ „о безусловномъ повиновеніи подданныхъ“, а косвенно — благодаря обстоятельствамъ, сопровождавшимъ Реформацію и обусловленнымъ ею, благодаря политическимъ потрясеніямъ, главнымъ образомъ, Тридцатилѣтней войнѣ и, наконецъ, благодаря измѣнившимся экономическимъ условіямъ народной жизни. Прави-

[1] Oeuvers posthumes II, стр. 47.

тели воспользовались случаемъ, чтобы обогатиться за счетъ церковныхъ имуществъ и такимъ путемъ увеличить свое матеріальное могущество. Они заключали выгодные договоры, союзы—или же къ своей выгодѣ расторгали ихъ. Въ то время, какъ бѣшеныя войны опустошали страну, а народъ все больше и больше впадалъ въ нищету и невыразимо бѣдственное состояніе, князья пріобрѣтали вліяніе и фактическую власть надъ нимъ. Народъ былъ безсиленъ, онъ не могъ противодѣйствовать имъ, долженъ былъ подчиниться ихъ произволу и даже видѣлъ въ нихъ защитниковъ и спасителей. Не стало болѣе свободныхъ гражданъ; права и свободы, пріобрѣтенныя гражданами городовъ въ суровой борьбѣ съ феодальными господами, были окончательно похоронены.

Гельвальдъ [1] объясняетъ усиленіе королевской власти послѣ Реформаціи разложеніемъ феодальной системы: „Ростъ культуры вызвалъ всеобщее стремленіе къ миру, которое лишило феодальную систему ея естественнаго основанія и подготовило постепенное ея паденіе. Феодализмъ всюду исходилъ изъ ограниченія королевской власти. Такъ какъ сила одного противника пропорціональна утратѣ силъ другого, и ленная система постепенно дряхлѣла, то королевская власть должна была возрастать и усиливаться. Конечно, налицо имѣлся и третій факторъ — народъ, который могъ бы захватить власть, но его не принимали въ разсчетъ, да онъ и самъ на себя не разсчитывалъ. Отчасти это зависѣло отъ его недостаточнаго образованія, а отчасти отъ того, что онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ политику, относился очень пассивно къ усиленію королевской власти и съ изумительнымъ терпѣніемъ выносилъ выходки абсолютизма. Это служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ полной

[1] Фр. фонъ-Гельвальдъ. Исторія культуры и ея естественно развитіе до нашего времени.

политической индифферентности массъ, которымъ ничего не стоило уничтожить королевскую власть". Гельвальдъ приводитъ еще одно соображеніе; онъ находитъ, что самый ростъ культуры содѣйствовалъ такому положенію вещей, такъ какъ даже въ низшихъ слояхъ народа появилась „забота о матеріальномъ благѣ". Ростъ цѣнъ и потребностей отвлекъ вниманіе увеличивающагося населенія отъ общественныхъ дѣлъ и направилъ его на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей; усиленный спросъ вызвалъ увеличеніе цѣнности труда. „Возстановленіе нормальныхъ условій труда охотно покупалось цѣною подчиненія королевскимъ прихотямъ".

Ученіе монархомаховъ о народномъ суверенитетѣ было предано забвенію, тогда какъ доктрина абсолютизма продолжала развиваться; „съ половины семнадцатаго столѣтія, принципъ верховной власти достигъ своего апогея "[1].

Первымъ піонеромъ въ этомъ направленіи былъ кардиналъ Ришелье, бывшій въ теченіе 18 лѣтъ во главѣ государственнаго управленія Франціи (съ 1624 до 1642 г.). Главною его цѣлью было возстановленіе абсолютной монархіи посредствомъ полнаго уничтоженія всякой другой самостоятельной власти въ государствѣ, какихъ бы это жестокихъ и насильственныхъ мѣръ ни потребовало. „Ришелье надѣлилъ монархію невѣроятнымъ могуществомъ, но въ то же время онъ возстановилъ противъ нея свободный духъ человѣка, который неугашаемъ и не можетъ быть подавленъ... Ришелье былъ демономъ французской монархіи. Уничтоживъ всѣ политическія партіи, онъ лишилъ ее поддержки [2]". „Онъ,—какъ говоритъ Ранке,—требовалъ, чтобы къ идеѣ верховной власти относились, какъ къ рели-

[1] Гирке. I. Альтузіусъ, стр. 312.
[2] Гартогензисъ. О монархіи, ея необходимости и опасности. Берлинъ, 1889, ст. 33.

гіозной догмѣ; всякій, кто не признавалъ ее такою, подвергался, какъ еретикъ, самымъ суровымъ формамъ преслѣдованія".

Вполнѣ сложившаяся абсолютная монархія XVII в. въ своихъ основныхъ чертахъ удивительно напоминаетъ абсолютную монархію древней эпохи: подъ покровомъ христіанства господствовала та же идея верховной власти, т. е. идея непосредственнаго божественнаго узаконенія абсолютной верховной власти, неразрывно связанной съ личностью монарха, являющагося „намѣстникомъ Бога на землѣ" [1].

Протестантское ученіе, предписывающее безусловное повиновеніе монарху, обязующее подданныхъ безпрекословно подчиняться всякому, хотя и незаконному государственному акту, и ни въ какомъ случаѣ не признающее права сопротивляться государственной власти, сдѣлалось также господствующимъ ученіемъ католической Франціи. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей этого ученія былъ Боденъ. Онъ былъ неутомимымъ апологетомъ абсолютной монархіи, какъ наиболѣе совершенной и естественной формы государства, для котораго вѣчнымъ, руководящимъ идеаломъ служитъ управляемая Богомъ вселенная. Богъ— единый, абсолютный, неограниченно властвующій, всемогущій Богъ, царствуетъ и управляетъ міромъ такъ, какъ лучше представить себѣ невозможно. А потому монархъ, намѣстникъ его на землѣ, долженъ также неограниченно управлять.

Самое полное осуществленіе эта идея встрѣтила въ Людовикѣ XIV французскомъ. Ландманъ [2] изложилъ идеи этого короля; въ его распоряженіи былъ очень богатый матеріалъ; онъ пользовался первоисточниками, между прочимъ: Instructions pour le Dauphin и исторіею М. І. Маттера. Вотъ вкратцѣ ихъ содержаніе: въ государствѣ существуетъ

[1] Кёрстъ, стр. 107.
[2] Ландманъ. Идея верховной власти, стр. 107.

только одинъ законъ, это—воля монарха, намѣстника Бога на землѣ. Монарху принадлежитъ высшая власть на землѣ. Надъ нимъ нѣтъ власти; безъ него не можетъ быть совершенъ ни одинъ политическій актъ, нѣтъ такой воли или мысли, которыя бы не были подчинены ему. Выше его—одинъ только Богъ. Вообще въ государствѣ монархъ—все; государь и государство едины суть. („Государство—это я").

Людовикъ XIV, по выраженію Маттера, является выразителемъ „королевскаго пантеизма", заимствованнаго у Востока. Поэтому, онъ дѣйствительно считалъ себя собственникомъ всей страны и всего въ ней существующаго; всѣмъ онъ правитъ согласно своей верховной волѣ. Онъ отрицаетъ принципъ личной свободы и неприкосновенности собственности своихъ подданныхъ, принципъ, къ которому не осмѣлился прикоснуться даже Боссюэ, преданный и ловкій придворный и священникъ, покорный глашатай абсолютистскихъ идей своего обожаемаго монарха [1]. Само собою разумѣется, что народъ не имѣетъ права сопротивляться или возмутиться противъ своего монарха, какъ бы несправедливо и жестоко ни было его управленіе, ибо Богъ, посылающій народамъ королей, хочетъ, чтобы въ нихъ чтили Его намѣстниковъ и предоставляетъ одному себѣ право судить ихъ поступки. Его воля и законъ таковы, что требуютъ безпрекословнаго повиновенія подданныхъ королю; поэтому, не имъ судить и рѣшать, совпадаетъ ли королевскій приказъ съ божественнымъ правомъ. Подданнымъ не предоставляется даже права вступать въ споръ съ монархомъ.

Поэтому, Людовикъ XIV отрицаетъ принципъ народнаго представительства; онъ относится къ

---

[1] Этотъ придворный проповѣдникъ Людовика XIV утверждалъ, что монархъ обладаетъ всѣми украшающими его добродѣтелями; если-бы это было не такъ, то на это воля Божья, которой надо покориться; это кара, которую Богъ посылаетъ народу за его грѣхи.

нему очень сурово и враждебно. „Даровать подданнымъ законодательное право, а королю—исполнительное, значитъ извращать порядокъ вещей".

Оставаясь вѣрнымъ этому принципу, онъ и церкви не представляетъ никакихъ правъ надъ государственною властью. Короли — абсолютные властители, имъ предоставлено право свободнаго распоряженія всѣми богатствами государства, а также церковью. Міряне и духовенство одинаково обязаны безпрекословно подчиняться королю. Еще Ришелье пытался разрѣшить великую борьбу, разыгравшуюся между старою формою церковнаго управленія и свѣтскою системою, въ пользу послѣдней. Онъ не остановился передъ святостью церковныхъ имуществъ и не призналъ духовенство свободнымъ отъ уплаты налоговъ. На большомъ собраніи духовенства въ Нантѣ, онъ обложилъ ихъ чрезвычайнымъ налогомъ въ 6 мил. франковъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые высказали свое неудовольствіе по этому поводу, онъ отправилъ въ изгнаніе. Церкви онъ противопоставилъ принципъ: „слава государства", т. е. абсолютное правленіе,—это высшая цѣль.

Въ конечномъ счетѣ, для Людовика XIV абсолютная монархія—единственно достойная правомѣрная и жизнеспособная государственная форма. Всѣ прочія формы онъ считаетъ противоестественными. Таковы политическія идеи монарха, подъ властнымъ вліяніемъ котораго Европа пребывала въ теченіе болѣе полустолѣтія. Мнѣніе этого короля было господствующимъ, особенно въ Германіи, гдѣ монархи старались подражать системѣ абсолютизма Людовика XIV со всѣми ея ужасными извращеніями.

Тэнъ [1] очень образно рисуетъ картину растлѣнія, неразрывно связаннаго съ абсолютнымъ правленіемъ этого государя.

[1] Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи, т. I, второе изд. стр. 143.

„Народъ безбожно эксплоатируютъ; крестьянскія поля уничтожаются придворною охотою, потому что земля вѣдь принадлежитъ государю. Придворный штатъ этого государя состоитъ изъ 4,000 чел., его военный штатъ приблизительно изъ 9,000 до 10,000 чел., а штатъ родныхъ короля доходитъ до 2,000 чел.; въ общемъ 15,000 человѣкъ получаютъ ежегодно отъ 40 до 45 мил. фр., т. е. десятую часть всего національнаго дохода. „Такова интермедія монархической декораціи". Служба при дворѣ сосредоточена въ рукахъ дворянства. Король всегда окруженъ лицемѣрами, льстецами, клеветниками, мошенниками, обманщиками, продажными женщинами, которые всѣ стремятся воспользоваться всемогуществомъ монарха въ своихъ цѣляхъ. „Королевскій окладъ идетъ на содержаніе аристократіи". Этого достаточно, чтобы довести придворныя церемоніи и этикетъ до полнѣйшей нелѣпости. Каковъ господинъ, таковъ и слуга. Высшія сословія подражаютъ монарху въ расточительности, развратѣ, прелюбодѣяніи и безнравственности. Королевское достоинство сдѣлалось орудіемъ безстыднѣйшихъ злоупотребленій. Королевская власть „Божіею милостію" является санкціею, узаконивающею всякую подлость. И все это по „божественному праву"!

Такъ было и въ другихъ странахъ. За рѣдкими исключеніями, абсолютные монархи были очень похожи другъ на друга.

Слѣдующій фактъ даетъ представленіе о той возмутительной и безграничной лести, которая господствовала при Людовикѣ XIV. Граммонъ посвятилъ этому государю свой историческій трудъ о Людовикѣ XIII. Надпись гласитъ: „Послѣ смерти твоего отца не было недостатка въ такихъ людяхъ, которые съ первыхъ моментовъ твоего царствованія поклонялись бы твоему величеству, какъ персы поклоняются восходящему солнцу; всѣ они

узрѣли въ отрокѣ короля, въ королѣ Бога, ибо Богомъ ты ниспосланъ намъ".

* * *

Исторія абсолютной монархіи—это исторія величайшаго униженія народовъ и ужаснѣйшихъ преступленій, совершенныхъ именемъ Бога по отношенію къ нимъ. Лассаль [1] былъ правъ, говоря, что абсолютное государство въ принципѣ ничѣмъ не отличается отъ азіатской деспотіи. Абсолютизмъ—это вампиръ, высасывающій кровь у общества; его могущество измѣряется количествомъ уничтоженныхъ вольностей. Принципъ абсолютизма несетъ въ себѣ залогъ собственнаго уничтоженія, ибо онъ противорѣчитъ природѣ, разуму, и всѣмъ законамъ прогресса. Конечно, подъ вліяніемъ цивилизаціи, практика абсолютизма принимала или, вѣрнѣе, вынуждена была принять болѣе мягкія формы, чѣмъ въ древности. Но отсюда еще далеко до оправданія абсолютизма. Для спасенія этого принципа пытались провести грань между грубымъ, самодовлѣющимъ деспотизмомъ и „просвѣщеннымъ" абсолютизмомъ, „творящимъ добро безъ всякаго принужденія, по собственной свободной иниціативѣ", ради достиженія высшаго и свѣтлаго идеала короля.

По поводу этого отличія Альфіери [2] говоритъ слѣдующее: „Тиранія остается тираніей, какова бы ни была личность самого тирана. Пусть не ссылаются на Тита, Траяна, Марка Аврелія, Антонія; они принадлежатъ къ немногочисленнымъ добродѣтельнымъ тиранамъ. Однако, и они не были свободны отъ чувства страха за себя; это доказывается тѣмъ, что они никогда не признавали надъ собою власти законовъ, потому что прекрасно понимали, что они первые должны будутъ пасть

[1] Лассаль. Рѣчь, произнесенная передъ присяжными въ Дюссельдорфѣ 3 Мая 1849 г. по поводу обвиненія его въ призывѣ къ вооруженному возстанію противъ королевской власти.
[2] Альфіери, II книга, 8 гл.

ихъ жертвой. Ни одинъ изъ нихъ не распустилъ постоянныхъ войскъ и не рѣшился подчинить ихъ другой власти, такъ какъ они были убѣждены, что войска нужны для ихъ личной защиты. Каждый изъ нихъ безусловно вѣрилъ въ силу своей неограниченной власти, такъ какъ никто никогда не подчинялъ ихъ закону. Подданные Тита, Траяна, Марка Аврелія, Антонія такъ же боялись этихъ тирановъ, какъ боялись Нерона, иначе они осмѣлились бы напомнить имъ о томъ, что они должны подчиняться законамъ, не уклоняться отъ ихъ власти и что они должны вновь возстановить республику".

Д. С. Милль [1] энергично протестуетъ противъ мнѣнія, будто правленіе „добраго деспота" и абсолютнаго государя было бы самымъ лучшимъ правленіемъ, если бы только всегда можно было разсчитывать на такого „добраго деспота". Такую точку зрѣнія онъ считаетъ крайне вредной и по существу неправильной. Въ дѣйствительности, такой монархъ долженъ былъ бы быть не только добрымъ, но и всезнающимъ (что, даже предполагая, что онъ правитъ „Божіею милостію", граничило бы съ безуміемъ). Но что бы было, если бы даже такіе государи существовали? Мы имѣли бы монарха, одареннаго сверхчеловѣческою активностью, озабоченнаго удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей духовно инертнаго народа. Народъ лишенъ воли; удовлетвореніе всей совокупности его интересовъ находится во власти одного человѣка, не подчиняться которому считается преступленіемъ. Чѣмъ долженъ быть человѣкъ, выросшій въ такихъ порядкахъ? Все человѣческое должно заглохнуть въ такомъ человѣкѣ! „Правда, деспотъ можетъ воспитать народъ и, если онъ это, дѣйствительно, дѣлаетъ, это служитъ лучшимъ оправданіемъ его деспотизму". Но, тѣмъ не менѣе, идеалъ „добраго деспота"

[1] Милль. О представительномъ правленіи.

является безусловно ошибочнымъ идеаломъ, и кромѣ тѣхъ единичныхъ случаевъ, когда онъ является временнымъ средствомъ для достиженія ближайшихъ цѣлей [1], онъ на практикѣ долженъ превратиться въ безсмысленную и опасную химеру. Памятуя, что зло есть зло, необходимо признать, что для передовой страны благожелательный деспотизмъ вреднѣе неблагожелательнаго, потому что онъ гораздо больше обезсиливаетъ и усыпляетъ мысль, чувство и волю народа... „Истинно демократическое правленіе—единственная государственная форма, которая можетъ претендовать на идеалъ совершеннаго правленія".

Такого же мнѣнія придерживается извѣстный въ свое время демократическій писатель Беккеръ [2]. Онъ говоритъ:

„Всякій деспотизмъ является заговоромъ противъ человѣческаго духа, непрерывнымъ посягательствомъ на земное счастье, организованнымъ подавленіемъ народной жизни. Лучшій монархъ—самый опасный, такъ какъ онъ вызываетъ уваженіе къ деспотизму въ широкой некультурной массѣ и получаетъ отпущеніе за будущіе грѣхи своихъ наслѣдниковъ".

Фридрихъ Великій считается однимъ изъ главныхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма". Въ самомъ дѣлѣ, этотъ монархъ высказывалъ такіе взгляды, подобныхъ которымъ не высказывалъ ни одинъ монархъ ни до, ни послѣ него. Въ своихъ отзывахъ объ этомъ государѣ, Вольтеръ называлъ его „мыслящимъ человѣкомъ", потому что онъ сумѣлъ отречься отъ иллюзіи о „Божіей милости". Отреченіе гласитъ: „Большинство монарховъ ошибается, полагая, что единственно ради ихъ величія, счастья и гордости Богъ создалъ народныя массы, ввѣрилъ имъ ихъ судьбу и предназначилъ подданныхъ къ тому, что-

[1] Ср. упомянутую въ другомъ мѣстѣ идею Фихте о деспотическомъ государѣ для воспитанія свободы.

[2] І. Ф. Беккеръ. Какъ и когда? Серьезное слово о современныхъ вопросахъ и задачахъ. Посвящается нѣмецкому народу. Женева, Лондонъ, Манчестеръ, 1862.

бы служить орудіемъ и слугами безпорядочныхъ страстей государей. Послѣдствія такого ложнаго принципа чреваты величайшими ошибками. Этимъ объясняется ихъ любовь къ ложной славѣ, жгучая потребность завладѣть всѣмъ; отсюда чрезмѣрныя повинности, которыми обремененъ народъ, высокомѣріе монарховъ, ихъ несправедливость, безчеловѣчность и тиранія. Если бы монархи могли освободиться отъ подобныхъ ошибочныхъ взглядовъ и вдуматься въ цѣль своего назначенія, они увидѣли бы, что своимъ положеніемъ, которымъ они такъ гордятся, своимъ восшествіемъ на престолъ они обязаны исключительно народу. Но эти тысячи людей вовсе не хотятъ быть рабами одного; они подчинились одному гражданину не для того, чтобы сдѣлаться жертвою его прихотей и игрушкою его воображенія; они выбрали изъ своей среды того, кого считали наиболѣе справедливымъ и мудрымъ, чтобы онъ защищалъ ихъ и управлялъ ими". Нижеслѣдующія выдержки изъ одной оды Фридриха Великаго являются изліяніемъ пламеннаго республиканца и заклятаго врага монархіи.

„Въ жилахъ всѣхъ монарховъ течетъ смертоносный ядъ властолюбія и жажда мести; для нихъ могущество—законъ, сила—право; земля для этихъ кровожадныхъ тирановъ служитъ мѣстомъ хищенія; съ глазами, сверкающими гнѣвомъ и яростью, они пытаются разбудить въ своихъ дикихъ воинахъ ужасные варварскіе инстинкты; хотя ихъ благочестіе воспѣвается въ храмахъ, это, однако не мѣшаетъ имъ совершать величайшія преступленія".

„Поработители обыкновенныхъ смертныхъ, кровожадные монархи, презрѣнные властители ввергнутыхъ въ прахъ рабовъ! Вы, неукротимая надменность которыхъ, вопреки всѣмъ справедливымъ критикамъ и сонму вашихъ преступленій—все-же влечетъ васъ въ ряды боговъ, доколѣ будутъ продолжаться ваши несчастныя распри, необузданныя страсти и смертель-

ное ненавистничество; доколѣ вы будете разжигать пламя пожаровъ, порождать предательства, которыя ложатся позоромъ на наше время?"

„Какая цѣль вашего заговора, создавшаго злодѣяніе, необходимое для осуществленія вашего кроваваго замысла? Отверженные смертные! Слѣпыя орудія государственной мудрости! Вы воображаете себя господами судьбы!

„Былъ-ли вѣкъ, создавшій болѣе отвратительные нравы, чѣмъ наше время, столь богатое преступленіями? Были-ли монархи, столь же безжалостные къ своему народу, какъ къ врагу? Они поклоняются только честолюбію и надменности; кровь ихъ гражданъ льется потоками, но она ни на мгновенье не вызываетъ въ нихъ скорби; тысячи людей падаютъ, сраженные, а ихъ жестокія сердца нѣмы; они не дарятъ ихъ даже взглядомъ".

„Обойдите памятники, поставленные въ честь всѣхъ великихъ дѣяній, войнъ, смѣлости и героизма, и все же любая современная война усѣиваетъ поле большимъ числомъ труповъ".

„Жестокіе покорители, ваша отвратительная слава построена на крови, которая для васъ не имѣетъ никакой цѣны. Неужели человѣчество до такой степени низменно, что люди должны убивать другъ друга по произволу тирановъ? Ваши жестокія сердца, привыкшія къ преступленіямъ, презираютъ жертвы войны, великодушно идущія на встрѣчу смерти! Ваша ужасающая игра губитъ сотни тысячъ людей въ погонѣ за новыми государствами" [1].

Современные изслѣдователи государственнаго права [2] придаютъ большое значеніе тому, что Фридрихъ Великій отвергалъ идею патримоніаль-

---

[1] Посмертныя сочиненія Фридриха II. Берлинъ 1788, т. VI. стр. 221.

[2] Блюнчли. Исторія всеобщаго государственнаго права (глава о значеніи Фридриха Великаго для всеобщаго государственнаго права). Д-ръ Альфредъ Бореціусъ. Фридрихъ Великій въ его сочиненіяхъ. Берлинъ 1870 г.

наго государства, согласно которой государство — частная собственность монарха. Дѣйствительно, по его мнѣнію, публичное право прежде всего создаетъ публичное обязательство, при осуществленіи котораго необходимо руководиться не интересами уполномоченнаго, а того цѣлаго, съ которымъ оно связано. Соотвѣтственно этому, монархъ не господинъ и собственникъ государства, какъ объекта господства, а, наоборотъ, государство является преслѣдующимъ цѣль субъектомъ; монархъ же, его первый слуга, безусловно обязанъ самоотверженно служить ему.

Практика „свѣтскихъ коронованныхъ мудрецовъ“ совсѣмъ не соотвѣтствовала этимъ теоріямъ, что, во всякомъ случаѣ, въ значительной степени объясняется условіями времени. Мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, когда намъ пришлось говорить объ „Антимакіавелли“ Фридриха Великаго, что господствовавшая доктрина абсолютизма нашла свое выраженіе въ его царствованіи.

* * *

Послѣ того, какъ Карлъ I англійскій, ставленникъ „Божіею милостію“, палъ на эшафотѣ жертвою новаго міросозерцанія, а затѣмъ была провозглашена республика, и скоро вновь возстановлено королевство, Людовикъ XIV французскій рѣшилъ, что наступило время полнаго торжества и побѣды для доктрины абсолютизма. Онъ и его послѣдователи, его теологи и дипломаты проявили много безстыдства, хитрости и жестокаго насилія, чтобы прочно обосновать абсолютизмъ. Но это не удалось, да и не могло удаться имъ! Человѣческій разумъ свергъ иго іерархіи, т. е. съ точки зрѣнія церкви возсталъ „противъ самого Бога“ и одержалъ побѣду; такъ неужели же онъ остановился бы и преклонился передъ монархическимъ абсолютизмомъ? Пусть вся его система была на-

правлена на то, чтобы приспособить всю національную хозяйственную жизнь къ собственнымъ интересамъ, чтобы искусство и наука служили ему, свободная и самостоятельная мысль были подавлены, а духъ порабощенъ его господствомъ и неограниченною опекою,—все же ему это не удалось! Онъ не могъ отстоять своихъ основныхъ принциповъ: феодализма, заимствованнаго изъ среднихъ вѣковъ и цезаристской традиціи неограниченнаго господства. Вся власть, „величіе“ и „авторитетъ“ абсолютизма исходятъ отъ его носителя, сосредоточиваются въ немъ и падаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Анаксагоръ сказалъ Александру Великому: „Возлѣ престола Юпитера и короля возсѣдаетъ Ѳемида, которая прикладываетъ свою печать къ ихъ произволу, и онъ становится правомъ“.

Монархическая верховная власть не прирожденный, а благопріобрѣтенный аттрибутъ; это—понятіе власти, и кто выдаетъ его за правовое понятіе, тотъ повиненъ въ доктринерскомъ произволѣ и грѣшитъ передъ разумомъ и исторіею. Людовикъ XV могъ насиловать и обманывать своихъ подданныхъ, но, когда онъ подвергся тяжелому испытанію, и вся его правительственная система потерпѣла крушеніе, войско было разбито, а онъ, живя въ безотрадномъ одиночествѣ, наконецъ, послѣдовалъ за единственнымъ умершимъ сыномъ,—его подданные вновь сдѣлались народомъ, и съ ликованіемъ привѣтствовали его смерть. Народъ обѣзумѣлъ отъ счастія, [1] и въ то время, какъ похоронная процессія двигалась къ королевскому склепу, онъ издѣвался надъ торжественностью похоронъ.

Бокль [2] считаетъ царствованіе Людовика XIV однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ деспотизма, когда-либо бывшаго въ исторіи. Деспо-

[1] Сисмонди. Исторія Франціи, XXVIII, стр. 220.
[2] Бокль. Исторія цивилизаціи.

тизмъ этотъ былъ всеобъемлющій, продолжался въ теченіе пятидесяти лѣтъ, тяготѣя надъ самымъ цивилизованнымъ европейскимъ народомъ, который несъ это иго безропотно, радостно, и съ благодарностью подчинялся поработившему его королю. И въ то же время, правительство Людовика XIV достигло высшей степени испорченности, отличаясь несправедливостью, безнравственностью, вѣроломствомъ и жестокостью. Господство этого самодержавнаго монарха было временемъ господства угнетенія, рабства, безчестія и бѣдствій. Монархическій абсолютизмъ съ его внѣшнимъ блескомъ и могуществомъ подавлялъ и парализовалъ народъ. Со смертью короля это проклятіе исчезло; не стало больше тираніи, угнетавшей народъ, а возникшее контръ-движеніе разгорѣлось съ небывалой въ новѣйшей исторіи быстротою и силою. Смерть самодержавнаго государя расшатала основы авторитета абсолютизма, который потерпѣлъ окончательное пораженіе въ начавшейся великой борьбѣ между нимъ и разумомъ.

2. Колебаніе и паденіе авторитета абсолютизма.

Ученіе Монтескье о раздѣленіи власти.—Англія служитъ образцомъ.—Общественный договоръ Руссо.—Возникновеніе и развитіе революціоннаго духа во Франціи.—Борьба буржуазіи съ королевской властью.—Абсолютная монархія во Франціи была обязана своимъ паденіемъ собственной экономической политикѣ.—Абсолютная государственная власть во Франціи въ борьбѣ съ такъ называемыми гугенотскими тенденціями.—Военная политика французскихъ королей по отношенію къ Англіи являлась новой причиной, подорвавшей ихъ могущество.— Наступленіе кризиса во Франціи.— Война за освобожденіе сѣверо-американцевъ усиливаетъ революціонный духъ во Франціи.—Провозглашеніе независимости представителей сѣверо-американскихъ колоній Англіи.—Вліяніе этого провозглашенія на Францію.—Взрывъ революціи.—Провозглашеніе человѣческихъ правъ.— Паденіе абсолютнаго правленія.— Коалиція монарховъ противъ французской революціи. Уничтоженіе королевства и основаніе республики.

Въ 1748 году, тридцать три года послѣ смерти Людовика XIV, Монтескье обнародовалъ свое замѣчательное сочиненіе „Духъ законовъ“, написанное имъ въ періодъ могущественнаго расцвѣта буржуазіи.

Въ Англіи Монтескье сдѣлался убѣжденнымъ приверженцемъ такъ называемой „парламентской монархіи“. Благодаря возстановленію монархіи, вопросъ объ отношеніи между королевской властью и народнымъ представительствомъ не только не умолкъ въ Англіи, а, наоборотъ, былъ усиленно выдвинутъ. Народъ остался при твердомъ убѣжденіе въ необходимости полноправнаго парламента, который явился бы защитою противъ вѣчно вновь выдвигаемыхъ частныхъ династическихъ интересовъ. Въ многочисленныхъ случаяхъ, въ томъ числѣ и существенно важныхъ, парламентъ вполнѣ оправдалъ это убѣжденіе. Такъ, въ 1769 году, нижняя палата утвердила въ первомъ чтеніи „билль объ исключеніи“, на основаніи котораго герцогъ Іоркскій былъ лишенъ престолонаслѣдія, которое было передано протестантскому члену королевскаго дома. Парламентъ былъ распущенъ королемъ; послѣ этого оппозиція нижней палаты сдѣлалась еще болѣе сплоченной и окончательно утвердила билль объ исключеніи; но онъ былъ отвергнутъ верхнею палатою. Это обстоятельство, а также и то, что король Карлъ II вступилъ въ тѣсную коалицію съ Людовикомъ XIV, ссудившимъ его огромными денежными суммами, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ рѣшеній упорствующаго парламента и помочь ему скорѣе побороть его,—все это было причиною великой борьбы между вигами и торіями. Виги защищали принципъ народовластія и доказывали, что государственная конституція является договоромъ между народомъ и монархомъ, который становится недѣйствительнымъ, коль скоро его нарушаютъ, и уполномочиваетъ народъ возстать противъ неконституціонно дѣйствующаго короля. Въ свою очередь, торіи настаивали на неограниченной власти „божественнаго права“ короля соотвѣтственно господствовавшей при Стюартахъ теоріи „jus divinum“, т. е. божественнаго права на абсолютную власть,

стоящую выше всякихъ законовъ. Для Стюартовъ „осуществленіе ихъ личной воли было самодовлѣющею цѣлью“ [1]. У Людовика XIV стремленіе къ абсолютному господству отличалось по крайней мѣрѣ тѣмъ, что оно было связано съ національными тенденціями.

Монтескье многое извлекъ для своего ученія о раздѣленіи властей изъ этой борьбы между парламентомъ и королевской властью, въ которой Стюарты окончательно погибли. Исходнымъ пунктомъ его ученія является слѣдующіе положеніе: чтобы государственною властью не злоупотребляли, необходимо, чтобы конституція „ограничивала одну власть другою“. Поэтому, въ государствѣ должно существовать нѣсколько взаимно ограничивающихъ другъ друга властей: законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная власть должна сосредоточиваться въ рукахъ монарха, потому что эта отрасль управленія можетъ быть удачнѣе выполнена однимъ лицомъ, чѣмъ нѣсколькими. Монарху слѣдуетъ также предоставить право созыва народныхъ представителей и назначенія срока и продолжительности этихъ собраній. Совѣтники короля, министры, отвѣтственны за неправильное и неудовлетворительное исполненіе королевской воли; парламентъ преслѣдуетъ ихъ судомъ за правительственныя ошибки. Благодаря именно этому ученію о раздѣленіи власти, Монтескье сдѣлался дѣйствительнымъ основателемъ конституціонной теоріи, т. е. принципа представительства. Она пріобрѣла огромное вліяніе и, безспорно, въ значительной степеніи предопредѣлила начало французской революціи.

Еще большее значеніе для возбужденія и поддержанія антимонархическаго духа имѣлъ Ж. Ж. Руссо. Въ своемъ появившемся въ 1762 г. „Contrat social [2]“

---

[1] Гнейстъ. Исторія Англійской конституціи, стр. 549.
[2] Руссо. Общественный договоръ, или основы публичнаго права.

о которомъ говорятъ, что онъ сдѣлался „катехизисомъ французской революціи“, онъ утверждаетъ, что идеалъ демократической конституціи можетъ быть осуществленъ лишь народовластіемъ. Единственно мыслимымъ субъектомъ суверенитета является народъ во всей его совокупности, какъ представитель всеобщей воли. Онъ предостерегаетъ отъ возможности смѣшенія правительства съ верховною властью; правительство лишь слуга, обязанный исполнять законы и защищать свободу; поэтому возможна только одна государственная форма, а именно, — демократія. Суверенитетъ принадлежитъ не представительному, а народному собранію; этотъ суверенитетъ является неотчуждаемою, нераздѣльною, никакимъ закономъ не ограниченною и не ограничиваемою всеобщею волею народа. Совокупность индивидовъ, заключившихъ общественный договоръ, называется „народомъ“; каждый гражданинъ является участникомъ суверенитета [1].

Въ 1758 г. Ваттель подвергъ монархическій абсолютизмъ рѣзкой критикѣ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи по государственному праву [2]. Излагая обязанности монарха, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Кучкѣ безчестныхъ придворныхъ ничего не стоитъ убѣдить надменнаго монарха въ томъ, что нація существуетъ для него, а не онъ для націи. Онъ считаетъ королевство своимъ наслѣдствомъ, а

[1] Опираясь на это ученіе Руссо, его часто считали родоначальникомъ принципа непосредственнаго народнаго законодательства. Прудонъ и вслѣдъ за нимъ Риттингаузенъ оспариваютъ это. Въ самомъ дѣлѣ, такой выводъ невѣренъ. Руссо считаетъ такое законодательство невозможнымъ въ большихъ государствахъ. Прудонъ замѣчаетъ: „Признавъ въ принципѣ, что народъ суверененъ и можетъ быть представленъ лишь самимъ собою—законъ выраженіе всеобщей воли — Руссо искусно покидаетъ эту позицію. Сначала на мѣсто нераздѣльной общей воли онъ ставитъ волю большинства, затѣмъ, подъ предлогомъ, что народъ не можетъ быть съ утра до вечера занятъ общественными дѣлами, онъ возвращается къ выбору народныхъ представителей и уполномоченныхъ, создающихъ законы именемъ народа“. (Прудонъ. Idée générale de la révolution, очеркъ IV. стр. 131. Риттингаузенъ. Прямое народное законодательство, 5 изд.).

[2] Ваттель. Le droit des gens. I, гл. 4, стр. 18.

въ народѣ онъ видитъ стадо, которое служитъ для его обогащенія, и которымъ оно можетъ располагать для проведенія своихъ взглядовъ и удовлетворенія своихъ страстей. Отсюда продолжительныя войны, предпринятыя изъ честолюбія, смута, ненависть, высокомѣріе. Отсюда обременительныя денежныя повинности, которыя расточаются на разорительную роскошь и раздаются метрессамъ и фаворитамъ".

Возникновеніе революціоннаго духа во Франціи обусловливалось не только прогрессомъ науки и антимонархическою критикою, но, прежде всего, хозяйственнымъ развитіемъ. Гражданинъ уже порвалъ связи съ наслѣдственною половинчатостью, простосердечіемъ, невѣжествомъ и предразсудками, часть третьяго сословія достигла богатства и начала серьезно, въ собственныхъ интересахъ, слѣдить за общественными дѣлами; она поднималась по ступенямъ общественной лѣстницы и начинала роптать противъ привилегій, феодальнаго королевства и абсолютизма. „Недовѣріе и гнѣвъ противъ правительства, которое своими войнами и произвольными налогами разоряетъ имущественную собственность, ненависть и враждебное отношеніе къ дворянству, преграждающему путь къ каррьерѣ,—таковы были чувства буржуазіи", говоритъ Тэнъ [1]. Онъ приводитъ, кромѣ того, слѣдующее изреченіе Барбье, произнесенное имъ въ 1750 году: „Противъ правительства ропщутъ вездѣ — въ ресторанахъ, на улицахъ, но полиція не рѣшается арестовать недовольныхъ, т. к. пришлось бы арестовать рѣшительно всѣхъ". Геніальные писатели отрицали историческое право и признавали лишь равенство людей; все болѣе открытыми и рѣзкими становились нападки на королевскую власть, монархическое правленіе, его обременительность и вредъ. Въ отвѣтъ на

[1] Тэнъ. О происхожденіи современной Франціи (переработано Кутчеромъ) I т. стр. 361

сказанное Людовикомъ XIV: „Государство—это я", третье сословіе, ссылаясь на то, что оно составляетъ девяносто девять сотыхъ всего населенія, въ свою очередь, утверждало: „Нація—это я, государство—это я".

Одинъ принципъ можетъ быть побѣжденъ лишь другимъ принципомъ. Феодальное королевство опиралось на принципъ завоеванія, внѣшняго авторитета и нетрудовой собственности; буржуазія опиралась на капиталъ. Но капиталъ — не принципъ, а только продуктъ производства. Чтобы одержать побѣду надъ королевской властью, необходимо было противопоставить ей принципъ, каковымъ и былъ принципъ свободы личности, въ переводѣ на хозяйственный языкъ—принципъ труда. Словомъ, демократическій принципъ сдѣлался боевымъ лозунгомъ. Онъ оказался наиболѣе сильнымъ: въ борьбѣ потерпѣли пораженіе феодолизмъ, абсолютизмъ и королевская власть Божіею милостію.

Замѣчательнѣе всего то, что основаніе антимонархическому развитію во Франціи было положено самимъ абсолютнымъ правленіемъ, именно въ народно-хозяйственной области. Абсолютная королевская власть была заинтересована въ покровительствѣ искусственному развитію капиталистическаго производства; ей было существенно важно сдѣлать промышленность орудіемъ ея цѣлей. „Буржуазія сдѣлалась податнымъ сословіемъ монархическаго государства; въ теченіе мануфактурнаго періода она представляла противовѣсъ дворянству въ ограниченной или абсолютной монархіи и, вообще, являлась основною силою большихъ монархій"[1].

Въ Англіи промышленность, органически развившаяся изъ народнаго духа, уже въ семнадцатомъ столѣтіи достигла значительной высоты. Принципомъ промышленнаго развитія была свобода лич-

[1] Коммунистическій манифестъ Карла Маркса и Энгельса.

ности, которая проходила красной нитью по всей исторіи развитія Англіи и добилась признанія въ ней. Государство здѣсь также оказывало промышленности поддержку и покровительство; многіе экономисты даже упрекали государство за чрезмѣрную заботливость о ней[1]. Тѣмъ не менѣе, однако, мѣропріятія эти—пошлины, монополіи и пр. ограничивались лишь предоставленіемъ подданнымъ возможности достигнуть хозяйственнаго могущества и богатства; совсѣмъ не имѣлось въ виду сдѣлать промышленность орудіемъ государственной власти и подчинить ее интересамъ монархическаго правленія. Государственная власть, наоборотъ, сдѣлалась слугою всеобщей, свободной промышленной дѣятельности; она вела войны, основывала колоніи, открывала новые рынки, заключала договоры не въ пользу казны, а исключительно въ интересахъ болѣе широкаго развитія англійской промышленности и торговли.

Во Франціи, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ монархическаго абсолютизма, отношеніе было совсѣмъ обратное. Для упроченія своего господства абсолютизму неизбѣжно приходится прибѣгать къ подкупу. Абсолютный монархъ пользуется подкупомъ для того, чтобы привлечь на свою сторону возможно больше интересовъ, онъ нуждается въ немъ и въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, потому что, чѣмъ больше блеска, которымъ онъ пытается ослѣпить, тѣмъ выше положеніе и вліяніе, занимаемое имъ въ семьѣ народовъ. Отсюда—огромныя суммы, выброшенныя Франціею нѣмецкимъ монархамъ и потраченныя ими на то, чтобы копировать Людовика XIV въ миніатюрѣ. Сюда относятся также войны, которыя вызываются жаждою господства и славы со стороны монарха, а также его желаніемъ занять народъ и вельможъ, чтобы отвлечь

[1] Очень цѣнные выводы отсюда дѣлаетъ Т. Бокль. I т. 1 от. 5 гл.

ихъ отъ смуты. Для всего этого нужны деньги. Но даже самый неограниченный монархъ не можетъ извлечь изъ своихъ подданныхъ больше, чѣмъ они имѣютъ. Это — предѣлъ, который онъ долженъ пытаться расширить. Онъ долженъ открыть новые вспомогательные источники, которыми могъ бы пользоваться для удовлетворенія своихъ цѣлей.

Такимъ образомъ возникли во Франціи фабрики. Появленіе ихъ было вызвано не стремленіемъ французскаго народа къ свободной промышленной дѣятельности, а необходимостью покрыть государственный дефицитъ, который уже болѣе не могъ быть пополненъ земледѣльческимъ производствомъ. Во Франціи промышленность создана монархическимъ абсолютнымъ государственнымъ принципомъ, тогда какъ въ Англіи государственный принципъ вызванъ къ жизни стремленіемъ хозяйственныхъ силъ къ организаціи промышленности.

Уже при Генрихѣ IV министръ Сюлли настойчиво старался развить отечественную промышленность и вызвать новый подъемъ земледѣлія, какъ источника для денежнаго удовлетворенія абсолютнаго правленія. Ремесленное производство было освобождено отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ ограниченій; созданы были нѣкоторыя королевскія мануфактуры, занятыя преимущественно проивводствомъ предметовъ роскоши. Къ этому времени относится происхожденіе французской шелковой, стекляной промышленности и пр.

При Людовикѣ XIV, въ періодъ полнаго развитія абсолютизма, Кольберъ продолжалъ развитіе этой хозяйственной политики. Онъ является основателемъ такъ называемой меркантильной системы, согласно которой богатство какъ народа, такъ и частныхъ лицъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ благородныхъ металловъ; поэтому, необходимо во что бы то ни стало содѣйствовать привозу ихъ и всячески противодѣйствовать ихъ

вывозу. Желая содѣйствовать расцвѣту французской промышленности, Кольберъ ввелъ рядъ новыхъ отраслей промышленности и оказалъ имъ государственную поддержку; таковы: суконное производство, чулочное, зеркальное, кружевное и пр. Основанныя имъ фабрики были въ дѣйствительности государственными мастерскими. Вся организація ихъ, вплоть до мельчайшихъ подробностей, предписывалась государствомъ, и они подвергались бдительному контролю со стороны государственныхъ инспекторовъ. Руководящимъ при этомъ стимуломъ былъ интересъ абсолютнаго самодержавнаго монарха.

Какъ уже сказано, цѣлью системы Кольбера было: по мѣрѣ возможности, удовлетворить всѣ потребности, особенно потребности болѣе изысканной жизни, предметами отечественнаго производства, а не выписывать ихъ, какъ это до тѣхъ поръ большею частью дѣлалось, изъ-за границы. Главное вниманіе было обращено на производство безчисленныхъ предметовъ роскоши, которые потреблялись не только блестящимъ и роскошнымъ дворомъ, но также и вельможами, которыхъ заставляли потреблять эти предметы роскоши отчасти съ цѣлью обставить дворъ болѣе умопомрачительнымъ и ослѣпительнымъ блескомъ, отчасти же имѣя ввиду разорить этихъ вельможъ и тѣмъ самымъ поставить ихъ въ зависимость отъ милости монарха.

Шлоссеръ [1] даетъ слѣдующее объясненіе этой системы:

„Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія положеніе вещей было таково, что судьба народовъ зависѣла отъ постоянныхъ войскъ, ихъ силы и состоянія. Для содержанія этихъ войскъ и ихъ военачальниковъ, для покупки все болѣе дорогихъ военныхъ

[1] Ф. Шлоссеръ. Всемірная исторія для нѣмецкаго народа 13 т. III. Исторія семнадцатаго столѣтія XI, 2.

снарядовъ нужны были новые доходы, поступленіе которыхъ не зависѣло отъ народа, но было безусловно довѣрено правительству. Такой способъ финансоваго управленія былъ впервые введенъ при Людовикѣ XIV его министромъ Кольберомъ. Онъ не захотѣлъ, подобно своимъ предшественникамъ, изобрѣтать и собирать новыя пошлины съ помощью подкупныхъ и безсовѣстныхъ кровопійцъ (ибо это было невозможно. Авторъ), но, путемъ содѣйствія развитію торговли, промышленности и земледѣлія, онъ увеличилъ платежеспособность народа".

Уже Адамъ Смитъ [1] ссылался на необходимость развитія промышленности, товарнаго производства и обмѣна для покрытія военныхъ расходовъ. „Наилучшимъ источникомъ для покрытія военныхъ расходовъ являются товары".

Карлъ Марксъ [2] говоритъ: „Протекціонная система была искусственнымъ средствомъ фабриковать фабрикантовъ, экспропріировать независимыхъ работниковъ, капитализировать національныя средства производства и существованія, насильственно ускорять переходъ стараго способа производства въ новѣйшій. Европейскія государства спорили между собою о томъ, кому принадлежитъ право на это изобрѣтеніе, и, сдѣлавшись покорными слугами барышниковъ, они не довольствовались тѣмъ, что ради этой системы налагали контрибуцію на собственный народъ косвенно — въ видѣ охранительныхъ пошлинъ, и непосредственно — въ видѣ премій за вывозимый товаръ и т. п. На европейскомъ континентѣ процессъ этотъ, по почину Кольбера, былъ еще болѣе упрощенъ. Первоначальный капиталъ промышленниковъ вытекъ здѣсь частью прямо изъ государственной казны".

Абсолютная монархія надѣялась, что ей удастся,

[1] Ад. Смитъ. Природа и причины народнаго благосостоянія.
[2] Карлъ Марксъ. Капиталъ. Критика политической экономіи I т.

путемъ покровительства и поддержки, создать себѣ болѣе прочное и вѣрное хозяйственное положеніе. Однако, результаты оказались совершенно обратные. Развитіе промышленности и капиталистической системы хозяйства, приводящее къ накопленію богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, порождаетъ чувство личной независимости, которое несовмѣстимо съ духомъ и системою монархическаго абсолютизма. Это чувство всего рѣзче проявлялось во Франціи. Когда абсолютное государство, искусственнымъ насажденіемъ котораго была промышленность, почувствовало, что ему грозитъ опасность съ ея стороны, оно воспользовалось своею властью, чтобы уничтожить ее, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее безвредной. Какъ только развитіе французской промышленности привело къ созданію такъ называемыхъ „гугенотскихъ тенденцій“, т. е. къ чувству личной свободы, монархическая, абсолютная государственная власть ни на минуту не остановилась передъ безжалостной высылкой полумилліона промышленныхъ рабочихъ, хотя это и грозило полною погибелью растенію, незадолго передъ тѣмъ посаженному съ такимъ трудомъ [1]. Развитіе почти всѣхъ отраслей англійской промышленности значительно подвинулось впередъ благодаря этимъ французскимъ изгнанникамъ. „Великій курфюрстъ“, Фридрихъ Вильгельмъ Бранденбургскій, добившійся самодержавной власти такими же средствами, какъ и Людовикъ XIV, послѣ тяжкой борьбы съ сословіями, открылъ многимъ тысячамъ этихъ промышленниковъ широкій доступъ въ свою страну. Сотни „ссыльныхъ“ поступили въ военные корпусы и составили серьезную опору абсолютной династіи Гогенцоллерновъ.

---

[1] Бланки въ своей „Исторіи политической экономіи“ II, 10 говоритъ: „Отмѣна Нантскаго эдикта (даннаго въ 1598 г., при Генрихѣ IV, по которому протестанты пользовались свободою вѣроисповѣданія) лишила Францію 500000 ея сыновей промышленниковъ“.

Но даже помимо этой ошибки, сдѣланной абсолютнымъ правительствомъ, во вредъ собственнымъ интересамъ, попытка Кольбера завоевать правительству прочное и обезпеченное хозяйственное положеніе казалась бы тщетной. Истребительныя войны французскихъ королей противъ Англіи и желаніе ихъ продолжать войну до полнаго ея пораженія должны были привести къ разоренію ихъ страны и къ паденію ихъ власти. Эти неограниченные государи, въ безпрекословномъ распоряженіи которыхъ находились всѣ силы большого государства, воображали, что они въ болѣе привилегированномъ положеніи, чѣмъ государство съ ограниченной властью, которое поэтому будетъ скоро вынуждено сдаться. По ихъ мнѣнію, Англія должна будетъ признать свое банкротство, и всѣ государственныя богатства ея перейдутъ къ Франціи безъ малѣйшаго труда и заботъ. Но они ошиблись. Въ дѣйствительности обанкротилась не Англія, а Франція. Обезсиленная, она вынуждена была прекратить борьбу, тогда какъ Англія вышла изъ нея, хотя и съ бо̀льшимъ государственнымъ долгомъ, но зато съ обновленною трудоспособностью, съ болѣе широкимъ развитіемъ торговли и промышленности и болѣе сильнымъ національнымъ чувствомъ.

Этотъ результатъ былъ неизбѣженъ! Франція вела эти войны не въ интересахъ благосостоянія гражданъ,—хотя бы эта цѣль и была обманчивою,—а ради блага принципа абсолютнаго государства, которому она подчиняла всѣ частные интересы, рѣзко противорѣчащіе ему. Самостоятельное развитіе движимой собственности и промышленности всячески подавлялось во Франціи. Вся тяжесть войны падала исключительно или преимущественно на земледѣліе. Что могло оно выиграть отъ войны, хотя бы и самой блестящей по результатамъ? Но и на промышленности отразились лишь невыгодныя стороны войны; она страдала отъ недостатка при-

воза и внѣшняго сбыта, вслѣдствіе прекращенія судоходства, отъ недостаточнаго внутренняго сбыта, вслѣдствіе уменьшившейся покупательной способности, вызванной налоговымъ бременемъ. Вѣрный инстинктъ подсказывалъ ей, что она не выиграла бы даже отъ уничтоженія Англіи; ей прежде всего нужна была свобода самостоятельнаго развитія. Такимъ образомъ, производительныя силы націи нисколько не были заинтересованы въ военныхъ предпріятіяхъ абсолютной государственной власти; наоборотъ, онѣ съ растущимъ раздраженіемъ смотрѣли, какъ результаты ихъ работы растрачиваются на нелѣпые военные походы. Въ войнѣ были заинтересованы лишь свободные отъ налоговъ феодальные владѣльцы; они ничего не теряли, но могли заслужить лавры и отличія.

Эти обстоятельства привели къ двумъ результатамъ: во-первыхъ, къ значительному и продолжительному уменьшенію платежной способности страны послѣ каждой войны и, слѣдовательно, къ регулярному неликвидированному дефициту; во-вторыхъ, къ распространяющемуся все въ болѣе широкихъ кругахъ сознанію отсутствія тождественности между интересами государственной власти феодально-абсолютнаго королевства и гражданъ, и признанію существеннаго между ними различія, и даже противоположности. Производительные классы пришли къ тому убѣжденію, что государственная власть совершенно неспособна создать благосостояніе и національное богатство. Она должна предоставить возможно болѣе широкій просторъ свободѣ индивидуальной дѣятельности; ея собственная дѣятельность должна опредѣляться общими интересами и общественнымъ мнѣніемъ, и, вообще, она не должна преслѣдовать никакихъ собственныхъ цѣлей. Имѣвшіеся въ наличности поучительные примѣры доказывали, что самые могущественные и неограниченные монархи безсильны идти противъ

природы вещей. Въ рукахъ монарха могутъ сосредоточиваться силы необозримаго государства, и онъ можетъ распоряжаться ими по желанію, тѣмъ не менѣе, онъ не въ силахъ вызвать органическій ростъ ихъ развитія, потому что такое развитіе предполагаетъ господство принципа свободы, ибо только она, какъ культурный факторъ, порождаетъ индивидуальную дѣятельность, которая необходима для успѣха труда и созданія благосостоянія. По самовластному приказу абсолютнаго монарха можно было внезапно смастерить военный флотъ, но по произволу онъ не могъ создать торговый флотъ, который въ Англіи былъ первоначальнымъ источникомъ военнаго флота. До революціи во Франціи въ сущности не было военнаго флота, тогда какъ въ Англіи еще задолго до нея онъ былъ результатомъ естественнаго развитія частной дѣятельности и предпріимчивости.

Въ то время, какъ Франція, подъ вліяніемъ войнъ съ Англіею, которыя она вела по желанію своего абсолютнаго государя, достигла полнѣйшаго экономическаго разоренія, благосостояніе Англіи нисколько не пошатнулось. Даже потеря Сѣверной Америки — вполнѣ заслуженная потеря — не поколебала его. Во время войнъ въ Англіи сдѣланы были такія важныя промышленныя изобрѣтенія, которыя положили начало новому, совершенно неожиданному расцвѣту промышленности и легли въ основу промышленнаго превосходства этого островного государства.

Во Франціи, наоборотъ, ненормальность всего государственнаго строя, построеннаго на принципѣ монархическаго абсолютизма, не могла не сказаться и разразилась такимъ страшнымъ кризисомъ, равнаго которому не видалъ еще міръ. Здѣсь организація государственной власти не опредѣлялась интересами индивидовъ, составляющихъ народъ; она преслѣдовала свои особые интересы, противорѣча-

щіе интересамъ большей части народа. По примѣру другихъ государствъ, управляемыхъ болѣе справедливыми принципами, — въ особенности Англіи, — во Франціи вполнѣ естественно образовался союзъ изъ недовольныхъ и принципіальныхъ противниковъ абсолютизма, а къ нимъ вскорѣ присоединились всѣ другіе здоровые элементы изъ народа. Противодѣйствовать этому натиску обезсилѣвшая государственная власть не могла, несмотря на всякія строгости, тѣмъ болѣе, что силы-то она черпала исключительно изъ того же подчиненнаго, угнетеннаго, эксплоатируемаго и жестоко попираемаго народа.

Экономическая производительность народа окончательно изсякла. Страшное разстройство, въ которое государство было ввергнуто Людовикомъ XIV, продолжалось. Трудящіеся классы находились поистинѣ въ ужасномъ положеніи, изнемогая подъ бременемъ податей. Говорятъ, что, когда Людовику XV разсказали о невыразимой нищетѣ крестьянъ, онъ будто бы воскликнулъ: „Будь я подданнымъ, я непремѣнно возсталъ бы. Народъ правъ, онъ слишкомъ добръ и много терпитъ“. Но нищета не прекращалась, она продолжала расти. Мишле, въ своей „Исторіи французской революціи“, говоритъ: „Крестьяне болѣе не въ состояніи платить податей; у нихъ отбираютъ скотъ; мужчины, женщины, дѣти впрягаются въ плуги, и такимъ образомъ обрабатываютъ поля“. Однажды утромъ, министръ Некеръ, замѣститель Тюрго, увидѣлъ массу курьеровъ на дворѣ королевскаго двора, прибывшихъ со всѣхъ концовъ государства; изъ депешъ онъ узналъ, что во всемъ государствѣ народъ наканунѣ голодной смерти. Непосредственно передъ революціею народная нищета была такъ неописуема, что въ 1784 г. Мабли писалъ: „Мы пали слишкомъ низко и слишкомъ обезсилѣли. Никогда, никогда мы не дождемся революціи“. Но она настала и притомъ очень скоро!

Было бы, конечно, большою ошибкою объяснять наступленіе революціи исключительно бѣдностью народа. Въ седьмой главѣ мы разскажемъ о томъ, какъ народъ шелъ не противъ королевской власти, а, наоборотъ, обращался къ ней за помощью. Путемъ энергичныхъ реформъ, королевская власть могла отвлечь отъ себя опасности, которыми ей угрожалъ соціальный вопросъ. Революція была вызвана взаимодѣйствіемъ различныхъ причинъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, послужившихъ поводомъ къ началу этого великаго, всемірнаго поворота, несомнѣнно, является моментъ, противоположный принципу абсолютнаго государства, а именно: индивидуальная свобода, свобода промышленной дѣятельности и гражданскіе интересы. Если бы прислушались къ этимъ требованіямъ, къ осуществленію которыхъ стремились конституціи, на подобіе англійской, и дали этому направленію рѣшающій голосъ, то королевская власть сохранилась бы; но, для обезпеченія индивидуальной свободы, абсолютная монархія была бы, согласно теоріи Монтескье, преобразована въ конституціонную монархію. Но такому исходу революціи помѣшали три обстоятельства: во-первыхъ, ослѣпленіе королевской власти и дворянства, во-вторыхъ, угрожающее положеніе, занятое монархически абсолютными державами Европы, и, въ-третьихъ, послѣдовательное развитіе демократическаго духа, государственнымъ идеаломъ котораго была республика.

Огромный толчекъ этому развитію данъ былъ освободительною войною сѣверо-американцевъ противъ англійскаго господства, колоніальная система котораго покоилась на принципѣ безпощаднаго угнетенія. Утверждаютъ, что Франція оказывала этимъ освободительнымъ войнамъ поддержку исключительно только изъ ненависти и зависти къ Англіи. Допустимъ даже наличность этой ненависти и зависти, однако огромное большинство французовъ, сим-

патизировавшихъ дѣлу сѣверо-американцевъ и отправившихся туда, чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ, было, несомнѣнно, одушевлено идеею свободы. Эта идея получила восторженное выраженіе въ декларації независимости, составленной на конгрессѣ всѣхъ представителей сѣверо - американскихъ англійскихъ колоній. Этотъ историческій документъ (составленный 4 іюля 1776 года) гласитъ:

„Мы считаемъ слѣдующія истины неопровержимыми: что всѣ люди созданы равными; что они надѣлены Творцомъ нѣкоторыми неотчуждаемыми правами; что свобода и стремленіе къ счастью присущи жизни; что для обезпеченія этихъ правъ учреждены правительства, получающія свои справедливыя права съ согласія управляемыхъ; что, если какая-нибудь правительственная форма противодѣйствуетъ этимъ цѣлямъ, народъ вправѣ измѣнить или уничтожить ее и учредить такое правленіе, которое опиралось бы на такіе принципы и такъ организовало бы свою власть, какъ народъ находитъ наиболѣе соотвѣтствующимъ и вѣроятнымъ для достиженія своего обезпеченія и счастія. Если цѣлый рядъ злоупотребленій и противозаконныхъ мѣръ противорѣчитъ этой цѣли и свидѣтельствуетъ о попыткѣ подчинить народъ абсолютному деспотизму, то народъ имѣетъ право и даже обязанъ свергнуть такое правительство и найти новыхъ защитниковъ своей будущей неприкосновенности. Таково было положеніе, которое прежде терпѣливо выносили колоніи, и такова необходимость, вынуждающая ихъ теперь измѣнить прежнюю систему управленія. Исторія современнаго короля Великобританіи—это исторія постоянныхъ несправедливостей и попытокъ, непосредственно направленныхъ на возстановленіе абсолютной тираніи надъ этими государствами“.

Въ доказательство декларація приводитъ длинный рядъ фактовъ, которые можетъ „удостовѣрить безпристрастный міръ“. Наконецъ, свидѣтель-

ствуя „полное довѣріе покровительству божественнаго Провидѣнія“ и призывая „высшаго Судью міра“ въ доказательство правдивости намѣреній, декларація заявляетъ, „что эти соединенныя колоніи—свободныя и независимыя государства и должны быть таковыми по праву; что они свободны отъ феодальной вѣрности и обязанностей подданныхъ по отношенію къ британскому правительству“.

Эта декларація возбудила въ широкихъ кругахъ французовъ, въ особенности въ буржуазіи, республиканскій образъ мыслей. Симпатія къ перевороту по ту сторону океана была такъ велика, что абсолютный король былъ вынужденъ противъ желанія оказать антимонархическимъ „мятежникамъ“ сначала тайную подлержку, а затѣмъ вступить съ ними въ открытый союзъ. По Версальскому міру (3 сентября 1783 г.) Англія признала независимость Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Когда въ 1785 г. Лафайетъ вернулся во Францію изъ Сѣверной Америки, гдѣ онъ участвовалъ въ освободительной войнѣ въ качествѣ генералъ-майора, онъ открыто заявилъ даже въ собраніи нотаблей, что „декларація правъ американцевъ“ является также декларациею правъ французскаго народа“. Впрочемъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду уничтожить королевскую власть, онъ носился съ идеею „республиканскаго королевства“. То, что эта нелѣпость лишила его довѣрія народныхъ массъ, лучше всего доказываетъ, какіе глубокіе корни радикально демократическій принципъ пустилъ въ этихъ массахъ. Ходъ вещей развертывался съ необыкновенною быстротою. Еще въ 1787 г. маркизъ-де-Крестъ въ своемъ письмѣ къ Людовику XVI осмѣлился утверждать, что король любимъ и обожаемъ всѣми своими подданными. Король былъ настолько ослѣпленъ, что утѣшался и вѣрилъ такой безстыдной лести.

Въ 1788 г., въ прадникъ Рождества Христова, Людовикъ XVI еще присутствовалъ въ Луврѣ въ

обществѣ попеченія о бѣдныхъ больныхъ.... Онъ тихо осѣнялъ больныхъ крестнымъ знаменемъ, приговаривая: „Le roi te touche, Dieu te guerisse“—король прикоснулся къ тебѣ, да исцѣлитъ тебя Господь! Его королевское достоинство еще было окружено традиціонными формами внѣшней роскоши, онъ еще чувствовалъ себя „помазанникомъ Божьимъ“, „всесвятѣйшимъ королемъ“, который, подобно святому, можетъ по мановенію Божьему, совершать чудеса.

Въ это же время Кондорсе сдѣлалъ свое знаменитое предсказаніе о томъ, что вельможи и самъ король будутъ скоро отправлены на эшафотъ. Это было тогда, когда король, послушавшись своихъ совѣтниковъ, сдѣлалъ попытку произвести государственный переворотъ роспускомъ парламента; но парламентъ оказалъ ему своевременный отпоръ, учредилъ основные законы французской монархіи и потребовалъ, чтобы король управлялъ на основаніи этихъ законовъ.

Въ маѣ 1789 г. состоялось засѣданіе Національнаго собранія для учрежденія имперской конституціи. Попытки государственнаго переворота оказалась опять неудавшимися. Думали силою штыковъ уничтожить революціонный духъ! Народъ взялъ приступомъ Бастилію. Національное собраніе декретировало „права человѣка и гражданина“. Тамъ „передъ лицомъ Высшаго Существа“ и пр. было установлено, что „люди родятся свободными, равными по правамъ и остаются таковыми... Первоисточникомъ суверенитета является, главнымъ образомъ, народъ“. Монархическій абсолютизмъ превращается въ конституціонную монархію. Людовикъ XVI не рѣшается санкціонировать эти постановленія. Народъ насильно перевозитъ королевскую семью изъ Версаля въ Парижъ. Національное собраніе утверждаетъ конституцію. 14 іюля 1790 г., въ годовщину взятія Бастиліи, король, на Марсовомъ полѣ, при народномъ ликованіи, приноситъ присягу конституціон-

ной монархіи, намѣреваясь, однако, при первой возможности нарушить присягу. Снова начинаются дворцовыя интриги въ пользу переворота. Король рѣшается выступить въ открытую борьбу противъ Національнаго собранія, заканчивающаго составленіе конституціи. Желая прежде всего поставить себя внѣ опасности, онъ рѣшаетъ бѣжать изъ Парижа. Это бѣгство рѣшаетъ его судьбу. Онъ обнаруженъ, задержанъ и возвращенъ въ Тюльери, но предварительно лишенъ королевскаго сана; затѣмъ, на основаніи „фельянтовъ", онъ вновь возстановленъ въ правахъ комитетами Національнаго собранія, хотя его намѣреніе уничтожить конституцію, которой онъ присягнулъ, и вновь возстановить абсолютизмъ—доказаны. 14 сентября 1791 г. онъ снова присягаетъ конституціи. Буржуазія ликуетъ, но рабочій классъ выражаетъ свое глубокое возмущеніе этою конституціонною комедіею. Тѣмъ временемъ, на основаніи тайныхъ домогательствъ Людовика XVI, короли австрійскій и прусскій издаютъ въ Пильницѣ постановленіе, гласящее, что всѣ интересы монарховъ Европы существенно затронуты событіями во Франціи, поэтому они принуждены вступить въ коалицію, чтобы „установить во Франціи соотвѣтственное правленіе", т. е. возстановить монархическій абсолютизмъ. Республиканское настроеніе проявляется все болѣе и болѣе рѣзко въ Національномъ собраніи; между тѣмъ король пытается убѣдить своихъ родственниковъ, Божіихъ помазанниковъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ,—начать войну противъ Франціи, т. е. устроить насильственное нападеніе для возстановленія его абсолютной власти. Эти происки имѣютъ успѣхъ. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II подступаетъ съ войскомъ и объявляетъ въ манифестѣ, что „онъ задушитъ анархію и мятежный духъ" во Франціи и вновь возстановитъ „монархическій авторитетъ". Французскій народъ поднимается, чтобы отразить нападеніе. Король, же-

лая успокоить и обмануть народъ, приноситъ вновь присягу конституціи. Но 10 августа 1792 г. парижскій народъ беретъ приступомъ Тюльери, послѣ появленія такъ называемаго „брауншвейгскаго манифеста", въ которомъ предводитель прусской арміи, герцогъ Карлъ Брауншвейгскій, объявилъ, что онъ пришелъ отъ имени императора австрійскаго и короля прусскаго, чтобы всѣми имѣющимися средствами возстановить „правомѣрное господство" короля.

Это рѣшило судьбу Людовика XVI. Онъ и его семья были взяты въ плѣнъ, какъ государственные измѣнники; Законодательное собраніе постановило свергнуть его съ престола. Роялисты подверглись ужасному народному суду. Наступило кровавое дѣло гильотины. Далѣе,—диктатура и борьба съ австрійскими и прусскими холопами. Наконецъ, битва подъ Вальми, гдѣ молодые солдаты республиканской Франціи одержали надъ ними побѣду и гдѣ Гете, находившійся въ прусской арміи, произнесъ знаменитую фразу: „Нынѣ здѣсь начинается новая эпоха всемірной исторіи".

Далѣе, Національный Конвентъ, въ которомъ епископъ Грегуаръ произнесъ знаменитыя слова: „Исторія королей есть исторія страданій народовъ", единогласно принялъ предложеніе объ уничтоженіи королевской власти и основаніи республики [1]. (22 сентября, 1792 г.) Нѣсколько недѣль спустя (19 ноя-

[1] Во избѣжаніе монархическихъ происковъ, изданъ былъ слѣдующій законъ о революціонномъ судѣ отъ 22 преріаля, второго года единой и нераздѣльной Французской республики:

„Національный конвентъ на основаніи отчета Комитета благоденствія постановляетъ:

Статья IV. Революціонный трибуналъ учрежденъ для наказанія враговъ народа.

Ст. V. Врагами народа считаются тѣ, которые пытаются уничтожить публичную свободу посредствомъ насилія или хитрости.

Ст. VI. Врагами народа являются тѣ, которые возбуждаютъ къ возстановленію королевской власти или стремятся унизить или уничтожить Національный конвентъ или революціонное правительство... (далѣе) тѣ, кто пытается обмануть народъ или его представителей, чтобы побудить ихъ къ поступкамъ, противорѣчащимъ интересамъ свободы...

Тѣ, кто распространяютъ ложные слухи съ цѣлью вызвать расколъ въ народѣ или возбудить въ немъ смуту.

бря 1792 г.) былъ изданъ декретъ Національнаго конвента, который, въ отвѣтъ на роялистскій заговоръ, предлагалъ свою помощь и братство всѣмъ народамъ, стремящимся вновь завоевать свою свободу. 3 декабря 1792 г. состоялось постановленіе Конвента о возбужденіи противъ короля процесса по обвиненію его въ государственной измѣнѣ. 17 января 1793 году Людовикъ Капетъ приговоренъ къ смерти; 21 января приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; ужасная дорога къ эшафоту, кровавое дѣло палача — месть судьбы, которая, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, постигла вдову короля, Марію Антуанетту, за участіе въ заговорѣ съ иностранными государями.

Эти событія явились тѣмъ матеріаломъ, на основаніи котораго Луи Бланъ построилъ свое ученіе въ своей „Организаціи труда“. [1]

„За кого сочли бы человѣка, который въ послѣдніе годы правленія Людовика XV сказалъ: Вы видите, какимъ могуществомъ облечена королевская власть! Уже откровенность, съ которою она выставляетъ на показъ свою глупость, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Людовикъ XIV безнаказанно залилъ Францію потоками крови; регентъ ее безнаказанно грабилъ, а Людовикъ XV безнаказанно ставилъ Францію внѣ закона. Содержаніе королевскаго двора поглощаетъ 25 милліоновъ, и однѣ только придворныя забавы лишаютъ хлѣба тысячи бѣдняковъ... У короля достаточно имѣній, чтобы вознаградить мадамъ де Помпадуръ восемью княжескими помѣстьями, и достаточно денегъ, чтобы подарить Дюбарри $2^1/_2$ милліона ливровъ.

Тѣ, кто стараются ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе и препятствуютъ народному просвѣтленію, развращаютъ нравы и общественную совѣсть, извращаютъ чистоту и силу революціонныхъ и республиканскихъ принциповъ и препятствуютъ ихъ прогрессу посредствомъ распространенія контръ-революціонныхъ и лукавыхъ сочиненій или иныхъ прокламацій.

[1] Цитировано по Марло (Винкельблехъ): Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie I Bd. S. 424

Но потерпите только нѣсколько лѣтъ и вы увидите, что королевская власть будетъ унижена, оскорблена, что самому существованію ея будетъ грозить опасность. Собраніе гражданъ потребуетъ у короля отчета, будетъ принимать его съ непокрытою головой, а его министровъ будетъ считать слугами народа, пока, наконецъ, не наступитъ ужасный день, въ который это собраніе пошлетъ короля на эшафотъ..."

За кого приняли бы человѣка, который бы такъ говорилъ до 1789 года? Безъ всякаго сомнѣнія, за мечтателя, фантазера и глупца. И тѣмъ не менѣе онъ сказалъ бы правду, а его оппоненты доказали бы только свою близорукость и ослѣпленіе".

Совершенно въ томъ же положеніи находятся постоянно люди, предсказывающіе „переворотъ" и наступленіе новаго порядка вещей.

3. Новое обоснованіе абсолютизма.

Идея божественнаго происхожденія власти, возобновленная Наполеономъ I. — Почему французскій народъ терпѣлъ наполеоновскій деспотизмъ? — Вліяніе послѣдняго на состояніе Европы. — Абсолютизмъ, какъ послѣдствіе „освободительныхъ войнъ". — Вѣнскій конгрессъ государей. — „Священный союзъ". — Выполненіе программы Священнаго союза въ Германіи. — Дѣятельность Меттерниха и его сподвижниковъ.

Ближайшимъ великимъ и многозначительнымъ послѣдствіемъ французской революціи было владычество узурпатора. Благодаря геніальному и побѣдоносному веденію войны противъ коалиціи европейскихъ монарховъ, Наполеонъ Бонапартъ сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Вскорѣ ему представился благопріятный случай добиться цѣли своего честолюбія, узурпировать государственную власть. Государственный переворотъ 8 ноября 1799 года, осуществленный при помощи лицемѣрія, коварства и грубаго насилія, сдѣлалъ генерала Бонапарта первымъ консуломъ республики, которая тѣмъ самымъ перестала быть республикой. 2 августа 1802 года въ силу народнаго голосова-

нія онъ былъ провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ. Диктатура, опирающаяся на военную силу, окончательно установилась. Консульская власть корсиканца, сдѣлавшагося абсолютнымъ повелителемъ путемъ государственной измѣны, только по имени отличалась отъ чисто деспотической власти. Уже въ качествѣ консула онъ удостоился одобренія и оправданія со стороны изворотливой поповской логики. Архіепископъ турскій Буажеленъ заявляетъ въ своемъ пастырскомъ посланіи въ 1802 году, „что нынѣ существующее правительство — единственно законное; что Богъ устраняетъ, когда ему это угодно, королей и троны и что онъ одобряетъ тѣхъ руководителей государства, которыхъ предпочитаютъ сами народы". [1]

Два года спустя, креатуры этого авантюриста пріобрѣли такое вліяніе въ Сенатѣ, что 27 марта 1804 г. было постановлено составить адресъ, который прямо предлагаетъ первому консулу возложить на себя корону. Въ этомъ адресѣ говорится: „Вы создали новую эпоху, но вы должны также ее увѣковѣчить. Блескъ не имѣетъ никакого значенія, если онъ непродолжителенъ. Отбросьте сомнѣнія, великій человѣкъ, завершите Ваше великое дѣло, сдѣлайте себя безсмертнымъ. Вы извлекли насъ изъ хаоса прошедшаго, Вы заставляете насъ благословлять благодѣянія настоящаго, поручитесь же намъ за наше будущее".

Черезъ нѣсколько недѣль, 18 мая 1804 года, сынъ незначительнаго корсиканскаго адвоката сдѣлался „Божіею милостію и на основаніи конституціи республики императоромъ французовъ". Его наслѣдственное единовластіе было признано въ прокламаціи, распубликованной во всеобщее свѣдѣніе, „необходимымъ для счастья Франціи". Войска и гражданскія власти присягнули ему на вѣрность.

[1] Taine. Die Entstehung des modernen Frankreich. III. Bd. Zweite Abteilung. S. 40.

Затѣмъ произошла комедія „одобренія“ народомъ этой узурпаціи.

Когда для Бонапарта владычество смѣнилось заточеніемъ на о. св. Елены, онъ почувствовалъ потребность оправдаться въ томъ, что онъ, сынъ революціи, принесъ республику въ жертву монархіи. Это оправданіе сводилось къ тому, что Франція была еще неподготовлена къ свободѣ, что онъ принужденъ былъ временно принять диктатуру съ тѣмъ, чтобы подобно Суллѣ удалиться, когда для этого настанетъ время. Все это не что иное, какъ дерзкое лицемѣріе, ибо не нужно было переходить отъ консульства къ наслѣдственной монархіи, чтобы послѣдовать примѣру римскаго диктатора Суллы, который, совершенно уничтоживъ сущность республики и пресытившись кровопролитіемъ, добровольно отказался отъ своего всевластія. Вѣдь въ данномъ случаѣ, если бы Бонапартъ добровольно отказался отъ власти, то его мѣсто занялъ бы его наслѣдникъ.

Заносчивые имперіалистическіе планы Наполеона, вовлекшіе всю Европу въ непрерывную пятнадцатилѣтнюю войну, были нами уже въ другомъ мѣстѣ разобраны и критически освѣщены (III., 2). Равнымъ образомъ, мы упомянули тамъ и о его стараніяхъ использовать для своихъ цѣлей идею божественнаго происхожденія власти. Наполеонъ не задумываясь прибѣгалъ къ политическимъ услугамъ церкви, еще будучи консуломъ, не говоря уже о томъ времени, когда онъ сдѣлался императоромъ. Характеренъ слѣдующій фактъ. Составленный придворнымъ теологомъ Людовика XIV Боссюэ катехизисъ, который долженъ былъ служить „воспитанію народа“, приказываетъ дѣтямъ „почитать начальниковъ, духовенство, королей и правительство“. Въ 1806 году Портализъ доложилъ императору что подобныя общія положенія уже недостаточны: „Совѣсть народа должна быть связана съ предста-

вленіемъ о высокой особѣ Вашего Величества". Тогда былъ созданъ императорскій катехизисъ, который гласитъ:

„Особенно же обязаны мы нашему императору, Наполеону I, любовью, почтеніемъ и послушаніемъ, вѣрностью, военной службой и уплатой податей, необходимыхъ для защиты имперіи и трона... Ибо Богъ призвалъ его при тяжелыхъ обстоятельствахъ, чтобы онъ возстановилъ и защищалъ общественное богослуженіе и святую религію нашихъ отцовъ".

Эти слова провозглашались духовенствомъ съ церковныхъ каѳедръ во время богослуженія. [1]

Въ этомъ можно видѣть подражаніе примѣру Генриха VIII, короля англійскаго. Онъ приказалъ выработать подъ своимъ наблюденіемъ такъ называемую „Королевскую книгу" (опубликована въ 1549 г.), которая настоятельно внушаетъ долгъ повиновенія по отношенію къ властямъ и между прочимъ выставляетъ ученіе, что противъ дурного управленія монарха можетъ быть только молитва о томъ, чтобы Богъ просвѣтилъ сердце государя.

Невозможно предположить, чтобы самъ Бонапартъ вѣрилъ въ ученіе о божественномъ происхожденіи власти. Онъ пользовался этимъ ученіемъ исключительно съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. „Бонапарту предстоялъ выборъ: либо развивать далѣе столь быстро пустившее корни зерно религіознаго свободомыслія и религіозной свободы, либо избрать орудіемъ своей власти религіозный фанатизмъ и жажду власти и наживы. Поставленный между вѣрною выгодой съ одной стороны — и великимъ, благороднымъ принципомъ, съ другой, Наполеонъ долго не колебался. Его властолюбіе опредѣлило его выборъ" [2]. Чтобы

[1] Taine: a. a. O. III, 2. S. 41.

[2] Georg Brandes. Die Hauptströmungen des Liberalismus des neunzehnten Jahrhunderts. III. Bd. Die Reaktion in Frankreich. Leipzig 1890. — Его же: Das Autoritätsprinzip und die Revolution von 1789. Spezialabdruck a. a. O. Leipzig 1894. S. 41.

оправдать присвоенный авторитетъ въ глазахъ невѣжественныхъ массъ и доставить этому авторитету всеобщее признаніе, неограниченное единовластіе всегда и вездѣ ссылалось на полномочіе, данное ему самимъ Богомъ. Абсолютная монархія, какъ власть божественная, изъявляетъ притязаніе на правовую основу своего существованія, ибо въ основаніи божественныхъ правъ власти лежитъ идея права, какъ такового. О руководящихъ принципахъ своей политики Бонапартъ высказался еще будучи первымъ консуломъ; въ Государственномъ совѣтѣ 16 августа 1800 года онъ сказалъ:

„Моя политика заключается въ томъ, что я управляю согласно съ желаніемъ громаднаго большинства людей... Ставъ на католическую точку зрѣнія, я положилъ конецъ междоусобной войнѣ; благодаря тому, что я понялъ натуру мусульманина, я могъ утвердиться въ Египтѣ; выступивъ въ защиту ультрамонтанства, я привлекъ на свою сторону итальянское духовенство. Если бы я былъ призванъ стать руководителемъ еврейскаго народа, я возстановилъ бы храмъ Соломона. Въ свободной части Санъ Доминго я говорилъ бы о свободѣ, а на другой половинѣ и на о. св. Маврикія я сохранилъ бы рабство... Вотъ какимъ образомъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, осуществлять суверенитетъ народа".

Впрочемъ, при случаѣ онъ высказывалъ и такое мнѣніе: „Не существуетъ абсолютнаго деспотизма, а только относительный"—т. е. деспотизмъ всегда встрѣчаетъ какія-либо границы; чѣмъ больше власть, тѣмъ труднѣе ее осуществлять одному человѣку; особенно она должна считаться съ руководящими сословными и классовыми интересами, чтобы использовать ихъ въ своихъ цѣляхъ и связать со своими собственными интересами. Послѣднее особенно хорошо удавалось Наполеону. Едва-ли кому-нибудь было легче выполнять абсолютистскіе и имперіали-

стическіе планы, чѣмъ этому узурпатору. Всѣ обстоятельства покровительствовали его стремленіямъ, внутреннее положеніе страны такъ же, какъ и состояніе монархической Европы.

Среди нѣмецкихъ бюргеровъ кое-гдѣ, особенно же на Рейнѣ, въ Кельнѣ, въ Кобленцѣ, Майнцѣ и др., республиканскія идеи, подъ вліяніемъ французской революціи, получили нѣкоторое распространеніе, но скоро обнаружилось, какова была цѣна этого республиканизма. У французовъ не было уже республиканскаго правленія, его мѣсто занялъ диктаторъ и самодержецъ. 23 сентября 1802 года „Кельнская Газета“ [1] объявила консула Бонапарта „благороднымъ и великимъ человѣкомъ; она восклицала: „да здравствуетъ Бонапартъ!“ Эта газета съ энтузіазмомъ привѣтствовала 24 іюня 1803 года извѣстіе о пріѣздѣ „героя Бонапарта“. Въ 1804 году новоиспеченный императоръ осчастливилъ рейнскія земли своимъ посѣщеніемъ. И вчерашніе республиканцы обоготворяли человѣка, который презиралъ людей такъ, какъ едва ли кто-либо до него. Какое презрѣніе должно было наполнять его гордое, каменное сердце, когда онъ думалъ о томъ, что всѣ тѣ, которые нѣсколькими годами раньше гордо называли себя защитниками легитимности, а также многіе изъ тѣхъ, которые изъ за „химеры“ демократической республики предали міръ пламени и пожарамъ, теперь съ восторгомъ прославляли его монархическій деспотизмъ и унизились до роли прислужниковъ тирана! Какъ должно было усилиться его презрѣніе къ людямъ, когда онъ видѣлъ, что многіе изъ тѣхъ, которые послѣ 8 Фруктидора и 30 Преріаля клялись съ паѳосомъ и одушевленіемъ въ вѣчной ненависти къ монархіи, теперь окружаютъ его карету, тѣснятся къ его лошадямъ, обни-

[1] Franz Dieudonné. Die Kölnische Zeitung und ihre Wandlungen im Laufe der Zeiten. Berlin 1903.

маютъ его колѣни и кричатъ: „Да здравствуетъ императоръ! [1]

Въ 1807 году „Кельнская газета“ съ ликованіемъ возвѣстила, что вся Германія частью добровольно сдалась императору Наполеону, частью была имъ покорена.

По поводу этихъ событій невольно вспоминаются саркастическія слова поэта, направленныя противъ добрыхъ бюргеровъ: „Они прославляли цареубійцъ и восхваляли королей; они кричали: „да здравствуетъ республика!“ и съ бѣшенствомъ нападали на республику, а теперь они такъ глубоко лойяльны, что готовы перемѣнить не только платье, но и свою кожу, если это нужно“

Современникъ узурпатора, Ансилонъ, [2] говоритъ о немъ слѣдующее: „Дѣятельный, смѣлый, непобѣдимый Бонапартъ въ общественномъ мнѣніи стоялъ выше всѣхъ. Онъ пришелъ и завладѣлъ властью силой. Именемъ самодержавнаго народа достигъ онъ десятилѣтняго, а впослѣдствіи и пожизненнаго консульства; однимъ разомъ взошелъ онъ въ пурпурной окровавленной мантіи на престолъ, который уже былъ подготовленъ втайнѣ. Онъ использовалъ всѣ партіи и обманулъ ихъ; онъ возбуждалъ у всѣхъ надежды и вмѣстѣ съ тѣмъ вселялъ страхъ. Всѣ были поражены той дерзостью и отвагой, съ какой корсиканецъ завладѣлъ короной и снялъ съ своей головы красный колпакъ, который онъ носилъ до этихъ поръ. Республиканцы воображали, что онъ хотѣлъ при помощи временной диктатуры утвердить республику; роялисты продполагали, что онъ смотритъ на себя, какъ на необходимый переходъ къ возстановленію правомѣрнаго королевства; конституціоналисты мечтали о томъ, что онъ положитъ основаніе истин-

[1] Jacob Benedey. Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik. Mit Benutzung der Aufzeichnungen seines Vaters dargestellt. Leipzig 1870. S. 488.

[2] Fr. Ancillon. Ueber Souveränität und Staatsverfassung. Berlin 1816. S. 89. ff.

ной монархической свободѣ. Всѣ оказались обманутыми. Всѣ увидѣли, что они послужили лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Бонапарта для достиженія ненавистной имъ цѣли. Однако они всѣ молчали; имъ казалось безопаснѣе и лучше вступить въ соглашеніе съ силой, нежели бороться съ ней. Но, безъ сомнѣнія, лучшимъ союзникомъ Бонапарта въ его смѣлой узурпаціи было всеобщее утомленіе націи".

Отсюда становится понятнымъ, почему французскій народъ терпѣлъ деспотизмъ Бонапарта. Рѣшающее значеніе здѣсь имѣли прежде всего классовые интересы буржуазіи, совпадающіе съ завоеваніями революціи. Она нуждалась въ защитѣ и поддержкѣ капитализма, освободившагося отъ оковъ. Бонапартъ удовлетворилъ эти требованія. Онъ покровительствовалъ промышленности и торговлѣ, проводилъ дороги и каналы и устраивалъ различныя общественныя сооруженія. Онъ реформировалъ право въ интересахъ капитализма; онъ способствовалъ расцвѣту національныхъ искусствъ въ духѣ буржуазіи. Но всѣ проявленія духовной жизни народа онъ безпощадно подавлялъ при помощи полицейскаго гнета и военной дисциплины. Даже учебныя заведенія приняли военную окраску. Блестящее время имперіи въ отношеніи развитія литературы и наукъ являлось самымъ печальнымъ періодомъ во французской исторіи. Какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни Наполеонъ уничтожалъ все, что могло напомнить о періодѣ революціи и народнаго суверенитета. Онъ полагалъ, что помазаніе его папой Піемъ III, признаніе за нимъ императорскаго достоинства со стороны австрійскаго императора и многихъ германскихъ князей и, наконецъ, его бракъ съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой вполнѣ и навсегда легитимировали его право на престолъ.

Желая придать своему царствованію внѣшній блескъ и окружить себя вѣрными подданными, онъ положилъ основаніе потомственному дворянству.

Одинъ политическій нѣмецкій писатель[1] говоритъ, что Бонапартъ сдѣлался „истиннымъ избавителемъ отъ французской революціи“ тѣмъ, что титаническимъ усиліемъ онъ соединилъ низшіе слои населенія, распавшіеся въ неудержимомъ броженіи, что онъ этотъ освобожденный пролетаріатъ вовлекъ во внѣшнюю войну и бросилъ славу въ зіяющую пасть этого чудовища и, такимъ образомъ, утолилъ первые приступы его всемірно-историческаго голода.[2] И дѣйствительно, французскій пролетаріатъ жертвовалъ своею жизнью для „величія“ узурпатора. Народъ, еще такъ недавно гордившійся своей республиканской свободой и равенствомъ, теперь лежалъ у ногъ властелина, который вернулъ революцію къ ея исходному пункту — абсолютизму. Его честолюбію льстило то, что онъ могъ создавать королей такъ же, какъ прежде онъ создавалъ республики. Короны являлись игрушками въ рукахъ Бонапарта. Онъ свергалъ однѣ династіи, царствовавшія „милостію Божіей“, а вмѣсто нихъ возводилъ другія. Такъ, онъ низложилъ въ Неаполѣ династію, противившуюся его намѣреніямъ, и объявилъ королемъ своего брата Іосифа. Но этотъ престолъ вскорѣ былъ занятъ Іоахимомъ Мюратомъ, незадолго передъ тѣмъ пожалованнымъ Бонапартомъ великимъ герцогомъ Бергскимъ, тогда какъ Іосифъ завладѣлъ испанскимъ тономъ, а „прирожденный“ король Карлъ IV съ сыномъ по милости Наполеона должны были отречься отъ престола. Царствующая династія Португаліи бѣжала отъ францу-

[1] Theodor Mundt. Die Geschichte der Gesellschaft in ihren neuen Entwicklungen und Problemen, Leipzig. 1856. S. 143 ff.

[2] Hellwald (Kulturgeschichte, S. 773) говоритъ: „Наполеонъ I былъ такъ же, какъ позднѣе Наполеонъ III, истиннымъ „спасителемъ общества“, побѣдившимъ дракона, который его породилъ.

ской арміи въ Бразилію. Королемъ Голландіи императоръ поставилъ другого своего брата Людовика. Но когда онъ оказался неспособнымъ поддерживать континентальную систему по отношенію къ Англіи, Наполеонъ долженъ былъ низложить его и присоединить королевство Голландію къ Франціи. Сдѣлавшись королемъ Италіи, Бонапартъ къ своему титулу императора прибавилъ еще королевскій титулъ. Вновь образованное Вестфальское королевство онъ отдалъ своему брату Іерониму. Эти новыя династіи, вслѣдствіе тѣснаго союза, а также по императорскому фамильному статуту, находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ имперіей.

Многія нѣмецкія династіи прекратили свое существованіе. Уже при обсужденіи вопроса о „прирожденной власти“ мы упоминали о томъ, что ликвидація имперіи, предпринятая при заключеніи Вестфальскаго мира нѣмецкими государями въ ихъ династическихъ интересахъ, была довершена по плану Бонапарта и съ его помощью. Государямъ, пользующимся его покровительствомъ, Бонапартъ не только раздавалъ земли, но жаловалъ имъ высшіе титулы и объявлялъ ихъ по отношенію къ подданнымъ абсолютными суверенами. Всѣ эти облагодѣтельствованные государи отреклись отъ нѣмецкой имперіи и заключили съ Бонапартомъ постыдный рейнскій союзъ. За нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ (1775 до 1783) нѣмецкіе, законные „милостію Божіей“ Государи (герцогъ Брауншвейгскій, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, наслѣдный принцъ Гессенъ-Нассаускій, князъ Ф. Вальдекъ, маркграфъ Аншпахскій, и князь Цербстскій) продали Англіи около 30.000 „сыновъ отечества“ для подавленія борьбы за независимость, которую вели сѣверо-американцы. Англія заплатила за человѣческій товаръ однихъ только субсидій этимъ государямъ около 2 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, почти

40 милліоновъ марокъ[1]. Получивъ эту ужасную плату за кровь своихъ подданныхъ, „отцы отечества“ пріобрѣли возможность вести еще болѣе распутную жизнь[2].

Теперь послѣ основанія рейнскаго союза нѣмецкіе государи, подвластные своему покровителю Наполеону, должны были посылать сотни тысячъ дѣтей народа на бойню, происходившую на пространствѣ отъ Испаніи до Россіи. „Предпріятіе было совершенно то же самое, только была другая цѣна и на этотъ разъ вмѣсто Англіи наличными деньгами уплатила Франція“ (Fr. Карр.). Розничная торговля монархіи въ 1775—1785 гг. у слѣ-

---

[1] Точныя указанія объ этомъ: Friedrich Карр. Der Soldatenhandel deutscher Fürsten nach Amerika. Berlin 1864 г.

Интересно, что происхожденіе богатства и мірового значенія дома Ротшильда косвеннымъ образомъ можно вывести изъ этой торговли пушечнымъ мясомъ. Основатель дома Ротшильда, Майеръ Амшель, былъ агентомъ у ландграфа, а впослѣдствіи курфюрста Гессенъ-Кассельскаго и пользовался имъ для того, чтобы повысить платимый ему лондонскимъ банкомъ процентъ, который понизился вслѣдствіе уплаты крупныхъ суммъ за поставленное Англіи человѣческое мясо. Майеръ Амшель очень удачно спекулировалъ съ деньгами ландграфа. Благодаря тому, что ему удалось склонить ландграфа поручить всѣ свои денежныя дѣла съ Англіей второму сыну Ротшильда Натану, онъ страшно разбогатѣлъ. Когда же англійское правительство должно было содержать войска въ Испаніи, М. А. Ротшильдъ взялъ на себя доставку денегъ, причемъ бралъ высокую плату за комиссію. Счастье сопутствовало этому предпріятію Ротшильда. За время испанскаго похода, значитъ въ продоженіе 8 лѣтъ, онъ ежегодно пріобрѣталъ отъ 3 до 4 милліоновъ. Аккуратное исполненіе порученій побудило англійское правительство во время континентальной войны перевести огромныя субсидіи германскимъ государямъ при посредствѣ дома Ротшильда, вслѣдствіе чего замѣтно возросли его богатство и значеніе. Съ этого времени, а именно со времени Вѣнскаго мира, Ротшильды принимали участіе во всѣхъ денежныхъ операціяхъ и займахъ возстановленныхъ династій, и могущество ихъ дома возростало съ каждымъ днемъ. — Vegl. Das Haus Rothschild. Seine Geschichte und seine Geschäfte I S. 112. ff. Prag und Leipzig. 1857.

[2] Мирабо, французскій народный трибунъ, обнародовалъ брошюру: „Совѣтъ гессенцамъ и другимъ народамъ Германіи, проданнымъ ихъ государями“. Онъ клеймитъ въ этой брошюрѣ чудовищную и безпримѣрную торговлю солдатами и призываетъ народъ не допускать, чтобы государи могли ихъ употреблять на службу ненавистному деспотизму. Ландграфъ Гессенскій велѣлъ немедленно скупить эту брошюру.

Подобно Мирабо, Шиллеръ въ своемъ произведеніи „Коварство и Любовь“ обличаетъ гнусныхъ торговцевъ людьми. Распутная женщина, иностранка, является благороднѣйшимъ лицомъ при дворѣ одного подобнаго негодяя; она отвергаетъ съ презрѣніемъ и ужасомъ подаренные ей государемъ бриллианты, узнавъ, что они куплены на деньги, полученныя отъ торговли солдатами.

дующаго поколѣнія превратилась въ оптовую — вотъ и вся разница.

Рейнскіе союзники оставались „вѣрными“ своему покровителю до тѣхъ поръ, пока счастье было на его сторонѣ. Но когда счастье отвернулось отъ него, они снова сдѣлались „добрыми нѣмецкими патріотами“ и перешли на сторону его противниковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними предпринять на Вѣнскомъ конгрессѣ новый передѣлъ земель и поручиться другъ другу въ неприкосновенности своихъ владѣній и суверенитета надъ ними. Когда союзные монархи начали войну противъ Бонапарта, они были вынуждены торжественно войти въ соглашеніе съ революціоннымъ направленіемъ, съ которымъ они такъ долго боролись во имя „божественнаго права“ монархіи. Идея гражданской свободы была основной идеей того времени, въ которомъ заключается объясненіе французской революціи. Союзники послали свои войска противъ республики съ намѣреніемъ задушить идею гражданской свободы. Теперь же они сдѣлали эту идею лозунгомъ своей борьбы съ Бонапартомъ. 5-го марта 1813 г. союзные монархи обнародовали общую торжественную прокламацію, въ которой они объявили, „что они, идя навстрѣчу желанію народа, приглашаютъ всѣхъ нѣмцевъ присоединиться къ нимъ для борьбы всѣмъ сердцемъ и душою, всѣмъ достояніемъ и кровью, всѣмъ тѣломъ, всею жизнью за свободу и независимость Германіи и за возстановленіе имперіи, которая должна быть организована въ духѣ новаго времени самими нѣмецкими государями и народами“. Новая организація имперіи въ главныхъ своихъ чертахъ должна соотвѣтствовать исконному духу германскаго народа, чтобы единая Германія вступила въ семью европейскихъ державъ, обновленная, „полная жизненныхъ силъ“.

Еще между первой и второй войной князь Меттернихъ заявилъ на Вѣнскомъ конгрессѣ: „Для

этой цѣли народы взялись за оружіе и всѣ государства, присоединившіяся къ Союзу, тѣмъ самымъ показали, что онъ стремятся къ той же цѣли[1].

Въ одномъ изъ актовъ Вѣнскаго конгресса 1815 г., въ составленіи котораго участвовали всѣ правительства, высказанъ слѣдующій взглядъ на войну съ Бонапартомъ: „для того, чтобы народы пріобрѣли увѣренность, мужество и бодрость для новой войны, имъ должно быть обезпечено, что они приносили и приносятъ жертвы для удовлетворенія своихъ высшихъ интересовъ и для завоеванія насущнѣйшихъ правъ“[2].

Свобода печати, право на самообложеніе, контроль надъ государственными расходами и управленіемъ согласно законамъ, а также отвѣтственность должностныхъ лицъ — были приняты за установленный союзомъ минимумъ государственныхъ правъ. Когда же народъ, полагаясь на обѣщанія своихъ государей, принесъ свое достояніе и свою жизнь „на алтарь отечества“, тогда Вѣнскій конгрессъ оставилъ безъ всякаго вниманія народъ, его свободу и его „неотъемлемыя“ права. Онъ стремился къ водворенію порядка, укрѣпленію династическихъ интересовъ и къ новому угнетенію народа.

Когда нѣмецкій народъ началъ освободительную войну, онъ былъ исполненъ вдохновенной надеждой, что вслѣдъ за побѣдой надъ чужеземными тиранами послѣдуетъ освобожденіе отъ тираніи своихъ „прирожденныхъ“ государей. Даже такой трезвый мыслитель, какъ старикъ Гете, въ порывѣ

---

[1] Klüber. Acten des Wiener Kongresses in den Jahren 1814 und 1815 I S. 61 und 104.

[2] Двадцатью годами раньше передъ тѣмъ (1793) Фихте возбудилъ гнѣвъ нѣмецкихъ государей своимъ анонимнымъ сочиненіемъ, написаннымъ подъ впечатлѣніемъ французской революціи: „Подавленіе свободы мысли нѣмецкими князьями“. Онъ считаетъ свободу мысли неотъемлемымъ правомъ, неотчуждаемымъ достояніемъ человѣка; свобода мысли—божественный палладіумъ человѣчества, на который ни одинъ князь не имѣетъ права посягнуть. Въ 1815 г. союзные монархи прибѣгли къ возмутительному лицемѣрію, торжественно признавъ неотъемлемыя права народа.

одушевленія воскликнулъ: „Проснитесь, братья! Вставайте на освобожденіе міра! Звѣзды меркнутъ— пора! Сбрасывайте гнетъ тираніи, освобождайтесь отъ оковъ. Такова воля Бога, ибо этого требуетъ голосъ народа!“ [1].

Но Вѣнскій конгрессъ князей и дипломатовъ „злобная толпа низменныхъ лѣнтяевъ“, какъ назвалъ его старый маршалъ Блюхеръ, разбилъ всѣ надежды народа.

Нѣмецкіе князья нагло обманули народъ послѣ „освободительной войны“. Сначала они обманули націю. Черезъ три года послѣ битвы при Лейпцигѣ 18-го октября, Людвигъ Уландъ обращается къ нимъ въ одномъ изъ лучшихъ патріотическихъ стихотвореній: „А вы, князья? неужели вы забыли тотъ день сраженія, когда вы валялись въ ногахъ побѣдителя и прославляли его? Если народы искупили вашъ позоръ и доказали свою вѣрность, то вы не должны давать лишь обѣщанія, а теперь же исполнять ихъ“.

Но всякое напоминаніе государямъ объ исполненіи ихъ обѣщаній народу оказывалось напраснымъ. Они дѣйствовали какъ разъ обратно своимъ обѣщаніямъ. Вмѣсто ожидаемаго національнаго объединенія — свободный союзъ 39 суверенныхъ государствъ, какъ доказательство національнаго безсилія; вмѣсто ожидаемой политической свободы — новое и еще худшее порабощеніе народа. Меттернихъ, подобно Бонапарту, разсчитывалъ и вполнѣ основательно, что нуждающійся въ мирѣ истощенный народъ подчинится всякому угнетенію, что обстоятельства въ высшей степени благопріятствуютъ возстановленію и укрѣпленію абсолютизма.

Нашлись такіе политики и знатоки права, которые оправдывали государей, нарушившихъ свое слово, и утверждали, что исполненіе обѣщаній, дан-

[1] Goethe: „Des Epimenides Erwachen“ написано въ 1814 г. и шло въ Берлинѣ съ большимъ успѣхомъ.

ныхъ ими народу вовсе не обязательно: „такъ какъ въ монархическомъ государствѣ король одинъ издаетъ законы, то въ силу этого онъ можетъ по своему усмотрѣнію объявлять ихъ недѣйствительными“, точно также онъ можетъ брать обратно свои обѣщанія. Это ученіе должно было способствовать выясненію того, что обѣщанія государя есть лишь пустой звукъ и приманка для дураковъ!

Въ другомъ мѣстѣ мы уже указывали на „Священный Союзъ“, явившійся результатомъ Вѣнскаго конгресса, какъ на противоположность культурному единенію народовъ. Изъ того обстоятельства, что государи въ вышеупомянутомъ заявленіи обязались „управлять лишь согласно велѣніямъ святой религіи, справедливости, любви къ ближнему и мира“, поверхностные историки выводили, что въ основѣ „Священнаго Союза“ лежала идея „возвышеннаго идеала“. Этотъ взглядъ совершенно неправиленъ. Цѣлью этого союза являлось возстановленіе „божественнаго права“ монарха и укрѣпленіе монархическаго абсолютизма. Согласно съ намѣреніями своихъ основателей, „Священный Союзъ“ представлялъ полицейское учрежденіе для подавленія и уничтоженія освободительныхъ идей, порожденныхъ французской революціей, сверженіемъ Бонапарта и „освободительной войной“. Это былъ союзъ абсолютныхъ монарховъ, объединявшій почти всѣхъ европейскихъ государей для борьбы противъ народовъ и ихъ священныхъ правъ.

Идея гарантіи прочнаго мира, осуществленіе котораго „Священный Союзъ“ ставилъ своей задачей, не являлась чѣмъ-либо новымъ. Въ другомъ мѣстѣ (глава III, стр. 139) мы уже указывали на подобныя же намѣренія французскаго короля Генриха IV.

Дѣло идетъ о „двѣнадцати мирныхъ статьяхъ“ [1],

[1] Fr. v. Holzendorf. Die Idee des ewigen Friedens. Berlin 1882.

изъ которыхъ первая гласитъ: „Всѣ христіанскія государства Европы объединяются въ вѣчный мирный союзъ со взаимной гарантіей территоріальной неприкосновенности; они стремятся также по-возможности соединиться съ магометанскими государями въ постоянный наступательный и оборонительный союзъ. Представителемъ этого союза будетъ постоянный сенатъ или конгрессъ, засѣдающій въ одномъ изъ вольныхъ городовъ".

Впрочемъ „Священный Союзъ" имѣлъ фактически предшественника въ лицѣ союза, возникшаго при раздѣлѣ Польши. Польша представляла изъ себя аристократическую республику съ выборнымъ королемъ во главѣ. Это былъ вполнѣ разлагающійся государственный организмъ. Для того, чтобы окончательно ослабить Польшу и лишить ее возможности сопротивляться, абсолютные государи Россіи и Пруссіи въ 1769 г. заключили между собою союзъ съ цѣлью воспрепятствовать государственному переустройству Польши. Они противились даже возстановленію наслѣдственной монархіи. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ въ союзъ вступила Марія-Терезія Австрійская, совершился насильственный раздѣлъ Польши или, точнѣе, первый его актъ. Союзные монархи взяли на себя заботу о поддержаніи порядка въ той части Польши, которая осталась „независимымъ государствомъ". Въ трактатѣ о раздѣлѣ отъ 5-го августа 1772 г. признается необходимымъ возстановленіе въ Польшѣ нарушеннаго порядка и справедливости. Дословно тамъ сказано слѣдующее: „Державы (Пруссія, Австрія и Россія) постановили сообща и въ согласіи стремиться къ тому, чтобы возстановить въ Польшѣ миръ и порядокъ и утвердить на прочныхъ основаніяхъ ея прежнее государственное устройство и права націи (!)".

На сеймѣ въ Гродно (1793) прусскій король объявилъ, что въ виду того, что въ республикѣ

„сильно распространился демократическій ядъ“, онъ принужденъ въ союзѣ съ Россіей возстановить спокойствіе, такъ какъ во Франціи онъ уже вступилъ въ борьбу съ врагами всякаго гражданскаго порядка и не потерпитъ, чтобы его подданные и съ противоположной стороны подверглись дѣйствію революціонной заразы. Генералъ Меллендорфъ, вступивъ въ Польшу, объявилъ въ своей прокламаціи: „Принципы якобинства распространяются все шире и представляютъ величайшую опасность для народовъ и троновъ.

... Великая Польша въ особенности представляетъ очагъ и колыбель демократизма, и долгъ государей передъ собой, предъ народами, передъ всѣмъ человѣчествомъ—положить конецъ этому злу“.

Борьба съ демократизмомъ также входила въ задачи „Священнаго Союза“. Германіи было суждено первый испытать на себѣ дѣятельность этого союза. Въ то время, когда вся масса гражданъ трусливо и тупо склонялась подъ игомъ монархическаго абсолютизма, демократическій духъ глубоко укоренился въ средѣ студенческой молодежи. Вскорѣ этотъ революціонный духъ проявился на дѣлѣ. Убійство 23-го марта 1819 года Карломъ Зандомъ презрѣннаго служителя реакціи Коцебу послужило для правительства поводомъ къ обвиненію нѣмецкой молодежи въ „демагогическомъ заговорѣ“ противъ существующаго порядка вещей. Съ лозунгомъ: „защита трона, церкви и собственности“ выступило правительство противъ либераловъ съ самыми жестокими репрессіями.

Реакція воздвигла себѣ прочный позорный памятникъ своими карлсбадскими постановленіями въ 1819 г. и послѣдующими заявленіями союзнаго правительства 1820 и 1834 г. [1].

---

[1] Klüber-Welcker. „Wichtige Urkunden“ etc. — Friedr. von Weech. Korrespondenzen und Aktenstücke zur Geschichte der Ministerkonferenzen von Karlsbad und Wien in den Jahren 1819, 1820 und 1834. Leipzig 1865.

„Зло съ каждымъ днемъ возрастаетъ, и скоро оно достигнетъ своей вершины. Революціонный духъ въ предѣлахъ нѣмецкаго союза достигъ такой степени развитія, что, можетъ быть, осталось лишь нѣсколько мгновеній для правительства, чтобы не дать прорваться этому разрушительному потоку". Такъ писалъ Меттернихъ въ 1819 г. Онъ былъ благочестивый человѣкъ, этотъ слуга династическихъ интересовъ; онъ думалъ: „Съ Божіей помощью я надѣюсь побѣдить революцію, подобно тому, какъ побѣдилъ завоевателя всего міра". Меттернихъ говоритъ даже о „главныхъ заговорщикахъ" въ высшихъ слояхъ бюрократіи; онъ говоритъ о „революціонно настроенныхъ южно-германскихъ государствахъ", въ которыхъ правительства готовы удовлетворить требованіе гражданъ о созывѣ парламента, о „безбожныхъ либеральныхъ принципахъ", которые развивалъ на союзномъ сеймѣ посолъ Карла-Августа Саксенъ-Веймарскаго; онъ обвинялъ этого государя въ „вѣроломствѣ" по отношенію къ союзу и въ государственной измѣнѣ, потому что онъ допускалъ въ своемъ государствѣ либеральную пропаганду. Прусскій министръ Бернсторфъ, бывшій представителемъ Пруссіи въ союзномъ сеймѣ, впадалъ въ не меньшую крайность, чѣмъ Меттернихъ: онъ указывалъ на настоятельную необходимость подавленія либерализма, враждебнаго монархическому образу правленія.

Карлесбадскія постановленія между прочимъ указываютъ государямъ, что необходимо противодѣйствовать осуществленію представительнаго образа правленія; въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ оно уже введено (Нассау, Веймаръ, Баварія и Баденъ) слѣдуетъ стараться всякими способами ограничить права народа, ибо принципъ народовластія крайне вреденъ, — онъ ведетъ къ демагогіи.

Когда политическій фанатикъ Лувель, желавшій истребить всѣхъ Бурбоновъ, 13 февраля 1820 года

убилъ герцога Беррійскаго въ Парижѣ, всѣ нѣмецкіе монархи стали бояться, что „лозунгомъ дня станетъ политическое убійство“. Баденскій министръ Берштеттъ обратился къ Меттерниху съ нотой, въ которой призывалъ его положить начало твердой и дружной совмѣстной дѣятельности всѣхъ правительствъ въ цѣляхъ „охраненія единственной системы, обезпечивающей всеобщій миръ, спокойствіе и порядокъ“. Онъ говоритъ слѣдующее:

„Европейскія державы должны, насколько это возможно, защищать монархическіе принципы отъ всякихъ нападокъ и гарантировать ихъ неприкосновенность. Эта идея лежитъ уже въ основѣ „Священнаго Союза“. Не пора ли приступить къ ея практическому осуществленію. Революція началась съ декларацiи правъ народа. Почему она не можетъ закончиться декларацiей правъ трона?“

На эти вызывающія слова Меттернихъ отвѣтилъ своей „знаменитой“ нотой отъ 4 мая 1820 г. [1], въ которой онъ превозноситъ „принципъ устойчивости“, какъ послѣднее оружіе въ борьбѣ противъ прогрессивнаго движенія времени—можно сказать противъ всемогущей силы времени. Подъ принципомъ устойчивости онъ подразумѣвалъ принципъ монархическаго абсолютизма. Безъ сомнѣнія, ближайшей и важнѣйшей цѣлью являются „охраненіе существующаго порядка вещей“, но необходимо также добиваться „возвращенія отъ новаго къ старому, уже изжитому“.

Карлсбадская система была пополнена новыми положеніями, еще рѣзче выражавшими тѣ же принципы. И снова эта пагубная система, постановившая на мѣсто права самый безсовѣстный полицейскій произволъ, получила подкрѣпленіе со стороны тайныхъ постановленій Вѣнской конференціи мини-

[1] Welcker. Wichtige Urkunden etc., стр. 315.

стровъ 1834 г. [1]. Революціонныя событія Франціи, Бельгіи, Италіи и Польшы оказали устрашающее дѣйствіе на нѣмецкихъ властителей. Пруссія и Австрія предложила всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ отправить пословъ въ Вѣну, чтобы тамъ обсудить мѣры, которыя необходимо принять для устраненія опасности, грозящей монархической государственной власти и авторитету государей со стороны демократической партіи.

Это предложеніе было принято. Въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи этого совѣщанія, Меттернихъ жаловался на то, что демократическая партія „вполнѣ обдуманно подстрекаетъ народъ къ систематическому недовѣрію по отношенію къ его законнымъ властямъ и проповѣдуетъ разрушеніе и уничтоженіе всего существующаго". Принятыя на этомъ совѣщаніи постановленія отвергаютъ всѣ требованія и основныя положенія демократіи; они являются политическимъ символомъ вѣры монархическаго духа. Прежде всего, по мнѣнію совѣщанія, не должно быть представительныхъ учрежденій, которыя „въ своемъ естественномъ развитіи неизбѣжно приводятъ къ суверенной власти демократическихъ представительныхъ собраній". Въ заключительной рѣчи 12 іюня 1834 года Меттернихъ заявилъ, что теорія народнаго представительства является для „антимонархической секты" средствомъ для „измѣннического самоуправства". Борьба съ теченіями времени была паролемъ этого государственнаго человѣка и его пособниковъ; эта борьба, по его словамъ, необходима, дабы въ короткое время изъ рукъ многихъ правителей не была вырвана даже и тѣнь монархической власти.

Меттернихъ и его сподвижники снова вызвали къ жизни „божественное право" государей; они

[1] Welker. a. a. O. S. 346 ff. — Von Weech. a. a. O. S. 117 ff. — Deutsch-französische. Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marks. Paris 1844, 1 und 2 Lieferung, S. 126 ff.

„очистили“ монархическій принципъ и хотѣли подавить духъ времени. А спустя 14 лѣтъ произошла въ самой Германіи революція, народный судъ надъ „божественнымъ правомъ“ государей.

4. Конституціонная монархія и буржуазная республика во Франціи.

Конституціонные эксперименты.—Ростъ либерализма.—Паденіе династіи Бурбоновъ.—Капитализмъ и монархизмъ.—Буржуазное королевство „Милостію Капитала“.—Внутреннее противорѣчіе этого королевства.—Ненависть къ нему со стороны рабочихъ.—Конфликты между буржуазіей и монархіей „короля-гражданина“.—Паденіе іюльской монархіи.—Іюньская битва и ея послѣдствія.—Вторая имперія.—Монархизмъ въ третьей французской республикѣ.

Ламартинъ совершенно вѣрно говоритъ, что чужестранцы, свергшіе Наполеона съ престола, вмѣстѣ съ тѣмъ положили конецъ контръ-революціи, которую онъ могъ проводить, пользуясь тѣмъ, что народъ былъ истощенъ, а буржуазія требовала защиты тѣхъ изъ завоеваній революціи, которыя соотвѣтствовали ея интересамъ, т. е. интересамъ свободнаго капитала. Правда, Бурбоны, изгнанные братья Людовика XVI, наученные горькимъ опытомъ и познакомившіеся во время своего пребыванія въ Англіи съ конституціонными идеями, возвратились во Францію, но вмѣстѣ съ ними вернулась и революція. Конечно, они далеко не являлись добровольными носителями духа и принциповъ революціи. Однако, когда Людовикъ XVIII, слѣдуя приглашенію Сената, совершалъ свой въѣздъ во Францію, онъ принужденъ былъ сдѣлать народу нѣкоторыя конституціонныя уступки. Русскій императоръ Александръ поставилъ условіемъ его возвращенія въ Парижъ обѣщаніе народу конституціи. И это Александръ-самодержецъ! Какъ это могло случиться? Дѣло въ томъ, что обѣщаніе конституціи казалось единственнымъ способомъ утвердить во Франціи монархическое правительство.

Людовикъ отвергъ проектъ конституціи, предложенный ему Сенатомъ. Данная имъ самимъ конститу-

ціонная хартія устанавливала между прочимъ равенство передъ закономъ и равенство въ несеніи государственныхъ повинностей, свободный доступъ къ должностямъ, неприкосновенность имущества, свободу личности, религіи и печати; кромѣ того учреждалась двухпалатная система съ правомъ рѣшающаго голоса въ вопросахъ законодательства и обложенія. Между тѣмъ съ самаго начала было ясно, что король не желаетъ серьезно считаться съ данными обѣщаніями, что онъ только того и добивается, какъ бы ограничить или даже взять назадъ тѣ уступки, которыя онъ сдѣлалъ народу. Это вызвало недовольство среднихъ классовъ общества, угнетенныхъ непосильными налогами. Кромѣ того дворянство, созданное Наполеономъ, вслѣдствіе возвращенія старинныхъ гордыхъ дворянскихъ фамилій, лишилось своего почетнаго положенія и вліянія и раздѣляло свое недовольство съ арміей, враждебно настроенной по отношенію къ Бурбонамъ. Подобныя обстоятельства были очень выгодны для свергнутаго императора при его попыткѣ вернуть себѣ корону.

Послѣ того, какъ эта попытка не удалась, и корсиканецъ былъ окончательно низложенъ, Людовикъ XVIII во второй разъ завладѣлъ короною. Фанатическимъ преслѣдованіемъ приверженцевъ Наполеона онъ вызвалъ противъ себя негодованіе широкихъ народныхъ массъ. Это негодованіе обострялось и захватывало все большіе круги народа еще потому, что правленіе Людовика въ силу новаго избирательнаго закона давало перевѣсъ состоятельной буржуазіи. Въ это время возникло крайнее свободомыслящее направленіе, получившее названіе либерализма.

Когда Людовикъ XVIII умеръ 16 сентября 1824 года, были уже налицо всѣ условія для антимонархическаго переворота. Его братъ и преемникъ, Карлъ X, придерживаясь реакціонной политики, очень много способствовалъ развитію оппозиціоннаго духа.

При вступленіи на престолъ онъ присягалъ конституціи, но затѣмъ подчинился вліянію реакціонныхъ совѣтниковъ и, вступивъ въ союзъ съ духовенствомъ, которому обѣщалъ „необходимыя улучшенія въ области религіи“, сдѣлался послушнымъ орудіемъ іезуитовъ, въ руки которыхъ была отдана школа. Тогда онъ задумалъ сначала обойти конституцію, а затѣмъ постепенно совсѣмъ похоронить ее и ввести абсолютный режимъ. Прежде всего онъ хотѣлъ издать новый законъ, уничтожающій свободу печати. Когда же недовольство народа становилось все сильнѣе, и національная гвардія встрѣтила его на одномъ парадѣ угрожающими криками, Карлъ X задумалъ произвести государственный переворотъ. Чтобы сломить сопротивленіе, которое палата пэровъ оказывала его реакціоннымъ стремленіямъ, онъ назначилъ 60 новыхъ пэровъ, преимущественно изъ высшаго духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распустилъ измѣнившую ему палату депутатовъ. Но новые выборы окончились полною побѣдою опозиціи и дали ей 360 мандатовъ противъ 70 правительственныхъ.

Новая палата, послѣ неудачныхъ попытокъ примирить ее съ правительствомъ, была распущена 30 іюля 1829 года. Король назначилъ новое министерство, явно враждебное народу (Полиньякъ); это министерство должно было подготовить государственный переворотъ. Тогда-то и выяснилось, что революціонный духъ не вымеръ среди парижанъ. Республиканская идея снова пріобрѣла замѣтное вліяніе. Либеральная буржуазія видѣла, что опасность угрожаетъ самымъ насущнымъ ея интересамъ. Въ своей тронной рѣчи при открытіи вновь выбранной палаты, 12 марта 1830 г., король грозилъ, что онъ, опираясь на любовь, которую французы всегда выказывали по отношенію къ своимъ королямъ (!), рѣшительно положитъ конецъ всѣмъ „преступнымъ происканъ“, направленнымъ противъ

его правительства. Но палата отвѣтила на это адресомъ, въ которомъ она заявляетъ, что правительство лишилось довѣрія народа и что между правительствомъ и народными представителями нѣтъ согласія. Тогда послѣдовали одна за другою репрессивныя мѣры: уничтоженіе свободы печати, новый избирательный законъ, распущеніе палаты. Когда появились пресловутые ордонансы о подавленіи революціоннаго движенія (25 іюня 1830 г.), то судьба Карла X была уже рѣшена. Іюльская революція свергла его съ престола и положила конецъ династіи Бурбоновъ.

Эта катастрофа была вызвана политикой, основанной на принципахъ абсолютнаго государства. Періодъ реставраціи представляетъ сплошную борьбу растущихъ интересовъ буржуазіи и капитализма съ этими принципами. Іюльскіе дни сдѣлали новое общество господиномъ положенія во Франціи. Одинъ писатель [1], настроенный строго монархически, жалуется, что „послѣднимъ даромъ столѣтія безпрерывныхъ общественныхъ переворотовъ явилась замѣна блестящаго и прямодушнаго королевства Бурбоновъ пронырливымъ царствомъ дома Ротшильдовъ“. Если разсматривать дѣло по существу, то окажется, что власть надъ тридцатишести-милліоннымъ народомъ попала въ руки богатыхъ буржуа, капиталистовъ и финансовыхъ дѣльцовъ столицы — тѣхъ людей, которые трусливо прятались во время борьбы, предоставляя сражаться республикански настроенному трудящемуся населенію, чтобы не скомпрометировать себя въ случаѣ неудачнаго исхода революціи. „Отнынѣ будутъ владычествовать банкиры“, сказалъ Лафитъ, создавшій іюльскую монархію и сдѣлавшій герцога Филиппа Орлеанскаго королемъ французовъ. Въ лицѣ „короля-гражданина“, Людовика Филиппа I,

[1] Klöppel. Staat und Gesellschaft. Gotha 1887 S. 196.

крупная буржуазія возвела на тронъ олицетвореніе капитала; и это капиталистическое королевство сдѣлалось столь же абсолютнымъ, какимъ нѣкогда было феодальное, съ той лишь разницей, что капиталъ по своей природѣ имѣетъ болѣе широкій базисъ и, пока его господство обезпечено, онъ можетъ допустить большую духовную свободу, ибо для него денежные интересы и стремленіе къ наживѣ на основѣ „хозяйственной свободы"—стоятъ выше всѣхъ другихъ интересовъ.

„Старый республиканецъ" Лафайетъ, предлагая народу „короля-гражданина", сказалъ, что нельзя создать ничего болѣе близкаго къ республикѣ, чѣмъ это королевство. Дѣйствительно, эта королевская власть, созданная народными представителями, была основана на договорномъ началѣ, и ея права и обязанности были строго установлены конституціей. Безъ сомнѣнія, установленіе этого королевства означало побѣду надъ пагубнымъ вліяніемъ „Священнаго Союза", жестокое пораженіе абсолютно-монархическаго принципа во всей Европѣ. Буржуазія видѣла въ договорномъ королевствѣ осуществленіе завѣтовъ Учредительнаго собранія 1790 года, которое вѣдь также желало лишь установить договорное королевство на основѣ „неотъемлемыхъ правъ французскаго народа".

Но власть „короля-гражданина милостью капитала", съ самаго начала носила въ себѣ внутреннее противорѣчіе, и это противорѣчіе должно было сдѣлаться причиною паденія новаго королевства.

Въ этомъ буржуазномъ королевствѣ рабочая масса вовсе не была заинтересована. Большая масса безкорыстныхъ борцовъ іюльской революціи, пролетаріатъ, не понимала, какимъ образомъ феодальный строй можетъ быть замѣненъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ республики.

Буржуазное королевство настолько отождествлялось съ понятіемъ о капиталѣ, что рабочій народъ,

который на себѣ достаточно испыталъ всю неумолимую силу капитала, никоимъ образомъ не могъ ему симпатизировать; онъ не могъ видѣть въ королѣ ничего иного, какъ орудіе капитала.

Въ его интересахъ народные представители были раздѣлены на 2 палаты; избирательное право имѣли только 300000 гражданъ; главная масса народа была лишена этого права, вслѣдствіе имущественнаго ценза.

Денежный цензъ былъ признакомъ и юридическимъ обоснованіемъ власти.

Соціальный, другими словами, рабочій вопросъ угрожающе выступилъ на сцену вслѣдствіе застоя въ торговлѣ и промышленности; голодные рабочіе насчитывались сотнями тысячъ, и „король-гражданинъ“ не имѣлъ возможности оказать имъ существенной помощи; въ тому же онъ недостаточно ясно понималъ этотъ вопросъ. Послѣдовало рабочее движеніе, которое хотѣли было предупредить изданіемъ закона, стѣсняющаго политическіе союзы: мѣра эта вызвала возстаніе въ Ліонѣ, въ апрѣлѣ 1834 года, которое было подавлено лишь послѣ нѣсколькихъ дней сраженія на баррикадахъ. На короля дѣлались неоднократно покушенія.

Даже легитимистическое движеніе должно было быть усмирено. Республиканцы организовывались. Внѣшняя политика короля не была удачна, между тѣмъ народными массами овладѣлъ опасный шовинизмъ, который стремился къ тому, чтобы обновленная Франція играла первенствующую роль въ Европѣ.

Между тѣмъ событія развивались своимъ естественнымъ путемъ. Капиталисты, которые отстаивали, какъ свое исконное право, не только соціальныя, но и политическія прерогативы передъ рабочимъ классомъ, не сочли „короля-гражданина“ своимъ врагомъ, такъ какъ и его власть основывалась именно на капиталѣ. И все-таки это королевство не могло долго держаться.

Ясно очерчиваетъ это ложное положеніе королевства Лоренцъ Штейнъ[1]. Онъ указываетъ на невыясненность самаго существа королевства. Два явленія обнаружились во Франціи послѣ паденія Наполеона: съ одной стороны, идея самоуправленія, съ другой—развитіе индустріи, капиталистическаго хозяйства. Первое сводилось къ желанію передать народному представительству право и возможность регулировать государственную власть; второе—къ требованію отъ государственной власти защиты отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій. Первое являлось неизбѣжнымъ источникомъ постоянной борьбы, второе нуждалось столь же сильно въ постоянномъ спокойствіи.

Кажущееся противорѣчіе разрѣшилось такимъ образомъ, что борьба перешла въ высшія сферы государственной жизни — въ палаты министерства, между тѣмъ внизу царствовало спокойствіе, при чемъ верховная власть оставалась неприкосновенной. „Эта форма правленія была конституціонная монархія; нужно имѣть въ виду, что это королевство никогда не пользовалось симпатіями народа; оно было лишь средствомъ для разрѣшенія вышеупомянутаго противорѣчія. И этотъ іюльскій тронъ могъ лишь, какъ подъ Дамокловымъ мечемъ, существовать до тѣхъ поръ, пока онъ удовлетворялъ упомянутой цѣли".

Когда демократическія и соціальныя идеи внесли смуту въ низшіе слои народа, и рабочіе выступили на защиту своихъ правъ, то среднее сословіе примкнуло къ королю для борьбы съ республикой, соціализмомъ и коммунизмомъ.

Однако въ 1840 году наступила новая эпоха. Король не довольствовался своей ролью; десять

---

[1] Stein. Briefe ueber Frankreich. In: Die sozialistischen und kommunistischen Bewegungen seit der dritten französischen Revolution. Anhang zu Steins Sozialismus und Kommunismus im heutigen Frankreich Leipzig und Wien 1848.

лѣтъ выносилъ онъ это ложное положеніе, но болѣе не могъ и въ концѣ концовъ долженъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ и проявить королевскую власть.

Къ тому же властители Европы не признавали Людовика-Филиппа настоящимъ королемъ, и онъ это понималъ; и ему нужно было добиться этого признанія; это было особенно важно, такъ какъ признаніе со стороны Европы было равносильно признанію общности его интересовъ съ интересами всѣхъ остальныхъ властителей Европы („Священный Союзъ"!).

Для того, чтобы сдѣлать свое положеніе прочнымъ, Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ добиться слѣдующаго: признанія тождественности интересовъ его королевства съ королевствами вообще; добиться династическихъ правъ; создать убѣжденіе, что все то, что угрожаетъ его трону, угрожаетъ тѣмъ самымъ и другимъ, и каждая династія, поэтому, должна считать своей обязанностью защищать его интересы, какъ это имѣло мѣсто въ другихъ странахъ; другими словами онъ хотѣлъ „лигитимироваться". Онъ игралъ va banque.

Луи Бланъ [1] описываетъ очень подробно упорную борьбу буржуазіи съ королемъ при посредствѣ избирательныхъ палатъ. Здѣсь есть какъ будто какое-то противорѣчіе, впрочемъ, лишь кажущееся, ибо борьба велась изъ-за преимуществъ и привилегій, между тѣмъ какъ по вопросу о системѣ, которой нужно держаться, и по преслѣдуемымъ интересамъ буржуазія и король были вполнѣ согласны между собою; на знамени ихъ обоихъ былъ написанъ одинъ и тотъ же девизъ; но буржуазіи недоставало монархическихъ чувствъ. Стѣсняя власть короля, буржуазія должна была тѣмъ болѣе дать ему возмож-

[1] Louis Blanc. Geschichte der zehn Jahre 1830—1840. Aus dem Französischen übersetzt von Gottlob Fink. Hamburg 1847. IV Bd. S. 315 ff.

ность бставить себя блескомъ, если она желала, чтобы онъ удержался, чтобы тѣмъ самымъ оказать вліяніе на народъ. „Блескъ для конституціоннаго монарха еще болѣе необходимъ, чѣмъ для Людовика XIV, который могъ говорить: „Я хочу". Что буржуазія отнеслась къ этому иначе, произошло по Луи Блану оттого, что она, не будучи настроена демократически, была по существу своему, сама того не сознавая, республиканскою. Она признала монархію лишь изъ корыстныхъ цѣлей, но противно своей природѣ: она думала, что королевская власть поможетъ ей держать въ рукахъ народъ; тронъ долженъ былъ играть роль пугала, поставленнаго въ полѣ противъ птицъ. Но развѣ было возможно, чтобы королевская власть удовольствовалась ролью автомата? Было бы безуміемъ надѣяться на это. Напрасно говорили ученые буржуазіи: „Король господствуетъ, но не управляетъ". Съ помощью одного остроумія землею не овладѣть. Поэтому буржуазія такъ сильно насѣдала на королевскую власть, хотя послѣдняя и служила ея цѣлямъ.

Поэтому борьба будетъ постоянно возобновляться, если только общая опасность не возстановитъ эфемерной связи между буржуазіей и королевской властью.

Публицисты буржуазіи желали монархіи, но лишь по названію. Они признавали королевскую власть, но при условіи, если она будетъ бездѣятельна, какъ статуя въ нишѣ: короля они признали главою государства, но при условіи, если онъ будетъ покорнымъ слугою парламента.

Но это былъ „достойный жалости самообманъ" [1]. Неудивительно, что возникла тайная пропаганда съ цѣлью возстановленія абсолютной королевской власти. Монархія дѣйствовала терроромъ противъ рабочихъ тамъ, гдѣ это отвѣчало интересамъ бур-

[1] Louis Blanc.

жуазіи, именно въ Ліонѣ, за то, что они осмѣливались выступить на защиту своихъ человѣческихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ. Оттуда этотъ режимъ распространился по всей Франціи. Личная свобода, неприкосновенность домашняго очага, все это попиралось ногами. Насильственный образъ дѣйствій по отношенію къ рабочимъ не вызвалъ бы раздраженія буржуазіи противъ короля. Но онъ хотѣлъ палату и министровъ также въ значительной степени подчинить своей волѣ; особенно ему хотѣлось назначать министровъ по своему усмотрѣнію, а не по предписанію парламентскаго большинства. Такимъ образомъ, конфликтъ между буржуазіей и королемъ былъ налицо. Положеніе Людовика сдѣлалось неустойчивымъ. Но обстоятельства сложились въ исторически очень важный моментъ, когда буржуазія, желавшая имѣть короля-раба, должна была получить властнаго императора.

Постоянное разрастаніе соціальнаго движенія не вызывало со стороны короля опасеній, потому что, какъ о томъ будетъ рѣчь далѣе, онъ годами не читалъ газетъ; онъ не имѣлъ никакого понятія о ростѣ демократическаго и соціальнаго духа. Основной чертой его характера, по свидѣтельству Гизо, было непомѣрное высокомѣріе и тщеславіе. Администрація въ высокой степени развратилась; подкупъ и злоупотребленія властей стали обычнымъ дѣломъ. Король упорно противился реформѣ избирательнаго права, которую ему предлагалъ министръ Гизо, какъ мѣру для устраненія недовольства.

Людовикъ говорилъ, что никогда на эту реформу не согласится. Наконецъ, когда революціонное движеніе достигло крупныхъ размѣровъ, онъ рѣшился все-таки на это, такъ какъ ему Тьеръ поставилъ на видъ, что другого средства для успокоенія народа нѣтъ. Но было уже поздно. Іюльская революція 1848 года началась съ объявленія

программы избирательной реформы, а кончилась республикой. Уже въ самомъ разгарѣ возстанія король написалъ 24 февраля: „Я отказываюсь отъ престола въ пользу своего внука, Графа Парижскаго. Да будетъ онъ счастливѣе меня".

Республика, конечно, не была цѣлью тѣхъ героевъ буржуазіи, которые въ своихъ агитаторскихъ рѣчахъ выставляли себя „спасителями Франціи". Жирарденъ сказалъ „королю-гражданину": „Уходъ короля — все равно, что конецъ монархіи". Буржуазія желала новаго короля по договору. Но народъ настоялъ на уходѣ короля и на уничтоженіи монархіи. И буржуазія сначала примирилась бы съ республикой, такъ какъ послѣдняя сама по себѣ не причиняла вреда капиталу, но лишь при капиталистическомъ строѣ. Но этому противился рабочій народъ, требовавшій соціалъ-демократической республики. На этой почвѣ возникло ужасное іюньское сраженіе. Рабочіе изнемогали отъ кровавой расправы генерала Кавеньяка, которому Національное собраніе вручило диктатуру.

Іюньское сраженіе, это преступленіе противъ народа, сдѣлало возможнымъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851 г., произведенный Людовикомъ Наполеономъ, который 10 декабря 1848 года былъ избранъ президентомъ республики. Капиталъ въ іюньскомъ сраженіи одержалъ верхъ надъ трудомъ, но въ то же время онъ уничтожилъ принципъ „гражданской свободы". Исторія не знаетъ ничего отвратительнѣе и нелѣпѣе французскихъ капиталистовъ, которые, прикрываясь высокими фразами, праздновали свою „побѣду" надъ трудомъ, какъ дѣло спасенія „гражданской свободы" и „порядка"; а между тѣмъ узурпаторъ былъ готовъ, воспользовавшись этой побѣдой, проложить себѣ путь къ трону, принизить буржуазію, сдѣлавшись путемъ государственнаго переворота императоромъ Франціи.

Февральская революція застала старое общество врасплохъ, и народъ провозгласилъ этотъ неожиданный переворотъ, какъ актъ міровой исторіи, начинающій собою новую эру. Второго декабря ловкимъ шулерскимъ ходомъ упраздняется февральская революція; при этомъ уничтожается не монархія, а тѣ либеральныя уступки, которыя были вырваны столѣтіями упорной борьбы [1]. Какъ же велась двусмысленная игра второго Бонапарта? Онъ ограбилъ банкъ Франціи на 25 милліоновъ франковъ, подкупилъ генерала Маньяна 1 милліономъ, солдатъ 15-ю франками каждаго и водкою; онъ сходился со своими сообщниками по ночамъ, какъ воръ; велѣлъ врываться въ дома главныхъ парламентскихъ вождей; Кавеньяка и Тьера велѣлъ удалить, а главныя площади Парижа и парламентъ занять войсками; рано утромъ онъ велѣлъ вывѣсить прокламацію, въ которой государственный переворотъ выставлялся необходимымъ для спасенія Франціи, также какъ и распущеніе Національнаго собранія и Государственнаго совѣта; въ ней возвѣщалось о возстановленіи всеобщаго избирательнаго права; народъ приглашался высказаться за или противъ дѣйствій президента, а солдаты призывались къ вѣрности по отношенію къ президенту. И вотъ плебисцитъ 20-го декабря ратифицировалъ государственный переворотъ подавляющимъ большинствомъ (7.481.231 голосовъ за и 647.292 противъ) и предоставилъ президенту выработать новую конституцію.

Общественное мнѣніе Европы имѣло достаточное основаніе видѣть въ этомъ государственномъ переворотѣ преступленіе, попраніе всѣхъ гарантій свободъ. Большинство же европейскихъ кабинетовъ видѣло въ этомъ торжество принципа авторитетности. Наиболѣе открыто выражалъ свое одобре-

[1] Karl Marx. Der achtzente Brumaire des Louis Napoleon. Hamburg 1869.

ніе австрійскій государственный дѣятель кн. Шварценбергъ. Въ своемъ дневникѣ отъ 29 декабря 1851 года онъ указалъ на вѣроятность того, что этотъ государственный переворотъ дастъ начало Имперіи. Направленное противъ наполеонидовъ соглашеніе державъ отъ 20 ноября 1815 года не вызвало въ немъ никакихъ опасеній; онъ считалъ его вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, въ буквальномъ смыслѣ, лишеннымъ всякой силы, такъ какъ монархическій образъ мыслей Луи Наполеона былъ лучшей „гарантіей порядка", чѣмъ склонность Бурбоновъ къ конституціонализму. Луи Наполеонъ уже обладалъ верховной властью, и принятіе императорскаго титула было лишь перемѣной названія; вполнѣ понятные политическіе интересы заставляли признать его; даже въ С.-Петербургѣ и Берлинѣ радовались паденію революціи. Съ помощью Декеровской тайной придворной книгопечатни былъ изданъ переводъ Наполеоновской брошюры „La revision de la Constitution" съ предисловіемъ, въ которомъ высказывалось твердо убѣжденіе, что Наполеонъ 2 декабря уничтожилъ навсегда на континентѣ парламентарный образъ правленія [1].

Отъ плебисцита до имперіи оставался небольшой легкій шагъ. Въ рѣчи въ Бордо, въ 1852 году, онъ съ цѣлью успокоить буржуазію, боящуюся воинственныхъ стремленій имперіи, произнесъ слѣдующія слова: „Имперія—это миръ". И сейчасъ же по всей Франціи были организованы петиціи, требовавшія возстановленія имперіи; 7-го ноября Сенатъ высказался въ пользу этого требованія: онъ постановилъ большинствомъ всѣхъ противъ одного

[1] Мы имѣемъ въ виду важнѣйшіе акты, которые были опубликованы въ первый разъ (Лейпцигъ) безъ указанія имени автора въ 1870 году въ сочиненіи: „Государственный переворотъ 2 декабря 1851 года и его вліяніе на Европу". Эти акты, числомъ 17, вполнѣ достовѣрны. Авторъ увѣряетъ, что изъ чувства долга по отношенію къ еще живущимъ властителямъ и государственнымъ людямъ пришлось не увеличивать числа документовъ.

голоса возстановить наслѣдственную императорскую власть.

Нѣсколько недѣль спустя, 3 Декабря 1852 года, Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія заявили въ тайномъ протоколѣ [1], составленномъ въ Лондонѣ, что они готовы признать имперію и хотятъ быть съ ней въ дружественныхъ отношеніяхъ.

* * *

Второй имперіи суждено было недолго существовать. Послѣ того, какъ неудача, постигшая французское оружіе въ войнѣ съ Германіей въ 1870 году, привела ее вмѣстѣ съ династіей Наполеона къ паденію, міру пришлось въ третій разъ пережить объявленіе французской республики съ временнымъ правительствомъ. Опять должно было слово „республика“ играть демагогическую роль. Осуществленіе ея въ настоящемъ смыслѣ было цѣлью возстанія коммуны въ Парижѣ, надъ которою одержала верхъ „партія порядка“.

Выборы въ Національное собраніе, происходившіе 3-го февраля 1871 года, дали противъ республики значительное большинство, состоявшее главнымъ образомъ изъ легитимистовъ, орлеанистовъ и клерикаловъ. Это монархически настроенное большинство отмѣнило законъ, запрещавшій въѣздъ во Францію членамъ Бурбонскаго и Орлеанскаго домовъ, имѣвшимъ претензіи на французскій престолъ; они вернулись во Францію. Графъ Шамборъ, отпрыскъ Бурбонскаго дома, не долго думая назвалъ себя королемъ Генрихомъ V. Его попытка придти къ соглашенію съ орлеанистами не увѣнчалась успѣхомъ. Только отсутствіе единства въ монархической партіи дало возможность такъ называемымъ „умѣреннымъ республиканцамъ“ продлить пол-

[1] Также напечатанъ въ только что цитированномъ сочиненіи. XIII, стр. 123.

номочія Тьера, какъ президента республики до 3 лѣтъ; роялисты возлагали на него надежды, что онъ возстановитъ королевскую власть; когда же онъ, 24 мая 1872 года, въ Національномъ собраніи пояснилъ, что считаетъ возстановленіе монархіи пока невозможнымъ и что слѣдуетъ держаться „консервативной республики", то роялистское большинство принудило его уйти, выразивъ ему недовѣріе. Лишь въ 1875 году, когда роялисты, благодаря собственнымъ интригамъ, потеряли въ значительной степени свое вліяніе, республиканцамъ удалось добиться признанія „республиканской" формы правленія. Эта „республиканская" форма правленія отвѣчаетъ вполнѣ такъ наз. системѣ juste milieu, т. е. золотой середины, стоящей между крайними политическими партіями.

„Juste milieu" республиканцы перенесли на президентство тѣ же самыя конституціонныя идеи, которыя характеризовали Іюльское королевство. Извѣстно, что творцы „республиканской" конституціи въ 1875 году имѣли твердое намѣреніе изъ президентства сдѣлать родъ конституціонной королевской власти. Перевѣсъ въ парламентѣ въ это время имѣли не республиканцы; три монархическія фракціи составляли большинство, но онѣ не могли сойтись въ вопросѣ о „божественномъ происхожденіи" главы государства. При этихъ условіяхъ орлеанисты, игравшіе роль „стрѣлки на вѣсахъ", были готовы высказаться за консервативное „республиканское" управленіе. На самомъ дѣлѣ, на что настойчиво обращалъ вниманіе нѣмецкій буржуазно-демократическій органъ „Франкфуртская газета", въ іюлѣ 1904 г., монархисты, участвовавшіе въ выработкѣ проекта конституціи, поступили такъ, чтобы, въ случаѣ возстановленія монархіи, составлявшей предметъ ихъ надеждъ и стремленій, пришлось бы вводить по-возможности меньше измѣненій; стоило лишь уничтожить выборы на семь лѣтъ и прези-

дента республики замѣнить королемъ, чтобы получилась конституціонная монархія.

Республиканцы въ 1848 году рѣшили, что президентъ республики долженъ быть избираемъ всеобщимъ голосованіемъ; творцы конституціи 1875 г. поступили иначе; они могли основываться на томъ, что избранный народомъ въ президенты Наполеонъ выгналъ народныхъ представителей изъ храма; такіе случаи творцы конституціи 1875 г. надѣялись устранить, передавъ право избранія президента Сенату и палатамъ, такъ что они основывали его власть на тѣхъ же полномочіяхъ, какъ у законодательныхъ корпорацій.

Такимъ образомъ, по этой конституціи президентъ есть въ нѣкоторомъ родѣ вершина пирамиды, основаніе которой составляетъ всеобщее избирательное право и середина которой вмѣщаетъ народное представительство. Республиканцы 1875 г. были не только противъ того, чтобы президентъ былъ избираемъ народомъ, но вообще противъ президентства, соотвѣтственно направленію Греви, который еще въ 1848 году требовалъ уничтоженія президентства. Однако, когда нужно было рѣшиться на одно изъ двухъ,—или отказаться отъ республики, или получить республику съ президентомъ, они рѣшились подъ вліяніемъ Гамбетты на послѣднее, съ тѣмъ, чтобы осуществить свою программу при дальнѣйшемъ пересмотрѣ конституціи. Далѣе, въ конституціи 1875 г. было предусмотрѣно, чтобы у неотвѣтственнаго президента были отвѣтственные министры.

Министры должны были править въ силу довѣрія палатъ.

Эта основная идея конституціи была сильно искажена значительными полномочіями, которыми былъ облеченъ президентъ. Президенту французской республики предоставлено право предлагать законы, обнародовывать ихъ, наблюдать за ихъ испол-

неніемъ; ему принадлежитъ право помилованія; въ его распоряженіи находится въ мирное время вооруженная власть и право замѣщать должности на гражданской и военной службѣ; ему ассигнуются значительныя суммы ежегодно для разъѣздовъ по странѣ; ему предоставлено большое количество замковъ; онъ предсѣдательствуетъ на народныхъ празднествахъ; лично утверждаетъ пословъ, благодаря чему онъ ставится наравнѣ съ другими властителями; ему принадлежитъ право налагать veto на законы, чтобы подвергнуть ихъ новому обсужденію; онъ назначаетъ министровъ; можетъ созывать парламентъ и его отсрочивать и, наконецъ, можетъ съ согласія Сената распускать палату депутатовъ. При всемъ этомъ онъ неотвѣтственъ и можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности лишь въ случаѣ государственной измѣны.

Сюда же относятся его полномочія во внѣшней политикѣ.

Для объявленія войны онъ долженъ заручиться согласіемъ палатъ; заключеніе мира, торговые договоры и договоры, обременяющіе финансы государства, вступаютъ въ силу лишь съ согласія палатъ, а равно и отдача, обмѣнъ или пріобрѣтеніе территоріи.

Но само собою понятно, что для президента, составившаго себѣ отвѣчающее его политическимъ стремленіямъ надежное и между собою согласное министерство и находящаго опору своей политикѣ въ большинствѣ палаты, всѣ эти ограниченія его власти свелись бы къ пустымъ формальностямъ.

Кто обладаетъ столь важными правами, можетъ легко злоупотреблять ими вслѣдствіе высокомѣрія и стремленія къ большей власти. Но можетъ также случиться, что онъ будетъ ими пренебрегать, исходя изъ убѣжденія, что онъ является представителемъ не демократическаго учрежденія, какъ это было съ Греви, предшественникомъ убитаго

Карно. Это была иронія судьбы, что какъ разъ тому человѣку, въ программу котораго входило уничтоженіе президентства, пришлось сдѣлаться самому президентомъ. Юлій Греви во время своего президентства старался доказать правильность своей программы. Онъ пользовался своими правами лишь въ крайности, жилъ просто и уединенно и этимъ какъ бы говорилъ своимъ согражданамъ: „Смотрите, какъ безполезно президентство!“

Напротивъ, Карно пользовался своими правами; ему не доставало только короны и титула „Величество“, для того чтобы изображать изъ себя короля.

Впрочемъ, онъ велъ себя какъ человѣкъ, „получившій власть отъ Бога“ и такимъ образомъ способствовалъ, быть можетъ безсознательно, что, впрочемъ, не можетъ служить извиненіемъ, распространенію въ широкихъ кругахъ французскаго народа идеи о возвращеніи отъ республики къ королевству и отъ парламентаризма къ абсолютизму. Въ томъ же направленіи, безъ сомнѣнія, дѣйствовали демонстративныя, дружественныя комедіи, которыя разыгрывались въ 1896 году въ Парижѣ „республиканскимъ правительствомъ“ и осчастливившимъ его своимъ посѣщеніемъ русскимъ императоромъ.

Какое зрѣлище! абсолютный монархъ „Божіею милостію“, самодержецъ, въ странѣ котораго считается смертнымъ преступленіемъ говорить о свободѣ и правахъ народа и стремиться къ нимъ, является предметомъ поклоненія въ республикѣ, въ которой весь народъ долженъ представлять собою носителя власти; онъ является гостемъ націи, которая можетъ гордиться свободой и равенствомъ, которая свергла деспотію и революціонная исторія которой въ значительной мѣрѣ написана кровью властителей и аристократовъ, между тѣмъ какъ исторія русскаго самодержавія — кровью мучениковъ свободы.

Это явленіе можетъ быть объяснено лишь подлостью правящихъ классовъ. Они не почувствовали, что это значитъ прославлять русскій абсолютизмъ въ лицѣ его носителя, пользоваться имъ для политическихъ цѣлей, позорить себя для удовлетворенія своихъ шовинистическихъ стремленій. Исторія, безъ сомнѣнія, установитъ, въ какой мѣрѣ эта, такъ называемая парламентская, республика согрѣшила противъ парламентарнаго духа и республики.

5. Отъ абсолютизма къ конституціонализму въ Германіи.

Монархическое государственое единство. — Критики идей конституціонализма: Кантъ. Іоганнъ Готлибъ Фихте. — Путаница понятій въ либерализмѣ. — Идеи „демократическаго монархизма“: Рудольфъ Ф. Беннигсенъ. Фребель. Иммануилъ Германъ Фихте. — Арнольдъ Руге, приверженецъ чистой демократіи. — Іоганнъ Якоби, какъ представитель демократическаго монархизма. — Дѣятельнѣйшіе критики конституціонализма: Монтескьё. Альфіери. Феннбергъ. Мургардъ. Джонъ Принцъ Смитъ. Веллеръ. Мундтъ. Корвинъ. — Установленіе конституціи въ Пруссіи. — Софизмы конституціоннаго абсолютизма. — Прусскій консерватизмъ и монархія. — Лассалевская критика конституціонализма. — „Монархическая ложь“. — Монархія. — „Мистерія“. — Различіе конституціонализма въ Англіи и Италіи отъ такового въ Германіи. — Основныя различія въ исторіи конституцій этихъ странъ. — Имперскій конституціонализмъ. — Теоріи государственныхъ переворотовъ.

Еще задолго до французской революціи принципъ абсолютизма былъ пересаженъ изъ Франціи нѣмецкими государями въ Германію.

Предметомъ ихъ неустанныхъ заботъ было добиться такой власти, какою обладалъ „король-солнце“, Людовикъ XIV, этотъ идеалъ абсолютнаго монарха. Они старались насильно устроить государственную жизнь Германіи по образцу абсолютнаго режима Франціи, и благодаря этому національная жизнь почти замерла. Когда въ восточной Пруссіи привилегированныя сословія протестовали противъ отнятія у нихъ права не платить налоги, король Фридрихъ Вильгельмъ I далъ знаменитый отвѣтъ: „Я иду къ своей цѣли, упрачиваю суверенитетъ и укрѣпляю корону съ помощью

„rocher de bronze“ (1732). Въ подражаніе французскому королю нѣмецкіе властители гордо произносили: „L'état c'est moi“. Нѣкоторые пытались примѣнить къ этому факту пословицу „Нѣтъ худа безъ добра“ и говорили, что абсолютизмъ возстановитъ надолго и прочно государственное единство въ германскихъ территоріяхъ, и система сепаратизма тѣмъ самымъ была осуждена [1]. Что это было результатомъ абсолютизма, этого нельзя отрицать; но, чтобы народъ долженъ былъ благодаря абсолютизму непремѣнно пройти путь страданій въ интересахъ самой націи, это подлежитъ большому сомнѣнію. Очевидно, что ея интересамъ противорѣчилъ абсолютизмъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Народъ могъ бы самъ себѣ найти путь къ объединенію, если бы не князья, вѣчно соперничавшіе между собою и создавшіе роковую федеративную систему, исключающую всякое національное единство. Фихте ясно и вѣрно говоритъ въ своихъ уже не разъ нами цитированныхъ сочиненіяхъ: „Въ основаніи федераціи лежитъ или выгода, или принужденіе; дѣйствительное понятіе о народномъ единеніи не можетъ исходить изъ нея“. Далѣе онъ прибавляетъ: „Если бы не имѣть въ виду того, чѣмъ должна стать Германія, то не имѣло бы особеннаго значенія, будетъ ли управлять частью Германіи французскій маршалъ Бернадоттъ, или какой-нибудь напыщенный высокородный нѣмецъ, безъ принциповъ, грубо и съ дерзкой заносчивостью, такъ какъ все равно федерація никогда не была дѣломъ народа.

Во время освободительныхъ войнъ была одержана побѣда надъ французской революціей, представителемъ которой былъ Наполеонъ I и идеи которой проникли въ Германію.

Народъ добился въ интересахъ своихъ князей лишь новой и болѣе прочной формы французскаго

[1] Schulze: Das Recht der Erstgeburt etc. K. 43, S. 358.

абсолютизма. И, подъ предлогомъ подавленія революціонныхъ идей, абсолютная княжеская власть ополчилась, главнымъ образомъ, противъ нѣмецкихъ національныхъ стремленій, о чемъ мы уже говорили раньше. Эти стремленія преслѣдовались, какъ контрабанда, полиціей союзной и отдѣльныхъ государствъ для того, чтобы лишить народъ его національной самобытности; вѣдь національныя идеи являются несовмѣстными съ раздѣленіемъ народа между многими монархами, которые торжественно гарантировали другъ другу неприкосновенность ихъ владѣній на вѣчныя времена. Слѣдствіемъ этого, по указаніямъ Корвина [1] было прежде всего то, что послѣ 1815 года князья, опираясь на присвоенное право и штыки, всячески угнетали народъ; въ это время ихъ боялся и ненавидѣлъ всякій, кто не принадлежалъ къ ихъ слугамъ и не влачилъ безсмысленнаго существованія, или хотя и тяготился своимъ холопскимъ состояніемъ, но переносилъ его, какъ нѣчто привычное и въ нѣкоторой степени естественное.

По примѣру хитраго „короля-гражданина“ Людовика Филиппа французскаго, нѣмецкіе князья стали обманывать свой народъ какими-то конституціонными обѣщаніями, боясь подвергнуться участи Карла I Англійскаго, Людовика XVI, Маріи Антуанетты и многихъ другихъ государей, изгнанныхъ своими, выведенными изъ терпѣнія подданными. Народъ повѣрилъ было ихъ обѣщаніямъ; но когда они стали даже открыто измѣнять своему слову, считая его исполненіе неудобнымъ или лишнимъ, тогда къ ненависти народной прибавилось еще презрѣніе; благодаря этому исчезла рабская привязанность къ княжескому дому даже въ Германіи, которая въ этомъ отличалась отъ всѣхъ другихъ націй; это дало поводъ одному органу англійскаго

[1] Corvin. Geschichte der Neuzeit I Bd. S. 9 ff.

правительства выразится такъ: „Нѣмцы—самый трусливый и гнусный народъ на свѣтѣ". При этомъ англичане могли ссылаться на то, что ихъ королевская власть въ своемъ стремленіи къ абсолютизму потерпѣла неудачу. Во время Георга III всплыли было неотъемлемое право „Божіею милостію" и тѣ странныя доктрины о правахъ королей, которыя считались уничтоженными французской революціей [1]. Однако это оскорбило англійскій народъ; къ тому же англійское правительство примкнуло къ позорной, репрессивной политикѣ „Священнаго Союза". Но вскорѣ общественное негодованіе достигло такихъ размѣровъ, что министръ Каннингъ принужденъ былъ освободить Англію отъ этого позорнаго ига.

Въ Германіи же правительство, невзирая ни на что, праздновало свои оргіи, безчестило націю и старалось поставить народъ въ положеніе полной покорности господствующему абсолютизму. Различіе между конституціонализмомъ и абсолютизмомъ выяснилъ нѣмцамъ Кантъ [2]. На вопросъ, что такое абсолютный монархъ и чѣмъ онъ отличается отъ ограниченнаго, онъ отвѣчаетъ: „Абсолютный монархъ—тотъ, по приказу котораго: „быть войнѣ", сейчасъ же слѣдуетъ война; ограниченный же монархъ тотъ, который сперва спроситъ народъ, вести ли войну, или нѣтъ; и если народъ скажетъ: — „нѣтъ", то войны не будетъ".

Какъ за отдѣльной личностью, такъ и за цѣлымъ народомъ должно признаваться право на самоопредѣленіе; онъ говоритъ о прирожденныхъ правахъ человѣка и смотритъ на право, какъ на организованную свободу. Законодательная власть должна объединять въ себѣ волю народа. Идея государства понимается имъ, какъ взаимное согла-

[1] Buckle. Geschichte der Zivilisation in England. Deutsch von Arnold Ruge. Fünfte Auflage, I Bd. S. 383.
[2] Kant. Streit der Facultäten.

шеніе гражданъ между собою. Онъ замѣчаетъ: „Чего народъ не можетъ самъ за себя рѣшить, того не можетъ рѣшить за него и суверенъ“. Кромѣ того, онъ считаетъ раздѣленіе властей единственной гарантіей безусловнаго господства законности, правосудія и свободы; если правитель вмѣстѣ съ тѣмъ явился бы законодателемъ, то онъ могъ бы дѣлать все, что ему угодно.

Въ 1793 году въ анонимно выпущенныхъ „Матеріалахъ къ изученію мнѣній публики о французской революціи“ Фихте защищаетъ право измѣнять формы правленія, т. е. право революціи. Онъ вообще отрицаетъ историческое обоснованіе права; онъ говоритъ, что исторія учитъ насъ тому, что должно быть; поэтому исторія не можетъ судить о степени правомѣрности какого-нибудь событія; судить о степени законности революціи не должно по правопорядку прежнихъ временъ. Право измѣнять государственный строй—есть право безконечнаго прогресса. Цѣль человѣчества заключается въ томъ, чтобы собственными силами подготовить себя къ свободѣ; поэтому всякая форма правленія, не соотвѣтствующая этой цѣли, должна быть отмѣнена, какъ напр. неограниченная монархія, которая, кромѣ всего прочаго, несовмѣстима съ свободой мысли. Идеи конституціонализма и національнаго единства характеризовали движеніе нѣмецкихъ бюргеровъ, направленное противъ абсолютизма. На этихъ идеяхъ сконцентрировались всѣ событія 1848 года.

„Буржуазное королевство“ во Франціи ихъ сильно подкрѣпило. Въ то время было много смѣлыхъ идеологовъ, къ которымъ принадлежалъ юный Рудольфъ фонъ Беннигсенъ, впослѣдствіи ставшій вождемъ либерализма. Въ своемъ письмѣ къ отцу [1] отъ 5 марта 1848 года онъ выражаетъ

[1] Напечатано въ „Jugenderinnerungen Rudolf von Bennigsens“. Veröffentlicht von Hermann Oncken (Fortsetzung) im Aprilheft der „Deutschen Revue“ (Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart).

надежду, что ужасы революціи минуютъ Германію: „Если заглохъ голосъ реакціи, эти благочестивыя рѣчи о божественномъ происхожденіи королевскаго права, то заглохъ также голосъ тѣхъ предателей, которые хотѣли съ помощью Франціи завоевать свободу для Германіи. Германія желаетъ внутренняго и внѣшняго развитія, но только сама отъ себя, и поэтому она еще разъ и въ послѣдній разъ обращается къ своимъ князьямъ; она теперь уже не проситъ, а грозно требуетъ; требуетъ лишь того, чего добились уже всѣ историческіе народы. Нѣмецкіе князья пусть будутъ первыми, которые изъ исторіи научились, хотя и поздно, жертвовать тѣмъ, чего уже больше защищать нельзя. Если такія жертвы и не являются данью свободной любви, а скорѣе милостынею, которую даютъ вооруженному нищему, то все-таки нѣмецкій народъ будетъ благодарить своихъ сегодняшнихъ князей за мирное развитіе, которое они допустили; и онъ забудетъ многія изъ преступленій противъ нашего единства и свободы, совершенныхъ нѣмецкими государями со времени Вара. Конечно, не легко спускаться съ той божественной высоты, на которую ставили королевскую власть набожные ея сторонники; тяжело слышать отъ свободной прессы, что конституціи являются переходными формами, годными лишь въ періодъ безумія; этотъ взглядъ будетъ скоро проповѣдываться на всѣхъ перекресткахъ; но еще болѣе тяжело сознаніе того, что нѣмецкій парламентъ постепенно принизитъ германскихъ князей до ранга и значенія англійскихъ лордовъ. Но развѣ такое смиреніе не достойнѣе упрямства Стюартовъ и Бурбоновъ?

„Развѣ не было бы достойнымъ нѣмецкаго короля, который довольствуется ролью конституціоннаго монарха, осуществить переходъ отъ монархіи къ республикѣ? Это было бы достойнѣе эгоистическаго высокомѣрія монарха, который скорѣе погубитъ

своей народъ, чѣмъ пожертвуетъ хотя бы частицей своей власти, который ведетъ Германію къ преждевременной республикѣ, когда едва нарождаются республиканскія идеи, но нѣтъ еще республиканцевъ".

Тогда, во всякомъ случаѣ, было совсѣмъ мало республиканцевъ. Дѣйствительно, германскіе либеральные бюргеры положительно страдали ужасной путаницей понятій, какъ въ эпоху революцій, такъ и въ позднѣйшее время; у нихъ была какая-то страсть соединять несоединимое. Корвинъ въ своемъ произведеніи, которое мы цитировали выше, очень рѣзко высказывается по этому поводу: „Они хотѣли совмѣстить не только свободу съ господствомъ князей, не только королевскую власть и народный суверенитетъ, но даже національное единство съ росчлененіемъ націи на отдѣльныя государства. Хотѣли побѣдить стараго, опытнаго врага, систему „Священнаго союза", и воображали, что навсегда уничтожатъ его при помощи нѣсколькихъ красивыхъ фразъ, которыя пользуются успѣхомъ у народа; и въ то же время они протягивали руку контръ-революціи для какого-то противоестественнаго союза и всѣми силами возставали противъ республиканскихъ и соціалистическихъ элементовъ, которые одни были способны противиться продолжительной контръ-революціи. Либеральные бюргеры считали, что участіе этихъ элементовъ въ революціонномъ движеніи достойно всеобщей ненависти, такъ какъ оно, по ихъ мнѣнію, увеличивало силы реакціи".

Насъ здѣсь больше всего интересуетъ защищаемая вожаками либеральнаго движенія, „идея монархической демократіи", или „демократической монархіи", выразившаяся въ комедіи, которую разыгрывалъ французскій „король-гражданинъ". Юлій Фребель изслѣдовалъ въ 1848 году вопросъ о томъ, существуетъ ли демократическая монархія [1].

[1] Julius Fröbel. Das Königtum und die Volkssouveränität, oder: giebt es eine demokratische Monarchie? Berlin 1848.

Онъ исходитъ изъ того положенія, что народный суверенитетъ составляетъ государственный принципъ демократіи. По его мнѣнію, этотъ принципъ можно совмѣстить съ монархической формой правленія. Эта форма правленія противорѣчитъ демократіи не тѣмъ, что въ ней одно лицо стоитъ во главѣ государства, въ этомъ отношеніи она не отличается отъ республики. „Демократія не только допускаетъ, но даже требуетъ, чтобы во главѣ государства стояло одно лицо съ обширными полномочіями". Въ противоположность демократіи, которая „не признаетъ авторитарной власти" отличительной чертой монархической формы правленія, является то обстоятельство, что суверенитетъ находится въ рукахъ одного лица. „Монархія, какъ форма авторитарнаго государства, по существу не совмѣстима съ демократіей, какъ формой правового государства. Но исторія въ своемъ развитіи не останавливается передъ противорѣчіями, и, изъ страннаго смѣшенія разнородныхъ принцицовъ, она создаетъ переходную ступень отъ господства одного принципа къ господству другого. Такимъ переходомъ отъ монархическаго авторитарнаго государства къ свободному правовому государству являются четыре возможныя формы такъ называемой конституціонной монархіи: представительная монархія, договорная монархія, демократическая монархія и монархическая демократія". Двѣ первыя Фребель отбрасываетъ, какъ „системы обмана" и „политическое ребячество". Иначе онъ смотритъ на демократическую монархію, такъ какъ, если самодержавный народъ самъ желаетъ имѣть государя, то монархическій государственный строй можно назвать созданіемъ народнаго суверенитета, и монархію — демократической... Демократическая монархія теперь единственно возможный государственный строй въ Германіи... Она является просто-на-просто диктатурой государя на неопре-

дѣленное время. Послѣдней „переходной формой“ конституціонной монархіи является демократія. Она стоитъ въ другомъ отношеніи къ свободѣ, чѣмъ демократическая монархія; монархическая демократія уже приближается къ республикѣ; съ наступленіемъ этой формы свобода можетъ быть завоевана путемъ мирнаго развитія. При монархической демократіи Фребель считаетъ обязательною личную отвѣтственность государя передъ верховнымъ судомъ народа. По своему положенію такой государь явился бы президентомъ на неопредѣленный срокъ съ самыми широкими полномочіями. Онъ не былъ бы сувереномъ, но лишь высшимъ и наиболѣе почитаемымъ „чиновникомъ народа“, который подлежитъ наказанію въ томъ случаѣ, если онъ попытается обманомъ лишить народъ свободы, такъ же „какъ и всякій другой предатель“. Это, по мнѣнію Фребеля, „вѣрный путь отъ монархіи къ демократіи“.

Иммануилъ Германъ Фихте, профессоръ философіи въ Тюбингенѣ, сынъ Іоганна Готлиба Фихте, живо интересовался идеей „демократической монархіи“. Въ одномъ своемъ сочиненіи, опубликованномъ въ апрѣлѣ 1848 года[1], которое, по его собственнымъ словамъ, было написано въ 1847 году „среди тишины и спокойствія стараго политическаго строя“, Фихте выясняетъ неосновательность ученія о божественныхъ правахъ королевской власти и связанныхъ съ этимъ ученіемъ понятій о государствѣ. Онъ хочетъ упрочить королевскую власть на совершенно новыхъ началахъ и въ совершенно новой формѣ. По его ученію, наслѣдственная королевская власть становится законной съ точки зрѣнія разума, только будучи ограничена конституціей и при условіи отвѣтственности королевскихъ совѣтниковъ. Онъ говоритъ, что это—единственная провомѣрная форма

[1] Die Republik im Monarhismus. Halle, 1848.

монархіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочетъ доказать, что это — единственная прочная форма республики. Въ такомъ государствѣ, которое, по мнѣнію Фихте, должно осуществится въ ближайшемъ будущемъ, властвовать можетъ только народная воля, но, конечно, не воля народныхъ массъ—которыя не представляютъ еще собою народа (!!),—а коллективная воля единаго народа, обставленная конституціонными формами и проникнутая разумомъ. Правительство, во главѣ съ монархомъ, не можетъ имѣть другого назначенія кромѣ выполненія воли народа. Монархъ является исполнительнымъ органомъ народа, его selfgovernment.

Но при соблюденіи этихъ условій „наслѣдственная монархія есть лучшая, самая прочная и самая раціональная форма правленія". А какимъ образомъ достичь того, чтобы эта идея управленія, республиканскаго по своей цѣли и своему выполненію, вылилась въ формы, наиболѣе отвѣчающія даннымъ условіямъ,—это уже вопросъ цѣлесообразности, политическаго такта и опыта. Мнѣніе, будто республиканская идея можетъ выразиться только въ выборѣ формы правленія, принадлежитъ къ самымъ вреднымъ предразсудкамъ.

Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что народный суверенитетъ, республиканскій принципъ, можетъ быть осуществленъ и при монархическомъ строѣ. Фихте полагаетъ, что нужно, сохраняя монархію, проводить въ жизнь то, что есть цѣннаго и справедливаго въ республикѣ.

Въ другомъ своемъ сочиненіи,[1] появившемся также въ 1848 г., Фихте призываетъ Франкфуртское національное собраніе къ борьбѣ съ республикой:

„Вы должны въ предѣлахъ монархіи проводить въ жизнь то, что есть справедливаго въ принципахъ

[1] J. H. Fichte. Einige Grundzüge zum Entwurf der künftigen deutschen Reichsverfassung. Ansprache an die erste deutsche Nationalversammlung in Frankfurt. Tübingen, den 17 April 1848.

республиканской партіи, чтобы такимъ образомъ въ корнѣ уничтожить эту партію. Все для народа и все черезъ народъ, но только для всего народа, а не для какого-нибудь одного класса, все равно высшаго или низшаго. Лишь тогда проявится и цѣлесообразность и благотворность наслѣдственной монархіи, окруженной отвѣтственными передъ народомъ совѣтниками".

Свободная отъ отвѣтственности верховная власть должна стоять выше всѣхъ партій, какъ ясно учитъ исторія Сѣверной Америки и Швейцаріи; республиканская выборная власть является выразительницей опредѣленной партіи, которая послѣ побѣдоносной борьбы выдѣлилась изъ другихъ партій, между тѣмъ какъ эти послѣднія продолжаютъ стоять въ оппозиціи.

„Европейскій республиканецъ все время шелъ рука объ руку съ преобразовательнымъ движеніемъ; если политическій переходный періодъ народовъ отмѣчается его вліяніемъ, то въ раціональномъ государственномъ организмѣ ему нѣтъ мѣста." Для того, чтобы положить твердое и широкое основаніе народной свободѣ, необходимо разъ навсегда утвердить монархію, для чего въ Англіи и Бельгіи давно уже выработаны соотвѣтствующія формы.

Франкфуртское національное собраніе выработало „Конституцію Германской Имперіи"; эта конституція учреждала Германскую Имперію, имперскую власть и титулъ „верховнаго главы имперіи", который долженъ принадлежать одному изъ нѣмецкихъ царствующихъ государей; кромѣ того конституція устанавливала имперское законодательство, имперскіе суды и „основныя права нѣмецкаго народа". Однимъ изъ этихъ основныхъ правъ является требованіе „конституціи съ народнымъ представительствомъ" для каждаго изъ нѣмецкихъ государствъ (статья XII). Устанавливалась отвѣтственность министровъ передъ народнымъ представительствомъ.

Народное представительство должно было имѣть рѣшающій голосъ въ законодательствѣ и финансовой политикѣ, право законодательной инціативы, право петицій и право обвиненія министровъ. Это было не что иное, какъ спекуляція, клонящаяся къ установленію „договорной монархической власти", причемъ отрицалось дѣйствительное неотъемлемое право народа на суверенитетъ.

Къ той небольшой группѣ людей, которые рѣшительно и смѣло защищали точку зрѣнія чистой демократіи, принадлежитъ Арнольдъ Руге. [1] Чистая демократія для него есть соціальная демократія, „сначала народное государство (Volksstaat), потомъ соціалъ-демократическое свободное государство, въ которомъ не можетъ быть положенія, унижающаго человѣческое достоинство, — не можетъ быть ни Далай-ламы, ни парія, ни господина, ни раба, ни буржуа, ни пролетарія". Онъ упрекаетъ буржуазную народную партію въ томъ, что она не воспользовалась своей побѣдой въ 1848 г., чтобы упразднить, т. е. удалить, слугъ стараго порядка, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, преобразовать всю армію въ народную милицію, вооружить всю націю и упразднить постоянныя войска.

„Въ Германіи никогда не было даже и послѣ мартовскихъ дней сознательной и властной демократіи. Революція создавалась во имя принципа, для проведенія котораго побѣдители не могли найти ни государственныхъ дѣятелей, ни государственной формы".

Этимъ можно объяснить побѣду контръ-революціи, „спасеніе стараго бюрократическаго государства". Съ горечью высказывается А. Руге по поводу мнимаго объединенія націи. „Люди, жаждущіе должностей, лакеи по натурѣ и инстинкту, наводнили наши учредительныя собранія".

[1] Arnold Ruge. Die Gründung der Demokratie in Deutschland oder der Volksstaat und der sozialdemokratische Freistaat. Leipzig 1849.

„Они не могли отказаться отъ деспотической власти, но съ другой стороны они также не рѣшались совершенно отречься отъ демократическаго движенія. Эти люди являются отцами монархіи, которая, называясь конституціонной, тѣмъ не менѣе всю власть предоставляетъ монархамъ, а управленіе народомъ, какъ и прежде, отдаетъ въ руки королевскихъ слугъ; имъ принадлежитъ изобрѣтеніе принципа совмѣщенія самодержавія съ народовластіемъ, т. е. суверенитета государей съ суверенитетомъ народа, словомъ, такой формы правленія, которая неизбѣжно приводитъ къ отрицанію народной воли и народныхъ правъ". Прусскую наслѣдственную имперію, которой тщетно добивалось либеральное бюргерство — Руге называетъ допотопной фантазіей, а конституціонную монархію — чудовищемъ. Но конечная побѣда демократическаго принципа неизбѣжна. „Этотъ принципъ означаетъ самосознаніе, которое проникаетъ все общество и толкаетъ его впередъ. Преобразованіе собственности, труда и обмѣна въ духѣ демократическаго принципа является разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса; проведеніе же этого принципа въ сферѣ соціальной, политической и умственной жизни равносильно основанію соціалъ-демократической республики".

Руководимый тѣми же идеями демократическій конгрессъ въ Берлинѣ въ октябрѣ 1848 г., въ своей Декларації народныхъ правъ" [1] постановилъ слѣдующее:

„Принимая во вниманіе, что матеріальное благосостояніе всего народа является первымъ условіемъ истинной свободы; а также въ виду того, что всѣ органы партіи проникнуты убѣжденіемъ, что лишь полная политическая свобода можетъ доставить народу надлежащіе органы самоуправленія

[1] Этотъ интересный документъ напечатанъ въ сочиненіи Арнольда Руге. Die preussische Rovolution seit dem 10 November. Tagebuch von Arnold Ruge. Leipzig 1848 S. 11 ff.

и надлежащую силу самоопредѣленія, которые должны предшествовать полному преобразованію производственныхъ отношеній, второй нѣмецкій демократическій конгрессъ объявляетъ, что разрѣшеніе соціальнаго вопроса возможно лишь при демократической республикѣ".

Противъ этихъ основаній чистаго демократизма два года спустя послѣ „безумнаго года" Грейнеръ писалъ слѣдующее [1]:

„Демократія вовсе не имѣетъ въ виду полнаго разрыва съ существующимъ порядкомъ вещей; она признаетъ все, что является результатомъ историческаго развитія; она считаетъ, что конституціонная монархія есть наиболѣе зрѣлая форма государственнаго устройства и что эта форма является единственно возможной для народа, который, подобно нѣмецкому народу, внезапно освободился отъ помочей опекающей самодержавной власти и лишь начинаетъ учиться ходить на собственныхъ ногахъ". Затѣмъ Грейнеръ защищаетъ демократію противъ обвиненія въ томъ, что „на развалинахъ монархіи она хочетъ создать соціальную республику, что было бы равносильно желанію „всунуть солнце въ фонарь", такъ какъ соціализмъ въ своемъ чистомъ видѣ не требуетъ никакой опредѣленной формы правленія; онъ является жизненнымъ воплощеніемъ христіанства, которое по своей сущности не что иное, какъ общность (т. е. соціализмъ) великой человѣческой семьи, внутри которой въ концѣ концовъ исчезнутъ всѣ общественныя различія".

Іоганнъ Якоби также отстаивалъ ту мысль, что демократія совмѣстима съ конституціонной монархіей. Этотъ мужественный человѣкъ, который впослѣдствіи честно объявилъ себя сторонникомъ соціалъ-демократіи, въ ноябрѣ 1858 г. въ Кенигсбергѣ произнесъ рѣчь объ „Основныхъ положеніяхъ прус-

[1] H. Greiner. Die Berechtigung der Democratie innerhalb der konstitutionellen Monarchie. Berlin 1850 S. 11. ff.

ской демократіи“ [1], въ которой между прочимъ онъ высказалъ слѣдующее:

„Я не отрицаю того, что въ 1848 г. отдѣльные члены нашей партіи въ то время считали для Пруссіи возможной не монархическую форму правленія. Они заблуждались и горько поплатились за свою ошибку... Теперь же, по моему глубокому убѣжденію, въ нашей странѣ во всей демократической партіи нѣтъ никого, кто-бы стремился или хотя бы только желалъ ввести въ Пруссіи при ея настоящемъ состояніи какой-либо иной образъ правленія кромѣ монархическаго... Наша программа для будущей политической дѣятельности всѣхъ демократически настроенныхъ пруссаковъ: почетъ королю! уваженіе конституціи страны! общинамъ самоуправленіе! всѣмъ гражданамъ равныя обязанности и равныя права! Иначе говоря — конституціонная монархія, основанная на истинно демократическихъ началахъ самоуправленія и равноправія. Вотъ чего мы добиваемся — ничего другого, не болѣе, но и не менѣе“.

Это было сказано уже послѣ того, какъ монархизмъ побѣдоносно совершилъ свою контръ-революцію, послѣ того какъ стало всѣмъ извѣстно, а Пруссіи въ особенности, что новое положеніе вещей, прославленное либералами какъ „завоеваніе революціи 1848 г.“, оказалось ничѣмъ инымъ, какъ призрачнымъ конституціонализмомъ, за которымъ скрывался абсолютизмъ. „Раздѣленіе властей“ не дало никакой власти въ руки народа или народнаго представительства.

Особенно интересно то, что самъ Монтескье, являющійся, какъ мы уже видѣли, истиннымъ основателемъ научнаго принципа дѣленія власти, подвергнулъ конституціонализмъ рѣзкой критикѣ въ отзывѣ, помѣщенномъ въ „Персидскихъ письмахъ“,

[1] Joh. Jacoby. Gesammelte Schriften und Reden. Hamburg 1872. II Teil S. 96. ff.

появившихся въ 1721 г. за 28 лѣтъ до выхода въ свѣтъ его произведенія „Духъ законовъ“. Эта критика считаетъ конституціонную монархію искусственной, а потому непрочной системой, которая приводитъ или къ деспотіи или къ республикѣ, такъ какъ равномѣрное раздѣленіе власти между государемъ и народомъ невозможно; равновѣсіе между ними никогда не можетъ быть сохранено.

Шерръ[1] считаетъ конституціонный принципъ Монтескье очень опасной иллюзіей.

„Духъ законовъ съ его опредѣленіями трехъ основныхъ формъ государственнаго устройства—республикой, конституціонной монархіей и деспотіей, изъ которыхъ Монтескье въ своемъ увлеченіи англійской конституціей, отдаетъ предпочтеніе второй, представляетъ Коранъ либерализма, Евангеліе собственниковъ, лишающее неимущихъ всѣхъ политическихъ правъ и неизбѣжно ведущее къ денежной власти буржуазіи“.

Цитированный выше графъ Викторъ Альфіери въ 1777 г. въ своей книгѣ „О тираніи“ приводитъ нѣкоторыя соображенія по вопросу о „раздѣленіи властей“. Онъ говоритъ[2]:

„Невѣжество, раболѣпство и трусость, желая польстить абсолютнымъ правительствамъ, называютъ эту форму правленія монархіей“. Чтобы доказать всю несостоятельность этого наименованія Альфіери даетъ простое объясненіе слова: „Слово монархія означаетъ или исключительную и преобладающую власть одного лица, и тогда это не что иное, какъ тиранія, или же власть единоличную, ограниченную законами, но чтобы законы могли ограничивать власть и значеніе монарха, они должны сами обладать дѣйствительной властью, которая была бы по крайней мѣрѣ равна власти монарха, но тогда,

[1] Dr. Joh. Scherr. Allgemeine Geschichte der Literatur. Fünfte Auflage I. Bd. S. 214.
[2] I Buch. 2 Kapitel.

очевидно, правленіе перестаетъ быть монархическимъ, такъ какъ оно совмѣщаетъ двѣ власти, находящіяся между собой въ равновѣсіи". Существуетъ мнѣніе, что назначеніе законовъ состоитъ въ томъ, чтобы препятствовать злоупотребленіямъ единоличной власти. Альфіери возражаетъ: „Но эти законы, обладаютъ ли они сами по себѣ силой и властью, не зависящей отъ власти монарха? ... Но что могутъ сдѣлать эти жалкіе, сами по себѣ безсильные законы противъ неограниченной силы и власти монарха, имѣющаго въ своемъ распоряженіи войска, если къ его власти присоединится власть другихъ мнимыхъ законовъ божественнаго происхожденія? Они должны будутъ уступить. Но если въ государствѣ возникаетъ закономѣрная дѣятельная сила, которая издаетъ законы и охраняетъ ихъ, то очевидно, что подобное правленіе не можетъ быть названо монархіей; ибо для того, чтобы издавать и отмѣнять законы, не достаточно власти одного человѣка. И если названіе „монархія", въ сущности говоря равнозначущее съ „тиранією", только не возбуждающее такого отвращенія, прилагается къ нашимъ правительствамъ, то это дѣлается лишь для того, чтобы обезпечить за государями ихъ всеобъемлющую власть и обмануть подданныхъ, заставляя ихъ сомнѣваться въ ихъ безграничномъ рабствѣ".

Альфіери видитъ доказательство своего утвержденія во взглядахъ, которыхъ придерживаются сами короли: „Они гордятся именемъ „монарха" и выказываютъ свое отвращеніе къ слову „тиранъ"; но въ то-же время они презираютъ тѣхъ немногихъ князей или королей, власть которыхъ, будучи постановлена въ опредѣленныя границы, идетъ рука объ руку съ закономъ. Неограниченные монархи знаютъ очень хорошо, что между монархіей и тиранією нѣтъ никакой разницы. Что, если бы такъ же хорошо знали это и народы, которымъ каждый

день представляетъ печальныя доказательства справедливости этого утвержденія!“

Въ предисловіи, написанномъ въ 1845 г. переводчикомъ и издателемъ книги Альфіери, барономъ Ф. Фенбергъ, говорится: „Конституція, октроированная милостью Бога и монарха въ нѣмецкомъ союзномъ государствѣ, не можетъ и не будетъ никогда соотвѣтствовать желаніямъ и нуждамъ народа и, въ силу этого, будетъ лишь призрачной конституціей. Если монархъ, въ силу даннаго имъ обѣщанія, или, что вѣроятнѣе, принужденный обстоятельствами, отказывается отъ части своей обычной власти, то эта уступка будетъ лишь кажущейся, такъ какъ сама октроированная конституція дастъ ему возможность дѣйствовать такъ же, какъ онъ дѣйствовалъ прежде въ качествѣ абсолютнаго монарха“.

Въ 1831 году Мургардъ[1] писалъ: „Слѣдуетъ считать большимъ заблужденіемъ взглядъ, получившій со времени Монтескье столь широкое распространеніе среди новѣйшихъ изслѣдователей права, согласно которому деспотизмъ въ монархіи считается уничтоженнымъ въ корнѣ въ томъ случаѣ, если монархъ не обладаетъ всей полнотой суверенной власти. Къ этому ошибочному мнѣнію привело неправильное представленіе о сущности суверенитета и было упущено изъ виду, что, собственно говоря, только исполнительная власть представляетъ единственно реальную физическую власть въ государствѣ и что лицо, облеченное ею, является истиннымъ носителемъ абсолютной власти и никакая другая сила, претендующая на реальность, не можетъ ни ограничить, ни уравновѣсить его могущества.

Дѣйствительной верховной властью обладаетъ лишь тотъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи вооруженную силу, кто по своему усмотрѣнію или

[1] Fr. Murhard. Die unbeschränkte Fürstenherrschaft. Kassel 1831. S. 79 ff.

произволу назначаетъ чиновниковъ, что является источникомъ всѣхъ наградъ, отличій и почестей... Противъ человѣка, который обладаетъ такимъ всеобъемлющимъ могуществомъ и который легко можетъ заставить служить своимъ цѣлямъ всякую другую власть въ государствѣ, лишенную реальной силы, оказываются безсильными всякія конституціи, какъ основанныя на обычномъ правѣ, такъ и писанныя, безсильны также и парламенты, государственные совѣты, сословныя представительства и палаты депутатовъ; онъ можетъ устранить всѣ эти препятствія, мѣшающія ему осуществлять всю полноту власти, если только онъ этого пожелаетъ и будетъ обладать достаточнымъ характеромъ, чтобы привести въ исполненіе свое желаніе“ ...

„Если въ монархіи исполнительная власть исключительно находится въ рукахъ главы государства, то не можетъ быть никакихъ прочныхъ гарантій противъ злоупотребленій верховной власти и возвращенія къ деспотизму“.

Впрочемъ, въ періодъ, предшествовавшій мартовскимъ событіямъ, было не мало либеральныхъ приверженцевъ реальной политики, которые совершенно открыто и недвусмысленно объясняли, чего добивается буржуазія при разрѣшеніи конституціоннаго вопроса. Одинъ изъ этихъ политическихъ дѣятелей [1] прямо объявляетъ, что цѣлью движенія въ Пруссіи должна быть „легализація фактической власти (т. е. власти денегъ) при помощи конституціоннаго закона“; для подобной конституціи, по его мнѣнію, Пруссія уже вполнѣ созрѣла. Нельзя сказать, чтобы этотъ господинъ былъ правъ, ибо французская буржуазія только послѣ полувѣковой борьбы добилась того, чего онъ требовалъ. Но и со стороны честныхъ демократовъ и соціалистовъ раздавались голоса, предостерегавшіе отъ ошибокъ,

[1] John Prince-Smith. Ueber den politischen Fortschritt Preussens. Zürich und Winterthur 1884.

противорѣчій и уловокъ, свойственныхъ конституціонной партіи. Напр., Веллеръ, [1] въ своемъ сочиненіи „Конституціонный вопросъ съ соціальной точки зрѣнія," выступаетъ противъ мнѣнія либераловъ, будто народъ желаетъ конституціи. „Попробуйте дать народу, лишенному всякаго образованія, хотя бы только понятіе о конституціонныхъ правахъ, и онъ съ улыбкой отвернется отъ этихъ односторонніхъ, пустыхъ разсужденій. Народъ не желаетъ конституціи, ибо онъ вообще не имѣетъ никакой воли; у него нѣтъ воли, ибо онъ ничѣмъ не проявилъ ея". По мнѣнію Веллера, значеніе народа въ государствѣ, основанномъ на привилегіяхъ, равно нулю. Либерализмъ не желаетъ уничтожить монархію и государство привилегій. Монархія, упраздняя привилегіи, упразднила бы саму себя, ибо она пользуется признаніемъ какъ разъ со стороны привилегированныхъ сословій—дворянства и духовенства; если бы было допущено проявленіе народной воли, то монархія Божіею милостію стала бы монархіею волею народа, которая однако стремилась бы возвратиться къ своей первоначальной сущности—абсолютизму. Конституціонное правленіе не можетъ долго продержаться, ибо конституція обезпечиваетъ законное участіе въ государственной жизни лишь извѣстной части населенія; если бы всѣ безъ исключенія были допущены къ участію въ управленіи, то конституція оказалась бы излишней. По своему существу конституція даетъ права немногимъ, въ отличіе отъ монархіи, которая, предоставляетъ эти права одному человѣку". Веллеръ въ вопросѣ о конституціи видитъ лишь вопросъ о законодательной санкціи господства собственниковъ; поэтому онъ полагаетъ:

„Народъ долженъ безусловно предпочесть „право" государя „правамъ" денежной аристократіи.

---

[1] Püttmanns: Deutsches Bürgerbuch. Mannheim 1846. Bd. II. S. 156 ff

Одно стоитъ другого. Дѣло конституціи не есть дѣло народа. Конституція сдѣлаетъ власть собственниковъ безконечной; они станутъ всемогущи. Примѣръ Франціи въ этомъ отношеніи долженъ служить предостереженіемъ для всѣхъ націй. Неимущіе, которые раньше были фактически безправны, теперь стали безправными на основаніи закона. Чего долженъ добиваться народъ, такъ это низверженія божества собственности, установленія свободной ассоціаціи всѣхъ людей и освобожденія человѣка отъ бѣдности и порабощенія".

Другой нѣмецкій политическій писатель, Мундтъ, [1] писалъ въ 1856 году:

„Ошибочно смотрѣть на конституціонный образъ правленія, какъ на идеальную политическую организацію. Являясь необходимой переходной ступенью отъ стараго времени къ новому, конституціонный режимъ долженъ неизбѣжно носить въ себѣ противорѣчіе, свойственное всему промежуточному и переходному; это—ироническая форма развитія государственной жизни, которая состоитъ изъ смѣшенія свѣта и тѣни, мира и войны, ибо при этомъ два заклятыхъ врага, абсолютная власть монарха и свободный самоопредѣляющійся народъ съ иронической улыбкой заключаютъ лишь кажущееся перемиріе".

Корвинъ [2] упрекаетъ Франкфуртскій парламентъ въ томъ, что онъ не принялъ въ разсчетъ соотношенія фактическихъ силъ. Національный парламентъ объявилъ своей задачей созданіе конституціи, которая должна была обезпечить „единство и свободу Германіи". Но, ликуя по этому поводу, члены парламента забыли самое главное: „Никто не заботился о томъ, чтобы пріобрѣсть матеріальную силу, которая могла бы поддержать притязанія

[1] Theodor Mundt: Die Geschichte der Gesellschaft in ihren neuen Entwicklungen und Problemen. Leipzig 1856. S. 273.
[2] Corwin: Geschichte der Neuzeit. I Bd. S. 130 ff.

парламента на суверенитетъ; не было создано національнаго парламентскаго войска, которое было бы обязано повиноваться парламенту, а государи, которыхъ парламентъ объявилъ лишенными суверенитета, были оставлены единственными распорядителями нѣмецкой вооруженной силы, такъ что, когда послѣдніе захотѣли впослѣдствіи перенести свою жалобу за похищеніе суверенитета въ высшую политическую инстанцію, на судъ физической силы, то они неизбѣжно должны были выиграть свой процессъ".

Далѣе Корвинъ замѣчаетъ, что прусская конституція, какъ „гарантія народныхъ правъ", не стоила того листа бумаги, на которомъ была написана. Король и реакціонная партія присягали конституціи съ reservatio mentalis и смотрѣли на нее, какъ на такой порядокъ вещей, который можетъ быть отмѣненъ королемъ сообразно съ интересами короны.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что повсюду, и прежде всего въ Пруссіи, существовало стремленіе сдѣлать эти воззрѣнія господствующими. Это становится очевиднымъ изъ слѣдующихъ фактовъ: корона даже не допустила закончить дѣло учрежденія конституціи, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Когда Учредительное національное собраніе, образованное на основаніи всеобщаго избирательнаго права, не захотѣло повиноваться коронѣ, оно было разогнано штыками 10 ноября 1848 года. 6 декабря король объявилъ это собраніе распущеннымъ и октроировалъ конституцію, которая подлежала „пересмотру" вновь избранной палаты. Эта палата, совершившая „пересмотръ" несогласно съ волею короля, была также распущена въ іюлѣ 1849 года послѣ того, какъ былъ октроированъ новый трехклассный избирательный законъ. Съ помощью собранія, избраннаго на основаніи не равнаго избирательнаго закона, правительству удалось доиграть до конца конституціонную комедію. „Пересмотръ"

октроированной конституціи былъ выполненъ въ духѣ короны. 31 января 1850 года король объявилъ „пересмотръ“ законченнымъ. Затѣмъ 6 февраля король, его министры и депутаты присягнули конституціи.

Тотъ же самый король, въ указѣ отъ 1 октября 1840 года, назвалъ конституцію „учрежденіемъ, не имѣющимъ исторической основы“ и заявилъ, что онъ будетъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи существующаго сословнаго представительства, но не желаетъ ничего знать о „чуждомъ нѣмецкому духу, революціонномъ народномъ представительствѣ, основанномъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ“. Слѣдуетъ также упомянуть о рѣчи Фридриха Вильгельма IV, произнесенной имъ 11 апрѣля 1847 года при открытіи перваго соединеннаго ландтага [1]. Заявивъ, что онъ унаслѣдовалъ власть предковъ во всей ея неприкосновенности, король сказалъ: „Я торжественно объявляю, что никакая сила никогда не заставитъ меня замѣнить тѣ естественныя отношенія между государемъ и народомъ, которыя имѣютъ именно у насъ столь могущественное вліяніе вслѣдствіе присущей имъ внутренней правды, конституціонными отношеніями, основанными на договорѣ; я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ на небѣ и этой страной всталъ писанный листъ бумаги, какъ второе Провидѣніе, которое управляло бы нами при помощи своихъ параграфовъ и замѣнило собою старую святую вѣрность“.

Въ своей рѣчи, произнесенной 6 февраля 1850 г. по случаю принесенія присяги, король увѣрялъ, что онъ искренно клянется быть вѣрнымъ конституціи. Затѣмъ онъ призываетъ ландтагъ и „народную вѣрность“ на борьбу съ тѣми людьми, „которые

[1] Reden Sr. Majestät des Königs Friedrich Wilhelm IV seit seiner Tronbesteigung. Zusammengestellt und herausgegeben von Dr. I. Killisch. Vierte Ausgabe Berlin 1860. S. 53 ff.

смотрятъ на дарованную королемъ свободу, какъ на средство для своей преступной цѣли и для борьбы противъ Богомъ установленной власти, и которые хотятъ, чтобы конституціонная хартія замѣнила собою Божественное Провидѣніе, исторію и старую святую вѣрность".

Далѣе онъ говоритъ:

„Вѣрноподданническій долгъ, благоговѣніе передъ королевскою властью, повиновеніе монарху и вѣрность конституціи должны объединить всѣ силы страны. Этотъ конституціонный законъ можетъ быть жизнеспособнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мнѣ будетъ дана возможность управлять при его существованіи. Въ Пруссіи долженъ править король, и не потому, чтобы я такъ хотѣлъ, а потому, что это установлено самимъ Богомъ. Но разъ это такъ, то я и желаю, чтобы управленіе было предоставлено мнѣ!"

Эта рѣчь была составлена съ хитрымъ разсчетомъ; изъ нея можно было заключить, что въ Пруссіи не существуетъ конституціонной монархіи, а лишь абсолютное королевство съ народнымъ представительствомъ, имѣющимъ совѣщательный голосъ.

Въ тотъ же самый день „лойяльный" господинъ фонъ Герлахъ и его единомышленники опубликовали заявленіе, согласно которому присяга на вѣрность конституціи была дана лишь въ предположеніи, что конституція не останется въ своемъ первоначальномъ видѣ. Органъ этихъ господъ „Крестовая газета" говоритъ: „Если, съ одной стороны, отъ насъ требуютъ добросовѣстнаго исполненія конституціи, то съ другой стороны—наша совѣсть повелѣваетъ намъ бороться на жизнь и на смерть съ враждебными христіанству принципами новаго времени, даже если эти принципы составляютъ часть прусской конституціи; мы должны употреблять всѣ усилія для устраненія пагубныхъ завоеваній рево-

люціи и прежде всего не должны забывать о нашей законной вѣрноподданнической присягѣ!“

Далѣе г. фонъ Герлахъ поучаетъ въ своей „Крестовой газетѣ“: „Присяга на вѣрность конституціи есть не что иное, какъ подкрѣпленіе правдивости словъ человѣка ссылкою на вѣчную правду Бога. Но какъ быть, если присяга обязываетъ къ тому, что противорѣчитъ волѣ Бога? Можетъ ли клятва именемъ Бога обязывать дѣйствовать противъ Бога? И развѣ всякое стѣсненіе воли короля не противно волѣ Божіей? Развѣ не достаточно ясно сказано въ Библіи: „Сердце государей въ рукѣ Божіей“. Такимъ образомъ г. фонъ Герлахъ, столь твердо придерживающійся библейскаго ученія, считалъ нарушеніе конституціи, клятвопреступленіе короля, дѣломъ угоднымъ Богу, болѣе того, долгомъ короля по отношенію къ Богу.

Въ этомъ же смыслѣ высказался профессоръ Шталь, „ученый“ защитникъ абсолютизма и вмѣстѣ съ тѣмъ глава реакціи въ палатѣ господъ. Онъ заявляетъ, что хотя и слѣдуетъ исполнять конституцію, однако образъ правленія короля долженъ быть подобенъ божественному міроуправленію; подобно тому, какъ Богъ ограничиваетъ свою волю установленіемъ законовъ природы, такъ и земной король долженъ поставить свою волю въ рамки закона, называемаго конституціей. И, какъ Богъ при исключительныхъ обстоятельствахъ иногда нарушаетъ законы природы и для блага человѣчества творитъ чудеса, такъ и король имѣетъ право для блага своего народа дѣлать то же самое, октроируя новый законъ (т. е. нарушеніе конституціи, государственный переворотъ!).

Согласно ученію Шталя монархъ есть медіумъ, при посредствѣ котораго созидается право, и который поэтому является существомъ, стоящимъ между Богомъ и народами; этому безумному ученію Кон-

стантинъ Францъ [1] противопоставилъ слѣдующее положеніе: „Богъ не установилъ, а тѣмъ болѣе не сотворилъ ни одного правительства, но онъ“—по ученію теологовъ—„сотворилъ лишь человѣка, и особа правителя не является въ большей степени подобіемъ Божіимъ, чѣмъ личность всякаго отдѣльнаго человѣка“. Далѣе онъ говоритъ: „Вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ божественное право, неизбѣжно наступаетъ застой; и по мѣрѣ усиленія застоя общественная власть становится все произвольнѣе и деспотичнѣе; въ концѣ концовъ это приводитъ къ совершенно невыносимому состоянію... Если изученіе естественнаго возникновенія и развитія государства показываетъ, что въ этой области все совершается волею людей и что тутъ нѣтъ мѣста сверхъестественнымъ вліяніямъ, то этимъ самымъ отнимается всякая почва у божественнаго права, и санкція государственной власти Божествомъ должна быть отнесена къ области миѳовъ“.

Только одинъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей, герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, отказался послѣ 1848 года отъ формулы „Божіею милостію“. Онъ самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, [2] что въ то бурное время онъ весьма неохотно согласился отказаться отъ этой формулы, ибо этотъ отказъ былъ вынужденнымъ. Напротивъ, послѣ того, какъ буря революціи уже пронеслась, онъ не могъ рѣшиться послѣдовать примѣру другихъ нѣмецкихъ государей и опять прибавить къ своему титулу вышеупомянутую формулу. Это, по его словамъ, противорѣчило бы его пониманію исторіи, ибо, если прослѣдить, какъ нѣмецкія государства пришли къ своему современ-

[1] Const. Frantz. Die Naturlehre des Staates als Grundlage aller Staatswissenschafft. Leipzig und Heidelberg 1870. Drittes Buch IV. S. 194 ff.

[2] Ernst II., Herzog von Sachsen-Koburg-Gotha. Aus meinem Leben und aus meiner Zeit. Berlin 1887.

ному состоянію, то было бы странно говорить о Божіей милости.

Когда въ 1848 году въ Прусскомъ національномъ собраніи обсуждалось введеніе къ конституціи и возникли дебаты по поводу формулы „Божія милость", то министръ внутреннихъ дѣлъ Эйхгорнъ выступилъ отъ имени правительства въ защиту этой формулы со слѣдующими успокоительными словами:

„Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что мы всѣ, каждый сынъ народа, существуемъ милостію Бога? Можетъ ли быть иначе?"

Если по старому обычаю короли особенно настаивали на прибавленіи этихъ словъ къ своему титулу, то это дѣлалось „не для того, чтобы поощрять гордость, но чтобы постоянно оставаться въ смиренномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ Богомъ".

Впослѣдствіи Шталь говорилъ, что народы не имѣютъ права требовать измѣненія государственнаго строя въ смыслѣ ограниченія монархической власти. „Государи также не должны этого допускать. Они не могутъ отдать власть, порученную имъ Богомъ, въ руки неизвѣстной неиспытанной силы" [1].

Это фактическое ученіе впрочемъ вполнѣ соотвѣтствовало взглядамъ самого короля на его санъ и призваніе. Согласно его желанію „забота о душахъ" подданныхъ должна была главнымъ образомъ сводиться къ тому, чтобы обращать „простой народъ къ религіи", воспитывать въ немъ вѣрноподданническія чувства, внушать ему, что возмущеніе противъ королевской воли есть „безбожіе", и что монархъ является „помазанникомъ Божіимъ". Вышеизложенное является сокращенной программой абсолютизма, выраженной въ словахъ подписи на

---

[1] Friedr. Jul. Stahl. Das monarchische Prinzip. Eine staatsrechtliche Abhandlung. Leipzig 1845.—Stahl. Die Revolution und die konstitutionelle Monarchie. Berlin. 1848. — Stahl. Die Philosophie des Rechts. Heidelberg 1870.

новыхъ дверяхъ берлинскаго дворца: „Я и мой домъ да служимъ Господу". „Служить Господу" — это значитъ осуществлять данную Богомъ полноту власти.

Ученія фонъ Герлаха и Шталя нашли благопріятную почву среди прусскаго юнкерства; они послужили къ укрѣпленію монархической доктрины, исповѣдуемой этой кастой. Въ сочиненіи нѣкоего графа Бреслера, появившемся въ 1850 году подъ заглавіемъ „Необходимость и святость абсолютизма. Утренній привѣтъ", можно прочесть слѣдующее:

„Мы должны выбросить въ помойную яму начатую нами картонную постройку конституціонализма, вернуться къ абсолютной монархіи... мы должны возстановить наше дворянство... удовлетворительно организовать отношенія между помѣщикомъ и крестьянами и поставить въ разумныя границы свободу ремеслъ, передвиженія, свободу брака и дробленія земельныхъ участковъ...

„Корона не является собственностью короля, носящаго ее. Поэтому онъ не имѣетъ права по произволу распоряжаться короною или отдѣльными ея правами; если бы какой-либо король поступилъ такимъ образомъ, то тѣмъ самымъ онъ отказался бы отъ престола. Права же короны, безъ сомнѣнія, при этомъ не потерпѣли бы законнаго ограниченія, ибо тогда долженъ вступить на престолъ законный наслѣдникъ...

„Если же населеніе займетъ мѣсто закона, если король посягнетъ на права короны, тогда очень скоро оборвется волосъ, на которомъ Провидѣніе укрѣпило мечъ справедливости надъ головою монарха. Но если суждено осуществиться плану, являющемуся насиліемъ надъ священными правами короны, тогда ужъ лучше пусть будетъ республика; лучше бездѣйствіе короны, чѣмъ ея поруганіе"...

Впослѣдствіи прусскій консерватизмъ принимаетъ болѣе мягкій тонъ по отношенію къ конституціона-

лизму; но еще и теперь онъ демонстративно исповѣдуетъ ученіе о божественномъ происхожденіи власти. Въ 1891 году г. фонъ Фризенъ формулировалъ „Основныя положенія для пересмотра консервативной программы“ [1]. Онъ говоритъ:

„Нѣмецкая королевская власть Божіею милостію выросла на исторической основѣ христіанства. Эта власть сдѣлалась несокрушимою скалою, о которую до сихъ поръ разбивались стремленія партіи переворота. Вслѣдствіе полной безнадежности открытой насильственной борьбы съ этою твердынею общественной свободы и права, стремленія партіи переворота направлены на постепенное погребеніе монархическаго авторитета и королевской власти. Средствомъ, пригоднымъ для этой цѣли, партія переворота считаетъ прежде всего расширеніе правъ народнаго представительства и передачу королевской власти въ руки парламента. Поэтому элементы, охраняющіе государственность, должны укрѣплять въ нашей народной жизни довѣріе къ королевской власти Божіею милостію и противодѣйствовать всякимъ попыткамъ ослабить монархическую власть въ лицѣ главы имперіи или отдѣльнаго союзнаго государя“.

Недавно консервативная партія слѣдующимъ образомъ опредѣлила свое отношеніе къ правамъ государей: [2]

„Выступая въ защиту правъ государей, мы стоимъ не за абсолютную власть, основанную на произволѣ, но также и не за мнимую власть, дѣйствія которой регулируются парламентомъ, не за выборную монархію... но за дѣятельную монархію, обставленную конституціонно-совѣщательными учрежденіями, монархію, основанную на божественномъ правѣ“.

---

[1] См. приложеніе къ № 563 газеты „Kreuzzeitung“ отъ 2 декабря 1891 года.

[2] Ratgeber für die Konservativen im deutschen Reich. Herausgegeben im Auftrage der Leitung der Konservativen Partei. Leipzig 1893. S. 44 ff.

При этомъ консерваторы ссылаются на декретъ императора Вильгельма I отъ 4 января 1882 года, въ которомъ говорится:

„Королевская власть въ Пруссіи послѣ конституціи является тѣмъ же, чѣмъ она была до конституціи — монархіей дѣйствія".

Генрихъ Гейне охарактеризовалъ нѣмецкую знать, какъ самое худшее препятствіе для развитія конституціонной монархіи [1]. „Никакая конституція, — говоритъ онъ, — даже самая лучшая, не принесетъ намъ никакой пользы, пока все дворянство не уничтожено въ корнѣ". Бѣдные государи сами находятся въ величайшемъ затрудненіи; ихъ самыя лучшія намѣренія остаются безплодны; они принуждены поступать вопреки своимъ священнѣйшимъ клятвамъ и дѣйствовать противъ интересовъ народа; однимъ словомъ, государи не могутъ сохранять вѣрность конституціонной присягѣ, пока они не освободились отъ той болѣе старой конституціи, которую у нихъ при помощи искусства прислужничества отвоевала аристократія, утратившая свою независимость, основанную на силѣ оружія. Эта конституція, опираясь на обычное право, имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни, нежели всякія печатныя бумажныя конституціи.

„Никакая конституція не обезпечиваетъ народныхъ правъ, пока государи связаны традиціями знати, которая, когда дѣло касается ея кастовыхъ интересовъ, отбрасываетъ всякую частную вражду, и дѣйствуетъ какъ единая корпорація. Что можетъ сдѣлать единичная личность, государь, противъ этой корпораціи, искусившейся въ интригахъ и знающей всѣ его слабости"... „Я повторяю: никакія писанныя конституціи не помогутъ намъ, пока мы со-

[1] Эти разсужденія содержатся въ замѣткѣ, написанной Гейне 1 октября 1832 года по поводу статьи, опубликованной въ іюнѣ 1832 года въ „Allgemeine Zeitung", см. Heine. Französische Zustände I hinter IX.

вершенно не уничтожимъ дворянства. Дѣло еще вовсе не сдѣлано тѣмъ, что обсужденный, вотированный, санкціонированный и обнародованный законъ аннулируетъ привилегіи дворянства; это бывало уже во многихъ странахъ, и тѣмъ не менѣе тамъ все еще господствуютъ дворянскіе интересы. Мы должны для придворной челяди также ввести законы о прислугѣ... Необходимо прогнать старыхъ драконовъ отъ источника власти. Когда вы это сдѣлаете, то будьте бдительны, чтобы они не подкрались въ ночное время и не отравили источника".

Эта критика вполнѣ приложима и къ современному юнкерству.

* * *

Фердинандъ Лассаль далъ самое лучшее опредѣленіе сущности конституціонализма. Въ 1849 году онъ считалъ основнымъ принципомъ конституціоннаго государства то, что въ немъ уже не господствуетъ воля монарха, что оно является скорѣе выраженіемъ общаго духа, совокупной народной воли, которая должна осуществляться при помощи народнаго представительства [1]. Тринадцать лѣтъ спустя, въ 1862 году, онъ, наученный опытомъ, показалъ, что этотъ принципъ не нашелъ осуществленія, и что старый абсолютизмъ продолжаетъ существовать, принявъ лишь новую форму. За нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ онъ доказалъ это въ своихъ двухъ рѣчахъ [2], принцъ-регентъ Вильгельмъ, сдѣлавшійся королемъ, сказалъ при своемъ коронованіи въ октябрѣ 1861 г. въ Кенигсбергѣ, обращаясь къ депутаціи отъ ландтага: „Властители Пруссіи получаютъ корону отъ Бога... Въ этомъ заключается святость короны, которая должна быть поэтому не-

[1] Lassale. Assisenrede.
[2] Сочиненія Фердинанда Лассаля, изд. Глаголева. О сущности конституціи т. II.

прикосновенна. Корона окружена новыми учрежденіями. Вы призваны, на основаніи этихъ учрежденій, быть совѣтниками короны". Это было во время конституціоннаго конфликта, въ которомъ либеральное бюргерство оказалось столь безпомощнымъ.

Лассаль устанавливаетъ сущность конституціи. Конституція, въ отличіе отъ другихъ законовъ, должна быть основнымъ закономъ страны, она „дѣятельная сила, необходимо дѣлающая всѣ другіе законы и правовыя учрежденія, установляемыя въ странѣ, тѣмъ, чѣмъ они суть, такъ что съ этихъ поръ въ странѣ не могутъ издаваться никакіе законы, кромѣ именно этихъ".

Фактическое соотношеніе силъ, существующее въ странѣ, и составляетъ конституцію. Какое же значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ правовая конституція? „Эти фактическія отношенія силы записываются на бумагѣ, выражаются письменно, и какъ скоро только они записаны, они уже не просто фактическія отношенія силы, а права, правовыя учрежденія, и кто возстаетъ противъ нихъ—наказывается!"

Правда, не пишутъ: г. Борзигъ—часть конституціи, г. Мендельсонъ—часть конституціи и т. д., а выражаютъ это болѣе просвѣщеннымъ образомъ.

Напр., если хотятъ установить, что небольшое число крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ должно имѣть въ монархіи столько же и болѣе власти, сколько всѣ бюргеры, работники и крестьяне взятые вмѣстѣ, то этого отнюдь не напишутъ прямо и открыто. Для этой цѣли издадутъ законъ, подобный, напримѣръ, жалованному трехклассному избирательному закону 1849 г., которымъ раздѣлятъ всю страну на три класса избирателей по размѣру платимыхъ ими налоговъ, который опредѣляется, конечно, величиной ихъ имущества".

„Далѣе, если хотятъ установить въ конституціи, чтобы небольшое число дворянъ землевладѣльцевъ обладало бы такою же властью, какую имѣютъ всѣ богатые, зажиточные и неимущіе вмѣстѣ, какую имѣютъ избиратели всѣхъ трехъ классовъ вмѣстѣ, т. е. какую имѣетъ вся нація, то этого опять-таки отнюдь не выразятъ непросвѣщеннымъ образомъ прямо. Въ конституціи напишутъ: изъ представителей древняго и упроченнаго землевладѣнія съ нѣкоторыми несущественными дополненіями учреждается палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представляющихъ всю націю; такимъ образомъ, горсточкѣ старинныхъ землевладѣльцевъ дается политическая власть, перевѣшивающая единогласную волю націи и всѣхъ ея классовъ.

„Равнымъ образомъ, когда хотятъ, чтобы король одинъ имѣлъ столько же и даже гораздо больше политической власти, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація даже съ прибавленіемъ дворянъ-землевладѣльцевъ, то дѣлается это такъ:

„Въ 47 статьѣ конституціи пишется: „Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи“, а въ ст. 108 говорится: „Армія конституціи не присягаетъ“. Рядомъ съ этой статьей воздвигается теорія, на которую она въ принципѣ дѣйствительно основывается, именно, теорія, что въ отношеніи арміи король занимаетъ совершенно иное положеніе, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій, что въ отношеніи арміи онъ не только король, а нѣчто еще другое, совершенно особенное, таинственное и неизвѣстное, для обозначенія чего изобрѣтаютъ слово Kriegsherr — „военный государь“; по этимъ соображеніямъ оказывается, что палатѣ депутатовъ или націи нѣтъ дѣла до арміи, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея дѣла и организацію, а только выдавать на нее деньги“ ...

Этимъ кладется прочное основаніе фактической власти короля, ибо:

„Орудіе политической власти короля, армія, организовано, постоянно въ сборѣ, отлично дисциплинировано, ежеминутно готово дѣйствовать; напротивъ того, сила, заключающаяся въ націи, хотя бы въ дѣйствительности несравненно большая, неорганизована; воля націи и особенно степень рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда можетъ быть легко узнана ея членами; поэтому никто въ точности не знаетъ, сколько народа пойдетъ за нимъ. При этомъ у націи нѣтъ тѣхъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ я уже упоминалъ — пушекъ. Правда, онѣ пріобрѣтаются на деньги гражданъ, правда, онѣ изготовляются и совершенствуются науками, развиваемыми гражданскимъ обществомъ, физикой, техникой и пр. Стало быть, уже самое существованіе ихъ доказываетъ, какъ велика сила гражданскаго общества, какъ велики успѣхи наукъ, техническихъ искусствъ, отраслей фабрикаціи и всякаго рода труда. Но здѣсь-то вспоминается стихъ Вергилія: „Sic vos non vobis!“ „Ты дѣлаешь это, да не для себя!“ Пушки изготовляются всегда только для организованной силы; поэтому страна знаетъ, что при столкновеніи найдетъ эти дѣтища, этихъ свидѣтелей своей силы противъ себя. Вотъ отчего меньшая, но организованная сила часто подолгу пересиливаетъ гораздо большую, но не организованную силу націи, пока, наконецъ, при продолжительномъ завѣдываніи и управленіи національными дѣлами въ смыслѣ, противномъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство“.

Лассаль далѣе говоритъ: „дѣйствительное уложеніе, дѣйствительную конституцію имѣла всякая страна всегда, какъ вы сами сейчасъ поймете; нѣтъ предубѣжденія болѣе ложнаго, ведущаго къ болѣе

вздорнымъ заключеніямъ, какъ общераспространенное господствующее мнѣніе, будто уложенія или конституціи составляютъ исключительную особенность новѣйшаго времени. Каждая страна безусловно имѣетъ реальное уложеніе или конституцію такъ же безусловно, какъ всякое тѣло, всякій организмъ, такъ или иначе устроенный, непремѣнно имѣетъ какую-нибудь хорошую или дурную конституцію. Вѣдь въ каждой странѣ непремѣнно существуютъ какія-нибудь фактическія соотношенія силъ.

„Новѣйшему времени исключительно свойственны не дѣйствительныя, а писанныя конституціи или листы бумаги; чрезвычайно важно не упускать этого изъ виду".

„Въ чемъ же причина этого исключительнаго стремленія новѣйшаго времени?"

„Очевидно, лишь въ томъ, что въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ силъ, существующихъ въ странахъ, одержимыхъ этимъ стремленіемъ, произошла перемѣна... При такомъ громадномъ развитіи гражданство начинаетъ сознавать себя самостоятельной политической силой. Рука объ руку съ этимъ развитіемъ населенія еще болѣе развивается общественное богатство; такъ же сильно развиваются и науки, и общее образованіе общественнаго сознанія, что, какъ мы видѣли, составляетъ также часть конституціи. Граждане начинаютъ рязсуждать такъ: мы не хотимъ долѣе быть управляемой массой, не имѣющей собственной воли; мы хотимъ сами владычествовать, и надо, чтобы государь управлялъ нами и завѣдывалъ нашими дѣлами лишь такъ, какъ мы сами хотимъ... Другими словами: въ обществѣ наступаетъ 17 марта 1848 года..... представляется необходимость сдѣлать новую писанную конституцію". Затѣмъ Лассаль продолжаетъ: „Слѣдовательно, чтобы побѣда 18 марта не осталась неминуемо безплодной для народа, надо

было воспользоваться минутой ея для преобразованія организованной силы арміи такъ, чтобы она не могла болѣе служить государю средствомъ противъ націи".

Войско короля нужно было превратить въ народное войско. Но не было принято ни одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя были необходимы, чтобы измѣнить существующія въ странѣ соотношенія силы. Корона, такъ же какъ и прежде, проводитъ свою волю вопреки волѣ народа и народнаго представительства. Она нарушаетъ дарованную конституцію всякій разъ, когда этого требуютъ ея интересы. Такимъ образомъ, конституція является вопросомъ силы, а не вопросомъ права. „Національное собраніе погибло вслѣдствіе того, что оно не уяснило себѣ этого". Абсолютизмъ побѣдоносно совершилъ свою контръ-революцію. Но онъ не настолько глупъ, чтобы продолжать существованіе въ своей старой формѣ голаго, незамаскированнаго абсолютизма.

Ему вовсе не нравилось неустойчивое положеніе, создавшееся благодаря тому, что онъ находится въ явномъ противорѣчіи съ общественнымъ соотношеніемъ силъ. Чтобы просуществовать какъ можно дольше, абсолютизмъ долженъ былъ прибѣгнуть къ единственно возможному средству—къ ложному конституціонализму. Онъ создаетъ конституцію, въ которой „права народа" сведены къ минимуму, необезпеченному никакой реальной гарантіей; благодаря этому онъ сразу отнимаетъ у народнаго представительства возможность и желаніе занять самостоятельное положеніе по отношенію къ абсолютизму. Наконецъ, онъ сохраняетъ для себя возможность не считаться съ постановленіемъ народнаго представительства, если это постановленіе окажется несогласнымъ съ волею правительства, и все-таки сохранять внѣшнія формы конституціоннаго режима.

Какъ только абсолютизмъ сдѣлалъ этотъ шагъ—превратился въ лжеконституціонализмъ—онъ пріобрѣлъ большую выгоду и на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе. Если бы онъ хотѣлъ оставаться въ своемъ старомъ, неприкрашенномъ видѣ, онъ не могъ бы разсчитывать на долговѣчность. Явное, признанное противорѣчіе съ состояніемъ общества сдѣлало бы его ниспроверженіе постояннымъ паролемъ всего общества, которое превратилось бы силою обстоятельствъ въ обширный заговоръ, имѣющій цѣлью ниспроверженіе существующей формы правленія. Такого положенія не можетъ на долгое время выдержать ни одно правительство.

Но окруживъ себя ложными формами конституціонализма и продолжая при томъ осуществлять старую систему абсолютизма, правительство пріобрѣтаетъ несомнѣнную выгоду. Ибо, благодаря тому, что форма правленія находится теперь въ кажущемся соотвѣтствіи съ состояніемъ господствующаго въ обществѣ сословія, послѣднее удовлетворяется и погружается въ сонъ.

„Итакъ,—говоритъ въ заключеніе Лассаль,—лжеконституціонализмъ не есть пріобрѣтеніе народа, а, напротивъ, исключительно пріобрѣтеніе абсолютизма и въ значительной мѣрѣ упрочиваетъ его положеніе. Лжеконституціонализмъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, что правительство утверждаетъ то, чего нѣтъ. Онъ объявляетъ государство конституціоннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно абсолютно. Онъ состоитъ изъ лжи“.

Это обвиненіе въ томъ, что конституціонализмъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является обманомъ, впослѣдствіи съ большимъ остроуміемъ развилъ Нордау [1]. Онъ называетъ этотъ обманъ монархической ложью, такъ какъ единственной логичной

[1] Max Nordau: Die konventionellen Lügen der Kulturmenscheit. Achte Auflage. S. 63. ff.

формой монархіи является абсолютизмъ въ той формѣ, въ какой онъ сохранился изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только въ Россіи и въ Турціи. Единственнымъ „правовымъ основаніемъ“ монархіи является ея „божественное происхожденіе“. Конституціонно-монархическая форма правленія находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ этимъ правовымъ основаніемъ. „Конституціонализмъ обрекаетъ на вѣчную ложь и лицемѣріе всѣхъ, играющихъ роль въ его комедіи“. Онъ исходитъ изъ отрицанія божественнаго авторитета короля и противопоставляетъ ему „авторитетъ народа“, иначе говоря, народнаго представительства, и тѣмъ не менѣе онъ сохраняетъ этотъ авторитетъ монарха. Въ государствахъ съ настоящимъ конституціоннымъ правленіемъ король играетъ роль безвольной куклы, ибо законодательство и управленіе независимы отъ его воли.

Въ странахъ же съ мнимо-конституціонной формой правленія, наоборотъ, „роль шута играютъ народные представители и самъ народъ“. Нордау указываетъ на то забавное зрѣлище, которое создавалъ князь Бисмаркъ, ставя, такъ называемыхъ, либераловъ рейхстага въ безвыходное положеніе и заявляя имъ черезъ своихъ уполномоченныхъ парламентскихъ ораторовъ и дрессированныхъ журналистовъ, что либо они республиканцы и, слѣдовательно, лицемѣрятъ, стараясь перещеголять другъ друга заявленіями о своей лойальности, либо они искренно преданы королю, и тогда они должны бы доказать это покорностью королевской волѣ. „Эта дилемма является молотомъ и наковальней, между которыми монархическій либерализмъ растирается въ кашу, къ которой ни одна собака не захочетъ притронуться“. Тщетно стараются „либералы“ ускользнуть изъ желѣзныхъ тисковъ этой безпощадной логики. И какъ они отбояриваются и стараются вывернуться! Они-де преданы династіи до

самой смерти; у короля нѣтъ болѣе надежныхъ слугъ, чѣмъ они; республика является для нихъ мерзостью запустѣнія, но вѣдь и конституція также, можно сказать, существуетъ, и вѣдь король самъ всемилостивѣйше соизволилъ присягнуть ей, а потому они, съ его высочайшаго соизволенія, вѣрноподданнически осмѣливаются со смиреніемъ воспользоваться правами и вольностями, милостиво предоставленными народнымъ представителямъ и т. д. Но ничто не можетъ имъ помочь. Кулакъ, схватившій ихъ, припираетъ ихъ къ стѣнѣ, такъ что у нихъ захватываетъ духъ, и ихъ какъ громомъ поражаютъ слѣдующія ясныя слова: „Признаете ли вы, что король поставленъ Богомъ властвовать надъ вами? Да? Какъ же вы осмѣливаетесь въ такомъ случаѣ противиться ему и ссылаться на конституцію, которая является его подаркомъ и которую онъ можетъ взять назадъ въ силу своего божественнаго авторитета, точно такъ же, какъ онъ ее даровалъ? ... Или вы не признаете, что король получаетъ свои права непосредственно отъ Бога? Въ такомъ случаѣ вы — республиканцы. Середины тутъ быть не можетъ!“

Дѣйствительно тутъ не можетъ быть середины: республика или монархическій абсолютизмъ; все остальное — ложь и лицемѣріе. Но правительство, которое ставитъ эту дилемму, само попадаетъ въ безвыходное положеніе, стоитъ только, опираясь на логику, задать ему слѣдующій вопросъ: „Если конституція противорѣчитъ божественному авторитету королевской власти, если ссылка на конституціонныя права и вольности означаетъ богохульство и оскорбленіе величества, въ такомъ случаѣ, какъ вы можете терпѣть существованіе конституціи? Не заключается ли въ этомъ еще худшая ложь и лицемѣріе?“

Республика, или монархическій абсолютизмъ — вотъ единственно правильная постановка вопроса.

Но представители нѣмецкаго либеральнаго бюргерства еще лѣтъ 30 тому назадъ, не допуская монархизма въ качествѣ политическаго догмата, считали, что его слѣдуетъ сохранить изъ соображеній цѣлесообразности, какъ пережитокъ прошлаго времени, когда онъ былъ необходимой основой общественнаго порядка. Этого воззрѣнія между прочимъ придерживается Давидъ Фридрихъ Штраусъ. Онъ говоритъ:

„Согласно воззрѣнію, господствующему въ настоящее время въ Германіи, республика является сама по себѣ лучшей формой правленія; однако, принимая во вниманіе современныя обстоятельства и отношенія, слѣдуетъ признать ее несвоевременной въ крупныхъ государствахъ Европы, въ виду чего временно, на срокъ, который не можетъ быть точно опредѣленъ, слѣдуетъ удовольствоваться монархіей, по-возможности, сносно организованной".

Однако Штраусъ вынужденъ признать слѣдующее:

„Нетрудно понять, что неразумно и возмутительно, когда слѣпая случайность рожденія ставитъ одного человѣка надъ всѣми другими и даетъ ему власть надъ судьбою милліоновъ, когда этотъ человѣкъ, несмотря на возможную ограниченность духовныхъ способностей и необузданность характера, является господиномъ, а множество людей, которые лучше и умнѣе его, должны быть его подданными, когда его семья стоитъ неизмѣримо выше простыхъ смертныхъ ... Не подлежитъ сомнѣнію, что учрежденіе республики, даже если она велика, гораздо проще и понятнѣе, нежели организація хорошей монархіи".

Несмотря на это онъ все же выступаетъ въ пользу монархіи и въ защиту своего мнѣнія приводитъ слѣдующіе удивительные аргументы: „Монархія заключаетъ въ себѣ нѣчто загадочное и даже на первый взглядъ нѣчто абсурдное; но какъ разъ

въ этомъ и лежитъ тайна ея преимущества; и все же мистическій элементъ присущъ всѣмъ важнѣйшимъ сторонамъ бытія: жизни, искусству, государству".

И это написалъ человѣкъ, поставившій своей задачей разрушеніе всякой религіозной мистики, и въ частности христіанской, который открыто заявлялъ, что въ этой мистикѣ кроется источникъ самыхъ грубыхъ представленій! Подобная защита монархіи является, собственно говоря, сатирой: ссылка на непостижимое заключаетъ въ себѣ допущеніе, что раціональное обоснованіе монархіи невозможно [1].

* * *

Слѣдуетъ еще упомянуть, что Лассаль кратко указываетъ на Англію, какъ на страну, въ которой „дѣйствительный укладъ жизни носитъ конституціонный характеръ, т. е. въ этой странѣ перевѣсъ реальной, фактической, даже организованной силы на сторонѣ націи". Этотъ важный вопросъ мы должны обсудить подробнѣе.

Вѣдь англійская конституція является „образцомъ конституціонно-монархической формы правленія", который конституціоналисты Германіи и другихъ странъ считаютъ цѣлью своихъ стремленій.

---

[1] Kolb (Kulturgeschichte. I Bd. Dritte Auflage S. 587) разсказываетъ, какъ Штраусъ получилъ слѣдующій „хорошій урокъ": „Онъ отрицалъ Бога и Христа и преклонялся передъ германскими императорами и такимъ образомъ дошелъ до апоѳеоза монархіи вообще, „такъ какъ она заключаетъ въ себѣ нѣчто мистическое". Онъ долженъ былъ почувствовать себя весьма неловко, получивъ извѣстіе о томъ, что именно императоръ Вильгельмъ, несомнѣнно имѣя въ виду теорію Штрауса, самымъ опредѣленнымъ образомъ высказался на освященіи церкви Сіона противъ ученія, отрицающаго Сына Божія, сшедшаго съ небесъ, о которомъ, по его мнѣнію, наоборотъ слѣдуетъ постоянно проповѣдывать: ибо что станется въ противномъ случаѣ съ міромъ!"

Можно бы думать, что мистическое скорѣе всего можетъ быть терпимо въ вопросахъ религіи; и если оно будетъ уничтожено въ этой области, то тѣмъ болѣе его можно избѣжать въ вопросахъ свѣтскаго управленія. Древнее мистическое представленіе о всевѣдущемъ и всемогущемъ Божествѣ и о безсмертіи души безжалостно разрушается Штраусомъ для того, чтобы вмѣсто него создать новое, маленькое божество со скипетромъ и короной; по выраженію одного остроумнаго рецензента во Франкфуртской газетѣ „Штраусъ выбрасываетъ черезъ парадную дверь вѣчнаго и вездѣсущаго Бога, чтобы контрабандой втащить съ чернаго хода жалкаго царька".

Одного взгляда на развитіе этой конституціи достаточно, чтобы понять невозможность перенесенія ея на чуждую почву, гдѣ развитіе государственнаго строя шло совершенно инымъ путемъ. Правда, какъ система абсолютизма, такъ и конституціонный режимъ были насаждены въ Германіи по французскому образцу; но при этомъ не были удовлетворены права національности, ея духа и ея особенностей. Нѣмецкія конституціи не имѣютъ корней въ духѣ народа; онѣ являются антинаціональными учрежденіями. Исторія англійскихъ учрежденій кореннымъ образомъ отличается отъ развитія государственныхъ формъ въ Германіи.

Въ Англіи, послѣ побѣды Вильгельма Завоевателя надъ Гаральдомъ, королевская власть также пріобрѣла абсолютное господство. Старое германское (саксонское) право было низвергнуто, и вольности, основанныя на этомъ правѣ, были уничтожены. Иго деспотизма легло на всѣхъ подданныхъ безъ различія, на дворянина такъ же, какъ и на горожанина. Этимъ было вызвано всеобщее объединеніе лордовъ, высшихъ и низшихъ вассаловъ, коалиція знати съ народомъ, на почвѣ уступокъ, которыя дворянство должно было сдѣлать народу, чтобы получить его поддержку въ борьбѣ съ деспотизмомъ [1].

Въ Германіи напротивъ, какъ мы это показали въ первой главѣ, власть князей была въ первый

---

[1] Оригинальна характеристика борьбы съ абсолютизмомъ, которую даетъ Дж. Ст. Милль:

„Ихъ (абсолюдныхъ государей) власть казалось необходимой и вмѣстѣ съ тѣмъ опасной: это было оружіе, которое они могли обратить противъ подданныхъ точно такъ же, какъ противъ внѣшнихъ враговъ. Правда, для защиты слабѣйшихъ членовъ общества отъ алчности многочисленныхъ коршуновъ была необходима хищная птица, которая, будучи сильнѣе другихъ, могла бы ихъ укрощать. Но такъ какъ этотъ царь хищныхъ птицъ не менѣе другихъ приносилъ вредъ стаду, то нужно было постоянно защищаться отъ его клюва и когтей. Поэтому всѣ друзья народа стремились къ ограниченію верховной власти государя, и это ограниченіе называлось именемъ свободы". (J. St. Mill. Ueber die Freiheit. Aus dem Englischen übersetzt von C. Pickford. Frankfurt a. M. 1860 I Кар.)

періодъ ея развитія незначительна; ей были противопоставлены права и вольности народа. Гораздо ранѣе, чѣмъ могъ развиться деспотизмъ князей, феодалы сдѣлались полными хозяевами страны; они владычествовали надъ народомъ и притѣсняли его самымъ грубымъ образомъ. Доведенный до отчаянія, народъ отъ времени до времени возставалъ противъ деспотической знати и въ этой борьбѣ прибѣгалъ къ защитѣ императора. Сила дворянства уничтожала въ Германіи свободу народа и власть императора.

Но въ Англіи оборонительный и наступательный союзъ народа и дворянства уже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ норманскаго завоеванія добился возстановленія нѣкоторыхъ старыхъ правъ и вольностей, а въ 1215 году этотъ союзъ вынудилъ у короля упомянутую уже въ другомъ мѣстѣ „Великую хартію вольностей“, которая уничтожила суровые феодальные законы; для народа, возставшаго съ оружіемъ въ рукахъ за свои интересы, это было еще выгоднѣе, чѣмъ для дворянства. На этой основѣ въ Англіи установилась гражданская свобода; она сдѣлалась базисомъ англійской конституціи, который оказался несокрушимымъ. Всѣ усилія королевской власти снова подчинить народъ деспотическому режиму были напрасны. Народъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ королемъ. Казнь короля Карла была равносильна уничтоженію королевской власти. Попытка основать республику не удалась тогда лишь потому, что господство привилегированныхъ классовъ и сословій въ республикѣ является противорѣчіемъ. Но монархическій абсолютизмъ уже никогда болѣе не могъ быть возстановленъ въ Англіи.

Яковъ II, ссылаясь на то, что онъ „получилъ корону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и абсолютную власть отъ Господа“, объявилъ безусловное повиновеніе королевской власти долгомъ подданныхъ и сталъ

издѣваться надъ законами. Тогда народъ отказалъ ему въ повиновеніи и объявилъ себя свободнымъ отъ присяги королю, который самъ нарушилъ присягу, данную имъ народу. Сверженіе короля оказалось очень простой операціей. Тронъ былъ объявленъ вакантнымъ и установлено новое престолонаслѣдіе. Кромѣ того, были приняты мѣры, чтобы предотвратить на будущее время посягательства королей на конституцію установленіемъ яснаго и точнаго договора между королемъ и народомъ.

Такъ, между прочимъ, королю было воспрещено въ мирное время содержать постоянную армію; кромѣ того была провозглашена свобода печати.

Такимъ образомъ, въ Англіи народъ ясно показалъ, что нація не является собственностью королей. Ложное и суевѣрное понятіе о „божественномъ и неприкосновенномъ правѣ королей“ было уничтожено.

Въ Германіи, наоборотъ, и въ это время, и въ слѣдующій затѣмъ періодъ воля короля замѣняла законъ. Правда, и англійскому народу все еще отъ времени до времени приходилось прибѣгать къ силѣ противъ непокорныхъ королей, но онъ всегда выходилъ побѣдителемъ изъ этой борьбы.

Базисомъ англійской конституціи, ея основнымъ принципомъ, отъ котораго зависятъ всѣ другіе, является то, что законодательная власть, т. е. право издавать, отмѣнять, измѣнять и истолковывать законы, принадлежитъ исключительно парламенту. Король обладаетъ лишь исполнительной властью.

Правда, избирательное право въ Англіи въ высшей степени ограничено и неудовлетворительно, такъ что оно не можетъ дать истиннаго народнаго представительства. Но это обстоятельство можно не принимать въ разсчетъ при нашемъ изслѣдованіи. Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что англійскій парламентъ представляетъ несокрушимый оплотъ противъ королевской прерогативы.

Парламентъ представляетъ королю цивильный листъ, дѣйствіе котораго прекращается со смертью монарха. Король не долженъ имѣть личнаго имущества. Наслѣдникъ получаетъ корону, скипетръ и тронъ, но не наслѣдуетъ денегъ, а, слѣдовательно, и реальной силы. Прежде, чѣмъ ему будутъ переданы тронъ и цивильный листъ, парламентъ имѣетъ право изслѣдовать положеніе страны, уничтожить злоупотребленія, совершенныя въ предыдущее царствованіе и возстановить во всей чистотѣ основные принципы конституціи; это право выгодно въ томъ отношеніи, что оно дѣлаетъ возможными періодическія реформы, относительно которыхъ нѣтъ необходимости спрашивать мнѣнія короля.

Король не имѣетъ права набирать армію безъ согласія парламента. Дѣйствующая армія держится подъ ружьемъ всегда только одинъ годъ. По истеченіи года она ipso facto распускается, если парламентъ не найдетъ нужнымъ ее возобновить.

Для того, чтобы король не могъ преслѣдовать деспотическихъ замысловъ и не употреблялъ ассигнованныя средства для другихъ цѣлей, чѣмъ это предписано, палата общинъ имѣетъ право привлекать къ отвѣтственности министровъ, безъ которыхъ король не можетъ властвовать и управлять. Палата лордовъ является трибуналомъ, передъ которымъ министры отвѣчаютъ за свои дѣйствія.

Гражданская свобода англійскаго народа была обезпечена Habeas Corpus Act'омъ отъ 27 мая 1679 года; этотъ актъ явился дополненіемъ Великой хартіи вольностей. Правда, свобода личности, слова, печати и пр. ограничены также и въ Англіи, но тамъ эти ограниченія не имѣютъ цѣлью сдѣлать невозможною критику существующаго строя и оппозицію правительству.

Англичанинъ обладаетъ правомъ сопротивленія королю и парламенту. Это право, по законамъ страны, считается послѣднимъ и законнымъ сред-

ствомъ противъ несправедливой власти. Англійскій гражданинъ по закону можетъ хранить оружіе и пользоваться имъ для защиты своихъ правъ [1].

Такимъ образомъ, королевская власть можетъ существовать лишь въ качествѣ символа, ибо тамъ она дѣйствительно является выраженіемъ наслѣдственной власти господствующаго класса, символомъ политической власти въ силу классоваго права [2].

Весьма интересно сравнить этотъ порядокъ вещей съ „конституціонными“ монархіями въ Германіи и другихъ странахъ, — монархіями, которыя мы охарактеризовали, какъ замаскированный абсолютизмъ.

Въ Англіи царствующій домъ обязанъ своимъ происхожденіемъ конституціоннымъ принципамъ, тѣмъ самымъ принципамъ, согласно которымъ одинъ король былъ казненъ, какъ совершившій преступленіе противъ народа, а другой, уже упомянутый нами Яковъ II, отрѣшенъ отъ власти со всѣмъ своимъ потомствомъ.

Англійское королевство конституціонно въ силу того, что народъ обладаетъ фактической властью. Если королевская власть пойдетъ противъ воли народа, то она ничего не можетъ выиграть, но легко можетъ все потерять; она обязана народу своимъ существованіемъ, народъ же ей ничѣмъ не обязанъ.

Въ Германіи, напротивъ того, государи, считавшіе себя призванными къ власти самимъ Богомъ, дали свои мнимыя конституціи либо противъ своей воли, либо съ намѣреніемъ нарушить ихъ, невзирая на присягу, и не давать народу фактической власти, фактическаго участія въ управленіи. Ихъ опорою является армія, юстиція, полиція и другіе органы власти. Если же въ Германіи утверждаютъ, что самою надежною опорою монархіи является

[2] Richter Blackstone. Commentaries on the Laws of England.
[1] Louis Blanc: a. a. O. IV S. 236.

„любовь народа“ къ своему „прирожденному“, „владѣтельному дому“, то это одна только фраза. Подъ „любовью народа“ слѣдуетъ понимать исповѣданіе монархическихъ убѣжденій со стороны господствующихъ сословій и классовъ; эти „убѣжденія“ продиктованы имъ страхомъ передъ соціалъ-демократіей и желаніемъ заставить монархическую власть служить интересамъ собственниковъ. Вопросъ о монархической власти является въ Германіи интегральною частью соціальнаго вопроса, о чемъ мы еще будемъ говорить въ другой главѣ.

Въ нѣмецкихъ государствахъ нѣтъ ни одной гарантіи парламентской свободы и народныхъ правъ. Въ Англіи народъ еще кое-чѣмъ обязанъ дворянству, вмѣстѣ съ которымъ онъ боролся противъ абсолютизма, но въ Германіи дворянство дало народу однѣ страданія, такъ какъ никогда не умѣло понять его и стать къ нему въ болѣе близкія отношенія. Опустившись до роли придворнаго дворянства, ставъ въ полную зависимость отъ короля, нѣмецкое юнкерство никогда не пожертвуетъ своимъ положеніемъ, которое мѣшаетъ всякому истинно конституціонному управленію. Оно никогда не будетъ стоять за сокращеніе арміи, за уничтоженіе постоянныхъ войскъ, за народную милицію, ибо постоянныя войска необходимы для его сыновей, которые замѣщаютъ офицерскія мѣста; это является прямо-таки привилегіей дворянства, хотя конституція не знаетъ подобной привилегіи. Утверждая, что они являются „надежнѣйшей опорой трона“, дворяне требуютъ отъ монархическаго правительства удовлетворенія на счетъ народа своей страсти къ наживѣ. Недаромъ дворянство вѣрно своему королю: народъ дорого платитъ за эту „вѣрность“.

Мысли, которыя мы только что излагали, очень рѣзко и очень основательно развиты въ одномъ агитаціонномъ произведеніи, появившемся въ

1866 году[1]. Въ этомъ сочиненіи говорится, что въ сущности въ Германіи возможны только двѣ партіи: партія государей и партія народа. Фактически—отношенія нашихъ политическихъ партій все болѣе и болѣе развивались въ этомъ направленіи. Уже давно было объявлено, что партія, къ которой должны принадлежать всѣ „благомыслящіе“, всѣ „испытанные патріоты“,—есть партія императора, т. е. партія, вполнѣ покорная воззрѣніямъ, желаніямъ и волѣ императора, въ особенности въ вопросѣ о такъ называемой „партіи переворота“—соціалъ-демократіи.

Отсюда въ цитированномъ сочиненіи дѣлается выводъ, „что нѣмецкія конституціонныя монархіи являются выкидашами, которымъ недостаетъ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для развитія конституціонной жизни“.

Для сравненія мы укажемъ еще на Италію. Въ этой странѣ, какъ и въ Англіи, королевская власть носитъ печать демократическаго и революціоннаго происхожденія. Эта власть не только обставлена, по крайней мѣрѣ въ теоріи, демократическими учрежденіями, какъ другія конституціонныя монархіи, но она обязана самымъ своимъ существованіемъ революціи, и при томъ довольно еще молодой революціи, которая, по сравненію съ революціями англійской, шведской или бельгійской, произошла сравнительно недавно. Революціонное происхожденіе династіи Савойя-Кариньянъ, еще не подверглось такому забвенію, какъ подобное же происхожденіе бельгійской линіи Кобурговъ, шведскихъ Бернадоттовъ или англійской династіи. Правда и германская императорская власть обязана своимъ существованіемъ также весьма молодому и ясно выраженному революціонному движенію, на которое мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ. „Братоубійственная

[1] Ob Konstitutionelle Monarchie? Ob Republik für Deutschland? London und Hamburg 1886.

война" 1866 года была насильственнымъ разрушеніемъ политическаго строя, существовавшаго тогда въ Германіи, который, по постановленію Вѣнскаго конгресса и по декларацiи „Священнаго Союза" долженъ былъ существовать вѣчно. Это была безусловно революція, но она была совершена сверху, въ династическихъ интересахъ, для возвышенія династіи Гогенцоллерновъ; несмотря на это, она принесла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнную пользу. Итальянская революція, разыгравшаяся почти въ то же самое время (1859—1870) по своему существу была революціей снизу, народнымъ возстаніемъ въ цѣляхъ національнаго объединенія. Викторъ-Эммануилъ и особенно его совѣтникъ Кавуръ были настолько умны, что примкнули къ этому движенію. Лассаль [1] считалъ „задачею Пруссіи" въ „итальянскомъ вопросѣ" стать на сторону Италіи противъ Австріи, которая противилась итальянскому объединенію, и выступить въ союзѣ съ демократіей въ защиту принципа національной свободы. Это, по мнѣнію Лассаля, должно было содѣйствовать нѣмецкимъ объединительнымъ стремленіямъ; чтобы создать національное единство Германіи, Пруссія должна была двинуть свои войска въ защиту Италіи противъ Австріи, провозгласить Германскую имперію „и предоставить Габсбургской монархіи утвердиться, если она сумѣетъ это сдѣлать, въ своихъ не нѣмецкихъ владѣніяхъ". Онъ поясняетъ далѣе: „Снова нѣмецкая императорская корона валяется на дорогѣ!", но тотчасъ же прибавляетъ: „Она не будетъ поднята". Демократіи во всякомъ случаѣ нечего сокрушаться объ „этомъ упущеніи монархіи!"

Семь лѣтъ спустя, когда единство Италіи было завоевано безъ помощи монархіи, главнымъ образомъ усиліями самого народа, Пруссія объявила Австріи войну, но уже съ совершенно другими намѣреніями.

[1] Lassale. Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens. Berlin 1859.

Нѣмецкая революція сверху въ 1866 году отдѣлила нѣмецкую Австрію отъ остальной Германіи, дала увеличившей свою территорію Пруссіи рѣшительный перевѣсъ надъ остальной Германіей, устранила федерализмъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ былъ неудобенъ прусской монархіи, но преднамѣренно сохранила его въ качествѣ реакціоннаго средства противъ стремленій народа (Союзный совѣтъ). О суверенитетѣ народа и объ „основныхъ правахъ", надъ которыми ломали себѣ головы въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ, нѣтъ ни слова ни въ союзной конституціи, ни въ позднѣйшей имперской конституціи.

Въ Италіи событія развивались совершенно иначе. Послѣ того какъ въ 1848 году съ замѣтною ясностью обнаружилось, что федеративные планы неизбѣжно разбивались о противодѣйствіе папы, вся „партія движенія" объединилась на почвѣ требованія единаго государства; вопросъ заключался лишь въ томъ, должно ли быть это государство монархическимъ или республиканскимъ. Революція 1859—1870 г. г. положила основаніе централизованному единому государству. Различныя линіи Бурбоновъ и Габсбурговъ были сметены, а папа, освобожденный отъ заботъ о земномъ благополучіи своихъ возлюбленныхъ овечекъ, сталъ, по выраженію католиковъ, „ватиканскимъ плѣнникомъ". То обстоятельство, что объединенное государство сдѣлалось монархическимъ, было дѣломъ государственнаго ума Кавура. Викторъ-Эммануилъ не былъ великимъ человѣкомъ; мужественный воинъ, храбрый, но совершенно необразованный солдатъ, весьма приверженный къ радостямъ любви, онъ все же обладалъ достаточнымъ благоразуміемъ, чтобы признать правильной политику своего министра и заключить съ демократіей хотя бы временный союзъ, который значительно облегчался его личной дружбой съ болѣе великимъ, но во многихъ отношеніяхъ похожимъ на

него Гарибальди. Вооруженная демократія подъ предводительствомъ Гарибальди помогала присоединенію къ объединенному государству Ломбардіи и завоевала для него Неаполь и Сицилію. Именно въ послѣднемъ завоеваніи принимала участіе, подъ предводительствомъ великаго генуэзца Мадзини, также и независимая, строго антимонархическая радикальная демократія, заключавшая въ себѣ даже соціалистическіе элементы. Къ мадзиніанцамъ принадлежалъ тогда и Франческо Криспи изъ Палермо.

Жителей Ганновера, Гессена, Франкфурта или Нассау не спрашивали о томъ, желаютъ ли они господства династіи Гогенцоллерновъ, такъ же, какъ позднѣе жителей Эльзасъ-Лотарингіи. Савойская династія, напротивъ, свое право на власть основываетъ не на завоеваніяхъ, но на постановленіяхъ Ломбардіи, Романьи, Тосканы и другихъ средне-итальянскихъ княжествъ, Умбріи, Неаполя и Сициліи, Венеціи и, наконецъ, Рима. Всему мужскому населенію всѣхъ этихъ мѣстностей былъ предложенъ вопросъ, желаютъ ли оно принять конституціонную монархію Савойскаго дома. Такимъ образомъ, принципъ народнаго суверенитета получилъ полное признаніе. Лишь послѣ этого голосованія сардинская конституція 1848 года была распространена на присоединенныя области. Такимъ образомъ, эта конституція основана на принципѣ народнаго суверенитета, который вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, былъ признанъ и по отношенію къ старо-сардинской области (остр. Сардинія, Лигурія, Пьемонтъ). Впрочемъ фактически и неважно, владѣетъ ли Савойская династія этими старо-сардинскими областями на основаніи народнаго суверенитета или въ силу наслѣдственнаго права, такъ какъ для несравненно большей части Италіи первый принципъ является единственнымъ и общепризнаннымъ источникомъ права.

Этотъ принципъ былъ открыто признанъ самой королевской властью. Всѣ три короля, изъ савой-

скаго дома ссылались и ссылаются на „волю націи". Правыя партіи, радикальная лѣвая, республиканцы и соціалисты открыто и рѣшительно высказались въ томъ смыслѣ, что управленіе въ Италіи парламентское, а не только конституціонное и что „Статутъ" (конституція) служитъ „барьеромъ, отдѣляющимъ отъ прошлаго, но не отъ будущаго". Это очень хорошее выраженіе, хотя авторомъ его и является Франческо Криспи. Внѣ конституціи стоятъ въ Италіи лишь двѣ партіи, не признающія народнаго суверенитета: клерикалы и анархисты, если только послѣднихъ можно назвать партіей.

Правда, упомянутыя партіи, стоящія на почвѣ конституціи, сильно расходятся въ толкованіи принципа народнаго суверенитета, а также и въ практическомъ его осуществленіи. Правая признаетъ народный суверенитетъ только въ прошломъ только какъ источникъ національнаго объединенія, но отказывается сдѣлать изъ него демократическіе выводы для настоящаго или хотя бы для будущаго Лѣвая—такъ называемая „конституціонная" или династическая" лѣвая—на словахъ соглашается принять эти выводы, если только они не слишкомъ „экстравагантны" (конечно въ ея смыслѣ); но на практикѣ дѣло и тутъ сводится къ отрицанію демократическихъ выводовъ, причемъ однако замѣчается значительная разница между реакціонными и истинными либералами. „Демократическая" или „радикальная" лѣвая дѣлаетъ демократическіе выводы изъ принципа народнаго суверенитета и согласна проводить ихъ въ жизнь, но придерживается монархической формы правленія и существующаго общественнаго строя. Республиканцы же и соціалисты проводятъ принципъ народнаго суверенитета до самыхъ послѣднихъ выводовъ и стремятся, стоя на почвѣ конституціи, первые—къ измѣненію существующаго въ Италіи государственнаго порядка, а вторые кромѣ того и къ коренному преобразованію современнаго

общественнаго строя. Мы здѣсь придерживались указаній, которыми обязаны одному историку—соціалъ-демократу, пожелавшему, чтобы его имя осталось неизвѣстнымъ. Онъ изучалъ политическую жизнь Италіи на мѣстѣ и высказываетъ весьма основательное мнѣніе, что для итальянской соціалистичечкой партіи всеобщее признаніе народнаго суверенитета имѣетъ громадное значеніе: „Она этимъ освобождается отъ необходимости тратить свои силы на завоеваніе позицій, которыя ею уже заняты, тогда какъ нѣмецкой соціалъ-демократіи предстоитъ еще отвоевать эти позиціи; въ этомъ отношеніи, несмотря на экономическій застой Италіи и на ограниченное избирательное право, положеніе итальянскихъ соціалистовъ на политической аренѣ болѣе благопріятно, чѣмъ ихъ нѣмецкихъ товарищей. Признаніе народнаго суверенитета и парламентскій режимъ позволяютъ итальянскимъ соціалистамъ совершенно иначе и гораздо настойчивѣе вліять на правительственныя мѣропріятія, чѣмъ это возможно въ Германіи".

* * *

Революція 1866 года въ Германіи, подготовившая почву для новой Германской имперіи и для императорской власти, были революціей монархической. Этимъ объясняется то, что въ конституціи этой имперіи нѣтъ рѣчи о народномъ суверенитетѣ; какъ конституціямъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ союзъ, такъ и самому союзу недостаетъ всѣхъ элементовъ конституціонной жизнедѣятельности.

Въ началѣ акта имперской конституціи говорится, что король Прусскій отъ имени Сѣверо-германскаго союза, король Баварскій, король Вюртембергскій, великій горцогъ Баденскій и в. г. Гессенскій „заключаютъ вѣчный союзъ для защиты союзной территоріи и дѣйствующаго въ предѣлахъ этой

территоріи права, а также для заботъ о благополучіи германскаго народа". Имперская конституція въ тѣхъ пунктахъ, которые регулируютъ монархическую власть, принадлежащую прусскому королю, какъ главѣ союза, вполнѣ совпадаетъ съ характеромъ союзной конституціи. Прусскій король, какъ президентъ союза, носитъ титулъ германскаго императора. При попыткахъ опредѣлить роль германскаго императора съ точки зрѣнія государственнаго права, его положеніе сравнивалось съ положеніемъ президента республики. Ученый государствовѣдъ Цорнъ [1] несогласенъ съ этимъ сравненіемъ; допуская, что есть нѣкоторыя основанія для подобнаго сравненія, однако его слѣдуетъ отвергнуть, такъ какъ самый базисъ сравненія невѣренъ, ибо „имперія—не республиканско-демократическое, но плеонархическое государство, и императоръ стоитъ не во главѣ демократіи, но во главѣ коллегіи государей. Императоръ, въ силу своего монархическаго положенія, какъ прусскій король, вообще неотвѣтственъ, а слѣдовательно неотвѣтственъ и передъ имперіей; кромѣ того его санъ является наслѣдственнымъ. На этомъ основаніи неправильно сравнивать его съ президентомъ республики".—Относительно Союзнаго Совѣта, Цорнъ [2] придерживается слѣдующаго мнѣнія:

„Германскій Союзный Совѣтъ съ точки зрѣнія государственнаго права является выраженіемъ того, что Германская имперія есть союзное государство, состоящее изъ отдѣльныхъ монархическихъ союзныхъ частей". Это, правда, не совсѣмъ точно, ибо Гамбургъ, Бременъ и Любекъ—республики и, слѣдовательно, не являются монархическими союзными частями. Однако это не представляетъ важности; монархическій элементъ настолько преобладаетъ въ Союзѣ, что этотъ „республиканскій придатокъ" не

[1] Dr. Philipp Zorn. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. I Bd. Drittes Buch. S. 180.
[2] Zorn. a. a. O. S. 146 ff.

имѣетъ никакого значенія при обсужденіи характера Германскаго Союза. Поэтому Цорнъ считаетъ Германскую имперію монархическимъ союзнымъ государствомъ. Онъ говоритъ: „Народъ въ этомъ государствѣ не является сувереномъ; онъ пользуется лишь предоставленнымъ ему правомъ участія въ осуществленіи государственной власти; „первоисточникомъ всѣхъ властей," „милостію Божіею" и въ силу твердо установившейся исторической традиціи является монархъ, а не народъ".

Правда, имперская конституція и дополнительныя договорныя постановленія нанесли ущербъ суверенитету отдѣльныхъ государей, главнымъ образомъ въ области военной организаціи, но народъ и рейхстагъ отъ этого не выиграли въ правахъ. Суверенныя права, которыхъ лишились отдѣльные государи, перешли къ имперской власти, къ главѣ союза—императору. Раньше императорскіе князья являлись верховными вождями своихъ армій, теперь же императоръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ союзный военачальникъ, распоряжающійся всѣми союзными войсками. Раньше имперскій князь имѣлъ право объявлять войну и заключать миръ, вступать въ союзъ и подписывать договоры съ иностранными государствами, теперь же, на основаніи имперской конституціи, эти права принадлежатъ императору; при объявленіи войны онъ связанъ согласіемъ Союзнаго Совѣта, „кромѣ тѣхъ случаевъ, когда будетъ сдѣлано нападеніе на союзную область или ея берега". Поскольку договоры съ иностранными государствами касаются обстоятельствъ, входящихъ по параграфу четвертому имперской конституціи въ сферу имперскаго законодательства, постольку для заключенія этихъ договоровъ необходимо согласіе Союзнаго Совѣта, а для того чтобы они пріобрѣли законную силу—еще и одобреніе рейхстага.

Предоставленное народу участіе въ выполненіи государственной власти ограничивается лишь выбо-

рами въ рейхстагъ на основѣ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Но рейхстагъ не является суверенной законодательной корпораціей; онъ составляетъ лишь одинъ изъ факторовъ законодательства. „Имперское законодательство выполняется Союзнымъ Совѣтомъ и рейхстагомъ". Союзный Совѣтъ, состоящій изъ представителей государствъ, входящихъ въ Союзъ, является высшимъ и фактически рѣшающимъ факторомъ законодательства. Для изданія имперскаго закона необходимо согласіе большинства Союзнаго Совѣта и рейхстага. Союзный Совѣтъ можетъ не допускать ни одного закона, неугоднаго ему, т. е. правительствамъ; онъ можетъ „по праву" противодѣйствовать каждому требованію рейхстага. Болѣе того: онъ можетъ, съ согласія императора, распустить рейхстагъ—средство, которое не разъ уже примѣнялось, когда рейхстагъ не подчинялся требованіямъ правительства. Что въ Союзномъ Совѣтѣ рѣшающее значеніе имѣетъ прусская монархическая власть,—это не требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Такимъ образомъ, рейхстагъ по отношенію къ имперской власти стоитъ въ такомъ же подчиненномъ и зависимомъ положеніи, какъ законодательство отдѣльныхъ германскихъ государствъ къ ихъ правительствамъ.

Реакціонныя, или иначе такъ наз. „охранительныя" партіи, являющіяся исключительнымъ представительствомъ господствующихъ сословій и классовъ, тѣсно связанныхъ съ монархической властью, дѣлали въ рейхстагѣ, ссылаясь на свои „монархическія убѣжденія" все, что, по ихъ мнѣнію, могло „укрѣпить монархическій авторитетъ". Они не хотятъ мириться съ безспорнымъ правомъ народныхъ представителей критиковать поступки, упущенія, воззрѣнія и намѣренія императора; они препятствуютъ этой критикѣ, по крайней мѣрѣ, когда она неблагопріятна, утверждая, что „не въ обычаѣ вмѣшивать

въ дебаты особу императора". Напротивъ, они ниего не имѣютъ возразить, когда упоминаютъ объ чмператорѣ съ похвалою,—въ такихъ случаяхъ президентъ рейхстага еще никогда не останавливалъ оратора указаніемъ на вышеприведенный „обычай". Только произволъ искателей милостей императора могъ создать и поддерживать такой чудовищный обычай, въ противовѣсъ ясному и очевидному праву народныхъ представителей. Однако реакціонеры этимъ не принесли никакой пользы монархическому вліянію. Изъ того факта, что депутаты въ имперскомъ парламентѣ не могутъ дѣлать критическихъ замѣчаній по адресу императора, которыя внѣ парламента можетъ высказывать каждый гражданинъ и писать каждая газета, не подвергаясь обвиненію въ оскорбленіи величества,—изъ этого факта народъ дѣлаетъ выводы, направленные противъ монархіи, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, живущій въ народѣ и съ народомъ.

Реакціонные элементы уже годами носятся съ мыслью о государственномъ переворотѣ, направленномъ противъ имперской конституціи. Въ прусскомъ юнкерскомъ парламентѣ, палатѣ господъ, 28 марта 1895 года консерваторъ графъ Мирбахъ обратился къ союзнымъ государямъ съ приглашеніемъ рѣшиться „вызвать къ жизни новый рейхстагъ на основаніи нового избирательнаго права". Съ многозначительнымъ взглядомъ, брошеннымъ на опредѣленное мѣсто, онъ воскликнулъ: „Александръ Великій также стоялъ передъ трудной задачей, и все же разрѣшилъ ее". Александръ Великій мечемъ разрубилъ Гордіевъ узелъ. Мирбахъ такимъ образомъ апеллировалъ къ насилію И это со стороны реакціонеровъ не единственный призывъ подобнаго рода, обращенный къ „монархическому авторитету".

Въ самое послѣднее время идея государственнаго переворота получила новое направленіе, враждебное сохраненію самой имперіи. Созданіе этого

направленія и его „научное обоснованіе“ является „заслугою“ бывшаго баденскаго уполномоченнаго въ Союзномъ Совѣтѣ, нынѣ профессора Гейдельбергскаго юридическаго факультета, Евгенія фонъ Іагеманна. Въ опубликованномъ въ маѣ 1904 года объемистомъ сочиненіи [1] онъ пытается построить „научную“ теорію, согласно которой германскіе государи имѣютъ право распустить Германскую имперію и создать новый союзъ, если „конституціонныя учрежденія перестанутъ функціонировать“. Это, по его мнѣнію, не принесетъ никакого ущерба національнымъ интересамъ. Авторъ надѣляетъ Союзный Совѣтъ правомъ издавать исключительные законы на случай, если рейхстагъ, вслѣдствіе обструкціи меньшинства, не придетъ ни къ какому постановленію, а также въ то время, когда онъ распущенъ или, наконецъ, со времени истеченія законодательнаго періода до новыхъ выборовъ. Эти полномочія Союзнаго Совѣта ф. Іагеманнъ основываетъ на томъ, что въ конституціи нѣтъ прямого указанія на ихъ незаконность.

Противъ этой теоріи государственнаго переворота гейдельбергскіе государствовѣды Іеллинекъ и Аншюцъ выступили съ протестомъ, [2] въ которомъ между прочимъ говорится: „Господинъ фонъ Іагеманнъ полагаетъ, что юридическая логика на его сторонѣ. Посмотримъ, какіе выводы можно сдѣлать изъ его ученія при свѣтѣ этой логики. Если имперія распущена, то вмѣстѣ съ конституціей уничтожается не только рейхстагъ, но и всѣ имперскія учрежденія. Императоръ перестаетъ быть императоромъ, имперскій канцлеръ исчезаетъ такъ же, какъ и имперскіе чиновники; имперская армія и флотъ перестаютъ быть имперскими учрежденіями“. Оба ученые утверждаютъ, что воззрѣнія Іагеманна сто-

[1] Eugen von Jagemann. Die deutsche Reichsferfassung. Heidelberg 1904.

[2] „Frankfurter Zeitung“, 21 Mai 1904.

ятъ въ явномъ противорѣчіи съ имперской конституціей. Проф. Максъ Веберъ-Гейдельбергъ [1] также выступилъ со своею рѣзкою критикой противъ Іагеманна. Онъ говоритъ между прочимъ: „Если мы справедливо находимъ легкомысленнымъ и недостойнымъ большой партіи кокетство словомъ революція, что иногда допускаетъ извѣстная часть соціалъ-демократіи, то кокетство революціей „сверху" со стороны людей, которые вѣдь, если бы дѣло стало серьезно, были очень далеко отъ выстрѣловъ, такое кокетство заслуживаетъ самаго рѣкаго отпора. Для того, чтобы вызвать конституціонный конфликтъ и затѣмъ, опираясь на штыки дѣйствующей арміи, продержаться еще нѣкоторое время, для этого нѣтъ надобности въ великомъ человѣкѣ, или даже въ „сильномъ человѣкѣ", въ современномъ смыслѣ слова; достаточно, чтобы во главѣ имперскаго правительства стоялъ безсовѣстный глупецъ или политическій авантюристъ. Но потомъ, чтобы выйти изъ этого конфликта, не потерявъ нашего мірового положенія, нашего единства и національной независимости и не разрушивъ на многіе годы всѣхъ основъ нашихъ правовыхъ учрежденій, для этого, если принять во вниманіе своеобразность нашей государственной жизни и нашего положенія, понадобился бы человѣкъ совсѣмъ другого калибра, чѣмъ всѣ господа, подающіе у насъ надежды.

„Но копье можно обратить и въ другую сторону. Скоро 15 лѣтъ, какъ у насъ господствуетъ режимъ, носящій настолько ясно выраженный лично-монархическій характеръ, какъ это рѣдко гдѣ бывало. Если бы мы спросили, чего же собственно достигъ этотъ режимъ, даже въ той области, въ которой по распространенному мнѣнію монархическій режимъ является особенно дѣеспособнымъ, именно во внѣшней политикѣ, то сравненіе съ демократиче-

[1] „Frankfurter Zeitung", 3 Juni 1904.

ски управляемыми великими державами было бы для насъ весьма невыгодно. Безпримѣрный упадокъ нѣмецкаго престижа совершился по винѣ совершенно другихъ инстанцій, нежели нѣмецкіе парламенты".

Профессоръ Веберъ, надо отдать ему справедливость, въ этомъ мѣстѣ выражается весьма ясно. Каждый серьезный политикъ знаетъ, кто эти „другія инстанціи", о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь.

Послѣ этого знаменитый государствовѣдъ Лабандъ выступилъ съ критикой, которая также по своей рѣзкости не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ между прочимъ пишетъ:

„Нѣмецкіе государи заключили союзъ не отъ себя лично, а какъ представители или органы своихъ государствъ; для этого имъ необходимы были законныя, основанныя на конституціи полномочія, и они вездѣ получили эти полномочія. Поэтому государи не могутъ распустить союза безъ новыхъ законныхъ полномочій".

Всѣ эти мнѣнія соотвѣтствуютъ существующей конституціонной теоріи, но мы уже показали, какова цѣна этой теоріи по сравненію съ фактическими соотношеніями силъ. Но, разумѣется, г. ф. Гагеманнъ напрасно трудился, стараясь выдумать „юридическое" обоснованіе для идеи государственнаго переворота. Можно ему возразить слѣдующее:

Имперія существуетъ не только на основаніи договора государей между собою, но, съ точки зрѣнія государственнаго права, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ договоромъ между государями и народомъ, который представленъ рейхстагомъ. Имперская конституція не является исключительно дѣломъ государей, она установлена съ одобренія рейхстага и можетъ быть законно измѣнена или отмѣнена только съ его согласія. Государи не должны считать себя стоящими выше конституціи; они должны подчиняться конституціи, подобно всѣмъ другимъ гражданамъ, поскольку имъ не предоставлено особыхъ

правъ. Они не имѣютъ права самостоятельно отмѣнить конституцію. Введеніе къ имперской конституціи категорически отрицаетъ подобное право, ибо, согласно этому введенію, нѣмецкіе государи заключили „вѣчный союзъ“ „для защиты союзной территоріи и права, дѣйствующаго въ ея предѣлахъ“. Это дѣйствующее право требуетъ одобренія рейхстага для каждаго измѣненія закона или конституціи. Всякая попытка измѣнить конституціонный режимъ иными путями будетъ государственнымъ переворотомъ, революціей сверху.

Такъ гласитъ „дѣйствующее право“. Но въ Германіи не разъ уже конституціонные вопросы и конфликты рѣшались не на основаніи дѣйствующаго права, а согласно принципу „сила предшествуетъ праву“, когда монархической власти приходилось отстаивать свои интересы противъ народа и народнаго представительства. И всегда находились юристы-патріоты, которые не задумываясь опредѣлялись на службу къ партіи государственнаго переворота, съ горячимъ усердіемъ придумывали юридическое обоснованіе переворота и оправдывали явное нарушеніе права со стороны монархической власти. Впрочемъ, опытъ показываетъ, что если человѣкъ, обладающій для этого достаточнымъ могуществомъ, рѣшается на государственный переворотъ, то онъ не будетъ искать юридическаго оправданія для своего поступка.

Сила служитъ для него достаточнымъ оправданіемъ.

Исторія учитъ насъ тому, „что хотя и несомнѣнно, что право должно бы предшествовать силѣ, но въ дѣйствительности сила всегда предшествуетъ праву и до тѣхъ поръ предшествуетъ ему, пока право съ своей стороны не наберетъ достаточно силы, чтобы сломить силу безправія [1].

---

[1] Ф. Лассаль: Сила и право... Полное собр. соч.

Идея государственнаго переворота, которую Іагеманнъ пытается обосновать „юридически“, была уже коротко и ясно выражена въ консервативной „Крестовой газетѣ“, въ годичномъ обзорѣ, посвященномъ истекшему 1898 году (2 января 1899 г.): „Монархія Божіею милостію не уступила бы и антинаціональному большинству рейхстага, подобно тому, какъ она не уступила неразумному большинству прусской палаты депутатовъ въ тяжелые годы конфликтовъ 1862 — 1866 гг.“. „Вопреки волѣ народа, поскольку парламентъ является ея выразителемъ, монархія, подъ вліяніемъ безпримѣрно геніальныхъ совѣтниковъ, добилась побѣды національнаго дѣла; и въ будущемъ, если большинство опять окажется такъ слѣпо, она сумѣетъ предотвратить катастрофу; въ этомъ мы вполнѣ увѣрены“.

Но какъ бы ни относиться къ идеѣ Іагеманна о насильственномъ расторженіи имперіи союзными государями, во всякомъ случаѣ его воззрѣнія вполнѣ отвѣчаютъ духу издѣвающейся надъ правомъ заносчивой власти, къ которой вполнѣ открыто стремятся наши реакціонеры, ссылаясь на „монархическій авторитетъ“.

Этотъ теоретикъ государственнаго переворота встрѣтилъ поддержку со стороны нѣкоего „заграничнаго нѣмца“, пожелавшаго скрыть свое имя подъ анонимомъ; послѣдній написалъ сочиненіе, которое онъ называетъ „Книгой политическихъ реформъ“. Онъ считаетъ не только своимъ правомъ, но и своею обязанностью, въ качествѣ поборника монархической идеи переворота, преподать нѣмцамъ, живущимъ въ Германіи, слѣдующія „горькія истины“:

„Намъ приходится отсюда изъ-за границы наблюдать, какъ Германская имперія, вслѣдствіе внутренней розни, быстро приближается къ гибели, и мы твердо убѣждены, что лишь энергичное вмѣшательство со стороны призваннаго вождя Германіи императора, можетъ спасти имперію отъ распаденія“.

„Уже давно мы ощущаемъ какъ свѣжѣетъ „утренній вѣтерокъ государственнаго переворота“, который приносится съ нашей старой родины. Пусть скорѣе политическая буря разгонитъ зловонныя испаренія, въ которыхъ можетъ задохнуться нѣмецкій народъ, и очиститъ воздухъ для дальнѣйшаго политическаго прогресса! Очищающая гроза здоровѣе зловоннаго застоя!“

Затѣмъ онъ присоединяется къ теоріи Іагеманна о насильственномъ уничтоженіи конституціи и полагаетъ, что отъ центра будетъ зависѣть, осуществится ли эта теорія на практикѣ.

„Если центръ открыто и безъ заднихъ мыслей станетъ на національную точку зрѣнія и безъ замедленія согласится утвердить предположенія расходовъ, необходимыхъ для обезпеченія имперскихъ финансовъ, для усиленія войска и флота и для быстраго развитія колоній, тогда существующая имперская конституція въ существенныхъ чертахъ спасена, и центръ остается главнымъ факторомъ внутренней политики нѣмецкаго народа; если же центръ воспротивится хотя бы одной изъ намѣченныхъ реформъ, тогда императоръ Вильгельмъ II будетъ принужденъ все разнести въ дребезги, какъ онъ это еще недавно высказывалъ“.

Тогда императоръ и союзные государи скажутъ: „Отнынѣ, по взаимному соглашенію союзныхъ государствъ, имперская конституція должна считаться недѣйствительной, и мы постановили замѣнить ее новой конституціей, которая болѣе соотвѣтствуетъ кореннымъ свойствамъ нѣмецкаго народа (?!) и навсегда обезпечитъ его культурный прогрессъ и могущество“.

Нельзя придумать ничего глупѣе и фривольнѣе этого призыва къ государственному перевороту, обращеннаго непосредственно къ императору. И эти люди думаютъ, что они дѣйствуютъ въ интересахъ „монархическаго авторитета“!

6. Къ исторіи Гогенцоллернской династіи.

Предательство Гогенцоллерновъ по отношенію къ имперіи. — Возникновеніе прусскаго королевства. — Мечты нѣмецкаго либеральнаго бюргерства объ идеальной имперіи. — Одинъ изъ прусскихъ королей разрушаетъ эти мечты, отказываясь отъ предложенной ему короны изъ „грязи и глины". — Антинаціональныя заявленія прусскихъ квасныхъ патріотовъ. — Легенда о томъ, что Вильгельмъ I явился „творцомъ" новой Германской имперіи. — Взгляды императора Фридриха III на возникновеніе имперіи. — Противоположныя воззрѣнія Вильгельма II.

Мы заканчиваемъ эту главу изслѣдованіемъ, которое, по нашему мнѣнію, должно разрушить легенду о „національной миссіи" династіи Гогенцоллерновъ. Эта легенда, затемняющая историческую истину, создалась подъ вліяніемъ ошибокъ и сознательной подтасовки фактовъ. Нашему юношеству въ школахъ, а благонамѣренному бюргерству въ газетахъ проповѣдуютъ, что династія Гогенцоллерновъ, съ самаго своего основанія, всегда служила „принципу нѣмецкой національности". Это—исторически невѣрно. На самомъ дѣлѣ, возникновеніе дома Гогенцоллерновъ и его превращеніе въ могущественную династію является результатомъ политики, которая систематически становилась въ оппозицію къ имперіи. И если впослѣдствіи Гогенцоллерны добились наслѣдственнаго сана германскихъ императоровъ, послѣ побѣды 1870—71 г. нѣмецкой арміи надъ Франціей, то это не можетъ изгладить воспоминанія объ ихъ прежней политикѣ. Эта династія въ союзѣ съ Франціей стремилась къ ослабленію и разложенію Германской имперіи. Принимая въ разсчетъ всѣ обстоятельства дѣла, трезвая историческая критика склоняется къ тому, чтобы считать эту политику не только извинительной и объяснимой, но даже и необходимой. Несмотря на это, нельзя оспаривать, что многочисленные договоры, заключенные прусскими курфюрстами съ иностранными державами, вполнѣ подходятъ подъ понятіе государственной измѣны.

Бруно Бауэръ на основаніи документовъ доказалъ существованіе этого соглашенія.

Въ 1551 году братъ правящаго курфюрста Бранденбургскаго, маркграфъ Іоганнъ, заключилъ союзъ съ другими протестантскими князьями и французскимъ королемъ Генрихомъ II противъ императора Карла V.

Генрихъ II обѣщалъ свое содѣйствіе князьямъ, которые, въ свою очередь, признали за нимъ право на занятіе значительныхъ городовъ: Мецъ, Туль, Верденъ и Камбре. Такимъ образомъ совершился фактъ политическаго раскола Германіи.

Въ 1609 году протестантская „Унія“,—къ которой между прочимъ принадлежали маркграфы Христіанъ и Іоахимъ Эрнстъ Бранденбургскіе, а съ 3-го февраля 1610 г. также и курфюрстъ Іоганнъ Сигизмундъ Бранденбургскій,—въ споръ за такъ называемое юлихъ-клевское наслѣдство обратился за помощью къ французскому королю Генриху IV. Этотъ послѣдній послалъ деньги и войска, и такимъ образомъ „Унія“ завладѣла этими землями. Благодаря этому могущество дома Гогенцоллерновъ сильно возросло и въ западной Германіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ созданъ прецедентъ для вмѣшательства Франціи въ дѣла Германіи, что впослѣдствіи было точно установлено Вестфальскимъ миромъ.

21 іюля 1631 г. курфюрстъ Георгъ Вильгельмъ заключилъ формальный союзъ съ Густавомъ Адольфомъ Шведскимъ, союзникомъ Франціи, противъ главы Германской имперіи.

Благодаря вмѣшательству Франціи, 19-го октября 1648 года состоялось соглашеніе, въ силу котораго клевскія земли, принадлежавшія до сихъ поръ Гессену и Голландіи, перешли къ Фридриху Вильгельму Бранденбургскому.

Когда въ 1648 году, при заключеніи Вестфальскаго мирнаго договора, обсуждался вопросъ о вознагражденіи Бранденбурга за часть Помераніи, уступленной Швеціи, Франція высказалась въ пользу Бранденбурга.

Въ іюлѣ 1656 года курфюрстъ вступилъ въ соглашеніе съ Франціей, согласно которому ему были обезпечены субсудіи и гарантированы провинціи по Рейну и Везеру.

По смерти императора Фердинанда III въ 1658 г. курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ принималъ большое участіе въ осуществленіи задуманнаго французскимъ министромъ Мазарини органиченія свободы политической дѣятельности будущаго германскаго императора.

Три года спустя этотъ же самый курфюрстъ вступилъ въ „Рейнскій союзъ", который былъ заключенъ Франціей въ своихъ интересахъ со Швеціей и многочисленными имперскими чинами.

19 іюня 1679 г. состоялся тайный договоръ между Франціей и курфюрстомъ, по которому послѣднему были обезпечены субсидіи на много лѣтъ.

12 января 1682 г. Фридрихъ Вильгельмъ вступилъ въ союзъ съ Франціей, въ силу котораго она, оставляя за собой г. Страсбургъ, захваченный годъ тому назадъ, должна была однако отказаться отъ дальнѣйшаго „присоединенія" нѣмецкихъ областей. На этомъ базисѣ курфюрстъ долженъ былъ постараться укрѣпить миръ между Франціей и Германіей. Франція же платила субсидіи для поддержки бранденбургскаго войска.

Подобная политика, клонящаяся къ тому, чтобы ради интересовъ Гогенцоллерновъ расчленить и ослабить имперію, является ничѣмъ инымъ, какъ государственной измѣной.

Слѣдуетъ еще упомянуть о союзѣ, заключенномъ между Фридрихомъ II и Франціей по случаю войнъ за Шлезвигъ. Въ началѣ первой изъ этихъ войнъ Фридрихъ сказалъ французскому посланнику: „Мнѣ кажется, что я буду играть въ вашу руку, и въ случаѣ выигрыша мы подѣлимся".

И въ отношеніи къ Бонапарту въ 1802 и 1805 г. Прусское королевство точно такъ же жертвовало интересами Германіи.

Династія Гогенцоллерновъ добилась королевской короны благодаря политикѣ курфюрста Фридриха, имѣвшей своимъ источникомъ его болѣзненное честолюбіе. Королевскій титулъ онъ купилъ у императора, предоставивъ въ распоряженіе послѣдняго для войны съ Франціей сверхъ того числа, которое онъ долженъ былъ поставить, еще 8000 бранденбуржцевъ (въ общемъ около 14.000 человѣкъ). Кромѣ того онъ долженъ былъ во всѣхъ предстоящихъ имперскихъ выборахъ отдавать предпочтеніе дому Габсбурговъ, а также отказаться отъ самостоятельной внѣшней политики.

Хотя пріобрѣтеніе королевскаго титула представляло не что иное, какъ простую коммерческую операцію, тѣмъ не менѣе, по приказанію короля, въ день коронаціи—18 января 1701 г.—во всѣхъ церквахъ духовенство должно было произносить проповѣди на тему 21 и 22 ст. 89-гіо псалма: „Я обрѣлъ Давида раба моего; святымъ елеемъ Моимъ помазалъ его. Рука Моя пребудетъ съ нимъ и мышца моя укрѣпитъ его“.

Въ кенигсбергской дворцовой церкви высшіе придворные священнослужители Урсіусъ и ф. Занденъ, незадолго передъ этимъ посвященные въ санъ епископовъ, торжественно привѣтствовали короля и его супругу.

Ф. Занденъ сказалъ въ своей проповѣди, что нынѣ королевская чета предстала предъ лицомъ Бога и „Онъ осѣнитъ ее Святымъ Духомъ“. Короля онъ называлъ „отцомъ“, а королеву „матерью“ народа.

Религіозная санкція барышнической сдѣлки совершалась въ видѣ этой отвратительной поповской комедіи. Новый король очень охотно согласился подкрѣпить свои притязанія на высшую абсолютную власть ссылками на божественный авторитетъ. Онъ утверждалъ, что въ своемъ управленіи онъ отвѣтственъ лишь передъ однимъ Богомъ.

Политика прусской династіи, какъ передъ „освободительной войной“, такъ и послѣ нея, была направлена противъ принципа германской національности. Прежде всего она была враждебна всякой попыткѣ народа побудить ее къ выполненію той „національной миссіи“, носительницей которой ее считали. Въ 1849 году король безжалостно разрушилъ мечты либераловъ о новой Германской имперіи. 28-го марта 1849 года въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ на Майнѣ Національное собраніе завершило свою нелѣпую дѣятельность избраніемъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV наслѣдственнымъ германскимъ императоромъ. Депутація отъ Національнаго собранія съ предсѣдателемъ Симсономъ во главѣ отправилась въ Берлинъ сообщить королю объ его избраніи. Это избраніе было весьма непріятно германскимъ князьямъ. Король баварскій Максимиліанъ II написалъ своему двоюродному брату въ Берлинъ убѣдительнѣйшее увѣщаніе о томъ, что онъ не долженъ принять руки протянутой „демократіей“. Баварскій король могъ бы это увѣщаніе оставить при себѣ, такъ какъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этого Фридрихъ Вильгельмъ IV написалъ свое „знаменитое“ письмо въ Лондонъ другу своему Бунзену, который былъ ярымъ поклонникомъ наслѣдственной императорской короны. Онъ пишетъ:

„Я не хочу ни согласія князей на это избраніе, ни этой короны. Понятны Вамъ подчеркнутыя слова?

„Я хочу разъяснить Вамъ это какъ можно короче и какъ можно ярче. Эта корона, во-первыхъ, вовсе не корона. Корону, которую могъ бы принять Гогенцоллернъ, если бы обстоятельства это позволили, не можетъ быть дѣломъ рукъ собранія, хотя и признаннаго князьями, но выросшаго на почвѣ революціи; такая корона должна носить на себѣ печать Божію...

„Корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены и Габсбурги могъ бы надѣть на себя и Гогенцоллернъ, она принесла бы ему величайшую честь своимъ тысячелѣтнимъ блескомъ. Но та корона, которую вы, къ сожалѣнію, предлагаете, принесла бы величайшее безчестіе съ своимъ привкусомъ революціи 1848 года, этой отвратительнѣйшей, глупѣйшей и сквернѣйшей, хотя, благодареніе Богу, и не злѣйшей изъ революцій нынѣшняго столѣтія. И такую-то корону изъ глины и грязи Вы предлагаете надѣть законному королю пруссаковъ, котораго Богъ благословилъ носить, если не самую древнюю, то, во всякомъ случаѣ, самую благородную корону, никогда еще не попадавшую въ руки вора! Если тысячелѣтняя корона нѣмецкой націи должна быть снова кому-либо дарована, то лишь я и равные мнѣ могутъ ее даровать. И горе тому, кто присвоитъ себѣ то, что ему не принадлежитъ!“

Фридрихъ Вильгельмъ IV отвѣтилъ баварскому королю, что его пріемъ депутаціи заставитъ наконецъ германскихъ князей отказаться отъ ихъ недовѣрія. 3-го апрѣля депутація была принята королемъ со всѣмъ блескомъ придворной роскоши. Выслушавъ рѣчь Симсона, король отвѣтилъ, что онъ признаетъ въ постановленіи Національнаго собранія голосъ представителей нѣмецкаго народа (о коронѣ „изъ глины и грязи“!!). Этотъ призывъ даетъ ему право, которое онъ очень цѣнитъ. Но безъ свободнаго соглашенія нѣмецкихъ правительствъ онъ не можетъ принять рѣшеніе, которое должно имѣть столь важное значеніе для всѣхъ нѣмецкихъ государствъ; итакъ, правительствамъ нѣмецкихъ государствъ предстоитъ теперь, по взаимномъ обсужденіи, рѣшить, обезпечиваетъ ли конституція нѣмецкому народу благочестивое и сильное имперское правительство.

Этотъ образчикъ политическаго лицемѣрія достоинъ вниманія главнымъ образомъ вслѣдствіе при-

знанія „голоса народа“. Въ самомъ же дѣлѣ за избраніе прусскаго короля германскимъ императоромъ высказалось только 290 депутатовъ, 248 воздержалось отъ голосованія; изъ этого ясно, насколько это избраніе являлось добровольнымъ выраженімъ національной воли.

Условіе, поставленное Фридрихомъ Вильгельмомъ IV и заключавшееся въ пересмотрѣ конституціи нѣмецкими князьями, могло пониматься депутаціей какъ отказъ, какъ она это вполнѣ правильно высказала въ своемъ донесеніи прусскому министерству. Депутація возвратилась во Франкфуртъ, и мечты объ имперіи рушились. А прусскій принцъ, впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I, 26 мая 1849 г. писалъ графу Штильфриду: „Кто желаетъ управлять Германіей, долженъ сначала ее завоевать“. И одинъ изъ юнкеровъ, депутатъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ, впослѣдствіи министръ-президентъ и первый канцлеръ новой Германской имперіи, котораго легенда также обратила въ „героя національной идеи“, въ своей рѣчи въ прусскомъ сеймѣ, 6 сентября 1849 г., прославлялъ „коренное пруссачество“ въ слѣдующихъ словахъ:

„Насъ спасло именно коренное пруссачество, остатокъ исключительнаго прусскаго патріотизма, пережившаго революцію, прусская армія — сокровище Пруссіи, плоды долголѣтняго просвѣщеннаго управленія и живого взаимодѣйствія между королемъ и народомъ. Насъ спасла привязанность прусскаго населенія къ своей династіи и старыя прусскія добродѣтели: честь, вѣрность, послушаніе и храбрость, которыя воодушевляютъ всю армію, начиная съ ея остова, офицерства, и кончая самымъ молодымъ рекрутомъ. Армія не питаетъ трехцвѣтныхъ стремленій; въ ней, какъ и въ остальномъ прусскомъ населеніи, вы не найдете потребности національнаго возрожденія. Армія довольна прусскимъ именемъ, она гордится этимъ именемъ. Наши

войска идутъ не за трехцвѣтнымъ, а за черно-бѣлымъ знаменемъ и съ радостью умрутъ подъ нимъ за свое отечество. Съ трехцвѣтнымъ знаменемъ они познакомились 18 марта, какъ съ боевымъ знакомъ своихъ противниковъ... Народъ, изъ котораго вышла эта армія и истиннымъ представителемъ котораго она является, не ощущаетъ потребности въ томъ, чтобы Прусское королевство расплылось въ гниломъ броженіи южно-нѣмецкой распущенности".

Не пришлось долго ждать иллюстраціи этого возвеличенія квасного патріотизма. Въ 1849 г. въ Пруссіи началось господство дворцовой камарильи, вдохновляемой и поддерживаемой русскимъ самодержцемъ Николаемъ I, камарильи безпримѣрной во всемірной исторіи, единственной цѣлью которой было, сдѣлавъ Пруссію послушной слугой царизма, обезпечить себѣ власть для угнетенія народа. Пошингеръ [1] приводитъ документальныя свѣдѣнія о дѣятельности этой шайки. Камарилья поддерживала хорошо организованную систему шпіонства и подкуповъ. Ея главари состояли въ тайной перепискѣ съ петербургскимъ и вѣнскимъ дворами. Она дѣйствовала за спиной министра-президента ф. Мантейфеля и передавала петербургскому двору о всѣхъ дѣйствіяхъ и планахъ прусской дипломатіи. Въ 1853 г. царь носился съ планомъ возрожденія „Священнаго Союза". Въ Варшавѣ должно было произойти свиданіе царя съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ. Луи Шнейдеръ писалъ по этому поводу Мантейфелю:

„Главная цѣль та, чтобы три монарха, которые въ Европѣ считаются носителями консервативнаго принципа, наконецъ, свидѣлись и этимъ доказали, что принципіально они согласны между собой, хотя бы второстепенные пункты остались у нихъ не рѣ-

[1] Unter Friedrich Wilhelm IV. Denkwürdigkeit des Ministerpräsidenten Otto Freiherr v. Manteuffel. Herausgegeben von Heinrich v. Poschinger. Berlin 1901. Bd. II.

шенными. До тѣхъ поръ, пока три монарха, наслѣдовавшіе идею „Священнаго Союза", не доказали всѣмъ своей солидарности, революцію нельзя считать законченной".

Въ это время прусскій принцъ, котораго Леопольдъ ф. Герлахъ, бывшій довѣреннымъ лицомъ у короля и имѣвшій самое гибельное вліяніе на политику, окружилъ въ Кобленцѣ цѣлой системой шпіонства, написалъ Мантейфелю объ интригахъ камарильи: „И когда это все совершится, тогда будетъ ясенъ успѣхъ русскаго золота, которое проникаетъ до передней короля, и благодаря которому Пруссія перейдетъ въ русскій лагерь, вопреки общественному мнѣнію и интересамъ Пруссіи".

Николай I могъ не скрывать, что родственную своему дому династію Гогенцоллерновъ онъ считаетъ по отношенію къ Россіи вассальной династіей. И прусское юнкерство было весьма довольно этимъ вмѣшательствомъ царя въ дѣла Пруссіи и Германіи. Оно даже прославляло его какъ „призваннаго посредника", а „Крестовая газета" называла его „спасителемъ отечества". Лишь со смертью царя (1855) прекратились безчинства камарильи. Цѣлыхъ 6 лѣтъ она держала прусское королевство въ подчиненіи у Россіи.

Пруссія энергично проводила, провозглашенный въ 1849 г. Бисмаркомъ принципъ, что она есть исключительно прусское королевство, въ противоположность идеѣ національнаго единства.

Когда лидеръ либерализма Рудольфъ ф. Беннигсенъ, Шульце-Деличъ и др. основали въ 1859 г. „Нѣмецкій Національный Союзъ" съ цѣлью борьбы за объединеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи (исключая Австрію), это движеніе, какъ и стремленія къ объединенію Италіи, почти во всѣхъ германскихъ государствахъ подверглось преслѣдованію. Въ особенности прусскій консерватизмъ, въ лицѣ юнкерства, видѣлъ въ членахъ союза „опасныхъ революціонеровъ", „сторонниковъ переворота",

„заклятыхъ враговъ трона, алтаря и всего установленнаго Богомъ государственнаго порядка". Вожди юнкерства собрались въ Берлинѣ для учрежденія „прусскаго народнаго союза"; они поносили безбожную демократію и ея идею единства и провозгласили слѣдующій девизъ: „Долой похитителей короны и національныхъ шарлатановъ". Прусскіе консерваторы преподнесли почетный серебряный щитъ неаполитанскому королю, низложенному въ интересахъ единства Италіи; считалось измѣной отечеству думать, что Пруссія склонна признать итальянское королевство. Господинъ фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ тѣмъ временемъ проводилъ свою политику „крови и желѣза" ради увеличенія могущества династіи Гогенцоллерновъ. Изъ Петербурга онъ писалъ своимъ политическимъ друзьямъ, что онъ не понимаетъ, какъ они могутъ сочувствовать безбожнымъ бреднямъ о суверенитетѣ каждаго мелкаго государя. Вскорѣ онъ лишилъ трона тѣхъ князей, которые основывали свой суверенитетъ на „божественномъ правѣ" точно такъ же, какъ и Гогенцоллерны; это дало поводъ нѣкоторымъ ультра-консерваторамъ, какъ напримѣръ, Герлахъ, называть его революціонеромъ. Но если Бисмаркъ и разрушилъ въ интересахъ династіи Гогенцоллерновъ „безбожныя" и „беззаконныя бредни о суверенитетѣ", то все-таки онъ не сдѣлался сторонникомъ объединенія Германіи. Онъ остался заядлымъ пруссакомъ.

Когда, въ началѣ 1862 года, въ одной изъ комиссій прусской палаты депутатовъ былъ поднятъ „германскій вопросъ", прогрессистское большинство, согласно съ программой Національнаго союза и вновь образовавшейся прогрессистской партіи, потребовало: во-первыхъ, отдѣльнаго договора съ Австріей, которая, вслѣдствіе своего ненѣмецкаго населенія, не можетъ войти въ составъ союзнаго государства. Во-вторыхъ, во главѣ нѣмецкихъ го-

сударствъ должна стоять Пруссія, какъ центральная власть союзнаго государства, которое должно имѣть общую дипломатію, войско и торговую политику. Въ-третьихъ, Пруссія, опираясь на правительства нѣмецкой націи, должна открыто объявить цѣлью своихъ стремленій организацію союзнаго государства и установленіе германскаго народнаго представительства. Правительственный коммиссаръ сухо заявилъ, что все это ни по формѣ, ни по содержанію не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ правительства. Совершенно вѣрно, ибо оно всегда стремилось къ возвышенію Пруссіи, но никакъ не къ единству Германіи. Точно также утвержденіе, будто задачей прусской политики при королѣ Вильгельмѣ было основаніе новой Германской имперіи, совершенно не соотвѣтствуетъ исторической истинѣ. Вильгельмъ II часто высказывалъ совершенно ошибочные взгляды на возникновеніе новой Германской имперіи. Такъ, въ рѣчи, произнесенной 19-го іюня 1902 г. въ ратушѣ г. Аахена, подвергнувъ критикѣ Римскую имперію нѣмецкой націи, онъ сказалъ: „Теперь же возникла новая имперія, у нѣмецкаго народа снова есть императоръ, корона завоевана на полѣ битвы съ мечемъ въ рукѣ, и императорское знамя снова развѣвается высоко въ небѣ. То благоговѣніе и та любовь, какую нѣмецкій народъ всегда питалъ къ монархической идеѣ и императорской власти, дали жизнь новой имперіи".

Кромѣ того, 26-го февраля 1897 г. въ рѣчи, произнесенной за обѣдомъ на Бранденбургскомъ провинціальномъ ландтагѣ, онъ заявилъ, что дѣло основанія Германской имперіи всецѣло принадлежитъ его дѣду, Вильгельму I. По сообщеніямъ прессы, которыя остались безъ опроверженія, онъ сказалъ слѣдующее:

„Старая Германская имперія подвергалась преслѣдованіямъ со всѣхъ сторонъ,—извнѣ на нее нападали сосѣди, внутри она раздиралась партійными

раздорами. Единственнымъ императоромъ, которому до нѣкоторой степени удалось объединить свою страну, былъ императоръ Фридрихъ Барбаросса. И нѣмецкій народъ благодаренъ ему до сихъ поръ. Съ тѣхъ поръ наше отечество распалось и казалось, что ужъ никогда не явится человѣкъ, который будетъ въ состояніи связать его въ нѣчто единое. Провидѣнію угодно было дать намъ его въ лицѣ государя, котораго мы можемъ привѣтствовать, какъ перваго великаго императора новой Германской имперіи. Мы можемъ прослѣдить ходъ его развитія до той поры, когда вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ, близкимъ къ старости онъ былъ призванъ къ дѣлу возстановленія имперіи, къ которому онъ готовился въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Мы видимъ, какъ сначала онъ создаетъ войска, и лучшіе изъ крестьянъ выстраиваются въ могучіе блестяще вооруженные полки; мы видимъ какъ мало-по-малу Бранденбургъ-Пруссіи удается завоевать руководящую роль въ Германіи. И когда все это было достигнуто, онъ обратился ко всей Германіи и на полѣ сраженія заставилъ прежнихъ противниковъ примириться".

Для того, чтобы доказать, насколько ошибочны эти взгляды Вильгельма II, слѣдуетъ обратиться къ показаніямъ его собственнаго отца, Фридриха III. Онъ прослѣдилъ ходъ событій, приведшихъ къ основанію имперіи, находясь въ ближайшемъ отношеніи къ нимъ и принимая даже самъ въ нихъ участіе. Сообщенія обо всемъ этомъ мы находимъ въ дневникѣ, за частичное опубликованіе котораго его издатель, тайный совѣтникъ Геффкенъ, едва не былъ обвиненъ Бисмаркомъ въ государственной измѣнѣ.

Подъ датой 23-го августа 1870 года у Фридриха записано, что онъ лишь съ большимъ трудомъ добился отъ короля, чтобы желѣзный крестъ жаловался также и не пруссакамъ; это показы-

ваетъ, до какой степени Вильгельму I было чуждо понятіе о національно-нѣмецкомъ.

Далѣе, 30-го сентября онъ пишетъ: „Я бесѣдовалъ съ его Величествомъ по вопросу объ имперіи, который стоитъ на очереди (т. е. онъ былъ поднятъ въ Германіи такъ называемыми національно-настроенными партіями); по мнѣнію короля, онъ не имѣетъ никакого значенія. Ссылаясь на дю-Буа Реймона, король утверждалъ, что имперіализмъ окончательно поверженъ, такъ что въ Германіи въ будущемъ лишь прусскій король можетъ быть военачальникомъ нѣмцевъ. На это я возразилъ, что три короля заставляютъ насъ добиваться главенства пріобрѣтеніемъ императорскаго достоинства, что тысячелѣтняя императорская или королевская корона не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ имперіализмомъ; въ концѣ концовъ онъ сталъ понемногу соглашаться".

Въ воскресенье, 18-го декабря 1870 г., въ Версалѣ должна была быть принята депутація отъ рейхстага съ адресомъ, въ которомъ король Вильгельмъ привѣтствовался, какъ императоръ. Король придавалъ этому пріему такъ мало значенія, что былъ весьма изумленъ, когда кронпринцъ передалъ ему, что князья и генералы просятъ разрѣшенія присутствовать на пріемѣ депутаціи. Король отвѣтилъ, что,

„если это доставитъ кому-нибудь удовольствіе, то со своей стороны онъ ничего не имѣетъ противъ. Такимъ образомъ они всѣ явились къ удивленію короля; недоставало лишь Леопольда. Въ послѣднюю минуту были приглашены также и королевскіе адъютанты".

12-го января императоръ Фридрихъ пишетъ:

„Я обратилъ вниманіе короля на то, что слѣдуетъ выслушать Шлейница по вопросу объ императорѣ и имперіи. Онъ отвѣтилъ, что считаетъ власть императора ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣ-

ненной властью президента союза и охотнѣе всего желалъ бы называться прусскимъ королемъ, выборнымъ германскимъ императоромъ; я же считалъ бы это оскорбленіемъ для князей и народа".

17-го января 1871 г., въ день провозглашенія имперіи, Фридрихъ пишетъ:

„Объ имперскихъ цвѣтахъ долго думать не приходится; они, по выраженію короля, возникли не изъ уличной грязи. Но онъ будетъ терпѣть имперскую кокарду только рядомъ съ прусской; о предположеніи, что войско будетъ имперскимъ, онъ и слышать не хотѣлъ, флотъ же можетъ называться имперскимъ; всѣ видѣли, какъ тяжело ему было проститься со старой Пруссіей, къ которой онъ былъ такъ привязанъ. Когда я ему указалъ на исторію нашей династіи, какъ отъ званія бургграфа мы возвысились сначала до курфюршескаго, а затѣмъ до королевскаго званія, какъ Фридрихъ I, получивъ лишь призрачную королевскую власть, сдѣлалъ ее однако могущественной, какъ, наконецъ, мы добились императорскаго достоинства, король мнѣ на это возразилъ: „Мой сынъ всей душой преданъ новому порядку вещей, тогда какъ я совершенно къ нему равнодушенъ и привязанъ лишь къ Пруссіи".

Дневникъ Фридриха содержитъ очень интересныя сообщенія о томъ, что не только король Вильгельмъ, но также и Бисмаркъ лишь послѣ долгаго сопротивленія дали свое согласіе на установленіе современнаго государственнаго устройства Германіи. Несомнѣнно, что никто изъ лицъ, стоящихъ у правленія, а всего менѣе король Вильгельмъ въ началѣ войны 1871 года желалъ и даже вообще думалъ о томъ, что принесъ съ собой 1871 годъ.

Глава VII.

Соціальная монархія.

1. Идея патріархальнаго деспотизма.

Происхожденіе идеи. — Патріархальная монархія на востокѣ. — Программа соціально-монархическихъ реформъ Конфуція. — Идея соціальной монархіи и попытки ея осуществленія у еврейскаго народа. — Царство Божіе Исаіи. — Сказаніе о соціальной монархіи въ древнемъ Римѣ. — Римскіе патриціи разыгрываютъ соціальную республику. — Цезаристскій соціализмъ. — Идея патріархальнаго деспотизма въ поэзіи. — Соціально-монархическое государство инковъ. — Народъ требуетъ хлѣба у отца отечества.

Мы видѣли, что монархизмъ приписываетъ себѣ божественное происхожденіе, и это является общей чертой монархизма всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Изъ этого естественно вытекаетъ представленіе о монархѣ, какъ объ избранникѣ всемогущаго Божества — „отцѣ народа“, который призванъ отечески заботиться о народѣ. Таково представленіе объ идеальномъ патріархальномъ деспотизмѣ, который нигдѣ и никогда не былъ осуществленъ и прообразомъ котораго обыкновенно считалось положеніе отца въ семействѣ. Несомнѣнно, что источникомъ этой идеи было обожествленіе монархической власти. Прослѣдивъ исторію Востока до глубокой древности, мы находимъ идею установленной Божествомъ царской власти, отеческой или материнской, такъ какъ въ древнія времена были и царицы[1]. Но, безъ сомнѣнія, дѣй-

[1] Гольцендорфъ (Holzendorff. Handbuch des Völkerrechts I Bd. S. 168) замѣчаетъ: Признаніе за женщинами права престолонаслѣдія въ древнѣйшія времена указываетъ на преобладающія мирныя черты народнаго характера. Воинственные народы отвергали господство женщинъ. Но нерѣдко случалось, какъ напримѣръ въ Египтѣ, что женщины приглашались въ качествѣ правительницъ или соправительницъ.

ствительное отношеніе правящей власти къ массамъ народа никогда не соотвѣтствовало естественному содержанію отеческаго и материнскаго попеченія правителей. Они считали необходимымъ изъ религіозныхъ и политическихъ соображеній держать массы въ нищетѣ и угнетеніи.

Переносить понятіе отцовскаго права на царскую власть уже по одному тому нелѣпо, что это право ограничено по самой своей сущности. Оно дѣйствуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока дѣти несовершеннолѣтни; съ наступленіемъ же совершеннолѣтія это право теряетъ свою силу, и дѣти становятся независимыми отъ воли отца. Напротивъ того, народъ, подчиненный своему государю, никогда не долженъ получить самостоятельности, права на самоопредѣленіе; по отношенію къ своему повелителю онъ никогда не можетъ сдѣлаться совершеннолѣтнимъ и вѣчно долженъ оставаться неправоспособной массой, нуждающейся въ опекѣ, руководствѣ и управленіи.

Въ Индіи мы такъ же, какъ и въ Египтѣ, находимъ идею отеческой власти царя. Господство монарха регулировалось законами Ману [1], „божественнымъ откровеніемъ“, которое, подобно Библіи и Корану, установило верховную власть браминовъ. Царь долженъ управлять „по справедливости“ съ помощью, т. е. по указаніямъ, браминовъ. Онъ являлся собственникомъ всей земли. Законъ давалъ ему право требовать $^1/_4$ земельныхъ доходовъ въ видѣ дани. Нѣкоторыя торговыя статьи принадлежали ему полностью, доходы же отъ горнаго дѣла и добыванія драгоцѣнныхъ камней на половину. Сверхъ того ремесленники, крестьяне и поденщики обязаны были вносить опредѣленную подушную подать и исполнять опредѣленную барщину. Одни лишь брамины были освобождены отъ подати; согласно

[1] Johäntgen. Das Gesetzbuch des Manu. Berlin 1863.

закону, царь не могъ взимать съ нихъ никакихъ податей, хотя бы онъ умиралъ съ голода, ибо они уже заплатили свою шестую часть молитвами, возносимыми за царя, — теорія, которую усвоило себѣ и „христіанство“ [1]. Въ законахъ Ману царямъ даются слѣдующія указанія: „Не слѣдуетъ взыскивать подати сразу, но должно поступать подобно дереву или піявкѣ, которыя лишь мало-по-малу высасываютъ свою пищу, ибо народъ подобенъ кунжутному зерну, изъ котораго получается масло лишь посредствомъ выдавливанія и выжиганія“. Кромѣ того надъ индійскимъ народомъ тяготѣло проклятіе кастоваго строя. Рабочій по „повелѣнію Божьему“ долженъ былъ вѣчно оставаться въ положеніи раба и не имѣлъ возможности выйти изъ него; точно также онъ не имѣлъ права на какую бы то ни было собственность. „Уже самое имя ихъ (судра) выражаетъ презрѣніе“,—возвѣщаетъ законъ. Изъ этого можно заключать о характерѣ этой отеческой власти царя.

Ученіе буддизма о всеобщемъ равенствѣ и любви въ теченіе столѣтій боролось съ этой системой, но не могло одолѣть ее. Въ буддійскихъ Сутрахъ [2] между прочими горькими жалобами на развращенность жизни мы находимъ слѣдующее: „Если бы какой-нибудь царь завоевалъ всю землю до океана, то онъ ненасытно стремился бы покорить и то, что находится по ту сторону океана... Государи, властвующіе надъ царствами, богатые сокровищами и имуществомъ, направляютъ свою жадность другъ противъ друга. И когда они, охваченные алчностью и страстями, безпокойно предаются своимъ суетнымъ стремленіямъ, кто можетъ

[1] Характерно объясненіе, данное архіепископомъ Зейсомъ, когда въ 1641 г. Ришелье потребовалъ 6 милліоновъ франковъ у французскаго духовенства: „По старинному обычаю церкви, во времена ея расцвѣта, народъ несъ на алтарь отечества свое имущество, дворянство — свою кровь, а духовенство — свои молитвы.

[2] Oldenberg: Buddha. Sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde Berlin 1881. S. 66. ff.

быть тогда увѣренъ въ своей безопасности?“ Въ древнѣйшей исторіи Китая мы находимъ, близкое къ обоготворенію, прославленіе императора, „священнаго сына неба и отца народовъ“, который, будучи поставленъ Провидѣніемъ, уже въ силу этого является почти непогрѣшимымъ существомъ. По древнему обычному праву, императоръ считался собственникомъ всей земли и получалъ съ нея подать натурой и деньгами, пока, наконецъ, отдѣльные роды не объявили занятую и обрабатываемую ими землю своей частной собственностью.

До настоящаго времени земледѣліе составляетъ главнѣйшее занятіе китайскаго народа. По свидѣтельству китайскихъ хроникъ, императоры, желая побудить народъ къ занятію земледѣліемъ, сама обработывали поля. Отеческое право императора опиралось главнымъ образомъ на это основаніе. Древніе китайскіе философы увѣщевали императоровъ, чтобы, вслѣдствіе ихъ несправедливаго управленія, они не лишились славнаго титула „отца народа“ Лоо-тзе говоритъ: „Должно управлять разумомъ и любовью, а не угнетеніемъ и военной тираніей. И если народъ впадетъ въ нужду и вслѣдствіе этого возстанетъ, — это будетъ вина правителя“. Конфуцій считалъ, что соціальное благополучіе при отеческомъ управленіи можетъ быть построено на основахъ морали, согласно слѣдующему ученію: „Будьте человѣчны и любите всѣхъ людей безъ различія. Будьте справедливы, чтобы каждый получалъ то, что ему слѣдуетъ“. Императора онъ называетъ „замѣстителемъ неба на землѣ“, которому предназначено осчастливить человѣчество. Конфуцій даетъ императору слѣдующія наставленія:

„Великій государь долженъ любить своихъ подданныхъ, помогать имъ честно зарабатывать свое пропитаніе, сдѣлать ихъ довольными своей участью для того, чтобы они считали за счастье быть подъ его властью... „Начни съ уменьшенія налоговъ и

оставь только тѣ, необходимость которыхъ признается всѣми. Не обременяй народъ работами". Это былъ родъ соціально-монархической реформы, авторъ которой попытался придать ей силу слѣдующимъ образомъ: онъ заставилъ богатыхъ ростовщиковъ отдать часть своихъ богатствъ въ государственную кассу и такимъ образомъ „возвратить народу то, что было у него украдено", такъ какъ такое богатство не могло явиться результатомъ личнаго честнаго труда.

Китайская исторія повѣствуетъ о нѣсколькихъ императорахъ, которые будто-бы искренно стремились провести въ жизнь ученіе Конфуція и осуществить идею „соціальной монархіи". Это имъ не удалось, такъ какъ могущество крупной собственности было сильнѣе ихъ.

Обратимся къ евреямъ, древнимъ израильтянамъ, у которыхъ очень рано обнаружились острые соціальные конфликты. Главнымъ владыкой всей земли считался Богъ—Іегова [1]. При завоеваніи „обѣтованной земли", когда у израиля еще не было ни духовной, ни военной аристократіи,земля была раздѣлена между 12 колѣнами, которыя въ свою очередь раздѣлили ее отдѣльнымъ семействамъ. Земледѣліе являлось единственной основой хозяйственной жизни народа; ремесленники удовлетворяли лишь самыя простыя домашнія потребности. Но съ возникновеніемъ торговли, къ занятію которой всѣ цари, начиная съ Соломона, побуждали своимъ примѣромъ, хозяйство свободнаго крестьянина пришло въ упадокъ. Появился классъ эксплоататоровъ — богачей. „Богатый дѣлался все богаче, благодаря прилежанію бѣдныхъ; для увеличенія своего богатства онъ умножалъ число рабовъ ... Работа многихъ людей шла на пользу ему одному, и поэтому онъ рѣшилъ, что эти люди существуютъ ради

[1] 3. Моисей, 25: „Земля принадлежитъ мнѣ, сказалъ Господь".

него [1]. Появились латифундіи, и крестьяне стали крѣпостными или оброчными арендаторами. Такимъ образомъ возникъ соціальный вопросъ. Онъ играетъ большую роль въ жалобахъ и обличеніяхъ пророковъ, особенно Исаіи; на это указываетъ Новакъ въ своихъ изслѣдованіяхъ соціальной проблемы Израиля. Эксплоатація и притѣсненіе бѣдныхъ богатыми и насилія надъ правомъ привели къ тому, что „право обратилось въ желчь, а справедливость въ полынь"; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этого была классовая борьба.

Движеніе въ пользу соціальныхъ реформъ ведетъ свое начало отъ стариннаго законодательства, согласно которому бѣдные должны были воспользоваться защитой и помощью. Со временъ Исаіи развивается соціальная программа, завершеніемъ которой „является идея соціальной монархіи". Въ концѣ седьмого столѣтія до Р. Х. партіи реформъ удалось склонить на свою сторону молодого царя Іоссію. Грозныя пророчества сбылись—произошли событія, предвѣщанныя, какъ неизбѣжный результатъ соціальныхъ бѣдствій, соціальными пророками, которые во всѣ времена являлись людьми наиболѣе проницательными и правильно мыслящими. Сущность пророческаго дара состояла въ томъ, чтобы на основаніи прошлаго и настоящаго правильно познавать будущее государства или вообще человѣческаго общества, чтобы, исходя изъ существующаго положенія вещей въ государствѣ, съ увѣренностью заключать о будущемъ, о растущемъ разложеніи добрыхъ нравовъ, о все увеличивающихся народныхъ бѣдствіяхъ. Исаія требовалъ „могущественнаго и справедливаго царя", который создалъ бы право для слабыхъ и уничтожилъ бы своимъ судомъ всѣхъ преступниковъ и насильниковъ; тогда ягненокъ не будетъ бояться волка, воцарится все-

[1] Schiller. Etwas über die erste Menschengesellschaft nach dem Leitfaden der mosaischen Urkunde.

общая безопасность и довѣріе. Несчастные снова возрадуются, и бѣдные станутъ довольными, если тираны будутъ уничтожены... Глупца не будутъ называть государемъ, а скупого господиномъ". Пророческая партія предназначила Іоссіи быть „могущественнымъ и справедливымъ царемъ". Онъ призналъ „Второзаконіе", deuteronomium, какъ называли греческіе переводчики пятую книгу Моисея, которая была открыта въ 621 году при Іоссіи и представляла изъ себя народное законодательство израиля.

Главнѣйшія постановленія „Второзаконія" слѣдующія: запрещается брать процентъ на капиталъ съ соотечественниковъ. Залоговое право было ограничено тѣмъ, что не могли быть закладываемы предметы первой необходимости. По истеченіи 7 лѣтъ отданный въ рабство за долги отпускался на волю, при чемъ заимодавецъ снабжалъ его всѣмъ необходимымъ для того, чтобы онъ не впалъ тотчасъ же снова въ нищету, ибо „между вами не должно быть нищихъ". Каждый седьмой годъ былъ „годомъ прощенія", въ продолженіе котораго никто не смѣлъ требовать долговъ: „Прощай ближнему твоему то, что онъ тебѣ долженъ". Другіе законы обязывали ежедневно уплачивать поденщику, „чтобы онъ не возопилъ на тебя Господу, и не было на тебѣ грѣха". Далѣе законы предписываютъ милосердіе ко всѣмъ безпомощнымъ и слабымъ: „Ибо нищіе всегда будутъ среди земли твоей; потому я повелѣваю тебѣ: отверзай руку твою брату твоему, бѣдному твоему и нищему твоему на землѣ твоей". Въ каждый третій годъ израильтяне должны были удѣлять десятую часть доходовъ для того, чтобы левиты (обѣднѣвшіе священники), вдовы, сироты и чужестранцы не были голодны.

Мы не будемъ изслѣдовать, могла ли эта программа соціальныхъ реформъ имѣть какое-нибудь значеніе, если бы она и осуществилась. Проведеніе ея возлагалось на „могущественнаго и справедли-

ваго царя". Но господствующія сословія нельзя было заставить подчиниться этимъ постановленіямъ. Реформа разбилась объ ихъ сопротивленіе. Молодому властителю, желавшему быть „царемъ бѣдныхъ", не удалось добиться успѣха. „Божіе царство" Исаіи такъ и осталось мечтой, бѣдствія же въ израильскомъ народѣ все возростали.

Древній Римъ (насколько вообще можно вѣрить преданію) также имѣлъ свою „соціальную монархію" и также пытался исцѣлиться отъ тяжкихъ соціальныхъ недуговъ и не былъ въ состояніи это сдѣлать. Второй изъ выборныхъ царей, Нума Помпилій, одинъ изъ тѣхъ трехъ царей, которые, по свидѣтельству Ливія, были по происхожденію плебеями, поставилъ своей задачей уничтоженіе возникшихъ соціальныхъ противорѣчій. Идея божественнаго права,—представленіе о томъ, что божество предписываетъ людямъ законы черезъ непосредственное откровеніе,—не была чужда римлянамъ тѣхъ временъ, какъ это видно изъ повѣствованія о нимфѣ Эгеріи, которая, по повелѣнію боговъ, возвела Нуму на царскій престолъ. Пельманнъ [1] называетъ этого царя „этическимъ соціалистомъ на римскомъ тронѣ". Согласно указаніямъ боговъ, онъ долженъ былъ обезпечить бѣдныхъ гражданъ имуществомъ, домомъ и полемъ и вмѣстѣ съ бѣдностью уничтожить побужденіе къ несправедливости. То же сообщаетъ греческій историкъ Діонисъ изъ Галикарнаса о третьемъ царѣ, Туллѣ Гостиліи, а также о предпослѣднемъ царѣ, Сервіи Тулліи. Этотъ послѣдній признаетъ слѣдующія положенія: вся земля, которая пріобрѣтена гражданами цѣною ихъ крови, должна достаться не безсовѣстнымъ людямъ, но тѣмъ, которые не имѣютъ собственнаго поля. Неимущіе римскіе граждане должны были надѣляться землей, отнятой у побѣжденныхъ сосѣднихъ общинъ

[1] Pöhlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. München 1893. Bd. I.

и объявленной государственной собственностью (ager publicus) „для того, чтобы свободные люди не сдѣлались слугами другихъ, не обрабатывали въ потѣ лица своего чужую землю, но работали на собственныхъ поляхъ“. Кто не обладаетъ самымъ необходимымъ для повседневной жизни, тотъ не можетъ быть названъ свободнымъ гражданиномъ. Подобное состояніе не соотвѣтствуетъ принципу свободы и братства, тѣмъ болѣе, что богатые люди въ своемъ высокомѣріи заходили такъ далеко, что бѣдныхъ не считали за свободныхъ людей и полноправныхъ гражданъ.

Вопросъ о томъ, насколько вышеизложенное соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, не представляетъ особой важности; важно установить, что соціальный вопросъ въ древнемъ Римѣ съ самыхъ раннихъ временъ сконцентрировался на землевладѣніи; опыты реформъ не внесли никакихъ улучшеній въ существующій порядокъ вещей; крушеніе „соціальной монархіи“, какъ и монархіи вообще, исходило отъ патриціевъ, которые теперь разыгрывали „соціальную республику“. Они склонили плебеевъ къ участію въ переворотѣ тѣмъ, что согласились произвести раздѣлъ казенныхъ земель между бѣднѣйшими гражданами. Безпрерывныя гражданскія войны, съ одной стороны, и неисцѣлимое соціальное разложеніе, съ другой, довели Римъ до цезаризма, который при случаѣ также производилъ опыты соціальныхъ реформъ. Посредствомъ раздѣла земель Цезарь подготовилъ паденіе республики. Этими средствами, а также ограниченіемъ права освобожденія рабовъ, борьбой съ ростовщичествомъ, основаніемъ колоній, учрежденіемъ фонда попеченія о бѣдныхъ и т. под. императоры пытались бороться съ соціальными бѣдствіями. Но все было напрасно, и цезаризмъ скоро дошелъ до вѣнца своей мудрости: „Panem et circenses“—хлѣба и зрѣлищъ для голоднаго и развращеннаго, такъ же,

какъ и господствующіе классы, пролетаріата. Его кормили и забавляли на государственный счетъ изъ страха, что онъ разрушитъ государственный „порядокъ".

Затѣмъ явилось христіанство и „христіанское государство". Въ его ученіи заключалась идея справедливаго соціальняго устройства. По ученіямъ церкви, монархія должна была представлять изъ себя „соціальную монархію". Она никогда и нигдѣ не была осуществлена; она не могла быть соціальной, ибо ея собственные интересы предполагали угнетеніе, нищету и бѣдствія народа.

Гердеръ въ своемъ стихотвореніи „Знаменитыя имена" рисуетъ идеальнаго патріархальнаго деспота, который является отцомъ своего народа и защитникомъ угнетенныхъ. Рикертъ въ стихотвореніи „Избавленіе отъ голода" описываетъ, какъ персидскій царь, когда въ странѣ появился голодъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы богачи того города, въ которомъ умретъ отъ голода хотя бы одинъ бѣднякъ, были заключены въ темницу и подверглись тамъ голодной смерти. Это привело къ тому, что въ цѣлой странѣ не было ни одного случая голодной смерти.

Таково было патріархальное правительство въ его совершенномъ видѣ, распоряжающееся по произволу жизнью и имуществомъ подданныхъ, въ цѣляхъ устраненія соціальной несправедливости; безъ сомнѣнія, въ исторіи восточнаго деспотизма изрѣдка встрѣчаются образцы подобныхъ правительствъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ соціально-монархическаго государственнаго строя, основаннаго на началахъ патріархальнаго деспотизма, является государство инковъ въ Перу въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застали испанскіе завоеватели въ XII в. Вѣроятно, династія инковъ возникла въ половинѣ XII в.

Мы уже въ другомъ мѣстѣ (Гл. III, I) упоминали о томъ, что инки (это слово означаетъ госпо-

динъ) основывали свои права на своемъ сверхчеловѣческомъ происхожденіи, въ качествѣ „дѣтей солнца“ и на этомъ допущеніи строили свою абсолютную, божественную власть надъ страною и людьми; практически власть инковъ проявлялась въ осуществленіи принциповъ государственнаго соціализма на почвѣ теократической абсолютной монархіи. Государство инковъ характеризуется исключительно земледѣльческой культурой, которая не признавала частной собственности на землю. Всѣ земли, годныя для обработки, были раздѣлены на три части. Одна часть была предоставлена народу въ непосредственное пользованіе, при чемъ на каждаго человѣка приходился опредѣленный участокъ плодороднаго маисоваго поля. Для каждаго главы семейства былъ установленъ нормальный участокъ, къ которому присоединялись дополнительные надѣлы по числу членовъ семьи. Вся прочая земля составляла собственность государства: половина предоставлялась въ непосредственное распоряженіе Инка, а другая половина носила названіе „земли солнца“.

Запасы, собранные на государственной землѣ (которые, по свидѣтельству испанцевъ, были чрезвычайно велики), складывались въ магазины, а въ случаѣ нужды цѣликомъ употреблялись для поддержанія населенія, ибо „все должно было служить сохраненію народа“. Каждый годъ происходили передѣлы земли, при чемъ участки отдѣльныхъ лицъ увеличивались или уменьшались въ зависимости отъ состава семьи. Вмѣсто налога подданные должны были производить для государства различныя работы. Они должны были воздѣлывать кромѣ своей земли также и государственную, сверхъ того на нихъ возлагалась переработка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, работы въ рудникахъ и выдѣлка различныхъ предметовъ потребленія. Всеобщая трудовая повинность была строго урегулиро-

вана. Эту повинность несли въ полной мѣрѣ мужчины въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ, а также и ихъ жены. Старики исполняли болѣе легкія работы. Свободными отъ тяжелыхъ работъ были члены касты инковъ, священники, высшіе чиновники, солдаты, кромѣ того незамужнія женщины, вдовы, больные и слабосильные. Самый выдающійся историкъ династіи Инковъ, Гарсильяссо, увѣряетъ что работа на государство занимала не болѣе четверти всего рабочаго времени, употребляемаго на земледѣліе, такъ что эта трудовая повинность являлась гуманнымъ учрежденіемъ. Прескоттъ цитируетъ слѣдующія слова Сарміенто: „Работа въ рудникахъ была такъ организована, что она ни для кого не была обременительна или вредна“. Понятно, что правительство инковъ смотрѣло на лѣность, какъ на преступленіе противъ государства.

Эта система государственнаго соціализма со своей всеобъемлющей іерархіей чиновниковъ исключала всякую возможность соціальнаго и политическаго прогресса; она была разсчитана на то, чтобы, во-первыхъ, сдѣлать невозможнымъ всякое измѣненіе существующихъ учрежденій и быта, во-вторыхъ, чтобы заставить народъ преклоняться передъ существующимъ порядкомъ вещей, какъ передъ чѣмъ-то неизмѣннымъ и, наконецъ, чтобы обезпечить правительству право неограниченной опеки надъ подданными. Народъ долженъ былъ возмѣщать всѣ расходы правительства своимъ личнымъ трудомъ, какъ мы это уже говорили. Правители издавали законы, которыми регулировались поведеніе и жизнь подданныхъ до мельчайшихъ подробностей. Народъ былъ прикованъ къ землѣ; никто не могъ безъ разрѣшенія правительства перемѣнить мѣсто жительства. Каждому было предназначено: ремесло, которымъ онъ долженъ заниматься, женщина, на которой онъ долженъ жениться, одежда, которую онъ долженъ носить, и даже удо-

вольствія, которыя онъ можетъ себѣ позволять. Подобное же соціально-монархическое устройство, основанное на принципахъ консерватизма и неизмѣнности, мы наблюдаемъ въ Мексикѣ. Бокль замѣчаетъ,[1] что косная, неспособная къ развитію цивилизація обѣихъ странъ была обусловлена характеромъ внѣшней природы: климатомъ, почвой и пищей; то-же можно сказать и о совершенно сходной цивилизаціи Индіи и Египта. Тамъ, какъ и здѣсь, не существовало ни религіознаго, ни политическаго, ни хозяйственнаго, ни соціальнаго прогресса, и трудящіяся массы находились совершенно въ рукахъ властителей или господствующихъ классовъ и кастъ, а рабочая сила расточалась на удовлетвореніе маніи величія властвующихъ, на возведеніе дворцовъ, храмовъ и пр.

Патріархальный деспотизмъ на Востокѣ, а также въ Перу и Мексикѣ характеризуется теоріей, согласно которой подданные не могутъ имѣть личной собственности; ту же теорію мы встрѣчаемъ и въ „христіанскомъ“ абсолютизмѣ. Напр., во Франціи при Людовикѣ XIV, какъ мы уже объ этомъ говорили въ VI главѣ, король—неограниченный владыка національнаго имущества, а особенно всей земли, такъ какъ Богъ поручилъ ему заботу о народномъ благѣ. Исполнить свой долгъ попеченія о народѣ монархъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ качествѣ „управляющаго общимъ имуществомъ“, неограниченно имъ распоряжается. Этой мысли нельзя отказать въ логичности. Подобную систему, если бы она осуществилась, можно бы назвать „абсолютно-монархическимъ коммунизмомъ“.

И дѣйствительно, въ періодъ абсолютизма сложилась народная вѣра въ то, что король можетъ уничтожить страданія народа, стоитъ ему только захотѣть этого и воспользоваться своею властью.

[1] Бокль: Исторія цивилизаціи. I томъ, 2 глава.

Вѣдь, согласно религіозно-монархической догмѣ, въ этомъ и заключается его назначеніе; это его священный долгъ, завѣщанный Богомъ; для этой цѣли онъ и облеченъ властью. Въ началѣ французской революціи, когда „благочестивый страхъ“ не былъ еще окончательно уничтоженъ, представители націи провозгласили короля Людовика XVI возстановителемъ народнаго благоденствія и свободы. Они называли его „père du peuple et restaurateur de la liberté française“. Онъ долженъ былъ накормить голодный народъ. Нерѣдко, въ періоды сильной нужды, цѣлыя процессіи народа приходили къ королевскому дворцу и требовали хлѣба. Съ криками: „хлѣба, хлѣба!“ длинная процессія парижскихъ женщинъ пришла 5-го октября 1789 года къ версальскому королевскому дворцу и добилась того, что король приказалъ немедленно доставить хлѣбъ для Парижа.

Уже въ первую стадію революціи, когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, явно обнаружилось, что трудящіяся массы, страдавшія отъ ужасной нужды и безграничной несправедливости, ожидали и требовали помощи отъ королевской власти. Съ этимъ фактомъ считался Тюрго, представляя монарху свой знаменитый планъ для осуществленія идей „королевства соціальныхъ реформъ“. Этотъ дальновидный государственный человѣкъ понялъ, что королевская власть обречена на гибель, если она останется исключительной защитницей господствующихъ классовъ и будетъ относиться равнодушно къ растущей нуждѣ трудящихся массъ. Поэтому въ своемъ “Memoire au roi“ онъ требовалъ постояннаго народнаго представительства, отмѣны податныхъ привилегій и привилегій дворянства, уничтоженія барщины крестьянъ и поденщиковъ, провозглашенія свободы хлѣбной торговли, отмѣны цеховъ и корпорацій, установленія свободы промысловъ и пр. Въ основу своихъ реформъ Тюрго

кладетъ слѣдующій принципъ: долгъ королевской власти заключается въ томъ, чтобы помочь нуждающимся классамъ и провести реформы, соотвѣтствующія требованіямъ времени. Онъ думалъ, что осуществленіе этихъ плановъ поведетъ къ „тѣсному единенію королевской власти съ третьимъ сословіемъ“ и съ жизнью всего народа, а также къ возстановленію народной вѣры въ спасительную силу монархіи. Въ одной запискѣ, поданной имъ Людовику XVI, мы находимъ такія слова: „Я осмѣливаюсь утверждать, что черезъ 10 лѣтъ нація будетъ совершенно не похожа на старую; по своему просвѣщенію, правамъ и патріотизму она будетъ стоять неизмѣримо выше всѣхъ другихъ народовъ настоящаго и прошлаго времени“.

Король былъ согласенъ привести въ исполненіе всѣ предложенія Тюрго въ полномъ объемѣ. Онъ установилъ свободу хлѣбной торговли, отмѣнилъ цехи и корпораціи и декретировалъ уничтоженіе барщины. Тогда противъ него возсталъ парламентъ, состоявшій изъ привилегированныхъ сословій и все дворянство; его обвиняли въ томъ, что онъ „унижаетъ корону гражданскими учрежденіями“ и посягаетъ на священныя наслѣдственныя права дворянства. Тюрго при своей отставкѣ сказалъ ему: „Судьба королей, которые находятся подъ неограниченнымъ вліяніемъ царедворцевъ,—есть судьба Карла I“.

Нѣмецкій консервативный соціалъ-политикъ д-ръ Р. Мейеръ сожалѣетъ, что Тюрго не удалось убѣдить королевскую власть стать во главѣ общественной реформы. Онъ думаетъ, что энергичныя мѣры въ пользу угнетенныхъ классовъ на цѣлыя столѣтія укрѣпили бы вѣру въ монархію; далѣе Мейеръ говоритъ: „Когда королевская власть отказалась отъ третьяго сословія, послѣднее отказалось отъ монархіи; отставка Тюрго повлекла за собою союзъ капитала, интеллигенціи и народныхъ массъ противъ королевской власти. Съ этихъ поръ монархія

была уже обречена на гибель". Знаменательно, что и тогда дворянство взяло верхъ надъ идеей „монархіи соціальныхъ реформъ".

2. Соціальная монархія въ теоріи и на практикѣ.

Идея Сенъ-Симона о примиреніи народа и монархіи. — „Промышленная монархія. — Имперіалистическій соціализмъ Наполеона III. — Легенда о прусской соціальной монархіи. — Прегрѣшенія прусской династіи противъ соціальной справедливости. — Союзъ Прусской монархіи съ юнкерствомъ, а впослѣдствіи и съ капитализмомъ. — Критика аграрнаго законодательства и „освобожденія крестьянъ" въ Пруссіи: Лассаль, Брентано, Кнапп. — Прусскій король и рабочій вопросъ: силезскіе ткачи. — Былъ ли Лассаль сторонникомъ идеи соціальной монархіи? — Манчестерскіе взгляды Вильгельма I на борьбу между трудомъ и капиталомъ. — Императорская соціальная реформа съ 1881 г. — Присоединившіяся къ ней реакціонныя тенденціи.

Замѣчательный примѣръ того, какъ легко идея „соціальной монархіи" приспособляется ко всякому новому порядку вещей, представляетъ французскій философъ-соціалистъ Сенъ-Симонъ. Онъ считаетъ возможнымъ примиреніе народныхъ интересовъ съ конституціонной монархіей на почвѣ индустріализма въ союзѣ съ господствомъ христіанской любви [1]. Онъ исходитъ изъ того, что основою всякаго прочнаго благоденствія общества является и ндустріализмъ, такъ какъ трудящійся классъ заключаетъ въ себѣ самыхъ полезныхъ и самыхъ лучшихъ членовъ общества. Поэтому люди, занятые въ индустріи, должны пользоваться высшимъ уваженіемъ и властью. „Ясно, что власть индустріи обезпечитъ людямъ наибольшую свободу и наибольшее признаніе морали". Индустріальная система основана на „принципѣ полнаго равенства, чуждаго всякихъ привилегій". Но эта власть отнюдь не враждебна монархіи и основнымъ законамъ государства. Индустрія должна соединиться съ монархіей, король долженъ быть „первымъ промышленнымъ работникомъ въ государствѣ". Промышленное государство съ монархомъ во главѣ—вотъ чего слѣдуетъ добиваться; работ-

[1] Эти взгляды высказаны Сенъ-Симономъ въ его сочиненіяхъ: „System industriel" (1820) и „Catechisme politique des Industriels" (1824).

ники должны стать у кормила правленія; геній новой исторіи человѣчества—это трудъ. Но эта „промышленная монархія должна была совершенно отказаться отъ формулы „Божіею милостію“, ибо, какъ С.-Симонъ говоритъ въ своемъ „Письмѣ о Бурбонахъ“: „Понятіе „Божіею милостію“, которое основывается на религіозныхъ ученіяхъ, потерявшихъ все свое значеніе, сдѣлалось для человѣчества пустою формальностью“. Въ другомъ мѣстѣ („System industriel“) онъ говоритъ: „Богъ сказалъ: любите другъ друга и помогайте своимъ ближнимъ“. Въ сочиненіи „Nouveau Christianisme“ Сенъ-Симонъ признаетъ истинною основою христіанской религіи слѣдующее положеніе: люди должны смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ, и это положеніе должно лечь въ основу новаго христіанства.

Напрасно надѣялись ученики С.-Симона, что въ монархіи „короля-гражданина“, Людовика Филиппа, получитъ осуществленіе идея ихъ учителя.

Наполеонъ III хотѣлъ сдѣлаться „соціалистическимъ Цезаремъ“. Власть досталась ему благодаря пораженію соціалъ-демократіи. Поэтому онъ хотѣлъ своей консервативно-соціальной политикой пойти навстрѣчу интересамъ крестьянъ и ремесленниковъ. Онъ предпринялъ новую аграрную политику и часто называлъ себя демонстративно „крестьянскимъ императоромъ [1]. Въ своемъ манифестѣ, въ качествѣ претендента на престолъ, онъ заявляетъ, что „наполеоновская идея“ идетъ въ хижины не для того, чтобы предложить бѣднякамъ декларацію правъ, но чтобы утолить ихъ голодъ и смягчить ихъ страданія. Рабочій классъ не имѣетъ ничего: поэтому слѣдуетъ дать ему собственность; единственнымъ имуществомъ рабочихъ являются ихъ руки, поэтому имъ должна быть обезпечена возможность рабо-

[1] Treitschke. Historische und politische Aufsätze. Neue Folge. Erste Teil. Leipzig 1870. S. 285.

тать; рабочіе представляютъ изъ себя „народъ илотовъ посреди народа сибаритовъ“. Рабочій классъ долженъ возвыситься въ своихъ собственныхъ глазахъ путемъ ассоціацій, воспитанія и дисциплины. Для этого необходимъ человѣкъ, который олицетворялъ бы демократію и взялъ бы все хорошее изъ соціалистической идеи, чтобы отнять эти идеи у революціи и ввести ихъ въ правильную организацію общества. Въ одной рѣчи, произнесенной Наполеономъ III во время президентства передъ рабочими въ Сенъ-Кантенѣ, онъ сказалъ, что его самые искренніе и преданные друзья живутъ не во дворцахъ, но въ хижинахъ, мастерскихъ и на поляхъ.

Все это была лишь демагогическая игра, и вся соціальная политика этого узурпатора была лишь средствомъ утвердить цезаризмъ на основѣ капиталистическихъ интересовъ. Своимъ „попеченіемъ о низшихъ классахъ“ онъ не уничтожилъ соціальнаго вопроса, борьбы капитала и труда. По нашему мнѣнію, Геркнеръ [1] высказываетъ совершенно ложное мнѣніе, когда говорилъ: „Нельзя отказать Наполеону въ томъ, что онъ, будучи императоромъ, стремился до извѣстной степени осуществить сенъ-симонистскіе идеалы своей молодости“. Онъ былъ очень далекъ отъ этихъ идеаловъ; его соціальная политика была разсчитана исключительно на упроченіе собственнаго могущества; это была политика укрощенія, которая однако не спасла его отъ паденія.

Трейчке [2] высказываетъ о соціальной политикѣ Наполеона слѣдующее мнѣніе: „Монархическій соціализмъ можетъ, правда, возбудить новое общественное движеніе, но не можетъ сохранить его на продолжительное время“. Наполеонъ произво-

---

[1] Dr. Heinrich Herkner. Die Arbeiterfrage. Dritte, gänzlich umgearbeitete Auflage. Berlin 1902. S. 117.

[2] Treitschke. Historische und politische Aufsätze. III Bd. Leipzig 1871. S. 336 ff.

дилъ свои опыты главнымъ образомъ въ области строительныхъ работъ. Но „въ концѣ концовъ эта болѣзненная страсть къ постройкамъ должна была прекратиться. Грубая идея, давно сдѣлавшаяся всеобщимъ достояніемъ нашего времени, въ силу которой государство обязано покровительствовать искусству, чтобы доставлять пропитаніе художникамъ, эта идея овладѣла второй имперіей со всею силою соціальной проблемы. Цѣлая армія предпринимателей и ихъ помощниковъ требовала постоянной работы отъ государства, которое отвлекло ихъ отъ обычныхъ занятій и отъ родины, ибо государство своими приказами и поощреніемъ склонило города къ перестройкамъ... Строили только для того, чтобы строить, и никто не зналъ, къ чему это приведетъ. Рабочій, пришедшій изъ деревни, вовсе не былъ доволенъ своимъ положеніемъ въ городѣ... Принадлежность къ тайному сообществу, какъ и раньше, была, почетной обязанностью всякаго рабочаго, умѣвшаго читать и писать; число сторонниковъ Интернаціонала все возростало... Однажды, передъ выборами въ Марселѣ, официозныя газеты грозили, что общественныя постройки, на которыхъ было занято до 50.000 человѣкъ, будутъ прекращены въ томъ случаѣ, если выборы будутъ враждебны правительству... Несмотря на это рабочіе голосовали за оппозицію... Словомъ, чары монархическаго соціализма были не въ силахъ примирить трудъ и капиталъ“.

Подъ впечатлѣніемъ чартистскаго движенія въ Англіи лордъ Шефтсбюри выставилъ соціально-консервативную программу; эта программа требобовала, чтобы монархія, согласно совѣту Болингброка [1], высказанному уже въ 1738 году, снова стала народной монархіей, которая въ союзѣ съ земельной аристократіей будетъ въ состояніи при по-

[1] Idea of a patriotic king.

мощи соціальной реформы вывести народъ изъ нищеты. Но королевская власть въ Англіи осталась по-прежнему простой погремушкой!

* * *

Соціальные консерваторы особенно старались связать идею „соціальной монархіи“ съ прусской династіей; они хотѣли доказать, что прусская монархія въ продолженіе своего двухвѣкового существованія была силой, которая всегда покровительствовала бѣднымъ и слабымъ и проводила важныя соціальныя реформы въ духѣ „соціальной справедливости“. При этомъ пускались въ ходъ самыя беззастѣнчивыя подтасовки. Князь Бисмаркъ заявилъ 9 января 1882 года въ рейхстагѣ: „Принимать въ экономической борьбѣ сторону слабаго—составляетъ традицію той династіи, которой я служу“.

Часто указываютъ на то, что уже Фридрихъ Великій сказалъ: „je serai le roi des gueux“. На самомъ дѣлѣ этотъ „просвѣщенный“ деспотъ всегда не задумываясь приносилъ благо рабочаго народа въ жертву интересамъ могущества своей династіи. Кромѣ того, его заботливость касалась главнымъ образомъ юнкерства, ибо интересы этихъ блюдолизовъ совпадали съ его собственными интересами. Его „подарки“ провинціямъ, пострадавшимъ отъ войны, доставались исключительно дворянству, тогда какъ бюргеры и крестьяне были обременены непосильными таможенными пошлинами, налогами и акцизами. Для дворянства онъ устраивалъ академіи, а для образованія народа ничего не дѣлалъ; оно было для него вполнѣ безразлично. Чудовищная организація игры въ лото, въ которую заманивалась именно бѣднѣйшая часть населенія, доставляла ему средства для дворянскихъ образовательныхъ учрежденій. Онъ принималъ на службу французскихъ финансистовъ, чтобы грабить народъ по всѣмъ правиламъ системы, выработанной во Франціи.

Чтобы доказать присущее этому королю „чувство справедливости по отношенію къ мелкому люду“ обыкновенно приводятъ разсказъ о мельникѣ въ Сансуси. По поводу этого разсказа одинъ либеральный историкъ замѣчаетъ слѣдующее:

„Въ лучшемъ случаѣ подданный былъ гарантированъ отъ явнаго и прямого посягательства на его имущество, да и объ этой гарантіи получается довольно своеобразное представленіе, когда видишь, какое удивленіе вызвала исторія съ мельникомъ въ Сансуси; какъ будто бы въ томъ, что король не позволяетъ себѣ отнимать у своихъ подданныхъ ихъ имущество для своихъ личныхъ надобностей, заключается нѣчто необычное“.

„Просвѣщенный король вмѣшивался во все, даже въ супружескія отношенія своихъ подданныхъ. Онъ не допускалъ браковъ между дворянами и бюргерами. Одинъ англійскій посланникъ писалъ въ 1750 году, когда Фридрихъ процарствовалъ лишь 10 лѣтъ:

„Прямо невѣроятно, какъ этотъ отецъ отечества заботится о своихъ подданныхъ. Онъ вмѣшивается въ ихъ семейныя дѣла, въ ихъ браки, въ воспитаніе ихъ дѣтей, въ управленіе имѣніями. Онъ не терпитъ, когда кто-либо женится, особенно офицеръ, какое бы положеніе онъ ни занималъ; съ того момента, какъ офицеръ вступитъ въ бракъ онъ не можетъ уже разсчитывать на повышеніе. Кажется, Гамлетъ говоритъ гдѣ то: „Данія представляетъ изъ себя тюрьму“. Вся прусская земля есть тюрьма въ буквальномъ смыслѣ этого слова“.

Таковъ былъ Фридрихъ II—„король нищихъ“.

Одинъ итальянецъ, Евгеній Валли, сочинилъ въ 1889 году брошюру „L'Imperatore socialista,[1] въ которой онъ возвеличиваетъ германскаго императора, какъ „императора рабочихъ“. Съ поразите-

[1] Въ нѣмецкомъ переводѣ: Der Arbeiterkaiser 1891. Frankfurt a M. C. Koenitzers Verlag.

тельной поверхностностью онъ говоритъ, что Земское уложеніе для Прусскихъ земель, въ §§ 1—11, XIX, отд. 2, является „истиннымъ сокровищемъ любви и королевскаго попеченія. И это все только потому, что въ уложеніи указана обязанность государства имѣть попеченіе о тѣхъ гражданахъ, которые не могутъ сами добывать себѣ пропитаніе. Но эта теорія проистекаетъ не изъ „королевской любви къ бѣднымъ", но изъ полицейскихъ соображеній, которыя и въ другихъ странахъ привели къ государственному попеченію о бѣдныхъ. На практикѣ же эта теорія всегда болѣе или менѣе нарушалась.

Далѣе мы часто наталкиваемся на утвержденіе, что прусская монархія заслужила неувядаемую славу, уничтоживъ привилегіи помѣстнаго дворянства и совершивъ „освобожденіе крестьянъ". Историческая истина противорѣчитъ этому мнѣнію.

Безъ всякаго вліянія со стороны прусской королевской власти прусское общественное мнѣніе самостоятельно пришло къ отрицанію такихъ старинныхъ „правъ", какъ крѣпостное право, свобода отъ обложенія помѣстій, помѣстная и экзекуціонная юстиція, барщина и оброкъ въ пользу помѣщиковъ, право охоты и пр.

Правосознаніе общественнаго мнѣнія требовало своего осуществленія. Прусское законодательство лишь кажущимся образомъ удовлетворило это требованіе. Для доказательства мы приведемъ мнѣніе Ферд. Лассаля [1].

Закономъ отъ 27 октября 1810 г. о государственныхъ финансахъ была безвозмездно отмѣнена свобода дворянскихъ имѣній отъ обложенія. Въ этомъ законѣ говорится: „Мы надѣемся, что тѣ, кого коснется это мѣропріятіе, найдутъ удовлетвореніе въ томъ, что на будущее время ихъ нельзя

[1] Лассаль. Система пріобрѣтенныхъ правъ.

будетъ упрекнуть въ уклоненіи отъ несенія общественныхъ повинностей за счетъ другихъ подданныхъ".

Этотъ законъ, изданный абсолютнымъ монархомъ, никогда не былъ отмѣненъ и de jure продолжалъ свое существованіе. Нельзя удивляться тому, что связанныя съ нимъ утопическія надежды рушились „благодаря алчности аристократіи, которой недоступны понятія права и совѣсти" (Лассаль). Но „выполненіе" „обѣщаній", высказанныхъ въ этомъ законѣ, является безсовѣстнымъ нарушеніемъ права, во имя самого права, такъ какъ при этомъ былъ нарушенъ основной принципъ закона. Законъ 1810 года предписывалъ безвозмездную отмѣну необлагаемости дворянскихъ имѣній. Теперь же прусское государство заплатило рыцарскимъ имѣніямъ, которыя до того времени оставались свободными отъ налоговъ, вознагражденіе въ суммѣ 30 милліоновъ марокъ. А въ 1867 году эта привилегія безъ всякаго законнаго основанія была распространена на бывшихъ владѣтельныхъ князей въ новыхъ прусскихъ провинціяхъ!!!

Итакъ владѣльцы рыцарскихъ имѣній получили 30 милліоновъ за то, что они лишились привилегіи, которая была признана соціальной несправедливостью, и которая, по закону 1810 года, должна была быть отмѣнена безъ всякаго вознагражденія. Правительство и законодательная корпорація, которыя дѣйствуютъ такимъ образомъ, поступили бы гораздо логичнѣе, если бы „снова провозгласили крѣпостную зависимость народа отъ помѣщиковъ-дворянъ".

Лассаль говоритъ объ этомъ законодательствѣ, что оно является неправомѣрнымъ и несогласнымъ съ правосознаніемъ самихъ авторовъ, и что оно лишаетъ имущественныхъ правъ бѣднѣйшіе классы въ пользу помѣстныхъ дворянъ, т. е., если называть вещи ихъ именами: неимущіе были при этомъ

просто ограблены. Феодализмъ чувствовалъ, что дни его сочтены и потому спѣшилъ еще разъ запустить руки въ карманы народа и новымъ насиліемъ превратить свою феодальную собственность въ буржуазную.

Въ послѣднемъ актѣ этой реформы принялъ участіе министръ финансовъ Микель, тотъ самый человѣкъ, который въ 1848 году въ качествѣ либеральнаго революціонера призывалъ народъ къ истребленію разбойничающихъ юнкеровъ. Этотъ господинъ оказался добрымъ союзникомъ юнкеровъ, такъ какъ онъ ввелъ законодательство о рентныхъ имѣніяхъ (Законы отъ 7 іюля 1891 года и отъ 8 іюня 1896 года), которое оказывало необычайное покровительство такъ называемымъ ближайшимъ наслѣдникамъ; по отношенію къ рентнымъ имѣніямъ, Брентано [1] слѣдующимъ образомъ характеризуетъ эти законы:

„Передъ вами остъ-эльбское крупное землевладѣніе. По его собственному заявленію, оно находится въ крайней степени задолженности и отчасти можетъ быть названо даже несостоятельнымъ. Но является Микель и говоритъ: я вамъ помогу. Вы должны раздѣлить свои имѣнія на мелкіе участки; продавая ихъ крестьянамъ, вы получите гораздо большую цѣну. Это васъ спасетъ. Но вы этого не желаете, ибо ваше могущество основано на крупномъ землевладѣніи. Однако я изобрѣлъ фокусъ, состоящій въ томъ, что можно продать и все-таки сохранить ее у себя. Вы продаете не въ полную собственность, но за ренту. Но вы желаете получить деньги вмѣсто ренты? Ладно! При посредствѣ рентныхъ банковъ государство возьметъ на себя $^3/_4$ стоимости имнѣнія. Такимъ образомъ, благодаря болѣе высокой цѣнѣ, вы получите деньги, но при этомъ сохраняете право собственности на проданную

[1] Brentano: Die Agrarreform in Preussen. Volkswirtschaftliche Streitfragen. Heft $^{148}/_{149}$ Berlin 1897.

крестьянамъ землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ — ваше соціальное положеніе и политическое вліяніе. Правда, государство является на три четверти собственникомъ крестьянскихъ имѣній, а вы лишь на одну четверть, но вѣдь государство было съ вами всегда въ хорошихъ отношеніяхъ, которыя и въ будущемъ останутся такими же. Кромѣ того, ваше право собственности на крестьянскую землю всегда будетъ ограничивать права государства. Вы можете даже выговорить себѣ барщину, какъ во времена феодолизма. Этимъ будетъ обезпечено все, что вамъ нужно".

Такимъ образомъ, снова возродился средневѣковой феодализмъ, права котораго, какъ казалось, были навсегда уничтожены законодательствомъ Штейна - Гарденберга, и барщина была введена на точномъ основаніи закона, какъ договорное учрежденіе; создалась новая система крѣпостной зависимости.

Интересно прослѣдить, какимъ образомъ произошло „освобожденіе" крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая уже въ концѣ 18 вѣка, по словамъ профессора Кнаппа, оскорбляла политическую совѣсть. Курфюрсты изъ дома Гогенцоллерновъ „честно" помогали юнкерамъ уничтожить права и вольности крестьянъ и обирать ихъ.

Изъ этихъ курфюрстовъ нѣтъ ни одного, который бы заявилъ себя защитникомъ крестьянъ противъ юнкерства. Когда Прусско-Бранденбургское государство было поставлено передъ задачею ввести у себя абсолютизмъ, то курфюрсту понадобилось постоянное войско, а для этого онъ долженъ былъ повысить обыкновенные налоги. Юнкера согласились на это, но не даромъ. Курфюрстъ долженъ былъ отдать крестьянъ въ полное распоряженіе юнкеровъ. (Landtagsrezess 1653).

Такимъ образомъ, если бы прусскіе короли дѣйствительно были серьезно озабочены тѣмъ, чтобы

освобожденіе крестьянъ совершилось въ духѣ справедливости и гуманности, то они этимъ лишь въ нѣкоторой степени загладили бы тяжкую вину курфюрстовъ. Но на самомъ дѣлѣ прусская королевская власть при освобожденіи крестьянъ имѣла въ виду исключительно интересы своего могущества. Почему Фридрихъ Великій уже въ 1763 году декретировалъ „полную отмѣну крѣпостныхъ отношеній“ въ Помераніи? Потому, что ему нуженъ былъ трудъ крестьянъ для его казны и ихъ кровь для его арміи. Поэтому-то онъ и его преемники старались расшатать патримоніальную власть и крѣпостныя отношенія. Юнкеръ не долженъ былъ болѣе оставаться единственнымъ господиномъ крестьянина. Но Фридриху Великому не повезло въ этомъ отношеніи. Юнкера сумѣли воспрепятствовать приведенію въ исполненіе вышеупомянутаго декрета. Съ этихъ поръ прусская соціальная монархія ничего не дѣлала такого, что могло означать хотя бы подготовку къ освобожденію крестьянъ, пока тяжкое пораженіе прусскаго государства, день Іены, не явилось возмездіемъ за грѣхи, которые эта династія въ союзѣ съ юнкерами такъ долго совершала противъ трудящагося населенія. Въ 1807 году началось освобожденіе, но юнкера, конечно, оказывали энергичное противодѣйствіе.

По законамъ 1811 и 1818 г.г., барщина отмѣнялась, и помѣщикъ долженъ былъ получить вознагражденіе только за землю, которая сдѣлалась собственностью крестьянъ. Но вознагражденіе было уплачено не государствомъ, а самимъ крестьяниномъ, который въ большинствѣ случаевъ могъ уплатить его лишь путемъ уступки земли помѣщику. Благодаря этому увеличились рыцарскія имѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ возросла потребность въ рабочихъ рукахъ. Поэтому помѣщики стремились ограничить такъ называемое „регулированіе“ отношеній между крестьянами и помѣщиками. Послѣ упорной борьбы

они добились своего; государство согласилось, чтобы лишь болѣе зажиточные крестьяне, имѣвшіе упряжку рабочаго скота, могли пріобрѣсть собственность, малоземельные же крестьяне остались на барщинѣ у помѣщика. Только въ 1850 г. мелкіе крестьяне получили возможность „регулировать“ свои отношенія и сдѣлаться „собственниками“. Къ сожалѣнію, до этого времени они успѣли превратиться въ кутниковъ и бобылей. Помѣщики придерживались того мнѣнія, что собственники мелкихъ участковъ, недостаточныхъ для поддержанія существованія, лучше всего приспособлены къ тому, чтобы быть сельско-хозяйственными рабочими. И помѣщики дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы крѣпче привязать этихъ людей къ землѣ.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Кнаппъ: „Въ новѣйшее время (съ 1850 года) у кутниковъ (инстовъ) отнимаютъ землю и запрещаютъ имъ держать скотъ; это устраивается при заключеніи новыхъ „договоровъ“. Конечно, „свободный“ сельскохозяйственный рабочій, вслѣдствіе своей полной зависимости отъ помѣщика, принужденъ принимать всѣ условія, которыя ему будутъ предложены въ „договорѣ“. Таковы были результаты столь прославленнаго „освобожденія крестьянъ“ въ Пруссіи, на основаніи котораго заключили о существованіи соціальной монархіи. Эта монархія не воспрепятствовала юнкерамъ замѣнить крѣпостныя отношенія новыми, часто еще худшими отношеніями. Малоземельные крестьяне были превращены въ обремененныхъ барщиной арендаторовъ мелкихъ участковъ. Помѣщикъ, освободившійся отъ прежнихъ обязанностей, сохранилъ за собою пользованіе рабочими руками; онъ лишилъ рабочихъ собственности и этимъ сдѣлалъ ихъ неспособными къ сопротивленію.

Мы можемъ доказать, что эти преступленія про-

тивъ права и справедливости извѣстны профессору Шмоллеру. Тѣмъ не менѣе и онъ исповѣдуетъ слѣпую вѣру въ традиціонную прусскую „соціальную монархію“. На общемъ собраніи Союза соціальной политики въ Бреславлѣ въ 1899 году, защищая право коалицій рабочихъ, онъ сказалъ слѣдующее: „Я считаю такую монархію наилучшей, которая, сдерживая стремленія къ перевороту, проводитъ разумныя и справедливыя соціальныя реформы. Если воззрѣнія капиталистической прессы пріобрѣтутъ господствующее значеніе, то это будетъ очень опасно для нашей монархіи, нашего отечества и даже для всей нашей культуры; тогда наша прусская монархія измѣнитъ своимъ традиціямъ, и король слабыхъ и бѣдныхъ превратится въ короля богачей“.

„Кельнская Газета“ (2 октября 1899 г.) назвала эти разсужденія демагогическими; по мнѣнію газеты, прусская монархія не есть исключительно „монархія слабыхъ и бѣдняковъ“; ея девизомъ является не „le roi des gueux“, но „suum cuique“. „Кельнская Газета“ говоритъ дословно слѣдующее: „Наша династія Гогенцоллерновъ всегда считала своею величайшей гордостью и цѣлью своего справедливаго честолюбія—поддерживать по-возможности всѣ силы во ввѣренномъ ей государствѣ. Она всегда поддерживала также и прусскихъ предпринимателей, такъ какъ она знала, что подъемъ трудолюбія и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ не только ведетъ къ созданію новой оплодотворяющей силы капитала, но и самымъ лучшимъ образомъ обезпечиваетъ ростъ благосостоянія трудящихся классовъ. Въ Германіи нѣтъ никого, кто бы мыслилъ настолько низменно, чтобы считать короля изъ дома Гогенцоллерновъ способнымъ выступить въ роли короля богачей!“

Это также не что иное, какъ демагогическое толкованіе того, что въ государствѣ главную роль

играютъ интересы капитализма, интересы класса собственниковъ, тогда какъ интересы рабочаго класса только тогда принимаются въ разсчетъ, когда положеніе этого класса грозитъ опасностью государству или обществу.

Что сдѣлала прусская монархія въ важнѣйшей области соціальнаго вопроса — въ рабочемъ вопросѣ? Она игнорировала этотъ вопросъ, пока было возможно, и если она, наконецъ, обратила на него вниманіе, то при этомъ она имѣла въ виду свои собственные интересы. Когда въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка въ Пруссіи стала развиваться крупная промышленность, то она имѣла тѣ же печальныя послѣдствія, какъ и въ другихъ странахъ. Рабочіе промышленныхъ округовъ стали страшно вырождаться. Напр., Рейнская область въ концѣ двадцатыхъ годовъ не могла даже выставить достаточнаго числа молодыхъ людей, годныхъ къ военной службѣ [1]. На это обстоятельство генералъ-лейтенантъ Ф. Горнъ обратилъ вниманіе короля. Но даже эти соображенія, имѣющія въ виду интересы военнаго дѣла, только черезъ 10 лѣтъ привели къ весьма неудовлетворительному законодательству въ защиту дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ, въ шахтахъ и т. д.

Мы напомнимъ еще нѣсколько фактовъ, освѣщающихъ „соціальную миссію“, которую, по увѣреніямъ реакціонной демагогіи, прусскіе короли, въ качествѣ защитниковъ бѣдноты, всегда добросовѣстно выполняли. Уже задолго до революціи 1848 года нужда рабочаго класса развилась до ужасающихъ размѣровъ повсюду, не исключая и Пруссіи. Возмущенная бѣдствіями берлинскаго рабочаго населенія, Беттина ф. Арнимъ подняла вопросъ: „Кто является ближнимъ короля? — Его голодный народъ!“ Но король нищихъ — „le roi

[1] Herkner. Die Arbeiterfrage 2 Auflage. Berlin 1897. S. 114.

des gueux“ [1] ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить бѣдствія народа. Рабочіе были предоставлены безсовѣстной эксплоатаціи и ужасающей нищетѣ. У насъ не было никакихъ средствъ для защиты противъ капитализма; безправные и беззащитные, они находились въ полномъ распоряженіи эксплоататоровъ; они были лишены права ассоціацій, свободы союзовъ, которая уже давно существовала въ Англіи.

Вслѣдствіе этого рабочіе весьма рѣдко пытались бороться со своими эксплоататорами при помощи стачекъ, но повсюду происходило броженіе среди задавленнаго, презираемаго, терпящаго нужду рабочаго населенія. Изрѣдка отчаяніе „любимцевъ короля“ прорывалось въ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, весною 1844 года ткачи горной Силезіи, не будучи въ состояніи заработать на необходимое для пропитанія количество картофеля, подъ вліяніемъ голода подняли мятежъ. Они подверглись жестокому преслѣдованію именемъ короля; оружіе арміи заставило успокоиться этихъ „преступниковъ противъ общественнаго порядка“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 15 августа 1844 г., въ Берлинѣ былъ устроенъ апоѳеозъ промышленныхъ предпринимателей. Была открыта промышленная выставка въ цейхгаузѣ. Господинъ фонъ Бодельшвингъ прославлялъ короля, какъ покровителя промышленности, прославлялъ военнаго министра, предоставившаго помѣщеніе для выставки, прославлялъ предпринимателей, которые представили доказательство поразительнаго развитія прусской промышленности. Но ни одного слова прославленія или, по крайней мѣрѣ, признательности не было произне-

[1] „Крестовая газета“ ухитрилось въ № 2 отъ 2 января 1895 года написать слѣдующее: „Сильнымъ можетъ быть лишь такое правительство, которое неустрашимо противодѣйствуетъ всякой эксплоатаціи, и при этомъ никогда не упускаетъ изъ виду, что нѣмецкая королевская власть, и прежде всего власть Гогенцоллерновъ, всегда считала своимъ наиболѣе почетнымъ титуломъ названіе „le roi des gueux“.

сено по адресу рабочихъ, сила и искусство которыхъ сдѣлали возможною эту выставку. (Это было упущеніе, которое Варнгагенъ ф. Энзе нашелъ достойнымъ порицанія).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1847 году, въ Берлинѣ насчитывалось 10.000 нищихъ и 30.000 состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, а въ горнопромышленныхъ округахъ Верхней Силезіи свирѣпствовалъ голодъ и, какъ его послѣдствіе, тифозная эпидемія. Въ округахъ Плесъ, Рибникъ, Ратиборъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ 4000 безпомощныхъ сиротъ были предоставлены заботамъ благотворительности; въ округѣ Плесъ въ 1847 году умерло болѣе 6800 человѣкъ, почти втрое больше обычной смертности; изъ нихъ, вѣроятно, до 900 человѣкъ — отъ голода. Но попечительная власть „короля нищихъ“ ничѣмъ себя не проявила въ это время.

Когда, 3-го февраля 1847 года, совершенно неожиданно появилась, разсчитанная на грубый обманъ народа, конституціонная хартія короля Фридриха Вильгельма IV, Генрихъ Симонъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи [1] объяснилъ народу всю негодность и внутреннюю несостоятельность этого акта королевской милости. Онъ требовалъ настоящей конституціи, отвѣчающей принципу народовластія и соціальной справедливости. Относительно послѣдняго требованія Симонъ говорилъ:

„Пролетаріатъ, который представляетъ явленіе, незнакомое въ своемъ современномъ объемѣ всемірной исторіи, растетъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Всѣ благороднѣйшіе представители народа признаютъ, что этому классу необходимо помочь, но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны съ болью въ сердцѣ признать, что усилія отдѣльныхъ лицъ въ данномъ вопро-

[1] Henrich Simon. Annehmen oder Ablehnen? Die Verfassung vom 3 Februar 1847, beleuchtet vom Stadpunkte des bestehenden Rechts. Leipzig 1847.

сѣ недѣйствительны, что этимъ массамъ нашихъ братьевъ, порабощаемыхъ самымъ недостойнымъ образомъ, можетъ оказать организованную помощь только могущественная государственная власть...

„Но можетъ ли корона, окруженная своей бюрократіей, свершить эту великую задачу времени?

Эту задачу можетъ съ успѣхомъ взять на себя лишь юная, пробудившаяся народная сила, если только ей будутъ предоставлены формы, въ которыя она могла бы вылиться безъ опасенія за существованіе государства".

И при созданіи конституціи корона не позаботилась объ интересахъ пролетаріата.

Въ то же самое время Рудольфъ Вирховъ, котораго прусское министерство народнаго просвѣщеніе послало въ качествѣ делегата въ Силезію, написалъ свое классическое изслѣдованіе о голодномъ тифѣ, который свирѣпствовалъ среди населенія этой мѣстности. Эта монографія рѣзко высказывается относительно монархической опеки и относительно неспособности и подкупности монархическаго правительства. Вирховъ описываетъ, какъ возростала нищета, какъ на глазахъ королевской бюрократіи началась эпидемія, а слуги монархіи и не подумали признать наличность бѣдствія и оказать энергичную помощь. Проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а высшіе чиновники не обращали никакого вниманія на бѣдствія народа. Прошла осень, наступила зима, и все еще ничего не было сдѣлано! Только послѣ того, какъ пресса всей Германіи начала бичевать эту политику, противорѣчащую человѣчности и здравому смыслу, только тогда правительство стало „дѣйствовать"— оно принялось за раздачу муки, о которой Вирховъ говоритъ слѣдующее:

„... Проклятіе человѣчества заключается въ томъ, что люди благодаря привычкѣ могутъ переносить самые невѣроятные ужасы, что они изъ-за повседнев-

ной мерзости перестаютъ различать мерзкое, что они съ трудомъ понимаютъ, какъ отдѣльные люди могутъ бороться съ этимъ.... Когда тѣмъ людямъ, которымъ было абсолютно нечего ѣсть, стали давать по фунту муки въ день, то высказывалось опасеніе, что они избалуются! Можно ли представить себѣ что-либо болѣе ужасное, чѣмъ то, что человѣкъ можетъ избаловаться отъ муки, отъ одной чистой муки, и что находятся люди, которые этого боятся!" [1].

Вирховъ даетъ этой „соціальной монархіи" слѣдующую уничтожающую оцѣнку:

„Но если уже нельзя отрицать этой ужасающей нищеты, то слѣдуетъ безъ колебанія признать и всѣ выводы, которые изъ нея вытекаютъ. Когда я вернулся изъ Верхней Силезіи, чтобы содѣйствовать разрушенію нашего государственнаго зданія, то для меня были ясны всѣ выводы, которые можно было сдѣлать изъ моихъ наблюденій, и я изложилъ эти выводы предъ избирателями 6-го берлинскаго избирательнаго участка, собравшимися для выборовъ въ нѣмецкое Національное собраніе. Эти выводы можно выразить тремя словами: полная, неограниченная демократія.

„Пруссія гордилась своими законами и своими чиновниками. И въ самомъ дѣлѣ, чего только не устанавливали эти законы! По закону, пролетарій имѣлъ право требовать средствъ, которыя бы спасли его отъ голодной смерти; законъ гарантировалъ ему работу, чтобы онъ самъ могъ заработать эти средства; существовали школы, эти столь прославленныя прусскія школы, чтобы давать необходимое ему образованіе; наконецъ, санитарная полиція имѣла высокое назначеніе заботиться о его жилищѣ и образѣ жизни. Цѣлая армія вышколенныхъ чиновниковъ должна была приводить въ исполненіе эти

[1] Virchows Archiw. II Bd. S. 156.

законы. Чиновники всюду вмѣшивались въ частную жизнь, наблюдали за самыми интимными отношеніями „подданныхъ“, чтобы предохранить ихъ духовное и матеріальное благосостояніе отъ чрезмѣрнаго роста; они ревностно опекали всякое преждевременное и бурное проявленіе самосознанія „подданныхъ“. Были и законы и чиновники, а народъ тысячами умиралъ отъ голода и эпидемій. Законъ ничего не могъ сдѣлать, ибо онъ былъ лишь исписанной бумагой; чиновники также ничего не могли сдѣлать, ибо результатомъ ихъ дѣятельности являлась опять-таки только исписанная бумага. Все государство мало-по-малу сдѣлалось бумажнымъ; оно превратилось въ большой карточный домъ, и когда народъ дотронулся до него, то карты разсыпались“.

А послѣ 1848 года? Что сдѣлала „соціальная монархія“ для защиты рабочихъ отъ эксплоатаціи предпринимателей? Ровно ничего! Это ярко выразилось въ словахъ, сказанныхъ 20 апрѣля 1855 года прусскимъ министромъ фонъ-деръ-Гейдтомъ чиновникамъ, которые нарисовали ему картину ужаснаго положенія фабричныхъ рабочихъ: „Если Ваши донесенія правильны, то пусть лучше погибнетъ вся индустрія“.

Но государственная власть не сдѣлала ничего, что заставило бы думать о ея намѣреніи ввести законодательную защиту труда. Вопросъ о соціальной компетенціи государства, о томъ, имѣетъ ли оно право регулировать отношенія между трудомъ и капиталомъ, былъ еще спорнымъ въ Германіи, и прусское правительство еще вполнѣ раздѣляло манчестерскую точку зрѣнія, которая рѣшала этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лассаль положилъ начало соціалъ-демократическому движенію въ Германіи. Это былъ самый разгаръ его дѣятельности, которая имѣла цѣлью создать рабочую пар-

тію, пробудить рабочій классъ къ самостоятельной борьбѣ за свое благосостояніе. Въ это время отчаяніе снова овладѣло силезскими ткачами. Они отправили въ Берлинъ депутацію къ королю, чтобы просить его объ избавленіи отъ безысходной нужды. Прежде чѣмъ получить аудіенцію (а это продолжалось 4 недѣли), депутаты говорили съ Лассалемъ; они сказали между прочимъ: „Если государство не приметъ нашу сторону, то мы погибнемъ въ рукахъ фабрикантовъ". Объ этомъ, а также о результатахъ аудіенціи, Лассаль говорилъ въ своей „ронсдорфской рѣчи" [1], на основаніи доклада, врученнаго депутаціи и изготовленнаго въ государственномъ министерствѣ.

Король весьма милостиво выслушалъ простой разсказъ этихъ людей и сказалъ, что, къ сожалѣнію, уже раньше (въ 1844 г.) подобныя же условія имѣли весьма печальныя послѣдствія, которыя слѣдуетъ предотвратить, и отпустилъ депутацію, утѣшивъ ее тѣмъ, что „этотъ вопросъ въ возможно непродолжительное время будетъ урегулированъ законодательнымъ порядкомъ". Лассаль считалъ возможнымъ вывести изъ этого заключеніе, что король признаетъ необходимость законодательнаго урегулированія рабочаго вопроса.

Подобное мнѣніе Лассаля, а также и другія его заявленія о королевской власти дали поводъ консервативнымъ соціалъ-политикамъ [2] считать его приверженцемъ идеи „соціальной монархіи". Еще и теперь эта легенда часто пускается въ ходъ реакціонерами противъ соціалъ-демократовъ. Но ее очень легко опровергнуть. Въ своемъ письмѣ профессору Губеру Лассаль говоритъ:

[1] Lassale. Die agitation des allgemeinen deutschen Arbeitersvereins und das Versprechen des Königs von Preussen. Eine Rede gehalten am Stiftungsfeste des Allgemeinen deutschen Arbeitervereins zu Ronsdorf am Mai 1864. Verlag von Reinh. Schlingmann.

[2] Hahn. Das sociale Königtum. Berlin 1884. Авторъ долгое время былъ руководителемъ официальной прессы въ Пруссіи. Сочиненіе это было предназначено для консервативной пропаганды.

„Съ дѣтскихъ лѣтъ я былъ республиканцемъ. Впослѣдствіи, и именно потому, что я былъ республиканцемъ, я пришелъ къ убѣжденію, что ничто не имѣетъ болѣе плодотворной будущности, чѣмъ монархія, если только она рѣшится сдѣлаться „соціальной монархіей.

„Я съ воодушевленіемъ поднялъ бы тогда ея знамя и вскорѣ отъ всѣхъ конституціонныхъ теорій не осталось бы ничего.

„Но гдѣ существуетъ монархія, которая имѣла бы мужество и желаніе сдѣлаться соціальной монархіей?

„Вы сами признаете, что едва ли найдется такая монархія. А потому que faire?“ (что же въ такомъ случаѣ дѣлать?).

Кто хорошо знакомъ съ міросозерцаніемъ Лассаля, тому ясно, что здѣсь онъ подразумѣвалъ боевую монархію, которая становится на сторону рабочаго класса не для того, чтобы на вѣчныя времена сохранить свое существованіе, но чтобы воспользоваться своей властью для общественнаго переустройства и затѣмъ сойти со сцены и раствориться въ народѣ.

Подобно тому, какъ Фихте требовалъ насажденія германской идеи „воспитанія народа для свободы“, такъ и Лассаль признавалъ монархію лишь въ томъ случаѣ, если она согласится пожертвовать собою во имя справедливости. Лассаль считалъ, что по мѣрѣ приближенія рабочаго вопроса къ своему разрѣшенію, должна также развиваться политическая свобода и демократизація государства и общества, и если онъ обращался къ королевской власти или указывалъ на нее, то онъ дѣлалъ это для того, чтобы использовать ее въ борьбѣ съ буржуазіей, но не въ интересахъ монархіи, а въ интересахъ народа. Во время процесса по обвиненію его въ государственной измѣнѣ, онъ обратился къ судьямъ со слѣдующими словами: „Истин-

ная народная монархія, если бы она этого пожелала, могла бы осуществить великія задачи въ интересахъ народа".

Обѣщаніе прусскаго короля не было исполнено, монархическое правительство ничего не предприняло для занонодательнаго урегулированія рабочаго вопроса. Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ считать законъ о свободѣ союзовъ, проектированный прусскимъ правительствомъ въ 1866 году и утвержденный въ 1867 году рейхстагомъ Сѣверно-германскаго Союза, мѣрой „защиты труда", въ истинномъ смыслѣ этого слова. Свобода общественной самопомощи— это, безъ сомнѣнія, важное право, но оно имѣетъ серьезное практическое значеніе лишь тамъ, гдѣ отсутствуетъ законодательная защита труда, ограниченіе предпринимательской эксплоатаціи. Прусское монархическое правительство въ 1869 году, по поводу стачки Вальденбургскихъ горнорабочихъ, дало блестящее доказательство того, что оно вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія капиталистовъ. Забастовавшіе рабочіе обратились съ просьбою о помощи непосредственно къ королю. Но король объяснилъ имъ, что онъ считаетъ правильнымъ невмѣшательство его чиновниковъ въ отношенія между трудомъ и капиталомъ и вмѣняетъ имъ въ обязанность опровергать заблужденіе, согласно которому государство своимъ законодательствомъ или административными распоряженіями можетъ помочь бѣдственному положенію рабочихъ; по его мнѣнію, это положеніе связано съ условіями труда вообще и зависитъ отъ установленнаго въ мірѣ порядка вещей, а вмѣшательство государства можетъ только воспрепятствовать правильному и спасительному развитію!!! Это была первая большая стачка послѣ изданія закона о свободѣ союзовъ. Король раздѣлялъ точку зрѣнія крайнихъ манчестерцевъ, точку зрѣнія капитализма, согласно которой государственная защита экономически слабаго противъ экономически силь-

наго является „вреднымъ вмѣшательствомъ въ естественный порядокъ вещей“.

Въ это время, когда король исповѣдывалъ чисто манчестерскіе взгляды на рабочій вопросъ, соціалъ-демократія находилась въ первой стадіи своего развитія. Нѣкоторые консервативные соціалъ-политики — Родбертусъ, Вагенеръ, д-ръ Р. Мейеръ, епископъ майнцскій Кеттелеръ и др.—поняли значеніе новаго движенія и признавали его даже справедливымъ, поскольку дѣло шло о борьбѣ съ капитализмомъ. Несомнѣнно, на соціально-политическія воззрѣнія этихъ лицъ сильно повліяло научное обоснованіе идеи „соціальной монархіи“, которое было дано въ серединѣ XIX вѣка Лоренцомъ Штейномъ. Германнъ Вагенеръ представилъ государственному канцлеру Бисмарку проектъ, въ которомъ доказывалъ необходимость соціально-монархической политики; онъ совѣтовалъ при этомъ воспользоваться услугами епископа фонъ-Кеттелера, который занимался „рабочимъ вопросомъ“ и признавалъ необходимость борьбы труда съ капиталомъ еще въ то время, когда началась дѣятельность Лассаля. Епископа Кеттелера для этой цѣли нужно было провозгласить „примасомъ Германіи“. По идеѣ Вагенера монархическая государственная власть въ союзѣ съ церковью должна была сломить господство капитала и установить „государственную организацію производства“. Въ это время начался „культуркампфъ“; онъ разрушилъ всѣ надежды на осуществленіе этого проекта. Тогда возникла идея о „соціальномъ императорѣ“, который, взявъ на себя проведеніе соціальныхъ реформъ, долженъ былъ пріобрѣсть прочное вліяніе на рабочія массы.

Въ одномъ мемуарѣ, найденномъ въ бумагахъ Родбертуса, Вагенеръ предлагаетъ, чтобы императоръ издалъ торжественный манифестъ, провозглашающій „энергичную соціальную политику“. Между прочимъ, согласно этому проекту, слѣдовало установить

табачную монополію, доходы съ которой должны были идти на соціалъ-реформаторскія мѣропріятія, ввести фабричную инспекцію, создать широкую защиту труда, а также уничтожить всѣ пошлины и налоги на пищевые продукты, потребляемые народомъ. По этому поводу въ мемуарѣ говорится:

„Этотъ манифестъ долженъ быть обнародованъ въ такой формѣ, чтобы произвесть впечатлѣніе серьезнаго и хорошо обдуманнаго рѣшенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудить довѣріе рабочаго класса. Поэтому проектированныя реформы и основная тенденція, положенная въ ихъ основу, должны быть ясно выражены въ государственномъ актѣ... Когда проектируется какое-нибудь важное мѣропріятіе, то можетъ быть только выгодно, если королевская власть является творцомъ и руководителемъ реформы".

Однако князь Бисмаркъ остался противникомъ всякой широкой защиты труда и прежде всего противникомъ отмѣны косвенныхъ налоговъ на предметы народнаго потребленія. Но онъ зато черезъ нѣсколько лѣтъ высказался за идею табачной монополіи. И если монархическое правительство не согласилось съ предложеніями консервативныхъ политиковъ, то тѣмъ болѣе оно отвергло требованіе законодательной защиты труда со стороны соціалъ-демократіи. Въ 1877 году сотни народныхъ собраній, созванныхъ по почину соціалъ-демократовъ, обратились къ имперскому правительству съ петиціями, требовавшими законодательныхъ мѣропріятій для улучшенія положенія рабочихъ; они требовали учрежденія промышленныхъ третейскихъ судовъ, ограниченія женскаго и уничтоженія дѣтскаго труда, установленія закономъ нормальнаго рабочаго дня, обезпеченія рабочихъ въ случаѣ старости и инвалидности, удовлетворительнаго закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и пр. Тогда правительство опубликовало въ своемъ органѣ „Про-

винціальная Корреспонденція" нѣчто вродѣ мемуара, въ которомъ говорится:

„Проведеніе подобныхъ чрезвычайныхъ мѣропріятій въ пользу рабочихъ было бы очень опасно. Стремленія къ преобразованію существующей общественной организаціи сдѣлались бы еще сильнѣе, если бы правительство, подъ давленіемъ резолюцій, принятыхъ на народныхъ собраніяхъ, пошло на уступки и отказалось отъ своихъ основныхъ принциповъ".

Четыре года спустя, когда соціалъ-демократія была связана исключительнымъ закономъ, 17 октября 1881 года неожиданно появился государственный актъ, отвѣчающій предложенію Вагенера. Рейхстагъ получилъ отъ императора посланіе, въ которомъ послѣдній, развивая свою „программу соціальныхъ реформъ", между прочимъ высказалъ убѣжденіе, „что исцѣленія отъ соціальныхъ недуговъ не слѣдуетъ искать исключительно въ репрессіяхъ по отношенію къ соціалъ-демократамъ, но также и въ поднятіи благосостоянія рабочихъ". Такимъ образомъ, по его словамъ, отечеству будетъ обезпеченъ продолжительный внутренній миръ, а нуждающимся будетъ обезпечена помощь государства. Въ этомъ смыслѣ посланіе указываетъ на проектъ страхованія рабочихъ, для проведенія котораго необходимо добыть новыя средства, главнымъ образомъ, путемъ установленія табачной монополіи. Князь Бисмаркъ устами своихъ наемныхъ писакъ выдавалъ впослѣдствіи эту монополію, къ утвержденію которой онъ напрасно стремился въ 1882 году, за „достояніе неимущихъ".

Соціалъ-демократы уже давно тщетно добивались страхованія рабочихъ на случай болѣзни, старости и инвалидности; это страхованіе было обѣщано въ посланіи императора. Но теперь, когда исключительный законъ препятствовалъ открытой пропагандѣ соціалъ-демократовъ, правительство не

могло быть заподозрѣно въ томъ, что оно уступаетъ требованію резолюцій, принятыхъ на народныхъ собраніяхъ; вѣдь, теперь соціалъ-демократія должна была молчать: она была отдана во власть полицейскаго произвола. Теперь правительство могло ссылаться на свое „добровольное и добросовѣстное рѣшеніе“. Теперь, по мнѣнію или по демагогическому заявленію всѣхъ „политиковъ порядка“, создалась „соціальная монархія“.

На самомъ дѣлѣ реакція имѣла цѣлью воспользоваться реформой для того, чтобы отвлечь рабочія массы отъ соціалъ-демократіи и внушить имъ, что на почвѣ отеческаго соціальнаго правительства имперіи расцвѣтетъ соціальное счастье. Послѣдующія событія показали, какъ ошибочна была спекуляція. Мы оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли императоръ думалъ, что обѣщанные законы о страхованіи рабочихъ могутъ разрѣшить соціальную проблему. — Если онъ дѣйствительно такъ думалъ, то это показываетъ, что онъ совершенно не понималъ содержанія и значенія соціальнаго вопроса.

Князь Бисмаркъ сказалъ 29 марта 1889 года: „Я могу приписать себѣ иниціативу всей соціальной политики“. Поскольку дѣло идетъ объ идеѣ—это невѣрно; мы уже видѣли, что весь планъ былъ составленъ консервативнымъ соціалъ-политикомъ Вагенеромъ. Во всякомъ случаѣ, взявъ на себя отвѣтственность за посланіе императора отъ 17 ноября 1881 года, Бисмаркъ руководился чисто спекулятивными соображеніями. Ему нужно было страхованіе рабочихъ въ качествѣ „объекта компенсаціи“ для новыхъ косвенныхъ налоговъ и для табачной монополіи.

Реакціонныя же партіи связали съ этимъ законодательствомъ еще другую спекуляцію: онѣ хотѣли отнять у рабочихъ право выборовъ въ рейхстагъ и свободу союзовъ. Не разъ уже фонъ

Штуммъ совершенно открыто высказывалъ эту мысль въ рейхстагѣ; онъ говорилъ: „При такомъ внимательномъ соціальномъ попеченіи рабочіе не имѣютъ поводовъ для справедливой жалобы; поэтому они могутъ обойтись безъ права выборовъ въ рейхстагъ и безъ права коалицій".

Послѣ этого совершенно ясно, насколько нелѣпа была идея, что съ соціалъ-демократіей можно бороться, вводя учрежденія, которыхъ требовали сами соціалъ-демократы и при томъ въ гораздо болѣе совершенной формѣ, тогда какъ правительство и господствующія классы оказывали энергичное сопротивленіе этимъ требованіемъ.

3. Попытки осуществленія соціальной имперіи.

Соціально-политическіе декреты Вильгельма II.—Восхваленіе императора и поруганіе соціалъ-демократіи въ вопросѣ объ интернаціональной и національной защитѣ труда.—Политическія спекуляціи, которыя, по свидѣтельству Бисмарка, были связаны съ соціальными реформами.—Политика подстрекательства.—Сужденія Вильгельма II о борьбѣ труда и капитала.—Критика этихъ сужденій.—Проектъ репрессивныхъ законовъ противъ стачекъ.—Жалоба реакціонеровъ на „неблагодарность" рабочихъ.—Требованіе отъ рабочихъ, чтобы они отказались отъ своихъ правъ и вольностей ради соціальной реформы.—Соціальная реформа не можетъ быть втиснута въ рамки специфически монархической задачи; она не зависитъ отъ доброй воли монарха.—Обратная сторона медали: обремененіе и эксплоатація рабочаго класса системой пошлинъ и косвенныхъ налоговъ.

Идея соціальной имперіи пышно расцвѣла въ первые годы царствованія Вильгельма II. 4-го февраля 1890 г. императоръ объявилъ въ своемъ указѣ на имя имперскаго канцлера, что онъ рѣшилъ озаботиться улучшеніемъ быта нѣмецкихъ рабочихъ, насколько это не препятствуетъ нѣмецкой промышленности успѣшно конкуррировать на международномъ рынкѣ. При этомъ онъ указалъ на необходимость международнаго соглашенія.

Проектированная конференція, на которую должны были получить приглашенія правительства Англіи, Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, по словамъ указа, созывалась для того, чтобы „подвергнуть со-

вмѣстному обсужденію тѣ требованія, которыя уже обсуждались на международныхъ рабочихъ конгрессахъ".

Послѣднее замѣчаніе указываетъ на то, что взгляцы императора на международную защиту труда были разумнѣе, чѣмъ воззрѣнія господствующихъ классовъ и партій. Соціалъ-демократія давно уже пропагандировала этотъ проектъ; парижскій рабочій конгрессъ, созванный по почину соціалъ-демократіи въ іюлѣ 1889 года, занялъ вполнѣ опредѣленное положеніе по этому вопросу. За это соціалъ-демократія подверглась въ высшей степени фривольнымъ нападкамъ нѣмецкихъ правительственныхъ органовъ и охранительной прессы; соціалъ-демократы обвинялись въ томъ, что они хотятъ воспользоваться международною защитою труда лишь въ цѣляхъ подготовки „переворота"; находились даже такіе органы, которые высказывали въ высшей степени странное утвержденіе, будто международная защита труда является „соціалъ-демократической утопіей!" А между тѣмъ многочисленные буржуазные соціалъ-политики высказывались въ пользу этой „утопіи", и швейцарское правительство уже въ 1881 году выступило съ проектомъ международнаго соглашенія по вопросу о защитѣ труда.

Мы склонны думать, что намѣреніе императора созвать въ Берлинѣ международную конференцію защиты труда было, главнымъ образомъ, если не исключительно, вызвано вышеупомянутымъ рабочимъ конгрессомъ. Конференція собралась 15-го марта 1890 года.

Въ четвертомъ засѣданіи было сообщено о письмѣ папы Льва XIII къ императору [1], въ которомъ послѣднему воздавалась хвала за то, что онъ „въ такихъ широкихъ размѣрахъ предпринялъ это благородное дѣло, имѣющее міровое значеніе и заслу-

[1] Die Protokolle der internationalen Arbeiterschützkonferenz. In amtlichem Auftrag. Leipzig 1890. S. 37 ff.

живающее серьезнаго вниманія". Органы нѣмецкихъ „охранительныхъ" партій также восхваляли императора — тѣ самые органы, которые такъ позорно поносили соціалъ-демократовъ за ихъ выступленіе въ пользу международной защиты труда! Это еще разъ съ очевидностью показало, что господствующіе классы и партіи признаютъ хорошее и необходимое въ соціальной политикѣ не изъ любви къ истинѣ и справедливости. Если рабочіе самостоятельно, независимо отъ руководящихъ сферъ, требуютъ соціально-политическихъ реформъ, которыя являются необходимыми въ силу соціальныхъ условій и требованій науки, тогда „охранительная" мораль называетъ ихъ „сѣятелями смуты", „разрушителями", „подстрекателями" и „утопистами". Когда же эти требованія высказываются императоромъ, тогда „благомыслящіе" хоромъ прославляютъ его, какъ „великаго, благороднаго человѣка, который понялъ духъ времени". Въ этомъ фактѣ ярко выразились духовный застой, безхарактерность и неспособность современныхъ господствующихъ классовъ.

Труды международной конференціи были совершенно безрезультатны. Тѣмъ не менѣе она дала санкцію монархическаго авторитета принципу, за признаніе котораго такъ долго вела борьбу соціалъ-демократія.

Одновременно съ вышеупомянутой прокламаціей императоръ, въ качествѣ прусскаго короля, издалъ указъ на имя министра общественныхъ работъ, торговли и промышленности. Этотъ указъ признаетъ недостаточнымъ тѣ законодательныя и административныя мѣропріятія, которыя были приняты до сихъ поръ.

„На ряду съ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства о страхованіи рабочихъ слѣдуетъ пересмотрѣть статьи существующаго промышленнаго устава, касающіяся положенія рабочихъ, для того, чтобы

пойти навстрѣчу раздающимся жалобамъ и требованіямъ, поскольку онѣ окажутся основательными. Въ основу этого пересмотра долженъ быть положенъ слѣдующій принципъ: одною изъ задачъ государства является регулированіе условій труда, которое имѣетъ цѣлью охранять здоровье и нравственность рабочихъ, удовлетворять ихъ экономическія нужды и установить полное равенство передъ закономъ".

Далѣе предполагалось учредить промышленные третейскіе суды, въ которыхъ рабочіе должны участвовать черезъ своихъ представителей. Государственные рудники должны сдѣлаться образцовыми учрежденіями въ смыслѣ попеченія о рабочихъ.

Самъ Бисмаркъ призналъ, послѣ своего паденія, въ бесѣдѣ съ издателемъ національно-либеральнаго „Франкфуртскаго Журнала", очевидно, чувствуя потребность въ реваншѣ, что въ этихъ заявленіяхъ „соціальной имперіи" играла роль и политическая спекуляція. По его словамъ, онъ былъ принципіальнымъ противникомъ вышеупомянутыхъ указовъ и старался ихъ смягчить, конечно, въ интересахъ предпринимателей. Относительно международной конференціи Бисмаркъ заявилъ: „Я думалъ, что эта конференція будетъ извѣстнымъ тормозомъ гуманнаго подъема чувствъ нашего государя въ пользу рабочихъ". Впрочемъ, по словамъ Бисмарка, императоръ „ожидалъ благодаря указамъ успѣха при выборахъ".

Мы укажемъ еще на слова члена рейхстага, Рихарда Резике, который сообщилъ о своемъ разговорѣ съ императоромъ 6 февраля 1889 года; императоръ сказалъ ему, а также президенту вѣдомства государственнаго страхованія, что „необходимо внушить рабочимъ увѣренность въ томъ, что они являются равноправнымъ сословіемъ и во всѣхъ отношеніяхъ признаются таковымъ".

Всѣ эти заявленія дали поводъ къ ликованію соціалъ-консерваторовъ, которые говорили, что, на-

конецъ, положено прочное основаніе „соціальной монархіи“. Но затѣмъ обнаружилось все возрастающее противодѣйствіе рабочему законодательству со стороны реакціонныхъ партій, главнымъ же образомъ—со стороны крупныхъ предпринимателей; это противодѣйствіе мотивировалось между прочимъ „неблагодарностью“ рабочихъ, такъ какъ они, несмотря на заботливость правительства, не отворачиваются отъ соціалъ-демократіи, вліяніе которой все болѣе усиливается. Вскорѣ однако появились императорскія заявленія совершенно другого рода. 6 сентября 1894 года императоръ призывалъ дворянство „на борьбу за религію, нравственность и порядокъ противъ партій переворота“. Черезъ три мѣсяца въ рейхстагъ поступилъ „законопроектъ о переворотѣ“, который долженъ былъ защищать религію, монархію, семью и собственность отъ публичныхъ нападковъ. Этотъ законопроектъ былъ отклоненъ, но онъ послужилъ для предпринимателей поддержкой въ ихъ борьбѣ съ рабочими. Въ декабрѣ 1896 года императоръ восхвалялъ гамбургскихъ предпринимателей за ихъ рѣзко-отрицательное отношеніе къ требованіямъ равноправія со стороны портовыхъ рабочихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 26 февраля 1897 года, онъ заявилъ на обѣдѣ Бранденбургскаго провинціальнаго ландтага, что соціалъ-демократія—это зараза, которая должна быть искоренена до основанія.

18-го іюня 1897 года императоръ находился въ Билефельдѣ. Мѣстный магистратъ устроилъ въ честь его банкетъ, на которомъ императоръ сказалъ слѣдующее:

„Здѣсь я имѣлъ случай наблюдать благодѣтельную дѣятельность человѣка, ниспосланнаго небомъ, пастора ф. Бодельшвинга. Здѣсь и я недавно почерпнулъ новое мужество для борьбы, которую вели мои предшественники со времени основанія дома Гогенцоллерновъ: они заботились о каждомъ

поданномъ — suum cuique, о его работѣ и его заработкѣ. Итакъ, я пью этотъ кубокъ за процвѣтаніе Билефельда и за здоровье вѣрныхъ вестфальцевъ; я знаю, что ихъ вѣрность крѣпче стѣнъ Шпаренберга. Я пью за осуществленіе моей программы, которая ставитъ своей цѣлью благо моего народа, защиту національнаго труда и подавленіе всякихъ стремленій къ перевороту! Строжайшее наказаніе тому, кто препятствуетъ добровольной работѣ своего сосѣда!"

Послѣднее положеніе „Кельнская Газета" комментировала слѣдующимъ образомъ:

„Слова императора о тяжкомъ наказаніи, которое угрожаетъ всякому, препятствующему добровольной работѣ другихъ относятся къ стачкѣ каменщиковъ и плотниковъ, которая произошла нѣсколько недѣль тому назадъ въ Билефельдѣ, причемъ соціалъ-демократія примѣняла крайнія террористическія мѣры противъ рабочихъ, добровольно становившихся на работу. Эти рѣшительныя слова соотвѣтствуютъ желаніямъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ; человѣкъ, желающій работать, имѣетъ полное право на защиту отъ господства террора".

Придворные репортеры буржуазныхъ газетъ напрасно ломали себѣ головы относительно происхожденія билефельдской рѣчи императора. Въ это время пасторъ Бодельшвингъ, котораго императоръ назвалъ „ниспосланнымъ небомъ" и который извѣстенъ также въ качествѣ человѣка, изгоняющаго діавола, неожиданно повѣдалъ политическому міру, что онъ является вдохновителемъ цитированной части изъ рѣчи императора. Онъ написалъ въ „Новой Вестфальской Народной Газетѣ" слѣдующее:

„Мы находились въ вильгельмсдорфской прачешной около очистительной печи для странствующихъ нищихъ; Его Величество обратилъ особое вниманіе на это учрежденіе. Императоръ высказалъ

убѣжденіе, что если бѣдный странникъ будетъ очищенъ отъ паразитовъ и получитъ новую чистую одежду, то это одно уже составляетъ большое милосердіе и должно возбудить въ немъ желаніе работать; императоръ спросилъ, сколько времени необходимо, чтобы отработать свою одежду. Я говорилъ о затруднительности для насъ найти середину, чтобы не дать слишкомъ много или слишкомъ мало, и о томъ, что мы съ милосердіемъ соединяемъ также строгую дисциплину, что безъ дисциплины и порядка невозможно милосердіе. Между прочимъ, я говорилъ, что законодательство должно оказать защиту національному труду противъ тираніи тѣхъ людей, которые угрозами препятствуютъ свободному труду свободнаго человѣка, желающаго трудиться! Я испыталъ большую радость, встрѣтивъ полное сочувствіе Его Величества".

Черезъ годъ послѣ этого, 6 сентября 1898 года, на одномъ парадномъ обѣдѣ въ Эйнгаузенѣ (Вестфалія) императоръ держалъ рѣчь, въ которой онъ высказалъ слѣдующее:

„Подобно всѣмъ, ведущимъ промышленныя предпріятіи, Вы также зорко слѣдили за развитіемъ нашихъ соціальныхъ условій, и я предпринялъ мѣропріятія, имѣющія цѣлью помочь Вамъ, поскольку это въ моей власти, и предохранить Васъ отъ тяжелаго экономическаго положенія. Защита нѣмецкаго труда, защита того, кто желаетъ работать, была мною торжественно обѣщана въ прошломъ году въ городѣ Билефельдѣ. Законопроектъ близится къ своему осуществленію и будетъ въ этомъ году предложенъ народнымъ представителямъ; этотъ законъ угрожаетъ каторжными работами всякому, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни назывался, кто будетъ препятствовать нѣмецкому рабочему добровольно исполнять свою работу, или будетъ его склонять къ стачкѣ. Я говорилъ о наказаніи и надѣюсь, что народъ, въ лицѣ своихъ представителей,

согласится со мной и защититъ, насколько это возможно, нашъ національный трудъ. Необходимо гарантировать торжество права и законности, и я сдѣлаю для этого все возможное".

Мы, а вмѣстѣ съ нами и многіе буржуазные соціалъ-политики, понимаемъ подъ защитой права и законности, поскольку это касается борьбы между трудомъ и капиталомъ, слѣдующее: существующій правовой и хозяйственный порядокъ и дѣйствующее законодательство предоставляютъ рабочимъ безспорное право организаціи въ цѣляхъ улучшенія условій труда, право объединяться въ союзы и устраивать стачки. Съ этимъ связано, очевидно, и право открыто выражать убѣжденіе въ необходимости устроить стачку; впрочемъ, это право предоставлено кромѣ того и конституціей. Безъ приглашенія къ стачкѣ, безъ обоснованія необходимости и справедливости стачки, не можетъ быть и рѣчи о правѣ коалицій для рабочихъ. Защищать это право, предупреждать нарушеніе этого права со стороны предпринимателей — вотъ что, по нашему мнѣнію, является долгомъ народныхъ представителей. Кто осмѣливается злоупотреблять своимъ экономическимъ преобладаніемъ и принуждать рабочихъ къ отказу отъ ихъ права объединяться, тотъ долженъ подлежать наказанію!

Человѣкъ, который окажется виновнымъ въ подобномъ нарушеніи существующаго правового порядка, долженъ быть строго наказанъ, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни назывался — частный промышленникъ или руководитель общественнаго предпріятія.

Національному труду должна быть обезпечена защита! Если бы намъ пришлось давать совѣты императору, то мы сказали бы ему слѣдующее: Прогрессъ національнаго труда возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочій классъ находится въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ и если эти условія

постоянно приспособляются къ общему культурному прогрессу. Тенденціи капитализма враждебны этому прогрессу, такъ какъ капиталисты, говоря объ интересахъ національнаго труда, подразумѣваютъ всегда лишь свои собственные интересы. Капитализмъ стремится къ неограниченной свободѣ эксплоатаціи. Даже законодательную защиту труда онъ признаетъ лишь противъ своей воли. Вполнѣ понятно, что классъ капиталистовъ употребляетъ свое могущество и вліяніе, чтобы уничтожить свободу рабочихъ объединяться для борьбы съ капиталомъ и, такимъ образомъ, навязать имъ условія труда, наиболѣе соотвѣтствующія выгодѣ предпринимателей. Послѣдствіями господства капиталистическаго хозяйства являются ухудшеніе условій существованія рабочаго класса, уменьшеніе его потребительной способности путемъ пониженія заработной платы и расточеніе народной силы. Въ результатѣ національный трудъ долженъ погибнуть, если рабочіе не будутъ имѣть возможности бороться съ этими условіями, организуясь въ союзы и устраивая стачки. Поэтому, для защиты и развитія національнаго труда самымъ дѣйствительнымъ средствомъ является предоставленіе рабочему классу полной свободы объединяться для борьбы съ капиталомъ за улучшеніе своего экономическаго положенія.

Наконецъ, появился обѣщанный императоромъ законопроектъ. Онъ вполнѣ отвѣчалъ желаніямъ капиталистовъ, которые давно уже требовали защиты національнаго труда отъ „терроризма соціалъ-демократіи“; эти требованія сводились къ уничтоженію свободы коалиціоннаго права рабочихъ. Имперское министерство старалось вызвать въ народѣ настроеніе, благопріятное для законопроекта; для этой пропаганды оно получило средства отъ предпринимателей. Центральный союзъ промышленниковъ передалъ черезъ своего секретаря Бюка 12000 марокъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ

по его настоятельному требованію. Этотъ фактъ былъ разоблаченъ соціалъ-демократической „Лейпцигской Народной Газетой“. Осуществленію законопроекта воспрепятствовала господствующая партія рейхстага — центръ; эта партія не могла рѣшиться игнорировать рѣшительную оппозицію противъ этого законопроекта со стороны всѣхъ рабочихъ, даже и католическихъ.

Напрасно старался императоръ употребить свой личный авторитетъ для проведенія закона. Ни къ чему не привели также и указанія части прессы на то, что отклоненіе этого закона можетъ нанести ущербъ авторитету императора. Находились даже люди, которые желали, чтобы въ данномъ случаѣ восторжествовалъ принципъ, высказанный императоромъ въ 1891 г.: „Suprema lex regis voluntas“. Таково было въ общихъ чертахъ развитіе соціальной политики императора, поскольку она касается рабочаго вопроса. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить политику, направленную къ поддержкѣ людей „средняго состоянія“, которыхъ консерваторы называютъ „надежнѣйшей опорой престола“, „оплотомъ противъ переворота“, „неотъемлемой составной частью монархическаго строя“. Полное банкротство этой политики, при помощи которой консерваторы стремились направить мелкихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ на соціалъ-демократію, давно уже стало очевиднымъ. Точно также оказалась грубымъ обманомъ и аграрная политика, выставленная консервативными демагогами; они утверждали, что эта политика и, главнымъ образомъ, система запретительныхъ пошлинъ должны оказать крестьянамъ защиту и помощь.

Если реакціонеры прославляютъ „соціальную монархію“ и кричатъ о „неблагодарности“ рабочихъ, которые не хотятъ дѣлать того же, то имъ можно отвѣтить, что рабочіе не имѣютъ ни малѣйшей причины быть благодарными: правитель-

ство, лишь подъ давленіемъ непреодолимыхъ общественныхъ условій, ввело учрежденія, которыя къ тому же — независимо отъ ихъ справедливости и гуманности,—были продиктованы интересами самой имперіи. Если государство не желаетъ, чтобы народныя силы были окончательно истощены капиталистической эксплоатаціей, то оно должно защитить ихъ отъ этой эксплоатаціи. Вѣдь государство строитъ свое общественное зданіе исключительно на рабочей силѣ народныхъ массъ; эта сила является источникомъ существованія и прогресса человѣческаго общества. Рабочій классъ имѣетъ неотъемлемое естественное и нравственное право не просить, но категорически требовать отъ государства защиты. Законодательная защита труда не есть милостыня или благодѣяніе; устанавливая это законодательство, правительство исполняетъ лишь свой долгъ по отношенію къ рабочимъ.

Развѣ капиталисты, промышленники, сельскіе хозяева и ремесленники выражали благодарность по отношенію къ правительству, когда послѣднее проводило законы, отвѣчающіе ихъ интересамъ? Нѣтъ, они разсматривали попеченіе о ихъ интересахъ, какъ нѣчто само собою понятное, какъ удовлетвореніе ихъ законныхъ требованій; они не считали себя обязанными благодарить правительство, а видѣли въ осуществленіи этихъ реформъ истинное назначеніе государства и государственной власти. Можно ли послѣ этого ожидать отъ рабочихъ благодарности за то только, что правительство провело нѣсколько соціально-политическихъ законовъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ интересамъ пролетаріата; а вѣдь подъ этою благодарностью подразумѣвается, что рабочій классъ откажется отъ демократическаго принципа, отвернется отъ соціалъ-демократіи и станетъ исповѣдывать „монархическія убѣжденія!“ Это требованіе тѣмъ болѣе нелѣпо, что все рабочее законодательство является не чѣмъ инымъ,

какъ уступкою демократическому принципу, которую заставили сдѣлать сами же рабочіе. Демократическій принципъ есть единственный источникъ рабочаго законодательства, а между тѣмъ извѣстные элементы стараются затемнить истину и доказать, что законодательная защита труда не есть обязанность государства, но милость и благоволеніе монарха и господствующихъ классовъ.

10 декабря 1903 года имперскій канцлеръ графъ Бюловъ прямо указывалъ рабочимъ на благоволеніе императора; онъ говорилъ: „Стремленіе соціалъ-демократіи связать рабочее движеніе съ антимонархическими цѣлями и тенденціями болѣе всего затрудняетъ движеніе въ пользу рабочихъ и задерживаетъ улучшеніе ихъ положенія“. Не значитъ ли это, что рабочіе для цѣлей соціальной реформы должны снискать благоволеніе монарха, сдѣлавшись монархистами?

Если бы мы пожелали сдѣлать монархическое правительство отвѣтственнымъ за всѣ соціальныя и экономическія бѣдствія, за возникновеніе и обостреніе соціальнаго вопроса и при этомъ не указали на другихъ виновниковъ, главнымъ образомъ на капитализмъ, на насъ обрушился бы цѣлый потокъ „нравственнаго негодованія“, хотя монархія и дѣйствительно является, на ряду съ другими факторами, отвѣтственной въ этомъ вопросѣ. Какъ же можно въ такомъ случаѣ утверждать, что соціальныя реформы,—попеченіе о рабочемъ классѣ, законодательная защита бѣдныхъ и слабыхъ, — являются исключительной „монархической“ прерогативой, специфической задачей „соціальной монархіи“? Не является ли соціальная политика въ республиканскихъ странахъ, въ Швейцаріи и Франціи, подражаніемъ или присвоеніемъ „монархической прерогативы“? Нѣтъ, тамъ такъ же, какъ и у насъ, она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ экономическихъ и соціальныхъ условій. Въ Англіи государственная

власть гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи, занялась рабочимъ законодательствомъ. Но ни одному политическому дѣятелю не приходило тамъ въ голову связывать съ этимъ произвольное понятіе о „соціальной монархіи“ или требовать отъ рабочихъ благодарности по отношенію къ монархическому правительству.

Соціальный вопросъ и, главнымъ образомъ, рабочій вопросъ — вопросъ права, справедливости, разума и политической силы и не зависитъ отъ „монархическаго“ и вообще отъ какого бы то ни было благоволенія. Когда соціалъ-демократія сдѣлалась силой, которую нельзя было сломить даже исключительнымъ закономъ, тогда только приведена въ исполненіе соціальная реформа, появившаяся подъ знаменемъ монархіи. Бисмаркъ проговорился относительно истинной причины этой реформы въ своемъ отвѣтѣ депутату-соціалисту, заявившему, что правительство приступило къ соціальной реформѣ лишь подъ давленіемъ соціалъ-демократіи. Бисмаркъ сказалъ:

„Если бы не существовало соціалъ-демократовъ и народныхъ массъ, боящихся соціалъ-демократіи, то не было бы и тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, которые мы сдѣлали въ области соціальной реформы“. У Шеффле [1] мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „И въ практическомъ отношеніи демократическій коллективизмъ (соціалъ-демократія) имѣлъ большое значеніе, такъ какъ онъ оказалъ критическое и политическое давленіе на проведеніе соціальной реформы, которая была принята въ Германіи монархіей“.

Кромѣ того всякому, кто требуетъ признанія „соціальной имперіи“ и благодарности рабочихъ, не мѣшаетъ указать на слѣдующіе факты.

Бремя страхованія рабочихъ прямо или косвенно несетъ, главнымъ образомъ, самъ рабочій классъ.

---

[1] Шеффле. Квинтъ-эссенція соціализма.

Рабочіе дѣлаютъ регулярные взносы для этой цѣли, предприниматели же стараются свалить на рабочій классъ свои расходы по страхованію рабочихъ; кромѣ того расходы предпринимателей являются частью прибавочной цѣнности, созданной рабочими; предприниматели стараются избѣжать убытковъ, усиливая эксплоатацію рабочей силы. Что же касается расходовъ имперскаго правительства, то и эту часть уплачиваютъ главнымъ образомъ рабочіе, въ видѣ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости. Этотъ фактъ окончательно разрушаетъ искусственно построенное понятіе о „соціальной имперіи".

Нѣтъ ни одной системы налоговъ болѣе обременительной для рабочихъ массъ, чѣмъ система таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ. Эта система прямо разсчитана на то, чтобы обложить рабочій классъ въ пользу собственниковъ, заставить этотъ классъ платить дань не только государству, но, благодаря такъ называемымъ „охранительнымъ пошлинамъ", еще и кликѣ предпринимателей и крупныхъ землевладѣльцевъ; къ тому же размѣры этой дани совершенно противорѣчатъ понятію соціальной справедливости.

Было время, когда само прусское правительство думало точно такъ же, когда прусскій король считалъ, что налоги на предметы первой необходимости, хлѣбъ, мясо и пр., противорѣчатъ справедливости, ибо такимъ образомъ „простой человѣкъ несетъ бремя въ пользу состоятельнаго", а потому „неотложнымъ требованіемъ времени" признавалась отмѣна косвенныхъ налоговъ. Приведенное нами мнѣніе высказано въ королевскомъ посланіи, которое было передано прусской палатѣ государственнымъ министерствомъ 21 сентября 1894 года. Это посланіе не имѣло однако практическихъ результатовъ. Въ періодъ „соціальной монархіи" система косвеннаго обложенія народа достигла угро-

жающихъ размѣровъ. Имперскіе финансы, а частью также и финансы отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, построены на этой системѣ, которая еще болѣе ухудшаетъ и безъ того уже неудовлетворительное экономическое положеніе рабочаго класса, затрудняетъ для него борьбу за существованіе и вредно отзывается на нашемъ національномъ хозяйствѣ, главнымъ образомъ, благодаря сельско-хозяйственнымъ и промышленнымъ покровительственнымъ пошлинамъ. Всякой попыткѣ со стороны соціалъ-демократіи и безпристрастныхъ буржуазныхъ политиковъ замѣнить эту систему прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ правительство и господствующія партіи оказывали энергичное противодѣйствіе.

Колоссальныя суммы, собранныя путемъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ, почти цѣликомъ ушли на развитіе милитаризма. Для той же цѣли были употреблены главнымъ образомъ и государственные займы, ложащіеся тяжелымъ бременемъ на рабочій классъ и достигшіе за послѣднее время 3 милліардовъ. Въ области милитаризма, связаннаго съ интересами монархіи, какъ замѣчаетъ Францъ[1] господствуютъ коммунистическіе принципы. „Если они примѣняются въ этой области,—говоритъ далѣе этотъ писатель,—то они должны бы примѣняться и въ области мирнаго труда—въ этомъ заключается вся задача соціальнаго вопроса. Наши государства, образовавшіяся на почвѣ феодализма, который былъ военной организаціей, гораздо лучше приспособлены къ военному дѣлу, чѣмъ къ дѣлу мира. Какимъ ничтожнымъ является по сравненію съ военнымъ министерствомъ министерство труда, если только оно вообще существуетъ. Вездѣ на первомъ планѣ стоитъ организація войска, а не

[1] Constantin Frantz. Die sociale Steuerreform als die condition sine qua non, wenn der socialen Revolution vorgebeugt werden soll. Mainz. 1881. S. 120.

организація труда, отъ которой для рабочаго класса зависитъ почти все".

Эти факты достаточно ясно доказываютъ, что такое представляетъ изъ себя „соціальная имперія".

4. Соціально-монархическая критика и антикритика.

Научное обоснованіе идеи „соціальной монархіи", данное Лоренцомъ Штейномъ.—Буржуазное государство и королевская власть.—Распаденіе буржуазнаго государства.—Склонность буржуазіи къ абсолютизму.—Соединеніе монархіи съ анархизмомъ.—Соединеніе „соціальной монархіи" съ идеей христіанскаго государства.—„Капиталистическій король" и его противоположность.—Миттельштедтъ объ авантюрѣ соціальной монархіи.—Взглядъ Менгера на соглашеніе между рабочимъ классомъ и монархіей.—Мнѣніе Геркнера о соціальной миссіи королевской власти.—Несостоятельность подобной миссіи.

„Нельзя отрицать,—говоритъ Циглеръ,—что въ основѣ соціализма лежитъ республиканская идея. Но, съ другой стороны, нѣкоторые консервативные соціалисты возлагаютъ свои надежды на сильную монархію, которая должна осуществить ихъ требованія. Какимъ образомъ можно примирить съ соціалъ-демократической идеей равенства принципъ наслѣдственности и привилегіи, которыя принадлежатъ и должны принадлежать особѣ монарха—на этотъ вопросъ я не могу отвѣтить. Но всемірная исторія даетъ намъ примѣры подобной непослѣдовательности, а потому соединеніе этихъ, повидимому, несовмѣстимыхъ принциповъ нельзя наперед отнести къ области невозможнаго. Во всякомъ случаѣ, великодушный государь могъ бы попытаться стать во главѣ движенія и, въ качествѣ государя рабочихъ и соціалистическаго короля, направить это движеніе по пути реформъ, опредѣлить согласно своей волѣ его границы и даже распространить его на другія страны путемъ интернаціональнаго соглашенія. Опасность подобнаго предпріятія заключается въ томъ, что реформаторъ можетъ попасть въ положеніе ученика волшебника, который, вызвавъ духовъ, не могъ отъ нихъ отдѣлаться и долженъ былъ обратиться за помощью къ своему учителю".

Сейчасъ же послѣ появленія извѣстной книги Циглера [1], „Кельнская газета“ писала (21 іюня 1891 г.), что Циглеръ—это „талантливый и симпатичный представитель опаснаго направленія“. Это мнѣніе газета обосновываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Иной честный и благомыслящій человѣкъ безпрестанно ломаетъ себѣ голову надъ вопросомъ о положеніи рабочаго класса и, въ концѣ концовъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ, какъ ему подсказываетъ сердце; надъ тѣмъ, нельзя ли придумать такой государственный и общественный порядокъ, который давалъ бы чернорабочимъ возможность пользоваться благами культуры, предоставляя большую заработную плату, большій досугъ и лучшее умственное и нравственное образованіе. Существуютъ, такъ сказать, придворные соціалъ-демократы, которые хотятъ низвести германскаго императора на степень соціалистическаго императора, который, опираясь на массы, подавилъ бы буржуазію. Въ этой заразительности соціалистическихъ идей и заключается дѣйствительная опасность, которая намъ угрожаетъ“.

Это мнѣніе имѣетъ своимъ источникомъ капиталистическое міросозерцаніе, необходимой предпосылкой котораго является косность соціальнаго мышленія, абсолютное подчиненіе духа капиталистическимъ интересамъ и слѣпая вѣра въ „неизмѣнность“ существующаго способа производства. Кто осмѣливается хотя бы немного уклониться отъ капиталистической догмы и склоняется къ мысли о соціальной реформѣ, тотъ подвергается капиталистической анаѳемѣ.

Въ чемъ же заключается причина того, что „зародыши соціалистическихъ идей“ проникаютъ въ умы представителей господствующихъ классовъ? Вѣра въ „вѣчное право“ капиталистическаго обще-

[1] Theobald Ziegler. Die Soziale Frage eine sittliche Frage, Leipzig, 1899.

ства потрясена до основанія даже среди этихъ классовъ, убѣжденіе въ непрочности существующаго экономическаго строя даже въ этихъ слояхъ общества все болѣе прокладываетъ себѣ дорогу. Параллельно съ этимъ распространяются соціалистическія идеи, завоевывая себѣ господствующее значеніе. И мы увидимъ еще, какъ изъ „зародышей соціалистическихъ идей", проникающихъ въ „образованное" общество, вырастетъ нѣчто, совершенно не похожее на сочиненія „благомыслящихъ людей" à la Циглеръ. Капитализмъ, добивающійся подъ маскою либерализма неограниченнаго господства, можетъ быть спокоенъ: въ Германіи никогда не будетъ „соціалистическаго цезаря". Развитіе соціализма не пойдетъ по „царственному пути соціальной монархіи"; самъ Циглеръ говоритъ, что этотъ путь весьма близокъ къ „ложному пути цезаризма, который кормитъ массы хлѣбомъ и зрѣлищами, но никогда ихъ не удовлетворяетъ".

Въ концѣ октября 1893 года „Крестовая Газета" старалась доказать преимущество „соціальной монархіи" передъ республикой; по мнѣнію этой газеты, современное положеніе вещей даетъ монарху возможность, улучшивъ управленіе и усиливъ заботу о народномъ благѣ, доказать, что республика является „худшимъ государственнымъ строемъ"; наша эпоха „стоитъ подъ звѣздою соціальнаго вопроса" и заботы объ экономическихъ интересахъ; это сильнѣе всего обнаружилось въ Германіи; намъ предстоитъ разрѣшить великую соціальную задачу: „Какимъ образомъ уничтожить классовыя противорѣчія и улучшить экономическое положеніе народа?" Далѣе говорится:

„Разрѣшивъ эту задачу, монархія можетъ доказать, что она призвана осуществить реформы, невозможныя въ республикѣ съ ея господствомъ плутократіи или даже народныхъ массъ. Классовыя противорѣчія сталкиваются съ необычайною силой. Соціалъ-

демократія ополчается противъ собственниковъ, но сила монархіи сумѣетъ сохранить право частной собственности. Введенные въ заблужденіе „свободомыслящіе“ стремятся къ разрушенію сельскаго хозяйства, къ разоренію нашего главнѣйшаго промышленнаго сословія при помощи русскаго торговаго договора и другихъ мѣропріятій, конечнымъ результатомъ которыхъ является банкротство большинства землевладѣльцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніе государственнаго строя. Въ этомъ вопросѣ монархія можетъ проявить свое призваніе, спасти насъ отъ гибели и такимъ образомъ блестяще доказать свое право на существованіе, доказать не намъ—этого намъ не нужно—а тому великому „республиканскому теченію“, которое проносится надъ міромъ“.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проповѣдью „соціальной монархіи“, причемъ предполагается, что монархическое правительство отожествляетъ свои интересы съ интересами аграріевъ.

Мы уже установили на основаніи историческихъ данныхъ, что рабочій классъ не имѣетъ особенныхъ основаній восторгаться буржуазной республикой. Деспотизмъ уживается въ республикѣ такъ же хорошо, какъ и въ монархіи. Болѣе того, тиранія большинства, господство одного класса при республиканской формѣ правленія можетъ стать источникомъ еще большаго угнетенія, чѣмъ при монархическомъ единодержавіи. Факты на лицо—мы видимъ, что въ республикахъ нашего времени, а особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, капитализмъ претендуетъ на абсолютное господство надъ трудящимся народомъ. Въ Америкѣ капиталисты заявили даже притязаніе на власть „милостію Божіею!“

„Daily Mail“ получила 22 августа 1902 года слѣдующее сообщеніе изъ Нью-Іорка: „Mr. Baer, президентъ Ридингской желѣзной дороги, получилъ письмо, въ которомъ онъ, какъ христіанинъ, при-

глашается содѣйствовать мирному окончанію стачки углекоповъ въ Пенсильваніи. Mr. Baer отвѣтилъ, что авторъ письма, очевидно, настроенъ въ пользу рабочихъ. Далѣе онъ говоритъ:

„Права и интересы рабочаго охраняются и защищаются не агитаторами, а тѣми благочестивыми людьми, которымъ Богъ въ своей непостижимой мудрости довѣрилъ интересы и собственность страны. Молитесь усердно, чтобы восторжествовало право, и никогда не забывайте, что всемогущій Богъ все еще управляетъ міромъ и что его царство есть царство законности и порядка, а не насилія и произвола“.

Такимъ образомъ, мамону приписывается здѣсь божественное право на власть. Подобно абсолютнымъ монархамъ прежнихъ временъ, капиталисты являются замѣстителями и повѣренными Бога на землѣ! Дюжина милліонеровъ властвуетъ „Божіею милостію“ надъ народомъ и владѣетъ его богатствомъ! И это происходитъ въ великой республикѣ!

Конечно, изъ преступленій, совершавшихся и совершаемыхъ буржуазной республикой, нельзя дѣлать заключеніе, что монархія является необходимымъ условіемъ соціальной реформы. Нельзя только не отмѣтить однородности хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, однородности классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы въ республикѣ и въ монархіи. Самостоятельное рабочее движеніе вездѣ является возбудителемъ культурнаго прогресса; не будь этого возбудителя, Германія также не получила бы „соціальной реформы сверху“. Какъ въ монархіи, такъ и въ республикѣ рабочій классъ долженъ сдѣлаться могущественной политической силой и пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на законодательство и управленіе; тогда пролетаріатъ добьется того, чего онъ тщетно ожидалъ бы отъ „личной совѣсти монарха“.

Соціальный вопросъ зависитъ только отъ историческихъ условій и не стоитъ ни въ какой связи съ монархическимъ принципомъ. Развѣ можетъ кто-либо утверждать, что для осуществленія соціальной справедливости Швейцарія, Франція и С. А. Соединенные Штаты должны превратиться въ монархіи?

Маленькая республиканская Швейцарія провела уже цѣлый рядъ законовъ въ области охраны труда, когда въ могущественной Германіи еще и не думали о соціальной реформѣ; точно также Швейцарія первая подала мысль о международной защитѣ труда, причемъ она не встрѣтила сочувствія со стороны монархическихъ государствъ.

Правда, для демократіи соціальный вопросъ гораздо опаснѣе, чѣмъ для монархіи. Исторія знаетъ не мало примѣровъ гибели демократическихъ государствъ. Апологеты монархіи утверждаютъ, что это объясняется „нелѣпостью демократическихъ принциповъ“, что въ этомъ проявляется дѣйствіе „разрушительнаго демократическаго духа“. На самомъ же дѣлѣ демократіи уничтожались тогда, когда онѣ не были уже демократіями; классическими образцами этого являются древніе Аѳины и Римъ; классовое господство, несовмѣстимое съ демократическимъ духомъ, угнетеніе и эксплоатація труда со стороны собственниковъ повлекли за собою разрушеніе демократіи и вызвали къ жизни монархію.

Классовое господство является подводнымъ камнемъ, о который разбивается демократія. Г. Пасси, въ своей книгѣ о формахъ правленія, высказалъ вполнѣ правильную мысль, что монархія до тѣхъ поръ не можетъ превратиться въ прочную республику, пока классовыя противорѣчія будутъ препятствовать свободному развитію демократическихъ учрежденій. Эмиль Лавелэ [1] въ началѣ новой рес-

[1] Laveleye. Das Ureigentum. Autorisierte deutsche Ausgabe herausgegeben und vervollständigt von Karl Bücher. Leipzig 1879. Vorrede XVII.

публиканской эры указывалъ на то, что вопросъ о высшей соціальной справедливости, заключающейся въ экономическомъ равенствѣ, находится тамъ въ острой стадіи своего развитія. Во Франціи наступилъ „моментъ, часто повторяющійся въ исторіи, когда высшіе классы, устрашенные требованіями низшихъ классовъ и ужасами соціальной борьбы, ищутъ спасенія въ диктатурѣ". Лавелэ полагаетъ, что, когда въ 1874 году версальское Національное собраніе воспротивилось внесенію въ конституцію вопроса о республиканской формѣ правленія, то это произошло не вслѣдствіе особой приверженности къ монархіи, а изъ страха, что вмѣстѣ съ торжествомъ демократіи снова оживутъ требованія равенства. Онъ прибавляетъ: чѣмъ острѣе обнаруживается контрастъ между богатыми и бѣдными, тѣмъ глубже будетъ переворотъ, который угрожаетъ обществу. Тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или осуществится равенство, или всѣ учрежденія политической свободы будутъ уничтожены.

Дѣйствительно, лишь въ полномъ проведеніи принципа равенства въ экономической жизни заключается истинная демократія, прочныя гарантіи сохраненія и процвѣтанія демократическаго государства. Уже Монтескье [1] настаивалъ на томъ, что экономическое равенство есть единственно прочное основаніе демократіи.

Подъ впечатлѣніемъ революціонныхъ событій во Франціи (см. VI главу), которыя такъ рѣзко обнаружили ужасъ республиканцевъ juste-milieu передъ принципомъ равенства съ его конечнымъ выводомъ—соціализмомъ, Лоренцъ Штейнъ первый попытался научно обосновать идею „соціальной монархіи". [2] По его мнѣнію, „въ борьбѣ между имущими и неимущими не принципъ личной свободы, но прин-

[1] Монтескье: Духъ законовъ III 5.
[2] Stein: Der Socialismus und Kommunismus im heutigen Frankreich. I Band. Leipzig 1848.

ципъ монархіи способенъ сгладить тѣ противорѣчія которыя возникаютъ на почвѣ этой борьбы, не вызвавъ распаденія государства и не вводя дѣйствительнаго порабощенія". Подъ монархическимъ принципомъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слѣдуетъ понимать не абсолютную монархію, а „принципъ свободной монархіи", т. е. „такую государственную форму, которая, будучи способна воспринять и переработать въ себѣ волю народа, свободно выраженную при посредствѣ народнаго представительства, тѣмъ не менѣе остается самостоятельной и независимой". Но возможно ли говорить о какой-то независимой монархіи тамъ, гдѣ воля народа является рѣшающей, гдѣ монархическая власть должна отожествляться съ ней и осуществлять ее? Самъ Штейнъ не скрываетъ отъ себя, что „монархическая власть можетъ отсрочить конечную побѣду народныхъ правъ лишь на весьма непродолжительное время".

Выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этого положенія, нельзя признать безусловно правильными; онъ утверждаетъ, что народъ, который получитъ господство въ государствѣ, будетъ не чѣмъ инымъ, какъ классомъ собственниковъ, вслѣдствіе чего въ жизни государства наступитъ положеніе, при которомъ высшая государственная власть явится по крайней мѣрѣ тожественной съ этимъ общественнымъ классомъ. Такое положеніе дѣйствительно существовало съ давнихъ временъ, и оно сохраняется до настоящаго времени; но борьба рабочаго класса направлена какъ разъ противъ господства этого класса, связаннаго своими интересами съ интересами монархической власти. Полная побѣда народныхъ правъ заключается въ уничтоженіи классового господства.

Болѣе полно Штейнъ излагаетъ это ученіе въ другомъ своемъ сочиненіи [1].

[1] Stein. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. III. Leipzig 1850.

Французская буржуазія свергла монархическую власть, которая, казалось, была еще неразрывно связана съ идеей самого государства. По этому поводу Штейнъ замѣчаетъ, что господствующіе классы не только держатъ народъ въ экономической зависимости, но стремятся также захватить и государственную власть. Поэтому государственная идея должна быть воплощена въ наслѣдственномъ монархѣ, который стоитъ выше всѣхъ общественныхъ интересовъ. Далѣе Штейнъ утверждаетъ, что это справедливо по отношенію къ династіи Гогенцоллерновъ. Пока страна имѣетъ подобнаго наслѣдственнаго монарха, въ ней не можетъ возникнуть абсолютное господство одного класса надъ другимъ. Въ данномъ случаѣ Штейнъ допустилъ грубую ошибку, ибо мы видимъ, что во всѣхъ монархическихъ государствахъ, не исключая Пруссіи и Германіи, классъ, владѣющій средствами производства, держитъ трудящіяся массы въ полномъ подчиненіи. Монархическая власть какъ разъ и служитъ точкою опоры для господствующихъ классовъ. Сила обстоятельствъ заставляетъ монархію вступить въ союзъ съ капитализмомъ, и это дѣлаетъ совершенно невозможнымъ ихъ принципіальное раздѣленіе. Такъ, напримѣръ, система современнаго милитаризма, экономическимъ слѣдствіемъ котораго является все возрастающая задолженность государства, совершенно немыслима безъ капитализма.

Основные принципы капиталистическаго общества требуютъ, чтобы всѣ мнимые или дѣйствительные идеальные интересы были подчинены интересамъ капитализма. До сихъ поръ это наблюдалось во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ.

Слѣдовательно, если монархизмъ выступитъ противъ господствующаго класса, то этотъ послѣдній постарается свергнуть монархію; „если же монархическая власть выступитъ противъ порабощенныхъ,

то она потеряетъ всеобщее расположеніе". Поэтому Штейнъ совѣтуетъ государямъ оставаться безпартійными и не поддаваться роковому заблужденію, будто „возстаніе низшихъ классовъ противъ господствующихъ есть въ то же время возмущеніе противъ самого государства и противъ монархической власти". Если монархизмъ станетъ на сторону господствующаго класса и отожествитъ себя съ нимъ, то это поведетъ къ тому, что „судьба этого класса станетъ судьбою монархіи", т. е. монархія будетъ низвергнута вмѣстѣ съ паденіемъ господствующаго класса. „Тогда,—говоритъ Штейнъ,—снизу неизбѣжно начнется движеніе противъ самой монархической власти, потому что она давала главную силу господствующему классу и потому, что народъ чувствуетъ, что монархизмъ извратилъ сущность и задачи государственной власти. И если низшій классъ одержитъ побѣду, то онъ, безъ сомнѣнія, уничтожитъ монархическую власть; если же, наоборотъ, побѣдятъ господствующіе классы, то это, конечно, послужитъ къ укрѣпленію монархіи, но тогда ненависть побѣжденнаго народа обратится на монархію, именемъ которой велась борьба, и уничтоженіе монархической власти народъ будетъ считать первымъ условіемъ своего освобожденія. Таково происхожденіе республиканскихъ идей, распространяющихся въ народѣ". Отсюда Штейнъ приходитъ къ заключенію, которое онъ считаетъ рѣшающимъ для судьбы монархизма: „Если королевская власть не можетъ добиться того, чтобы господствующіе классы растворились въ народныхъ массахъ, то она должна рано или поздно совершенно подчиниться господствующему классу; въ противномъ случаѣ она будетъ порабощена и побѣждена этимъ классомъ. На это обречены всѣ существующія монархіи".

Но какимъ образомъ монархія можетъ выполнить задачу, которую ставитъ передъ ней Штейнъ

Онъ совѣтуетъ государю стать защитникомъ принципа свободы и гарантировать каждому члену общества полную личную свободу. Монархическая власть должна представлять изъ себя органъ, стоящій выше всѣхъ общественныхъ привилегій. Монархія должна сознательно стать „естественной защитницей и помощницей угнетенной части общества. Противъ желанія высшихъ классовъ она должна выступить для возвышенія низшихъ классовъ и даже „отождествить идею свободы съ тономъ и этимъ создать для него прочную опору". Помимо своей государственной силы монархія должна пріобрѣсть „огромную соціальную силу", ибо: „самой справедливой, могущественной и чтимой монархической властью" является „монархія общественныхъ реформъ". Въ этомъ заключается „высшій жизненный законъ монархіи". Всякая монархія должна представлять изъ себя „или эфемерную власть, или деспотію, или, наконецъ, превратиться въ республику, если только она не будетъ имѣть достаточно нравственнаго мужества, чтобы стать монархіей соціальныхъ реформъ".

Съ тѣхъ поръ, какъ это было написано Штейномъ, прошло болѣе полустолѣтія. Многія событія и явленія этого періода приводятъ насъ къ убѣжденію, что у „соціальной монархіи" нѣтъ будущаго, что монархія не можетъ разрѣшить дилеммы, которую ей предлагаетъ Штейнъ; она не способна заставить господствующіе классы раствориться въ массахъ. Штейнъ совершенно не понялъ характера и послѣдствій классового господства; его ученіе о возможности „соціальной монархіи" является научной утопіей.

Буржуазное государство есть государство господствующаго класса. Не подлежитъ сомнѣнію, что конституціонная монархія несовмѣстима на долгое время съ существованіемъ буржуазнаго государства, ибо конституціонализмъ, если онъ яв-

ляется лишь кажущимся конституціонализмомъ, страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, которое приводитъ его къ гибели. Конституціонная монархія предполагаетъ „безличнаго“ монарха. Исторически же сложившаяся королевская власть неразрывно связана съ религіей и характеризуется тѣмъ, что она наслѣдственна, если не считать отдѣльныхъ случаевъ выборной монархіи, монархической диктатуры, примѣромъ которой является власть обоихъ Бонапартовъ. Наслѣдственная монархія должна опираться на религіозную догму, свой авторитетъ и полноту власти она получаетъ отъ высшаго существа, отъ Бога. Единственнымъ оправданіемъ и правовымъ обоснованіемъ наслѣдственной монархіи является теологическое положеніе: „Такова воля Бога; такъ установлено самимъ Богомъ“. Этимъ монархія предупреждаетъ всякое нескромное любопытство и всякую нежелательную критику. И король, считающій, что его власть установлена самимъ Богомъ, разсуждаетъ вполнѣ логично, когда въ раздѣленіи власти съ народнымъ представительствомъ видитъ нарушеніе божественнаго порядка вещей и утверждаетъ, что „воля короля есть высшій законъ“. Вѣдь, согласно строгому монархическому принципу, воля короля является выраженіемъ воли Бога, и монархъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отвѣтственъ лишь передъ Богомъ.

Когда монархъ высказывается противъ ограниченія своей воли, то онъ поступаетъ вполнѣ согласно съ ученіемъ о божественномъ происхожденіи власти, и если онъ дѣйствительно убѣжденъ въ своемъ божественномъ призваніи, то его поведеніе слѣдуетъ признать вполнѣ честнымъ.

Но совершенно нелогично и нечестно поступаютъ такъ называемыя „охранительныя“ партіи, которыя, считая себя „прочной опорой монархіи“ и, ссылаясь на догматъ „милости Божіей“, все же желаютъ „безличнаго конституціоннаго короля“.

Если король властвуетъ по порученію Бога, и если его власть является къ тому же наслѣдственной, то отдѣленіе этой власти отъ личности ея носителя весьма затруднительно даже въ теоріи, на практикѣ же такое отдѣленіе совершенно невозможно.

Буржуазія пришла въ большое волненіе и даже негодованіе, когда императоръ Вильгельмъ II употребилъ выраженіе: „Suprema lex regis voluntas". А между тѣмъ эти слова выражаютъ только вполнѣ правильный выводъ изъ ученія о божественномъ происхожденіи власти, которое признаетъ сама же буржуазія. Съ ея стороны было совершенно нелѣпо дѣлать императору упрекъ за эти слова.

Какъ бы то ни было, это создало конфликтъ между королевскою властью и конституціонно-монархическимъ государственнымъ устройствомъ. Императоръ Вильгельмъ воспользовался идеей, которую въ теоріи признаетъ сама буржуазія, чтобы придать этой идеѣ практическое значеніе.

Уже давно сбылось то, что предвидѣлъ Ласаль: буржуазія уступила королевской власти, прекратила свою борьбу противъ нея, тогда какъ ея задачей было уничтоженіе монархической власти; изъ страха передъ рабочимъ движеніемъ и заботясь исключительно о своихъ матеріальныхъ интересахъ, буржуазія подчинилась авторитету монархіи въ твердой увѣренности, что она будетъ служить капиталистическимъ интересамъ.

И буржуазіи не оставалось ничего другого, какъ поступать такимъ образомъ. Итакъ, что же сталось съ „государствомъ бюргеровъ", въ основѣ котораго долженъ былъ лежать „либеральный принципъ". Получилась злая сатира на „либеральный принципъ". Его господство началось борьбою гражданъ за матеріальное благосостояніе на почвѣ конкурренціи. Побѣда была за тѣмъ, кто обладалъ большимъ капиталомъ, большей способностью къ

эксплоатаціи. Борьба за жизненное благополучіе доставила трудящимся народнымъ массамъ рабство вмѣсто свободы и нищету вмѣсто благосостоянія. Гигантскій ростъ крупной промышленности идетъ рука объ руку съ развитіемъ капитализма и съ обнищаніемъ и пролетаризаціей народныхъ массъ. Такимъ образомъ, политическая свобода оказалась для этихъ массъ лишь призрачной.

Буржуазное государство быстро приближается къ своему разрушенію. Соціалъ-демократія властно требуетъ упраздненія капитализма, который господствуетъ надъ буржуазнымъ государствомъ и даже надъ существованіемъ гражданъ этого государства; пролетаріатъ побѣдоносно выступаетъ противъ развращеннаго буржуазнаго общества, погрязшаго въ эгоизмѣ и равнодушіи, чтобы создать общество свободныхъ работниковъ. Лишенная надеждъ и вѣры въ свое право, буржуазія борется уже не за свое ставшее химерою государство, а за „тронъ и алтарь“, за „семью и собственность“.

Наступаетъ моментъ, когда союзъ между монархіей и буржуазіей долженъ быть нарушенъ. Одинъ изъ союзниковъ — буржуазное государство — разрушается; съ паденіемъ этого государства должна погибнуть и конституціонная монархія. Но она вовсе не желаетъ разрушаться; она хочетъ спастись и, даже болѣе того, она надѣется возродиться на развалинахъ буржуазнаго государства. При этомъ конечно прежде всего имѣются въ виду интересы ея политическаго могущества. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служатъ слова: „Suprema lex voluntas regis esto“. Въ 1892 г. д-ръ Эвальдъ писалъ по этому поводу: „Не подсказаны ли эти слова инстинктомъ самосохраненія?“

Даже консервативный „Имперскій Вѣстникъ“ („Reichsbote“) высказалъ тогда такое мнѣніе: „Только опустившійся народъ отнесся бы къ сильной королевской волѣ съ византійской покорно-

стью", т. е. подчинился бы абсолютному режиму. Чтобы народъ не дошелъ до такой степени паденія, объ этомъ только и заботится соціалъ-демократія. Что же касается господствующаго класса, то вотъ что говоритъ о немъ Горнъ: „Не склоняется ли буржуазія къ абсслютизму только для того, чтобы спасти свое дрянное существованіе?" Она не останавливается передъ признаніемъ и поддержкой абсолютнаго правительства, если при этомъ соблюдаются интересы капиталистической эксплоатаціи. Далѣе Горнъ говоритъ:

„До сихъ поръ существовалъ союзъ между монархіей и буржуазнымъ государствомъ; они были связаны между собою закономъ. Если теперь одинъ изъ союзниковъ неизлѣчимо боленъ, то слѣдуетъ ли изъ этого, что другой союзникъ долженъ идти за нимъ въ могилу? Если монархія есть еще здоровое моральное зерно, если она обладаетъ достаточнымъ мужествомъ, то она пожертвуетъ конституціонной монархіей и станетъ самостоятельной. Единственнымъ средствомъ спасенія для нея является абсолютизмъ, если только она вообще можетъ спастись".

Вопросъ о томъ, есть ли у монархіи надежда на спасеніе, занималъ очень многихъ авторовъ, изслѣдовавшихъ въ послѣднее время вопросъ о „соціальной монархіи". Морицъ ф. Эгиди, котораго Ценкеръ называетъ „чистымъ соціалистомъ", также мечталъ о „соціальной монархіи". Онъ говоритъ: „Идея монархизма совершенно не противорѣчитъ самостоятельности и независимости отдѣльныхъ личностей... Государь принадлежитъ народу; онъ первый среди народа... Не абсолютный повелитель и не конституціонный монархъ, но все-таки государь, личность котораго имѣетъ право проявлять свою волю подобно всякой другой личности". Это удивительное воззрѣніе, согласно которому монархъ можетъ окружить себя хотя бы ореоломъ „соціаль-

ной монархіи", раздѣлялъ также и Прудонъ по отношенію къ узурпатору Людовику Наполеону. По мнѣнію Прудона, Наполеонъ долженъ былъ развернуть „красное знамя равенства" и сдѣлаться „символомъ" „соціальнаго равенства". Прудонъ также полагалъ, что анархія совмѣстима съ династическимъ принципомъ. То обстоятельство, что во Франціи соединеніе династическаго принципа со свободой и равенствомъ не дало ожидаемыхъ результатовъ, Прудонъ объясняетъ „виной правительственнаго фатализма".

* * *

Идея соціальной монархіи часто разсматривается, какъ тожественная идеѣ „христіанскаго государства". Когда говорятъ о „христіанско-монархическомъ" государствѣ, то подъ этимъ обыкновенно подразумѣваютъ соціальную монархію.

И безъ дальнѣйшаго ясно, что идея христіанскаго государства составляетъ нераздѣльную часть идеи власти Божіею милостію. Христіанскій монархизмъ можетъ быть названъ „братомъ христіанской церкви", такъ какъ они оба свое существованіе и призваніе основываютъ на одномъ и томъ же божественномъ авторитетѣ. Несмотря на важные и противорѣчивые интересы власти, они тѣсно срослись и въ своемъ существованіи опираются другъ на друга; „нормальный порядокъ", въ защиту котораго они выступаютъ, состоитъ въ томъ, что они взаимно гарантируютъ господство надъ народомъ. Много разъ цитированный фанатическій философъ реакціи Шталь характеризуетъ христіанство, какъ внѣшній церковный авторитетъ, а монархію, какъ внѣшній государственный авторитетъ. Оба института неразрывно связаны между собою; они должны взаимно поддерживать и защищать другъ друга. Шталь думаетъ, что только церковныя учрежденія могутъ поддерживать авторитетъ монархи-

ческой власти. Это вѣрно въ томъ отношеніи, что, если исчезнетъ вѣра въ церковный догматъ всемогущества Божія и церковь лишится своего авторитета, то неизбѣжно рушится также и вѣра въ божественное происхожденіе и призваніе монархической власти.

Идея христіанско-монархическаго государства впервые возникла въ эпоху „Священнаго Союза", который по своей программѣ долженъ былъ представлять религіозный союзъ государствъ; папа отказался участвовать въ этомъ союзѣ на томъ основаніи, что не дипломатія, а церковь является нравственнымъ и религіознымъ союзомъ.

Понятіе о „христіанскомъ государствѣ" было установлено однимъ изъ вздорнѣйшихъ піетистовъ, подвизавшихся на политическомъ поприщѣ, а именно прусскимъ министромъ народаго просвѣщенія Эйхгорномъ, котораго впавшій въ религіозное помѣшательство король Фридрихъ Вильгельмъ IV въ 1840 году призвалъ для того, чтобы осчастливить своихъ подданныхъ; это тотъ самый философъ откровенія и придворный мыслитель, который душилъ науку и всякую свободную мысль, пока его самого не смыла революція 1848 года.

Идея „христіанскаго государства" весьма живо обсуждалась въ прессѣ того времени. Карлъ Марксъ также высказался по этому поводу въ „Рейнской Газетѣ"; между прочимъ онъ говоритъ:

„Религіознымъ государствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, является государство теократическое; его государь долженъ быть или Богомъ, какъ это было у евреевъ, или замѣстителемъ Бога, подобно Далай-Ламѣ въ Тибетѣ, или, наконецъ, какъ этого требуетъ Герресъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о „христіанскомъ государствѣ", всѣ государства должны быть подчинены одной религіи, и такой религіей можетъ быть лишь „единая непогрѣшимая церковь", такъ какъ при господствѣ проте-

стантизма, который не имѣетъ верховнаго главы, власть религіи превратится въ религію власти, въ культъ правительственной воли". Затѣмъ Марксъ указываетъ на то, что философія провозглашаетъ права человѣка и требуетъ, чтобы государственныя учрежденія соотвѣтствовали природѣ человѣка. „Византійское государство было религіознымъ государствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было однимъ изъ самыхъ худшихъ государствъ. Государства „стараго порядка" (ancien régime) были благочестивѣйшими государствами, но это не помѣшало тому, чтобы въ нихъ безраздѣльно господствовала воля придворнаго міра... Одно изъ двухъ: или „христіанское государство" удовлетворяетъ назначенію государства — быть воплощеніемъ разумной свободы — и тогда достаточно строить понятіе государства изъ человѣческихъ отношеній, а это исполнила уже философія; или государство разумной свободы не можетъ развиться на почвѣ христіанства — и тогда вы сами согласитесь, что это развитіе не соотвѣтствуетъ тенденціи христіанства.. Но какъ бы вы ни разрѣшили эту дилемму, вы все-таки должны будете признать, что государство должно быть построено не на религіи, а на разумѣ и свободѣ".

„Христіанское государство" часто служило предметомъ парламентскихъ преній. Такъ, въ 1847 году, въ объединенномъ прусскомъ ландтагѣ долженъ былъ дебатироваться еврейскій вопросъ. Тогда депутатъ баронъ ф. Винке объявилъ, что ему совершенно неясно понятіе „христіанскаго государства"; но г. Бисмаркъ тотчасъ же сумѣлъ опредѣлить это понятіе: „христіанскимъ государствомъ" онъ называетъ такое, которое ставитъ своей задачей „осуществленіе христіанскаго ученія"; подъ этимъ ученіемъ онъ, конечно, подразумѣвалъ ученія церкви, теологическіе догматы, поскольку они содѣйствуютъ подчиненію народа монархической власти. Вмѣстѣ

съ тѣмъ свое пониманіе „христіанскаго государства“ онъ связывалъ съ идеей власти „милостію Божіей“, которую онъ изображаетъ, какъ „истинное осуществленіе христіанскаго ученія“. Онъ сказалъ: „Слова „милостію Божіей“, которыя христіанскіе государи присоединяютъ къ своему имени, не являются для меня пустымъ звукомъ; я вижу въ нихъ признаніе того, что государи будутъ управлять страной по волѣ Бога“, т. е. согласно съ тѣмъ, что они въ данное время считаютъ волею Бога, и эта „Божія воля“, разумѣется, всегда совпадаетъ съ интересами монарха. Депутатъ ф. Кампгаузенъ вполнѣ правильно замѣтилъ по этому поводу, что, по его мнѣнію, эта идея возникла не въ кругу практическихъ политиковъ на основаніи опыта и изслѣдованія дѣйствительныхъ потребностей, а является скорѣе изобрѣтеніемъ новѣйшихъ ученій о государствѣ, возникшихъ, быть можетъ, и не безъ вліянія внѣшнихъ причинъ. Этими внѣшними причинами были революціонныя теченія въ народѣ; новое христіанско-монархическое государство должно было служить для борьбы съ ними.

Упоминавшійся выше извѣстный государствовѣдъ Шталь въ одномъ своемъ сочиненіи слѣдующимъ образомъ разъясняетъ содержаніе христіанско-монархическаго государства: въ этомъ государствѣ должно обнаружиться все безконечное богатство христіанскаго ученія; онъ требуетъ привилегій для христіанской религіи въ области законодательства и управленія; во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ и распоряженіяхъ властей должно было выражаться признаніе христіанства. Политическія права должны распространяться только на членовъ господствующей христіанской церкви, иновѣрцы же могутъ быть лишь терпимы. Въ рукахъ короля должна быть сосредоточена вся полнота власти, ибо онъ является олицетвореніемъ государственнаго попеченія, „сосудомъ, который долженъ воспріять въ себя боже-

ственное попеченіе, создавшее государство, и тогда его образъ мыслей будетъ откровеніемъ божественной воли!" Это—совершенно древне-языческое представленіе. Шталь пересадилъ религіозное высокомѣріе азіатскаго деспотизма на христіанскую почву. Въ его ученіи монархъ есть человѣческое божество и „отецъ народа"!

Если даже монархъ и можетъ быть — на самомъ дѣлѣ или только по внѣшности — религіознымъ, христіаниномъ въ официальномъ смыслѣ, то государство во всякомъ случаѣ такимъ быть не можетъ. По выраженію Винке, государство есть совокупность индивидовъ, которая какъ таковая не можетъ имѣть одного общаго убѣжденія. Государство, если его мыслить какъ моральную личность, не можетъ имѣть никакого религіознаго убѣжденія. Христіанское государство есть такая же фантазія, какъ и власть „милостію Божіей".

Одинъ изъ выдающихся протестантскихъ знатоковъ церковнаго права, профессоръ д-ръ Гиншіусъ[1], смотритъ на идею „христіанскаго государства", какъ на нѣчто, не поддающееся опредѣленію. „Государство, представляющее совокупность индивидовъ, не можетъ быть какого-либо вѣроисповѣданія, болѣе того, оно по своей природѣ не должно имѣть никакой религіи". И, прибавимъ мы съ своей стороны, въ современномъ государствѣ, которое хочетъ и должно быть правовымъ государствомъ, должна быть гарантирована свобода вѣры и совѣсти — это неотъемлемое право человѣка, стоящее выше всѣхъ привилегій. Попытка построить понятіе христіанскаго государства уже является посягательствомъ на это основное право гражданъ.

Въ послѣднее время безобразія, творимыя реакціонными элементами подъ прикрытіемъ фразы о христіанскомъ государствѣ, вызвали множество про-

[1] „Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart". I Bd. S. 240 ff.

тестовъ даже со стороны такихъ элементовъ, которые никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ антимонархическомъ образѣ мыслей. Лейпцигскій теологъ профессоръ д-ръ Зомъ въ 1895 году, на конгрессѣ миссіонеровъ въ Познани, энергично выступилъ противъ „ложной теоріи христіанскаго государства, распространившейся снова въ широкихъ слояхъ общества". Между прочимъ онъ сказалъ, что попытка воспользоваться христіанскимъ ученіемъ для поддержанія какого-либо опредѣленнаго общественнаго порядка или опредѣленной системы власти, является злоупотребленіемъ понятія о сущности христіанства. Въ настоящее время общественная жизнь еще болѣе чѣмъ прежде представляетъ изъ себя борьбу общественныхъ классовъ за власть. И то обстоятельство, что подъ личиной христіанства скрывается эгоизмъ, вызываетъ, по отношенію къ христіанству ненависть народныхъ массъ, борющихся за измѣненіе своего положенія. Вопросы общественной жизни, среди которыхъ теперь на первомъ планѣ стоитъ соціальная проблема, суть вопросы справедливости и раздѣленія власти, разрѣшить которые не въ силахъ христіанство. „Долой христіанское государство!", которое стремится къ сохраненію существующаго классоваго господства — таковъ приговоръ всемірной исторіи. „Право по своему происхожденію есть язычникъ".

Другой выдающійся теологъ Вильмаръ такъ же рѣзко отзывается о „фантазіи христіанскаго государства"; онъ замѣчаетъ: „Это выраженіе слѣдуетъ отбросить уже потому, что оно, называя государство христіанскимъ, этимъ обращаетъ его въ вѣчное учрежденіе, какимъ государство по самой своей сущности никогда не можетъ быть".

Въ мартѣ 1897 не менѣе 60 протестантскихъ теологовъ, состоящихъ на службѣ, опубликовали заявленіе изъ разныхъ частей Германіи, въ которомъ говорится: „Мы, какъ евангелическіе хри-

стіане, единогласно протестуемъ противъ того, чтобы общественныя отношенія регулировались мнимыми христіанскими принципами. Тотъ, кто такъ поступаетъ, унижаетъ Евангеліе и погрѣшаетъ противъ государства, такъ какъ онъ отрицаетъ его самостоятельность. Государство не должно заимствовать никакихъ государственныхъ принциповъ и правилъ у церкви. Евангелическій христіанинъ ничего не долженъ требовать отъ государства во имя христіанства".

Рядомъ съ этой уничтожающей критикой христіанско-монархическаго государства не имѣютъ никакого значенія отдѣльныя попытки нѣкоторыхъ писателей [1], которые стараются доказать, что „христіанское государство" можетъ осуществиться вездѣ, „гдѣ только власть, связанная заповѣдями Христа, руководится христіанскими принципами", такъ что „христіанское государство" можетъ осуществиться какъ въ видѣ абсолютной монархіи, такъ и въ видѣ республики.

Но если соціальная монархія является утопіей, которая подсказана страхомъ и надеждой, то тѣмъ болѣе это можно сказать о христіанско-соціальной монархіи, яркую картину которой рисуетъ католическій соціальный политикъ баронъ ф. Фехенбахъ-Лауденбахъ; эта картина свидѣтельствуетъ о смѣлой фантазіи автора [2].

„Монархія имѣетъ столь важное значеніе благодаря тому, что въ ней предполагается абсолютная справедливость, уравнивающая и примиряющая дѣятельность, серьезная и ровная заботливость о народномъ благѣ". Во всякомъ случаѣ эти предположенія всегда приводятся монархизмомъ для оправданія своей власти. Но исторія доказываетъ, что дѣйствительность никогда не соотвѣтствовала этимъ

[1] H. W. I. Friedrich. Ueber den christlichen Staat. Basel 1875. S. 12.
[2] Denkschrift über die Arbeiterfrage, erstattet der socialpolitischen Konferenz für den Mittelrhein. Frankfurt a. M. 1888. S. 78.

предположеніямъ, да и не могла соотвѣтствовать, хотя бы даже всѣ монархи пожелали бы этого. Фехенбахъ-Лауденбахъ говоритъ, что „все то значеніе, которое имѣетъ христіанско-соціальный король для своего народа, порученнаго ему Богомъ", выражается въ „прекрасномъ и ясномъ словѣ „отецъ народа" (Landesvater). Въ одномъ этомъ словѣ сказано, что такое король и чѣмъ онъ долженъ быть. Государи, „которые дѣйствительно стремятся быть „отцами народа", скоро достигли бы того, что въ ихъ странахъ соціальный вопросъ потерялъ бы всякое значеніе или во всякомъ случаѣ лишился бы опаснаго и возбуждающаго вліянія".

Все это представляетъ чудовищный конгломератъ жалкихъ заблужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя были обнаружены генераломъ ф. Радовицемъ, другомъ короля Фридриха Вильгельма IV, старавшимся для „разрѣшенія соціальнаго вопроса" склонить монарха къ прямому вмѣшательству въ пользу неимущихъ [1], исходя изъ предположенія, что „царственный деспотъ все-таки безконечно ближе стоитъ къ народнымъ интересамъ, чѣмъ плутократы всѣхъ видовъ", и что монархъ, который опирается на низшія наиболѣе многочисленныя народныя массы, являющіяся его „естественными союзниками", легко могъ бы установить благоденствіе всѣхъ подданныхъ государства и исполнить въ дѣйствительности взятыя на себя обязанности.

Этотъ человѣкъ также не имѣлъ никакого представленія о взаимодѣйствіи общественныхъ силъ, создающихъ исторію.

* * *

Имперскій баронъ ф. Фехенбахъ-Ланденбахъ [2] въ другомъ своемъ произведеніи, слѣдуя идеямъ

[1] Joseph v. Radowitz. Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche. Zweite vermehrte Aauflage. Stuttgart 1846.

[2] E. Fechenbach-Landenbach. Soll mann die Sozialdemokratie zur akuten Revolution, zu Strassenkämpfen zwingen? Berlin und Leipzig 1896.

Штейна, дошелъ до рѣзкаго противопоставленія „капиталистическаго“ монарха — „соціальному“. Капиталисты, по его мнѣнію, это „тайные властители страны“, капитализмъ же — „сила, которая вызываетъ революціи“, которая преграждаетъ путь мирному органическому лояльному развитію. По этому поводу онъ замѣчаетъ:

„Государство, находящееся всецѣло во власти капитала, легко можетъ обойтись безъ монархическаго главы; оно изберетъ себѣ такую форму правленія, которая при гораздо меньшихъ затратахъ доставитъ ему ту же защиту и ту же силу. Къ чему еще короли, если существуютъ цари капитала, которые властвуютъ фактически и противъ воли которыхъ ничто не можетъ совершиться? Насколько дешевле французской республикѣ стоитъ управленіе президента, чѣмъ управленіе Наполеоновъ? Государи, предающіе себя капитализму, этимъ самымъ подписываются въ томъ, что для государства они совершенно не нужны.

„Капиталистическій“ король — противоположность соціальному... и является совершенно лишнимъ для капиталистическаго государства, которое уже находится подъ господствомъ своихъ тайныхъ властителей. Капиталистическій король противъ его желанія долженъ подчиняться всѣмъ послѣдствіямъ, вытекающимъ изъ капитализма. Онъ теряетъ возможность обладанія тѣми качествами, благодаря которымъ онъ былъ нуженъ и которыя доставляли ему любовь, довѣріе и почетъ. Онъ попадаетъ во вполнѣ естественное противорѣчіе съ большинствомъ своего народа, вразрѣзъ съ интересами котораго онъ долженъ будетъ дѣйствовать, такъ какъ его самодѣятельность у него отнята капиталомъ. Въ послѣднемъ выводѣ капиталистическій король есть коронованный эксплоататоръ и врагъ народа; онъ преклонился предъ наживой (lucrum) и пожертвовалъ ради него своимъ долгомъ предъ

народомъ. Подобный монархъ, говорится далѣе, „вызываетъ народъ на борьбу съ монархической властью, ставшей капиталистической“, тогда какъ соціально-монархическая власть должна была бы употребить свою силу для того, чтобы сокрушить силу капитализма, побудить народъ на борьбу съ нимъ. Монархическій геній и монархическая власть должны были побѣдить соціальную революцію.

Профессоръ Шмоллеръ въ публичной рѣчи въ Берлинѣ (1874) высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Соціальный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь монархомъ и его бюрократіей“. Упоминавшійся выше соціальный политикъ д-ръ Р. Мейеръ признаетъ правильной лишь первую часть этого взгляда и замѣчаетъ: „Въ настоящее время нѣмецкая бюрократія для монархической власти является лишь препятствіемъ на пути реформъ“. Онъ бросаетъ высшей бюрократіи справедливый упрекъ въ томъ, что она „незнакома съ современной наукой“ и совѣтуетъ нѣмецкимъ государямъ самимъ изучать соціализмъ; они должны читать „Исторію соціальнаго движенія Франціи“ Штейна, „Соціальныя письма“ Родбертуса, „Капиталъ“ Маркса, „Бастіа-Шульце“ Лассаля. Тогда въ Германіи „монархія соціальной реакціи уступитъ мѣсто монархіи соціальныхъ реформъ“ [1].

Одинъ изъ лидеровъ прежней „національ-соціальной партіи“, баронъ Науманнъ, очень энергично пропагандируетъ идею гармоническаго сліянія демократіи, т. е. рабочаго класса съ императорской властью [2]. Его изложеніе въ главныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: соціалъ-демократія еще очень далека отъ той степени силы, которая предполагаетъ захватъ политической власти.

---

[1] Dr. R. Meyer. Der Emanzipationskampf des vierten Standes. Berlin 1875. II Bd. S. 447. ff.

[2] Fr. Naumann. Demokratie und Kaisertum. Ein Handbuch für innere Politik. Zweite Auflage.

Точно такъ же большинство пролетаріевъ вовсе не революціонно. Если бы соціалъ-демократія была разсудительна въ политикѣ, она пошла бы вмѣстѣ съ императоромъ. Этотъ послѣдній, правда, поносилъ соціалъ-демократію въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, онъ объявилъ ее „врагомъ имперіи и отечества“, „шайкой людей, недостойныхъ называться именемъ нѣмцевъ“. Эти выраженія императоръ употребилъ потому, что соціалъ-демократія относится отрицательно къ милитаризму. Однако же императоръ желалъ „вести общую политику съ нѣмецкими рабочими“; соціалъ-демократія заставляетъ его искать союзниковъ правѣе, чѣмъ это соотвѣтствуетъ его собственной программѣ. Ни одинъ изъ абсолютныхъ монарховъ не имѣлъ такого дѣйствительнаго вліянія, какъ императоръ Вильгельмъ. 19-й вѣкъ, начало котораго ознаменовалось „мечтой о нѣмецкой республикѣ“, закончился „такой императорской властью, какой не обладалъ и Барбаросса“. Рабочіе должны соединиться съ этой властью. Только армія и массы, императоръ и демократія суть неизмѣнныя явленія, и ихъ союзъ будетъ въ состояніи осуществить лучшее, что возможно въ Германіи, „сліяніе націонализма съ соціализмомъ въ нѣчто политически-единое“.

Нѣсколько скептически относится къ вопросу объ осуществленіи „соціальной монархіи“ Отто Миттельштедтъ; онъ не питаетъ сангвиническихъ надеждъ на то, что германская монархія будетъ въ состояніи вести послѣдовательную и цѣлесообразную соціальную политику по отношенію къ четвертому сословію. Только „дѣйствительно сильная монархія, сильная волею, внѣшнимъ могуществомъ и популярностью среди народа, сознающая свой суверенитетъ, только такая монархія можетъ бороться съ соціалъ-демократической демагогіей за вліяніе на четвертое сословіе и только она можетъ отважиться на „авантюру соціальной монархіи“. „При отсут-

ствіи такой власти подобная политика чрезвычайно опасна". Однако все указываетъ на то, что безвозвратно прошло уже время, когда возможенъ былъ союзъ между „соціальной монархіей" и вѣрноподданнымъ четвертымъ сословіемъ.

Менгеръ, напротивъ, считаетъ возможнымъ „соглашеніе неимущаго класса съ монархіей". Несмотря на то, что революціонныя теченія въ нѣмецкомъ народѣ весьма сильны, онъ не думаетъ, чтобы народныя массы рѣшились устранить монархію, если бы онѣ получили возможность распоряжаться политическими судьбами Германіи, ибо, по его мнѣнію, „революціонная сила и страсть нѣмецкаго народа незначительны". Разсмотрѣніе нѣмецкихъ революцій, начиная съ среднихъ вѣковъ (Крестьянская война, движеніе 1848 г.) приводитъ Менгера къ этому неправильному выводу.

Эти движенія нельзя сравнивать съ борьбой за освобожденіе рабочаго класса. Кромѣ того и Менгеръ убѣжденъ, что въ Германіи должно осуществиться народное трудовое государство и что, если тогда пролетаріатъ согласится сохранить монархію, то это можетъ произойти лишь на извѣстныхъ условіяхъ: „Самымъ главнымъ условіемъ должно считаться то, чтобы рабочему классу было предоставлено рѣшающее вліяніе при дворѣ, въ войскѣ и въ администраціи, почему эти учрежденія и должны быть соотвѣтствующимъ образомъ преобразованы".

Но какой смыслъ имѣла бы королевская власть въ „народномъ трудовомъ государствѣ", въ которомъ пролетаріатъ является рѣшающей силой? Тамъ, гдѣ господствуетъ эта сила, монархія не можетъ быть ни властвующимъ, ни регулирующимъ, ни даже совѣщательнымъ факторомъ. По этому поводу Францъ[1] правильно говоритъ, что

[1] Frantz. Die soziale Steuerreform. Mainz 1881. S. 43.

„даже обладающій мудростью Соломона абсолютный монархъ, имѣющій дѣло съ народомъ, привыкшимъ къ слѣпому повиновенію", не былъ бы въ состояніи создать новую соціальную организацію. „Вѣдь ему пришлось бы приказывать не только людямъ, но и вещамъ", т. е. всему процессу развитія.

Геркнеръ [1] также рѣзко высказывается противъ идеи „соціальной монархіи", исходя изъ того соображенія, что соціальная реформа должна не только уничтожить тяжелыя матеріальныя условія, въ которыхъ теперь находится рабочій классъ, и расчистить путь для экономическаго процесса, но кромѣ того, и главнымъ образомъ, эта реформа должна повысить нравственный и умственный уровень рабочихъ. „Но эта необходимая воспитательная работа народа можетъ быть выполнена только самимъ народомъ. Монархія и бюрократія въ концѣ концовъ могутъ лишь помочь народу въ его самодѣятельности. Эта самодѣятельность не могла бы развиться, если бы все дѣлалось для народа, но не черезъ народъ". Къ этому Геркнеръ прибавляетъ, „что среди современныхъ рабочихъ чрезвычайно сильна жажда самоопредѣленія". Правильныя соціально-политическія воззрѣнія на судьбы народныхъ массъ установятся лишь тогда, „когда имъ самимъ будетъ предоставлено участіе въ управленіи".

Эти замѣчанія содержатъ наиболѣе широкій и послѣдовательный взглядъ изъ всѣхъ, высказанныхъ буржуазными писателями по вопросу о соціальныхъ задачахъ монархіи. Кромѣ того, мнѣніе Геркнера наиболѣе приближается къ нашему взгляду на то, какой характеръ носила бы соціальная миссія монархіи, если бы она была возможна. Геркнеръ совершенно правъ, говоря, что монархія въ дѣлѣ соціальныхъ реформъ не можетъ стать выше народа и дѣйствовать за народъ, она должна дать народу

[1] Herkner. Die Arbeiterfrage. S. 237.

возможность дѣйствовать самостоятельно. Если ясно представить себѣ послѣдствія такой политики, то окажется, что она равносильна отреченію отъ династическихъ интересовъ со стороны правителей, ибо этихъ интересовъ нельзя примирить съ правомъ народнаго самоопредѣленія, которое, по мнѣнію Геркнера, является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ участія народа въ управленіи. Для всякаго зрѣлаго соціальнаго политика вопросъ о „соціальной монархіи“ въ духѣ реакціонеровъ является утопіей. Мы не вѣримъ въ примиреніе монархизма и демократическаго соціализма, который является выразителемъ интересовъ рабочаго класса. Пока въ обществѣ существуютъ классовыя противорѣчія и классовая борьба, до тѣхъ поръ это примиреніе невозможно. Когда же борьба классовъ прекратится, тогда самъ собою падетъ и вопросъ о необходимости монархіи. Монархія могла играть роль въ качествѣ слѣдствія и условія классоваго господства лишь постольку, поскольку она его поддерживала; но какое же значеніе можетъ имѣть монархическій авторитетъ въ обществѣ, основанномъ на дѣйствительномъ экономическомъ и соціальномъ равенствѣ гражданъ?! Впрочемъ, совершенно очевидно, что рабочій народъ не ограничится экономической эмансипаціей, поскольку она вообще осуществима внѣ связи съ другими реформами. Но экономическая эмансипація стоитъ въ тѣсной и неразрывной связи съ завоеваніемъ права на самоопредѣленіе народа въ области политики. Если же право на самоопредѣленіе народа признано, то нѣтъ никакихъ основаній ограничивать его въ пользу монархической системы. Подобное ограниченіе не могло бы долго сохраниться, если бы даже оно было пустой монархической комедіей.

„Соціальная монархія“ въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ консерваторы, сводится въ сущности къ слѣдующему: если монархическая государствен-

ная власть добьется удовлетворенія насущныхъ матеріальныхъ потребностей рабочаго, то этимъ будетъ разрѣшенъ „соціальный вопросъ“, а королевская власть превратится въ „соціальную монархію“. Но если бы монархія и могла, не измѣняя существующаго экономическаго строя, добиться того, чтобы среди рабочихъ не было паріевъ и чтобы ни одному изъ пролетаріевъ не грозилъ голодъ и нужда, все же это не было бы рѣшеніемъ соціальнаго вопроса! Подобныя реформы, имѣющія цѣлью примирить рабочихъ съ монархизмомъ и капитализмомъ и заставить ихъ отказаться отъ стремленій къ политической свободѣ, обострили бы только характеръ соціальнаго вопроса. А на самомъ дѣлѣ соціальный консерватизмъ считаетъ, что это можетъ осуществиться. А одно изъ соціально-либеральныхъ направленій, напротивъ, придерживается того воззрѣнія, что техническій прогрессъ и развитіе капиталистическаго строя приведутъ къ „новому соціальному примиренію“ [1], которое должно распространиться также и на монархію.

Оба взгляда основаны на иллюзіи. Развитіе капиталистическаго хозяйства не ведетъ къ его упроченію, оно является процессомъ самоуничтоженія, и только послѣ окончанія этого процесса можетъ произойти соціальное примиреніе. Это примиреніе предполагаетъ разрѣшеніе великихъ политическихъ вопросовъ и прежде всего вопроса о правѣ народа на самоопредѣленіе. Путемъ уступокъ, которыя дѣлаются рабочимъ въ экономической области подъ флагомъ „соціальной монархіи“,

[1] Эти взгляды высказалъ профессоръ Шмоллеръ на собраніи нѣмецкихъ инженеровъ въ Мюнхенѣ въ іюлѣ 1903 года. Онъ говорилъ о „воскресеніи рабочаго сословія“, которое совершилось за послѣднія 50 лѣтъ: съ повышеніемъ заработной платы повысились также и образованіе, образъ жизни и сознательная организованность рабочихъ. При содѣйствіи соціальнаго законодательства и рабочихъ союзовъ положеніе рабочаго класса медленно, шагъ за шагомъ, снова придетъ въ нормальное состояніе.

невозможно добиться примиренія и погасить горячее стремленіе рабочихъ къ самоопредѣленію. Надежда реакціонеровъ на то, что подобные соціально-политическіе эксперименты могутъ склонить рабочій классъ къ политическому индифферентизму, совершенно несбыточна. Среди этого класса идея самоопредѣленія распространяется съ силою естественнаго процесса и развивается до своихъ послѣднихъ выводовъ; эта идея должна получить полное осуществленіе.

Рабочій классъ имѣетъ возможность постоянно убѣждаться въ томъ, что политика соціальныхъ консерваторовъ имѣетъ цѣлью установить опекающую, стоящую выше права, угнетающую монархически-реакціонную власть надъ рабочимъ классомъ. Кто же изъ здравомыслящихъ людей повѣритъ, что такимъ способомъ можно примирить рабочій классъ съ монархіей и капитализмомъ? Рабочій классъ никогда не откажется отъ демократическаго принципа; рабочіе уже научились разсматривать соціальный вопросъ согласно этому принципу, и будущее еще болѣе укрѣпитъ его демократическія убѣжденія. Демократическій принципъ находитъ признаніе со стороны рабочаго класса въ области экономической, соціальной и политической, и высшимъ проявленіемъ духа является то обстоятельство, что рабочіе все болѣе проникаются идеями соціалъ-демократіи. Это не „преходящее явленіе“, не результатъ „подстрекательства разрушительныхъ элементовъ“ — нѣтъ, это откровеніе всемірно-исторической логики, требованіе народнаго суверенитета въ связи съ новымъ міросозерцаніемъ, которое не останавливается передъ призрачными кумирами и передъ силою пріобрѣтенныхъ правъ, даже въ томъ случаѣ, когда эти права претендуютъ на божественную санкцію.

Соціалъ-демократія не экспериментируетъ надъ вѣроятностями; она основывается на увѣренности,

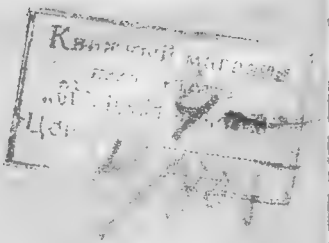
что, согласно желѣзному закону развитія, наступитъ новый соціальный порядокъ, и что будущимъ поколѣніямъ современныя государственныя и общественныя учрежденія и условія будутъ казаться столь же странными, какъ намъ представляются непонятными средневѣковое феодальное хозяйство или древнее рабство.

Какой же смыслъ имѣетъ нелѣпая ссылка на соціалъ-демократическое „государство будущаго?“ Въ задачи соціалъ-демократіи не входитъ выработка для будущихъ поколѣній детальнаго государственнаго и общественнаго идеала. Ея задачей является содѣйствіе необходимому и неизбѣжному развитію и устраненіе препятствій, стоящихъ на пути этого развитія; соціалъ-демократія должна сдѣлать постепенное движеніе человѣчества сознательнымъ и выработать основные принципы этого движенія. Подобная дѣятельность очень далека отъ утопіи. Соціалъ-демократія болѣе, чѣмъ какое бы то ни было направленіе, считается съ глубокомысленными словами Гегеля: „Міровая исторія есть ростъ сознательной свободы“; поэтому величайшей нелѣпостью является утвержденіе, что соціалъ-демократы хотятъ установить „соціалистическое деспотическое государство“, что они стремятся къ „перевороту“, при чемъ пускается въ ходъ нелѣпая сказка объ „уничтоженіи всякой культуры“.

Не осуществленіе соціалъ-демократическихъ принциповъ, а наоборотъ, сопротивленіе, оказываемое господствующими классами, грозитъ гибелью культурныхъ пріобрѣтеній.

Эти принципы не являются произвольно построенной теоріей, они не продиктованы „необузданнымъ идеализмомъ“; нѣтъ, они предписываются силою событій и являются результатомъ разумнаго и объективнаго разсмотрѣнія человѣческихъ правъ. Поэтому, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мы

хотимъ произвести соціальное переустройство „по заранѣе и произвольно установленному плану“, какъ это часто намъ приписывается. Мы знаемъ изъ уроковъ исторіи, что это было бы величайшей нелѣпостью; но наши противники совершаютъ обратную нелѣпость: они по произвольно-установленному плану хотятъ воспрепятствовать неизбѣжному развитію исторіи.

Нельзя себѣ представить болѣе произвольно составленнаго плана, чѣмъ планъ соціальной монархіи. Эта идея о государствѣ будущаго является совершенной утопіей, которая крайне нелогично подогнана къ интересамъ династическаго могущества. Монархическій вопросъ, поскольку онъ касается этой идеи, давно уже рѣшенъ и устраненъ для каждаго зрѣлаго соціальнаго политика, какъ продуктъ политической спекуляціи. Это, конечно, не мѣшаетъ просвѣщенному и великодушному государю, отказавшись отъ своихъ собственныхъ династическихъ интересовъ, воспользоваться своею властью, чтобы содѣйствовать устраненію препятствій, стоящихъ на пути соціальнаго переустройства и демократизаціи общества. Только такимъ образомъ монархія можетъ принять плодотворное участіе въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса; попытку же создать монархическій соціализмъ въ цѣляхъ „возрожденія королевской власти“ слѣдуетъ отнести къ самымъ неудачнымъ экспериментамъ. Понятіе народнаго суверенитета пріобрѣтаетъ всеобщее значеніе. Культурное человѣчество стоитъ на порогѣ господства демократическаго соціализма, торжество котораго неизбѣжно, какія бы препятствія ему ни ставились бы „соціальной монархіей“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ 32